

З.В. УДАЛЬЦОВА

СОВЕТСКОЕ
ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ
ЗА 50 ЛЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

МОСКВА

1 9 6 9

В истории той или иной науки неизбежно наступает момент, когда для дальнейшего движения вперед необходимо подвести итоги предыдущего развития. Настало время и нам, советским византинистам, оглянуться на путь, пройденный византиноведческой наукой в нашей стране. По существу это означает осмысление процесса рождения и возмужания марксистского византиноведения, складывавшегося под воздействием немеркнущих идей Октября. Вместе с тем следует не только оценить вклад византинистики в сокровищницу советской исторической науки, но и определить важнейшие задачи, стоящие перед советскими византинистами в их научных исследованиях на ближайшие годы.

Нередко мы, византинисты, слышим вопрос: почему византиноведение заняло особое место в медиевистике, сложилось в специальную отрасль исторического знания? Нередко и мы сами задумываемся над тем, почему, в наш бурный атомный век византиноведение, на первый взгляд столь далекое от современности, получило повсюду широкое распространение, почему в различных странах существуют десятки византиноведческих кафедр и институтов, издаются византиноведческие журналы и множество книг, периодически собираются международные конгрессы византинистов, привлекающие видных ученых? Дать ответ на этот вопрос совсем не просто. Думается, что подобное распространение византиноведческих штудий вызвано многими причинами, из которых можно выделить главные.

Интерес ученых к византинистике прежде всего обусловлен выдающейся ролью Византии во всемирной истории. Среди других государств средневекового мира Византия долгие столетия выделялась своим богатством, политическим могуществом, интенсивностью общественной жизни, утонченностью культуры и искусства. Не составляя какого-либо исторического феномена, Византия вместе с тем поражала исследователей неповторимым своеобразием своего развития. Ее исторический путь во многом отличался от судеб стран Востока и Запада, несмотря на то что сама империя зачастую была ареной смешения и противоборства азиатских и европейских влияний. И, быть может, в этом глубоком своеобразии, отличающем Византию от остальных государств Европы и Азии, и таится та притягательная сила, которая влекла к ней и влечет по сей день историков многих стран мира.

Загадку распространенности византиноведческих разысканий можно объяснить еще и тем, что судьбы Византии в равной мере интересны и поучительны для ученых, занимающихся историей как европейского Запада, так и азиатского Востока. Ведь византийская держава играла активную роль в историческом развитии двух, а порою и трех континентов — Европы, Азии и Африки. Расцвету византиноведения как особой отрасли знания способствовало и то обстоятельство, что для многих народов Юго-Восточной Европы, Закавказья и Ближнего Востока история Византии является как бы частью их национальной истории.

Древняя Русь, Армения, Грузия и другие государства, существовавшие на территории нашей родины, искони имели интенсивные экономические, политические и культурные связи с Византийской империей. Поэтому немудрено, что русско-византийские отношения, а также взаимосвязи Византии с народами Закавказья, Крыма, Средней Азии всегда были и остаются поныне одной из ведущих тем советской византистики. Разработка этих проблем имеет неменьшее значение и для исследователей, изучающих древнюю историю нашей страны. Для других народов Восточной и отчасти Центральной Европы византистика важна, поскольку ценнейшие источники их ранней истории зачастую имеют византийское происхождение.

Стремление ученых пролить свет на все грани жизни византийского общества объясняется еще и тем, что Византия, эта прямая наследница греко-римской и восточной цивилизации, сама стала в средние века центром высокой и поистине блестящей культуры. По уровню образованности, по напряженности духовной жизни и красочному сверканию материальной культуры Византия вплоть до XIII в. стояла впереди многих стран Европы.

Мировая цивилизация обязана Византии созданием исключительного по своей эмоциональной силе и элегантной изысканности художественного стиля, оказавшего значительное воздействие на становление эстетических воззрений во многих сопредельных с империей странах. Византия являлась как бы эпицентром многокрасочной цивилизации, от которого кругами расходились волны культурных влияний. Ареал их распространения был весьма велик: он охватывал Сицилию, Южную Италию, Далмацию, Балканы, Ближний Восток, Кавказ и Закавказье, Крым, Древнюю Русь. Это делает понятным, почему историки и археологи, нумизматы и сфрагисты, папирологи и искусствоведы до сих пор неустанно ищут и собирают всё, что может воскресить перед современным человеком этот давно ушедший с исторической арены, но вечно манящий мир византийской цивилизации.

В свою очередь все это стимулировало обособление византиноведения в специальную, притом комплексную дисциплину, разрабатываемую усилиями не только историков, но искусствоведов и филологов, археологов и лингвистов, специалистов по греческой эпиграфике и папирологии, нумизматике и сфрагистике.

Для некоторых буржуазных историков Запада занятия византиноведением обусловлены также привходящими политическими и конфессиональными причинами (противопоставление Востока и Запада, православия и католицизма и т. п.), что делает византиистику ареной острой идеологической борьбы марксистского и идеалистических течений.

В истории византиноведческой науки в СССР можно наметить два

главных периода. Первый период начинается с Великой Октябрьской социалистической революции и продолжается до конца 30-х — начала 40-х годов. Это было время зарождения марксистского византиноведения, складывавшегося в борьбе с буржуазной наукой.

Процесс формирования марксистского византиноведения в СССР несколько затянулся по сравнению с победоносным наступлением марксизма в других отраслях исторической науки. Это объясняется противоречивостью и сложностью исторического наследия, которое получила советская византистика от дореволюционного буржуазного византиноведения. С одной стороны, труды старых русских византистов характеризовались высоким уровнем научной акрибии, глубоким знанием источников, несомненным интересом к социально-экономической истории Византии. Все это позволило им завоевать в свое время приоритет в буржуазной византиноведческой науке и дольше удерживать свои позиции. С другой стороны, дореволюционное византиноведение отличалось политической реакционностью, монархизмом, ярко выраженной православно-конфессиональной окраской, стремлением найти исторические обоснования агрессивной внешней политики царизма.

Для создания марксистского византиноведения потребовалось преодолеть устойчиво бытовавшее в советской исторической науке 20—30-х годов и вполне правомерное для своего времени предубеждение в отношении к консервативной школе русской византистики. Ведь в этот период ведущее положение в византиноведческой науке еще целиком сохраняют старые ученые, представители буржуазно-позитивистского направления. Кроме того, надо было преодолеть языковые и другие трудности в специальной подготовке кадров византистов.

Второй период истории советской византиноведческой науки охватывает промежуток времени с конца 30-х — начала 40-х годов и длится до наших дней. Он характеризуется укреплением и развитием марксистского византиноведения в СССР, распространением его влияния за пределы нашей страны.

Почетная и сложная задача создания марксистской школы византистики выпала на долю крупных советских историков, стоявших у ее колыбели, — академиков Е. А. Косминского, Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова — в Москве, проф. М. В. Левченко — в Ленинграде. Память об их плодотворной деятельности никогда не изгладится в душах их коллег и учеников — советских византистов.

Книга, предлагаемая читателю, ставит своей задачей осветить лишь основные этапы развития советской византиноведческой науки и отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту. При ее создании мне оказали большую помощь и поддержку мои коллеги-византисты. Приношу глубокую благодарность сотрудникам сектора византиноведения Института славяноведения и балканистики АН СССР А. П. Каждану, Г. Г. Литаврину, К. А. Осиповой, Р. А. Наследовой, З. Г. Самодуровой, Н. М. Меньшовой, искусствоведу Н. К. Голейзовскому и моему сыну В. М. Алпатову.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ
ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ В НАШЕЙ СТРАНЕ.
ПРЕОДОЛЕНИЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ТРАДИЦИЙ
РУССКОГО ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО
ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ
(1917 г.— конец 30-х годов) ***

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции среди византинистов, как, впрочем, и медиевистов, нашей страны, еще не было ученых-марксистов¹. Подавляющее большинство византинистов старшего и среднего поколения принадлежало к буржуазно-позитивистскому направлению исторической науки. Несмотря на то что по своим политическим взглядам значительная часть этих историков примыкала к правому крылу русской буржуазно-дворянской историографии, почти все из наиболее крупных византиноведов встали на путь лояльного сотрудничества с Советской властью. Лишь отдельные ученые покинули Родину и окончили свои дни за ее пределами.

Уже с первых дней существования пролетарского государства в России центром византиноведческих исследований снова становится Академия наук. По инициативе и настоянию академика Ф. И. Успенского (1845—1928) в 1918 г. при Академии наук была создана комиссия для изучения трудов Константина Порфирородного². Комиссия ставила своей задачей критическую разработку литературного наследия византийского императора Константина Порфирородного (905—959) и изучение на этой основе взаимоотношений Византии X в. с Русью, стра-

* Ср.: З. В. Удальцова. Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934 гг.).— ВВ, XXV, 1964, стр. 3—31.

¹ О советской медиевистике тех лет см.: О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики. Л., изд-во «Наука», 1968, стр. 27—80. Там же дан краткий очерк византиноведения и славяноведения. См. также в брошюре: Н. П. Соколов. Сорок лет советского византиноведения. Горький, 1959, стр. 3—51. З. В. Удальцова. Византиноведение. В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, ч. III, гл. IX, §2, стр. 615—628; е е же. Из истории русского буржуазного византиноведения XX в. (К. Н. Успенский).— ВВ, XX, 1961, стр. 32—63.

² Возглавил эту комиссию академик Ф. И. Успенский; кроме него сюда вошли академики В. В. Латышев, А. А. Шахматов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, А. В. Никитский и М. И. Ростовцев. См.: Ф. И. Успенский. Хроника византиноведения.— ВВ, XXIII (1917—1922). Пг., 1923, стр. 134—141.

нами Причерноморья, Балканского полуострова, Кавказа, Ближнего Востока. Одновременно русские византилисты включились в международное византиноведческое предприятие — переиздание среднегреческого словаря Дюканжа. В 1923 г. комиссия «Константин Порфирородный» была превращена в «Русско-византийскую историко-словарную комиссию». В 1925 г. из нее выделилась особая «Русско-византийская комиссия», занимавшаяся разысканиями в области русско-византийских связей³. Все эти комиссии возглавлял академик Ф. И. Успенский.

В Российской академии истории материальной культуры в Петрограде при секторе археологии было создано отделение христианской и византийской археологии. С 1917 по 1928 г. вышли в свет три тома (XXIII, XXIV и XXV) «Византийского временника». Кроме того, византиноведческие работы публиковались в журналах «Анналы», «Христианский Восток», «Новый Восток», «Известия АН СССР» и других периодических изданиях.

Деятельность старых русских византистов, продолжавших свои ученые занятия в первые годы Советской власти, получила в нашей историографии разноречивые оценки, во многом отражающие борьбу мнений по вопросу об отношении к наследству дореволюционной науки. Можно наметить две точки зрения, по-разному характеризующие политическую направленность и научную значимость трудов буржуазных специалистов в области византиноведения в послеоктябрьский период. Сами представители старой академической науки, преимущественно византилисты, оценивали заслуги своих коллег панегирически и подчеркивали при этом «потери» и «трудности», которые принесла революция византиноведению⁴. С другой стороны, все чаще раздавались голоса, критиковавшие его политические и методологические позиции и требовавшие создания новой, марксистской византистики.

В конце 20-х — начале 30-х годов молодая марксистская наука пыталась произвести «переоценку ценностей» во всех сферах исторического знания, включая и византиноведение. Для этого необходимо было не только критически переосмыслить наследие старого византиноведения, но и выяснить, что полезного можно взять из него для развития новой, марксистской византистики. Такую задачу поставили украинский профессор Г. Н. Лозовик и известный византист Ф. И. Шмит (1877—1939) в своих историографических обзорах, где давалась резкая, порою даже излишне нигилистическая, хотя по существу правильная критика буржуазного и намечались пути создания марксистского византиноведе-

³ См.: В. Н. Бенешевич. Русско-византийская комиссия *Glossarium Graecitatis*.— ВВ, XXIV, Л., 1926, стр. 115—130. Эта комиссия провела большую работу по изучению ряда важных греческих терминов, которые в новом их толковании должны были войти в переиздававшийся словарь Дюканжа (см. там же, стр. 130—140). В ее работе принимали участие видные византилисты и эллинисты, всего около 40 ученых. См.: В. Н. Бенешевич. Русско-византийская историко-словарная комиссия в 1926—1927 гг.— ВВ, XXV, Л., 1928, стр. 165—171.

⁴ См.: Ф. И. Успенский. Хроника византиноведения, стр. 134, 138 и др.; его же. Из истории византиноведения в России.— «Анналы», № 1. Пг., 1922, стр. 110—127; В. Н. Бенешевич. Скорбная летопись.— РИЖ, 1921, кн. 7, стр. 229—261; И. И. Соколов. Русская литература по византиноведению с 1914 по 1927 г.— «Slavia», 1928, год. 7, № 2, стр. 413—426; № 3, стр. 682—700.

ния⁵. И Г. Н. Лозовик, и Ф. И. Шмит убедительно показали непосредственную связь дореволюционной византиноведческой науки с политическими устремлениями русского царизма⁶. Г. Н. Лозовик подчеркивал необходимость коренной перестройки старого византиноведения: «Разбитое корыто русской византологии, унаследованное революцией,— писал он,— продолжало давать новые и новые трещины... Новое содержание не могло сразу влиться в устаревшие мехи...»⁷. С этим вполне соглашался и Ф. И. Шмит, утверждавший, что «политически византиноведение у нас было полностью скомпрометировано»⁸. Однако в отличие от Г. Н. Лозовика, ограничившегося лишь негативной оценкой положения византиноведения после 1917 г., Ф. И. Шмит наметил и позитивные задачи, определявшие перспективы развития этой отрасли науки на основе марксистской методологии⁹. Позднее советские византилисты, оценивая значение научного наследия русского византиноведения, в том числе и работ, созданных им в послеоктябрьский период, пришли к выводу о необходимости, отбросить все, что являлось ошибочным, методологически несостоятельным и политически чуждым, но вместе с тем критически переработать то ценное, что безусловно имелось в трудах буржуазных византистов и могло бы способствовать формированию марксистской науки.

Главой русского византиноведения и после 1917 г. оставался в течение некоторого времени академик Ф. И. Успенский. Несмотря на свой преклонный возраст, он опубликовал в эти годы около 40 работ. Эти работы были далеко не равноценны: среди них мы находим обобщающие труды и исследования на частные темы, публикации источников и небольшие этюды¹⁰.

Центральное место в научном наследии Ф. И. Успенского занимает его фундаментальная «История Византийской империи». Этот обобщающий труд был целиком написан еще до революции и полностью отражает позитивистскую методологию и весьма реакционные политические

⁵ Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927 гг.).— ИМ, 1928, № 7, стр. 228—238; Ф. И. Шмит. Политика и византиноведение.— «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7—8, стр. 6—23.

⁶ Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 228. Г. Н. Лозовик, допуская некоторую вульгаризацию в объяснении связи византиноведения с политической программой царизма, утверждал будто «концепция Милюкова Дарданельского имела прекрасную идеологическую базу в лице византиноведов всех мастей» (см: Ф. И. Шмит. Указ. соч., стр. 18 сл.).

⁷ Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 231. «И у идеологов Октябрьской революции,— продолжал он,— во всяком случае не было оснований проявить особенное внимание к этой отрасли знаний. Скорее, наоборот: поклонники шапки Мономаха и наследства Палеологов должны были иметь в глазах борцов за Октябрь несколько подозрительный вид, должны были пахнуть историческим мусором Четьи-Миней и Домостроя, если еще не хуже» (там же).

⁸ Ф. И. Шмит. Указ. соч., стр. 18.

⁹ Там же, стр. 20—23. Любопытно, что Г. Н. Лозовик, понимавший важность создания новых кадров византистов, ошибочно усматривал признаки грядущей переоценки ценностей в трудах К. Н. Успенского и А. А. Васильева (Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 238).

¹⁰ См. библиографию трудов Ф. И. Успенского: С. Н. Каптерев. *Bibliographia Uspenskiana* (хронологический указатель трудов Ф. И. Успенского).— ВВ, I, 1947, стр. 270—314; С. А. Жебелев и В. Н. Бенешевич. Федор Иванович Успенский. I. Канва жизни. II. Список ученых трудов.— Сб. «Памяти академика Ф. И. Успенского (1845—1928)». Л., 1929, стр. 1—23.

взгляды автора¹¹. При жизни Ф. И. Успенского были опубликованы первый том (1913) и первая половина второго тома (1927)¹², где подробно излагается преимущественно политическая история Византии в VIII—IX вв. В центре внимания автора находятся три крупные проблемы: иконоборческое движение и взаимоотношения Византии с арабами; Византия и Запад при Каролингах; кирилло-мефодиевский вопрос. Иконоборческий период в истории Византии трактуется Ф. И. Успенским как время смелых реформ, глубоких и разнообразных перемен в политической, административной, социально-экономической и религиозной жизни византийского общества. Все реформы приписываются исключительно воле иконоборческих императоров, особенно Льва III Исавра, Константина V, Льва IV, Никифора I, деятельность которых крайне идеализируется. По словам Ф. И. Успенского, тон всей государственной жизни периода иконоборчества задавала борьба партий иконопочитателей и иконоборцев. Основными причинами этой борьбы автор считает столкновения религиозного и идейного характера.

Вместе с тем позитивист по своей методологии, Ф. И. Успенский не отбрасывает и социально-экономические, а также политические причины иконоборческого движения, в частности конфликты светских и духовных землевладельцев из-за церковных земель. Он считает, что программа иконоборцев состояла в укреплении единой светской власти, подчинявшей себе и церковь, в создании сильного государства, которое сумело бы справиться с мусульманской опасностью, в реорганизации внутреннего управления, проведении социальных реформ (наступление на монашество с целью привлечения на службу государству всех способных к труду), перестройке судопроизводства и включении в армию империи новых воинских контингентов из числа поселенцев различного происхождения, в первую очередь славян. Все эти реформы иконоборческих императоров, по мнению Ф. И. Успенского, должны были в конечном счете привести к торжеству греческого начала («византизм») над арабским (мусульманство).

При рассмотрении иконоборчества Ф. И. Успенский оставляет в стороне весьма важный вопрос — роль народных масс в этом движении. Павликиане остаются в его представлении лишь замкнутой религиозной сектой, а восстание Фомы Славянина трактуется как мятеж честолюбивого авантюриста, сумевшего использовать в своих целях недовольство широких масс населения¹³.

Вторая главная проблема, занимающая большое место в труде Ф. И. Успенского, — образование империи Каролингов и ухудшение отношений Византии и Запада в период иконоборчества. Иконоборческие реформы оттолкнули от Византии римских пап и во многом, по мнению

¹¹ З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского. — ВП, 1949, № 6, стр. 116—127; М. В. Левченко. Византиноведение в СССР. — УЗ ЛГУ, № 14, 1949, стр. 220.

¹² Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, ч. 1. Л., 1927; вторая часть этого тома еще не опубликована, а третий том был напечатан в 1948 г.

¹³ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, ч. 1, стр. 280. и сл. Не отрицая участия народных масс в восстании Фомы Славянина, Ф. И. Успенский считает, что «успех возмущения Фомы столько же зависел от социальных мотивов, сколько от религиозных, так как Фома являлся выразителем протеста против иконоборческого направления» (там же, стр. 292).

автора, подготовили разрыв между западной и восточной церквами. Для Византии образование империи Карла Великого было чревато тяжёлыми последствиями: Константинополь не только потерял свои владения в Италии, но и утратил влияние на западных и частично южных славян.

Столкновение двух империй изображается Ф. И. Успенским как борьба неких отвлечённых начал: «романо-германской идеи» и греческого «византизма». Историк утверждает, будто «империя Карла Великого выдвинула в европейской истории романо-германскую идею», придав ей всемирное значение. Романо-германский мир, объединённый в политическом отношении под эгидой Каролингов, а в церковном — под властью католического престола, стал могущественной политической и военной силой. Теснимая арабами на Востоке, Византия не могла противостоять Западной империи и должна была уступить ей главенствующее положение в Европе ¹⁴.

Яблоком раздора между двумя империями долгое время были славянские государства и племена Центральной и Юго-Восточной Европы. В этом аспекте рассматривается Ф. И. Успенским третья большая проблема — просветительская миссия Кирилла и Мефодия в Моравии. Большой знаток истории славян, Ф. И. Успенский в специальном очерке рисует деятельность Солунских братьев ¹⁵. Он рассказывает их роль в «культурном самоопределении славян» в IX в. и раскрывает всемирно-историческое значение кирилло-мефодиевской миссии ¹⁶. Вся проблема, однако, трактуется автором в ярко выраженном конфессиональном духе: на первый план выдвигаются церковные вопросы. Под тем же конфессиональным углом зрения характеризует Ф. И. Успенский и разрыв между константинопольским патриархатом и папским престолом при Фотии ¹⁷.

Большим недостатком труда Ф. И. Успенского является крайне суммарное освещение социально-экономической истории Византии в VIII—IX вв. Бледнее, чем политическая история, в книге обрисована и история культуры. Для современного читателя труд Ф. И. Успенского сохраняет свой интерес преимущественно в качестве обширной сводки богатейшего фактического материала по истории Византии и соседних с ней народов в VIII—IX вв. ¹⁸

Другие работы Ф. И. Успенского, написанные им в изучаемое время, охватывают три большие группы проблем: судьбы Трапезундской империи в XIII—середине XV в.; монгольское завоевание (и его значение для народов Европы); византино-славянские, в частности византино-русские, отношения (преимущественно в IX—X вв.). Наиболее значительный след в историографии оставили его исследования по истории Трапезундской империи. Все они были основаны на новых материалах, добытых

¹⁴ Там же, стр. 110—136, 157, 174—202, 218—249.

¹⁵ Там же, стр. 388—408.

¹⁶ Там же, стр. 506 сл.

¹⁷ Там же, стр. 435 сл.

¹⁸ Книга Ф. И. Успенского в свое время получила многочисленные, в целом положительные, отзывы в печати. См.: И. И. Соколов.— ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 154—157; его же.— «Slavia», 1928, гоđ. 7, № 2, стр. 422—423; его же.— «Slavia», 1931, гоđ. 10, № 3, стр. 586—599 (основная рецензия); V Grumel.— EO, t. 31, 1928, p. 504—506; I. Moravcsik.— BZ, 1928, Bd. 28, S. 404—407; A. Vogt.— RQН, 1929, № 10, p. 483—485.

в процессе непосредственного изучения автором архивов и исторических памятников Трапезунда. Когда во время первой мировой войны русские войска заняли Трапезунд (1916), Ф. И. Успенский возглавил научную экспедицию, отправившуюся туда для изучения трапезундских древностей, включая многочисленные памятники византийской эпохи. Работы экспедиции, в том числе археологические раскопки, принесли ценные результаты¹⁹, правда, они не были завершены вследствие срочной эвакуации русских войск из Трапезунда (1917). В последующие годы Ф. И. Успенский занялся обработкой и публикацией материалов, привезенных из Трапезунда.

Важным вкладом в византиноведческую науку была публикация «Вазелонских актов», осуществленная Ф. И. Успенским совместно с В. Н. Бенешевичем в 1927 г.²⁰ Именно «Вазелонские акты» легли в основу большинства исследований Ф. И. Успенского по истории Трапезундской империи. Издание актов Вазелонского монастыря Иоанна Предтечи близ Трапезунда было произведено по рукописи, хранящейся ныне в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде²¹. По существу оно явилось и остается уникальным, ибо подлинные Вазелонские акты погибли при пожаре этого монастыря, разрушенного во время первой мировой войны. Издание «Вазелонских актов» было выполнено очень тщательно и получило положительную оценку со стороны многих крупных византинистов различных стран²². Собрание этих актов включает около 190 документов: купчих, завещаний, жалованных и других государственных грамот XIII—XV вв., материалов о тяжбах из-за земли с соседями и совладельцами, свидетельствующих о переходе земельной собственности крестьян в руки крупных светских и церковных землевладельцев, в первую очередь самого Вазелонского монастыря. Ф. И. Успенский произвел анализ грамот как в комментариях к изданию памятника, так и в других своих работах, посвященных социально-экономической истории Трапезундской империи.

Акты Вазелонского монастыря дают возможность проследить движение земельной собственности, ее концентрацию у крупных землевла-

¹⁹ Отчеты Ф. И. Успенского о деятельности научной экспедиции в Трапезунде в 1916—1917 гг. публиковались им в различных периодических изданиях. См.: «Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского». — ИИАН, серия VI, XI, № 16, 1916, стр. 1464—1480, 1490—1492, 1657—1663; Ф. И. Успенский. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. — ИРАН, серия VI, № 5, 1918, стр. 207—238.

²⁰ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927.

²¹ Эта рукопись представляет собой копию актов, составленную в XV в. Она была привезена в Россию А. И. Пападопуло-Керамевсом и частично подготовлена им к печати, однако опубликовать ее он не успел. См.: Ф. И. Успенский. Монастырские акты Иоанна Предтечи Вазелон (Греческая рукопись Публичной библиотеки в Петрограде, № 743). — ИРАН, 1919, сер. VI, т. XIII, № 16—18, стр. 1007—1022.

²² См. рец.: И. И. Соколов. — «Україна», 1930, стр. 177—180; его же. — «Slavia», 1928, год. 7, № 2, стр. 413—426; Е. А. Черноусов. Новинки по экономической истории Византии. — ТСКАНИИ, № 43, вып. 4. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 206—209; K. A. mantos. «Ελληνικά», 1928, № 1, σελ. 444—446; F. D ö l g e r. — BZ, 1929—1930, Bd. 29, S. 329—344; G. Ostrogorski j. — BNJ, 1928, Bd. 6, N. 3—4, S. 580—586.

дельцев на протяжении двух с лишним столетий и притом в пределах одной и той же территории. Они помогают выяснить судьбы одних и тех же родов и семей служилой аристократии и беднеющих свободных крестьян, владельцев мелких «родовых» участков земли. Акты позволяют наметить социальную эволюцию в Трапезундской империи XIII — начала XV в., выразившуюся в переходе земли крестьян к знати, распродаже земельных участков мелкими долями, появлении владений зависимых крестьян — париков²³. По мнению Ф. И. Успенского, Вазелонские акты — непревзойденный источник, ибо он вводит в существо крестьянских земельных отношений, знакомит с продажной ценой земли, системой обложения крестьян налогами. Отличительная особенность этих актов состоит в том, что с их страниц веет подлинной жизнью, передаются «настроения, желания, цели маленького обывателя, нигде иным образом не оставившего на свете следов своего существования»²⁴. В актах рисуются страшные картины «агарянского полона»: сплошь да рядом вдовы и матери, у которых мужья и сыновья попали в плен к туркам, отдают свои земли Вазелонскому монастырю. Дарение, как правило, производится с условием возврата этих земель в случае освобождения родственников дарительниц из плена. По словам издателей, среди документов «попадаются иногда такие тропательные, горькими слезами написанные факты из семейной истории маленького человека, сельского обывателя»²⁵, что перед читателем возникают полные живых красок картины быта трапезундских крестьян в XIII—XV вв. Вазелонские акты, подкупающие своей свежестью и непосредственностью, рисуют «интимную жизнь сельского обывателя со всеми ее заботами и ежедневными мелочами...»²⁶

Документы проливают свет и на состав сельского населения, указывают на происхождение и национальную принадлежность свободных и зависимых крестьян, раскрывают характер их взаимоотношений с монастырем. Они дают возможность определить значение таких терминов, как «хорафий», «стась», «проастий», «азрикон», чрезвычайно важных для понимания внутренней жизни деревни и поместья²⁷.

Для разрешения вопросов, относящихся к эволюции парического права, формам аренды, издатели Вазелонских актов опубликовали в

²³ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация Византии. — «Анналы», № 2, 1922, стр. 95—115. В документах зафиксирован лишь единственный случай, когда крестьянин Цмирик разбогател и перешел в сословие архонтов (там же, стр. 110).

²⁴ Там же, стр. 102.

²⁵ Там же.

²⁶ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., предисловие.

²⁷ В комментарии к Вазелонским актам и в других работах Ф. И. Успенский дает собственное толкование этих терминов. По его мнению, хорафий — это организованный в хозяйственном отношении земельный участок, находящийся в обработке, усадьба (крестьянская и помещичья). Он представляет собой часть стаси; этот термин не обозначает индивидуального хозяйства — в стась входит много хозяйств разных лиц. Проастий — это: господская вотчина и усадьба, разделенная на земельные участки, занятые зависимыми от помещика крестьянами (Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. LX, LXI, LXIII, LXXXI—LXXXII; Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 97, 112). Интересно произведенное автором сравнение хорафия, стаси, проастия с западноевропейскими поземельными институтами.

комментарии к ним еще один памятник, давно известный, но мало изученный (рукопись ныне находится также в Ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), — две небольшие заметки юриста X в. магистра Космы. Заметки эти дают возможность, по мнению издателей, «бросить взгляд на крестьянский вопрос в Византии с таких сторон, которые до сих пор не подвергались рассмотрению»²⁸.

Анализ Вазелонских актов и некоторых других источников приводит Ф. И. Успенского к важным выводам относительно специфики землевладения в Трапезундской империи XIII — середины XV в.; автор распространяет иногда эти выводы на все Византийское государство. Прежде всего он выступает против представления Б. А. Панченко, будто после X в. в Византии исчезло свободное крестьянское сословие. Ученый утверждает (в соответствии со своей общей концепцией аграрных отношений в Византии²⁹), что свободное крестьянство и крестьянская община в Трапезунде и в самой Византии сохранились вплоть до турецкого завоевания и даже пережили его³⁰. Второй важный вывод, сделанный Ф. И. Успенским в его работах по истории Трапезундской империи, — признание социальной эволюции в поземельных отношениях XIII — середины XV в. Эволюция эта состояла в разрушении мелкой земельной собственности и образовании крупных усадеб. По Вазелонским актам можно проследить происхождение больших вотчин, образовавшихся в результате скупки мелких участков свободных крестьян³¹. Иными словами, в Трапезунде с конца XIII и по начало XV в. наблюдаются те же самые явления, что и во всей Византии (да и на Западе): сокращение свободной, так называемой родовой, собственности крестьян и увеличение числа зависимого от помещика населения, занимающегося обработкой чужой земли³².

²⁸ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. XXXVII. На основании анализа определений магистра Космы Ф. И. Успенский приходит к заключению, согласно которому в Византии существовали три вида аренды: эмфитевсис — долгосрочная аренда; *μισθωσις* или *τάκτων* — аренда по найму; сдача земли на особых условиях, вытекающих из паричского (присельнического) права (*δικαίον παρικομβόν*) (там же).

²⁹ См. более ранние работы Ф. И. Успенского, в которых высказываются те же взгляды, например: Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, ч. 223, 1883, № 1, стр. 30—87; № 2, стр. 301—360.

³⁰ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения..., стр. 308—313. Ср.: его же. Значение византийской и южнославянской прони. — «Сб. статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25 лет его ученой и профессорской деятельности». СПб., 1883, стр. 1—32. Основным аргументом в пользу своей теории Ф. И. Успенский считает данные Вазелонских актов, свидетельствующие о «передвижении» земельной собственности из одних рук в другие, причем продавцами являются свободные крестьяне, владельцы свободной родовой (*γροικόν* собственности) (Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. XXXIX; ср.: Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 107 и сл.). Наличие же сельской общины подтверждается, по его мнению, сохранением вплоть до XV в. обычая передела земельных участков между соладельцами, дробления владений на доли. Система переделов предполагает одновременное существование общественных неподеленных земель (что находит аналогию в Земледельческом законе) (Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 113).

³¹ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 107 и сл.

³² Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. LXXXIX.

Наиболее важным наблюдением, сделанным в процессе изучения Вазелонских актов, Ф. И. Успенский считает установление одинакового типа социальной и экономической эволюции во всех областях Византийской империи с X по XV в.³³

Сама по себе постановка вопроса о социальной и экономической эволюции Византии вполне правомерна, однако в разрешении этого вопроса Ф. И. Успенский остановился на полпути. Остававшийся всегда на позициях позитивистской методологии, он был далек от марксистского понимания феодализма³⁴, видя в нем лишь рассеяние суверенитета и децентрализацию³⁵. Поэтому-то историк сделал столь неожиданные выводы из материала, в действительности ясно показывающего существование развитых феодальных отношений в Трапезунде XIII — середины XV в. Сравнивая социальную эволюцию, происходившую на Западе и в Византии, ученый полагал, что на Западе, в условиях борьбы крупных землевладельцев с верховной властью, расцвел «пышный цветок феодализма», а на Востоке дело ограничилось добрыми желаниями, неудачными попытками³⁶. По мнению Ф. И. Успенского, Вазелонские акты отражают лишь первичную стадию феодализации (понимаемой им в указанном ранее смысле)³⁷.

Тот же тезис отстаивает Ф. И. Успенский и в своем обобщающем труде по истории Трапезундской империи, как бы подводящем итоги всей его работы в этой области³⁸. Давая подробный очерк политической истории Трапезунда, Ф. И. Успенский самым важным явлением в ней считает борьбу служилой поземельной аристократии с императорской властью: «...трапезундская служилая аристократия в смысле сословного, замкнутого в себе и стремящегося к определенным целям класса... была на верном пути к феодализации империи и образованию отдельных и независимых от царской власти сеньорий...; и тем не менее феодальным государством Трапезунд не был»³⁹.

³³ Там же, стр. С. Другим интересным наблюдением издатель считает выявление, по данным актов, остатков родового строя в Трапезунде XIII — середины XV в. Обращает на себя внимание также дробность земельных участков, или полос, принадлежащих одному и тому же владельцу, и чересполосность мелких владений (там же, стр. CI—CIII).

³⁴ В этой связи нельзя согласиться с утверждением Г. Н. Лозовика, будто Ф. И. Успенский более, чем иные «маститые» ученые, прислушивался к идеям, порожденным революцией, и, хотя сам не сознавал этого, в трактовке вопросов землевладения был близок к марксизму. По словам Г. Н. Лозовика, Ф. И. Успенский якобы «не догадывался, что он еще 40 лет назад „говорил прозой“ в стиле марксизма» (Г. Н. Лозовик. Ф. И. Успенский... 1845—1928. Некролог.— ИМ, 1928, № 9, стр. 114). Тезис, разумеется, совершенно не состоятельный.

³⁵ Ф. И. Успенский. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии.— ИАН СССР, отд. обществ. наук, 1931, сер. VII, № 4, стр. 457.

³⁶ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 113.

³⁷ Там же, стр. 114. Подтверждением этого автор считает тот факт, что после завоевания Трапезунда турки ввели тимариотскую систему, во многом основанную на византийских поземельных отношениях.

³⁸ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929, стр. 1—158. Эта книга была издана уже после смерти автора под редакцией и с предисловием акад. С. А. Жебелева.

³⁹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 113.

Таким образом, по кардинальному вопросу аграрной истории Византии историк стоял на позициях, чуждых марксизму. Далеко от марксизма он был и в трактовке классовой борьбы. Так, в упомянутом труде Ф. И. Успенский совершенно игнорирует ее, а все социальные коллизии сводит либо к распрям внутри господствующего класса, либо к национальной розни. Например, рассматривая ожесточенную социально-политическую борьбу в Трапезунде в середине XIV в., Ф. И. Успенский трактует ее исключительно как конфликт двух партий, отражавших столкновение интересов правящих кругов: в одной объединились земельные магнаты туземного происхождения, лазская, грузинская и армянская аристократия, в другой — греческие вельможи, связанные с Константинополем и династией Палеологов⁴⁰. Императорская власть лавировала между теми и другими, Великие Комнины ориентировались в своей политике то на Византию, то на Грузию. «В среде трапезундской аристократии,— писал Ф. И. Успенский,— не доставало единства и организации. Местные дворянские роды грузинского и армянского происхождения вели борьбу с константинопольскими греками, постоянно высылаемыми из Константинополя для усиления эллинских тенденций в политике Трапезундской империи». Однако, прибавляет он, «бурная вспышка ожесточенной борьбы трапезундской земельной и служилой аристократии, падающая на половину XIV в., была потушена императорской властью и сопровождалась ослаблением многих дворянских родов»⁴¹. Поражение аристократии в столкновениях с императорской властью, знаменующее, с точки зрения Ф. И. Успенского, победу сил централизации над децентрализацией, и является, как он полагает, важнейшим показателем слабого развития феодализма в Трапезунде. Внимание историка привлекает таким образом лишь происходящая на поверхности борьба внутри господствующего класса; позиция народных масс его не интересует. Так, упоминая данные хроники Панарета об активном участии городского дима в борьбе партий Трапезунда, Ф. И. Успенский оставляет в стороне вопрос о его социальном составе и вообще о выступлениях народных масс в XIV в.⁴²

Тем не менее очевиден положительный вклад Ф. И. Успенского в разработку проблем истории Трапезундской империи. В своем обобщающем труде и этюдах к нему историк убедительно показал этническую пестроту населения Трапезундской империи: на ее территории жили в основном местные племена и народы (лазы, цаны, халды, халивы, армяне,

⁴⁰ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 108 и сл. Правда, сами источники — Вазелонские акты, хроника Панарета и др. — наталкивали ученого на правильные представления о характере и происхождении земельной аристократии Трапезунда. Ф. И. Успенский говорил о сращивании земельной аристократии со служилой, отмечал, что все высшие гражданские и военные должности передавались по наследству и удерживались из поколения в поколение за знатными родами земельных магнатов (там же, стр. 112 и сл.). Источники с очевидностью рисуют картину развитых феодальных отношений, указывая на самостоятельность крупных феодалов, их большие земельные владения, замки и поместья, населенные крепостными париками и рабами или сдаваемые в аренду крестьянам. Однако от вывода о развитии феодализма в Трапезунде в XIII — середине XV в. историк упорно отказывался (там же, стр. 113 сл.).

⁴¹ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 113—114.

⁴² Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 78 сл.

грузины, в горах — кочевники курды). Греки отнюдь не составляли большинства жителей. По предположению Ф. И. Успенского, свыше половины населения состояло из негреческих элементов⁴³. До первой четверти XIV в. политическое преобладание было явно на стороне грузин и армян, и лишь после кровавых междоусобиц середины XIV в. руководящую роль в стране стали играть греки⁴⁴. Любопытно, что в актах Вазелонского монастыря, как это установил ученый, встречаются русские или югославянские имена крестьян⁴⁵. Разноплеменность не только верхов, но и широких крестьянских масс объясняет, по мнению Ф. И. Успенского, недостаток местного патриотизма, пагубно сказавшийся на судьбах страны в трагический период завоевания Трапезунда в 1461 г. войсками турецкого султана Мехмеда II⁴⁶.

Ценны разыскания Ф. И. Успенского по топографии древнего Трапезунда. Опираясь на археологические, эпиграфические, топонимические данные, полученные экспедицией 1916—1917 гг., историк сумел реконструировать план города Трапезунда византийской эпохи и на основе личных наблюдений выразительно описать ряд замечательных памятников (трапезундский кремль, три главных византийских храма⁴⁷, гробница трапезундского императора Алексея IV Комнина⁴⁸ и др.). В «Очерках по истории Трапезундской империи», кроме того, даются хорошая сводка политической истории Трапезунда и краткое описание административного и военного устройства империи Великих Комнинов. Яркими красками нарисовано тяжелое международное положение Трапезундской империи, принужденной постоянно лавировать между Византией, турками-сельджуками, монголами, позднее — османами. Много усилий прилагает историк для выяснения взаимоотношений Трапезунда с Крымом и Кавказом. По его мнению, «эта империя в своем происхождении и существовании опиралась как на грузинскую народность, так и на весьма мало еще выясненные связи — экономические и торгово-промышленные — с Крымом и Кавказом. Эти последние соображения приводят нас к заключению, что история Трапезундской империи входит некоторой частью в задачи, принадлежащие истории России»⁴⁹.

⁴³ Там же, стр. 32 сл.; его же. Трапезундская империя. — «Анналы», № 4, 1924, стр. 25.

⁴⁴ Ф. И. Успенский. Трапезундская империя, стр. 25 сл.

⁴⁵ Там же, стр. 30.

⁴⁶ Там же, стр. 31.

⁴⁷ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 4—26, 140—158. Ученый детально обследовал византийские храмы (св. Софии, церковь Евгения и храм Панагии Златоглавой).

⁴⁸ Там же, стр. 130. См.: Ф. И. Успенский. Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунде. — ВВ, XXIII. Пг., 1923, стр. 1—14. Летом 1916 г., во время пребывания в Трапезунде Ф. И. Успенский обнаружил под турецким тюрем близ храма Богородицы Златоглавой усыпальницу византийской эпохи и, сопоставив все данные письменных источников, установил, что это — гробница трапезундского императора Алексея IV Комнина, убитого по приказу его сына Калояна в 1446 г.

Из археологических изысканий Ф. И. Успенского следует отметить его работы по изучению древней крепости Гония близ Батуми. См.: Ф. И. Успенский. Старинная крепость на устье Чороха. — ИРАН, 1917, сер. VI, т. XI, № 2, стр. 163—169.

⁴⁹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 2; ср.: его же. Выделение Трапезунда из состава Византийской империи. — СК, I (1927), стр. 21—34.

К сожалению, внутренней истории Трапезундской империи в этом труде уделяется очень мало внимания⁵⁰.

Полезны также публикации Ф. И. Успенским некоторых ранее не издававшихся памятников истории Трапезунда и Константинополя⁵¹.

✱

В последние годы жизни Ф. И. Успенский занялся изучением проблемы монгольского завоевания и его роли в судьбах Европы, особенно стран Средиземноморья. Сам он довольно откровенно объясняет причину своего интереса к этому вопросу. Ученый считает XIII век переломным в истории Европы, когда «создавались мировые события и подготавливались катастрофы мирового масштаба». «Для мыслителя этот период XIII века так же важен и интересен, как недавно пережитый нами период Великой Европейской войны»⁵². Подобная аналогия (нашествие монголов — первая мировая война) показывает политическую подоплеку пристального внимания Ф. И. Успенского к указанному сюжету. Явно преувеличивая историческое значение монгольского завоевания, Ф. И. Успенский изображает это завоевание как событие всемирного масштаба, якобы изменившее весь ход мировой истории. В истории средневековья, по его мнению, нельзя указать более глубокого и в такой же степени сильно затронувшего все стороны социальной и государственной жизни народов переворота, как вступление монголов в Персию, Малую Азию, Юго-Восточную Европу⁵³. Монгольское завоевание трактуется Ф. И. Успенским в плане многовековой борьбы двух миров — мусульманского и христианского. Успехи монголов он объясняет отсутствием единства среди европейских народов, которые даже перед лицом общей опасности продолжали враждовать друг с другом из-за торговых путей на Восток⁵⁴. Одновременно автор показывает значение монгольского завоевания для истории Руси и Южного Кавказа⁵⁵.

Анализируя известия византийских историков Георгия Пахимера и Никифора Григоры, рисующие сложное переплетение политических отношений между Византией, египетскими султанами и монголами в XIII в., автор полагает, что византийское правительство совершило большую ошибку, заключив договор с Египтом и пропустив его корабли через проливы в Черное море. Это дало возможность египетским султанам сформировать сильную армию мамлюков, куда вошли добровольцы и рабы, вывезенные из областей Северного Причерно-

⁵⁰ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 86—87.

⁵¹ Ф. И. Успенский. Трапезундская рукопись в Публичной библиотеке (№ 69). — ИРАН, 1917, т. XI, № 10, стр. 719—724; его же. Константинопольская Серальская рукописная псалтырь с толкованиями. — ВВ, XXIII, Пг., 1923, стр. 118—133.

⁵² Ф. И. Успенский. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. — ВВ, XXIV, Л., 1926, стр. 10.

⁵³ Там же, стр. 11.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 11—12.

морья. Тем самым Византия сама способствовала созданию новой, мамлюкской угрозы для христианских стран Средиземноморья и усилению египетских турок, потенциальных союзников монголов⁵⁶.

Для общеметодологических взглядов Ф. И. Успенского весьма характерно преувеличение роли географического фактора в истории, со всей определенностью сказавшееся и в данной работе. Анализируя рассуждения Пахимера о влиянии естественной среды на народы Севера и Юга, исследователь подчеркивает ее огромное значение как для средневековья, так и для современного общества⁵⁷.

В последующих своих работах Ф. И. Успенский выходит за рамки изучения лишь монгольского завоевания и ставит проблему в еще более широком плане. Предметом его исследования становятся отношения между Западом и Востоком в XI—XIV вв. В этом аспекте он разрабатывает вопрос о значении для Европы, и в частности для Византии, экспансии турок и монголов. По его мнению, ни история монголов, ни характер их господства на Руси не могут быть выяснены без учета событий, происходивших в этот период в странах Средиземноморья⁵⁸.

Проблема взаимоотношений Византии и Руси рассматривается Ф. И. Успенским в небольших этюдах, выполненных преимущественно в рамках работы комиссии «Константин Порфирородный»⁵⁹. Еще при его жизни начали публиковаться ранее написанные главы второй части II тома «Истории Византийской империи». Две из них касаются взаимоотношений Византии и славян. Наибольший интерес представляет статья «Значение походов Святослава в Болгарию»⁶⁰. Путем критического анализа известий русских и византийских писателей автор доказывает, что и победа, и поражение Святослава имели огромные последствия для Болгарии и Византии. Окончательная неудача рус-

⁵⁶ Там же, стр. 3 сл.

⁵⁷ Там же, стр. 4 сл.

⁵⁸ Указанная проблема рассматривалась Ф. И. Успенским в следующих работах: «Конкуренция народов на Ближнем Востоке». — СРПО, т. 29, Л., 1926, стр. 1—27; «Восточная политика Мануила Комнина: турки-сельджуки и христианские государства Сирии, Палестины». — Там же, стр. 111—138. Статья «Движение народов из Центральной Азии в Европу (турки и монголы)» увидела свет уже после смерти автора (ВВ, I (XXVI), 1947, стр. 9—28). На эти же темы ученый сделал в Академии наук ряд докладов, оставшихся неопубликованными. Они хранятся в архиве Академии наук в Ленинграде. Среди них можно отметить: «Морское и сухопутное движение из Центральной Азии и обратно в XIII—XIV вв.», «Монголы и мусульманство во второй половине XIII в.», «Ближайшие годы по смерти Чингисхана», «Значение выступления монголов в общеевропейской истории», «Джугиды, Образование Кипчака, или Золотой Орды» (см.: Н. С. Лебедев. Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского. — ВВ, I (XXVI), 1947, стр. 109—113).

⁵⁹ Эти доклады, посвященные литературной деятельности Константина Порфирородного, договорам Руси с греками, путешествию княгини Ольги в Царьград, представляют несомненный интерес для византинистов. К сожалению, они не опубликованы по сей день.

⁶⁰ Ф. И. Успенский. Греция и эллинизм в конце VIII и в IX в. (из XI главы неизданного II тома «Истории Византийской империи»). — Сб. статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926, стр. 184—200 (машинописный текст); Ф. И. Успенский. Значение походов Святослава в Болгарию. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 91—96.

ского князя привела к усилению греческого элемента на Балканах и к ослаблению славян и албанцев.

Весьма показательна для мировоззрения Ф. И. Успенского глава из неопубликованного II тома «Истории Византийской империи» — «Последние Комнины. Начало реакции»⁶¹. Здесь собран ценный материал с правлении византийского императора Андроника Комнина; портрет этого авантюриста на императорском троне написан живо, широкими мазками. Однако глава пронизана презрением к народу, особенно к «константинопольской черни». Массовые восстания — это, с точки зрения Ф. И. Успенского, страшные, анархические бунты, поднимающие на поверхность «самые темные элементы», разжигающие «необузданные инстинкты черни»⁶². Гибель Андроника Комнина была, по мнению историка, predetermined тем, что он хотел казаться «крестьянским царем» и восстановил против себя аристократию: «популярность среди уличной толпы, к чему, по-видимому, так стремился Андроник, была ненадежной порукой на будущее»⁶³. Характер политических взглядов Ф. И. Успенского проявился в этой работе с исключительной отчетливостью и в незавуалированном виде.

Несколько особняком стоит еще одна работа Ф. И. Успенского, посвященная памятнику второй половины XII в. — путевым запискам Вениамина Тудельского⁶⁴. Этот испанский еврей совершил во второй половине XII в. большое путешествие по многим странам Европы и Востока. Повсюду он собирал сведения о положении еврейских общин, выяснял численность еврейского населения различных городов и стран, а попутно и описывал все виденное. Записки Вениамина Тудельского содержат обстоятельное описание Галлии, Италии, Византии, Арабского халифата; красочно обрисованы Иерусалим, Багдад, Константинополь. В своей статье Ф. И. Успенский поставил задачу проверить достоверность сообщений Вениамина Тудельского о Византии, прежде всего о Константинополе. Для этого он сопоставил рассказ Вениамина с византийскими источниками. Исследователь стремился доказать, что известия испанского путешественника весьма неточны, и особенно много ошибок допущено им при описании административного устройства Византии.

Одновременно Ф. И. Успенский попытался выяснить цель путешествия Вениамина Тудельского; в конечном счете историк присоединился к выдвинутой ранее гипотезе, согласно которой Вениамину было поручено собрать сведения о численности евреев в различных странах в связи с проектом их переселения из Европы в Аравию⁶⁵.

В деятельности Ф. И. Успенского, главы русского буржуазного византиноведения, как в фокусе, отразились и положительные, и отрицательные черты этого последнего. Характерно, что при оценке трудов ученого мнения специалистов в послереволюционный период разделились. Представители «старой, «академической» науки высоко оценили научное наследие историка; в панегирических тонах написаны,

⁶¹ См.: ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 1—24.

⁶² Там же, стр. 8—9, 18—23.

⁶³ Там же, стр. 22.

⁶⁴ Ф. И. Успенский. Путевые записки Вениамина из Туделы. — «Анналы», 1923, № 3, стр. 5—21.

⁶⁵ Там же, стр. 20.

например, все статьи сборника памяти Ф. И. Успенского⁶⁶. Академик С. А. Жебелев (1867—1941), считая Ф. И. Успенского наряду с В. Г. Васильевским (1838—1899) и Н. П. Кондаковым (1844—1925) одним из трех столпов русского византиноведения, полагал, что труды этих византинистов не устарели и никогда не устареют и что по ним будут учиться поколения молодых византинистов⁶⁷. К этой высокой оценке творчества Ф. И. Успенского присоединился и М. А. Шангин, (1897—1942), особо выделивший вклад Ф. И. Успенского не только в развитие византиноведения, но и славистики⁶⁸. Позднее с восторженными похвалами Ф. И. Успенскому выступил Б. Т. Горянов⁶⁹.

Вместе с тем в конце 20-х—начале 30-х годов XX в. в византиноведении появилась новая струя; историки-марксисты начали иначе оценивать труды старых византинистов, в первую очередь Ф. И. Успенского. Г. Н. Лозовик, не отрицая научных заслуг Ф. И. Успенского, решительно критиковал его политические взгляды (равно как воззрения других отечественных византинистов дооктябрьского периода). Он подчеркнул тесную связь мировоззрения Ф. И. Успенского с политикой царского правительства и показал, насколько она отражала реакционную идеологию, покоящуюся на принципах самодержавия, православия и народности⁷⁰.

Политические основы мировоззрения Ф. И. Успенского еще ярче и резче определял Ф. И. Шмит в своем очерке «Политика и византиноведение». «Для Ф. И. Успенского,— писал он,— византиноведение так прочно связалось с определенной политической системой, что он его не представляет в иной связи, не может оценить его подлинно научной ценности как науки, изучающей особую характерную разновидность феодальной формации, во многом отличную от западноевропейской...»⁷¹

⁶⁶ Сб. «Памяти академика Ф. И. Успенского (1845—1928)» Л., 1929. См. статьи: С. А. Жебелев и В. Н. Бенешевич. Федор Иванович Успенский..., стр. 1—23; В. П. Бузескул. Общий очерк научной деятельности Ф. И. Успенского, стр. 25—52; С. А. Жебелев. Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе, стр. 53—66; В. Н. Бенешевич. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель Русско-византийской комиссии Академии наук, стр. 67—74; А. И. Маленин. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель кружка друзей греческого языка и литературы, стр. 75—78.

⁶⁷ С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке.— ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 13—22.

⁶⁸ М. А. Шангин. История славян в трудах русских византинистов.— ИЖ, 1941, № 12, стр. 134—137.

⁶⁹ Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении.— ВВ, I, 1947, стр. 29—108. Статья Б. Т. Горянова, как и другие работы, помещенные в этом томе, подверглась всесторонней критике научной общественности за содержавшуюся здесь идеализацию дореволюционного византиноведения. См.: М. В. Левченко. Византиноведение в СССР..., стр. 234—235. Панегирическим духом по отношению к Успенскому проникнуты и другие статьи, напечатанные в I (XXVI) томе «Византийского временника». См.: Н. С. Лебедев. Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского, стр. 109—113; А. Г. Готалов-Готлиб. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель, стр. 114—126.

⁷⁰ Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927 гг.).— ИМ, 1928, № 7, стр. 228—238.

⁷¹ Ф. И. Шмит. Политика и византиноведение.— Сообщения ГАИМК, 1932, № 7—8, стр. 18. Противопоставляя позиции Ф. И. Успенского марксистскую постановку вопроса, Ф. И. Шмит указывал: «Основные проблемы византиноведе-

И Г. Н. Лозовик, и Ф. И. Шмит признавали, что Ф. И. Успенский немало сделал для налаживания исследовательской работы по византиноведению в Академии наук СССР, но справедливо отмечали, что он хотел возродить там традиции дореволюционного византиноведения. Византинисты молодого поколения в начале 30-х годов прекрасно понимали необходимость создания нового, марксистского византиноведения. По этому поводу Ф. И. Шмит писал: «Если бы мы вздумали, как этого хотел Ф. И. Успенский, вновь „утвердить“ в СССР старые традиции византиноведения, как оно процветало у нас до 1917 г. в университетах и духовных академиях, утеря времени была бы смертельно невозвратной подобна. Но в утверждении этих старых традиций никакой надобности нет...»⁷².

Если византинисты на рубеже 30-х годов критиковали буржуазных ученых, в том числе Ф. И. Успенского, прежде всего за их реакционные политические взгляды, оставляя в стороне их методологию, то позднее критике подвергались и методологические основы старого византиноведения⁷³. Было конкретно показано, что в своей научной деятельности Ф. И. Успенский и в послеоктябрьский период оставался в кругу понятий позитивистской методологии. М. В. Левченко (1890—1955) особенно резко выступал против объективистского подхода к оценке трудов буржуазных византинистов⁷⁴.

В первые годы после революции процесс становления советской византистики крайне осложнялся отсутствием марксистских научных кадров. Влияние марксистской методологии начало сказываться в византиноведении с конца 20-х — начала 30-х годов. Оно проявлялось прежде всего в изменении тематики исследований. Некоторые византинисты старой школы стали переходить от разысканий в узкой сфере церковных вопросов к изучению социально-экономических проблем.

Наиболее отчетливо свидетельствует об этом эволюция научного творчества ученика Ф. И. Успенского — профессора И. И. Соколова. Длительное время И. И. Соколов занимался историей греко-православной церкви в византийскую эпоху и в новое время⁷⁵. Знаток канонического права и литургики, он, казалось, был очень далек от социаль-

ния, подлинно научного (будучи тоже, разумеется, сугубо политическими), лежат в совершенно иной плоскости, чем грызня империалистических хищников из-за византийских территориальных лохмотьев или чем все известия Константина Порфирородного „О приеме великой княгини Ольги и ее свиты в Константинопольском дворце“... и все те частные вопросы, которые только и умеет перечислить акад. Ф. И. Успенский» (там же, стр. 19).

⁷² Ф. И. Шмит. Политика и византиноведение, стр. 20.

⁷³ См.: М. В. Левченко. Византиноведение в СССР..., стр. 224—235; З. В. Удалцова. К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского. — ВИ, 1949, № 6, стр. 116—127; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 6 сл.

⁷⁴ М. В. Левченко, критикуя Б. Т. Горянова, писал: «Работа Горянова, однако, не отмечает принципиальную разницу между старым русским византиноведением, стоящим в основном на позициях позитивистской буржуазной науки, и советским византиноведением, которое ставит своей целью разработку истории на основе марксистско-ленинской методологии» (М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 234—235).

⁷⁵ И. И. Соколов. Избрание архиереев в Византии IX—XV вв. — ВВ, XXII (1915—1916), вып. 3—4. Пг., 1917, стр. 193—252; его же. Вселенские судьбы в Византии. Казань, 1919.

но-экономической тематики. Но в середине 20-х годов направленность его исследовательских интересов круто меняется, и он целиком погружается в исследование поземельных отношений в поздней Византии и Турции ⁷⁶.

В статье, посвященной поземельным отношениям в Фессалии в правление Палеологов, И. И. Соколов приходит к четкому выводу, основанному на анализе большого актового материала, — о наличии здесь крупного землевладения феодалов-властелей. Знатные роды греческих властелей в XIV в. объединяли в своих руках громадные земельные владения, и тем не менее последние неуклонно расширялись. Аналогичное положение складывалось и у монастырей. Быстрый рост феодального (светского и церковного) землевладения в Фессалии происходил как за счет раздачи в протрую Михаилом VIII Палеологом императорских земель, так и в результате захвата магнатами участков мелких свободных земледельцев. Не менее ярко, чем увеличение масштабов феодального землевладения, автор показал сопутствовавший ему процесс оскудения мелкой крестьянской собственности. Лишь в отдельных горных местностях Фессалии вплоть до турецкого завоевания и даже в эпоху владычества турок сохранялись крестьянская собственность и сельская община ⁷⁷. Считая поземельные отношения Фессалии XIV в. типичными для Византии в целом, И. И. Соколов распространяет свой вывод о феодальном характере земельной собственности на всю империю ⁷⁸.

Опираясь на хорошее знание не только среднегреческого, но и новогреческого языков, И. И. Соколов поставил перед собой задачу проследить судьбы поздневизантийского феодального землевладения в последующие столетия, т. е. уже в Турецком государстве. В серии его статей по этому вопросу доказывается зависимость земельных отношений, податного обложения и некоторых черт крестьянского быта в Турции от византийской поземельной системы. В подтверждение этого автор приводит значительный документальный материал, показывающий, что все виды землевладения, встречающиеся в европейских областях средневековой Турции, существовали и в византийскую эпоху.

Основные источники, изученные автором, происходят из Фессалии. И. И. Соколов утверждает, что Фессалия еще задолго до турецкого завоевания пережила феодализацию земельных отношений. По его мнению, начало этой «экономической реформы» относится к XIII в., когда после завоевания Константинополя крестоносцами (во время четвертого похода 1204 г.) по всей территории империи были основаны ленные деспотаты и баронства, принадлежавшие греческим и латинским феодальным правителям, а также монастырям и императорам ⁷⁹.

Прямая преемственность, полагает И. И. Соколов, была также между византийской и средневековой турецкой системами налогового об-

⁷⁶ И. И. Соколов. Крупные и мелкие властели в Фессалии в эпоху Палеологов. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 35—44; его же. Земельные отношения в Турции до танзимата. — НВ, № 6, 1924, стр. 93—112; его же. Земельное податное обложение в Турции до танзимата. — НВ, № 8—9, 1925, стр. 82—94; его же. Быт крестьян в дореформенной Турции — НВ, № 13—14, 1926, стр. 58—70.

⁷⁷ И. И. Соколов. Крупные и мелкие властели в Фессалии в эпоху Палеологов..., стр. 35, 39 сл.

⁷⁸ Там же, стр. 44.

⁷⁹ И. И. Соколов. Земельные отношения в Турции до танзимата, стр. 94.

ложения. Турецкое податное законодательство находилось в прямой связи с аграрными законами и сельским бытом покоренной турками Византии. Вместе с тем И. И. Соколов не отрицает и появления некоторых новых черт в аграрном строе европейских областей Турции (до реформы танзимата) ⁸⁰.

Наиболее значительная работа И. И. Соколова в области социально-экономической истории — его исследование «Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии» ⁸¹. Основной задачей исследования было выяснение сущности важнейших феодальных институтов в Византии, таких, как харистикий, прония, экскуссия и простасия. Привлекая новый для его времени активный материал, И. И. Соколов дал свое, вполне оригинальное определение каждого из упомянутых институтов ⁸².

Большое достоинство работы И. И. Соколова по сравнению с трудами Ф. И. Успенского состоит в полном и безоговорочном признании феодальных отношений в Византии. При этом феодализм для И. И. Соколова не только юридическое и политическое понятие — он обозначает вполне реальный социально-экономический строй. В отличие от своих предшествующих работ, в которых появление феодализма в Византии приурочивалось к XIII в. (ко времени после латинского завоевания), здесь этот процесс датируется X в., а начало эпохи развитого феодализма отнесено к XII в.

В этой своей работе И. И. Соколов в центр внимания ставит деревню, а не феодальное поместье. В большей степени, чем раньше, его интересуют судьбы крестьянства (а не только борьба между властями за землю и привилегии). Автор убедительно показывает, что все феодальные институты способствовали захвату феодалами общинных земель и закабалению свободного крестьянства. Однако И. И. Соколов рассматривает феодальные институты несколько статично, не вскрывая их внутренней эволюции, происходившей на протяжении ряда веков. Классовая борьба крестьян и горожан по-прежнему остается вне поля зрения историка (лишь мимоходом упоминается восстание зило-тов).

В целом работы И. И. Соколова по социально-экономической истории представляли для своего времени знаменательное явление: они

⁸⁰ И. И. Соколов. Указ. соч., стр. 82—94; его же. Быт крестьян в до-реформенной Турции, стр. 58—70.

⁸¹ Его же. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. — ИАН СССР, 1931, отд. обществ. наук, сер. VII, № 6, стр. 683—712.

⁸² С точки зрения И. И. Соколова, харистикий — это пожалование частным лицом земли по ктиторскому праву другому лицу (светскому или духовному) без каких-либо обязательств со стороны принявшего пожалование харистикария и при сохранении за дарителем права отобрать владение в случае злоупотреблений харистикария. Прония — царское пожалование земель, населенных зависимыми крестьянами, при непременном условии выполнения службы (чаще всего военной) в пользу государя. Экскуссия — пожалование феодалу императором различных льгот административного, судебного и податного характера. Все три установления соответствуют интересам феодалов. Впрочем, простасия, аналогичная западному патронату, первоначально должна была защищать интересы свободных крестьян, вступавших под покровительство феодала, но на деле и она приводила к закабалению мелких собственников (см.: И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии, стр. 691 сл.).

ясно подтверждали, сколь плодотворно было влияние марксистских идей даже на византинистов, вышедших из старой школы⁸³.

Социально-экономической историей Византии стали заниматься в конце 20-х — начале 30-х годов и другие византинисты. Так, А. Ф. Вишнякова исследовала собрание актов монастыря Лемвиотиссы близ Смирны в Малой Азии (XIII в.). Актовый материал с достаточной убедительностью свидетельствовал о феодальном характере хозяйства монастыря Лемвиотиссы и непрерывном росте его земельных владений, совершавшемся в первую очередь за счет земель свободных крестьян, а также посредством присоединения мелких бедных монастырей, вступавших под покровительство богатого и могущественного соседа. Параллельно умножению богатств монастыря происходило разорение свободных крестьян и исчезновение мелкой земельной собственности. Автор прослеживает усиление крепостной зависимости, выражавшееся в запрещении парикам покидать земли своих господ — проиаров, в возвращении беглецов на прежние места жительства, в ухудшении правового и экономического положения свободного крестьянина — элика. Все эти процессы, как справедливо указывает А. Ф. Вишнякова, являлись ярким свидетельством интенсивного развития феодализма в Византии XIII в.⁸⁴

Е. А. Черноусов, до революции занимавшийся преимущественно вопросами политической истории, культуры и источниковедения, в конце 20-х — начале 30-х годов также обратился к социально-экономической проблематике. Его внимание привлекли два ценнейших памятника по экономической истории Византии: «Податной устав Х. в.» и «Вазелонские акты»⁸⁵. Высоко оценивая исследование Г. А. Острогорского о «Податном уставе»⁸⁶ и соглашаясь в основном с его датировкой этого памятника X в., Е. А. Черноусов присоединяется к пониманию «Податного устава» как инструкции для чиновников «податного ведомства» и к оценке некоторых институтов и терминов, относящихся к сфере податного обложения. Вместе с тем он резко полемизирует с Г. А. Острогорским по вопросу о генезисе свободной крестьянской общины в Византии, энергично защищая теорию ее славянского происхождения, против чего выступил Г. А. Острогорский. Е. А. Черноусов доказывает, что роль славянской колонизации в разрушении латифундиального хозяйства и утверждении общины в Византии была аналогична роли германского завоевания в истории Западной Европы.

Следует также отметить весьма критическое выступление Е. А. Черноусова против ошибочной и путаной концепции экономического строя

⁸³ Из остальных работ И. И. Соколова надлежит упомянуть следующие: «Новогреческая литература по византиноведению». — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 106—153; «Новый труд по истории Византии» (рец. на 1-ю часть II тома «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского). — Там же, стр. 154—157; «Афинская комиссия по составлению и изданию „Исторического Словаря Греческого Языка“». — Там же, стр. 158—165.

⁸⁴ А. Ф. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы. — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 33—52.

⁸⁵ Е. А. Черноусов. Новинки по экономической истории Византии. — ТСКАНИИ, № 43, вып. 4. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 201—209.

⁸⁶ G. Ostrogorski. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. — VSW, 1927, Bd. XX, Hf. 1—2, S. 339—447; Г. Острогорский. Византийский податной устав. — Сб. в честь Н. П. Кондакова. Прага, 1926, стр. 109—124.

Византии, выдвинутой немецким экономистом Л. Brentano⁸⁷. Он отмечает такие пороки теории Brentano, как полное отрицание эволюции византийской экономики, преувеличение роли торгового капитала и государственных монополий в торговле и ремесле, принижение значения славянской колонизации в судьбах общины в Византии, непонимание развития феодализма⁸⁸.

Среди младших учеников В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского видное место занимал А. А. Васильев (1867—1953)⁸⁹. Человек широко образованный, хороший знаток источников, не лишенный литературного таланта, А. А. Васильев был и оставался, однако, в течение всей жизни крайне далеким от марксистского понимания исторического процесса. Еще находясь на родине, А. А. Васильев опубликовал обширный труд по истории Византии, распадающийся на несколько отдельных книг. В период между 1922 и 1925 гг. он напечатал очерки: «Византия и крестоносцы», «Латинское владычество на Востоке», «Падение Византии. Эпоха Палеологов». Эти очерки непосредственно примыкают к изданным А. А. Васильевым в 1917 г. Лекциям по истории Византии⁹⁰.

Эклектизм в области методологии, сугубая фактологичность и боязнь обобщений, равнодушные к вопросам классовой борьбы, явное преувеличение роли церкви в истории Византии — вот отличительные черты обобщающих очерков А. А. Васильева, претендующих на полное и последовательное изложение всей тысячелетней истории Византийского государства. Особенно чужд марксизму А. А. Васильев в освещении вопроса о феодализме в Византии, который трактуется им целиком в духе традиций чисто буржуазной медиевистики, т. е. как политико-юридическая система, да еще принесенная в Византию с Запада⁹¹. Что же касается освещения политической истории и культуры Византии, то при всей живости изложения суждения автора фактологичны и поверхностны. А. А. Васильев при этом значительно лучше владеет

⁸⁷ Л. Brentano. Народное хозяйство Византии. Перев. с нем. И. И. Яковкина. Пред. И. С. Плотникова. Л., 1924.

⁸⁸ Е. А. Черноусов. По поводу одной маленькой книжки и небольшого к ней введения. — ИСКГУ, т. VIII. Ростов-на-Дону, 1926, стр. 137—142. Свидетельством интереса Е. А. Черноусова к проблемам экономики являются его рецензии на книгу В. Ф. Левитского «Очерки истории хозяйственного быта народов Древнего Востока» (там же, т. I (XI), 1927, стр. 109—111) и на статьи Большой Советской Энциклопедии (там же, т. X, 1926, стр. 134—135).

⁸⁹ В 1926 г. А. А. Васильев покинул родину и позднее окончил свои дни на чужбине, не вернувшись из заграничной командировки.

⁹⁰ А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. I. Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.). Пг., 1917; его же. Византия и крестоносцы. Пг., 1922; его же. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). Пг., 1923; его же. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925.

⁹¹ Права была Е. Э. Липшиц, когда она критиковала Г. Н. Лозовика за то, что он приписывал А. А. Васильеву чуть ли не марксистский взгляд на историю. Г. Н. Лозовик действительно характеризовал А. А. Васильева как марксиста и именно в данной им трактовке византийского феодализма усматривал его марксистские взгляды, полагая, что тут он «вполне стоит на высоте вооруженного марксистским методом историка». См.: Е. Э. Липшиц. К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии. — ИГАИМК, вып. 90, 1934, стр. 543. Ср.: Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927 гг.). — ИМ, 1928, № 7, стр. 238.

собственно византийским материалом, чем источниками по истории сопредельных с Византией стран.

Так, в описании ее отношений с арабами автор допускает ряд неточностей, касающихся внутренней истории мусульманских народов⁹². Небезынтересны сведения, собранные А. А. Васильевым, о культурных связях Руси и Византии, однако влияние Византии на Древнерусское государство явно преувеличивается. Крестовые походы трактуются историком с провизантийских позиций, западные источники использованы значительно меньше византийских⁹³. Последний период в истории Византии (XIII—середина XV в.) рисуется автором как эпоха глубокого упадка. Причинами падения былого политического и экономического могущества империи признаются главным образом разгром Византии во время IV крестового похода и установление прямых торговых связей между Западной Европой и мусульманским Востоком, вследствие чего отпала необходимость в посреднической миссии Византии, на которой основывалась ее транзитная торговля⁹⁴.

Одновременно с изданием очерков по истории Византии А. А. Васильев изучал готскую проблему, прежде всего вопрос о роли готов в истории средневекового Крыма. Плодом его разысканий явилась монография «Готы в Крыму»⁹⁵, породившая много споров среди советских историков и археологов. Основным тезисом автора является утверждение, будто готы, поселившись в Крыму еще в III в., создали там так называемую Крымскую Готию, которая просуществовала в течение всего средневековья, а потомки готов сохранялись в Крыму вплоть до XVIII в.⁹⁶ По мнению историка, крымские готы в III в. приняли христианство, причем всегда оставались православными, арианство к ним так и не проникло. В конце IV—начале V в. была основана крымская готская епископия, никогда не терявшая связей с Константинопольским патриархатом. Проследившая на протяжении III—XIII вв. историю крымских готов, А. А. Васильев показывает смену завоевателей, вторгавшихся в Крым и сталкивавшихся с жившими там туземными племенами, а также с готами. Перед читателем проходят эпизоды сперва гуннского завоевания (IV в.) и времени преобладания гуннов (в V—VI вв.), затем — появление в 70-х годах VI в. новых кочевых

⁹² См.: В. В. Бартольд. Рец. на кн.: А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. I. Время до эпохи крестовых походов. Пр., 1917 (в «Записках коллегии востоковедов при азиатском музее Российской АН», т. I. Л., 1925, стр. 461—482). В. В. Бартольд обстоятельно критиковал А. А. Васильева за ошибки в освещении истории ислама и арабов.

⁹³ См.: И. И. Соколов и О. А. Добиащ-Рождественская. Книга А. А. Васильева «Византия и крестоносцы». — «Анналы», № 4, 1921, стр. 269—273. И. И. Соколов давал здесь весьма хвалебный отзыв о рецензируемой книге, а О. А. Добиащ-Рождественская критиковала автора за неточное изложение крестовых походов, не всегда согласуемое с данными западных источников. Впрочем, сама она, критикуя А. А. Васильева, выступала с идеалистических позиций.

⁹⁴ Находясь за границей, А. А. Васильев переработал и дополнил свои очерки, издав их на французском, английском и других языках: A. A. Vasiliev. Histoire de l'Empire Byzantin. Paris, 1932; idem: History of the Byzantine Empire (324—1453). Madison, 1952.

⁹⁵ А. А. Васильев. Готы в Крыму, ч. I. — ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 265—344; ч. II. — ИРАИМК, т. V, 1927, стр. 179—282; A. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. Рец.: F. Dölger. BZ, 28, 1928, S. 198—200.

⁹⁶ Там же, ч. II, стр. 281.

орд — хазар, сохранивших здесь свое влияние до IX в. Далее начались набеги печенегов и русских на Крым (IX—X вв.), хазарское господство пало, и в X в. над Готией был установлен русский протекторат; с середины XI до начала XIII в. в Крыму господствовали половцы.

На фоне этой бесконечной смены завоевателей А. А. Васильев особо рассматривает отношения Византии и крымских готов. Он приходит к выводу, что империя всячески стремилась привлечь крымских готов под свой протекторат, что ей и удавалось в связи с общей опасностью, возникшей и для византийских владений в Крыму (Херсонес), и для Крымской Готии. Особенно сильно было влияние Византии на последнюю в VI в., при Юстиниане, когда империя построила цепь укреплений, так называемый Таврический Лимес, для защиты Крыма от вторжений кочевников⁹⁷. Во времена иконоборчества Крым, в том числе готская епископия, стал убежищем для православных монахов-иконопочитателей, выступавших против иконоборцев⁹⁸. А. А. Васильев отмечает и участие готов в восстании Фомы Славянина. В XI в. власть Византии над крымскими готами значительно окрепла, но в конце XII в. Крымская Готия покончила с политической зависимостью от Константинополя и после 1204 г. стала вассалом Трапезундской империи⁹⁹.

В советской историографии работа А. А. Васильева подверглась серьезной критике за преувеличение роли готов в судьбах средневекового Крыма¹⁰⁰. Но до сего времени вопрос о готах в Крыму остается спорным и требует дальнейших археологических, топонимических, антропологических и исторических разысканий¹⁰¹.

В 20—30-х годах русских византинистов, историков СССР и востоковедов привлекают проблемы взаимоотношений Византии, Руси и народов Востока. В «Византийском временнике» были опубликованы ценные исследования А. Ю. Якубовского (1886—1953) по этой проблеме. В статье «Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г.—943/4 г.»¹⁰² автор, изучив восточные источники, в частности труд арабского историка X—XI вв. Ибн-Мискавейха «Книга испытаний народов», содержащий подробное описание похода русских в прикаспийские области в X в.,

⁹⁷ А. А. Васильев. Готы в Крыму, ч. II, стр. 182 и сл.

⁹⁸ Там же, стр. 199 сл.

⁹⁹ Там же, стр. 272—282. В своей статье на ту же тему, написанной за четыре года до появления второй части монографии, А. А. Васильев уже предвосхищает ее выводы. В этой статье он априорно считал доказанным существование Крымской Готии на протяжении всего средневековья (А. А. Васильев. Проблема средневекового Крыма.— НВ, № 3, 1923, стр. 378—386). Началом средневековья в Крыму для А. А. Васильева является принятие христианства готами в IV в.; окончание же средних веков для Крыма автор относит к концу XV в., когда Крым вошел в состав мусульманской Турции (там же, стр. 378). Основными проблемами истории средневекового Крыма А. А. Васильев, согласно своей позитивистской методологии, считает религиозную, этническую и торгово-экономическую (там же, стр. 379 сл.).

¹⁰⁰ См.: М. В. Левченко. Византиноведение в СССР..., стр. 232.

¹⁰¹ См.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958; статьи: Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 48, 52—54; В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень, стр. 93—94, 145—146; К. Ф. Соколов. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма, стр. 69, 78.

¹⁰² См.: ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 63—92.

приходит к важным и вполне оригинальным выводам. Прежде всего он уточняет датировку похода, затем восстанавливает путь русских к Бердаа, дает описание географического положения этого города и его экономики, показывает торговое значение Бердаа, рассматривает военную технику русских дружин и их силу.

С этой работой А. Ю. Якубовского перекликается по тематике другая его статья — «Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей)»¹⁰³. Автор тщательно анализирует источник XII—XIII в. «Сельджукнаме» Насир-ад-дин-Яхья-ибн-Мухаммеда, известного под прозвищем Ибн-ал-Биби и жившего в Иконийском султанате. Ибн-ал-Биби приводит совершенно свежий материал о походе турок-сельджуков на Судак, половцев и русских. Его труд представляет исключительный интерес для ранней истории Руси и для выяснения торговых связей Малой Азии с Крымом и Русью. А. Ю. Якубовский разрешает ряд спорных и темных вопросов: он дает новую, хорошо аргументированную датировку похода (1221 или 1222 г.), считая, что поход был совершен сельджуками при половецком хане Юрии Кончаковиче и русском (рязанском) князе Мстиславе. По мнению автора, взятие Судака сельджуками не имело большого политического резонанса, поскольку вскоре последовало монгольское завоевание, и половецкую кочевую державу, которая собирала дань с Крыма, сменила Золотая Орда.

В интересном очерке о торговле Причерноморья с Востоком, осуществлявшейся при посредничестве половцев, А. Ю. Якубовский доказывает, что эта торговля была чрезвычайно оживленной и велась на суше и на море, не прерываясь даже во время военных действий¹⁰⁴.

Большое место в трудах отечественных историков и в первые годы Советской власти, и в последующее время занимала разработка проблемы русско-византийских политических и культурных связей. Оживленные споры в исторической литературе 20—30-х годов вызвала «загадка» местонахождения знаменитой Тмутаракани и вопрос о реальности существования Тмутараканского княжества. По этому поводу иногда высказывались крайне нигилистические суждения. Например, В. Д. Смирнов утверждал, что никакого города или русского княжества с таким названием не было, этим именем якобы называлась в средние века область, простиравшаяся от Керченского пролива до реки Куры. Само же название Тмутаракань, по мнению В. Д. Смирнова, византийского происхождения¹⁰⁵. Другие исследователи, напротив, признавали реальность города Тмутаракани и в связи с этим придавали особое значение так называемому Тмутараканскому камню,

¹⁰³ См.: ВВ, XXV, Л., 1928, стр. 53—77.

¹⁰⁴ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 67 сл. Из других работ, касающихся взаимоотношений Византии и Востока, можно назвать статью В. В. Бартольда «Христианское происхождение Омейядского царевича (о царевиче Аббасе, сыне Валида I)» (ВВ, XXIV, Л., 1926, стр. 17—26) и его историко-географический труд, где затрагиваются и византиноведческие сюжеты (В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Л., 1925).

¹⁰⁵ В. Д. Смирнов. Что такое Тмутаракань? — ВВ, XXIII, Пг., 1923, стр. 15—73.

на котором высечена надпись, содержащая рассказ о переправе из Керчи в Тмутаракань¹⁰⁶.

Проблемами, постоянно занимавшими русских ученых, оставались походы русских на Царьград и русско-византийские договоры¹⁰⁷. Спорным и трудноразрешимым по-прежнему оставался вопрос о происхождении названия «Русь»¹⁰⁸.

Во многих работах тех лет, в том числе и византинистов, рассматривались литературные связи Древней Руси и Византии¹⁰⁹. Хотя все эти работы и прибавляли некоторый новый фактический материал, вносили различные уточнения, касавшиеся частностей, но коренного перелома в изучении русско-византийских отношений, с точки зрения нового метода и нового подхода к проблеме не создавали.

Видное место в научном творчестве русских византинистов изучаемого периода занимал такой важный раздел византиноведения, как культура и искусство Византии.

Правда, попытки написать обобщающий труд по истории византийской культуры не увенчались успехом, и книга П. В. Безобразова (1859—1918) «Очерки византийской культуры», претендовавшая на подобное обобщение, оказалась неудачным собранием отдельных, лишенных общей концепции и единой идеи очерков, посвященных различным сторонам культурной жизни византийского общества¹¹⁰. Книга проникнута духом идеализации императорской власти и церкви, поверхностно освещает быт и нравы Византии и, несмотря на занимательность, не содержит глубокого анализа сложных явлений византийской культуры.

Несравненно большую ценность представляют исследования В. Е. Вальденберга (1871—1941) по истории политической и философской мысли в Византии. Основная идея, которую В. Е. Вальденберг ревностно отстаивал во всех своих трудах, заключалась в доказательстве самостоятельности развития и научной оригинальности византийской философии и политической идеологии. Историк решительно выступал против распространенного на Западе представления о застойности византийской политической мысли и ее зависимости от западноевропей-

¹⁰⁶ См.: Н. И. Веселовский. К истории открытия тмутараканского камня. Пг., 1917; Ф. И. Шмит. О Тмутаракани.— ИТУАК, № 54, 1918, стр. 389—393; А. Л. Бертье-Делагард. Заметки о тмутараканском камне.— Там же, № 55, 1918, стр. 44—96; В. А. Пархоменко. Вопрос о времени существования и месте нахождения Тмутаракани.— Бюллетень Керченской археологической конференции 1926, № 1—6. Керчь, 1926.

¹⁰⁷ В. М. Истрин. Договоры русских с греками X века.— ИОРЯС, XXIX, 1924, стр. 383—393; его же. Летописное повествование о походах русских князей на Царьград.— ИОРЯС, XXI, 1916, кн. 2, стр. 215—236; В. А. Брим. Путь из варяг в греки.— ИАН СССР, 1931, серия VII, отд. гуманитар. наук, № 2, стр. 201—247; П. Г. Любимиров. Торговые связи Руси с Востоком в VII—IX вв.— УЗ СарГУ, I, вып. 3—4, 1923, стр. 5—38.

¹⁰⁸ В. А. Брим. Происхождение термина «Русь», в кн.: «Россия и Запад», I. Пг., 1923, стр. 5—10.

¹⁰⁹ В. Н. Бенешевич. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия. Л., 1928; его же. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1—2. Пг., 1918—1920; П. Г. Васенко. Сербские записи на греческой рукописи XV в., принадлежащей библиотеке Академии наук.— ИАН СССР, 1928, сер. VII, отд. гуманитарных наук, № 1—10, стр. 27—44 и др.

¹¹⁰ П. В. Безобразов. Очерки византийской культуры. Пг., 1919.

ской философии. В. Е. Вальденберг горячо доказывал, что такие византийские мыслители, как Псевдо-Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, Анастасий Синаит, Фотий, Михаил Пселл, Иоанн Итал, Никифор Влеммид, были оригинальными философами и их философские системы для своего времени ни в чем не уступали средневековым философским учениям Запада. Более того, ученый установил влияние византийской философской мысли на западную, а также распространение некоторых византийских философских веяний на Руси. В. Е. Вальденберг, не будучи марксистом, был еще далек от того, чтобы попытаться выяснить социальные корни византийской философии, проследить борьбу течений и эволюцию политической мысли в связи с общественными движениями соответствующего времени¹¹¹. Однако решительный отказ от гиббоновского представления о косности и неподвижности византийской культуры очень выгодно отличает работы В. Е. Вальденберга от contemporaneous ему исследований западных ученых.

В. Е. Вальденберг убедительно вскрывает также античные истоки византийской философии. В частности, глубоко изучив философскую систему стоика Диона Хрисостома (I в. н. э.), он прослеживает влияние его идей на политическую мысль в Византии¹¹².

Интересовала В. Е. Вальденберга и история проникновения византийской политической мысли на Русь. Он показывает, как античные политические идеи и этические представления через посредство византийской политической литературы включались, правда в переработанном виде, в круг идей древнерусской книжности. Так, популярные и на Западе и на Руси «Наставления писателя Агапита императору Юстиниану» (VI в.) об обязанностях государя, переводы которых встречаются в памятниках русской письменности, имели своей основой античные образцы. «Наставления», написанные в виде небольших эпиграмм и доступные для широкого читателя, пропагандировали античные воззрения об идеальном государе, лишь внося в них некоторые византийские элементы.

Эти идеи были переработаны русскими книжниками и приспособлены к русской действительности¹¹³.

В других своих работах В. Е. Вальденберг прослеживает, каким образом изменялись византийские политические концепции «идеального государя» в древнерусской литературе¹¹⁴.

¹¹¹ Некоторые свои работы этого времени В. Е. Вальденберг опубликовал в зарубежных византиноведческих журналах. V. Valdenberg. Sur le caractère général de la philosophie byzantine.—RHPH, t. III, f. 3, 1929, p. 277—295; его же. Византийская философия IV—V вв.—Byz., t. IV (1927—1928), 1929, p. 237—268; его же. Политические речи Фемиствия.—Byz., t. I, 1924, p. 557—580; его же. Политические идеи в фрагментах Петра Патрикия.—Byz., t. II (1925), 1926, p. 55—76; его же. Никулица и современные византийские патриции.—Byz., t. III (1926). P. 1, 1927, p. 95—121.

¹¹² В. Е. Вальденберг. Политическая философия Диона Хризостома.—ИАН СССР, 1926, сер. VI, т. XX, № 10—11, стр. 943—974 (ч. I); 1926, № 13—14, стр. 1281—1302 (ч. II); 1926, № 15—17, стр. 1533—1554 (ч. III); 1927, сер. VI, т. XXI, № 3—4, стр. 287—306 (ч. IV). См. также: В. Е. Вальденберг. К учению Диона Хризостома о рабстве.—Сб. статей в честь С. А. Жебелева. стр. 89—97.

¹¹³ В. Е. Вальденберг. Наставления писателя VI века Агапита в русской письменности.—ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 27—34; его же. Печатные переводы Агапита.—«Доклады АН СССР», серия В, 1928, № 13, стр. 283—290.

¹¹⁴ В. Е. Вальденберг. Речь Юстина II к Тиверии.—ИАН СССР, 1928,

По истории собственно византийской литературы русскими византистами было написано мало. Можно назвать небольшую заметку Б. В. Варнеке (1874—1944), в которой доказывается, что в византийское время в театре разыгрывались пантомимы на античные сюжеты, в том числе использовались классические трагедии и комедии Менандра, и текстологическое исследование М. Н. Сперанского¹¹⁵. Серьезные пробелы в изучении византийской литературы ощущались в нашем византиноведении длительное время и не восполнены еще и сейчас.

Зато в области разработки истории византийского искусства русские ученые всегда занимали и занимают видное место в науке. Широкую известность приобрели после Октябрьской революции труды Д. В. Айналова (1862—1939), Ф. И. Шмита, Л. А. Мацулевича (1886—1959), искусствоведов младшего поколения — марксистов В. Н. Лазарева, М. В. Алпатова, Н. И. Брунова и др. Д. В. Айналов — превосходный знаток византийского искусства, еще раньше выдвинув гипотезу о его эллинистических основах¹¹⁶, в послеоктябрьский период продолжал свои исследования проблемы взаимного влияния восточного, в частности палестинского, искусства и искусства Западной Европы¹¹⁷. Ценный вклад был внесен Д. В. Айналовым и в изучение истории древнерусского искусства, особенно его связей с византийским¹¹⁸.

Действительный член Академии наук Украинской ССР Ф. И. Шмит осуществил первоклассную публикацию замечательного памятника византийского искусства — церкви Успения в Никее. Работа Ф. И. Шмита ныне является уникальной, ибо самый памятник этот погиб во время греко-турецкой войны 1919—1922 гг.¹¹⁹

Всемирное признание получила также работа Л. А. Мацулевича «Византийские антики», в которой он посредством детального обследования византийской горевтики (чеканка по серебру) выявляет пути эволюции раннего византийского искусства, в частности рост влияния художественных вкусов так называемых варварских народов и ослабление античных традиций¹²⁰.

сер. VII, отд. гуманитарных наук, № 1—10, стр. 111—140; его же. Речь Юстина II в древнерусской литературе.— «Доклады АН СССР», серия В, 1930, № 7, стр. 121—127; его же. Понятия о тирани в древнерусской литературе в сравнении с западной.— ИОРЯС, 1929, II, кн. 1, стр. 214—236.

¹¹⁵ Б. В. Варнеке. Из истории византийской драмы.— «Доклады АН СССР», 1926, май — июнь, стр. 49—51; М. Н. Сперанский. Дивгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности.— ОРЯС, т. ХСІХ, 1922, № 7.

¹¹⁶ Д. В. Айналов. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900, стр. 1—224.

¹¹⁷ Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV ст. Пг., 1917; его же. Искусство Палестины в средние века.— ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 77—86; его же. Пользование античными композициями и фигурами на памятниках христианского искусства.— Сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 107—117.

¹¹⁸ Д. В. Айналов. История древнерусского искусства. Киев — Царьград — Херсонес.— ИТУАК. № 57. Симферополь, 1920, стр. 136—248; его же. Живопись Бахчисарайского дворца.— «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1927, т. 1, стр. 1—4; D. Ainaloff. Geschichte der russischen Kunst, Bd. I—II. Bd. I. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin — Leipzig, 1932—1933.

¹¹⁹ Th. Schmit. Die Koimesis-Kirche von Nikaia. Berlin und Leipzig, 1927.

¹²⁰ L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Studien auf Grund des Silbergefäße der Ermitage. Berlin — Leipzig, 1929. См. другие работы Л. А. Ма-

К этому же времени (20—30-е гг.) относятся первые работы нашего крупнейшего специалиста по византийской живописи В. Н. Лазарева¹²¹.

Видный знаток византийской архитектуры Н. И. Брунов изучал памятники византийской архитектуры на территории СССР и занимался вопросом о связях византийского и древнерусского зодчества. Его внимание привлекала также проблема восточных элементов в византийской архитектуре¹²².

Известный искусствовед М. В. Алпатов интересовался в ранний период своего научного творчества византийской миниатюрой¹²³. М. В. Алпатов и Н. И. Брунов совершили поездку по Турции и дали увлекательное описание византийских памятников Константинополя и Малой Азии¹²⁴.

Велик вклад русских ученых-византистов в дело изучения и издания рукописных сокровищ, хранящихся в архивах и библиотеках нашей страны. Несмотря на трудности гражданской войны и разрухи, публикация важнейших византийских и византино-славянских памятников успешно продолжалась. Образцом безукоризненно тщательного и высокого по своему научному уровню издания источника является публикация акад. В. М. Истриным (1865—1937) греческого текста и древнеславянского перевода византийской хроники Георгия Амартола¹²⁵. Не только безупречно изданный текст, но и глубокое исследование проис-

цулевича: «Византия и эпоха великого переселения народов». Л., 1929; «Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки». Сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 216—236; «Византийские резные кости собрания М. П. Богкина». — СГЭ, Пг., 1923, вып. II, стр. 43—72; «Серебряная чаша из Керчи» Л., 1926; «Погребение варварского вождя в Восточной Европе» — ИГАИМК, вып. 112, 1934, и др.

¹²¹ В. Н. Лазарев. К вопросу изображения у египтян человеческих фигур на плоскостях. — ТСИИИАИ, IV, 1930, стр. 3—21; i d e m. Ein byzantinisches Tafelwerk aus der Komnenepoche (совместно с М. В. Алпатовым). — JPK, XLVI, 1925, S. 140—155; i d e m. Einige kritische Bemerkungen zum Chludov-Psalter. — BZ, XXIX, 1929/1930, S. 279—284; i d e m. Über eine neue Gruppe byzantinisch-venezianischer Trecento-Bilder. — AS, VIII, 1931, S. 3—31; его же. Византийское искусство. — В кн. «Государственный музей изобразительных искусств. Путеводитель по музею», вып. 3, ч. I. М., 1934, стр. 11—15.

¹²² Н. И. Брунов. Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи. — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 87—105. В статье исследуется византийский храм Иоанна Предтечи в Керчи. Автор датирует этот памятник первой половиной VIII в. (периодом иконоборчества) и прослеживает влияние на него арабской архитектуры. См. также: Н. И. Брунов. К вопросу о связях древнерусского зодчества с Херсонессом. — ИТОИАЭ, I (58), 1927, стр. 26—27; его же. К вопросу о восточных элементах византийского зодчества. — ТСИИИАИ, IV, 1930, стр. 21—29 и др.

¹²³ М. В. Алпатов. Царьградские миниатюры Апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве. — ТСИИИАИ, II, 1928, стр. 102—112.

¹²⁴ М. В. Алпатов и Н. И. Брунов. Краткий отчет о поездке на Восток. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 57—62; и х же. Археологическое путешествие по Турции (в 1924 г.) — НВ, № 14, 1926, стр. 251—261.

¹²⁵ В. М. Истрин. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I. Пг., 1920; т. II. Пг., 1922; т. III. Л., 1930. См.: его же. Толковая Палая и хроника Георгия Амартола. — ИОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 369—379. Еще ранее В. М. Истрин издал славянскую версию хроники Иоанна Малалы (В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Одесса, 1903).

хождения рукописи и источников славянской, так называемой «болгарской», версии Георгия Амартола делают эту публикацию незаменимой как для византинистов, так и для историков древнерусской литературы¹²⁶.

Длительное время сочинения византийского философа XI в. Иоанна Итала были известны лишь в отрывках, что крайне затрудняло изучение всей философской системы и мировоззрения этого выдающегося мыслителя, выступавшего против господствующей церкви. Г. Ф. Церетели, известный эллинист, большой знаток греческой палеографии, взял на себя огромный труд публикации неизданных произведений Иоанна Итала. Подготовленное им издание включает около 12 важнейших произведений этого философа, представляющих большой научный интерес. Подробный комментарий и содержательное введение позволяют считать издание Г. Ф. Церетели выдающимся явлением в истории византиноведения¹²⁷.

Плодотворно работал в сфере издания, описания и изучения византийских и древнегреческих рукописей М. А. Шангин. Крупный специалист в области палеографии и эпиграфики, М. А. Шангин ввел в научный оборот значительное число неизвестных до него греческих текстов¹²⁸. Самым ценным вкладом в науку, внесенным им, была публикация собрания русских астрологических кодексов, вошедшего в международное издание аналогичных памятников¹²⁹.

¹²⁶ В. М. Истрин являлся также крупным эрудитом в области древнерусской литературы и источников. См.: В. М. Истрин. Замечания о начале русского летоисчисления.— ИОРЯС, XXVI, 1923, стр. 45—102; XXVII, 1924, стр. 207—251; его же. Откровение Мефодия Патарского и летопись.— ИОРЯС, XXIX, 1925, стр. 380—382; его же. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.).— «Наука и школа». Пг., 1922, X, стр. 1—248; его же. Где было переведено житие Василия Нового?— ИОРЯС, XXII, кн. 2, 1918, стр. 320—325.

¹²⁷ G. Zereteli. Joannis Itali Opuscula selecta, t. 1—2. Tiflis, 1924—1926. Г. Ф. Церетели в послереволюционные годы вообще много занимался историей греческой и византийской культуры. См.: Г. Ф. Церетели. Этюды к Меландру (I. Fabula incerta).— ИАН СССР, 1929, сер. VII, отд. гуманитарных наук, № 3, стр. 231—244; его же. Новый гимн в честь Диониса.— ИАН СССР, 1918, сер. VI, № 9, стр. 873—880; № 10, стр. 971—1002; № 11, стр. 1153—1180; его же. Архивы классической древности (Греция и Рим), т. I. Л., 1920, и др.

¹²⁸ М. А. Шангин. Фрагменты греческих рукописей из Музея палеографии, ч. I.— «Доклады АН СССР», серия В, 1927, № 7, стр. 138—142; ч. II.— Там же, № 9, стр. 200—203; его же. Греческая астрологическая рукопись из Музея палеографии.— «Доклады АН СССР», серия В, 1928, № 11, стр. 241—246; его же. Латинская астрологическая рукопись, принадлежавшая академику Г. В. Крафту.— «Доклады АН СССР», серия В, 1929, № 3, стр. 39—44; его же. О роли греческих астрологических рукописей в истории знания.— ИАН СССР, 1930, сер. VII, № 5, стр. 307—317; его же. К вопросу о средневековом «тадании по Пифагору».— «Доклады АН СССР», серия В, 1930, № 6, стр. 109—116; его же. Gergis Philosophus, liber de astronomiae disciplinae peritia.— ИАН СССР, 1930, сер. VII, № 2, стр. 145—158; его же. Академическая рукопись Григория Назианзина.— ИАН СССР, 1927, сер. VI, т. XXI, № 12—14, стр. 997—1008; Ямбическая поэма Иоанна Каматира «О круге Зодиака» по Академической рукописи.— ИАН СССР, 1927, сер. VI, XXI, № 5—6, стр. 425—432; его же. Греческий перевод Абу-Ма'шара в рукописи библиотеки Академии наук.— ИАН СССР, 1926, сер. VI, т. XX, № 10—11, стр. 907—916; и др.

¹²⁹ Codices Rossici. Catalogus codicum astrologicorum graecorum. T. XII. Bruxelles, 1936. См. рец.— «Antiquité classique», t. V, 1936, p. 485—487.

Казанский профессор эллинист С. П. Шестаков (1864—1940) изучил малоизвестные стихотворения анонимного византийского поэта времен Комнинов и, сопоставив их с известиями византийских историков Иоанна Киннама и Никиты Хониата, показал достоверность некоторых исторических данных, содержащихся в этих стихотворениях и помогающих уточнить события внешнеполитической и государственной жизни Византии того времени¹³⁰.

Небезынтересны для политической и церковной истории Византии времени правления Иоанна и Мануила Комнинов изданные известным византинистом В. Э. Регелем (1857—1932) греческие памятники — литературные произведения, похвальные слова, монодии, эпитафии и другие тексты XII в.¹³¹

Многие годы другой видный византинист старой школы В. Н. Бенешевич (1874—1943) обследовал греческие рукописные сокровища синаяских монастырей. Его описания этих ценнейших материалов имеют первостепенное значение как для истории византийской культуры, так и для истории православной церкви¹³².

Кроме того, ученый опубликовал «Тактикон» антиохийского монаха XI в. Никона Черногорца (по греческой рукописи Синайского монастыря). Этот памятник содержит любопытный материал о положении антиохийской церкви в XI в. и о борьбе христианского населения с арабами¹³³. В. Н. Бенешевич занимался также и греческой эпиграфикой. Он издал некоторые открытые незадолго до того греческие надписи из Армении¹³⁴. Привлекала его и историческая география Византии и Ближнего Востока¹³⁵.

¹³⁰ С. П. Шестаков. Заметки к стихотворениям *codicis Marciani gr.* 524.— ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 45—56.

¹³¹ W. Reg. l. *Fontes rerum byzantinorum sumptibus Academiae Scientiarum Rossicae. Fasc. 2. Petropoli*, 1917, p. 183—399.

¹³² В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. III, вып. 1. Рукописи № 1224—2150. Пг., 1917, IV + 354 стр. Автор продолжал в своем труде описание греческих рукописей Синае, начатое еще Порфирием Успенским; его же. Памятники Синае археологические и палеографические, вып. 1. Л., 1925; его же. Номаканон Иоанна Комнина, архиепископа Ахридского.— ВВ, XXII (1915—1916), вып. 1—2. Пг., 1916, стр. 41—61; его же. Кодекс Альда Мануция в Росейской Публичной библиотеке.— Сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 463—472 (анализируются рукописи трагедий Софокла). Для истории православной церкви весьма полезно изданное специалистом по литургике А. А. Дмитриевским описание рукописей литургических текстов, которые были им найдены в монастырях Афона, библиотеках Патмоса и в патриаршей библиотеке Иерусалима. См.: А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. III (1-я половина), ч. II. Пг., 1917.

¹³³ В. Н. Бенешевич. Никон Черногорец. Тактикон Никона Черногорца. Греч. текст по рукописи № 441 Синайского монастыря св. Екатерины, вып. 1. Пг., 1917, стр. 1—120. В русле занятий В. Н. Бенешевича историей православной церкви находится и его исследование «Грузинский великий Номаканон по спискам Тифлисского церковного музея».— ХВ, т. II, вып. III. СПб., 1914, стр. 349—377; т. V, вып. II. Пг., 1917, стр. 112—127.

¹³⁴ В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи XI века из эпохи византийского владычества.— Гос. изд. Пб. Акад., 1921, Анийская серия, VII.

¹³⁵ В. Н. Бенешевич. Новые данные для исторической географии Ближнего Востока (Из греко-сирийского списка отцов Никейского первого вселенского собора).— ИКИАИТ, т. II (1917—1925), 1927, стр. 111—134.

Наряду с разработкой проблем социально-экономической истории Е. А. Черноусов продолжал свои разыскания в сфере источниковедения. Он впервые в русской литературе произвел анализ сирийской хроники Иешу Стилита (Иисуса Столпника) (конец V — начало VI в.). В своем исследовании историк уточняет датировку памятника, приурочивая его написание ко времени около 518 г., воссоздает биографию автора и, сопоставляя данные хроники со свидетельствами других источников, выясняет религиозную принадлежность Иешу Стилита: он считает его православным умеренного толка и отвергает гипотезу о монофиситстве хрониста¹³⁶. По-иному расценивает Е. А. Черноусов религиозные взгляды другого хрониста VI в. — Иоанна Малалы, которого он на основании внутренней критики его хроники причисляет к монофиситам¹³⁷.

Крупнейший знаток греческой палеографии и агиографии В. В. Латышев (1855—1921) подготовил образцовое издание жития Феофана Исповедника, написанного константинопольским патриархом Мефодием. Издание было осуществлено по греческой рукописи, хранящейся в Москве, в бывшей Синодальной библиотеке. Изданию греческого текста жития предпослано введение, где содержится анализ памятника, уточняется время его написания, определяется ценность Московской рукописи по сравнению с другими¹³⁸. Внимание ученого, кроме того, привлекли письма византийского писателя и государственного деятеля первой половины X в. Феодора Дафнопата¹³⁹.

Некоторые успехи были достигнуты в рассматриваемый период в области развития вспомогательных дисциплин: византийской сфрагистики, эпиграфики, нумизматики¹⁴⁰. В изучении византийской сфрагистики велики заслуги академика Н. П. Лихачева (1862—1935). Его первостепенный труд «Датированные византийские печати» получил всемирное признание. Путем анализа византийских моливдовулов Н. П. Лихачев показал здесь эволюцию государственного и административного управления Византии VII в.¹⁴¹ Не меньшее значение имеет его фунда-

¹³⁶ Е. А. Черноусов. Сирийский источник по истории Византии.— ВВ, XXV, Л., 1928, стр. 24—33. О сирийских памятниках см. также: А. П. Дьяков. К истории сирийского сказания о св. Мар-Евгене.— ХВ, т. VI, вып. II. Пг., 1918, стр. 107—174.

¹³⁷ Е. А. Черноусов. Из этюдов по Малале (эпоха Анастасия Дикора).— Сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 18—28.

¹³⁸ В. В. Латышев. Мефодия, патриарха Константинопольского, Житие преп. Феофана Исповедника (по Московской рукописи № 159).— ЗРАН, 1918, сер. VIII, т. XIII, № 4, стр. 1—120. См. другие работы того же автора по агиографии и литургике: «Из агиографической литературы».— ИРАН, 1918, сер. VI, т. XII, № 15, стр. 1579—1590; «Сборник палестинской и сирийской агиологии», вып. II (ППС, вып. 60. СПб., 1914); «Греческая литургическая рукопись библиотеки имп. Академии наук».— ИРАН, 1917, сер. VI, т. XI, № 2, стр. 85—86).

¹³⁹ В. В. Латышев. Критические заметки к письмам Феодора Дафнопата.— ИРАН, 1920, сер. VI, т. XIV, № 1—18, стр. 393—398.

¹⁴⁰ Ф. И. Успенский в своей статье «Новая струя, вносящая оживление в историю Византии» [ВВ, XXII (1915—1916), вып. 1—2, Пг., 1916, стр. 1—12] выдвигал в качестве одной из очередных задач византиноведения разработку вспомогательных дисциплин и призывал использовать для изучения административной и культурной истории Византии надписи на моливдовулах, папирусы, археологический материал.

¹⁴¹ Н. П. Лихачев. Датированные византийские печати.— ИРАИМК, III, 1924, стр. 152—224; его же. Моливдовул с изображением Влахернитиссы.—

ментальное исследование «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики». Сравнение византийских и русских печатей позволило установить тесные связи Византии и Руси в различных сферах культурной жизни ¹⁴².

Академик В. В. Латышев, заслуживший всемирную известность своими трудами по греческой эпиграфике Юга России, продолжал исследования в этой области, обогатив науку изданием еще некоторых греческих эпиграфических памятников Северного Причерноморья, в том числе надписей византийского времени из Херсонеса и Мангуна ¹⁴³.

Что касается византийской нумизматики, то в конце 20-х годов ученые обратились к изучению византийских монет, найденных на территории СССР, и прежде всего в Херсонесе ¹⁴⁴.

В 30-х годах в византиноведении, как и в других отраслях исторической науки, явно намечается перелом в сторону постановки важных теоретических проблем. Этот перелом знаменовал собой значительный шаг в формировании марксистского византиноведения, рождавшегося в упорной борьбе со старой буржуазной византинистикой.

Первой ласточкой, возвестившей о новых веяниях в византиноведении, была статья А. К. Бергера (1889—1962) «Демократическая революция в Византии XIV века». В этой работе А. К. Бергер расценивает восстание зилотов в Фессалонике в середине XIV в. как буржуазно-демократическую революцию, а власть зилотов характеризует как диктатуру народных масс. По его мнению, программа зилотов напоминала крайнее левое направление во Французской буржуазной революции XVIII в., ибо ее центральным лозунгом был аграрный закон. На примере революции зилотов автор пытался выявить высокий, по его мнению, уровень политической и классовой сознательности народных масс Византии XIV в. ¹⁴⁵ И хотя концепция А. К. Бергера была отвергнута в нашей науке, ибо специфически средневековое антифеодальное восстание он представил в виде демократической революции, само обращение автора к классовой борьбе в Византии было знаменательно.

В 30-х годах начинают создаваться новые, марксистские кадры историков-византинистов. Ученые включаются в общие дискуссии, вол-

Сб. ОРЯС, 1928, т. CI, № 3, стр. 143—147; «Византийские экскагии». — ИАН СССР, 1925, сер. VI, т. XIX, № 1—18, стр. 519—526 (вторая часть этого труда не опубликована). Ср.: А. А. Васильев. Описание византийских гирь и экскагий, хранящихся в Академии. — ИРАИМК, II, 1922, стр. 237—240.

¹⁴² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928; V. Lebedeva. Zwei Bleisiegel eines Pofhos des X—XI. Jahrhunderts. — BZ, 1928, Bd. 28, S. 392—395; Н. В. Измайлова. Описание византийских печатей из собрания Академии. — ИРАИМК, III, 1924, стр. 337—351.

¹⁴³ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. I. Херсонесские надписи; II. Мангунские надписи. — ИАК, 1918, вып. 65, стр. 9—21; его же. Новые христианские греческие надписи из Крыма. — ИТУАК, 1918, № 54, стр. 33—46; его же. Заметки по греческой эпиграфике. — ИРАИМК, II, 1922, стр. 65—83; его же. Заметки по греческой эпиграфике. — ИРАИМК, I, 1921, стр. 17—28; и др.

¹⁴⁴ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами (античные и византийские монеты). — ИРАИМК, V, 1927, стр. 379—397; М. М. Иващенко. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. — ИГАИМК, VII, вып. 10, 1931, и др.

¹⁴⁵ А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии XIV века. «Архив Маркса и Энгельса», кн. V. М.—Л., 1930, стр. 447—456.

новавшие всю нашу историческую науку: о закономерностях исторического развития, о смене социально-экономических формаций. Ленинградская византистка Е. Э. Липшиц выпустила на пленуме ИГАИМК в 1933 г. во время дискуссии о феодализме в Восточной Европе и России со своей концепцией генезиса византийского феодализма. Она указала на своеобразие феодальной формации в Византии, которое выражалось в длительном сохранении рабства (наряду с развивающимися феодальными формами зависимости) и в сохранении под покровом феодализма сельской общины. Византийский феодализм, как и западноевропейский, по ее мнению, явился результатом взаимодействия разлагающейся античной цивилизации и варварства. Но так как силы античного государства оказались на Востоке более крепкими, чем на Западе, варвары вошли в состав Византии не как доминирующий, а как подчиненный элемент. Это определило относительную застойность феодализма в Византии ¹⁴⁶.

В те же годы Е. Э. Липшиц, основываясь на трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, ставит вопрос о времени возникновения Византии как феодального государства. Согласно ее концепции феодализирующие процессы на византийской почве развертываются начиная уже с III в. н. э. Решающим в процессе гибели рабовладельческого общества и возникновения на его месте феодального она считает время около 300 г.; именно на него указывал Ф. Энгельс, характеризуя различия между положением мира в конце древности около 300 г. и в конце средневековья в 1453 г. ¹⁴⁷ Для работ Е. Э. Липшиц этого периода характерны острополемический тон и резкая критика всей буржуазной историографии, энергичное отстаивание своей концепции, основанной на марксистском подходе к истории Византии. Вместе с тем веяния 30-х годов сказались на работах Е. Э. Липшиц в том, что она строила свои выводы пока лишь на умозрительных, отвлеченных рассуждениях. Однако то были первые шаги подлинно марксистского византиноведения, и роль первых марксистских работ (А. К. Бергера и Е. Э. Липшиц) в преодолении идейной ограниченности буржуазной науки была очень велика. В эти же годы началось становление марксистского византиноведения в Грузии и Армении (см. ниже).

В целом рассмотренный период характеризуется острой борьбой традиций буржуазно-позитивистского византиноведения с идеями марксистской византиноведческой науки, постепенным накоплением сил в лагере историков-марксистов.

¹⁴⁶ См.: ИГАИМК, вып. 103, 1934, стр. 303—315.

¹⁴⁷ Е. Э. Липшиц. К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии.— ИГАИМК, вып. 90, 1934, стр. 543—563; ее же. Из мыслей К. Маркса о Византии.— ПИМК, 1933, № 3—4, стр. 51—61.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

(конец 30-х — середина 50-х годов)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЗДАНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Для превращения в подлинно марксистскую науку советское византиноведение должно было в середине 30-х годов преодолеть две основные опасности. Необходимо было покончить с влиянием позитивистских идей русской буржуазной византистики, отказаться от узости частных исследований по малозначительным вопросам, крохоборческого коллекционирования мелочей, смелее переходить к разработке кардинальных проблем истории Византии. Вместе с тем существовала реальная угроза впасть в отвлеченное социологизирование, отойти от глубокого изучения источников, сосредоточиться на построении умозрительных, спекулятивных схем, недостаточно подкреплённых историческими фактами. Только соединение марксистско-ленинской методологии с прочным освоением фактического материала могло явиться основой советской византиноведческой науки.

Преодоление этих препятствий в византистике было особенно мучительным процессом, поскольку здесь, как мы видели, длительное время сохраняла позиции буржуазная наука, а подготовка новых, марксистских кадров была сопряжена с большими трудностями, ибо от византинистов требовались специальные знания: среднегреческого языка, греческой палеографии, сфрагистики, эпиграфики и других вспомогательных дисциплин.

В связи с этим возникла острая необходимость создания в нашей стране особых научных центров, которые могли бы направлять развитие византиноведения как отдельной отрасли медиевистики. И такие центры были созданы. В 1939 г. в Ленинграде при ЛОИИ была образована византиноведческая группа, которой руководил профессор М. В. Левченко. Этот научный центр объединял преимущественно византинистов Ленинграда и лишь отчасти — специалистов из других городов. Однако к нему тяготели историки-слависты, востоковеды, медиевисты-западники, лингвисты, филологи, искусствоведы¹. Большую

¹ О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики. Л., 1968, стр. 183—184; Н. С. Лебедев (Ленинград). Византиноведение в СССР (1936—1946). — BSl, IX, 1, 1947, стр. 97—112.

поддержку этой группе в самом начале ее пути оказали академики С. А. Жебелев (1867—1941), Н. С. Державин (1877—1953), В. В. Струве (1889—1965).

В начальный период своей деятельности византиноведческая группа в Ленинграде направляла исследования своих сотрудников на изучение социально-экономической истории Византии, в частности аграрного строя в IV—VII вв. и проблемы славянской колонизации, ее влияния на развитие феодализма в византийском государстве. Группа ставила своими задачами: пробудить общественный интерес к византиноведческим занятиям, осветить роль Византии в мировой истории путем создания общего курса истории Византийской империи, начать публикацию неизданных византийских источников, хранящихся в архивах СССР, готовить кадры византинистов в Ленинградском университете. Но самое главное, пожалуй, чего удалось достигнуть в те годы,—это сплочение вокруг группы всех ученых, интересующихся византийской историей. Ленинградская византиноведческая группа взялась за подготовку первого фундаментального труда советских византинистов — «Византийского сборника», который предполагалось со временем превратить в периодическое издание. В 1940 г. «Византийский сборник» был подготовлен к печати, но трагические события Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда помешали его публикации: он увидел свет лишь в 1945 г.²

Своего рода манифестом ленинградских византинистов была передовая статья М. В. Левченко, опубликованная в этом сборнике. Автор ее призывал ученых заниматься преимущественно социально-экономической историей Византии, и притом с позиций марксистского учения об общественных формациях и классовой борьбе. Возрождение византиноведческих штудий М. В. Левченко мотивировал необходимостью преодолеть европоцентризм, дававший себя знать в советской исторической науке: для этого следовало обратиться к истории Византии и стран Востока. Показав тесную связь исторических судеб Византии и Древней Руси, Левченко подчеркивал влияние византийской цивилизации на культуру Древнерусского государства и других народов, живших на территории нашей страны. Этим определялась такая важная задача, как изучение византийской культуры и культурных связей Византии с Русью и Причерноморьем. Среди других задач, намеченных в статье М. В. Левченко, были издание неопубликованных византийских источников, хранящихся в собраниях СССР, и публикация рукописного наследия крупнейших русских византинистов³.

Заслугой руководителя ленинградской группы византинистов М. В. Левченко как ученого и организатора науки было то, что он внес в византиноведение, являвшееся тогда наиболее консервативной отраслью медиевистики, дух большевистской партийности, непримиримости в идеологической борьбе, соединенный с пониманием необходимости источниковедческих исследований⁴.

² М. В. Левченко. В византийской группе ЛОИИ АН СССР.— ВВ, I, 1947, стр. 378—380. Подготовка кадров византинистов в ЛГУ велась на историческом и филологическом факультетах. См.: Е. Э. Липшиц. Византиноведение в Ленинградском государственном университете.— Там же, стр. 380—381.

³ М. В. Левченко. Задачи современного византиноведения.— ВС, стр. 3—11.

⁴ И. Ф. Фихман. Митрофан Васильевич Левченко. Некролог.— ВДИ, 1955, № 3, стр. 219—220.

В ноябре 1943 г. в Москве при Институте истории АН СССР возник второй центр византиноведения — византийская группа под руководством академика Е. А. Косминского (1886—1959). Ее задачи были еще более широкими: она была призвана объединять и направлять научную деятельность всех византинистов страны⁵. На учредительном заседании группы Е. А. Косминский, глава советской медиевистики и византиноведения, поставил перед византинистами задачу всестороннего расширения исследовательской работы в этой области: ведь византиноведение было той отраслью исторического знания, в которой русские ученые занимали одно из ведущих мест.

Целью работы группы Е. А. Косминский поставил сплочение всех советских византинистов вокруг единого центра; подготовку научных кадров; пропаганду византиноведения путем организации лекций, докладов; издание учебной и научно-популярной литературы; обследование рукописных фондов СССР на предмет издания новых, не опубликованных до сих пор источников.

В 40—50-х годах московская группа византинистов развернула плодотворную и многообразную деятельность, направление которой давал академик Е. А. Косминский. Крупнейший советский медиевист-западник, ученый огромной эрудиции и разносторонних талантов, Е. А. Косминский отдавал много сил и энергии возрождению византиноведческих занятий. Благодаря своим глубоким историческим познаниям и широте научного кругозора Е. А. Косминский сумел раскрыть роль Византии во всемирно-историческом процессе. В своих выступлениях он неизменно подчеркивал, что актуальность той или иной темы не определяется хронологическим периодом, к которому она принадлежит. По его мнению, нельзя отрицать актуальность изучения истории средних веков и древнего мира, коль скоро мы признаем актуальным разработку научного марксистско-ленинского понимания исторического развития человечества. Исследование на любую тему является актуальным, если оно связано с решением основных задач истории как науки⁶. Необходимо, отмечал Е. А. Косминский, отбросить сложившиеся предубеждения, будто вся история Византии представляет собой картину застоя и реакции. На самом деле изучение закономерностей исторического процесса в Византийской империи дает много ценного для разрешения общих теоретических проблем феодализма. Е. А. Косминский неустанно указывал на выдающуюся роль Византии в судьбах средневекового мира. Борясь против теории «европоцентризма», отбрасывающей «на задворки» истории Восточную Европу и Азиатский Восток, он высказывал мысль о том, что для историков-марксистов средневековые — это не только средневековые Меровингов и Каролингов, Карла Великого и крестовых походов, но это также история славянских стран, Армении, Грузии, Переднего Востока и тесно связанная с ними

⁵ З. В. Удальцова. Византийская группа Института истории АН СССР. — ВВ, I, 1947, стр. 373—377.

⁶ Е. А. Косминский. Итоги и задачи советского византиноведения. — ВАН СССР, 1951, № 5, стр. 62—75 (доклад на объединенной сессии ОИИФ АН СССР и Отделения обществ. наук АН АрмССР). Ср.: Е. А. Косминский. Советское византиноведение и его задачи. Доклад на научной сессии памяти акад. Ф. И. Успенского в мае 1945 г. — ИАН СССР. серия ист. и филос., 1945, № 4, стр. 299—300.

история Византии, которые должны занять в трудах советских ученых надлежащее место. В истории средневековья, особенно раннего, Византия, как политический, международный и культурный центр, сыграла несравненно более важную роль, чем варварские и полуварварские государства Западной Европы. Вопрос о политических и культурных связях Византии со странами Восточной Европы и Закавказья имеет первостепенное значение для их истории.

Е. А. Косминский намечал основные направления развития византиноведческой науки, подсказанные самой жизнью. Среди них важнейшими были такие проблемы, как переход от рабовладения к феодализму, славянская колонизация Византийской империи, становление феодальных отношений в деревне, история города, зарождение раннебуржуазных отношений, внешняя политика Византии, и прежде всего византино-русские связи и взаимоотношения империи с Арменией и Грузией, история культуры, в особенности так называемого византийского Возрождения⁷.

Крупным фактором сплочения советских византинистов и создания предпосылок для подъема византиноведческой науки в стране послужили периодически созывавшиеся в те годы Отделением истории и философии АН СССР всесоюзные византиноведческие сессии. Первая такая сессия была проведена в Москве 5—6 мая 1944 г. Впервые история Византии трактовалась в докладах, прочитанных здесь, под углом зрения всемирной истории, на широком фоне международных связей Византии — с Западной Европой, славянскими народами, странами Востока и Московской Русью.

В докладе Е. А. Косминского «Византия и Запад» указывалось, что история Византии долгое время оставалась у нас «каким-то привеском» ко всеобщей истории, а между тем без анализа исторических судеб византийского государства нельзя понять историю средневекового Запада. Е. А. Косминский с присущей ему эрудицией нарисовал впечатляющую картину многообразных связей Византии и Западной Европы, особенно в правление Юстиниана и в эпоху крестовых походов.

Центральное место в докладе Е. А. Косминского занимал вопрос о культурных связях Византии и Запада. Крупнейший медиэвист-западник признал, что в течение многих веков преобладающим было культурное влияние Византии на Запад, которое сыграло прогрессивную роль в истории мировой цивилизации. Привлекает внимание и другой тезис, выдвинутый докладчиком. Он утверждал, что культура Византии в гораздо меньшей степени носила церковный характер, чем это пытается представить буржуазная историография. Е. А. Косминский призывал ученых изучать историю Византии и Западной Европы в сравнительно-историческом аспекте. Специфику истории Византии при этом он усматривал в сохранении централизованного государства, в выдающейся роли города почти на всех этапах ее развития, в застойности в последний период существования империи. Вместе с тем, по мнению Е. А. Косминского, гибель византийского государства в сере-

⁷ Е. А. Косминский. Итоги и задачи советского византиноведения, стр. 66.

дине XV в. не означала гибели византийско-греческого общества и его культуры⁸.

Академик В. И. Пичета (1878—1947) в докладе «Византия и славяне» осветил взаимоотношения империи и славянских народов почти на всем протяжении существования византийского государства. Поворотным моментом в этих отношениях были вторжения славян в Византию, оказавшие решающее влияние на формирование феодализма. В. И. Пичета крайне негативно оценивал политику Византии в отношении славян. Вся византийская политика, начиная от правления Симеона Болгарского, с точки зрения ученого, была антиславянской, что и послужило одной из причин гибели византийской державы под ударами турок, поскольку славянские народы остались равнодушными к ее судьбе.

Член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская в докладе «Византия и Восток» отстаивала концепцию «ориентализации» Византии. В первые века существования Византийской империи, полагала исследовательница, основным направлением внешней политики византийской державы было восточное; полнокровны и многообразны были и культурные связи между Византией и многими странами Востока. Сведения восточных авторов о Византии (особенно сирийцев и арабов) порою являются не только дополнением к византийским памятникам, но и служат уникальными источниками для ознакомления потомков с жизнью византийского общества.

Академик М. Н. Тихомиров (1893—1965) выступил с докладом «Византия и Московская Русь», где на основе преимущественно русских, а также византийских источников доказал, что временно прерванные в период монгольского завоевания культурные и церковные связи Руси и Византии вновь возродились с непотускневшей жизненной силой в XIV—XV вв. В эпоху Московской Руси византийская образованность также имела достаточно прочные корни среди русских книжных людей, а византийская цивилизация оставалась действенным импульсом расцвета самобытной русской культуры⁹.

Всемирно-историческая точка зрения на историю Византии, утвердившаяся в нашей науке под воздействием взглядов в первую очередь Е. А. Косминского, привлекла внимание советских историков-западников, русистов, славяноведов, востоковедов к византиноведению.

В середине 40-х годов советские византинисты столкнулись с необходимостью четко определить отношение марксистской науки к научному наследию дореволюционных русских византиноведов. По этому вопросу уже немало было написано, достаточно полно были отмечены научные заслуги русских буржуазных византинистов (особенно академиков В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского) и их вклад в развитие мирового византиноведения¹⁰. С нигилистической недооценкой по-

⁸ Изложение доклада Е. А. Косминского см.: ВАН СССР, 1944, № 7—8, стр. 109—110.

⁹ Изложение докладов см.: ВАН СССР, 1944, № 7—8, стр. 110—114.

¹⁰ С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке.— ВДИ, 1938, № 4, стр. 13—22; его же. В. Г. Васильевский в изучении византийских древностей.— ВДИ, 1939, № 1, стр. 216—222; Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах В. Г. Васильевского.— Там же, стр. 338—351; В. И. Пичета. Академия наук и византиноведение в советское время.— ВАН СССР, 1945, № 5—6, стр. 189—194; Б. Т. Горья-

ложительного потенциала русского дореволюционного византиноведения, столь свойственной, как мы видели, нашей исторической науке 20-х годов (см. выше), уже было покончено. Однако возникла другая опасность — идеализации русского буржуазно-дворянского византиноведения и недостаточно критического отношения к его чуждой марксизму, позитивистской методологии, не говоря уже о реакционной политической направленности.

Ошибочные взгляды на научное наследство Ф. И. Успенского проявились в докладах на юбилейной сессии в апреле 1945 г., посвященной 100-летию со дня рождения этого ученого, и в статьях, опубликованных в I (XXVI) томе «Византийского временника». Если даже учесть юбилейный характер этих работ, остаются очевидными их методологическая беспомощность, неумение авторов провести четкую грань между буржуазной и марксистской наукой. Указанные принципиальные недостатки особенно сказались в отсутствии критической оценки философско-религиозных и политических идей Ф. И. Успенского: его монархизма, ярко выраженного клерикализма, реакционности внешнеполитических устремлений этого столпа русской буржуазной византистики¹¹.

Подобные недостатки в полной мере были присущи работам Б. Т. Горянова о Ф. И. Успенском, поэтому, естественно, именно они подверглись наиболее суровой критике: на научной сессии ОИИФ против концепции Б. Т. Горянова резко выступил академик В. П. Волгин (1879—1962), затем появились критические выступления в печати¹². И если теперь, бросая ретроспективный взгляд на прошлое, мы ясно понимаем, что тон критики в адрес Б. Т. Горянова был излишне резким, то вместе с тем не видеть рациональное зерно этой критики было бы также абсолютно неверным¹³.

нов. Академия наук и византиноведение в дореволюционный период.— Там же, стр. 182—188. Ср. его доклад на византиноведческой сессии 1944 г.— ВАН СССР, 1944, № 7—8, стр. 113; Н. С. Лебедев. Византиноведение в СССР за 25 лет. В сб.: «25 лет исторической науки в СССР». Л., 1942, стр. 216—221; В. И. Пичета. Академия наук и славяноведение в советское время.— ВАН СССР, 1945, № 5—6, стр. 163—165.

¹¹ Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении.— ВВ, I, 1947, стр. 29—108; Н. С. Лебедев. Научное рукописное наследие академика Ф. И. Успенского.— Там же, стр. 109—113; А. Г. Готалов-Готлиб. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель.— Там же, стр. 114—126; Н. С. Лебедев. Академик Ф. И. Успенский и русское византиноведение.— «Звезда», 1945, № 10—11, стр. 205—207; Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и русское византиноведение.— ИЖ, 1944, № 12, стр. 44—52.

¹² В. В. Альтман. Памяти Ф. И. Успенского. Сессия ОИИФ АН СССР, посвященная вопросам византиноведения.— ВИ, 1945, № 1, стр. 116—120; З. В. Удальцова. Обсуждение первого тома «Византийского временника» на заседании группы по истории Византии при Институте истории АН СССР.— ВИ, 1948, № 1, стр. 152—154; Ф. М. Россейкин. Обзор работ, напечатанных в I томе «Византийского временника». — ВИ, 1948, № 3, стр. 127—134; Сессия ОИИФ АН СССР, посвященная памяти Ф. И. Успенского.— ВВ, I, 1947, стр. 370—371; Чествование памяти Ф. И. Успенского в Одесском гос. университете им. И. И. Мечникова.— Там же, стр. 372—373.

¹³ А именно так поступает О. Л. Вайнштейн, когда умалчивает о подлинных ошибках Б. Т. Горянова и гневно обрушивается на его критиков (О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики, стр. 185).

Ошибки в оценке наследия русского буржуазного византиноведения, получившие выражение на страницах первого тома «Византийского временника», вскоре, однако, были преодолены¹⁴. В журнале из года в год печаталось все больше статей принципиального характера, на широкие актуальные темы, углублялась источниковедческая база исследований. Правда, длительное время в «Византийском временнике», как и в других журналах, не был найден правильный угол зрения в оценке трудов зарубежных византинистов; здесь наблюдалось явственное «шарахание из стороны в сторону», мягкая, «объективистская» оценка¹⁵ сменялась порою недопустимо желчной, а нередко и голословной критикой, наполненной личными выпадами¹⁶.

Не всегда отмечался позитивный вклад зарубежных византинистов в византиноведческую науку, что отражало общий накал идеологической борьбы и состояние всей исторической науки того времени¹⁷. Недостаточно товарищеской и объективной в те годы была критика некоторыми специалистами трудов своих коллег, советских ученых¹⁸.

¹⁴ См. передовую статью второго тома «Византийского временника». — ВВ, II, 1949, стр. 3—10; З. В. М ос и н а. Группа по истории Византии при Институте истории АН СССР в 1948—1949 гг. — ВВ, IV, 1951, стр. 263—274; Е. Э. Л и п ш и ц. Византиноведение в Ленинграде в 1948—1949 гг. — Там же, стр. 274—277.

¹⁵ А. К. Бергер. Новая серия журнала «Byzantion». — ВВ, I, 1947, стр. 345—369.

¹⁶ Б. Т. Гор я н о в. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — ВВ, 1945, № 3—4, стр. 135—142 (автор статьи лишь скороговоркой отмечал заслуги Г. А. Острогорского, но зато голословно чернил одного из самых крупных зарубежных византинистов современности); его же. Рец. на кн.: Г. О с т р о г о р с к и й. Византийские писцовые книги. — ВВ, III, 1950, стр. 267—276. Рецензент, считая работу Г. А. Острогорского лишь сводкой наблюдений по аграрной истории Византии, утверждал, однако, будто «...порочная идеалистическая концепция Г. А. Острогорского мешает ему сделать правильные выводы» (стр. 276); его же. По поводу выступления проф. Грегуара. — ВВ, 1945, № 1, стр. 110—112.

¹⁷ М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению. — ВВ, III, 1950, стр. 230—245; З. В. У даль ц о в а. Рец. на кн.: L. Bréhier. Le monde Byzantin, t. I. — ВВ, II, 1949, стр. 337—360; М. В. Левченко. Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева. — ВВ, IV, 1951, стр. 149—159; Б. Т. Гор я н о в. Критический обзор журнала «Etudes byzantines» и «Revue des Etudes byzantines» за 1943—1948 гг. — ВВ, IV, 1951, стр. 159—171; А. Я. Гу ре в и ч. Фальсификация истории Латинской империи. — ВВ, V, 1952, стр. 284—290; А. П. Ка ж д а н. «Последнее слово» современного буржуазного византиноведения. — Там же, стр. 222—235; Е. Э. Л и п ш и ц. Вопросы павликанского движения в освещении современной буржуазной историографии. — Там же, стр. 235—243; Б. Т. Гор я н о в. Критический обзор актов международных византиноведческих конгрессов. — Там же, стр. 244—256; А. Я. Гу ре в и ч, М. А. За б о р о в. Критический обзор журнала «Byzantion» за 1944—1950. — ВВ, VI, 1953, стр. 236—252 и др.

¹⁸ А. В. Банк. Рец. на кн.: В. Н. Л а з а р е в. История византийской живописи, т. 1—2. М., 1947—1948. — ВВ, V, 1952, стр. 257—272. Эта рецензия на выдающийся труд В. Н. Лазарева была излишне критичной и по своему существу, а не только по форме. Правда, в начале рецензии А. В. Банк дает высокую оценку работе В. Н. Лазарева, но затем подвергает ее незаслуженно суровой критике, обнаруживая в ней ряд промахов: автором якобы недостаточно показана связь искусства Византии с социальной жизнью своего времени, причем, по мнению рецензента, для многих периодов такой анализ вовсе отсутствует; исторический процесс представлен статично. А. В. Банк указывала также, что В. Н. Лазарев некритически воспринял многие положения буржуазной науки (трактовка иконоборчества как чисто придворного течения). Визан-

Преодолению изъянов в работе и сплочению сил советских византистов способствовали проводившиеся и в дальнейшем специальные научные сессии. По мере развертывания византиноведческих исследований изменяется тематика этих сессий, расширяется состав их участников. Ученые дебатировали здесь основные вопросы византиноведческой науки; порой вспыхивают острые споры. Особенно показательной в этом отношении была пятая византиноведческая сессия ОИИФ АН СССР, проведенная в Москве в декабре 1950 г.

Следуя установившейся хорошей традиции, академик Е. А. Косминский подвел итоги развития византиноведения за истекшие годы, уделяв особое внимание преодолению ошибок, допущенных в I (XXVI) томе «Византийского временника». В центре внимания сессии находилась дискуссионная проблема — характер перехода от рабовладения к феодализму в Византии (см. ниже). Большим достоинством сессии явилась постановка докладов, посвященных народным движениям в Византийской империи на разных стадиях ее истории. Эти два вопроса вызвали наибольший интерес научной общественности и породили оживленную полемику. Научные результаты сессии получили затем отражение в печати¹⁹.

В середине 40-х—50-х годах более интенсивно развертывается подготовка византиноведческих кадров. Выдающуюся роль в этом важном деле сыграла кафедра византиноведения Ленинградского университета, возглавлявшаяся М. В. Левченко. На основе курса лекций, прочитанного в ЛГУ, М. В. Левченко создал первый марксистский учебник по истории Византии, охватывавший все периоды ее существования²⁰.

Немало сделано было в области подготовки кадров и кафедрой истории средних веков МГУ. В эти годы здесь читали лекции и вели семинарские занятия по истории Византии академик Е. А. Косминский, А. К. Бергер, Б. Т. Горянов, позднее З. В. Удальцова. Началась подготовка аспирантов-византистов в Москве, Ленинграде, Одессе, Тбилиси, Ереване. Но это были еще первые шаги, и в стране по-прежнему ощущалась острая нехватка специалистов по византиноведению.

✠ —

тийская живопись, отмечалось в рецензии, исследуется В. Н. Лазаревым в связи с очень неопределенным понятием так называемого христианского Востока. Совсем не изучен вопрос о славянских влияниях в византийской живописи. По мнению рецензента, В. Н. Лазарев обеднил свою задачу, византийское искусство сводится у него почти всецело к искусству Константинополя. Недостатком работы А. В. Банк считала и ограничение исследования вопросами живописи. Общий вывод А. В. Банк гласил: труд В. Н. Лазарева «не отвечает требованиям марксистско-ленинской науки». Этот вывод органически вытекал из всего анализа рецензента, а отнюдь не был «вписан» без согласия автора рецензии редакцией журнала, как неосновательно утверждает О. Л. Вайнштейн (О. Л. В а й н ш т е й н. История советской медиевистики, стр. 194).

¹⁹ Пятая византиноведческая сессия ОИИФ АН СССР.— ВВ, V, 1952, стр. 291—300; М. А. Заборов. Проблемы истории поздней Римской империи на 5-й византиноведческой сессии ОИИФ АН СССР.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 244—249.

²⁰ М. В. Левченко. История Византии. М.— Л., 1940. Перев. на фр. яз.: M. V. Levchenko. Byzance des origines à 1453. Paris, 1949. Рец.: Б. Т. Горянов. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 233—237; I. Swęńciszyński. BZ, 41, 1941, S. 247 f.; A. Vasiliev. Byz., t. XV, 1940/41, p. 489—495; А. К. Бергер. ИЖ 1941, № 3, 138—145.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Судьбы ранней Византии. Переход от рабовладельческого строя к феодальному

С первых лет своего существования марксистское византиноведение обратилось к изучению социально-экономической жизни Византийской империи. Вполне естественным было стремление византинистов-марксистов проникнуть прежде всего в тайны базисных явлений, высветлить на общем фоне экономического развития Византии такие проблемы, как специфика форм землевладения и эксплуатации, масштабы распространения и динамика роста рабства и колоната, свободная община в Византии.

Увлечение медиэвистов 30—50-х годов аграрной историей средневековья в полной мере коснулось и византинистов. Однако занятия социально-экономическими сюжетами отнюдь не были для них лишь данью преходящей моде или простым перепевом традиционного лейтмотива русской дореволюционной историографии. Это была насущная потребность; овладевшая умами, она проявлялась порою с аскетической суровостью и ригоризмом, ибо углубление в социально-экономическую проблематику влекло за собой временный отказ от изучения столь манящей и переливающейся всеми красками бытия культурной истории Византии. Это раскрытие подспудных процессов развития экономики было абсолютно необходимо в те годы для лучшего понимания всей политической и идеологической структуры империи.

Новаторское звучание социально-экономическим проблемам придавало постоянное и настойчивое желание ученых связать конкретные перемены в общественной жизни Византии с общими закономерностями поступательного движения человечества по пути прогресса. Во многих работах того времени зримо ощущается тяготение византиноведов (как, впрочем, и всех медиэвистов) к широким теоретическим обобщениям.

Первые наиболее значительные исследования советских византинистов были посвящены социально-экономической истории ранней Византии. И это находит свое объяснение не только в обилии источников для данного периода (в частности, папирологических, нумизматических, археологических и других материалов), но и в неразрывной связи вопросов начальной истории Византии с методологическими проблемами первостепенной важности, прежде всего с проблемой смены социально-экономических формаций. Е. А. Косминский писал по этому поводу: «...Таким образом, уже на самом пороге изучения византийской истории мы наталкиваемся на вопрос огромной теоретической значимости — вопрос о переходе от рабовладельческого строя к феодальному в Восточной Римской империи, вопрос о датировке и содержании этого

периода»¹. Это мнение разделяли и все ученые, разрабатывавшие в те годы и позднее историю советского византиноведения².

Логическим началом разработки проблемы смены рабовладельческой формации феодальной, естественно, было выяснение специфики кризиса рабовладельческой системы в Восточной и Западной Римской империи.

Определению экономических и социально-политических аспектов этого кризиса в Византии был посвящен цикл ранних исследований М. В. Левченко. Эта серия исследований открывается одной из его лучших работ — об аграрной истории восточных провинций империи в VI—VII вв.³ Статью М. В. Левченко отличает конкретное восприятие экономических реалий, выявленных главным образом в папирусах, в сочетании с достаточной строгостью логических построений. К разрешению своей основной задачи — выяснению характера кризиса рабовладельческого способа производства в Византии М. В. Левченко идет через обследование форм земельной собственности и эксплуатации в византийском Египте VI—VII вв. Цель рассуждений автора сводится к тому, что еще в IV—V вв. в восточных провинциях происходит интенсивный рост крупных латифундий светской знати, развертывающийся за счет поглощения ими государственных земель, отчасти — императорских доменов и владений средних и мелких собственников. Египет VI—VII вв. — страна огромных земельных владений светской аристократии и церкви. Исследователь освещает внутреннее устройство поместья египетского магната, черпая полной рукой жизненные детали из документов эпохи.

Проявлениями процесса феодализации византийского Египта историк считает сокращение рабовладения, рост патроната и прекария, распространение колоната и различных форм земельной аренды. Наиболее оригинальна характеристика эволюции рентных отношений и видов аренды в Египте. Преобладание на землях крупных светских магнатов краткосрочной аренды или аренды без указания срока держания рассматривается в качестве показателя зарождения феодального по существу института прекария и как ступень превращения свободных

¹ Е. А. Косминский. Итоги и задачи советского византиноведения, стр. 68.

² О развитии советского византиноведения в 30-х — середине 50-х годов см.: М. В. Левченко. Византиноведение в СССР. — УЗ ЛГУ, серия ист. наук. Л., 1949, № 112, вып. 14, стр. 216—236; З. В. Удальцова. Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке. Доклад на X Международном конгрессе по византиноведению в Стамбуле. М., 1955 (на русск. и франц. яз.), стр. 10—94; Е. Н. Елеонская и С. Ё. Каптерев. Обзор советской литературы по византиноведению за 1945—1954 гг. — ВВ, IX, 1956, стр. 264—286; Н. П. Соколов. Сорок лет советского византиноведения. Горький, 1959, стр. 3—51; Византиноведение за 40 лет. — ВВ, XIII, 1958, стр. III—XV (передовая статья). Из зарубежных историографических обзоров, посвященных советскому византиноведению, следует отметить: Irène Sorlin. Les recherches soviétiques sur l'histoire byzantine de 1945 à 1962. — «Travaux et mémoires». Paris, 1967, t. 2, p. 489—568; H. Köpstein. 50 Jahre Byzantinistik in der Sowjetunion. — «Oktoberrevolution und Wissenschaft». Berlin, 1967, S. 141—157.

³ М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв. (по документам византийского Египта). — ПИДО, 1935, № 12, стр. 75—110.

крестьян в зависимых энапографов. Проследивая изменения уровня поземельной ренты с эпохи Птолемеев и времен римского господства вплоть до VI—VII вв. н. э., М. В. Левченко приходит к выводу, что в это время происходит неуклонное увеличение нормы ренты — денежной и натуральной — в пользу хозяев земли. Если в ранние периоды было распространено половничество, то в византийском Египте держатель земли должен был довольствоваться лишь $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{5}$ урожая. Причины этого коренились, по мнению исследователя, не в демографических сдвигах (рост населения страны), как полагали буржуазные ученые, а в общем кризисе рабовладельческого общества, с чем связано было и повышение норм эксплуатации.

Точно так же по-своему объясняет М. В. Левченко и причины роста церковно-монастырского землевладения в византийском Египте. В отличие от зарубежных исследователей, он усматривает их не в особой религиозности коптов, якобы толкавшей последних к жизни анахоретов в пустынях Нубии, а в ухудшении положения крестьян, обусловившем их массовое бегство в монастыри с земель, собственники которых — всемогущие египетские магнаты — славились непреклонной жестокостью.

В своей работе М. В. Левченко касается, кроме того, вопроса о расширении в VI—VII вв. политической власти феодальной знати Египта, что находит выражение не только в создании в магнатских поместьях отрядов буккелариев, частного суда и тюрем, но и в переходе административного управления провинцией к греко-римской земельной аристократии, все более и более оттеснявшей коптов. Все это, в свою очередь, обуславливает необычайный размах сепаратизма в тогдашнем Египте.

Важнейшим проявлением кризиса рабовладельческого строя на рубеже VI—VII вв. М. В. Левченко справедливо считает обострение классовой борьбы в этой провинции. Продолжая свой спор с буржуазными учеными, он показывает всю обманчивость чисто внешних форм социально-политических противоречий того времени: национальная и религиозная рознь подчас скрывала за собою острейшие социальные конфликты. Именно они — наряду с ростом сепаратизма — являются ключом к пониманию причин поддержки арабского завоевания населением восточных провинций Византии, в частности Египта.

Последний тезис М. В. Левченко находился в прямой зависимости от его трактовки проблемы так называемой революции рабов в Византии. Ожесточенная классовая борьба в Восточной Римской империи, достигшая особого напряжения в начале VII в., являлась, по его мнению, непосредственным продолжением и дальнейшим развитием этой революции V в., ликвидировавшей Западную Римскую империю. Классовая борьба в Византии в начале VII в. и арабское завоевание были прогрессивными историческими факторами, ибо они наносили удар по оплоту деспотизма, крепостничества и церковности — Византийской империи⁴.

Необходимо, однако, отметить, что раздел работы М. В. Левченко, посвященный «революции рабов», носит скорее декларативный, чем

⁴ М. В. Левченко. К истории аграрных отношений..., стр. 109.

исследовательский характер; если анализ экономических проблем покоится на прочном фундаменте сведений источников (папирусы, надписи, хроники и т. п.), то выводы, касающиеся собственно «революции рабов», лишены такой основы, они повисают в воздухе.

Непосредственным продолжением данной работы М. В. Левченко послужили два его солидных исследования по аграрной истории ранней Византии. В первом из них рассматриваются пути развития феодализма в империи; один из признаков процесса ее феодализации автор видит, в частности, в постепенном «сжатии» императорских доменов и в переходе значительной части государственных и домениальных земель к крупным светским землевладельцам⁵. Параллельно с этим могущественные магнаты пытаются, и не без успеха, подчинить своей власти свободное крестьянство, используя для этой цели практику патроната. Новизна постановки вопроса М. В. Левченко заключалась в том, что, вопреки ранее существовавшему мнению, светское землевладение в VI в., на его взгляд, не только не сократилось, а, напротив, усилилось, успешно отразив натиск правительства Юстиниана и справившись с конкуренцией крупного церковно-монастырского землевладения.

Показывая неуклонный рост крупной земельной собственности в ранней Византии, М. В. Левченко отнюдь не упрощает пестроты и многообразия аграрных отношений той эпохи. Проанализировав данные папирологических, эпиграфических и законодательных памятников, он приходит к выводу о сохранении в Византии V—VI вв. наряду с крупными поместьями мелкого свободного землевладения и свободной же сельской общины. Именно на ней, полагал историк, базировалось экономическое благосостояние восточных провинций Византии в V—VI вв.

Плодотворность вывода М. В. Левченко о том, что сельские общины имелись в Византии еще до начала ее славянской колонизации, была понята значительно позднее, когда стала ясна ошибочность односторонних увлечений некоторых ученых, полагавших, будто общинные отношения привнесли сюда только славяне. Во время же опубликования указанного исследования ряд его положений подвергся критике. Так, Б. Т. Горянов, отметив новизну и свежесть общей концепции автора, вместе с тем счел неверным утверждения М. В. Левченко об отсутствии прогресса производительных сил в империи в V—VI вв. и о существовании свободной общины до проникновения славян на византийскую территорию⁶.

Вторая из двух упомянутых выше работ М. В. Левченко была посвящена анализу внутренней структуры и организации хозяйства церковно-монастырских поместий в Византии в V—VII вв. Автор оспаривал здесь установившееся в буржуазной литературе представление о полном преобладании церковно-монастырского землевладения еще в

⁵ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв.— ВС, стр. 12—95. Ср.: его же. Основные вопросы аграрной истории Восточно-Римской империи V—VI вв. Тезисы докладов научной сессии ЛГУ в 1945 г. по секции ист. наук. Л., 1945, стр. 51—56; И. Ф. Фихман. Некролог М. В. Левченко.— ВДИ, 1955, № 3, стр. 219—220.

⁶ Б. Т. Горянов. Рецензия на «Византийский сборник».— ВИ, 1946, № 4, стр. 136—140. Ср.: Е. Ч. Скржинская. Рец. на «Византийский сборник».— ВАН СССР, 1946, № 5—6, стр. 120—125; Б. Т. Горянов. Новые работы по византиноведению.— ИАН СССР, 1945, т. 2, № 6, стр. 452—458.

ранний период византийской истории. Материал разнообразных источников натолкнул его на иные выводы: несмотря на значительные масштабы церковного и монастырского землевладения в V—VII вв., перевес был все же на стороне светских землевладельцев, в руки которых зачастую переходили и церковные имущества.

М. В. Левченко выражал в статье и свое несогласие с концепцией, по которой в Византии якобы существовал цезарепапизм: ученый выступал против отождествления церкви и государства, раскрывал ожесточенную борьбу этих двух сил. Императорская власть в византийской державе не была столь «неограниченной» и «абсолютной», как ее обычно рисовали, она должна была считаться с политическим влиянием духовенства, войска, димов и сенаторского сословия⁷.

Выводы М. В. Левченко в какой-то мере не совпадали с представлением М. Я. Сюзюмова, отрицавшего доминирующую роль церковного землевладения в Византии только в период иконоборчества и признававшего огромные размеры церковно-монастырских имений в юстиниановскую и близкую к его правлению эпохи⁸.

При изучении общественных отношений ранней Византии еще на заре марксистского византиноведения возникла дискуссия о периодизации византийской истории, дискуссия, длившаяся многие годы. Ее сердцевиной был вопрос о характере и времени перехода Византии от рабовладения к феодализму. Если для Западной Римской империи гранью между античностью и средневековьем, по мнению большинства ученых, являлся V век и смена рабовладения феодализмом происходила здесь в виде революционного переворота, сочетавшегося с вторжениями варваров и крахом самого государства, то в Византии этот процесс носил более сложный характер. Неясность имела не только в отношении времени крушения тут рабовладельческого строя, но и причин сохранения Восточной Римской империи⁹. Острота проблемы была тем более велика, что как раз особенности исторических судеб Византии дали возможность буржуазной историографии допшианского толка обосновывать ее примером теорию плавного, «мирного» перехода от античности к средневековью, отрицать наличие «катастрофы» — социального переворота, отделяющего древний мир от средневекового.

Опираясь на материал истории Западной Римской империи, советские ученые-античники (А. В. Мишулин, В. С. Сергеев, С. И. Ковалев, Н. А. Машкин, А. Д. Дмитрев и другие) показали революционный характер замены рабовладельческого строя феодальным и связали падение Римской державы с «революцией рабов», представление о которой в те годы было общепринятым. Разумеется, одновременно назрела необходимость рассмотреть смену первых классовых формаций и на материале Византийской империи. К решению этой сложной задачи было привлечено внимание ученых разных поколений — М. В. Левченко,

⁷ М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи. — ВВ, II, 1949, стр. 11—59.

⁸ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗСвГПИ, IV, 1948, стр. 79 сл.

⁹ См.: Е. А. Косминский. Итоги и задачи советского византиноведения, стр. 68.

Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмова, Н. В. Пигулевской, З. В. Удальцовой и других

Разработкой указанной проблемы в теоретическом аспекте первой занялась Е. Э. Липшиц. Касаясь вопроса о «начале Византии», она отнесла кризис рабовладельческой системы и революционный крах античного общества на Востоке и Западе к III в., а византийское общество IV—VI вв. охарактеризовала как раннефеодальное¹⁰. Надо отдать справедливость убежденности исследовательницы и ее уверенности в своей правоте: до сего времени, в течение более трех десятилетий, Е. Э. Липшиц горячо отстаивает эту точку зрения.

М. В. Левченко первоначально занял в данном споре несколько колеблющуюся позицию. Он утверждал, что Восточноримская империя состояла в революции рабов V в., ликвидировавшей рабовладельческое общество в Западной Европе, но в ходе этой революции подверглась значительным изменениям: феодализм в ней развивался при сохранении значительных пережитков рабства¹¹.

Подобные высказывания М. В. Левченко дали основание М. Я. Сюзюмову обвинить его в приверженности к эволюционистской теории крушения античного общества в Византии¹². Нельзя, однако, забывать, что М. В. Левченко в другом месте рассмотренной выше работы и в своем обобщающем труде «История Византии» отнюдь не отрицал революции рабов в империи, но лишь хронологически отодвигал ее к началу VII в.¹³

М. Я. Сюзюмов в своих работах 40-х — 50-х годов, поддерживая тезис о революции рабов, попытался дать собственную периодизацию византийской истории до XI в., разграничивая в ней (впрочем, в достаточной мере умозрительно) два периода: поздне рабовладельческий (IV — половина VII в.) и дофеодальный (половина VII — начало XI в.). Первый, по М. Я. Сюзюмову, характеризовался господством рабовладельческих отношений, вступивших в такую фазу своего разложения, когда рабовладельцы изыскивают всяческие паллиативы для создания заинтересованности рабов и колонов в труде (пекулий, поселения варваров, использование наемных работников и т. п.). Крах поздне рабовладельческой Византии совершился в результате завоеваний славян и арабов и революции рабов. Затем наступил дофеодальный период: центральной фигурой в деревне стал свободный крестьянин — общинник и стратиот; именно из общины и через общину происходило развитие феодализма в империи¹⁴.

В изучаемый период разрозненные высказывания византинистов о революционном переходе от рабовладения к феодализму в Византии были обобщены в стройную, но тоже искусственную концепцию. Создателем ее был А. В. Мишулин (1901—1948). Он взял за основу теорию

¹⁰ Е. Э. Липшиц. К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии.— ИГАИМК, 1934, вып. 90, стр. 543—563; ее же. Из мыслей К. Маркса о Византии.— ПИМК, 1933, № 3—4, стр. 51—61.

¹¹ М. В. Левченко. К истории аграрных отношений..., стр. 76.

¹² М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Свердловск, 1948, стр. 50.

¹³ М. В. Левченко. К истории аграрных отношений..., стр. 109; его же. История Византии. М.— Л., 1940, стр. 102.

¹⁴ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии..., стр. 48—69.

революционного крушения рабовладельческого строя и применил ее к Восточной Римской империи VI—VII вв.; процесс ликвидации рабовладельческих отношений был уподоблен тому, который произошел в Западной Римской империи, но к этому добавлены славянские вторжения, которые, по мнению ученого, сыграли в падении рабовладельческого общества на Востоке точно такую же роль, как завоевания германцев и других варварских народов на Западе.

Основываясь на античных, а также византийских источниках VI—VIII вв. (Прокопий, Агафий, Менаандр, Псевдо-Маврикий, Феофилакт Симокатта, Феофан и другие), А. В. Мишулин разделил историю борьбы славян с Римом на два этапа. В III—V вв. славяне в коалиции с другими варварскими племенами (сарматы, скифы, готы) совершали лишь грабительские набеги. В VI—VII вв. они начали вторгаться на территорию Римской империи с целью ее захвата и заселения. С трудом сопротивляясь этому натиску, Восточная Римская империя, потрясаемая изнутри народными движениями, наконец, пала в 602 г. в результате «революции» Фоки. Подобно тому, как синтез рабовладения и варварства послужил основой появления феодализма на Западе, византийский феодализм возник в итоге синтеза рабовладельческих отношений, господствовавших до «революции» 602 г., и родового строя славян. Сами они миновали в своем развитии стадию классического рабовладения, ибо в Восточной Римской империи ко времени их расселения оно было уже пройденным этапом. В Византии же, в свою очередь, под влиянием общинного строя славян с VII в. началось интенсивное формирование феодальных порядков¹⁵.

В отличие от М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмова и Н. В. Пигулевской, считавших важным условием падения рабовладельческого строя в Византии не только завоевания славян, но, наряду, с ними, арабов и других народов, А. В. Мишулин на первый план выдвинул именно славянское завоевание: он расценивал его в качестве доминирующего фактора социально-политических сдвигов, происшедших в империи в VI—VII вв.

Аналогичную концепцию выдвигали и другие ученые. Ее квинтэссенция была изложена в передовой статье третьего тома «Византийского временника». Исходя априори из представления о «революции рабов», авторы статьи полагали основной движущей силой социальной революции, отделявшей античность от средневековья, класс рабов, а его союзниками — колонов и вторгавшиеся в Римскую империю варварские народы. Массовые движения рабов, начавшиеся в III в. и поддержанные варварами, привели в V в. к гибели Западной Римской империи; Восточная Римская империя благодаря более высокому уровню развития экономики устояла; она сохранилась как государство в этот первый период «революции рабов». Кратковременная стабилизация при Юстиниане была победой реакции, стремившейся к реставрации рабовладельческих порядков в самой Византии и на Западе. Однако в конце VI—начале VII в. «революция рабов» в Византии вступила

¹⁵ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи.— ВДИ, 1939, № 1, стр. 290—307; его же. Древние славяне и крушение Восточно-Римской империи.— ИЖ, 1941, № 10—11, стр. 55—61. О дискуссии по поводу общественного строя славян см. ниже, стр. 73 сл.

в свой второй, заключительный этап — последовала новая волна народных движений, развернулись вторжения славян и арабов на территорию империи. Именно эта, вторая, волна социальных потрясений смела рабовладельческий строй в Византии¹⁶.

Дальнейший научный поиск советских ученых, занимавшихся этой проблемой, был направлен на выяснение ареала распространения революционного переворота, приведшего к смене рабовладельческого строя феодальным. Н. В. Пигулевская, сириолог, иранист и византист, в своих разысканиях значительно раздвинула рамки исследования «в сторону Востока». В серии монографий Н. В. Пигулевская конкретно проанализировала общественный строй Византии (особенно ее восточных провинций), Ирана и арабских племен V—VII вв. Главной задачей всех этих исследований было выяснение путей и форм разложения рабства и формирования феодализма в странах Ближнего Востока в переходную между античностью и средневековым эпоху. Для решения этой проблемы в сравнительно-историческом плане весьма существенны были собранные Н. В. Пигулевской сведения о реальных формах рабовладения и колоната, о крестьянских общинах и их взаимоотношениях с государственной властью, о ремесле и торговле городов Востока, о народных движениях в деревне и городе, охвативших Византию и Иран. Эта информация, изобилующая многоцветными деталями, почерпнутыми исследовательницей из византийских, сирийских и арабских источников, во многом помогает конкретизировать, как бы «материализовать» тот живой поток событий, который составил содержание истории византийского общества в ее многотрудные столетия. Особенно выделяется в этом отношении книга Н. В. Пигулевской «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник»¹⁷. На наш взгляд, это самое лучшее, хотя и самое раннее произведение Н. В. Пигулевской. Читая его, чувствуешь, как сквозь сумрачную завесу традиционного, штампованного, проникнутого церковными канонами исторического повествования средневековых хронистов вдруг пробивается живой рассказ о судьбах простого человека, о его труде и страданиях, бедствиях и борьбе.

В трех монографиях Н. В. Пигулевской, опубликованных в 40-х — начале 50-х годов, развивается общая концепция смены первых клас-

¹⁶ См.: Методологическое значение высказываний И. В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения. — ВВ, III, 1950, стр. 3—17; ср.: Е. А. Косминский. Итоги и задачи советского византиноведения, стр. 68; З. В. Удалцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами». Вступительная статья в кн. «Прокопий из Кесарии. Война с готами», перев. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 3—60; ее же. Народные движения и «варварские» завоевания в Восточной Римской империи в IV—VII вв. Глава в учебнике по истории средних веков под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. М., 1952, стр. 74—100. Теорию «революции рабов» на Западе и выдающей роли славянских завоеваний для Византии признавал и А. П. Каждан. См.: А. П. Каждан. Рец. на кн.: Дм. Ангелов. Феодализмъ въ Византия. — ВВ, III, 1950, стр. 281.

¹⁷ См.: Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. — ТИВАН, XXXI. М.—Л., 1940; ее же. К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии VI в. — ВДИ, 1938, № 3—4, стр. 149—161.

совых формаций на Ближнем Востоке; при этом достаточно отчетливо прослеживается эволюция взглядов самого автора.

В первой из названных книг общественные отношения пограничной между Ираном и Византией области Месопотамии в V—VI вв. рисуются как многоукладные: наряду с зарождающимся феодализмом сохраняются свободная община и рабовладение. Социальный состав деревенского населения отличается необычайной пестротой: здесь можно встретить и колонов, и рабов, и различные категории зависимых и свободных крестьян. Господствующими исследовательница признавала рабовладельческие отношения¹⁸.

Во второй монографии Н. В. Пигулевской «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков»¹⁹ общественные отношения Византии на грани этих столетий предстают также в виде переходных: тут сочетаются и колонат, и рабовладение, но последнее, как подчеркивает автор, уже в значительной мере теряет свою роль. С требованием создания нового строя выступают армия, городской плебс, димы, сельское население империи²⁰.

В это время в Византии рушатся устои рабовладельческого общества, складываются феодальные отношения. Такой же процесс отмирания рабовладения и зарождения феодализма происходит и в соседнем с ней Иране, причем наблюдается взаимное влияние, своего рода диффузия общественных структур обеих стран. Однако судьбы Ирана и Византии расходятся: истощенный многолетней экспансией, а также внутренними междоусобицами и волнениями, Иран склоняет голову перед могущественными завоевателями — арабами. Византия же сохраняет свое независимое существование, отбивает, хотя и с большими потерями, натиск арабов и славян; большая экономическая устойчивость сообщает ей и жизнеспособность, обеспечивает возможности внутреннего развития²¹.

В третьей большой монографии Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию» и в многочисленных этюдах к этой работе²² ареал

¹⁸ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. ..., стр. 32—49.

¹⁹ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946.

²⁰ Там же, стр. 114 сл. Ср.: ее же. Иран и Византия к концу VI и началу VII в.— «Рабочая хроника Института востоковедения». Ташкент, 1944, вып. I, стр. 17—18.

²¹ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, стр. 114—129. См. рец.: В. В. Струве.— «Советская книга». М., 1947, № 4, стр. 50—51; М. В. Левченко.— ВЛГУ, 1948, № 12, стр. 128—136. Последняя рецензия содержала ряд критических замечаний, в частности М. В. Левченко подверг сомнению выводы автора относительно аграрного строя в Византии VI—VII вв., поскольку они основывались на данных отрывка из «Анонимного трактата о военном деле», который, как полагал Левченко, рисует картину идеального общества и не может быть привлечен в качестве источника для воссоздания реальных общественных отношений Византии VI века. Кроме того, рецензент упрекал Н. В. Пигулевскую в том, что она несколько преувеличила экономическое процветание и военную мощь Ирана, ибо из ее изложения остается неясным, почему он потерпел такие неудачи в войнах с Византией и с арабами. Поднятые в рецензии М. В. Левченко вопросы так и остались спорными до сего дня.

²² Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. К истории торговли Византии с Востоком в IV—VI веках. М.—Л., 1951. См. также: Н. В. Пи-

изучения общественных отношений в период падения рабовладельческого строя и перехода к феодализму еще более расширяется: помимо Византии и Ирана в него включаются еще Аравия, Эфиопия и Средняя Азия. Хотя основную задачу исследования автор видела в том, чтобы раскрыть многообразие торговых связей Византии в V—VI вв. со странами Ближнего и Дальнего Востока, значительное место в книге отводилось и социально-экономическому строю Византии, равно как и связанных с нею стран — Ирана, Аравии, Эфиопии и даже более отдаленных государств Востока. Н. В. Пигулевская, следовательно, продолжала здесь свои разыскания в сфере социально-экономических проблем. Так, в монографии были изучены — впервые в нашей литературе — социально-экономический и политический строй государства химьяритов и борьба Химьяра с Эфиопией, в которой принимали участие и Византия и Иран.

По сравнению с предшествующими исследованиями того же автора в книге «Византия на путях в Индию» сделан еще один шаг к признанию ведущими в общественном развитии ранней Византии не рабовладельческих, а феодальных отношений. Красочно обрисовав различия уровня общественной жизни в таких странах, как Византия, Иран, Химьяр, Эфиопия и другие, исследовательница, однако, подчеркнула, что общим для всех этих стран в V—VI вв. был глубочайший кризис рабовладельческого способа производства, который переживал в ту эпоху весь Ближний Восток. В Византии это время характеризуется не только распадом социально-экономических связей рабовладельческого общества, но и появлением значительных элементов феодализма. Основным типом хозяйства в империи было тогда, по ее мнению, натуральное; некоторые категории зависимого населения, в частности парики, жившие на церковно-монастырских землях, рисуются ею чуть ли не как крепостные крестьяне. Этому, правда, противоречит оценка самим автором социально-экономической сущности колоната, который несколько неожиданно трактуется как одна из форм рабовладения. Особо подчеркивается наличие в Византийской империи многочисленного свободного крестьянства, что было, с точки зрения Н. В. Пигулевской, основной причиной замедленных темпов перехода от рабовладения к феодализму в Византии по сравнению со странами Западной Европы²³.

гулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. — ВВ, I, 1947, стр. 184—214; ее же. Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточноримской империей. — ВДИ, 1948, № 1, стр. 89—97; ее же. Первоисточники истории кушито-химьяритских войн. — ВВ, II, 1949, стр. 74—93; ее же. Законы химьяритов. — ВВ, III, 1950, стр. 51—61; ее же К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. — ВВ, IV, 1951, стр. 84—90.

²³ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 15—32. В своей рецензии на эту книгу А. К. Бергер, высоко оценивая многие ее неоспоримые достоинства, не разделял, однако, высказанного автором взгляда о безраздельном господстве в ранней Византии натурального хозяйства. Он считал спорным и представление Н. В. Пигулевской о колонате как форме рабовладения (см.: ВВ, VII, 1953, стр. 283—295). Другой рецензент книги, З. В. Удалцова, перенесла центр тяжести своего анализа на источниковедческую часть монографии, которую она считала лучшей, также выразила некоторые сомнения относительно трактовки автором характера общественных отношений в Византии V—VI вв. Рецензент, например, указала на необходимость более углуб-

В оценке характера перехода от рабовладения к феодализму в Византии VI—VII вв. автор остается сторонницей теории «революции рабов». Впрочем, видное место в этой революции Н. В. Пигулевская отводила не только рабам, но и колонам, а особенно — городскому населению, объединенному в димы.

Конечный вывод ученого сводился к тому, что «... в тяжелых схватках классовой борьбы начала VII века рабовладельческая система эксплуатации в Византии была разрушена, хотя рабовладельческий уклад надолго пережил эту систему»²⁴.

Многочисленные конкретные исследования Н. В. Пигулевской, посвященные социально-экономическим отношениям Византии и стран Ближнего Востока в переломную эпоху, позволили ученому подойти к теоретическому осмыслению и обобщению накопленных фактов. В ряде статей историко-теоретического характера Н. В. Пигулевская предприняла попытку сконструировать свою, «ближневосточную», «модель» смены античной формации средневековой, выявив как общие закономерности этого процесса, так и специфику его проявления в различных странах²⁵. Применительно к Византии эта схема выглядела следующим образом: феодализм тут победил в VII в. в результате «революции рабов», торжеству которой способствовали вторжения арабов и славян. Причина большей жизнеспособности Византии по сравнению с Западной Римской империей в том, что рабовладельческий строй не достиг здесь столь чудовищных форм своего развития, как на Западе. И наконец, важным элементом народных движений, сокрушивших устои рабовладельческого общества, были восстания димов, в основе своей являвшиеся антирабовладельческими. Выступления рядовых димотов были направлены против рабовладельческих порядков; различия между цирковыми партиями не были существенными и отражали лишь противоречия между «верхушечными» элементами этих партий²⁶.

Теория революционного перехода от рабовладельческой формации к феодальной была разработана Н. В. Пигулевской и применительно к другим ближневосточным странам. Здесь этот переход, полагает исследовательница, происходил в IV—VII вв. В Иране при Сасанидах

ленного изучения форм разложения в этот период рабовладельческого способа производства (см.: ВДИ, 1952, № 1, стр. 135—141).

²⁴ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 32.

²⁵ Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием.— ВЛГУ, 1948, № 4, стр. 66—77; ее же. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке.— ВИ, 1950, № 4, стр. 44—54; ее же. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке.— ВИ, 1953, № 3, стр. 50—62; ср. ее же статьи более позднего времени: Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма (совместно с В. В. Струве).— ВИ, 1956, № 9, стр. 186—195; ее же. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке.— УЗ ИВАН, XVI, 1958, стр. 5—30; ее же. Проблемы зарождения и развития феодализма на Ближнем Востоке.— ВИ, 1961, № 6, стр. 107—116.

²⁶ Н. В. Пигулевская. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке.— ВИ, 1950, № 4, стр. 51—52. Аналогичные мысли высказываются Н. В. Пигулевской и в написанном ею введении к первому разделу хрестоматии «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 9—18.

имелись два уклада: первобытнообщинный и рабовладельческий, а в IV—VI вв. там развертывается процесс феодализации²⁷. У арабов в ту же эпоху существовало многоукладное общество, в котором сочетались рабовладение и патриархально-кочевое хозяйство, торговые города на караванных путях и зачатки феодализма. Однако феодализация арабских племен шла более замедленными темпами, чем в Иране и Византии, ибо этому процессу мешали сильные пережитки патриархальных отношений. Важную роль в социальном перевороте, открывшем дорогу развитию новой формации на Ближнем Востоке, сыграли народные движения: маздакитов в конце V в.— в Иране, гражданская война на рубеже VI—VII вв.— в Византии. Точно так же «мусульманская революция» у арабов была значительным идейно-политическим движением, способствовавшим, по мнению автора, созданию феодального общества²⁸.

Еще дальше по пути признания универсального характера перехода от рабовладения к феодализму пошел другой известный советский востоковед — Н. И. Конрад. Он показал прежде всего всеобщность термина «средние века», равным образом применимого к истории стран и Запада и Востока, поскольку за этим термином скрывается единое социологическое понятие: это был период становления, утверждения и расцвета феодализма. Одновременно Н. И. Конрад выдвинул гипотезу об универсальности перехода от рабовладения к феодализму во многих странах мира. Гранью между античностью и средневековьем он считал III—V вв. В этот период происходит распад древнего рабовладельческого строя в трех центрах мировой цивилизации — в Китае, Иране и Римской империи. По всем этим странам прокатывается мощная волна народных движений, и на авансцену истории выходят новые, молодые народы. Как на Западе, так и на Востоке они строили свою цивилизацию, используя культурное наследие древних государств. Большое место в формировании нового феодального общества Н. И. Конрад отводил также воздействию мировых религий — буддизма, христианства и ислама. Но общей чертой, роднящей многие народы мира, по его мнению, был революционный переход от рабовладения к феодализму²⁹.

Важным звеном в разработке проблемы революционной смены формаций в Римской империи было изучение двух аспектов этого исто-

²⁷ Реформа Хосроя I Ануширвана, полагала исследовательница, была направлена к усилению процесса феодализации. См.: Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя АнушERVана.— ВДИ, 1937, № 1, стр. 143—153.

²⁸ Н. В. Пигулевская. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке, стр. 50—62; е е ж е. Маздакитское движение.— ИАН СССР, отд. ист. и филос., 1944, № 4, стр. 171—181; е е ж е. Идея равенства в учении маздакитов.— В сб. «Из истории социально-политических идей. К 75-летию академика В. П. Волгина». М., 1955, стр. 97—101; е е ж е. Восстание в Хузистане при Хосрове I.— КСИВ, IV, 1952, стр. 3—10; ср.: Ю. А. Солодухо. Движение Маздака и восстание населения Ирака в первой половине VII в. н. э.— ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 131—145.

²⁹ Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке.— В сб. «Из истории социально-политических идей. К 75-летию академика В. П. Волгина», стр. 76—96.

рического процесса: *внутреннего*, т. е. различных явлений социально-экономического порядка и классовой борьбы, в которых выражался кризис рабовладельческого общества, и *внешнего*, проявлением которого послужило завоевание территории Римской державы варварами. Необходимо было также выяснить функциональную зависимость внутренних и внешних факторов, приведших к падению рабовладельческого строя в Римской империи. Эти вопросы в равной мере интересовали и античников и медиевистов. Естественно поэтому, что в период господства в историографии концепции «революции рабов» было создано немало ценных работ по конкретной истории народных движений в Западной и Восточной Римской империи,— факт, который надо признать позитивным последствием применения этой в целом догматической и априорной теории.

Народные движения в Восточной Римской империи в IV—VII вв.

Зачинателями изучения народных движений в Поздней Римской империи были советские античники старшего и среднего поколений. Еще в конце 30-х и в 40-х годах анализ всего конкретного многообразия народных движений в Поздней Римской империи привлек внимание Н. А. Машкина. В поле его зрения находились прежде всего восстания в Северной Африке. Движение агонистиков трактовалось им как массовое народное движение, облеченное в форму религиозной ереси³⁰. Н. И. Голубцова, рассмотрев историю похода Алариха в Италию и взятие вестготами Рима в 410 г., пришла к заключению, что этот поход варваров был поддержан народными массами Италии. Однако о том, что захвату Аларихом Рима помогали рабы, открывшие завоевателям ворота Вечного города, данных в источниках нет³¹.

Для уяснения специфики народных движений в Поздней Римской империи много сделал А. Д. Дмитриев. Хотя его работам присущи некоторый схематизм и чрезмерная прямолинейность суждений, стремление во что бы то ни стало подвести данные источников под априорную схему «революции рабов», многолетние изыскания ученого в области конкретной истории классовой борьбы в III—V вв. и вторжений варваров были все же весьма плодотворны.

Прежде всего, А. Д. Дмитриеву удалось на основании анализа многообразных — нарративных, законодательных, эпиграфических, эпистолярных и житийных — памятников доказать поистине широчайший размах народных движений в Поздней Римской империи. В трудах историка перед читателями проходят, сменяя одна другую, картины борьбы

³⁰ Н. А. Машкин. Движение агонистиков (из истории римской Африки IV в.).— ИМ, 1935, № 1, стр. 28—52; его же. Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия.— ВДИ, 1938, № 1, стр. 82—92; его же. К вопросу о революционном движении рабов и колоннов в Римской Африке.— ВДИ, 1949, № 4, стр. 51—61; А. Р. Корсунский. Движение багаудов.— ВДИ, 1957, № 4, стр. 71—81.

³¹ Н. И. Голубцова. Италия в начале V века и вторжение Алариха в Рим.— ВДИ, 1949, № 4, стр. 62—74.

рабов, колонов, разоренных крестьян в Галлии и Испании, где они объединяются в движении багаудов; в Придунайских провинциях империи, во Фракии и Македонии, где эта борьба сливается с восстанием вестготов; в восточных провинциях, где она принимает форму движения разбойников-латронов; и наконец, в Паннонии и Норике, где эти движения принимают форму восстаний разбойников-скамаров³².

А. Д. Дмитриев ставил также своей задачей вскрыть органическую связь народных движений в Римской империи с вторжениями варваров. Ученый пришел к выводу, согласно которому внешние потрясения III—V вв.—Дунайские войны и другие нападения варварских племен — нельзя рассматривать только как борьбу Рима против варварского мира. Совместные действия варваров и восставших народных масс римского государства, по его мнению, являлись не чем иным, как проявлением классовой борьбы, направленной на свержение рабовладельческого строя. Этот вывод А. Д. Дмитриев распространял в равной степени и на Западную, и на Восточную Римскую империю³³.

Наиболее ярким примером слияния социальных выступлений угнетенных масс в Византии с нападениями на нее варваров-славян А. Д. Дмитриев считал движение скамаров. Как полагал историк, оно охватило провинции Норик, Паннонию и Фракию и длилось с перерывами без малого четыре столетия — с V по VIII в. Для того чтобы извлечь крупницы исторических данных о движении скамаров, А. Д. Дмитриев изучил большое число источников: Житие св. Северина, написанное в начале VI в. Евгиппием, латинские хроники Гидатия, Марцеллина Комита, панегирик Еннодия, «Гетику» Иордана, стихотворения римского поэта Клавдия Клавдиана, сочинения византийских авторов — Прокопия, Менандра, «Стратегикон» Псевдо-Маврикия, хронографии Феофана и патриарха Никифора, законодательство Юстиниана. В борьбе с Римом, а затем с Византией отряды скамаров, по мнению исследователя, объединялись со славянами и тем самым способствовали заселению славянскими племенами Балканского полуострова³⁴.

Далеко не все в работах А. Д. Дмитриева бесспорно. В них немало натяжек, априорных выводов и малодостоверных гипотез. Слабо, например, показана связь социальных движений с экономическими и политическими сдвигами, происходившими в Поздней Римской империи. В критических статьях высказывалось сомнение и в отношении гипотезы о совместных выступлениях скамаров и славян на Балканском

³² А. Д. Дмитриев. Движение багаудов.— ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 101—114; его же. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах.— ВДИ, 1948, № 3, стр. 66—78; его же. Падение Дакии.— ВДИ, 1949, № 1, стр. 76—85; его же. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 66—80; его же. Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в Римской империи.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 61—72; его же. Народные движения в восточных провинциях Римской империи в период Дунайских войн.— ВВ, VIII, 1956, стр. 97—126; его же. Движение скамаров.— ВВ, V, 1952, стр. 3—14.

³³ А. Д. Дмитриев. Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров. Автореф докт. дисс. Л., 1950.

³⁴ А. Д. Дмитриев. Движение скамаров, стр. 3—14.

полуострове в VI—VIII вв. А. Д. Дмитриева упрекали также в некоторой идеализации движения разбойников-латронов.

И тем не менее, несмотря на все эти недостатки, для трудов А. Д. Дмитриева характерен искренний пафос ученого-исследователя, хотя, быть может, иногда и ошибавшегося, но глубоко заинтересованного в раскрытии подлинной роли народных масс в социальном перевороте, происшедшем на грани античного и средневекового миров. Собранный ученым огромный материал источников, эрудиция исследователя, хорошее знание им древних языков — все это заставляет отнести к его трудам с вниманием и, отбросив априорные построения, взять из этих работ то ценное и полезное, что в значительной степени помогает воссоздать полнокровную картину социальных движений в Поздней Римской империи.

Предметом исследований советских византистов в 50-х годах были народные движения преимущественно в провинциях Византийской империи. Так, З. В. Удальцова в своих этюдах, посвященных социально-экономической истории Северной Африки в эпоху византийского завоевания, уделила значительное внимание народным восстаниям в этой провинции, направленным, по ее мнению, против реставраторской политики византийского правительства.

Источники той эпохи (законодательство Юстиниана, Прокопий, Марцеллин Комит, Виктор Тонененский, поэт Корипп, Иордан, эпиграфические и археологические памятники) дают возможность выяснить отношение народных масс к вандальскому, а затем византийскому завоеванию Северной Африки. Вандальское вторжение первоначально получило поддержку туземного населения, надеявшегося при помощи чужеземцев освободиться от гнета римской власти. Но вскоре наступило разочарование, ибо вандальская знать стала проводить антинародную политику. Вспыхнувшее в стране недовольство, подогреваемое римско-африканскими магнатами и ортодоксальным духовенством, облегчило Велизарию изгнание вандалов из этой провинции.

Надежды местного населения, однако, были вторично обмануты, и на этот раз византийцами. Правительство Юстиниана взяло курс на реставрацию старых порядков: конфискованные вандалами земли захватывались фиском или передавались ортодоксальной церкви и наследникам крупных римско-африканских землевладельцев; потомки рабов и колонов, освободившихся в предшествовавший период, возвращались в имения прежних хозяев; вновь вводилась тяжкая для населения римская налоговая и административная система.

Такая политика Юстиниана вызвала в 30-х — 40-х годах VI в. массовое народное движение в Северной Африке. В нем под руководством Стотзы приняли участие солдаты византийской армии, туземные племена маврусиев, беглые рабы и колоны, разоренные крестьяне. Основной целью восставших, как показано З. В. Удальцовой, был захват и раздел земель в Северной Африке. Движение было осложнено религиозной рознью между арианами и православными, а также сепаратистскими тенденциями вождей местных племен. В работе были изучены ареал распространения восстания, ход военных действий и причины поражения восставших, коренившиеся в первую очередь в пестроте социального состава участников движения и в отсутствии единства в их рядах.

В конечном счете, по мнению автора, народные восстания в Северной Африке ослабили натиск рабовладельческой реакции на Западе³⁵.

К аналогичным выводам исследовательница пришла относительно характера народных движений в Италии в период византийского завоевания. Византийские войска нашли здесь поддержку римской рабовладельческой знати и католического духовенства, что во многом обеспечило им победу, но столь же жестокая, как и в Северной Африке, реставраторская политика византийцев в Италии вызвала там в середине VI в. народно-освободительную войну под руководством Тотилы, в которой активно участвовали не только варвары-остготы, но и беглые рабы, колонны, угнетенное римско-италийское крестьянство³⁶.

Народные восстания в восточных провинциях Византии в конце VI — начале VII в. привлекли внимание Н. В. Пигулевской. Из византийских и сирийских хроник она почерпнула ценные сведения о восстаниях рабов, колонов, крестьянской бедноты в Египте. Одно из них, проходившее в Айкелах под руководством некоего Исаака, получило поддержку моряков Нильской флотилии и переросло в настоящую войну, во время которой повстанцы нападали на остров Кипр; другое выступление, происходившее в области Ахмим под командованием вождя Азарии, являлось по преимуществу рабским. Оба эти движения с трудом были подавлены византийским правительством.

Подводя итоги изучению этих народных движений, Н. В. Пигулевская пришла к заключению, что они, как и переворот Фоки, явились важным звеном в цепи, тех революционных потрясений, которые на грани VI—VII вв. привели к гибели рабовладельческой Византии³⁷.

Вопросы истории народных движений затронул Г. Г. Дилигенский в своей интересной работе по социальной, экономической и политической истории Римской Африки в IV—V вв. Эта работа подкупает тщательностью анализа многочисленных источников, на основании которого автору удалось проследить эволюцию аграрных отношений в римских провинциях Северной Африки, выразившуюся в расслоении класса землевладельцев и концентрации земли у наиболее крупных собственников. Касаясь классовой борьбы той эпохи, ученый показал, что она часто принимала формы религиозных ересей. Г. Г. Дилигенский осветил и социально-экономическое положение Северной Африки в период господства вандалов, которое характеризовалось распространением свободного крестьянства и сельской общины³⁸.

³⁵ З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, V, 1952, стр. 15—48; е е же. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, VI, 1953, стр. 88—112.

³⁶ З. В. Удальцова. Вступительная статья в кн. «Прокопий из Кесарии. Война с готами...», стр. 22—44. В дальнейшем эта тема разрабатывалась в других трудах того же автора. См.: З. В. Удальцова. Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания.— ВВ, X, 1956, стр. 9—26; е е же. Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы.— ВВ, XIII, 1958, стр. 9—27.

³⁷ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, стр. 155—158. О перевороте Фоки см. там же, стр. 164—175.

³⁸ Г. Г. Дилигенский. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Северной Африке (IV—V вв. н. э.). Автореф. канд. дисс. М., 1955.

Движение димов и борьба цирковых партий в Византии

Наличие в ранней Византии крупных городов с многочисленным торгово-ремесленным населением (о чем далее) определило выдающуюся роль народных масс города в социально-политической борьбе, потрясавшей Византийскую империю еще на заре ее существования. Поэтому вполне естествен и закономерен огромный интерес советских византинистов к таким своеобразным явлениям, как движение димов и выступления цирковых партий в IV—VII вв.³⁹ Действительно, этот вопрос длительное время в византиноведческой историографии оставался загадкой, иногда даже историческим парадоксом, да и до сих пор здесь далеко не все еще ясно.

Традиционная трактовка движения димов и факций как чисто спортивной борьбы не удовлетворяла уже буржуазных ученых (Ф. И. Успенский, С. Манойлович, И. Янсенс и другие), начавших поиски более глубокого объяснения его характера и политической направленности. Однако, за исключением С. Манойловича, они, естественно, оставляли в тени социальный аспект проблемы, — к его-то изучению и обратились советские византинисты.

Основополагающей работой по истории димов и цирковых партий в ранней Византии стало превосходное для своего времени исследование А. П. Дьяконова — «Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв.»⁴⁰ Согласно его концепции димы являлись организациями жителей определенного городского квартала, причем существовали они без перерыва с античных времен. Помимо участия в местном управлении, димы выполняли военные и политические функции. В отличие от димов цирковые партии — факции были первоначально спортивными организациями и лишь к началу V в. приобрели характер политических объединений.

Анализируя вопрос о сущности борьбы димов и факций, А. П. Дьяконов в равной степени отвергал теории, трактовавшие ее либо как чисто спортивные, либо как чисто религиозные конфликты. Но он polemизировал и с мнением С. Манойловича, который видел в венецах аристократические слои населения, а в прасинах — представителей народных масс. По мнению А. П. Дьяконова, социально-политические различия касались лишь «верхов» партий: у венецов господство принадлежало старой земельной аристократии, а прасинов возглавляли недавно выдвинувшиеся на политическую арену торгово-промышленные круги. Народные же массы входили в состав обеих партий. Противоречия

³⁹ См.: Н. В. Пигулевская. К вопросу о борьбе димов в ранней Византии (Критический обзор). — ВВ, V, 1952, стр. 216—222.

⁴⁰ См.: А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв. — ВС, стр. 144—227; см. об этой работе: Н. В. Пигулевская. К вопросу о борьбе димов..., стр. 219—221. Высокую оценку исследованию А. П. Дьяконова дала Е. Ч. Скржинская, подчеркнувшая, что эту работу можно считать руководящей в понимании вопроса о димах (см.: Е. Ч. Скржинская. Рец. на «Византийский сборник» (1945). — ВАН СССР, 1946, № 4—6, стр. 124—125). К этому выводу присоединился и Б. Т. Горянов (см. его рец. на тот же сборник. — ВИ, 1946, № 4, стр. 136—140).

между народом и господствующими классами были значительно острее, чем между «верхами» факций, и поэтому во всех крупных народных восстаниях в Константинополе в V—VII вв. рядовые димоты из той и другой партии выступали единым фронтом. По мнению А. П. Дьяконова, борьба димов и факций прекращается в VII в. в связи с упадком промышленности и торговли, который лишил эту борьбу экономических оснований. После VII в. факции потеряли свое политическое значение.

Концепции А. П. Дьяконова была суждена долгая, хотя и не легкая жизнь в нашей науке: одни ее восторженно принимали и перенимали, другие полемизировали с ней или начисто отвергали, но никто не проходил мимо нее равнодушно. Она была в той или иной степени воспринята и развита М. В. Левченко и Н. В. Пигулевской. М. В. Левченко попытался несколько дополнить и усложнить выводы А. П. Дьяконова относительно социального состава партий венетов и прасинов и движущих сил их борьбы. Соглашаясь с тем, что верхушка венетов принадлежала к родовой аристократии, а руководящие элементы прасинов — к торгово-ремесленным кругам, этот ученый дал более глубокое толкование позиции народных масс в борьбе димов и факций. Он убедительно показал, что в большинстве случаев рядовые димоты во время столкновений руководства обеих партий занимали индифферентную позицию, а если и поддерживали прасинов или венетов, то по причине экономической и политической зависимости от той или иной социальной группировки, стоявшей во главе данной партии. Большую роль при этом играли религиозные и межплеменные разногласия, приводившие зачастую к поляризации смешанных групп населения⁴¹. В своей статье М. В. Левченко полемизировал с А. К. Бергером по вопросу о социальной природе димов и факций. Полемика завязалась в результате критического выступления А. К. Бергера против указанной концепции М. В. Левченко, как она была изложена в его «Истории Византии» (1940 г.). По мнению самого А. К. Бергера, отнюдь не обязательно отождествлять венетов с земельной аристократией, а прасинов — с торгово-промышленными группировками. Под флагом «голубых» и «зеленых» могли выступать различные социальные слои византийского общества⁴².

М. В. Левченко не согласился со своим рецензентом и пытался подкрепить свои прежние выводы новыми данными, почерпнутыми из произведения Малха, Пасхальной хроники, хроник Малалы, Иоанна Никиусского и Феодана, «Учения новокрещенного Иакова» и других источников. Он привел веские, на наш взгляд, доказательства того, что к прасинам принадлежали члены ремесленных и торговых корпораций, эргастериаки, ткачи и другие представители торгово-ремесленных кругов. Чтобы подкрепить вывод об аристократическом составе верхушки венетов, М. В. Левченко старался опровергнуть главный аргумент противников этой теории, утверждавших, будто венеты поддерживали Фоку, а это было бы невозможным, если бы они были предста-

⁴¹ М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.— ВВ, I, 1947, стр. 164—183.

⁴² См.: А. К. Бергер. Рец. на кн. М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940.— ИЖ, 1941, № 3, стр. 140.

вителями аристократии. Сопоставляя различные источники, М. В. Левченко довольно убедительно показал, что венеты были на стороне Маврикия, а не Фоки. М. В. Левченко выступил также против мнения И. Янсенса, Г. Братиану и А. П. Дьяконова об упадке димов уже в правление Ираклия и настаивал на том, что димы и факции сохраняли свою выдающуюся политическую роль вплоть до конца VII в.⁴³

В целом М. В. Левченко квалифицировал движение димов и соперничество цирковых партий как проявление классовой борьбы в городах ранней Византии.

Н. В. Пигулевская в главных чертах поддержала концепцию А. П. Дьяконова, хотя и подвергла его работу серьезной критике. Исследовательница указывала на то, что он не уделял достаточного внимания глубинным причинам классовой борьбы и порою объяснял столкновения факций воздействием внешних, в частности религиозных, а не социально-экономических факторов. Она упрекала его и в юридизме, проявившемся, например, в оценке византийского государства⁴⁴.

Н. В. Пигулевская собрала обширный материал о димах и факциях в Византии и проследила их участие в социально-политической борьбе на протяжении длительного времени — с правления Юстина I до царствования Ираклия. Оценивая социальный состав димов, она в общем приняла концепцию С. Манойловича и А. П. Дьяконова, но усложнила ее, перенесла акцент на характеристику «низов» прасинов и венетов. Среди рядовых членов партии венетов, подчеркивала автор, было много «клиентов», работников пригородных имений землевладельческой знати, а к зеленым примыкали мелкие ремесленники и торговцы, моряки, городская беднота. Социальный антагонизм внутри димов она считала значительно более важным историческим фактором, чем противоречия между партиями⁴⁵. Используя данные источников (правда, единичные), исследовательница уделила первостепенное внимание участию рабов в городских восстаниях и борьбе димов, в частности, в правление Маврикия. Н. В. Пигулевская завершает свои построения выводом, по которому движения димов и борьба прасинов и венетов в Византии составили важный элемент «революции рабов»⁴⁶.

С совершенно иной концепцией движения димов и борьбы различных группировок городского населения в Византии IV в. выступил М. Я. Сюзюмов⁴⁷. Выводы М. Я. Сюзюмова полностью противоречили теории А. П. Дьяконова и других советских византинистов, разделявших точку зрения этого ученого. Расхождения относятся к сердцевине

⁴³ М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв., стр. 180—183.

⁴⁴ Н. В. Пигулевская. К вопросу о борьбе димов..., стр. 221.

⁴⁵ Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, стр. 57—83, 114—190.

⁴⁶ Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием, стр. 66—77. Следует отметить, что М. В. Левченко подверг критике положения Н. В. Пигулевской относительно социального состава димов и цирковых партий, отметив их противоречивость и непоследовательность. Он упрекал Н. В. Пигулевскую и в идеализации переворота Фоки (см.: М. В. Левченко. Рец. на кн.: Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.— ВЛГУ, 1948, № 12, стр. 130—132).

⁴⁷ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века.— УЗ УГУ. Свердловск, 1952, вып. 11, ист., стр. 84—134.

всей проблемы: М. Я. Сюзюмов полагал, что народные массы городов (в этом, по его мнению, объективный смысл их позиции) защищали устой рабовладельческого общества, тогда как другие ученые, в чем мы убедились, рассматривали народные восстания в городах как проявления классовой борьбы, способствовавшей гибели рабовладельческого строя в Византии.

Социальной опорой рабовладельческой реакции, по утверждению М. Я. Сюзюмова, являлся не только многочисленный в городах люмпен-пролетариат, но и значительные слои городского торгово-ремесленного населения, заинтересованного в сохранении рабовладельческого государства и городов как центров рабовладельческого производства. Защищая города, они боролись как против нападений варваров, так и против восстаний рабов и колонов. М. Я. Сюзюмов отверг представление Н. В. Пигулевской об участии рабов в восстаниях народных масс города. Он характеризовал этот тезис лишь как сомнительную гипотезу, не подтвержденную фактами. «Рабы больших городов-эмпорий,— пишет М. Я. Сюзюмов,— мало оказали пользы революции рабов»⁴⁸. Народные массы городов во многом были игрушкой в руках господствующих классов, которые применяли различные методы социальной демagogии для подчинения их своему влиянию. Зрелища в цирке и на ипподроме, привлекавшие огромные массы народа, были, по мнению М. Я. Сюзюмова, основным местом проведения в жизнь этой политики. Вполне естественно поэтому, что исследователь устремляет все свое внимание на описание лихорадочной, порою даже кровавой борьбы вокруг зрелищ. Картина, созданная им, весьма импозантна. Для ее написания автор привлек разнообразные источники, среди них и желчно-ворчливые, но вместе с тем элегантно-дидактические речи Ливания, и сурово-обличительные, исполненные взволнованной экспрессии проповеди Иоанна Златоуста, рисующие сцены народных волнений в цирке, полные острого драматизма. Политическую тенденциозность рассказов участников событий он умерял холодными формулами римского законодательства. Все это дало ему возможность показать, как городская знать умело использовала древний принцип «разделяй и властвуй!» для того, чтобы расколоть и тем самым обессилить народные массы.

Касаясь движения димов, М. Я. Сюзюмов подверг критике взгляды А. П. Дьяконова на их происхождение и социальный состав. Он отрицал генетическую связь византийских димов с античными территориальными организациями городского населения. Горячий сторонник теории континуитета, историк в данном случае выступает ее противником. Не менее энергично он стремится опровергнуть тезис о функциональной зависимости димов от организации населения по кварталам. Оформление политических партий венетов и прасинов М. Я. Сюзюмов относит к V—VI вв., а борьбу вокруг зрелищ в IV в. рассматривает как предысторию выступлений цирковых партий.

В IV в., с точки зрения М. Я. Сюзюмова, вокруг зрелищ боролись две группировки господствующего класса: одной из них была чинов-

⁴⁸ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 129. Тезис Н. В. Пигулевской о широком участии рабов в движении димов был достаточно убедительно опровергнут еще М. В. Левченко (см. его рец. на указ. соч. Н. В. Пигулевской, стр. 131).

ная знать Константинополя, связанная с военными кругами, другой — крупные рабовладельцы, куриалы провинциальных городов, которых поддерживали местные торговцы и ремесленники. Первая группировка выступала за централизацию и бюрократизацию государства и церкви, вторая — за сохранение муниципальных свобод. Обе стремились использовать в своих интересах недовольство народных масс. На основе первой группировки в V—VI вв. сложилась партия венетов, а вторая послужила ядром партии прасинов. Столкновения между этими партиями усиливались религиозными разногласиями: в IV в. — между никейцами и арианами, в V—VI вв. — между православными и монофиситами⁴⁹. Борьба этих группировок объективно отражала разложение рабовладельческого полиса.

В заключение М. Я. Сюзюмов вновь подчеркнул, что города-эмпории в ранней Византии по существу являлись оплотом рабовладельческого общества.

Концепция М. Я. Сюзюмова вызвала живейшие возражения в советской исторической литературе⁵⁰. Подчеркивая оригинальность, свежесть выводов автора, граничащую, правда, с парадоксальностью, критики М. Я. Сюзюмова отмечали излишний социологизм его построений, склонность к модернизации⁵¹, использование в качестве аргументов данных, относящихся к различным эпохам.

Спор разгорелся по кардинальному вопросу — об оценке роли народных масс города в социальной борьбе IV—VI вв. Критики М. Я. Сюзюмова полагали, что нельзя на основании единичных выступлений горожан против нашествия варваров делать общий вывод о реакционном характере городских движений в ранней Византии. Справедливо отмечалось, что в работе отсутствует четкое разграничение позиции люмпен-пролетариев и трудовых масс города, в первую очередь ремесленников и наемных работников. Если люмпен-пролетарии многочисленных городов, не занимавшиеся производительным трудом, жившие за счет подачек знати и эксплуатации труда рабов и крестьян-общинников, действительно могли быть резервом рабовладельческого государства, то интересы трудового люда были иными. Он страдал от кризиса рабовладельческого общества и объективно выступал против рабовладельческого строя. Недаром горожане восточных провинций Византии приветствовали как своих освободителей сперва персов, потом арабов.

⁴⁹ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века, стр. 125—134.

⁵⁰ См.: М. А. Заборов. Проблемы истории Поздней Римской империи на 5-й византиноведческой сессии ОИИФ АН СССР.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 244—246; Пятая византиноведческая сессия ОИИФ АН СССР.— ВВ, V, 1952, стр. 293—295; Г. Л. Курбатов. Рец. на рассмотренную выше работу М. Я. Сюзюмова.— ВВ, VII, 1953, стр. 306—314.

⁵¹ Так, античное рабство М. Я. Сюзюмов считал возможным сравнивать с рабством в Северной Америке в эпоху капитализма; он проводил аналогии между борьбой прасинов и венетов в Византии и столкновениями гвельфов и гибеллинов, тори и вигов, демократов и республиканцев и т. п. (М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ..., стр. 105—106, 125). Режут глаз многие ультрасовременные выражения, применяемые к столь отдаленной эпохе, например «пропаганда», «политический актив», «функционеры партий», «хозрасчет» и другие.

Ряд существенных соображений был высказан относительно недооценки М. Я. Сюзюмовым влияния кризиса рабовладельческого способа производства на городскую жизнь в Восточной Римской империи. Отмечалось, что в противоположность выводам других своих исследований, где М. Я. Сюзюмов признавал значительные масштабы применения рабского труда в ремесленном производстве городов⁵², в данной работе он явно недооценивал этот факт, оставляя за рабами лишь функции челяди. Отсюда, по мнению критики, и проистекало отрицание М. Я. Сюзюмовым какой-либо активной роли рабов в городских движениях IV и последующих веков. Впрочем, категорическое утверждение Г. Л. Курбатова, будто в работе М. Я. Сюзюмова затушевывается острота классовой борьбы в городах IV в., нам кажется преувеличенным и недоказуемым⁵³.

Завершая характеристику советской историографии проблемы димов и факций, мы можем констатировать, что наша наука еще далека от ее окончательного разрешения. Однако более «жизнеспособной» оказалась концепция А. П. Дьяконова, которая получила широкое распространение в научной, научно-популярной и учебной литературе⁵⁴. Что касается теории М. Я. Сюзюмова, то пока она имеет еще не так много последователей⁵⁵. Дальнейшие изыскания в этой области, думается, покажут, кто был прав.

Взаимоотношения Византии со славянами и другими варварскими народами в эпоху падения рабовладельческого строя

Важная тема, непосредственно связанная с проблемой падения рабовладельческого строя в Византии,— вопрос о внешних факторах, приведших к гибели рабовладельческого способа производства, иными словами, о вторжениях славян и других варварских народов на территорию империи. В свою очередь, эта большая проблема распадается на две: взаимоотношения Византийской империи и варваров и связь народных движений с варварскими завоеваниями; общественный строй самих варваров, в частности славян, и его воздействие на формирование феодальных отношений в Византии.

⁵² М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века.— ВВ, IV, 1951, стр. 13.

⁵³ Г. Л. Курбатов. Рец. на статью: М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ..., стр. 207.

⁵⁴ См.: З. В. Удальцова. Глава в кн. «История средних веков» (учебник для вузов). М., 1952, т. I, стр. 83—85; е е же. Глава в кн. «История средних веков» (учебник для университетов). М., 1966, стр. 154—156; е е же. Глава в кн. «Всемирная история» под ред. акад. Е. М. Жукова. М., 1957, т. III (гл. V, § 4), стр. 88.

⁵⁵ В. Т. Сиротенко. Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией в V и VI вв. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 1—6; е го же. Взаимоотношения гуннов и Римской империи.— УЗ ПГУ, XII, 1959, вып. 4, стр. 70—97; е го же. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV—VII вв. Византия и болгары в V—VI вв.— УЗ ПГУ, XX, 1961, вып. 4, стр. 3—70.

В рассматриваемый период видное место в трудах советских византинистов, античников, русистов, археологов и ученых других специальностей занимало изучение вопроса о роли славян в судьбах Восточной Римской империи⁵⁶. Необходимость разработки этой проблемы с марксистских позиций была тем более велика, что данный вопрос подвергался особенно ожесточенному «обстрелу» буржуазных историков. Буржуазная наука пыталась либо вообще отрицать значительные масштабы славянского проникновения в Византию, либо, признавая широкое заселение империи славянами, всячески преуменьшить прогрессивное влияние общественного строя славян на внутреннее развитие византийского государства^{56а}.

В советской исторической науке вопрос о славянской колонизации Балканского полуострова, ее масштабах, характере и последствиях для судеб Византии с самого начала вызвал острую дискуссию. Вскоре в ней определились две значительно отличавшиеся друг от друга точки зрения.

Академик Н. С. Державин, находясь под воздействием теории Н. Я. Марра, пытался доказать, что славяне были древнейшим населением как Приднестровья, так и большей части Балканского полуострова (по обе стороны Дуная). Он утверждал, что еще в доримскую эпоху вся территория от берегов Эгейского и Адриатического морей до Карпат и Среднего Днестра была заселена славянами. Неоспоримые данные византийских историков (Прокопия, Менандра, Иоанна Эфесского, Псевдо-Маврикия, Феофилакта Симокатты и других) о славянских вторжениях в Византию Н. С. Державин истолковывал как свидетельства ее первых вооруженных столкновений со славянами, жившими уже на Балканах и вновь пришедшими сюда в начале VI в. Ученый рассматривал эти войны не в историко-хронологическом, а в историко-социологическом аспекте, считая их этапом развития общественного строя славян⁵⁷.

⁵⁶ Ф. М. Россейкин. Византия и славяне. Библиографический обзор работ за 1922—1938 гг.— ВС, стр. 270—273; В. И. Пичета. Академия наук и византиноведение в советское время.— ВАН, 1945, № 5—6, стр. 189—194; его же. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков.— ВДИ, 1947, № 3, стр. 95—99; В. Т. Сиротенко. Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке.— УЗ ПГУ, XII, 1959, вып. 4, стр. 98—111; К. В. Хвостова. История южных славян в VI—XV вв. в советской исторической литературе 1950—1957 гг.— ВВ, XV, 1959, стр. 185—188.

^{56а} А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию.— КСИС, 1953, № 11, стр. 65—75; одновременно в зарубежной литературе превеличивалось влияние византийской культуры на славянские народы (Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. Перев. и пред. Б. Т. Горянова. М., 1947, стр. 5—17; его же. История Византийской империи. Перев. А. Е. Рогинской, под ред. и с пред. Б. Т. Горянова. М., 1948, предисловие, стр. 5—18).

⁵⁷ Н. С. Державин. Славяне и Византия в VI веке. В кн. «Язык и литература». Л., 1930, т. VI, стр. 5—47; его же. К вопросу о славянской колонизации Балканского полуострова.— «Борьба классов», 1933, № 10, стр. 38—43; его же. Об этногенезе древнейших народов днепровско-дунайского бассейна.— ВДИ, 1931, № 1, стр. 279—289; его же. «Троян» в «Слове о полку Игореве».— ВДИ, 1939, № 1, стр. 159—177 (автор высказывал здесь маловероятную гипотезу, будто выражение «Слова о полку Игореве» — «земля Трояня» — представляет собой воспоминание об императоре Траяне, с которым славяне

Теория Н. С. Державина не встретила поддержки в советской исторической науке. Особенно основательной критике подверг ее В. И. Пичета, указывавший, что она не подтверждается источниками и вообще не дает возможности говорить о революционной роли славян в истории Византии⁵⁸.

Одним из первых создателей противоположной взглядам Н. С. Державина концепции взаимоотношений Византии и славян в VI—VII вв. был М. В. Левченко⁵⁹. По его мнению, процесс славянской колонизации начался не в VI в., а в первой половине VII в.; окончив борьбу с аварами, славянские племена перешли Дунай и быстро заселили Балканский полуостров, где Византия сохранила лишь отдельные укрепленные пункты. М. В. Левченко наметил два основных периода в истории славянских вторжений в империю: конец V — начало VII в. — период грабительских набегов славян и VII в. — период их оседания на территории Византии⁶⁰. Ослабленная в конце VI — начале VII в. кризисом рабовладельческого строя и обострением классовой борьбы, она не могла оказать серьезного сопротивления славянам.

По мысли М. В. Левченко, проникновение славян привело к замене рабовладельческих отношений в Византии общинными, аналогичными славянским, что дало мощный импульс развитию феодализма. Эта идея была последствием развития Е. Э. Липшица на основе тщательного изучения источников VIII — первой половины IX вв.⁶¹

Значительный вклад в разработку проблемы славянских вторжений в Византию внес А. В. Мишулиц, активный сторонник второй из рассмотренных концепций⁶². Подобно М. В. Левченко, он выделяет два, но несколько иных этапа славянских вторжений в империю: от I до V вв., когда славяне вместе с другими, в частности германскими, племенами нападали на Римскую державу, но еще не играли самостоятельной роли, и начиная с VI в., когда славяне победоносно наступали на империю и ее судьбы во многом определялись этими вторжениями. Как мы уже видели, А. В. Мишулин связывал их с революцией рабов, происходившей в Византии, как он полагал, на грани VI—VII вв.⁶³

якобы общались в период Дунайских войн римлян и завоевания ими Дакии); его же. История Болгарии, т. I—II. М.—Л., 1945—1946; его же. Из истории Древнеславянского города.— ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 146.

⁵⁸ В. И. Пичета. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков, стр. 95—96. Ср.: М. В. Левченко. Новый труд по истории Болгарии. Рец. на ки. акад. Н. С. Державина «История Болгарии», т. I—II.— ВИ, 1946, № 11—12, стр. 147—153.

⁵⁹ М. В. Левченко. Византия и славяне в VI—VII веках.— ВДИ, 1938, № 4, стр. 23—48.

⁶⁰ В. Т. Сиротенко оспаривает этот тезис, доказывая, что уже в VI в. славяне прочно оседали на территории Византии (В. Т. Сиротенко. Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке, стр. 102—103).

⁶¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого закона).— ВС, стр. 96—143; его же. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма.— ВВ, I (XXVI), 1947, стр. 144—163.

⁶² А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи, стр. 290—307; его же. Древние славяне и крушение Восточно-Римской империи, стр. 55—61.

⁶³ Большую пользу для разработки истории древних славян принесла публикация А. В. Мишулиным известий античных и византийских авто-

А. В. Мишулин поддержал также и тезис М. В. Левченко о прогрессивном влиянии славянской общины на социально-экономический строй Византии.

Для более конкретного уяснения этого влияния предстояло, однако, глубже изучить общественный строй древних славян. Эта задача оказалась крайне сложной. За ее решение взялся Б. Т. Горянов, который лишь на основе сведений византийских авторов VI в., без привлечения данных археологии, попытался проследить основные черты общественной организации славян. В VI в. они согласно его представлениям, сохраняли патриархально-родовой строй. Вместе с тем у них уже начался процесс феодализации, проявлявшийся, в частности, в наличии военно-феодалных дружин. В борьбе с Византией славяне за очень короткий срок значительно улучшили свою военную технику: к концу VI в. она почти не уступала византийской. В конечном счете автор стремится доказать и делает это не всегда достаточно обоснованно, что вся заслуга в сохранении и обновлении Византии как феодального государства якобы принадлежала славянам⁶⁴.

Концепция М. В. Левченко и А. В. Мишулина была поддержана в основных чертах и развита крупнейшим советским историком-руси-стом Б. Д. Грековым (1882—1953). Касаясь происхождения древних славян лишь попутно, в связи с изучением кардинальных проблем истории Древней Руси, этот ученый особо подчеркнул активную роль славян в сокрушении рабовладельческого мира⁶⁵. В. И. Пичета отметил, что в 30—40-х годах преобладающей в советской исторической науке была теория о том, что славяне, в широких масштабах проникнув на территорию Византии, оказали огромное влияние на все стороны ее общественной жизни⁶⁶.

Вскоре, однако, стало ясно, что в истории древних славян еще остается масса «белых пятен» и для разрешения многих спорных вопросов явно недостаточно тех скудных сведений, которые дают письменные источники. Перспективы новых открытий в этой области таила археология.

Вот почему с конца 30-х — начала 40-х годов центр тяжести разысканий по этногенезу и истории древних славян переместился из истории в археологию. Именно прежде всего археологам принадлежат вы-

ров о славянах; см.: А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.—ВДИ, 1941, № 1, стр. 225—280.

⁶⁴ Б. Т. Горянов. Славянские поселения VI в. и их общественный строй.—ВДИ, 1939, № 1, стр. 308—318; его же. Славяне и Византия в V—VI вв. н. э.—ИЖ, 1939, № 10, стр. 101—111; его же. Византия и южные славяне.—ПИШ, 1950, № 4, стр. 36—46. Общественный строй, военная тактика и быт древних славян были охарактеризованы в интересной, хотя и носящей научно-популярный характер статье А. И. Клибанова «Боевой порядок у древних славян».—ИЖ, 1945, кн. 1—2, стр. 74—81; его же. Военная организация на старте славяни.—ИП, година втора, 1945/46, кн. 2, стр. 193—209.

⁶⁵ Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945, стр. 5—32; его же. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 69—113.

⁶⁶ В. И. Пичета. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков, стр. 98—99. В числе сторонников этой теории автор называет А. В. Мишулина, М. В. Левченко, Б. Д. Грекова и Б. Т. Горянова.

дающиеся заслуги в воссоздании жизненно правдивой и конкретной истории древних славян.

В связи с проблемой славянского этногенеза⁶⁷ встал вопрос о генетических связях между антами византийских авторов и славянами. Б. А. Рыбаков видел в антах непосредственных предшественников населения Киевской Руси. Используя многообразный археологический материал и сопоставив его с данными византийских и латинских авторов, он выдвинул гипотезу, что «земли антов» — это была территория от Дуная до Донца.

Основным занятием антов были земледелие и скотоводство; у них уже создавались союзы племен, росла власть вождей, появлялось патриархальное рабство. Иными словами, анты в VI в. находились, как полагал Б. А. Рыбаков, на высшей ступени варварства, которой другие народы, например норманны, достигли только к IX в.⁶⁸

Б. Д. Греков и П. Н. Третьяков тоже признавали антов предшественниками восточных славян. Так, для Б. Д. Грекова эпоха VI—VII вв. — это «период, без перерыва идущий в Киевское время»⁶⁹.

П. Н. Третьяков в превосходном для своего времени труде «Восточнославянские племена»⁷⁰, посвященном истории восточных славян до IX в., большое внимание уделил отношениям славян и Византии. Они претерпели значительную эволюцию, главные этапы которой намечаются исследователем. После временного прекращения связей славян с Римом в период наступления готов, а затем гуннов, с конца V — начала VI в. развернулось активное наступление славянских племен — антов и склавинов — на Византийскую империю. Новая фаза этого вторжения наметилась после появления на исторической сцене аваров, которое, по мнению П. Н. Третьякова, не затормозило, а усилило славянский натиск, поскольку авары сковывали значительную часть военных сил Византии. Критическим моментом славяно-византийских войн на Дунае П. Н. Третьяков, подобно А. В. Мишулину и другим исследователям, считал 602 г., когда восстание народных масс открыло славянам путь на Балканский полуостров. В результате этого к середине VII в. славянский этнический элемент стал здесь господствующим; довольно многочисленны были поселения славян и в Малой Азии.

Роль славян в истории Византии, полагал П. Н. Третьяков, была еще значительнее, чем та, которую германцы сыграли в истории Западной Римской империи: германские племена растворились в более развитой среде населения стран Средиземноморья, а славяне, сами находившиеся на довольно высоком уровне развития, сохранили после колони-

⁶⁷ Характеристика проблемы этногенеза славян во всей ее полноте не входит в задачу данной работы. Укажем лишь некоторые исследования по этой теме, в частности: А. Д. Удадьцов. Начальный период восточнославянского этногенеза. — ИЖ, 1943, № 11—12, стр. 67—72.

⁶⁸ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1, стр. 319—337; его же. Ранняя культура восточных славян. — ИЖ, 1943, № 11—12, стр. 73—80.

⁶⁹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1944, стр. 312; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 205—217; его же. Анты и Русь. — СЭ, 1947, № 4, стр. 71—83.

⁷⁰ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М. — Л., 1948 (изд. 1). (Рец.: Б. А. Рыбаков. — ВАН СССР, 1948, № 8, стр. 127—130); М., 1953 (изд. 2).

зации империи свой язык, свои обычаи, свою культуру, которые вошли важной составной частью в византийскую цивилизацию⁷¹.

Много ценных мыслей об экономической и культурной жизни восточных славян высказано в известном исследовании академика Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси»⁷².

Создание трудов концепционного плана, содержащих широкие обобщения по вопросу о роли славян в судьбах Византийской империи, советские ученые сочетали со скрупулезным источниковедческим анализом сведений византийских и сирийских авторов о славянах. Так, А. П. Дьяконов постарался оценить достоверность соответствующих сообщений Псевдо-Захарии и Иоанна Эфесского. В сочинении Псевдо-Захарии исследователя привлекло известие об имени «Русь», — известие, которое он считает вполне достоверным⁷³. Еще более ценные факты из жизни древних славян и аваров сохранили Иоанн Эфесский (VI в.) и другие сирийские хронисты⁷⁴. А. П. Дьяконов высоко ставит труд Иоанна Эфесского, доказывая, что Михаил Сириец, Псевдо-Дионисий Телль-Махрский и другие писатели во многом лишь компилировали его произведение. Рассказ Иоанна Эфесского о славянах дышит свежестью впечатлений очевидца. Историческая достоверность его описаний походов на Византию, предпринимавшихся славянами в VI в. (самостоятельно либо совместно с гуннами и аvaraми), не подлежит сомнению.

А. П. Дьяконов выступил против преувеличения роли авар и принятия значения славян в Балканских войнах. Проанализировав данные Иоанна Эфесского, ученый пришел к выводу о различном характере походов варваров на Византию в 40—50-х и 80—90-х годах VI в. В первых наряду со славянами участвовали кочевники — гунны и авары. Это были грабительские налеты на империю, сопровождавшиеся опустошением, вводом пленных и оканчивавшиеся возвращением летучих отрядов варваров за Дунай. Вторжения 80—90-х годов VI в. были связаны с поселением варваров на землях империи, причем по Мёзии и Фракии расселялись преимущественно славяне, склонные к занятиям земледелием и оседлому образу жизни. Степень участия авар в колонизации Балкан установить трудно, но известия Михаила Сирийца, в основе которых лежат сведения хроники Иоанна Эфесского, говорят о том, что авары и славяне сбавляли налоги крестьянам завоеванных областей, чтобы привлечь их на свою сторону. Напротив, латифундии богачей подвергались разорению, а сами хозяева их ухаживали в другие поместья и уводили туда своих рабов. Византийское правительство, бессильное против непрошенных поселенцев, признает их своими подданными с целью включения в армию и сбора с них нало-

⁷¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 137—204.

⁷² Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 35—119.

⁷³ А. П. Дьяконов. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 83—90.

⁷⁴ А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков. — ВДИ, 1946, № 1, стр. 20—34; ср.: его же. Иоанн Эфесский и его хроника, известная под именем Дионисия Телль-Махрского. — ХЧт. 1903, № 11 (ноябрь — декабрь), стр. 599—614, 818—835; его же. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.

гов. Известия Иоанна Эфесского и других сирийских хроник, подчеркивал в своих выводах А. П. Дьяконов, проливают новый свет не только на характер славянской колонизации Балкан, но и на совместные действия народных масс империи с пришельцами из-за Дуная.

Высоко оценивала достоверность сведений сирийских хроник о славянах и аварах VI в. и Н. В. Пигулевская⁷⁵.

Живой интерес и горячие споры породил в советской исторической науке знаменитый экскурс византийского писателя Псевдо-Маврикия о славянах VI—VII вв.⁷⁶ Противоречивость его известий и сложность самого памятника потребовали проверки данных «Стратегикона» Псевдо-Маврикия археологическими изысканиями. Такая попытка была предпринята М. Ю. Брайчевским, который на основе археологических материалов предложил свое толкование известий Псевдо-Маврикия⁷⁷. Исследователей давно удивляло противоречие между описанием общественного строя антов и славян, с одной стороны, у Прокопия, Иордана, Менандра и Феофилакта Симокатты, рисовавших картину сложных и высокоорганизованных общественных отношений у славянских племен, а с другой — в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия, где славяне предстают племенами, стоящими на примитивной ступени развития. М. Ю. Брайчевский выход из этого противоречия нашел в том, что отнес антов и склавинов Иордана, Прокопия, Менандра и Феофилакта Симокатты к племенам так называемой черняховской культуры, а антов Псевдо-Маврикия отождествил с племенами, имевшими культуру городищ роменского типа, отличавшуюся архаическим укладом хозяйства и общественных отношений. Анты Псевдо-Маврикия, по его мнению, — это не антские племена, нападавшие на Византию и боровшиеся с аварами, а северяне, которые на рубеже VI—VII вв. заменили антов.

В поддержку концепции М. Ю. Брайчевского выступил В. В. Мавродин, признавший правомерность отождествления антов с северянами⁷⁸.

Разыскания советских историков коснулись также сфрагистического материала, дающего новые сведения о расселении славян в Византии. Так, А. Ф. Вишнякова сопоставила известия хроники патриарха Никифора (VIII в.) с данными моливдовула VII в. о славянской колонии в Вифинии (моливдовул был издан еще Б. А. Панченко) и еще раз подтвердила существование в VII в. славянских поселений в Малой Азии⁷⁹.

Все эти труды советских историков и археологов позволили соз-

⁷⁵ Н. В. Пигулевская. Авары и славяне по сирийским источникам. — СВост., II, 1941, стр. 27—36. Автор отмечает, в частности, сообщение Иоанна Эфесского о том, что уже в VI в. славяне совершали набеги на Балканы не только с целью захвата добычи, но и поселения на этой территории.

⁷⁶ Акад. С. А. Жебелев издал новый перевод этого отрывка из «Стратегикона» Псевдо-Маврикия. См.: С. А. Жебелев. Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI—VII вв. — ИАН СССР, 1939, т. II, стр. 33—37; ранее в России был известен перевод Цыбышева: «Маврикий, Тактика и Стратегия». СПб., 1903.

⁷⁷ М. Ю. Брайчевский. Об антах Псевдомаврикия. — СЭ, 1953, № 2, стр. 21—36. И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. — СА, 1952, № 16.

⁷⁸ В. В. Мавродин. К вопросу об антах Псевдомаврикия. — СЭ, 1954, № 2, стр. 32—41.

⁷⁹ А. Ф. Вишнякова. Славянская колония VII в. в Вифинии. — ВДИ, 1940, № 1, стр. 138—141.

дать довольно стройную концепцию истории древних славян и их взаимоотношений с Византией, покоящуюся в основном на признании относительно высокого уровня общественного развития славян, военного характера их вторжений в империю, сочетавшегося с мирной колонизацией завоеванных территорий, связи славянских нападений с восстаниями народных масс. Славяне, по мнению большинства ученых, сыграли в смене формаций в Византии ту же деструктивно-конструктивную роль, что и германцы на Западе: они способствовали падению рабовладельческого строя и вместе с тем своими общинными отношениями расчищали путь для формирования византийского феодализма⁸⁰.

Сказанное отнюдь не означает, что в истории древних славян и Византии не осталось в те годы никаких загадок и спорных вопросов. Немало предстояло еще сделать по окончательному разрешению всех контрверзов по поводу общественного строя древних славян, зарождения у них государственности. Недостаточно были освещены взаимоотношения славян с другими варварскими народами, особенно с гуннами и аварами. Породил большую дискуссию (в последующие годы) вопрос об антах и племенах черняховской культуры. Остались невыясненными и масштабы славянской колонизации Византии: их уточнение требовало дальнейших топонимических, археологических и лингвистических изысканий. Не обошлось без преувеличений и тенденциозных выводов. И тем не менее 30—50-е годы были отмечены плодотворным изучением в советской исторической науке проблем взаимоотношений славян и Византии.

И в те годы советские ученые, несмотря на увлечение историей древних славян, понимали необходимость исследования взаимоотношений Византии с другими варварскими народами. Подобно тому как нельзя сводить варварские завоевания на Западе только к вторжениям германцев — необходимо иметь в виду и участие в них других этнических групп, невозможно понять борьбу Византии с варварским миром без учета роли гуннов, авар, болгар, готов, армян, арабов и других племен и народов. Академик Б. Д. Греков писал, что не только славяне и германцы, но и армяне, грузины, народы Средней Азии, арабы участвовали в перекраивании политической карты Европы и на развалинах рабовладельческого мира создали свои новые, средневековые государства⁸¹.

В 40—50-х годах советские археологи и историки приступили к изучению многообразного варварского мира, но сделано было тогда еще не так много. Значительный вклад в разработку известий сирийских авторов VI в. (главным образом хроник Псевдо-Захарии Митиленского и Иоанна Эфесского) о народах Закавказья, Средней Азии и Балкан

⁸⁰ С. А. Никитин. Социально-экономический строй славян в IV—VI вв. Заселение славянами Балканского полуострова. В кн. «История Болгарии», т. 1. М., 1954, стр. 32—44; З. В. Удальцова и А. А. Попова. Рец. на коллективный труд «История Болгарии», т. 1.—ВВ, XI, 1956, стр. 295—296; С. А. Никитин. Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства.—ВМГУ, серия обществ. наук, 1952, № 1, стр. 131—153; Л. С. Чиколини. Общественно-экономический строй славян и движение их на Балканский полуостров в VI—VII вв. Киев, 1953; А. П. Каждан. Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии.—ПИШ, 1953, № 2, стр. 47—58.

⁸¹ Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства, стр. 5—32.

внесла Н. В. Пигулевская⁸². В центре ее внимания находились отношения мировых по тем временам держав — Византии и Ирана — с кочевыми племенами, объединявшимися зачастую в пестрые племенные союзы; они известны в истории под общим названием гуннов. Некоторые из этих племен создавали свои государства; одним из них было государство эфталитов. Под власть воинственных кочевников подчас попадали более культурные оседлые народы, например согды в Средней Азии, которые, однако, сохраняли определенную самостоятельность и держали в своих руках торговые связи, в том числе торговлю с Византией. В книге Н. В. Пигулевской прослежены процесс складывания государства у гуннских племен на Северном Кавказе, их переход к оседлой жизни и возникновение письменности. Монография проливает дополнительный свет на борьбу аваров и славян против Византии: автор полагает, что натиск славян на Византию был вызван предпринятым в 80-х годах VI в. наступлением аваров, а также необходимостью иметь рабов в связи с переходом на новую стадию развития государственности. В книге Н. В. Пигулевской были поставлены многие этногенетические проблемы Закавказья, Средней Азии и Балкан. Если они и не были до конца разрешены, то сама их постановка уже имела для своего времени серьезное значение.

Много сделал для изучения истории гуннов А. Н. Бернштам. Талантливый археолог, он десятки лет посвятил разысканиям в области истории гуннов. Однако созданная им парадоксальная теория, будто походы гуннов, губительные для многих народов, имели прогрессивный характер, поскольку якобы способствовали падению рабовладельческого строя в Римской империи⁸³, не получила поддержки наших историков. Критикуя взгляды автора этой теории, они отмечали, что в отличие от германцев и славян, внесших позитивный вклад в создание средневекового общества в Западной Европе и Византии, гунны преимущественно разрушали, но не создавали ничего нового⁸⁴.

Взаимоотношения Византии с племенами Северного Причерноморья и Подунавья в V—VI вв. были рассмотрены В. Т. Сиротенко⁸⁵. По его мнению, не все вторжения варваров в Византию имели прогрессивные последствия. Лишь славяне и булгары⁸⁶ выступали союзниками народ-

⁸² Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.— ТИВАН, XLI. В работе дан источниковедческий анализ хроник Захарии Ритора и Иоанна Эфесского и помещен русский перевод отрывков из их сочинений.

⁸³ А. Н. Бернштам. Очерки по истории гуннов. Л., 1951, стр. 135—163. В книге был собран интересный археологический материал, особенно о гуннах в Азии, но письменные источники, прежде всего греческие, были использованы недостаточно интенсивно и не в оригиналах.

⁸⁴ З. В. Удальцова. Против идеализации гуннских завоеваний.— «Большевик», 1952, № 11, стр. 68—72; Л. Р. Кызласов, Н. Я. Мерперт. Рец. на кн.: А. Н. Бернштам. Очерки по истории гуннов.— ВДИ, 1952, № 1, стр. 101—109.

⁸⁵ В. Т. Сиротенко. Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией в V и VI вв. Автореф. М., 1954. Для более раннего периода см.: А. М. Ременников. Война между Римской империей и племенами Северного Причерноморья в 250—251 гг. н. э.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 201—210.

⁸⁶ Ср.: В. Т. Сиротенко. Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники IV—VII вв.— УЗ ПГУ, XX, 1961, вып. 4 (ист. науки), стр. 3—70.

ных масс империи и способствовали замене рабовладельческих отношений феодальными. Вторжения же гуннов и аваров, находившихся на низкой стадии общественного развития, носили чисто грабительский характер. Они не встречали поддержки у народных масс, а, наоборот, наталкивались на их ожесточенное сопротивление. В то же время эти племена, в первую очередь гунны, использовались рабовладельцами для борьбы с народными восстаниями.

В концепции В. Т. Сиротенко явственно ощущаются отзвуки представлений М. Я. Сюзюмова о борьбе народных масс Византии против варваров; правда, представления эти излагаются автором в несколько модифицированном виде — из всей массы варваров, нападавших на Византию, только славяне и булгары, полагает он, играли прогрессивную роль и не потому, что община славян явилась важным компонентом формирования византийского феодализма, а потому, что только они якобы находили поддержку со стороны народных масс Византии.

Мы не имеем здесь возможности рассматривать вопросы, связанные с изучением общественного строя различных варварских народов, так или иначе общавшихся с Византией; эти сюжеты имеют специальный научный интерес и могут служить предметом особого историографического исследования.

Дискуссия античников и византинистов о падении рабовладельческого строя в Римской империи

В 50-х годах назрела необходимость подвести итоги всему, сделанному ранее по изучению проблемы перехода от рабовладения к феодализму в Римской империи, и осмыслить в целом накопленный материал. Все больше ощущалась неудовлетворенность трактовкой таких вопросов, как соотношение рабства и колоната, определение класса-режима в ходе революционного переворота, отделявшего античность от средневековья, характер и время этого переворота. Противоречивое толкование этих и других связанных с ними проблем породило в нашей науке интересную и очень острую дискуссию, развернувшуюся в 1953—1956 гг. на страницах журнала «Вестник древней истории». В дискуссии приняли участие античники, византинисты и медиэвисты-западники.

Ее открыла статья Е. М. Штаерман⁸⁷, выдвинувшей несколько основных дискуссионных тезисов. Суть ее концепции вкратце сводится к тому, что в III в. в результате кризиса рабовладельческого строя Римской империи и борьбы рождающегося феодализма с рабовладением побеждают феодальные тенденции общественного развития, а рабства-

⁸⁷ Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя.— ВДИ, 1953, № 2, стр. 51—79. Итогом многолетних исследований Е. М. Штаерман по истории Поздней Римской империи явилась в дальнейшем ее книга, в которой проводилась концепция, аналогичная выдвинутой в этой статье (Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 278—509); ее же. Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 84—105; ее же. Рец. на кн.: M. Palasse. Orient et Occident. A propos du colonat romain au Bas-Empire.— ВВ, VII, 1953, стр. 318—330; E. M. Schtaerman. Die Kriese der Sklavenhalterordnung im Westen des Römischen Reiches. Berlin, 1964.

дельческий способ производства изживает себя. IV век уже нельзя характеризовать как время рабовладельческой формации, ибо классы рабов и рабовладельцев не являются более основными антагонистическими классами. Признавая революционный характер смены рабовладельческой формации феодальной, Е. М. Штаерман предлагала гипотезу, согласно которой классом-гегемоном в этом социальном перевороте были не рабы, а крупные землевладельцы, феодализировавшаяся знать Западной Римской империи.

Концепцию Е. М. Штаерман поддержала Е. Э. Липшиц⁸⁸. По ее мнению, в III—IV вв. в Римской империи происходило разложение рабовладельческих отношений, выражавшееся в замене рабства колонатом. Этот же процесс развертывался и в Византии, где в IV в. рабовладение уступило свое место колонату, который в VII в. в свою очередь был заменен свободной сельской общиной. Параллельно происходило формирование крупного феодального землевладения. Восстания рабов и колонов в империи были направлены не против рабовладельческого строя, а против закрепощения крестьянства.

Концепция С. И. Ковалева (1886—1960)⁸⁹ существенно отличалась от теоретических построений Е. М. Штаерман и Е. Э. Липшиц. Общественные отношения Поздней Римской империи, по его представлению, никак нельзя считать феодальными. Несмотря на кризис рабовладельческой системы и зарождение элементов феодализма (возникновение крупного землевладения в сочетании с мелким землепользованием, закрепощение сословий, развитие патрониев и т. п.), Римская империя в этот период остается еще рабовладельческой. Колонат же, получивший значительное распространение в III—V вв., был лишь модификацией рабства. Революция рабов III—V вв. носила, по его мнению, деструктивный характер и окончилась гибелью обоих борющихся классов — класса рабов и рабовладельцев. Формирования феодализма не могло быть без завоевания Рима варварами, омоложившими своим варварством Римскую империю.

Наиболее непримиримо против концепции Е. М. Штаерман выступил М. Я. Сюзюмов⁹⁰. Он категорически отверг представление, будто рабовладельческий строй как господствующий тип социальных отношений перестал существовать в Римской империи еще в III—IV вв. Перевод на пекулий, с точки зрения М. Я. Сюзюмова, по сути не менял положе-

⁸⁸ Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии.— ВДИ, 1955, № 4, стр. 63—72. Концепция Е. Э. Липшиц была развита ею в работах последующего времени, особенно в ее большой статье «О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в Балканских и Малоазийских провинциях Византии».— ВВ, XIII, 1958, стр. 28—54 (см. ниже, стр. 170).

⁸⁹ С. И. Ковалев. К вопросу о характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи.— ВДИ, 1954, № 3, стр. 33—44; его же. Опыт периодизации Римской истории.— ВДИ, 1955, № 4, стр. 108—116. А. Г. Бокшанин призвал различать многочисленные политические «кризисы» в Римской империи от кризиса рабовладельческой системы, ведшего к ее падению. Он поддерживал теорию о рабовладельческом характере империи в III в. (А. Г. Бокшанин. К вопросу о проблеме падения античной рабовладельческой формации.— ПИШ, 1952, № 5, стр. 22—35).

⁹⁰ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи.— ВДИ, 1955, № 1, стр. 51—67.

ния раба, поскольку он не получал никакой собственности. Вместе с тем историк отказывался видеть какие-либо изменения в юридическом статусе рабов в Поздней Римской империи⁹¹. Он по-прежнему отстаивал свой старый тезис о том, что колонат отнюдь нельзя считать типом феодальных отношений⁹². Не менее решительно полемизировал М. Я. Сюзюмов с С. И. Ковалевым, начисто отклоняя его гипотезу, будто революция рабов в Римской империи закончилась гибелью обоих борющихся классов. Революционным выступлениям рабов и колонов и варварским завоеваниям он приписывал и конструктивный, а не только деструктивный характер. Сохранение Византии как самостоятельного государства исследователь объяснял наличием в ней в ту эпоху крупных городов, центров товарного производства и античной культуры.

Сторонниками концепции о рабовладельческом характере Поздней Римской империи выступили и другие ученые. Так, А. Р. Корсунский не принял теорию Е. М. Штаерман. Конкретно анализируя положение рабов, вольноотпущенников и колонов в IV—V вв., он доказывал, что рабовладельческий способ производства сохранялся в империи вплоть до ее падения на Западе и еще в VI в.—на Востоке⁹³. А. Г. Гемп также строил свои выводы на изучении реального статуса таких категорий зависимого населения, как трибутари и инквиллины. Он пришел к заключению, что рабовладельческий строй в Поздней Римской империи получал активную поддержку со стороны политической и правовой надстройки общества⁹⁴.

З. В. Удальцова, рассмотрев эволюцию положения сельского зависимого населения Италии в VI в., показала, что здесь даже в период остготского и византийского господства труд рабов не потерял еще своего производственного значения: он применялся и в деревне, и в городе. Тем не менее автор полагала, что статус рабов претерпел изменения — наблюдались смягчение рабства и сближение положения рабов со статусом иных категорий зависимого населения (колонов-рустиков, колонов-оригинариев и других). Статус рустиков и оригинариев соединял в себе черты рабской и феодальной зависимости. VI век автор

⁹¹ Эта мысль была развита М. Я. Сюзюмовым в его работе «О правовом положении рабов в Византии». — УЗ СвГПИ, 1955, вып. 11, стр. 165—192 (см. ниже, стр. 172).

⁹² М. Я. Сюзюмов. Еще раз о юридических источниках для истории колоната. — ВДИ, 1951, № 4, стр. 83—88. Автор выступал против взгляда А. Б. Рановича на колонат как зародыш феодальных отношений (А. Б. Ранович. Колонат в римском законодательстве IV—V вв. — ВДИ, 1951, № 1, стр. 83—102). По мысли М. Я. Сюзюмова, колонат не привел к созданию феодализма; последний развивался из общины. Полемика М. Я. Сюзюмова с А. Б. Рановичем затрагивала и вопрос об источниковедческой оценке юридических памятников. Если А. Б. Ранович придавал им второстепенное значение, поскольку они часто неадекватно отражали общественные отношения своего времени, то М. Я. Сюзюмов считал их главным источником, фиксировавшим реальные социально-экономические связи. Спор этот в дальнейшем продолжался уже между М. Я. Сюзюмовым и А. П. Кажданом.

⁹³ А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в Западной Римской империи в IV—V столетиях. — ВДИ, 1954, № 2, стр. 47—69. Ср.: его же. *Honestiores* и *humiliores* в законодательных памятниках Римской империи. — ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90.

⁹⁴ А. Г. Гемп. Трибутари и инквиллины Поздней Римской империи. — ВДИ, 1954, № 4, стр. 75—83.

характеризовала как переходный период, когда еще продолжалась борьба рабовладельческого и феодального укладов⁹⁵.

А. П. Каждан в этой дискуссии выдвинул свою теорию перехода от рабовладения к феодализму⁹⁶. Он также принадлежал к числу защитников той точки зрения, согласно которой общество Поздней Римской империи оставалось рабовладельческим. Оригинальность концепции А. П. Каждана состояла в том, что он, отвергая мнение о росте крупного землевладения в империи, считал главенствующей тенденцией общественного развития усиление мелкой крестьянской собственности. Взгляд А. П. Каждана логически вытекал из представления о том, что коренным признаком феодализма является собственность непосредственного производителя на свое хозяйство. Исходя из этого положения, историк не признавал колонат формой рабства: в колонатах он видел предшественников крепостных⁹⁷. Рабовладельческий строй, по его мнению, был окончательно сметен в результате мощного движения рабов, крестьян и варваров.

Дискуссия античников и византийцев закончилась в 1956 г. Ее итоги подвела тогда же редакционная коллегия «Вестника древней истории»⁹⁸. По общему мнению, дискуссия была плодотворной: она помогла выявить рациональное зерно в прежних исследованиях и наметить пути научного поиска в будущем. В итоге дискуссии была сделана попытка в общих чертах сконструировать схему перехода от рабовладения к феодализму в Римской империи. Кризис рабовладельческой системы начался там во II в. и достиг своего апогея в III в. Тем не менее Поздняя Римская империя еще не была феодальной: рабство сохранялось даже после падения империи на Западе. Но зародыши феодализма имелись налицо: мелкое производство становилось наиболее выгодной формой земледелия; колонат и перевод рабов на пекулий получали все большее распространение.

Все же проблема в целом была еще далека от своего разрешения: оставалась неясной связь кризиса рабовладельческой системы и падения Римской империи, много «белых пятен» было не заполнено и по кардинальному вопросу о характере народных движений, об их соотношении с вторжениями варваров. Почти совершенно неизученным остался вопрос о роли надстройки, особенно государства, христианской церкви, различных политических и правовых институтов, в социальном перевороте III—V вв. Не случайно одним из главных направлений даль-

⁹⁵ З. В. Удалцова. Сельское зависимое население Италии в VI веке.— ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—117.

⁹⁶ А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи.— ВДИ, 1953, № 3, стр. 77—106.

⁹⁷ О феодальном характере колоната в Римской империи см.: В. С. Сергеев. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи.— ВДИ, 1938, № 3, стр. 117; А. Б. Ранович. Колонат в римском законодательстве IV—V вв.— Там же, стр. 83—102; его же. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949. Незнученность этой проблемы хорошо показана М. Е. Сергеевко, писавшей, что такое крупнейшее историческое явление, как колонат, предстает перед нами, говоря метафорически, не как портрет в красках, а только как силуэт (М. Е. Сергеевко. К истории колонатных отношений.— ВДИ, 1949, № 2, стр. 56—60).

⁹⁸ Проблема падения рабовладельческого строя (к итогам дискуссии).— ВДИ, 1956, № 1, стр. 3—14.

нейшего научного поиска стало изучение идеологической борьбы, прежде всего идеологии угнетенных классов.

Все сказанное объясняет, почему дискуссия, казалось бы оконченная, на деле продолжалась в монографических трудах советских ученых и на страницах периодических изданий (об этом далее).

Социально-экономические отношения и классовая борьба в Византии VIII — XV вв.

Аграрный строй Византийской империи

В изучаемый период, как мы видели, разрабатывалась преимущественно история ранней Византии, что было связано с особым интересом советских историков к важной в теоретическом отношении проблеме смены первых классовых формаций. Постепенно, однако, усиливается внимание и к остальным, не менее существенным в методологическом плане проблемам становления, расцвета и разложения феодализма в Византии. Ее аграрная история в связи с этим становится на долгие годы главным предметом исследований византиноведов.

В те годы их особенно волновали два вопроса: о роли сельской общины в формировании византийского феодализма; о многоукладности византийского общества и о масштабах сохранения рабства в период генезиса феодализма в империи.

Первая тема на длительное время стала научным доменом Е. Э. Липшиц. В основу своих разысканий о сельской общине в Византии VIII — середины IX в. она положила изучение такого «загадочного» памятника, как «Земледельческий закон». Загадочность «Земледельческого закона» состояла в том, что неизвестны были ни дата его возникновения, ни происхождение, ни характер отразившихся в нем общественных отношений. Одни ученые датировали памятник VII в. и считали продуктом греко-римского права, другие относили его к VIII—IX вв. и связывали его появление со славянской колонизацией Византии; некоторые усматривали в деревне, представляющей в «Земледельческом законе», поселение мелких частных собственников, кое-кто — сельскую общину. Е. Э. Липшиц выступила горячим прозелитом общинной теории⁹⁹. Приведа достаточно солидные аргументы в пользу датировки «Земледельческого закона» второй половиной VIII в. — первой половиной IX в. (между 741 и 862 гг.), исследовательница утверждала, что закон этот был призван регулировать отношения внутри свободной сельской общины, усилившейся в результате расселения славян. Поселившись в империи, они и здесь сохраняли свои сельские территориальные общины, которым присущи были черты, характерные для этой формы организации на высшей стадии варварства. Основой хозяйства общины «Земледельческого закона» являлись пашенное земледелие (применялась ляд-

⁹⁹ Е. Э. Л и п ш и ц. Земледельческий закон и сельская община в Византии VI—VIII вв. Тезисы канд. дисс. Л., 1936; е е ж е. Византийское крестьянство и славянская колонизация..., стр. 98—143; е е ж е. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма, стр. 144—163.

ная, т. е. подсечная система), виноградарство, садоводство, а также скотоводство.

Заслуга Е. Э. Липшиц состояла в том, что она, опираясь на характеристику общины, данную К. Марксом, показала дуализм сельской общины «Земледельческого закона». Общинные порядки сочетались здесь с частным владением, участки земли были поделены между крестьянами. Иными словами, по мнению автора, в «Земледельческом законе» зафиксированы порядки сельской общины-марки, с присущим ей значительным развитием частной собственности и имущественного неравенства. Последнее нашло яркое выражение в том, что в византийской деревне VIII — начала IX в. имелись различные категории сельского населения — от свободных крестьян (георгов) и разного вида арендаторов до бедняков (апоров), наемных работников (мистиев) и рабов. Дуализм самой общины и процесс ее разложения во многом объясняют, полагала исследовательница, кажущуюся противоречивость сведений «Земледельческого закона», одновременно говорящего как об общинной, так и о частной собственности.

Оценивая «Земледельческий закон» с правовой точки зрения, Е. Э. Липшиц пришла к выводу, что он представляет собой памятник обычного права славянских народов, подвергшийся значительному воздействию римско-византийских юридических норм. Сопоставив этот источник с варварскими правдами Западной Европы, Е. Э. Липшиц подметила в них черты сходства и различия. С варварскими правдами «Земледельческий закон» роднит сохранение им обычаев свободной сельской общины, разделяют же их суровые предписания римско-византийского права, восходящие к рабовладельческим временам (это проявляется в крайне жестокой, членовредительской системе наказаний, устанавливаемых «Земледельческим законом»).

«Земледельческий закон», появление которого, по мнению Е. Э. Липшиц, находилось в прямой зависимости от славянской колонизации, практически применялся, т. е. имел силу действующего права, не только на территориях, заселенных пришельцами, но и по всей империи, где после опустошений, вызванных многочисленными войнами, наиболее жизнеспособной формой хозяйства оказалась крестьянская община типа славянской. Именно она и стала господствующей в Византии VII — середины IX в.

Тезис о распространении свободных славянских общин в Византии VII—IX вв. был подкреплён Е. Э. Липшиц в одной из ее последующих работ. В доказательство этого положения она использовала запродажную грамоту 897 г. из архива монастыря Лавры на Афоне, где имелись упоминания общины славян-драгувитов, живших в Македонии, в районе Фессалоники. Вместе с тем анализ этой грамоты проливал свет на процесс разложения общины, ибо речь шла о продаже монастырю земли, ранее принадлежавшей общине¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии VI—IX вв. н. э. (некоторые наблюдения по аграрной истории Византии). В кн. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия» (сб. статей). М., 1952, стр. 49—54. Работы Е. Э. Липшиц о славянах в Византии были переведены на нем. язык и изданы в ГДР: Е. Э. Липшиц. Byzanz und Slaven. Weimar, 1951, S. 9—31, 63—86. Рец.: R. P o r a. SRI, 15, 1962, № 4, p. 1081.

Впоследствии некоторые положения работ Е. Э. Липшиц о славянских общинах в Византии, как мы увидим, встретили возражения византинистов: оспаривался ее вывод о господстве в деревне периода «Земледельческого закона» лядной системы земледелия; выражались сомнения и по поводу характеристики положения отдельных категорий сельского населения, в частности мистиев, форм аренды; указывалось на преувеличение в ее исследованиях масштабов сохранения общинных отношений и их непосредственной связи со славянской колонизацией (в противовес Е. Э. Липшиц отмечалось развитие местных византийских общин). Однако для своего времени эти труды Е. Э. Липшиц имели большое положительное значение и оказали заметное влияние на дальнейшую разработку проблемы.

В конце 40-х — начале 50-х годов в советской византиноведческой науке дебатировался вопрос о многоукладности византийского общества в эпоху генезиса феодализма. Спор начал М. Я. Сюзюмов, выдвинувший гипотезу о том, что VIII—X столетия в истории Византии являются дофеодальным периодом. Деревня этого времени — поселение свободных крестьян, собственников и арендаторов, но одновременно сохраняется рабовладельческий уклад, причем сами крестьяне зачастую владеют двумя-тремя рабами. Эти крестьяне объединены в территориальные общины. Господствует не лядная, как думала Е. Э. Липшиц, а двупольная система хозяйства. Были ли в это время в Византии крепостные, определить трудно, ибо источники не сохранили о них сведений. В целом византийская деревня «Земледельческого закона» имела много общего с меровингской деревней, какой она предстает перед нами в варварских правдах¹⁰¹.

А. П. Каждан также признавал многоукладность византийского общества в IV—XI вв., а рабовладение рассматривал как дофеодальный уклад¹⁰². Рабский труд еще применялся в ремесле, земледелии и для обслуживания личных нужд императора и знати, но часть рабов уже превращалась в феодально-зависимых крестьян.

Вместе с тем, с точки зрения А. П. Каждана, можно наметить две тенденции в развитии рабовладельческого уклада: к его укреплению — в интересах крупных собственников, вельмож, архонтов, что наблюдается в конце IX и в X в., и, напротив, — к ослаблению, что выражается в отпуске рабов на волю и превращении их в зависимых крестьян; эту вторую тенденцию поддерживали церковные землевладельцы. Народные восстания с участием рабов, например восстание Фомы Славянина, показали невозможность укрепления рабовладельческого уклада; со второй половины XI в. он полностью вырождается и постепенно исчезает. Одновременно с рабским в Византии использовался унаследованный от античности труд наемных работников — ми-

¹⁰¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии, стр. 61—64. М. А. Заборов в своей рецензии на эту работу М. Я. Сюзюмова не согласился с определением византийского общества VIII—X вв. как «дофеодального»; он полагал, что тогда имело место сосуществование рабовладельческого, феодального и общинного укладов. Неверно, по мнению рецензента, и положение об отсутствии в то время крепостных крестьян (см.: ВВ, IV, 1951, стр. 193—194).

¹⁰² А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI веков. — УЗ ТГПИ, II, 1951, стр. 63—84.

стиев. Полемизируя с Е. Э. Липшиц и Б. Т. Горяновым, считавшими мистиев феодально-зависимыми людьми, А. П. Каждан полагал, что в IX—XI вв. мистии — это батраки, вербовавшиеся из людей, выбитых с насиженных мест, бежавших в чужие края; иногда это — должники, отработывавшие долг. Труд мистиев применялся как в ремесле, так и в сельском хозяйстве, но только не в поместьях крупных феодальных землевладельцев, а в монастырских хозяйствах, в мелких владениях светских лиц. Он был как бы придатком к рабскому труду и исчез вслед за вырождением рабовладельческого уклада. К XIII в. мистии превращаются в феодально-зависимых крестьян. Феодальный же уклад стал ведущим в Византии уже с X в.

М. Я. Сюзюмов выразил свое несогласие с некоторыми положениями, выдвинутыми А. П. Кажданом¹⁰³. Прежде всего он оспаривал тезис о превращении рабов, отпущенных на свободу, в феодально-зависимых крестьян у прежних владельцев. По мнению М. Я. Сюзюмова, освобожденные рабы становились полноправными гражданами и полностью порывали с зависимостью от прежнего господина. Постепенное превращение рабов в феодально-зависимых крестьян, с точки зрения М. Я. Сюзюмова, было возможным лишь в тех обществах, где феодализм развивался, минуя рабовладельческую формацию. В Византии же было иначе: здесь пережитки рабства были настолько сильны, что оно не могло эволюционировать — рабское состояние отменялось юридическим актом отпуска на волю; оно исчезает, когда рабский труд становится окончательно невыгодным для господствующего класса. Вместе с тем правовое положение рабов в Византии остается *неизменным* на всем протяжении существования рабства — и как способа производства, и в качестве уклада. В период генезиса феодализма правовое положение рабов в основном оставалось таким же, как в Поздней Римской империи. Оно не изменилось в сфере уголовного права (господин сохранял свою власть над жизнью раба); в сфере семейных отношений (раб по-прежнему не мог иметь законной семьи и не располагал правом наследования); христианство не принесло смягчения этих жестоких установлений; рабы были лишены и прав собственности.

Иными словами, М. Я. Сюзюмов отрицал какую-либо эволюцию правового статуса рабов в связи с изменением их экономического положения и падением роли рабского труда в жизни византийского общества. Столь же неизменными, по его мнению, были юридические и политические теории рабства в Византийской империи; впрочем, сам М. Я. Сюзюмов признает постепенные сдвиги во взглядах на рабство — все больше распространялось представление, что оно противоречит человеческой природе.

Теория о неизменности правового положения рабов в Византии была лишь частью общей концепции автора, полагавшего, что в империи со времен античности почти в неизменном виде сохранились ра-

¹⁰³ М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. — УЗ СвГПИ, 1955, стр. 165—192; в своей рецензии на работу А. П. Каждана он не соглашался с трактовкой труда рабов и мистиев в X в. как пережиточного явления, а также с уподоблением мистиев подмастерьям (см.: ВВ, VI, 1953, стр. 281—284).

бование, крупные города, частная собственность, свободные крестьяне-собственники, государственная и правовая надстройка. Эта концепция, как мы увидим, не встретила поддержки в нашей византиноведческой науке.

В тесной связи с представлением М. Я. Сюзюмова о дофеодалном периоде в Византии находится и его оригинальная трактовка такого сложного и многопланового социально-политического и религиозного движения, как иконоборчество в VIII—IX вв. М. Я. Сюзюмов выступил против понимания иконоборчества, предложенного некогда К. Н. Успенским и долгое время господствовавшего в нашей науке. Согласно концепции К. Н. Успенского, иконоборчество по своей социально-экономической сущности являлось борьбой светского, военно-феодалного землевладения против роста церковно-монастырской земельной собственности, и мероприятия императоров-иконоборцев по сути сводились к секуляризации церковно-монастырских владений и к передаче их в виде харистики в военно-служилой знати¹⁰⁴.

С точки зрения М. Я. Сюзюмова, иконоборчество вовсе не было формой борьбы светского и церковно-монастырского землевладения. Возникнув в гуще народных масс как антицерковная ересь, оно превратилось в VIII в. в широкое социально-религиозное движение. Иконоборцев поддерживали различные слои населения, объединенные общим отрицанием культа икон. Иконоборцы, однако, не могли ставить своей целью какое-либо ограничение церковно-монастырского землевладения, поскольку крупной монастырской собственности уже не существовало. Духовные сановники и монастыри потеряли значительную часть своих земель в более ранний период — во времена нашествия славян и арабов, народных восстаний в Византии. Иконоборцы, по М. Я. Сюзюмову, стремились подорвать экономическое влияние духовенства и монастырей путем конфискации их движимого имущества, «церковных сокровищ» — драгоценных предметов культа, церковной утвари¹⁰⁵.

Толкование социальной сущности иконоборчества, данное М. Я. Сюзюмовым, вызвало ряд сомнений рецензентов. Так, М. А. Заборов высоко оценил попытку автора по-новому осмыслить это движение и согласился в основном с данной им критикой распространенных концепций, сводивших иконоборчество к борьбе государственной власти против монастырского землевладения. Однако предложенная М. Я. Сюзюмовым взамен этого теория, рассматривавшая иконоборчество как борьбу фемной знати за храмовые сокровища, не казалась М. А. Заборову убедительной. Недостатком работы М. Я. Сюзюмова рецензент считал недооценку значения народных восстаний и преувеличение роли импера-

¹⁰⁴ К. Н. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его хронография (публикуются посмертно). — ВВ, III, 1950, стр. 393—438; IV, 1951, стр. 211—263; его же. Очерки по истории Византии, ч. I. Пг., 1917. Концепция К. Н. Успенского была принята Б. Т. Горяновым. Он считал иконоборчество прогрессивным явлением и полагал, что основным его содержанием была борьба государственной власти с децентрализующими силами крупных феодалов и церкви. Б. Т. Горяновым было отмечено большое значение иконоборчества в связи с возрождением культуры и расширением светского образования (Б. Т. Горянов. Иконоборческое движение в Византии. — ИЖ, 1941, № 2, стр. 68—78).

¹⁰⁵ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии, стр. 69—109.

торской власти, которая в некоторых случаях будто бы выступала в защиту крестьянства¹⁰⁶.

Иное, чем М. Я. Сюзюмов, понимание общественных отношений и социально-религиозных движений в Византии VIII—IX вв. предложила Е. Э. Липшиц¹⁰⁷. Изучая причины крупнейшего антифеодального движения в Византии в 20-х годах IX в.—восстания Фомы Славянина, она установила, что к концу VIII в. основную часть византийского крестьянства представляли свободные общинники, положение которых охарактеризовано в «Земледельческом законе». Постепенно, полагала Е. Э. Липшиц, происходило их закрепощение, и в начале IX в. положение этих крестьян уже мало отличалось от крепостной зависимости. Закрепощение, а также высокие налоги приводили к народным восстаниям, из которых автор отмечала восстание в Ахайе в 807 г. Высшей точкой классовой борьбы первой половины IX в. было восстание Фомы Славянина. Исследуя его развитие, Е. Э. Липшиц подчеркнула, что основную массу повстанцев составляли народные массы византийских провинций—крестьяне, стратиоты, рабы и варвары, страдавшие от византийского гнета. Она оспаривала распространенный взгляд на Фому как защитника иконопочитания; исследовательница показала, что вся верхушка господствовавшей церкви выступала против восстания. Причины поражения восстания Е. Э. Липшиц видела в отсутствии у его участников ясной цели и позитивной программы, в пестром классовом составе восставших, порождавшем среди них непреодолимые внутренние противоречия.

Подъем народных движений в VIII—IX вв. Е. Э. Липшиц ставила в прямую связь с процессом феодализации Византии. Она первая в советской историографии начала изучение павликианства, которое трактовала как народное антифеодальное движение, принявшее форму религиозной ереси. Е. Э. Липшиц подвергла серьезной критике концепции буржуазных ученых, усматривавших в павликианстве чисто религиозное явление и изучавших лишь его философско-богословскую сторону (в плане филиации идей)¹⁰⁸. Большим достоинством исследования Е. Э. Липшиц¹⁰⁹ явилось то, что она сумела осветить эволюцию павликианства—от узко замкнутой, небольшой религиозной секты в конце VI—VII в. до широкого демократического антицерковного движения в VIII—IX вв. Социальной опорой павликиан были беднейшее крестьянство, зависимые люди, рабы. В религиозной, мистической форме павли-

¹⁰⁶ М. А. Заборов. Рец. на кн.: М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии.—ВВ, IV, 1951, стр. 190—201.

¹⁰⁷ Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина...—ВДИ, 1939, № 1, стр. 352—365. Самого руководителя восстания исследовательница считала хотя и мужественным человеком, но отнюдь не борцом за интересы народных масс; он возглавил движение для достижения своих личных, династических целей, надеясь в результате восстания захватить византийский престол. Иную оценку личности Фомы Славянина дала З. В. Удальцова: она видела в нем подлинного вождя народных масс, хотя и не лишённого авантюристических черт характера (З. В. Удальцова. Восстание Фомы Славянина.—Книга для чтения по истории средних веков под ред. С. Д. Сказкина, ч. I. М., 1951, изд. 3, стр. 187—193).

¹⁰⁸ Е. Э. Липшиц. Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии.—ВВ, V, 1952, стр. 235—243.

¹⁰⁹ Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине XI в.—Там же, стр. 49—72.

киане проповедовали идеи социального и имущественного равенства, возврата к праведной жизни раннехристианских общин. Заслуга исследовательницы состояла в том, что она сумела приподнять завесу религиозно-мистической идеологии павликиан, скрывавшую истинную социально-политическую направленность этого движения, которое отражало реальные интересы крестьянства и других беднейших слоев общества.

Плодотворной была попытка Е. Э. Липшиц сопоставить павликианство с иконоборчеством и выяснить социальные корни того и другого. При этом, по ее мнению, в самом иконоборчестве вырисовываются два течения. Одно, более умеренное, возглавляли императоры-иконоборцы, которых поддерживали военно-феодалы, знать провинций, епископат, торгово-ремесленная верхушка Константинополя; второе течение — демократическое — опиралось на простой народ, димы, ремесленников, мелких торговцев, солдат, актеров и возниц цирка, столичную бедноту. Что касается павликиан, то хотя они, по наблюдениям Е. Э. Липшиц, и выступали порою союзниками иконоборцев, но их требования были более радикальными. Если павликиане добивались отмены церковной иерархии, то иконоборцы лишь заменяли церковных иерархов своими сторонниками; если павликиане проповедовали отказ от пышности церковных обрядов и клеймили пороки церковных вельмож и монашества, то иконоборцы боролись только против засилья монастырей. Тем более в программу иконоборцев не входило уничтожение социального неравенства. Общим для них были лишь требования отмены культа икон и ограничения монастырского землевладения. Не удивительно поэтому, что союз между павликианами и иконоборцами оказался непрочным ¹¹⁰.

По поводу исследования Е. Э. Липшиц о павликианах высказывались некоторые замечания. Указывалось на необходимость более последовательной и глубокой систематизации религиозно-философских взглядов павликиан, выяснения их идейных связей с еретическими движениями на Востоке и в Армении, установления сходства и отличия их программы по сравнению с ересями Западной Европы (в частности, требование «дешевой церкви» сближало их, быть может, с западноевропейскими еретиками). Выдвигалась интересная гипотеза о том, что отсутствие в восточных областях Византии крестьянской общины могло стимулировать возникновение религиозной общины как средства сплочения крестьян.

Дальнейшие изыскания в области истории павликианского движения велись главным образом армянскими учеными. Это объясняется, в частности, тем, что армянские источники могли пролить дополнительный свет на возникновение павликианства, колыбелью которого были Армения и Малая Азия. С. Т. Мелик-Бахшян посвятил свой труд истории павликианского движения в Армении ¹¹¹. Тесная идейная связь и единая социальная направленность павликианского движения и народно-еретического движения тондракитов в Армении были отмечены в

¹¹⁰ Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии..., стр. 70—72.

¹¹¹ С. Т. Мелик-Бахшян. Павликианское движение в Армении. Ереван, 1953 (на арм. яз.). Этот труд подвергся серьезной критике К. Н. Юзбашяна. См. его рец.— ВИ, 1955, № I, стр. 158—162.

исследованиях А. Г. Иоаннисяна и других армянских ученых¹¹². Иоаннисян, в частности, показал реакционную роль византийского правительства в борьбе против антифеодальной тондракитской ереси.

В те годы были сделаны первые шаги и в изучении народно-еретического движения богомилов в Болгарии. Значительный интерес научной общественности вызвало появление перевода на русский язык солидного исследования видного болгарского византиста Дм. Ангелова «Богомилство в Болгарии»¹¹³, характеризующего как идейные, так и социальные корни этого движения. Советский историк-славист В. Ф. Храпченков проследил в своей работе основные этапы возникновения и развития движения богомилов, подчеркнув его антифеодальную направленность и связав с классовой борьбой болгарских крестьян. В его работе, однако, несколько в тени остались идейная сторона движения, генетическая связь философско-богословского учения богомилов с манихейством и павликианством в Византии, с одной стороны, и его влияние на катаров и альбигойцев Западной Европы — с другой¹¹⁴.

Внимание наших историков в начале 50-х годов было привлечено также к одной из кардинальных проблем социально-экономической истории Византии — становления и победы феодализма, преимущественно формирования феодальной собственности и феодального поместья. Большинство советских исследователей рассматривало X—XI столетия как время завершения процесса феодализации византийского общества.

Аграрному строю Византии в X в. была посвящена серия исследований А. П. Каждана¹¹⁵: ученому удалось показать своеобразие развития феодализма в Византии X в., которое он усматривал в сосуществовании двух форм эксплуатации крестьянства — вотчинной (через ренту феодалу) и государственной (через централизованную ренту-налог). Отсюда проистекало многообразие зависимого населения византийской деревни, где наряду с феодально-зависимыми крестьянами встречались «государственные», тяглые крестьяне, а также рабы (поскольку рабовладельческий уклад еще не был полностью вытеснен феодальным).

Центральное место в этюдах А. П. Каждана занимает определение социальной направленности аграрного законодательства императоров Македонской династии. Выступая против теории В. Г. Васильевского

¹¹² А. Г. Иоаннисян. Движение тондракигов в Армении (IX—XI вв.). — ВИ, 1954, № 10, стр. 100—167; С. П. Погосян. — ТЕРГУ, № 47, 1955, серия ист. наук, вып. 2, стр. 3—87 (на арм. яз.); А. Мнацаканян. — ИАН АрмССР, 1954, общественные науки, № 3, стр. 63 сл.; К. Н. Юзбашян. Тондракитское движение в Армении и павликиане. — ИАН АрмССР, обществ. науки, 1956, № 9, стр. 31—44.

¹¹³ Дм. Ангелов. Богомилство в Болгарии. Перев. с болг. Н. Н. Соколова, ред. и пред. З. В. Удальцовой. ИЛ, 1954. В предисловии прослеживается научный путь Дм. Ангелова, дается оценка его труда, высказываются отдельные критические замечания, касающиеся преимущественно некоторой недооценки автором социально-экономических факторов, породивших богомилство (стр. 3—25).

¹¹⁴ В. Ф. Храпченков. Богомилское движение в Болгарии X—XIV вв. и его классовая сущность. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

¹¹⁵ А. П. Каждан. «Великое восстание» Василия Медной руки. — ВВ, IV, 1951, стр. 73—83; его же. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. — ВВ, V, 1952, стр. 73—98.

и Ф. И. Успенского, согласно которой это законодательство было издано императорской властью в целях защиты мелкого крестьянского землевладения, А. П. Каждан показал, что политика императоров Македонской династии не была чем-то единым; она отражала борьбу двух основных группировок господствующего класса¹¹⁶ и отнюдь не была направлена в пользу крестьянства. Эти группировки отстаивали различные формы эксплуатации крестьян: чиновная знать столицы в союзе с торгово-ремесленными кругами была заинтересована в централизованной ренте, провинциальные феодалы — в сеньориальной эксплуатации. Императоры Македонской династии, сменяя друг друга на престоле, проводили разную политику в отношении крестьянства. Все они действовали в интересах той или иной группировки господствующего класса, но ни один из них не был защитником «меньшей братии» — крестьян. Некоторые из представителей этой династии готовы были в целях увеличения централизованной ренты оградить крестьянскую общину от натиска динатов в провинциях, другие шли на временные уступки крестьянству под давлением народных восстаний. Ярким примером этого служит восстание 932 г. в Малой Азии под руководством Василия Медной руки, впервые всесторонне изученное А. П. Кажданом. Несмотря на то что восстание было подавлено, оно оказало влияние на политику византийского правительства: именно под его прямым воздействием была издана новелла 934 г. Романа Лакапина, которая ограничивала попытки крупных землевладельцев увеличить свои поместья за счет крестьянской общины.

Автор изучил и другие народные выступления X в., вскрыв при этом их эволюцию. В отличие от IX столетия — века грандиозных крестьянских восстаний (таких, как восстание Фомы Славянина), крестьянские движения в X в. становятся локальными; они не выходят за территорию фемы. Восстания эти вспыхивают на окраинах империи, где среди племен, покоренных Византией, сильны были сепаратистские стремления. Порою их используют феодалы, добивавшиеся ослабления государственной централизации. Конечный вывод автора таков: развитие феодализма в Византии X в. порождает сопротивление крестьян, которое в свою очередь оказывает существенное влияние на политику и законодательство византийского государства.

Процесс феодализации, как показал тот же ученый, привел к серьезным изменениям в социальном составе и характере византийской армии. Из народного (стратиотского) ополчения, какой она была в VIII—IX вв., в период господства свободной крестьянской общины, в X—XI вв. она превратилась в феодальное войско тяжеловооруженных катафрактов, рекрутировавшихся из мелких вотчинников и зажиточных крестьян, которые выделились из общины. Исследователь проводит аналогию между закованной в броню конницей катафрактов и западноевропейскими рыцарями. С упадком крестьянского ополчения постепенно воз-

¹¹⁶ А. П. Каждан. К истории политической борьбы в Византии в начале X века. — УЗ ТГПИ, вып. III, 1952, стр. 191—206. В последней статье автор писал о борьбе трех группировок господствующего класса — столичной чиновной знати, провинциальной феодальной аристократии и цеховой верхушки Константинополя. Подчеркивалась и чрезвычайная пестрота константинопольского плебса, сближающая его с плебсом античных городов.

растает также удельный вес наемников-иноземцев, поступавших на службу к византийским императорам¹¹⁷.

Завершающий этап процесса становления феодализма в Византии в X в. был рассмотрен также и в кандидатской диссертации К. А. Осиповой¹¹⁸. Важнейшими факторами аграрной истории империи X в. были, по ее мнению, утверждение феодальных отношений, разложение свободной общины, закрепощение общинного крестьянства. Одной из центральных задач диссертации являлось изучение внутреннего строя общины того времени. Ее отличали сложность и пестрота структуры, господство аллодиальной собственности и широкая мобилизация земли, глубокое имущественное и социальное расслоение самих общинников. Вместе с тем в условиях Византии продолжали сохранять свое значение такие общинные традиции, как совместное владение (группами крестьян) землей и имуществом, право на соседскую землю и выморочные участки. Автор считал византийских крестьян X в. государственными париками, т. е. лично свободными, но фактически зависимыми от государства. В соответствии с формой эксплуатации крестьяне подразделялись на три категории — государственных париков (плательщики государственных налогов), экскуссатов дрома (выполняли натуральные государственные повинности) и стратиотов (несли воинскую повинность).

В диссертации дана характеристика действовавшего в X в. механизма государственной налоговой системы, отличительной чертой которой было использование правопорядков и традиций общинной организации в целях наиболее эффективной эксплуатации сельского населения. Этим целям служили и такие институты, как аллиленгий и введенная в середине X в. система так называемых класм — земельных изъятий. К феодальной зависимости в X в. крестьян вели прекарный, арендные отношения, договорные отношения наемных работников (мистиев) с землевладельцами. Условные пожалования, а также развитие экскуссии явились новыми важными факторами эволюции феодального подчинения крестьянства.

Аграрные отношения в Южной Италии в период византийского господства в IX—XI вв. были предметом исследования М. Л. Абрамсон¹¹⁹. Стержнем всей ее работы являлся анализ процесса закрепощения свободной крестьянской общины, выделения из нее аллода, закрепощения общинников феодалами. Были детально обследованы многочисленные документы, в частности и арендные договоры, заключение которых служило одним из средств закрепощения. Прослежены также постепенная ликвидация рабства в Южной Италии и превращение рабов в крепостных сервов. К концу изучаемого автором периода в Южной Италии уже господствовала феодальная вотчина.

К аналогичному выводу применительно к истории аграрных отношений в самой Византии XI—XII вв. пришел М. М. Фрейденберг¹²⁰.

¹¹⁷ А. П. Каждан. Византийская армия в IX—X веках. — УЗ ВЛГПИ, 1954, стр. 18—31.

¹¹⁸ К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии в X в. Автореф. канд. дисс. М., 1953.

¹¹⁹ М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.). — ВВ, VII, 1953, стр. 161—193.

¹²⁰ М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1952.

Проследив постепенное закрепощение общины и исчезновение свободного крестьянства, он установил, что главенствующим типом отношений в византийской деревне были уже вотчинные, основанные на сеньориальной эксплуатации зависимых земледельцев.

Тот же автор изучил некоторые аспекты классовой борьбы в Византии XII в., уделив особое внимание обострению ее в правление Андроника I Комнина¹²¹. М. М. Фрейденберг расценивал реформы этого императора как уступку господствующего класса столичному плебсу и крестьянам провинций, сделанную под давлением народных восстаний. Попытка того же автора определить социальную опору Андроника Комнина имела скорее негативные, чем позитивные результаты. Если ему удалось с известной степенью убедительности показать, что Андроник Комнин не был «крестьянским царем», что он вступил в конфликт с торгово-ремесленными кругами Константинополя из-за союза с венецианцами¹²² и, наконец, оттолкнул от себя высшую знать и крупных феодалов, то тезис о поддержке этого императора провинциальным дворянством представляется надуманным и не находит подтверждения в источниках. Вопрос о социальной сущности реформ Андроника Комнина продолжал поэтому служить предметом исследования и в последующие годы.

Длительное время «белым пятном» в советской византистике оставалась социально-экономическая история поздней Византии. В 50-х годах за ее разработку взялись Б. Т. Горянов и А. П. Каждан. Б. Т. Горянов в нескольких статьях исследовал положение крестьянства в XIII—первой половине XV в. Полемизируя с Б. А. Панченко, Г. А. Острогорским и другими византистами, он утверждал, что этот период в истории Византии характеризуется постепенным ослаблением сельской общины, интенсивным ростом крупного феодального землевладения и закрепощением основной массы крестьян¹²³.

А. П. Каждан опубликовал в 1952 г. монографию, посвященную поздневизантийскому феодализму, и несколько этюдов к ней¹²⁴.

¹²¹ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке.— УЗ ВЛГПИ, 1954, стр. 32—49.

¹²² Этот вывод М. М. Фрейденберга основывается на результатах работы Н. П. Соколова «К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185)» (см.: ВВ, V, 1953 стр. 139—151).

¹²³ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах.— ВВ, III, 1950, стр. 19—50. Им же несколько раньше был опубликован прежде не издававшийся византийский хронограф XIV в., хранящийся в Историческом музее в Москве и содержащий краткое изложение событий политической истории Византии с 1218 по 1352 г. (Б. Т. Горянов. Неизданный анонимный византийский хронограф XIV в.— ВВ, II, 1949, стр. 276—293).

¹²⁴ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952; его же. Византийское сельское поселение.— ВВ, II, 1949, стр. 215—244 [в этой статье, вошедшей затем в монографию, автор исследовал технику сельского хозяйства в поздней Византии и пришел к выводу, что она существенно не изменилась по сравнению с античной эпохой, однако примитивность техники сочеталась с интенсивностью хозяйства; отмечалась большая распространенность в Византии крупных деревень (в 50—150 хозяйств), при этом поместье не совпадало с деревней: в одной деревне могло быть несколько динатских владений. Эти выводы строились на материалах кодика Лемвийского монастыря близ Смирны XIII в.]; его же. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севостьянова.— Там же, стр. 313—321 (автор издал здесь два документа, хранящиеся в Государст-

А. П. Каждан создал законченную, хотя и не вполне бесспорную концепцию развития аграрного строя поздней Византии. По его мнению, этот период был не только временем полного господства феодальных отношений, но и началом их разложения. К концу XIII — началу XIV в. в Византии, особенно в ее балканских провинциях, почти не осталось свободного крестьянства. Эксплуатация зависимого сельского населения осуществлялась уже в форме взимания феодальной ренты, зависящей во многом от произвола феодала. Феодальное поместье все больше связывается с рынком, растет торговля хлебом, начинается коммутация натуральных повинностей, становится заметной тенденция повышения денежной ренты. Все это способствует глубокому расслоению общины. Прония в XIII—XIV вв., с точки зрения автора, не условное пожалование, а типичное феодальное поместье, хозяин которого имел полное право распоряжаться своими владениями. Конечный вывод автора сводится к тому, что в Византии XIV в. уже появились элементы капиталистических отношений в деревне, которые сочетались с пережитками архаичной, патриархальной структуры (например, с рудиментами общинности).

Некоторые положения книги А. П. Каждана вызвали возражения¹²⁵, другие послужили основой для дискуссии о характере поздневизантийского феодализма. Однако значение книги А. П. Каждана для своего времени достаточно велико, ибо он сосредоточил внимание на динамике развития аграрных отношений в поздней Византии по пути зарождения первых ростков нового, капиталистического строя.

Концепция А. П. Каждана была поддержана З. В. Удальцовой. Исследовательница полагала, что в поздней Византии продолжалось поступательное развитие производительных сил, хотя феодальные отношения мешали уже дальнейшему прогрессу общества. Рост товарно-денежных связей в городе и деревне, расслоение крестьянства, по ее мнению, создавали предпосылки для зарождения внутри феодальной формации капиталистического уклада, становление которого было прервано турецким завоеванием Византии¹²⁶.

венной библиотеке им. В. И. Ленина: хрисовул Иоанна VII Палеолога от 1405 г. и дарственную грамоту Николая Пагаси от 1385 г. (оба документа — из монастыря св. Павла). В них не указано, как отмечал А. П. Каждан, число париков монастыря, которое ранее должно было быть неизменным; к тому времени монастырь уже владел всей деревней, что свидетельствовало о развитии феодальных отношений; его же. Локальные формуляры поздневизантийских грамот. — ВВ, III, 1950, стр. 387—393 (в статье рассмотрены формуляры грамот купли-продажи XIII—XIV вв. из Серр, Солуни, Смирны и Милета).

¹²⁵ М. В. Левченко в рецензии на книгу А. П. Каждана принял ряд положений автора, например тезис о преобладании общины над поместьем в Византии, о классовом расслоении крестьян в XIII—XIV вв. и другие. В то же время М. В. Левченко считал, что работа А. П. Каждана несвободна от элементов экономического материализма, ибо экономические отношения в деревне рассматриваются вне связи с политической историей Византии, а также с историей города. Рецензент не соглашался с концепцией пронии, выдвинутой А. П. Кажданом; с точки зрения М. В. Левченко, прония являлась видом условного владения землей, жалуемого в первую очередь за несение военной службы (см.: ВВ, VII, 1953, стр. 276—282).

¹²⁶ З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV в. — ВИ, 1953, № 7, стр. 102—120.

В противовес этому Б. Т. Горянов отстаивал тезис о полном упадке византийской экономики в XIV — половине XV в. и отсутствии в Византии каких-либо элементов буржуазных отношений. Данную мысль, в частности, он развивал в связи с разработкой истории восстания зилотов в Фессалонике (1342—1349).

В своей кандидатской диссертации, посвященной восстанию, Б. Т. Горянов обосновывал ту точку зрения, что основным противоречием поздневизантийской эпохи было противоречие между крупным феодальным и мелким крестьянским землевладением¹²⁷. Правоммерно отвергнув ошибочное представление А. К. Бергера о восстании зилотов как ранней буржуазной революции, Б. Т. Горянов трактовал его как народное, антифеодальное восстание, в котором принимали участие широкие массы города и деревни. Решающей силой движения, по его мнению, были торгово-ремесленные круги Фессалоники, плебейские массы, моряки этого портового города, низшие слои городского населения. Вместе с тем Б. Т. Горянов выявил связь восстания зилотов с крестьянскими выступлениями во Фракии и Македонии и вскрыл антифеодальную направленность программы социально-экономических реформ зилотов. Однако его попытки показать эффективность и революционность этих реформ были не всегда достаточно убедительны, ибо покоились на непроверенных (как это выяснилось позднее) документах и материалах. К числу недостатков работы Б. Т. Горянова о зилотах следует также отнести непонимание позиций городского патрициата и части феодалов, сперва принимавших участие в восстании, а затем предавших зилотов, некоторую недооценку идеологической и религиозной борьбы в этом движении, слабое внимание к вопросу о связи восстания зилотов с гражданской войной в Византии, приведшей к вмешательству турок и сербов в ее внутренние дела и в конечном счете к уничтожению Фессалоникийской коммуны.

А. П. Каждан сделал дальнейший шаг по пути изучения движения зилотов. Он пролил новый свет на социальное расслоение внутри зилотов, обрисовал предательскую позицию торгово-ремесленной верхушки Фессалоники в отношении плебейских масс города, составлявших левое крыло зилотов, наметил этапы восстания. Автором был убедительно показан антифеодальный и антицерковный характер реформаторской деятельности зилотов. Вместе с тем он высказал интересную, хотя и спорную гипотезу о связи выступления зилотов с еретическими движениями. Многие требования еретиков, в том числе — секуляризации церковно-монастырских земель, создания «дешевой церкви», установления общности имуществ, а также отрицание ими церковной иерархии, таинств, проповедь аскетизма, полагал А. П. Каждан, оказали в той или иной степени воздействие на религиозную программу зилотов¹²⁸.

¹²⁷ Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). Автореф. канд. дисс.— ИАН СССР, серия ист. и филос., 1946, № 1, стр. 92—96. Кроме того, Б. Т. Горянов перевел и прокомментировал первую гомилию Григория Паламы по рукописи, хранящейся в ГИМ. По мнению автора, эта гомилия подтверждает его представление о революционном характере движения зилотов (Б. Т. Горянов. Первая гомилия Григория Паламы как источник к истории восстания зилотов.— ВВ, I, 1947, стр. 261—266).

¹²⁸ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 183—197.

З. В. Удальцова на примере восстания зилотов сделала некоторые общие выводы об эволюции классовой борьбы в поздней Византии¹²⁹. По ее мнению, на основе изменений в экономике византийской деревни и города, знаменовавших разложение феодализма, меняется и характер классовой борьбы. На смену исключительно крестьянским антифеодальным движениям приходят совместные выступления феодально-зависимых крестьян и угнетенных плебейских масс города. Вследствие того что в городах хотя и медленно, но все же зарождались элементы капиталистического уклада и формировались новые общественные силы, классовая борьба в Византии в XIV в. вступила в следующую фазу развития. Крепостной крестьянин теперь уже не был одинок в своей борьбе против феодалов, а выступал рука об руку с обездоленным не менее, чем он, городским ремесленником и наемным работником. В это время антифеодальные крестьянские движения во Фракии и Македонии сливаются с восстаниями плебейских масс и торгово-ремесленного населения Фессалоники и Адрианополя.

Проблемы поздневизантийского феодализма и народных движений были в 50-х годах еще далеки от своего разрешения. Дальнейший прогресс науки в этой области особенно тормозился отсутствием критических изданий источников и недостаточной изученностью истории поздневизантийского города.

Проблемы истории византийского города

В конце 40-х — начале 50-х годов проблема истории византийского города встала во всю ширь перед советским византиноведением¹³⁰, поскольку ее разработка намного отставала от изучения аграрных отношений в Византии.

К рассмотрению теоретических вопросов истории византийских городов ранее всех приступил М. Я. Сюзюмов. Он начал с издания на русском языке выдающегося памятника X в. — «Книги эпарха», рисующей внутреннюю структуру и социальный состав византийских торгово-ремесленных корпораций¹³¹. В предисловии и комментарии к это-

¹²⁹ З. В. Удальцова. Предательская политика феодальной знати в Византии в период турецкого завоевания. — ВВ, VII, 1953, стр. 99—100.

¹³⁰ М. В. Левченко. Передовая статья в VI томе «Византийского временника». — ВВ, VI, 1953, стр. 8.

¹³¹ М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха. Перев., пред. и комментарий М. Я. Сюзюмова. — УЗ СвГПИ, 1949, вып. 6. В рецензии А. П. Каждана и М. А. Заборова на эту книгу наряду с положительными ее сторонами отмечались такие пробелы, как недостаточное привлечение дополнительных источников, противоречия и отдельные ошибки в комментарии и переводе (см.: ВВ, V, 1952, стр. 273—276). Во 2-м издании «Книги эпарха» (см. ниже) эти недочеты были устранены. Подготавливая издание «Книги эпарха», М. Я. Сюзюмов написал небольшой этюд, касавшийся толкования одного спорного места этого памятника, — о запрете накопления наличных денег в Византии. Он отверг прежнее толкование, согласно которому в тексте будто бы имелось в виду запрещение накоплений в звонкой монете, и дал свое объяснение этого предписания. По его мнению, речь шла лишь о предоставлении трапезнтам (менялам) монопольного права размена денег (М. Я. Сюзюмов. О запрете накопления наличными деньгами в Византии. — ВВ, I, 1947, стр. 267—269).

му изданию он уже выдвинул некоторые общие положения о характере византийского города X в., развитые им в его последующих работах. Сравнивая византийские корпорации и западноевропейские цехи, историк усматривал специфическую особенность первых в длительном сохранении рабского труда и в применении труда наемных работников — мистиев. В византийском городе X в. преобладало мелкое частное ремесло; в нем использовался и рабский труд. Сохранение последнего автор связывал с тем, что в условиях, когда предметы роскоши на внешнем рынке продавались не по стоимости, нерентабельность рабского труда не была особенно заметна. С точки зрения М. Я. Сюзюмова, мистии не составляли особой социальной прослойки городского населения, типологически близкой к западноевропейским подмастерьям; мистий — временный работник, принужденный идти в наем вследствие неустойчивости производственной конъюнктуры в городах. Государственные ремесленные мастерские в столице и других крупных городах, по мнению автора, являлись носителями элементов натурального хозяйства. Торговля в Византии была отделена от ремесла. Внешняя торговля Константинополя носила в X в. пассивный характер, а к концу XI в. Византия потеряла былую торговую гегемонию, ибо левантийская торговля перешла к венецианцам и генуэзцам¹³².

Итоги исследований М. Я. Сюзюмова были подведены в его докторской диссертации, посвященной производственным отношениям в крупных городах-эмпориях Византии¹³³. В этом обобщающем труде открывалась широкая панорама жизни больших торгово-ремесленных городов в течение длительного периода времени — с IV по XII в. Здесь наиболее четко и последовательно вырисовывалась единая концепция, проводимая по существу во всех исследованиях М. Я. Сюзюмова по истории византийского города, — концепция континуитета: города империи как средоточие ремесла и торговли перешли в готовом виде из античности в средневековье. Они всегда существовали в византийском государстве в качестве центров товарных отношений, покоившихся на частной собственности. Эта роль сохранялась за ними и тогда, когда товарные и денежные связи в Западной Европе пришли в упадок. В первые века истории Византийской державы производственные отношения в городах-эмпориях мало чем отличались от античных и лишь постепенно стали превращаться в феодальные.

Византийский город, по мысли автора, сохранил в основном черты эллинистического. Главные его особенности: значительная роль рабского труда в ремесленном производстве и относительная слабость корпоративности в цехах, где был широко распространен дух предпринимательства и свободной конкуренции. Города, будучи центрами высокоразвитой экономики и очагами античной культуры, сыграли, по мнению автора, огромную прогрессивную роль в истории Византии: они способствовали формированию феодализма не только в самом византийском государстве, но и во всей Европе.

¹³² М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века, стр. 11—41.

¹³³ М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. Автореф. докт. дисс. Свердловск, 1955, 28 стр. Ср.: его же. Роль городов-эмпориев в истории Византии. — ВВ, VIII, 1956, стр. 26—41 (см. ниже).

Е. Э. Липшиц посвятила свои изыскания истории торговли и ремесла в VIII—IX вв.¹³⁴ Исходившая из своей общей концепции раннего зарождения феодализма в Византии, исследовательница видела в городе VIII—IX вв. ячейку феодального общества. Несмотря на упадок торговых связей с Востоком в результате потери восточных провинций, византийские города и в эти столетия продолжали оставаться крупными торгово-ремесленными центрами, тем более что наряду с уменьшением торговли с Востоком укрепились торговые сношения с Балканскими странами и Причерноморьем. Ремесло в Византии VIII—IX вв., по мнению Е. Э. Липшиц, сохранило свое техническое совершенство и ни в чем не уступало античному. Тесно связанное, однако, с сельским хозяйством, оно еще не выделилось из него как особая экономическая отрасль. Никакого перерыва в жизни городов ранневизантийской эпохи и периода VIII—IX вв. не было — те и другие развивались в условиях единой феодальной формации.

Иными словами, Е. Э. Липшиц по сути солидаризировалась с теорией континуитета византийских городов IV—IX вв., выдвинутой М. Я. Сюзюмовым, хотя и трактовала ее в несколько ином социологическом аспекте.

Многие положения исследования Е. Э. Липшиц нашли свое подтверждение и дальнейшее развитие в кандидатской диссертации Р. А. Наследовой, посвященной социально-экономическим и политическим отношениям IX—X вв. в городе Фессалонике (по данным хрониста Иоанна Камениаты). Разнообразные сведения, почерпнутые из этого источника, позволили Р. А. Наследовой прийти к выводу о сохранении высокого уровня развития ремесла и торговли в крупнейшем городе Македонии в IX—X вв. Вместе с тем доказывалась тесная связь ремесла с сельским хозяйством городской округи¹³⁵.

С других методологических позиций подошел к этому вопросу А. П. Каждан. Полемизируя с М. Я. Сюзюмовым и Е. Э. Липшиц, он предложил теорию, согласно которой в развитии ранневизантийского, фактически еще рабовладельческого, города IV—VI вв. и феодального города X в. имела место цезура (перерыв). Связанная со сменной формаций, она нашла свое выражение в упадке большинства византийских городов на Балканах и в Малой Азии в VII—IX вв.¹³⁶ Гипотеза об упадке городов этого времени строилась на основе нумизматических и археологических данных; показателем упадка автор считал, в частности, резкое сокращение монетных кладов в VIII—IX вв. и почти полное их отсутствие в VII в. Это, по его мнению свидетельствует о господстве натурального хозяйства и сокращении денежного обращения. С точки зрения А. П. Каждана, в VII—IX вв. лишь несколько византийских городов (помимо Константинополя) — Фессалоника, Эфес, Никея — продолжали существовать без перерыва с античных времен; остальные, включая даже Афины, превратились в большие дерев-

¹³⁴ Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX веках. — ВВ, VI, 1953, стр. 113—131.

¹³⁵ Р. А. Наследова. Город Фессалоника и македонские славяне (по данным Иоанна Камениаты). Автореф. канд. дисс. Л., 1954.

¹³⁶ А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. — СА, XXI, 1954, стр. 164—188.

ни. Подъем городов начался лишь к концу IX в.; новые города IX—X вв. возникали преимущественно на торговых путях, поскольку они складывались прежде всего как центры торговли, а не ремесла. Только в XI—XII вв. происходит рост городов, главным образом провинциальных, выступающих уже в качестве крупных центров ремесленного производства.

А. П. Каждан оспаривал и мнение М. Я. Сюзюмова о характере византийского города в IX—X вв.¹³⁷ В отличие от М. Я. Сюзюмова он полагал, что там господствовали тогда феодальные производственные отношения и уже сложилась цеховая система, типологически в основном сходная с цеховой структурой на Западе. Применение рабского труда в ремесленном производстве было ограничено, многие зависимые люди считались рабами лишь номинально.

А. П. Каждан не соглашался и с другими положениями работ М. Я. Сюзюмова. Так, он отрицал наличие свободной конкуренции между ремесленниками и существование большого резерва рабочей силы в X в. Мистии представлялись ему особой социальной категорией, близкой к западноевропейским подмастерьям.

Одновременно А. П. Каждан пытался воссоздать картину социальных противоречий в византийском городе во всей ее жизненной сложности и многообразии. Здесь давали себя знать противоречия не только между привилегированными и непривилегированными цехами, между мастерами и не организованными в цехи ремесленниками, но и разыгрывались драматические столкновения между мистиями и хозяевами, городским плебсом и чиновной знатью¹³⁸.

Специфику византийского средневекового города по сравнению с западноевропейским А. П. Каждан в конечном счете усматривал отнюдь не в распространенности труда рабов и мистиев, а в господствующей роли государственной регламентации ремесленного производства и торговли, равно как и в исключительном значении контроля правительства над деятельностью торгово-ремесленных корпораций.

Итак, в советской византиноведческой науке конца 40-х — начала 50-х годов наметились противоположные точки зрения по вопросу о социально-экономической структуре византийских городов и их влиянии на генезис феодализма. М. Я. Сюзюмов фактически сближал византийский город X в. с античным, Е. Э. Липшиц рассматривала развитие городов IV—IX вв. в рамках единой феодальной формации, А. П. Каждан проводил грань между античным и феодальным городом и строил модель нового, по существу феодального города X—XI вв. по образцу средневековых городов Западной Европы.

Дискуссия о континуитете римско-эллинистических институтов в средневековой Византии была перенесена в это время и в другую сферу — византийского права X в. М. Я. Сюзюмов настойчиво доказывал, что законодательство X в., в частности знаменитый сборник законов — «Василики», являлось живым, действующим правом, а не только схоластическим компилированием римских правовых норм эпохи Юсти-

¹³⁷ А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. — ВВ, VI, 1953, стр. 132—155.

¹³⁸ А. П. Каждан. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. — ВВ, VIII, 1956, стр. 85—96.

ниана¹³⁹. Этот памятник отражал, с точки зрения М. Я. Сюзюмова, реально существовавшие в X в. производственные отношения и классовую борьбу в городах-эмпориях; более того, законодательство стимулировало происходившие в то время социально-экономические процессы. «Василики» использовались как действующее право преимущественно в интересах торгово-ремесленной верхушки городов, ибо она особенно нуждалась в юридической защите частной собственности. А именно такое право лежало в основе грандиозного здания «Дигест» и близких к ним «Василик». Признание полной неприкосновенности рабства придавало «Василикам» характер реакционного документа, но, указывая автор, не приводя особых доказательств, это реакционное законодательство и в городах-эмпориях, и в деревне применялось в интересах развивающегося феодализма: в городе оно способствовало накоплению богатств в руках немногих богачей, в деревне — наступлению на мелкого земельного собственника.

В противовес этой точке зрения А. П. Каждан расценивал «Василики» как мертвую компиляцию римского права, которая не могла отражать реальную жизнь феодального общества Византии X в. «Василики», следовательно, считал он, не могут служить источником сведений по социально-экономической истории византийского города X в.¹⁴⁰

Дискуссия по вопросу об оценке «Василик» в качестве исторического источника продолжалась и во второй половине 50-х годов, когда противоборствующие точки зрения окончательно выкристаллизовались¹⁴¹.

Внутренняя структура поздневизантийского города в советской историографии рассматриваемого времени фактически не изучалась. Некоторое косвенное значение для разработки этой проблемы в сравнительно-историческом плане имели исследования медиевистов, посвященные городам соседних с Византией территорий, сохранявших с ней исконные экономические и политические связи. В частности, это относится к генуэзским колониям в Крыму и к средневековым городам Далматинского побережья Адриатического моря.

Историей крымских колоний Генуи в XIII—XV вв. занимались И. А. Гольдшмидт и А. М. Чиперис. В своих кандидатских диссертациях¹⁴² оба ученых пришли к выводу, что Каффа, важнейшая колония Лигурийской республики в Крыму, была тогда не только торговым, перевалочным пунктом, но и центром ремесленного производства.

¹³⁹ М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик». — ВВ, VI, 1953, стр. 72—87. О полемике М. Я. Сюзюмова с А. П. Кажданом по этому вопросу см.: М. Я. Сюзюмов. Новые работы советских византистов. — Там же, стр. 282 сл.

¹⁴⁰ А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI веков, УЗТГПИ, вып. 2, 1951, стр. 80 сл.; А. П. Каждан, М. А. Заборов. Рец. на работу «Книга епарха». — ВВ, V, 1952, стр. 273 сл.

¹⁴¹ А. П. Каждан. Василики как исторический источник. — ВВ, XIV, 1958, стр. 56—66; М. Я. Сюзюмов. Василики как источник для внутренней истории Византии. — Там же, стр. 67—75; Е. Э. Липшиц. Несколько замечаний о Василиках как источнике. — Там же, стр. 76—80.

¹⁴² См.: И. А. Гольдшмидт. Каффа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV века. Автореф. канд. дисс. М., 1952; А. М. Чиперис. Экономическое развитие и классовая борьба в крымских городах в 30-х — 70-х гг. XV века. Автореф. канд. дисс. М., 1953.

Социально-экономический строй Сплита и других городов Далмации в XIII—XIV вв. был предметом исследований А. Е. Москаленко¹⁴³.

Итак, в советской византистике изучаемого нами времени были сделаны лишь первые, хотя и немаловажные шаги в сфере разработки внутренней истории византийского города. Однако семена идей, высказанных в те годы, дали обильные всходы в последующий период, когда работы советских ученых в этой области получили широкое признание в византиноведческой науке.

Падение Византии

Несколько особняком стояла в советской византиноведческой литературе конца 40-х — начала 50-х годов проблема падения Византии. Она была связана как с внутренней, так и с внешнеполитической историей византийского государства XV в. В буржуазной историографии проблема эта длительное время трактовалась преимущественно во внешнеполитическом аспекте: рассматривались военные и дипломатические перипетии турецкого завоевания, взаимоотношения Византии со странами Запада и Востока, со славянскими народами Балканского полуострова; с конфессиональных и националистических позиций оценивались идейно-религиозные расхождения Византии и папского престола, а борьба Византии и Османской державы нередко рисовалась как столкновение двух миров — христианского и мусульманского.

В византиноведческих трудах, как правило, вскрывались отрицательные последствия турецкого завоевания для покоренных народов, однако встречались и отдельные попытки обелить турецких завоевателей, доказать благотворность установления их власти для стран, вошедших в состав Османского государства¹⁴⁴. Что касается причин падения империи, то хотя византиноведами и высказывались суждения, что основной причиной была внутренняя слабость Византии, однако решающие факторы этого процесса оставались все же в тени.

500-летие взятия Константинополя турками, отмечавшееся весной 1953 г., вызвало оживление интереса византинистов многих стран к проблеме падения Византии. Повысился интерес к этому событию и в нашей стране. Ему были посвящены значительная часть вышедшего в 1953 г. VII тома «Византийского временника» и отдельные статьи в других периодических изданиях. При этом были предприняты попытки переосмыслить внутренние причины падения Византии, углубить понимание таких вопросов, как характер и последствия турецкого завоевания, борьба покоренных народов против завоевателей и народные

¹⁴³ А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1954; его же. Ремесло и промыслы в городе Сплите в XIII—XIV вв.—ТВГУ, 1955, т. 38, стр. 45—62; его же. Из истории классовой борьбы в далматинских городах во 2-й половине XIV—начале XV в.—ТВГУ, 1955, т. 42, вып. 2, стр. 48—50.

¹⁴⁴ Б. Т. Горянов. Фальсификация истории турецкого завоевания и военно-феодального строя Османской Турции в трудах ученых Запада и США.—ИАН АрмССР, VI, 1953, общественные науки, № 10, стр. 37—50.

движения XV в., особо стоял вопрос об откликах современников (Русь, Грузия и Армения) на падение Византии.

Внутренние причины падения Византии получили освещение в статьях М. В. Левченко и З. В. Удальцовой. М. В. Левченко построил свою концепцию падения Византии, исходя из представления, что Византия погибла не из-за силы турок, а вследствие собственной слабости¹⁴⁵. Как было показано ученым, Византия в тот период своего существования являлась слабым государством, раздираемым классовыми противоречиями. Одной из причин этой слабости служила старая, крайне тяжелая налоговая система, обременявшая народ. Внутреннее и внешнее могущество Византии было подорвано еще в начале XIII в. завоеванием многих ее земель крестоносцами. Последней попыткой спасти Византийскую империю от гибели, по мнению автора, было восстание зилотов, но его поражение, обусловленное отсутствием в византийских городах класса, способного противостоять феодалам, сделало гибель империи неизбежной.

З. В. Удальцова в серии своих статей попыталась вскрыть комплекс внутренних причин, приведших к падению Византии¹⁴⁶. Важнейшей из них она считала назревавший конфликт между еще развивавшимися в поздней Византии производительными силами и тормозившими это развитие феодальными производственными отношениями. Иными словами, неограниченное господство феодалов во всех сферах экономики и политики как в городе, так и в деревне, помешало расцвести в Византии тем росткам предкапиталистического строя, которые уже кое-где пробивались на византийской почве. Следствием этого явилось обнищание крестьянства и плебейских масс города, что, естественно, снизило военный потенциал Византийской империи.

Из других причин ослабления византийского государства в XIV—XV вв. З. В. Удальцова указывала на засилье итальянцев в экономике городов, в частности в торговле и ремесленном производстве, на обострение классовых противоречий, приведшее к народным восстаниям, гражданские войны претендентов на императорский престол и феодальные усобицы, наконец, на раскол внутри господствующего класса, нашедший свое выражение в борьбе религиозно-политических партий.

Последнему вопросу исследовательница уделила особое внимание. В XV в., как показала З. В. Удальцова, перед лицом неумолимой внешней опасности феодальный класс Византии оказался разделенным на три враждующих партии. Латинофилы ориентировались на союз с Западом, купленный ценой заключения унии православной и католической церковью. Их социальной опорой были определенные круги интеллигенции, связанные с итальянскими гуманистами, высшие церковные иерархи, более политики, чем богословы, придворная знать, полу-

¹⁴⁵ М. В. Левченко. Завоевание турками Константинополя в 1453 г. и исторические последствия этого события.— ВВ, VII, 1953, стр. 3—8.

¹⁴⁶ З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV в.— ВИ, 1953, № 7, стр. 102—120; ее же. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания.— ВВ, VII, 1953, стр. 93—121; ее же. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания по данным византийского историка Кривоула.— СВ, 1951, т. III, стр. 161—179; ее же. Падение Византии.— Книга для чтения по истории средних веков под ред. С. Д. Сказкина, ч. II. М., 1951, стр. 316—335.

чившая поддержку императоров из дома Палеологов. В противовес латинофилам ортодоксально-православная партия отвергала какое-либо сближение с католическим Западом. Выразителями ее идей являлись константинопольский патриархат, часть высшего духовенства, монашество; им сочувствовали широкие народные массы. Туркофилы заняли открыто предательскую позицию, поддержав иноземных завоевателей — турок. Опираясь на данные византийских историков XV в. — Кривоула, Сфрандзи, Дуки и Халкокондила, З. В. Удальцова попыталась осветить спорный вопрос о социальном составе туркофильской партии. По ее мнению, туркофильство было сравнительно узким политическим течением, охватившим местную феодальную знать отдельных областей Византии и некоторых представителей торгово-ремесленных кругов, предпочитавших сильную власть турок, которая, как они надеялись, защитит их и от произвола высшей аристократии, и от конкуренции итальянцев. Никакой социальной опоры в широких народных массах туркофильство не имело. Миф о туркофильстве народных масс, созданный националистической протурецкой историографией, не находит подтверждения в источниках. Скорее можно говорить об индифферентизме части населения Византии, а не о каком-либо сочувствии к завоевателям.

В конечном же счете партийно-религиозная борьба, развернувшаяся в XIV—XV вв., ослабила византийское государство и облегчила его завоевание турками¹⁴⁷.

Советские византилисты, туркологи и слависты обратились, далее, как говорилось выше, к выяснению характера турецкого завоевания и его последствий для населения завоеванных государств и народов. Во всех работах того времени давалась негативная оценка турецкого завоевания; оно рассматривалось как явление крайне реакционное, отбросившее покоренные народы в их развитии на несколько веков назад. Всеми исследователями особо подчеркивался крайне низкий уровень общественного строя турок, примитивность социально-экономических и политических отношений, господствовавших в Османской державе.

Специальному изучению социально-экономического строя Османской Турции была посвящена статья турколога А. С. Тверитиновой¹⁴⁸. С достаточной убедительностью автор показала, что Османский эмират представлял собой полуварварское государство, в котором только начали складываться феодальные отношения. Лишь в дальнейшем, в результате завоевательных походов, у турок постепенно сформировался класс землевладельцев. А. С. Тверитинова высказала свое несогласие с бытующей в буржуазной историографии теорией об абсолютистском характере Османского государства. Общественный строй Османской державы, с ее точки зрения, был значительно более примитивным, и в

¹⁴⁷ З. В. Удальцова. Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского. — ВВ, II (XXVII), 1949, стр. 294—367; ее же. Борьба партий в Византии XV в. Автореф. канд. дисс. — ВМГУ, 1947, № 1, стр. 79—95; ее же. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. — ВВ, III, 1950, стр. 106—132; ее же. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Кривоула. — ВВ, XII, 1957, стр. 172—197.

¹⁴⁸ А. С. Тверитинова. Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии. — ВВ, VII, 1953, стр. 9—31.

основе его лежали вассальные связи между правителем государства и нуждавшимися в его крепкой власти военно-ленными держателями.

Некоторые аспекты социально-экономической жизни средневековой Турции были обрисованы, правда несколько эскизно, в статье Г. И. Ибрагимова¹⁴⁹. Автор собрал впечатляющий материал источников об исключительно тяжелом положении турецкого крестьянства, проследил многообразные формы зависимости крестьян от феодалов, рассказал о народных восстаниях в Османской империи в XV—XVI вв.

Одно из крупнейших крестьянских восстаний в малоазийских владениях турок в начале XV в., известное под названием восстания Берклидже Мустафы, явилось предметом исследования А. С. Степанова¹⁵⁰. На материале исторического произведения византийского писателя XV в. Дуки исследователю удалось определить ареал действий повстанцев, выяснить антифеодальный характер движения, проследить его связь с народно-еретическими учениями, проповедовавшими идеи «примитивного коммунизма», в частности идеи общности имущества. Восстание охватило две провинции Малой Азии — Ионию и Лидию и длилось в течение 1416—1418 гг. Особую ценность имеют известия Дуки об участии в этом восстании турецких крестьян местного, христианского, населения Малой Азии и о стремлении вождей восставших привлечь на свою сторону беднейшие слои византийского крестьянства, несмотря на то, что турецких и византийских крестьян разделяли вероисповедные разногласия. А. С. Степанов высказал любопытное соображение, объясняющее особый интерес Дуки к этому народному восстанию: видимо, он был обусловлен антитурецкими настроениями византийского историка, выражавшего радость по поводу того, что крестьянские выступления хотя бы на время связывали руки Турции — злейшему врагу Византии, что дало возможность византийскому правительству получить некоторую передышку и временно стабилизировать положение в борьбе против османов.

И. С. Достян посвятила свои исторические этюды борьбе славянских и других народов Балканского полуострова XIV—XV вв. против турецкой агрессии¹⁵¹. Исследовательница отрицала всякое, даже относительно прогрессивное значение турецкого завоевания для этих народов. В ее статьях, так же как и в работах М. В. Левченко и А. С. Тверитиновой, проводилась мысль, что турки-османы, завоевав более высоко развитые в экономическом и культурном отношении страны, сами были вынуждены приспосабливаться к тому социально-экономическому строю, который они находили у покоренных народов, воспринимая у них экономические, правовые и политические институты, систему налогового обложения и государственного управления.

Завоеванные османами народы оказались под двойным гнетом — турецких захватчиков и своих, туземных, феодалов. Последние в зна-

¹⁴⁹ Г. И. Ибрагимов. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. — Там же, стр. 122—145.

¹⁵⁰ А. С. Степанов. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклидже Мустафы начала XV века. — ВВ, V, 1952, стр. 99—104.

¹⁵¹ И. С. Достян. Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв. — ВВ, VII, 1953, стр. 32—49; ее же. Южнославянские народы под игом турок в XV—XVIII вв. — ПИШ, 1951, № 5, стр. 30—40.

чительной части отуречивались, принимали ислам, шли на службу к новым властителям, в то время как народные массы старались сохранить свою культуру и религию. В статьях И. С. Достян приводились красноречивые данные источников о невыносимых страданиях покоренных народов под властью турок; в частности, ею собраны известия современников о массовом обращении покоренных жителей в рабов, что привело к временному усилению рабовладения в период завоевательных походов турок. Вместе с тем это свидетельствует и о примитивности общественных отношений в Османской Турции.

В зарубежной буржуазной историографии довольно широко распространено ошибочное представление, будто южные славяне и другие народы Балканского полуострова (за исключением разве что албанцев) не оказали достаточно энергичного сопротивления турецким завоевателям. Известия византийских историков XV в., в частности «История Мехмеда II» Критовула, позволяют в известной мере опровергнуть эту предвзятую концепцию.

З. В. Удальцова выявила красочный материал источников о героической борьбе народов Балканского полуострова против турок во время походов султана Мехмеда II и его полководцев в Боснию, Албанию, Валахию и в период окончательного покорения Сербии. Особенно живыми, сочными мазками нарисована, в частности у Критовула, картина многодневной обороны Белграда в 1456 г. сербскими войсками и воинами венгерского полководца Яноша Гуниади. Рассказ Критовула о мужестве и находчивости Гуниади, о беззаветной храбрости сербских и венгерских солдат тем более заслуживает доверия, что написан он туркофильски настроенным писателем и к тому же помещен в труде, посвященном самому грозному султану-завоевателю. Прославляя блеск его побед, Критовул не умалчивал о героизме врагов победителя, что в тех условиях, при которых создавался данный исторический труд, требовало немалого мужества от самого историка.

Конечный вывод З. В. Удальцовой сводился к тому, что народы Балканского полуострова самоотверженно сражались против турок, однако несогласия между правителями, междоусобицы, а порою и предательство феодалов открыли дорогу в эти страны завоевателям¹⁵².

Потрясающее впечатление, которое произвело падение Константинополя на современников, получило отражение в исторических и литературных произведениях XV в. Советские ученые исследовали в первую очередь те из них, которые имели хождение в русском государстве вскоре после трагических событий мая 1453 г.

Н. А. Смирнов дал новое толкование известного памятника русской исторической литературы XV в.— «Повести» Нестора Искандера, иногда именуемой записками русского янычара¹⁵³. Анализируя древ-

¹⁵² З. В. Удальцова. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке.— ВВ, IV, 1951, стр. 91—121.

¹⁵³ Н. А. Смирнов. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 году.— ВВ, VII, 1953, стр. 50—71. Ср.: М. О. Скрипиль. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера.— ТОДРЛ, X, 1954, стр. 166—184; автор этой работы, основываясь на данных анализа, известных в его время рукописей памятника, полагал, что его можно датировать XV в.; С. Н. Азбе-

нейшие списки «Повести», он стремился выделить оригинальную часть сочинения, написанную самим Нестором Искандером, непосредственным очевидцем осады и взятия Константинополя турками. Те места «Повести», где говорится, что Россия является наследницей Византии, Н. А. Смирнов определил как позднейшие вставки русских книжников, имевшие целью подкрепить политическую доктрину, созданную на рубеже XV—XVI вв.,— «Москва — третий Рим».

Разобрав рассказ Нестора Искандера, Н. А. Смирнов пришел к довольно парадоксальному выводу: по его мнению, эта «Повесть» свидетельствует скорее о слабости турок и примитивности их военной техники, нежели о могуществе армий прославленного султана Мехмеда II Фатиха. В целом же Н. А. Смирнов высоко оценил сочинение «русского человека-самородка»: «Повесть» Нестора Искандера, писал исследователь,— не менее достоверный источник, чем сочинения византийских историков XV в. — Дуки и Сфрандзи.

Н. А. Мещерский, крупный знаток древнерусской и византийской литературы, в кратком, но ярком очерке нарисовал полнокровный образ византийского ученого, ратора и писателя XV в.— Иоанна Евгеника, автора популярного на Руси сочинения — «Рыдание о взятии великого города»¹⁵⁴. В описовке Н. А. Мещерского Иоанн Евгеник предстает блестящим ученым-гуманистом, верным лучшим традициям византийской образованности. Произведение Иоанна Евгеника, оплакивающее гибель жемчужины городов мира — Константинополя, было очень скоро после захвата турками столицы Византийской империи переведено на Руси, что, по мнению Н. А. Мещерского, свидетельствует о большом внимании русских к событиям на Босфоре.

Трагическая гибель Константинополя, как известно, имела широкий резонанс не только на Руси, в странах Западной и Центральной Европы, но также и в государствах Закавказья.

Армянские ученые поставили своей задачей ознакомление читателей с литературными памятниками Армении, повествующими о падении столицы некогда великой империи и принадлежащими к жанру «плачей».

С. С. Аревшатян перевел на русский язык две армянские стихотворные хроники XV в.— «Плач на взятие Константинополя» Абраама Анкирского и «Плач о столице Стимболе» Аракела Багешского¹⁵⁵. Во вступительной статье А. С. Анасяна были охарактеризованы основные этапы жизни и творчества этих средневековых писателей, с симпатией относившихся к Византии. Однако в их мировоззрении существовали и различия: Абраам Анкирский стоял на строго ортодоксальных позициях, тогда как Аракел Багешский являлся сторонни-

лев в результате открытия новых рукописных материалов неопровержимо доказал правильность подобной датировки (С. Н. Азбелев. О датировке русской Повести о взятии Царьграда турками.— ТОДРЛ, XVII, 1961, стр. 334—337).

¹⁵⁴ Н. А. Мещерский. «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод.— ВВ, VII, 1953, стр. 72—86.

¹⁵⁵ Армянские хронисты о падении Константинополя (пред. и подготовка текста А. С. Анасяна, перев. С. С. Аревшатяна).— Там же, стр. 444—466. Ср.: А. С. Анасян. Армянские источники о падении Византии. Ереван, 1957 (на арм. яз.).

ком латинофильского течения в Армении и выражал надежду на освобождение Византии от турок с помощью военных сил Западной Европы.

Советские ученые не ограничились рассмотрением лишь тех литературных памятников, которые были так или иначе связаны с откликами на падение Византии в русском государстве и в странах Закавказья. Для воссоздания жизненно правдивой картины осады и взятия Константинополя турками были опубликованы в русском переводе отрывки из сочинений византийских авторов XV в., повествующих об этом событии: А. С. Степанов издал избранные места из исторических трудов Дуки и Сфрандзи¹⁵⁶, а Е. Б. Веселаго —эксперпты из «Истории» Лаоника Халкокондила¹⁵⁷.

В своем предисловии к переводу отрывков из сочинений Дуки и Сфрандзи А. С. Степанов ограничился лишь краткой биографией этих историков. Е. Б. Веселаго, в отличие от него, дала развернутую характеристику жизни и творчества Халкокондила. Лаоник Халкокондил под ее пером предстает единственным из писателей XV в., сумевшим осознать падение Константинополя как гибель родной страны, своего рода «национальную катастрофу» греческого народа. Наряду с этим исследовательница отметила патриотизм Халкокондила, его широкий кругозор и приверженность к античной культуре; она выявила черты гуманизма в мировоззрении историка, показала многокрасочность художественной палитры и разнообразие изобразительных приемов этого писателя.

В связи с 500-летием падения Константинополя был напечатан небольшой историографический этюд И. Н. Бороздина, посвященный анализу исторических воззрений Н. Г. Чернышевского на завоевание Византии турками. В статье была освещена полемика революционера-демократа Н. Г. Чернышевского с либералом М. М. Стасюлевичем по поводу оценки этого события, причем подчеркивалось, что Чернышевский рассматривал турецкое завоевание как глубоко реакционное событие всемирной истории¹⁵⁸.

Завершая обзор исследований советских ученых по проблеме падения Византии, созданных в 40—50-х годах, необходимо отметить свежесть для своего времени постановки некоторых вопросов. Так, по-новому прозвучали в те годы трактовка внутренних причин падения Византии, характеристика борьбы покоренных народов против турок и отрицательных последствий турецкого завоевания для стран, подпавших под власть турецких султанов. Однако следует признать и некоторую

¹⁵⁶ Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя (перев. и пред. А. С. Степанова).— ВВ, VII, 1953, стр. 385—430. Ср.: А. С. Анасян. Перевод хроники Георгия Сфрандзи на древнеармянский язык.— ВМ, 1956, вып. 3, стр. 121—129 (на арм. яз.).

¹⁵⁷ Лаоник Халкокондил. История (из книги VIII). Перев. и пред. Е. Б. Веселаго.— ВВ, VII, 1953, стр. 431—444.

¹⁵⁸ И. Н. Бороздин. Н. Г. Чернышевский об осаде и взятии Константинополя турками.— Там же, стр. 87—92. Серия статей, помещенных в VII томе «Византийского временника», посвященных 500-летию падения Византии, заканчивалась статьей А. Н. Николаева, в которой было показано, что в 40—50-х годах нашего века турецкие власти не заботились о византийских памятниках Константинополя, многие из которых были разрушены или находились в плачевном состоянии (А. Н. Николаев. Современное состояние памятников византийского зодчества в Стамбуле.— Там же, стр. 146—160).

односторонность разработки этих проблем: так, для углубленного понимания причин гибели византийского государства, очевидно, необходимо рассмотрение не только внутренних, но всего комплекса (как внутренних, так и внешних) условий, приведших к катастрофе середины XV в. А для уяснения характера турецкого завоевания надо еще многое сделать по изучению общественного строя турок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВИЗАНТИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Внешнеполитическая история Византии, отношения византийского государства с соседними странами и народами всегда находились в поле зрения советских ученых, хотя и не заняли в их трудах такого выдающегося места, как исследования социально-экономической жизни византийского общества. Анализом этих проблем в советской науке занимались и собственно византинисты, и историки смежных специальностей — русисты, слависты, востоковеды и кавказоведы, а также археологи, этнографы, лингвисты. Наибольший интерес вызывали многообразные связи Византии с Русью и другими славянскими государствами, с народами Крыма, Кавказа, Закавказья и Средней Азии, поскольку при изучении этих связей были доступны местные источники архивных собраний Советского Союза и памятники материальной культуры, находящиеся на территории нашей страны. Немало было сделано и для освещения взаимоотношений Византии со странами Востока, ибо в Советском Союзе были живы прочные научные традиции русской востоковедческой школы. Несколько меньше внимания в те годы обращалось на освещение сношений Византии и Западной Европы, поскольку советские медиевисты отводили тогда центральное место в своих разысканиях внутренней истории западноевропейских стран. Лишь по настоянию академика Е. А. Косминского, горячего адепта изучения истории международных отношений средневековья, в этот период некоторые советские византинисты и медиевисты-западники приступили к разработке проблемы «Византия и Запад»¹.

Византия и Русь

Центральное место в работах советских историков по внешнеполитической истории византийского государства занимала проблема «Византия и Русь». Особый интерес советских исследователей к этой теме объяснялся различными причинами. В числе главных из них можно назвать наличие первоклассных русских источников², в том числе не-

¹ Е. А. Косминский. Итоги и задачи советского византиноведения, ВАН СССР, 1951, № 5, стр. 65—71.

² Р. П. Дмитриева. Библиография русского летописания.— М.—Л., 1962; А. А. Шахматов. Образование русских летописных сводов XIV—

изданных рукописей, которые при сопоставлении с византийскими памятниками давали надежду пролить новый свет на проблему в целом. Комплексный анализ византийских и русских памятников, их взаимная проверка открывали обнадеживающие перспективы для уточнения многих неясных событий как истории Византии, так и Древнерусского государства.

Немаловажную роль сыграли и многолетние научные традиции, ибо в разработке истории русско-византийских отношений наша наука издавна завоевала общепризнанный приоритет. Очевидна и политическая актуальность этой темы — без ее обстоятельного освещения не представлялось возможным правильное понимание многих узловых вопросов истории нашей Родины.

В те годы историки-русисты приступили к интенсивному изучению кардинальных проблем истории СССР эпохи феодализма³. Наибольшее значение для более глубокого осмысления русско-византийских связей имели, разумеется, исследования, посвященные в первую очередь образованию Древнерусского государства и внутренней истории Киевской Руси. Без преувеличения можно сказать, что именно фундаментальные исследования Б. Д. Грекова⁴, М. Н. Тихомирова⁵, Б. А. Рыбакова⁶,

XVI вв. М.—Л., 1938; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. 1. М., 1940; Н. Г. Бережков. О хронологии русских летописей по XIV в. включительно.—ИЗ, 1947, № 23, стр. 325—363; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947; Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды.—ИЗ, 1948, № 25, стр. 293—333; В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед.—ВИ, 1952, № 2, стр. 47—73; Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944; В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности. Л., 1924; М. Н. Тихомиров. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X—XVII вв.). В кн. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1. М., 1955, стр. 48—105.

³ Б. Д. Греков. Изучение истории СССР за 25 лет.—ИЖ, 1942, № 10, стр. 83—91; его же. Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет.—В кн. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.—Л., 1942, стр. 78—90; его же. Основные итоги изучения истории СССР за 30 лет.—«Труды Юбил. сессии Акад. обществ. наук, посвященной 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1948, стр. 137—144; В. В. Мавродин. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси.—«История СССР», 1962, № 1, стр. 52—73; его же. Советская историография Древнерусского государства.—ВИ, 1967, № 12, стр. 53—72; В. И. Буганов. Русское летописание в советской историографии.—ВИ, 1966, № 12, стр. 143—155; Л. В. Черепнин. 50 лет советской исторической науки и некоторые проблемы изучения феодальной эпохи истории России.—«История СССР», 1967, № 6, стр. 77—99.

⁴ Б. Д. Греков. Начальный период в истории русского феодализма.—ЗАН СССР, 1933, № 7, стр. 13—18; его же. Рабство и феодализм в Древней Руси.—ИГАИМК, 1934, вып. 86, стр. 5—66; его же. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935; его же. Киевская Русь. Изд. 3. М.—Л., 1939; изд. 4. М.—Л., 1944; изд. 5. М.—Л., 1949; изд. 6. М., 1953; его же. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1942; Очерки истории СССР, период феодализма IX—XV вв. Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто, т. 1, ч. 1—2. М., 1953.

⁵ М. Н. Тихомиров. Киевская Русь в XII—начале XIII в. В кн. «История СССР», т. 1. М., 1941, стр. 44—53.

⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948; его же. Образование Древнерусского государства.—Тезисы докл. сессии ОИИ. М., 1955.

А. Н. Насонова⁷, В. В. Мавродина⁸, Л. В. Черепнина⁹, С. В. Бахрушина¹⁰, С. В. Юшкова¹¹ и многих других ученых явились оправданными для дальнейших разысканий советских византинистов с целью воссоздания картины русско-византийских отношений на разных этапах истории Руси и Византии.

Одновременно труды византинистов в свою очередь помогали разобратся в некоторых, порою крайне запутанных вопросах древнейшей истории СССР¹².

К числу таких неясных проблем можно, например, отнести происхождение термина «Русь»¹³. Византинисты, опираясь на греческие и сирийские источники, сказали свое слово в разрешении многолетнего спора об этом загадочном названии. Это было тем более важно, что вопрос о происхождении термина «Русь» искони был яблоком раздора между норманистами и антинорманистами, поскольку первые отождествляли варягов с «Русью», а вторые стремились доказать, что «Русь» — это не скандинавы, а восточные славяне или другие народы¹⁴.

⁷ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

⁸ В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945; его же. Древняя Русь. М., 1946; его же. Древнерусское государство. Л., 1950.

⁹ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, 1948, № 25, стр. 290—333.

¹⁰ С. В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. — ИМ, 1937, № 3, стр. 165—175; его же. К вопросу о крещении Киевской Руси. — Там же, № 2, стр. 40—77.

¹¹ С. В. Юшков. К вопросу о происхождении Русского государства. — УЗ МЮИ, НКЮ СССР, вып. II. М., 1940, стр. 37—59; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; его же. Феодалные отношения в Киевской Руси. — УЗ Сар. ГУ, 1925, кн. 3, вып. 4, стр. 1—108; его же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. — Л., 1939.

¹² М. В. Левченко. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии. — ВВ, VIII, 1956, стр. 7—26 (статья опубликована посмертно); Г. Г. Литаврин. Вопросы образования Древнерусского государства. — СВ, 1956, VIII, стр. 386—395; Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. — ВИ, 1960, № 9, стр. 18—26.

¹³ Очерки истории СССР, период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. I, стр. 69—79; И. П. Шаскольский. Вопрос о происхождении слова «Русь» в буржуазной науке. — В кн. «Критика новейшей буржуазной историографии». М. — Л., 1967.

¹⁴ О борьбе норманистов и антинорманистов по вопросу о происхождении русского государства см.: В. А. Пархоменко. К вопросу о «норманском завещании» и происхождении Руси. — ИМ, 1938, кн. 4, стр. 106—111; М. Н. Тихомиров. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского. — ВИ, 1946, № 4, стр. 124—129; его же. Откровения Чедвик о начале русской истории. — ВИ, 1948, № 4, стр. 112—115; Б. Д. Греков. О роли варягов в истории Руси. — «Новое время». М., 1947, № 30, стр. 12—15; В. В. Мавродин. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949; Б. А. Рыбаков. Древние русы. — СА, 1953, т. XVII, стр. 23—104; Д. А. Авдусин. Ненорманистские измышления буржуазных историков. — ВИ, 1953, № 12, стр. 114—120; его же. Варяжский вопрос по археологическим данным. — КСИИМК, 1949, вып. 30, стр. 3—14; Н. М. Дружинин. Проблемы истории СССР на 10-м Международном конгрессе историков в Риме. — ИЗ, т. 55, 1956, стр. 3—26; И. П. Шаскольский. Современные норманисты о русской летописи. — В кн. «Критика новейшей буржуазной историографии». М. — Л., 1961, стр. 335—373; его же. Норманская теория в

Одним из первых попытался выяснить происхождение греческого названия Ῥως М. Я. Сюзюмов. Он выдвинул любопытную гипотезу, согласно которой передача названия народа русов словом Ῥως связана с тем, что византийцам был известен народ Ῥώς, упоминаемый в греческом переводе «Книги пророков». Благодаря созвучию названий воинственный народ, угрожавший Византийской империи с севера, ассоциировался с тем, о котором говорилось в пророчествах, предсказывающих конец света¹⁵.

Н. В. Пигулевская высказала предположение, что этническое название «hris», встречающееся в сирийской хронике Псевдо-Захарии Милитенского (VI в.), можно отнести к русским. Это был, по описанию хроники, рослый и сильный народ, живший по соседству с амазонками в южнорусских степях. Иными словами, местом его расселения считались области, расположенные по берегам Нижнего Дона и Азовского моря. Важный вывод исследовательницы состоит в том, что имя «Рус» еще в первой половине VI в. было известно грекам и сирийцам, которые вовсе не относили его к племенам скандинавского происхождения¹⁶. Возможно, однако, что хронист использовал библейские этнокопы.

Заслуживает внимания и концепция М. Н. Тихомирова об истоках названий «Русь», «Русская земля» и «Россия»¹⁷. В Византийской империи, отмечал он, употреблялся термин Ῥως, а в Западной Европе — «Russia». Это может, по мнению М. Н. Тихомирова, быть объяснено тем, что оба термина существовали на Руси с древнейших времен, а разница между ними была, по-видимому, диалектного характера.

В 40-х годах среди византиноведов ряда стран разгорелся спор о датировке первых походов Руси на Византию. Известный византист А. Грегуар, его ученица Жермен да Коста Луйе, а затем и А. А. Васильев пытались отрицать достоверность известий житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского о нападениях русов на малоазиатские владения империи в первой половине IX в. Рассказ жития Георгия Амастридского об осаде Амастриды войсками русов, который еще В. Г. Васильевский датировал 820—842 гг., они относили к 941 г. и связывали с походом русского князя Игоря на Византию. Тем самым названные историки стремились опровергнуть выводы В. Г. Васильевского, что уже в первой половине IX в. Русь была сильным государством, способным снаряжать заморские военные экспедиции.

Е. Э. Липшиц и М. В. Левченко подвергли обстоятельной критике норманистские построения этих ученых и выступили в защиту выводов В. Г. Васильевского.

современной буржуазной науке. М.—Л., 1965; В. П. Ш у ш а р и н. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964.

¹⁵ М. Я. С ю з ю м о в. К вопросу о происхождении слова Ῥως, Ῥωσία, Россия.— ВДИ, 1940, № 2, стр. 121—123.

¹⁶ Н. В. П и г у л е в с к а я. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э.— Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 42—48.

¹⁷ М. Н. Т и х о м и р о в. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».— СЭ, VI—VII, 1947, стр. 60—80; его же. О происхождении названия «Россия».— ВИ, 1953, № 11, стр. 93—96. См., кроме того: Л. С. Т и в е р и а д с к и й. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян.— ИЗ, 1942, № 13, стр. 40—53; С. А. Б у г о с л а в с к и й. Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII вв.— УЗ МГУ, вып. 118, труды кафедры русской литературы, кн. 2. М., 1946, стр. 3—26.

В подтверждение ранней датировки походов Руси на Византию Е. Э. Липшиц привела дополнительные аргументы. Она доказала, что житие Георгия Амастридского принадлежит перу византийского писателя первой половины IX в. — диакона Игнатия. Для обоснования этого тезиса исследовательница впервые привлекла сохранившиеся в сочинениях Феодора Студита стихотворения Игнатия и данные миниатюр лицевой Хлудовской Псалтыри из собрания ГИМ. Единственная рукопись жития, по ее мнению, — это оригинал сочинения Игнатия, созданного в первой половине IX в., а не переработка Симеона Метафраста конца X — начала XI в., как полагали А. Грегуар и Жермен да Коста Луйе. Следовательно, и известия о нападениях русов на империю не могут быть приурочены к походу Игоря 941 г.¹⁸

М. В. Левченко, присоединившись к мнению Е. Э. Липшиц, привел ряд других доводов для опровержения взглядов А. Грегуара и особенно А. А. Васильева, также настаивавшего на поздней датировке известий жития Георгия Амастридского¹⁹. Советские византилисты убедительно выяснили, что первые походы Руси на Византию были совершены еще до 860 г., иными словами, до того, как произошло легендарное «призвание варягов». Таким образом, были получены дополнительные доказательства существования Древнерусского государства, образовавшегося независимо от появления здесь династии Рюриковичей, и тем самым лишний раз вскрыта несостоятельность норманской теории происхождения Киевского государства.

В историографии конца 30-х — начала 40-х годов была сделана попытка дать обобщающий обзор истории русско-византийских отношений с IX по XII в. Ее периодизацию предложил М. Д. Приселков²⁰. Первым этапом в развитии взаимоотношений между Русью и Византией он считал период с древнейших времен, т. е. с IX в., до 1037 г. В это время связи Руси и Византии еще не были регулярными и часто перемежались военными столкновениями. Однако уже тогда возникли торговые и культурные контакты обоих государств, о чем свидетельствуют договоры 911, 944 и 988 гг. В момент крещения Руси прочные связи между Византией и Русью отсутствовали, а христианское учение, принятое на Руси, сильно отличалось от распространенного в Византии. Второй этап русско-византийских отношений (XI—XII вв.) характеризовался, по мнению исследователя, значительным упрочением связей во всех сферах общественной жизни, что нашло свое выражение в церковной и отчасти политической зависимости Руси от Византии. Причиной заключения киевским князем Ярославом Мудрым союза с Византией, с точки зрения М. Д. Приселкова, была печенежская опасность. Время расцвета русско-византийских связей — княжение Всеволода. После разгрома половцев и печенегов в конце XI в. усилились противоречия Византии и Руси; в течение всего XII столетия

¹⁸ Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию ранее 842 г. — ИЗ, XXVI, 1948, стр. 312—331.

¹⁹ М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению. — ВВ, III, 1950, стр. 230—245; его же. Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева. — ВВ, IV, 1951, стр. 149—159.

²⁰ М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. — ВДИ, 1939, № 3, стр. 98—109.

империя старалась подчинить своей власти русские земли, вследствие чего шла ожесточенная борьба со стремившимися к независимости русскими князьями. Русско-византийские отношения не прекратились и после завоевания Византии крестоносцами в 1204 г. Их третий этап, по мнению автора, — время татарского господства на Руси, когда Византия поддерживала с нею религиозные связи, сохраняя за собой значение распорядительного центра русских княжеств.

Концепция М. Д. Приселкова не встретила поддержки у советских ученых. Его упрекали в преувеличении влияния Византии на Русь; по мнению критиков, он придавал слишком большое значение воздействию византийской дипломатии на политику русских князей, в частности ошибочно приписывал византийской интриге подготовку походов Руси на половцев; указывалось также, что ученый переоценил церковную и политическую зависимость Руси от Византии²¹.

Сходные тенденции в трактовке русско-византийских связей проявились и в другой работе М. Д. Приселкова, посвященной сравнительному анализу русских и византийских источников по истории Киевского государства. Сопоставляя известия о Киевской Руси, содержащиеся в «Повести временных лет», с данными византийских памятников, он отдавал предпочтение последним. Для IX—XI вв. «Повесть временных лет», с его точки зрения, — малодостоверный источник, поскольку она отражает воззрения лишь киевских составителей летописных сводов XI — половины XII в., но не мнение современников о событиях этой эпохи²². Столь нигилистическая оценка М. Д. Приселковым русских источников по ранней истории Киевской Руси вызвала серьезные нарекания²³.

Крайне малочисленные, но тем более драгоценные известия источников о торговых связях Руси и Византии IX—X вв. и позднейшего времени позволили советским историкам внести некоторые уточнения в существовавшие ранее представления о торговом пути из варяг в греки²⁴.

Длительное время особым вниманием византинистов и русистов пользовались русско-византийские договоры X в. — поистине уникальный памятник русско-византийских торговых и дипломатических отношений раннего средневековья. Обзор довольно обширной литературы по этому вопросу был дан в монографии М. В. Левченко²⁵. Мы отме-

²¹ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — ИЗ, № 35, 1950, стр. 199—231.

²² М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — УЗ ЛГУ, № 73, 1941, вып. 8, серия ист. наук, стр. 215—246.

²³ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 21—22. Здесь М. В. Левченко критикует и старую работу М. Д. Приселкова о церковно-политических отношениях Византии — его «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПб., 1913). М. В. Левченко опровергает утверждение автора, будто до 1037 г. русская церковь зависела от болгарской Охридской митрополии, а не от Византии.

²⁴ С. В. Бернштейн-Коган. Путь из варяг в греки. — ВГ, с. 20, 1950, стр. 239 сл.; И. П. Шаскольский. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — «Геогр. сборник», III, 1954, стр. 146—159.

²⁵ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений, стр. 91—127.

тим лишь некоторые из указанных им работ, трактующих проблему преимущественно в византиноведческом аспекте.

М. А. Шангин рассмотрел ограничения, которым подвергались русские купцы в Константинополе; он исследовал данный вопрос под углом зрения общих мероприятий византийского правительства по охране границ от варваров. К их числу относились: закрытие пограничных территорий, заселенных варварами, для въезда остальных жителей империи, контроль над мореплаванием, запрещение браков и побратимства с иноземцами. Вместе с тем М. А. Шангин указывал, что льготы, которые были предоставлены в Византии русским купцам, свидетельствуют о военных успехах русских²⁶.

М. А. Шангин дал новое истолкование дискуссионной проблемы — первые русско-византийские договоры. В противовес А. А. Шахматову, который отрицал заключение договора между Русью и Византией в 907 г., он признал его реальное существование. Русские добились подписания этого договора силой оружия и получили по нему право торговли в Константинополе. В договоре же 911 г. дополнительно была проведена регламентация других спорных правовых вопросов.

Рассмотрев две статьи договора Игоря с греками 945 г., М. А. Шангин пришел к заключению, что именно через подобные соглашения на Русь проникали нормы римско-византийского права.

Статья договора о защите прав херсонесских рыболовных общин в устье Днепра, по его мнению, отвечала интересам империи, ибо именно оттуда доставлялись в Византию лучшие сорта рыбы. Статья о наказании лиц, виновных в грабеже потерпевших кораблекрушение, дана в договоре со ссылкой на аналогичные русский и греческий законы. Греческий закон, согласно толкованию М. А. Шангина, — это 64 новелла императора Льва VI, а русский, видимо, был заимствован из Византии еще ранее 945 г.^{26а}

М. В. Левченко в статье о русско-византийских договорах 907 и 911 гг. высказался в пользу признания того, что существовал еще особый договор, подписанный в 907 г. в качестве своего рода предварительного соглашения сторон перед заключением договора 911 г. По его мнению, во время похода князя Олега на Царьград в 907 г. было заключено лишь устное соглашение относительно торговых дел, а в 911 г. подписан письменный договор, дополнивший предварительное соглашение статьями правового содержания²⁷. Правильность славянского языка договоров, по мысли М. В. Левченко, позволяет относить их к памятникам славянской письменности. Германские имена

²⁶ М. А. Шангин. Византийские мероприятия по охране границ.— ИМ, 1941, № 4, стр. 89—92.

^{26а} М. А. Шангин. Два договора.— ИМ, 1941, № 2, стр. 114—115; его же. Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками в 945 г.— ИМ, 1941, № 5, стр. 111—112.

²⁷ М. В. Левченко. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг.— ВВ, V, 1952, стр. 105—126; ср.: С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками.— «Язык и мышление», VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 79—103; В. М. Истрин. Договоры русских с греками X в.— ИОРЯС, XXIX, 1925, стр. 383—393; М. И. Корнева-Петрукан. К изучению состава и языка договоров русских с греками.— УЗ МГУ, вып. 150, 1952, стр. 255—281; С. В. Бахрушин. Киевской Руси договоры с греками. В кн.: «Дипломатический словарь», т. 1. М., 1948, стб. 789—790.

некоторых из послов и купцов, прибывших из Руси, свидетельствуют, полагал ученый, о пестром этническом составе древнерусской дружины: в нее входили и варяги, но руководящая роль здесь принадлежала не им, а славянам. В целом походы Руси на Византию и русско-византийские договоры X в., в интерпретации М. В. Левченко, выражали стремление Руси получить доступ к крупнейшему рынку того времени — Константинополю и заставить Византию считаться с новым фактором в международной политике — Киевским государством.

Гипотеза о наличии двух договоров русских с греками (907 и 911 гг.), отстаивавшаяся М. В. Левченко, не встретила поддержки других специалистов и вопрос по сей день остается открытым²⁸.

Темой исследования советских историков служили также международные отношения, сложившиеся на Балканском полуострове в X в., во время походов русского князя Святослава в Болгарию.

М. Н. Тихомиров, проанализировав разнообразные источники этого периода, показал, что во время второго похода Святослава начал складываться союз русского и болгарского народов против Византии и перешедшей на ее сторону болгарской знати. Фундаментом этого союза были древние экономические, политические и культурные связи Руси и Болгарии. Союз был также обусловлен агрессивной политикой Византии в Западном Причерноморье²⁹.

Эти взгляды, впервые высказанные в нашей исторической литературе М. Н. Тихомировым, в дальнейшем были развиты в работах П. О. Карышковского. П. О. Карышковский решительно критиковал распространенное в буржуазной науке представление о Святославе: часто его считали кровожадным варваром и вождем бродячей дружины. В противоположность этому представлению историк характеризовал Святослава как крупнейшего государственного деятеля, стремившегося завоевать Константинополь и создать славянское государство на Балканах. П. О. Карышковский опровергал мнение о враждебности болгар к русским и о жестокости Святослава по отношению к болгарам. Он полагал, что в 969—971 гг. сложился союз двух славянских народов против Византии. Болгарский народ полностью поддерживал русских, видя в них защитников своей независимости³⁰.

Много труда было затрачено П. О. Карышковским для выяснения наиболее точных и ценных источников по истории войн Святослава. Осуществив сравнительный анализ византийских, русских и восточных материалов, он оспаривал сложившуюся в науке точку зрения, согласно которой наибольшего доверия среди источников, касающихся войн Святослава, якобы заслуживает хроника Льва Диякона. П. О. Карышковский путем тонких и остроумных сопоставлений доказал, что это сочинение не есть свидетельство очевидца, — оно является переложением

²⁸ А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов. Реш. на кн.: М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. — ВВ, XI, 1957, стр. 273—274; см. также: М. Н. Тихомиров. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время. — ИЖ, 1941, № 10—11, стр. 62—70 (о походах русов на Царьград — стр. 65—66).

²⁹ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — СЛС, 1947, стр. 125—201.

³⁰ П. О. Карышковский. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава. — ВИ, 1951, № 8, стр. 101—105.

нием не дошедшего до нас сочинения, послужившего одним из двух источников хроники Скилицы, причем в последней он изложен более добросовестно. Из более поздних произведений, по мнению П. О. Карышковского, представляет интерес только хроника Зонары, но и она добавляет лишь немного по сравнению с трудами Скилицы и Льва Диакона. Остальные источники практически не вносят почти ничего нового³¹. Среди византийских источников другого рода, содержащих сведения о войне со славянами, П. О. Карышковский отметил близкие по времени стихотворения Иоанна Геометра и сатирический диалог «Филопатрис», в которых также обнаруживаются намеки на союз русских с болгарями против Византии.

Из не византийских источников П. О. Карышковский выделил прежде всего хронику сирийского ученого X—XI вв. Яхьи Антиохийского, где в некоторых случаях приводятся более точные даты, чем в византийских хрониках. Кроме того, отдельные ценные сведения содержат армянская летопись Асохика (начало XI в.), труды арабского географа X в. Ибн-Хаукаля и, наконец, рассказ о путешествии в Константинополь епископа Кремоны Лиутпранда (60-е годы X в.)³².

На основе филигранного анализа всех этих источников историк предложил новую хронологию походов Святослава на Балканы. Первый поход русских дружин в Болгарию он датировал летом 968 г., второй поход — июлем-августом 969 г., мир же был заключен в июле 971 г.³³

П. О. Карышковский занимался также изучением русских летописей, поскольку они описывают походы Святослава на Балканы. Он скептически отнесся к мнению А. А. Шахматова, будто образцом и частично источником Киевской летописи послужила не дошедшая до нас болгарская хроника. Рассказ русской летописи о Балканских войнах Святослава, по мнению П. О. Карышковского, был почерпнут не из болгарской летописи, существование которой он отрицал, а из русской устной традиции³⁴.

Новый свет на раннюю историю русов проливают и некоторые дотоле неизвестные арабские источники. Б. Н. Заходер обследовал малоизученный арабский трактат начала XII в., содержащий рассказ о славянах и русах. Автор относил эти известия не к моравским (как думали ранее), а к восточнославянским племенам. Содержащийся в трактате рассказ о принятии русами ислама (при Владимире), по мнению Б. Н. Заходера, был антихристианским памфлетом, вставленным позднее в повествование о славянах³⁵.

³¹ П. О. Карышковский. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава.— КСИС, 1952, № 9, стр. 53—61; его же. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе.— ВВ, VI, 1953, стр. 36—71.

³² П. О. Карышковский. К истории Балканских войн Святослава.— ВВ, VII, 1953, стр. 224—243.

³³ П. О. Карышковский. О хронологии русско-византийской войны при Святославе.— ВВ, V, 1952, стр. 127—138; его же. К истории балканских походов Руси при Святославе.— КСИС, 1955, № 14, стр. 26—30.

³⁴ П. О. Карышковский. О мнимом болгарском источнике древних русских летописных сводов.— ТОГУ, 1954, т. 144, вып. 4, серия ист. наук, стр. 175—182.

³⁵ Б. Н. Заходер. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв.— ИВГО, 75, 1943, вып. 6, стр. 25—43.

Советским византинистам предстояло по-новому оценить и другие важные византийские источники X в., выяснить достоверность освещения ими русско-византийских связей.

М. В. Левченко попытался поколебать, казалось, незыблемый авторитет столь прославленного византийского писателя X в., как Константин Порфирородный. Долгое время все сведения этого автора о различных, в том числе славянских, народах безоговорочно принимались на веру. М. В. Левченко обнаружил в трудах Константина Порфирородного, особенно в его рассказах о русских, немало фактических ошибок и тенденциозных искажений. В частности, недостоверны известия Константина о варягах и Руси, используемые норманистами, много неточностей в названиях мест, расположенных по торговому пути из варяг в греки, и в наименовании днепровских порогов. Эти ошибки ученый объяснял как плохой осведомленностью Константина, так и его политической враждебностью к Киевскому государству. Киевская Русь не привлекала пристального внимания венценосного писателя, ибо он не верил ни в ее подчинение власти империи, ни в возможность заключения с ней прочного союза, а заботился лишь о предотвращении новых походов Руси на Византию. Столь же малодостоверны, по мнению М. В. Левченко, и известия Константина Порфирородного об армянах; они не выдерживают проверки данными армянских источников³⁶.

Столь нигилистическая оценка М. В. Левченко трудов Константина Порфирородного не была, однако, принята ни у нас, ни за рубежом, тем более что М. В. Левченко не были доступны критические издания этого автора. Дальнейшее изучение всех произведений Константина Порфирородного поможет сказать новое слово по многим спорным вопросам истории Руси и Византии в первой половине X в.³⁷

М. В. Левченко взялся за пересмотр датировки и локализации такого загадочного памятника, как «Записка греческого топарха». Он предложил совершенно новое, хотя, быть может, также достаточно спорное толкование этого источника. По его мнению, владения топарха располагались не в Крыму, как принято было думать ранее, а в Западном Причерноморье, точнее, в Поднестровье; народом, с которым вел войну греческий топарх, были болгары, а правителем, к которому он был вынужден обратиться за помощью, — русский князь Владимир. Ученый по-своему и датировал «Записку греческого топарха»: она была отнесена не к 60-м годам X в., а к самому концу столетия, ко времени войны византийского императора Василия II Болгаробойцы с болгарским царем Самуилом. Анализ памятника дал возможность М. В. Левченко сделать и еще другой важный вывод: Киевская Русь в княжение Владимира поддерживала тесные связи с Придунайскими странами, где имелось русское население³⁸.

Гипотеза М. В. Левченко о месте и времени действия «Записки греческого топарха» осталась, однако, только гипотезой, она в такой же

³⁶ М. В. Левченко. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. — ВВ, VI, 1953, стр. 11—35.

³⁷ А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов. Рец. на кн. М. В. Левченко стр. 275—277.

³⁸ М. В. Левченко. Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X веке («Записка греческого топарха»). — ВВ, IV, 1951, стр. 42—72.

мере не решала вопрос, как и другие попытки идентифицировать известия этого памятника.

Одна из них принадлежит М. А. Шангину, который, как известно, внес наиболее ценный вклад в науку своими исследованиями греческих астрологических рукописей. В работе об их роли в истории византийской образованности М. А. Шангин доказывал, насколько достоверны данные астрологических памятников и каким образом они могут быть использованы в качестве исторического источника³⁹. На основе астрономических вычислений М. А. Шангин предложил собственное, оригинальное толкование событий, описанных в «Записке греческого топарха». Он пришел к выводу, что описанные в «Записке» факты можно отнести к зиме 971 г. Правитель, царствующий на север от Дуная, не кто иной, как русский князь Святослав, «климаты» топарха находятся на Балканском полуострове, но не в Северо-Западной Болгарии, а на реке Мсте. Данные «Записки греческого топарха» подтверждают известия русской летописи о том, что зимой 970/71 г. князь Святослав находился в Киеве. Русские князья не вводили своего государственного управления в завоеванных областях, а устанавливали чисто даннические отношения. Так, после завоевания территорий на Балканах Святославом болгарский царь остался царем, а греческий топарх — топархом.

Вместе с тем М. А. Шангин подчеркивал недовольство византийскими властями со стороны местного населения Балканского полуострова⁴⁰. На наш взгляд, нельзя отвергнуть окончательно ни теорию готского происхождения «Записки», относящую ее действия к войне готов и хазар в Крыму в 863 г., ни той точки зрения, которая приурочивает события, рассказанные топархом, к походам Святослава в Болгарию^{40а}. Лишь открытие каких-либо новых материалов поможет разрешению спора, который тянется уже десятилетия.

Русско-византийские отношения при князе Владимире и вопрос о крещении Руси, естественно, были традиционной темой исследований русских и советских историков^{40б}. Их рассмотрением занялись и византилисты.

М. В. Левченко высказал интересные наблюдения относительно союза Византии и Руси при Владимире, обусловленного помощью русских войск императору Василию II против мятежа непокорных феодалов. Историк расценивал крещение Руси как акт большой государственной мудрости Владимира, поскольку оно способствовало единству молодого русского государства и росту его международного пре-

³⁹ М. А. Шангин. О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний.— ИАН СССР, сер. VII, 1930, № 5, стр. 307—317.

⁴⁰ М. А. Шангин. «Записка греческого топарха», как источник о войне русских на Балканах 970 г. и зимой 971 г.— ИЖ, 1941, № 9, стр. 120—123.

^{40а} Г. Г. Литаврин. Записка греческого топарха. В кн. «Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.)». Изд. МГУ, 1957, стр. 114—130.

^{40б} С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси.— ИМ, 1937, кн. 2, стр. 40—77; Р. В. Жданов. Крещение Руси и Начальная летопись.— ИЗ, 1939, № 5, стр. 3—30; В. А. Пархоменко. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство.— УЗ ЛГУ, серия ист. наук, № 73, 1941, вып. 8, стр. 203—214 и др.

стижа. Христианизация Киевской Руси, справедливо указывал М. В. Левченко, была явлением прогрессивным, ибо она приобщала Русь к более высокой, византийской культуре. Положительные результаты крещение Руси имело и для Византии: империя приобретала нового могущественного союзника, спасаясь тем самым от угрозы изоляции в своей вековой борьбе с западноевропейскими государствами и восточномусουλманским миром⁴¹. Однако М. В. Левченко недостаточно оттенил опасность, грозившую Руси со стороны Византии, которая всегда связывала постоянные притязания на церковную супрематию с тайными замыслами установления политического господства над христианизированными народами.

Многочисленные этюды М. В. Левченко, посвященные русско-византийским связям, были обобщены в его труде «Очерки по истории русско-византийских отношений», вышедшем в свет уже после смерти автора⁴² (см. ниже, стр. 229).

Политические и культурные связи Византии с Московской Русью детально исследовал М. Н. Тихомиров в работе «Византия и Московская Русь»^{42а}. В этом исследовании автор показал, что, несмотря на свою отдаленность, Москва в XIV в. поддерживала более тесные связи с Константинополем, чем другие русские города. Взаимное культурное общение было плодотворно как для Московской Руси, так и для Византии. Однако все попытки Византийской империи подчинить Московскую Русь своему политическому влиянию через посредство греческого духовенства наталкивались на решительное сопротивление — Московская Русь успешно отстояла независимость своей церкви от притязаний Византии. Более того, слабевшая с конца XIV и в XV в. империя ромеев сама все чаще и чаще должна была обращаться за помощью к Русскому государству. В XV в. связи между Москвой и Константинополем по мере умирания самой Византийской державы тоже стали постепенно угасать. После падения Византии место греков в Москве в качестве учителей культуры и науки заняли южные славяне⁴³.

С принятием на Руси христианства и установлением более тесных церковных и политических отношений между Древнерусским государством и Византией стали значительно более интенсивными и русско-византийские культурные связи. Перед византинистами и историками русской культуры постоянно вставал волнующий и крайне сложный вопрос о «византийском влиянии» на культуру Древней Руси. В его разрешении ученые нередко впадали в крайности: одни преувеличивали

⁴¹ М. В. Левченко. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире. — ВВ, VII, 1953, стр. 194—223.

⁴² М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

^{42а} М. Н. Тихомиров. Византия и Московская Русь — ВАН СССР, 1944, № 7—8, стр. 112—113; его же. Византия и Московская Русь. — ИЖ, 1945, № 1—2, стр. 9—13.

⁴³ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами в XIV—XVI веках. — ИЖ, 1941, № 12, стр. 71—78; его же. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время, стр. 62—70; его же. Москва и культурное развитие русского народа в XIV—XVII вв. — ВИ, 1947, № 9, стр. 3—18.

влияние византийской цивилизации на Русь и другие народы, другие, наоборот, преуменьшали его или даже совсем отрицали⁴⁴.

Большинство советских ученых заняли в этом вековом споре более правильную позицию. Не отрицая значительного вклада Византии в политическую и культурную жизнь славянских стран, наши ученые в то же время выявили сравнительно высокий уровень общественного, политического и культурного развития славянских народов еще в раннее средневековье. Так, Б. А. Рыбаков в своем капитальном труде «Ремесло Древней Руси»⁴⁵ на основе анализа письменных памятников и обильного археологического материала доказал, что к IX—X вв. материальная и духовная культура Киевского государства достигла высокого уровня. М. Н. Тихомиров в своих талантливых работах открыл перед читателем мир кипучей жизни древнерусских городов, с их высокой и многоликой культурой и образованностью⁴⁶.

Советские историки показали, что византийское влияние в различных сферах материальной и духовной культуры Древней Руси проявлялось с неодинаковой интенсивностью. Порою оно было действенным, подчас же — поверхностным, как бы наложенным тонким слоем на самобытную русскую культуру. Глубина византийского влияния зависела не только от активности самого византийского государства и церкви, но и от уровня развития дохристианской народной культуры на Руси. Наиболее эффективным византийское влияние было в сфере церковной идеологии, слабее проявлялось в области светской культуры.

Так, совершенно различным было указанное влияние на церковное и светское право Древней Руси: если в церковной организации господствовали нормы византийского канонического права⁴⁷, то развитие светского права на Руси пошло своим путем, определявшимся общественными отношениями в самом Древнерусском государстве, чему наиболее ярким примером может служить знаменитая «Русская правда»⁴⁸.

⁴⁴ Н. И. Брунов. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры. — ВВ, III, 1950, стр. 154—200; эта статья, пожалуй, наиболее яркий пример отрицания византийского влияния на культуру, в частности на зодчество Киевской Руси. По мнению автора, София Киевская не только была построена русскими мастерами, но и ее архитектура генетически восходит к славянским прототипам и не связана с византийской.

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; его же. Начало русского государства (представления летописцев о Руси VI—IX вв.). — ВМГУ, 1955, № 4—5, стр. 57—77.

⁴⁶ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города X—XIII вв. до монгольского нашествия. — ДИСИФ МГУ, вып. 3, 1945, стр. 33—37; его же. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI—XV вв.). — ВИ, 1945, № 1, стр. 22—33; его же. Ремесленники и ремесленные объединения в Киевской Руси. — УЗ МГУ, вып. 87, 1946, стр. 22—37; его же. Древнерусские города. — УЗ МГУ, вып. 99, 1946, стр. 3—254; его же. Древнерусские города. М., 1956; особый интерес для нашей темы имеет VII глава книги («Городская культура» — стр. 261—282).

⁴⁷ Памятники русского права, вып. 1, под ред. С. В. Юшкова; Памятники права Киевского государства X—XII ст. Составил А. А. Зимин. М., 1952.

⁴⁸ Правда Русская. Изд. текстов под ред. Б. Д. Грекова. т. 1. М.—Л., 1940; т. 2. М.—Л., 1947; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941; его же. Русская правда (К 200-летию открытия памятника). — ИМ, 1938, кн. 5, стр. 138—155; его же. Крестининский список Русской правды. — ПИШ, 1940, стр. 398—400; Русская правда. Вступительная статья и комментарий М. Н. Тихомирова. М., 1941; М. Д. Приселков. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской прав-

И это вполне естественно, ибо различия в общественных отношениях Руси и Византии были столь велики, что не могло быть и речи о перенесении в готовом виде на русскую почву византийских правовых норм.

Ценный вклад был внесен русскими и советскими учеными в разработку русско-византийских связей в сфере развития языка, письменности и литературы. Прежде всего заслуживает внимания гипотеза, что к XI в. на Руси в основном завершается процесс складывания древнерусского литературного языка; и хотя общение с Византией способствовало появлению в русском языке многочисленных гречизмов, однако не задевало глубинных процессов языкового развития ⁴⁹.

Внимание исследователей привлекал вопрос славянской письменности. Ученые десятилетиями продолжают спорить о ее происхождении и о соотношении кириллицы и глаголицы. Не вдаваясь в подробности этого спора, отметим лишь, что все исследователи признают значительный вклад византийской культуры в формирование письменности славянских народов. Важна при этом не только деятельность Кирилла и Мефодия по оформлению славянской азбуки и переводу богослужебных книг на славянские языки, но и непосредственная связь греческого и славянского письма. На конкретном палеографическом материале эту связь проследила Е. Э. Гранстрем, доказавшая вместе с тем, что кирилловский устав не был простым сколком с византийского унциала, а его творческой переработкой на основе графического искусства самих славянских народов ⁵⁰.

Ценные эпиграфические открытия 40-х годов позволили советским археологам и историкам установить, что письменность была распространена на Руси уже в очень ранний период. Так, Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров обследовали уникальную находку древнейшей русской надписи, обнаруженную в селе Гнездове под Смоленском. Они датировали эту надпись примерно первой четвертью X в., доказав тем самым появление письменности на Руси в столь отдаленную эпоху ⁵¹. Другие памятники древнерусской эпиграфики ⁵² — живые свидетели того, что уже в XI—XIII вв., как показал М. Н. Тихомиров, грамотность перестала быть исключительной привилегией узкого круга светской знати и

ды». — ИЗ, № 16, 1945, стр. 238—250; Л. В. Черепнин. Русская правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. В кн. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 89—99; А. А. Зимин. К истории текста краткой редакции Русской правды. — ТМИАИ, т. VII, 1954, стр. 155—208; З. В. Удалцова. Русско-византийские культурные связи. В кн. «The Proceedings of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies», p. 83—85.

⁴⁹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946; Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. УЗ ЛенПИ, т. 80, 1949.

⁵⁰ Е. Э. Гранстрем. О связи кирилловского устава с византийским унциалом. — ВВ, III, 1950, стр. 218—229; ср.: Д. С. Лихачев. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. — ВИ, 1951, № 12, стр. 30—54.

⁵¹ Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. — ВАН СССР, 1950, № 4, стр. 71—79.

⁵² А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М., 1952; Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.

духовенства, но стала проникать в широкие слои городского населения⁵³.

Берестяные грамоты, найденные в начале 50-х годов А. В. Арциховским и другими учеными в Новгороде, воскресили доселе неизвестную область русской светской бытовой письменности⁵⁴.

Совершенно самостоятельный и чрезвычайно важный раздел советской исторической и литературоведческой науки представляло изучение истории возникновения и развития древнерусской литературы всех жанров и направлений. Велики заслуги в этой области таких выдающихся советских ученых, как Д. С. Лихачев⁵⁵, Н. К. Гудзий⁵⁶, А. С. Орлов⁵⁷, И. Е. Еремин⁵⁸, Н. А. Мещерский⁵⁹, В. Д. Кузьмина⁶⁰, В. П. Адрианова-Перетц⁶¹ и многие другие.

Уже в изучаемый нами период ставился и вопрос о влиянии византийской культуры на древнерусскую литературу. Д. С. Лихачев, не отрицая воздействия византийской цивилизации на русскую культуру в целом и литературу в частности, вместе с тем подчеркнул,

⁵³ М. Н. Тихомиров. Городская письменность в Древней Руси XI—XIII вв.—ТОДРЛ, IX, 1953, стр. 51—66.

⁵⁴ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951—1954 гг.). М., 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (о последующих открытиях см. ниже); М. Н. Тихомиров. Первый русский букварь.—НМ, 1956, № 5, стр. 268—272.

⁵⁵ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.—Л., 1945; его же. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в.—ТОДРЛ, VI, 1948, стр. 100—110; его же. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947; его же. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве.—ТОДРЛ, V, 1947, стр. 139—141; его же. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова.—ИАН СССР, отд. лит. и яз., 1946, т. V, вып. 5, стр. 418—428; его же. О летописном периоде русской историографии.—ВИ, 1948, № 9, стр. 21—40; его же. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952; его же. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.). В кн. «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953, стр. 141—216; его же. Изображение людей в летописи XII—XIII вв.—ТОДРЛ, X, 1954, стр. 7—43 и др.

⁵⁶ Н. К. Гудзий. Зарождение и становление московской литературы.—ВМГУ, 1947, № 9, стр. 97—107.

⁵⁷ А. С. Орлов. Древняя русская литература X—XVII вв. М.—Л., 1945; его же. Героические темы древней русской литературы. М.—Л., 1945, и др.

⁵⁸ И. П. Еремин. Повесть временных лет и проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947; его же. Киевская летопись как памятник литературы.—ТОДРЛ, VII, 1949, стр. 67—97; его же. Из истории древнерусской публицистики. М., 1935.

⁵⁹ Н. А. Мещерский. Из наблюдений над древнерусским переводом «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.—Доклады АН СССР, серия В, № 2. Л., 1930, стр. 19—25; его же. К вопросу об источниках Повести временных лет.—ТОДРЛ, XIII, 1957, стр. 57—65; о других работах этого автора см. ниже.

⁶⁰ В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние. М., 1962 (там же библиография.)

⁶¹ История русской литературы, т. I (XI—половина XIII в.), под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия. М., 1941; т. II (1220—1580). М.—Л., 1945; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия.—ТОДРЛ, VIII, 1951, стр. 95—137.

что восприятие на Руси XI—XIII вв. элементов византийской образованности стимулировало дальнейшее прогрессивное развитие русского феодального общества, отвечало его внутренним потребностям, обогащало его художественное творчество. Византийские образцы, однако, подвергались на Руси глубокой переработке и самостоятельному переосмыслению⁶².

Древнерусская литература в XI—XIII вв. переживала яркий расцвет; в ней происходил сложный, изменчивый, порою противоречивый, но живой процесс становления и развития новых жанров, новых стилистических направлений, нового художественного восприятия мира. Важные импульсы, стимулировавшие этот процесс, шли из Византии (иногда через посредство южных славян). Но столь высокого взлета литература Древней Руси могла достигнуть потому, что влияние изысканной византийской культуры попадало на благодатную почву: ведь еще до принятия христианства восточные славяне создали прекрасные произведения устного народного творчества⁶³.

Таковы в общих чертах выводы советских ученых 50-х годов о влиянии византийской цивилизации на литературу Древнерусского государства.

Исследования частного характера, посвященные различным аспектам истории русской культуры⁶⁴ и ее связей с соседними народами, в том числе с Византией, помогли советским ученым создать в конце 40-х — начале 50-х годов фундаментальный коллективный труд «История культуры Древней Руси». В его написании приняли участие ведущие историки, археологи и искусствоведы того времени⁶⁵.

Обилие свежего, красочного материала, талантливое изложение, глубина исследовательской мысли, разнообразие художественной палитры и широта диапазона в изображении истории материальной культуры, письменности, языка, литературы, музыки, народного творчества, права, изобразительного искусства (зодчество, живопись, прикладное искусство) делают этот труд выдающимся явлением своего времени. Не все в этом произведении равноценно, иногда встречаются натяжки, излишнее стремление перенести акцент на самобытность русской культуры. Но в целом у читателя остается от этой книги неизгладимое впечатление о богатстве, многообразии и гуманизме русской культуры древнего периода истории нашей Родины.

⁶² Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы (глава «К вопросу о „византизмом влиянии“ на Руси»), стр. 119—129.

⁶³ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947; А. И. Никифоров. Фольклор Киевского периода.— В кн. «История русской литературы», т. 1. М.—Л., 1941.

⁶⁴ Д. С. Лихачев. Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром.— ИЖ, 1943, № 7, стр. 28—35; его же. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.). М., 1946; его же. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л., 1945; Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л., 1947; Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М.—Л., 1944; Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. 1 изд. Л., 1947; 2 изд. М.—Л., 1968.

⁶⁵ История культуры Древней Руси. Под общей ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. Т. I, М.—Л., 1948; т. II. М.—Л., 1951. Ред.: М. Н. Тихомиров. Древнейшая культура русского народа.— НМ, 1952, № 8, стр. 278—281.

В «Истории культуры Древней Руси» не обойден и сложный вопрос о влиянии византийской цивилизации. Авторы указывали, что установление тесных культурных связей Руси с Византией являлось осознанным с обеих сторон процессом; для правящего феодального класса Древней Руси это было обращением к культуре самой передовой страны Европы, обращением к самым высоким, наиболее изысканным образцам. «И эта культура была по росту русскому народу и отвечала высоким запросам его развития»⁶⁶.

Отношения Византии с южными и западными славянами

Если взаимоотношения Византии и Руси были одной из ведущих тем исследований 40—50-х годов, то связей Византийской империи с другими славянскими народами историки почти не касались. За исключением проблемы этногенеза славян и их роли в формировании византийского феодализма, о чем было сказано выше, в советской историографии тех лет появлялось мало работ по этой тематике⁶⁷.

Проблема «Византия и южные славяне» в той или иной степени рассматривалась в обобщающих трудах по истории Сербии и Болгарии⁶⁸. Для византинистов представляют интерес и славистические исследования, относящиеся преимущественно к внутренней социально-экономической истории южнославянских стран, поскольку последние содержит некоторые исторические параллели общественному развитию самой Византии⁶⁹. В большинстве этих работ, однако, византийские источники, в частности актовый материал, использованы недостаточно интенсивно.

Для характеристики международной жизни средневековья, в которой Византии принадлежало видное место, немаловажное значение имели также исследования по истории межславянских политических и куль-

⁶⁶ История культуры Древней Руси, т. II, стр. 514.

⁶⁷ О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики. М.—Л., 1968, стр. 205—231; М. А. Шангин. История славян в трудах русских византинистов.—ИЖ, 1941, № 12, стр. 134—136; К. В. Хвостова. История южных славян в VI—XV вв. в советской исторической литературе 1950—1957 гг.—ВВ, XV, 1959, стр. 185—195; В. Д. Корольюк и И. А. Хренов. Итоги и задачи славистических исследований в СССР.—ВИ, 1960, № 6, стр. 117—135.

⁶⁸ Ю. В. Готье. Образование Сербского государства.—СлС. 1947, стр. 5—44; Н. С. Державин. История Болгарии, т. I—II. М.—Л., 1945—1947; История Болгарии, под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина и Л. Б. Валева, т. I. М., 1954. Рец. на т. I: З. В. Удадьцова и А. А. Попова.—ВВ, XI, 1956, стр. 295—302.

⁶⁹ Е. А. Ефремов. Развитие феодальных отношений в Хорватии в X—XI вв. Автореф. канд. дисс. Л., 1954; А. З. Нюркаева. Положение крестьян в Сербии в XII—XIV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1955; А. Х. Соколовский. Феодальная вотчина в Южной Сербии в XII—XIV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1954; его же. Феодальная вотчина в Южной Сербии в XII—XIV вв.—КСИС, № 17, 1955, стр. 71—77; Л. А. Шаферова. Сербское крестьянство XIII—первой половины XIV в. Автореф. канд. дисс. Л., 1950; ее же. Сербское крестьянство XIII—первой половины XIV в.—УЗ Краснояр. ГПИ, 1957, т. IX, вып. 1, стр. 215—236; С. П. Боброва. Феодальное землевладение Сербии в XII—первой половине XIV в. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1956.

гурных связей⁷⁰. По-прежнему в этот период дебатировались и некоторые спорные проблемы ранней истории Болгарии, например об этнической принадлежности протоболгар⁷¹.

Собственно византиноведческие исследования тех лет касались таких вопросов, где внутренняя история славян тесно переплеталась с развитием самого византийского общества и разрешение которых было возможно лишь на основе обследования греческих источников.

В своей кандидатской диссертации Р. А. Наследова, детально проанализировав хронику Иоанна Камениаты и другие византийские памятники, убедительно доказала, что македонские славяне, жившие близ Фессалоники еще в X в., не были ассимилированы греками и сохраняли известную независимость от византийского правительства⁷².

Г. Г. Литаврин избрал темой своей кандидатской диссертации борьбу болгарского народа против византийского ига в XI—XII вв.⁷³ На основе известий многочисленных византийских и отчасти славянских источников он проследил процесс окончательного торжества феодализма в Болгарии, оформление иммунитета и вассалитета, закрепощение большей части крестьянства. Интересны наблюдения автора об эволюции ренты — уменьшении отработочной и возрастании продуктовой. Много ценных соображений высказано относительно положения различных категорий крестьянства, развития классовой борьбы, часто сливавшейся с народно-освободительным движением против Византии. Конечный вывод автора состоит в том, что византийское завоевание ухудшило положение болгарского народа.

Привлекла внимание советских исследователей и жемчужина Адриатического Поморья — «вольный» славянский город Дубровник. Н. П. Соколов высказал интересную гипотезу о времени и причинах установления венецианской супрематии над Дубровником. Отвергнув датировку этого события XI в., он отстаивал точку зрения, согласно которой подчинение Дубровника власти венецианских дождей произошло непосредственно вслед за образованием Латинской империи в начале XIII в. и превращением Венеции в средиземноморскую державу. Причинами потери Дубровником независимости были отсутствие единства в среде патрициата города и борьба между сторонниками и противниками союза с Венецией^{73а}.

А. П. Каждан исследовал внутреннюю организацию ремесла и торговли в Дубровнике. По его мнению, основной формой объединения ре-

⁷⁰ Ю. В. Готье. Русские на Балканском полуострове в XI—XIV вв. — УЗ МГПИ, серия ист., 1939, т. 4, вып. 2, стр. 3—9; М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в., стр. 125—201.

⁷¹ М. Н. Тихомиров. Именник болгарских князей. — ВДИ, 1946, № 3, стр. 81—90; А. Карасик. Древнейшая Болгарская летопись. — ВИ, 1950, № 5, стр. 114—118.

⁷² Р. А. Наследова. Город Фессалоники и македонские славяне (по данным Иоанна Камениаты). Автореф. канд. дисс. Л., 1954.

⁷³ Г. Г. Литаврин. Борьба болгарского народа против византийского ига (XI—XII вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1954; его же. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. — УЗИС, 1956, № 14, стр. 226—250.

^{73а} Н. П. Соколов. Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником. — УЗ ГПИ, ист. фак., вып. 13, 1950, стр. 139—155; его же. Возникновение адриатического вопроса. — УЗ ГГУ, вып. 43, 1957, стр. 89—108.

месленников в этом городе были братства, а не цехи, и построены они были по территориальному, а не по профессиональному признаку. Специфика ремесленного производства в Дубровнике состояла, как полагал ученый, в значительном применении наемного труда. А. П. Каждый рассмотрел положение отдельных категорий наемных работников (подмастерья, слуги, батраки), а также изучил формы оплаты наемного труда в XIV в.⁷⁴

З. В. Удальцова, опираясь на данные поздневизантийских историков, в первую очередь Критовула, попыталась определить основные черты экономического развития южнославянских и других народов Балканского полуострова в XV в. Вопреки мнению буржуазных ученых она пришла к заключению о достаточно высоком уровне экономики Сербии и Болгарии, о наличии на Балканском полуострове накануне турецкого завоевания больших городов, где кипела торгово-ремесленная жизнь и существовала своеобразная культура. Исключение составляла лишь горная Албания; в ней преобладало пастушеское скотоводство, а вместо городов высились неприступные крепости. Сведения византийских авторов, достаточно достоверные, помогают покончить с легендой об извечной экономической отсталости государств Балканского региона⁷⁵.

Взаимоотношения Византии с западными славянами долгое время оставались, да, к сожалению, и поныне остаются, той областью истории, которой советское византиноведение еще не касалось. Среди работ 40—50-х гг. можно указать лишь на статьи Н. П. Грацианского (1886—1945) и Ф. М. Россейкина (1879—1951) по кирилло-мефодиевской проблеме. Известный медиевист Н. П. Грацианский в последние годы жизни плодотворно исследовал историю борьбы западнославянских народов против немецкой агрессии⁷⁶. В связи с этой большой темой он рассмотрел деятельность Кирилла и Мефодия в Великоморавском княжестве, подчеркнув прогрессивность их попыток противопоставить Константинополь Риму для установления богослужения на славянском языке и проведения более гибкой политики в отношении славян⁷⁷.

Ф. М. Россейкин, много лет посвятивший изучению жизни и трудов патриарха Фотия, интересовался также христианизацией западных славян и миссией Кирилла и Мефодия. Критикуя ошибочные теории буржуазных историков, особенно Ф. Дворника, А. Брюкнера, Э. Хонигмана, Ф. М. Россейкин дал собственное позитивное решение ряда спорных вопросов. Причины христианизации, по его мнению, и для Византии, и для Моравии были не столько религиозного и культурного характера (распространение византийской культуры среди варварских народов), сколько политического. Византия стремилась распространить на Моравию свое политическое и церковное влияние; князь Ростислав и феодализировавшаяся знать Моравии видели в христианстве идеологическое оправдание своего господства⁷⁸.

⁷⁴ А. П. Каждый. Наемный труд в Дубровнике в XIV в. — КСИС, № 17, 1955, стр. 36—45.

⁷⁵ З. В. Удальцова. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке. — ВВ, IV, 1951, стр. 91—121.

⁷⁶ О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики, стр. 212.

⁷⁷ Н. П. Грацианский. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве. — ВИ, 1945, № 1, стр. 84—105.

⁷⁸ Ф. М. Россейкин. Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в. — ВВ, III, 1950, стр. 245—257.

Византия и народы Крыма, Закавказья и Средней Азии

История средневекового Крыма издавна манила к себе русских историков, археологов, эпиграфистов. В разработку проблем средневековой Таврики и ее связей с Византией немалый вклад внесли В. Г. Васильевский, В. В. Латышев, Ф. И. Успенский, С. П. Шестаков, Ю. А. Кулаковский, А. Н. Ламбин, А. Л. Бертье-Делагард, К. К. Косцюшко-Валюжинич и многие другие ученые⁷⁹.

Советские историки и археологи, продолжая лучшие традиции русской дореволюционной исследовательской мысли, многие годы систематически ведут археологические изыскания в Крыму и на основании известных письменных источников, данных археологии, эпиграфики, нумизматики стремятся воссоздать картину реальной жизни средневековой Таврики и оплота Византии в Крыму — Херсонеса (именуемого средневековыми авторами Херсоном).

В 30—50-х годах раскопки Херсонеса принесли ценные открытия: были обнаружены жилые кварталы города, новые базилики, собран обширный археологический материал, позволяющий выяснить уровень развития ряда отраслей ремесленного производства (в частности, керамического), уточнить топографию города⁸⁰, определить его экономические, политические и культурные связи с Малой Азией, Закавказьем, Ближним Востоком, Русью и другими государствами. Изучению внутренней жизни средневекового Херсонеса содействовала и публикация в те годы эпиграфических, сфрагистических и нумизматических материалов⁸¹.

⁷⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, № 63, 1959, стр. 5—16 (введение).

⁸⁰ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. — КСИИМК, вып. 13, 1946, стр. 142—143 (тезисы канд. дисс.). А. Л. Якобсон. Архитектура средневекового Херсонеса (тезисы канд. дисс.). — Там же, стр. 160—162; его же. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Средневековые бани Херсонеса. — СА, 1946, № 8, стр. 261—278; его же. Гончарные печи средневекового Херсонеса. — КСИИМК, 1941, вып. 10, стр. 53—62; его же. Позднесредневековый Херсонес. Рефераты научно-исслед. работ за 1945 г. (АН СССР ОИФ). М. — Л., 1947, стр. 95—97; его же. Раскопки средневековых слоев Херсонеса. (Предварит. сообщение о раскопках в 1941—1948 гг.). — КСИИМК, вып. 35, 1950, 107—121; его же. Раскопки Херсонеса в 1955 г. — КСИИМК, 1957, вып. 7, стр. 86—88; его же. Итоги раскопок в Херсонесе в 1955 г. — СГЭ, 10, 1956, стр. 54—57.

⁸¹ М. А. Шангин издал 15 греческих и латинских надписей, хранящихся в Херсонесском музее, 6 из них — от византийского времени (М. А. Шангин. Некоторые надписи Херсонесского музея. — ВДИ, 1938, № 3, стр. 72—87); А. Ф. Вишнякова дала описание 13 свинцовых печатей херсонесских должностных и духовных лиц VIII—XI вв. и аналогичную им печать русского новоторжского наместника XI в. Эти печати содержат некоторые сведения об управлении Херсономом (А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. — ВДИ, 1939, № 1, стр. 121—133); А. В. Банк датировала и описала найденную в 1940 г. свинцовую печать (моливдовул) XI—XII вв. из Херсонеса. Эта печать скрепляла грамоту крупного сановника — севаста Константина Ксипра (А. В. Банк. Вислая свинцовая печать XI—XII вв. — МИА, 1954, № 34, стр. 296—298); Л. Н. Белова. Неизданные монеты Херсонеса. — СА, VII, 1941, стр. 327.

Особенно интересовали советских ученых политические и культурные связи Херсонеса с Киевской Русью⁸². А. Л. Якобсон в специальной статье попытался охарактеризовать политические отношения византийских императоров и русских князей в Северном Причерноморье во второй половине XI в. При этом он подчеркнул культурное влияние Херсонеса (Корсуня) на население Поднепровья, проявлявшееся в различных сферах общественной жизни. Борьба Византии с Русью за северное побережье Черного моря, по мнению исследователя, являлась преобладающей линией русско-византийских отношений в течение трех веков (X—XIII вв.). Ареной этой борьбы — то дипломатической, то военной — была Таврика, а ее центром — Херсонес⁸³. Мнение А. Л. Якобсона о влиянии Византии на Поднепровье через Херсонес вызвало позднее оживленную полемику и оспаривалось некоторыми учеными.

Наиболее значительным монографическим исследованием тех лет, обобщившим огромный археологический материал, был труд А. Л. Якобсона «Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)»⁸⁴. Археолог по профессии, много лет принимавший участие в археологических раскопках Херсонеса, А. Л. Якобсон сосредоточил свое внимание на осмыслении и классификации находок, позволяющих поставить важные вопросы истории средневекового Херсонеса: социальная топография города, виды и характер ремесленного производства, художественная культура, рожденная в этом византийском городе, где скрещивались и туземные, и византийские культурные влияния. Впервые на основании массового археологического материала удалось установить два квартала города, отличающиеся друг от друга как по типу жилищ, так и по социальному составу населения. В северо-восточной части города был расположен район богатых, красивых домов, примыкавших к парадным кварталам Херсонеса с их монументальными постройками прославленных базилик и общественных зданий. В этом районе, по предположению автора, некогда жили состоятельные горожане, чиновники, знать, крупные торговцы. Другой квартал, выявленный археологами, имел совершенно иной архитектурный и социальный облик: здесь располагались бедные домишки мелких ремесленников, рыбаков, поденщиков, ютившихся на северной окраине Херсонеса, по морскому побережью.

Плодотворен и достаточно аргументирован, на наш взгляд, вывод автора о том, что в XI—XII вв. Херсонес был по преимуществу местом транзитной торговли, а в XIII—XIV вв. превратился в крупный центр ремесленного производства, рынком сбыта для которого служили феодальные княжества и города Юго-Западного Крыма. Работа А. Л. Якобсона проливает свет и на специфику художественной культуры Херсонеса. Изучая различные виды поливной керамики и отдельные произведения прикладного искусства, а также архитектуру города в XII—XIV вв., ученый пришел к заключению о существовании генетических связей между произведениями херсонесских мастеров и

⁸² Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 142—143.

⁸³ А. Л. Якобсон. Херсонес и Киевская Русь в XI в.—ВЛГУ, 1949, № 4, стр. 104—117.

⁸⁴ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).—МИА, № 17, 1950.

художественным творчеством Малой Азии, Трапезунта, Грузии и Армении. Через эти области нити культурных влияний тянулись в Иран, Месопотамию и Сирию. С самой же Византией и с рафинированным столичным искусством Константинополя связи Херсонеса были значительно слабее. Художественная культура Херсонеса, по утверждению автора, несмотря на волны влияний, шедшие с Ближнего Востока, сохранила свою самобытность и не была лишь каким-то сколком своих прославленных образцов.

Книга А. Л. Якобсона в целом была в нашей науке оценена положительно, хотя некоторые специалисты высказывали о ней критические суждения. В качестве главного из ее серьезных недостатков отмечалось слабое освещение вопроса об отношениях между Херсонесом и Русью. По мнению Е. Ч. Скржинской, историческая часть работы, в которой давался краткий очерк политической истории Херсонеса XII—XIV вв., неудачна, ибо автор, по специальности археолог, не сумел достаточно интенсивно использовать письменные памятники. А. Л. Якобсона упрекали также и за переоценку роли Византии в истории средневековой Таврики, и за преувеличение византийского влияния на экономику и культуру Крыма⁸⁵.

В начале 50-х годов в советской исторической науке развернулась острая дискуссия о соотношении местных и иноземных элементов в истории и культуре Крыма.

П. Н. Надинский (1894—1961), а за ним и другие историки Крыма отстаивали теорию прогрессивной роли туземного элемента в Крыму во все исторические эпохи, а пришельцев рассматривали лишь как силу, тормозившую его развитие. П. Н. Надинский пытался также доказать, будто исконным населением Крыма были славяне⁸⁶.

Весной 1952 г. на объединенной сессии ОИФ и Крымского филиала АН СССР были обсуждены спорные вопросы истории Крыма. В докладах академиков Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова и в выступлениях ряда других ученых подчеркивалась недопустимость преувеличения роли готов, хазар, Византии, печенегов, половцев, генуэзцев в истории средневековой Таврики. Что касается византийского владычества в Крыму, то хотя оно, как отмечалось здесь, помогало укреплению экономических и культурных связей Таврики с империей, все же несло с собою тяжелый налоговый и административный гнет для местного населения. Единодушно указывалось на необходимость изучения русско-византийских связей в Таврике.

О времени поселения славян в Крыму не было достигнуто единства мнений; высказывались гипотезы, согласно которым славяне жили в Крыму в III—IV вв. и до VIII в. русское население здесь было значительным. Этот вопрос по существу так и остался открытым⁸⁷.

⁸⁵ Е. Ч. Скржинская. Рец. на кн.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес.— ВВ, VI, 1953, стр. 252—269; З. В. Удалцова, Рец. на ту же работу.— ВИ, 1951, № 8, стр. 136—139.

⁸⁶ П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1952.

⁸⁷ Б. Д. Греков и Ю. В. Бромлей. Изучение истории Крыма.— ВАН СССР, № 8, 1952, стр. 71—75; Б. А. Рыбаков. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. Крымиздат, 1952 (тезисы доклада на сессии по истории Крыма), стр. 3—16; его же. Славяне в Крыму и на Тамани (тезисы доклада). Крымиздат, 1952, стр. 3—15 (Б. А. Рыбаков).

А. Л. Якобсон, труды которого подверглись критике за идеализацию роли Византии в истории средневекового Крыма, в своем ответе рецензентам отчасти пересмотрел свои прежние представления и сформулировал новую точку зрения по этому вопросу. Он подчеркнул двойственную, и прогрессивную, и реакционную, роль Византии в судьбах раннесредневековой Таврики⁸⁸. По его мнению, не следует преувеличивать масштабы и интенсивность экономических связей Херсонеса с Византией. Для Византийской империи Таврика имела в первую очередь военно-стратегическое, а не экономическое значение. Она использовалась для охраны византийского государства с северо-востока и для господства над местным населением, составлявшим резервуар воинских контингентов армии императора.

В основе экономического развития Херсонеса и его окружи лежали местные процессы, происходившие, с точки зрения А. Л. Якобсона, вопреки грабительской политике Византии в Таврике, а отнюдь не благодаря ее господству. Так, экономический подъем Херсонеса в VI и X вв., засвидетельствованный археологическим материалом, был обусловлен прогрессом в экономической жизни земледельческого населения Юго-Западного Крыма. Положительная же миссия Византии в судьбах Таврики проявлялась прежде всего в обороне Херсонеса от нападений варваров-кочевников (гуннов — в VI в., печенегов — в X—XI вв.).

Большую роль в экономическом подъеме Херсонеса в X в. сыграл расцвет его торговли с Русью и печенегами; русские и печенежские товары вывозились из Херсонеса в Малую Азию. Торговые связи с Византией нельзя сбрасывать со счетов при характеристике экономической жизни средневекового Крыма, но доминирующими являлись факторы внутреннего порядка⁸⁹.

Позднее А. Л. Якобсон вновь возвратился и к вопросу об отношениях Херсонеса и Киевской Руси. Он не только внес исправления

в частности, полемизировал с М. И. Артамоновым и И. И. Ляпушкиным, которые отстаивали гипотезу о появлении славян на Дону и в Приазовье не ранее конца X в. или в XI в. (см.: М. И. Артамонов. Очерки древней истории хазар. М.—Л., 1936; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. Автореф. канд. дисс. Л., 1941). Ср.: В. В. Мавродин, Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв.—УЗ ЛенПИ, т. XI, 1938, стр. 231—273; А. Н. Насонов. Тмутарокань в истории Восточной Европы X в.—ИЗ, 1940, № 6, стр. 79—99; см. также: Б. А. Рыбаков. Русь и Хазария. В сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 76—88; Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржеleckий. К вопросу о славянах в Крыму.—ВИ, 1952, № 4, стр. 94—99.

⁸⁸ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики.—СА, XXI, 1954, стр. 148—163. С. Т. Сиротенко пошел еще дальше в отрицании положительной роли Византии в истории Крыма. Рассмотрев довольно поверхностно торговлю и ремесло Херсонеса в V—VI вв., он безуспешно пытался доказать, что в ту эпоху Херсонес был совершенно независим от Византии и связан экономическими нитями прежде всего с областями Причерноморья. Херсонес только изредка обращался к Византии за военной помощью против орд кочевников, однако империя практически ничего не делала для обороны этого города (С. Т. Сиротенко. Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией в V и VI вв. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 3—5).

⁸⁹ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики, стр. 148—163.

в свою работу «Средневековый Херсонес», но и, отвечая рецензентам (Е. Ч. Скржинской и З. В. Удальцовой), сформулировал свои выводы относительно русско-корсунских экономических и культурных связей⁹⁰. В раннесредневековый период, с точки зрения А. Л. Якобсона, культурные и экономические связи Киевской Руси тянулись прямо в Константинополь, минуя Херсонес (Корсунь). В конце X—XI в. русские князья проводили активную внешнюю политику в Северном Причерноморье, но действовали через русский форпост Тмутаракань на Таманском полуострове⁹¹, а за Корсунем оставалось значение лишь перевалочного пункта транзитной торговли. Только с XIII в., когда появилось русское население, бежавшее из городов Поднепровья под угрозой татарского разгрома, Корсунь стал центром постоянных экономических и культурных сношений с Русью.

В 40—50-х годах велись первые археологические изыскания и в других местах Крыма; было обнаружено несколько ценных средневековых укреплений и других археологических памятников⁹².

Раскрытие ряда крепостей в Горной Таврике помогло ученым проследить создание на Юстиниане *limes tauricus* — системы укреплений, защищавших полуостров от нападений варваров, что находит, как известно, подтверждение и в письменных источниках^{92а}.

Систематически публиковались, классифицировались и описывались многочисленные археологические находки Крыма, в частности касающиеся гранчатного производства в средние века⁹³.

⁹⁰ А. Л. Якобсон. К изучению поздне-средневекового Херсонеса (Исправления и дополнения к работе «Средневековый Херсонес»). — МИА, вып. 17, 1950; («Херсонесский сборник», 1959, вып. V, стр. 229—244).

⁹¹ Связи Руси и Византии в X в. в Тмутаракани подтверждаются нумизматическими находками: К. В. Голенко обнаружил на Таманском полуострове, в городище Фанагория, в центре русского Тмутараканского княжества, подражания византийским монетам X—XI вв. (К. В. Голенко. Подражания византийским монетам X—XI вв., найденные на Таманском полуострове. — ВВ, VII, 1953, стр. 269—275). Здесь были обнаружены 9 монет — имитаций солидов Василия II и Константина VIII.

⁹² А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа. — КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 53—63 (открыто укрепление VI в.); его же. Дворец Мангупа. (В древнем Дорос-Феодоро-Мангупе). — МИА, № 34, 1953, стр. 390—418 (обнаружены постройки XIV—XV вв.); его же. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа). — КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 109—120 (поселения VI—X вв.).

^{92а} Мнения специалистов о роли Византии в строительстве этих оборонительных укреплений разошлись: Е. В. Веймарн отрицал политическое господство Византии в Юго-Западной Таврике и считал, что крепости строило местное население против чего выступал Якобсон, указывавший, в частности, что столь грандиозное строительство было под силу только централизованной власти, а не сельской общине (Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермен. В кн.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 50 сл.; его же. Разведки оборонительных стен и некрополя (Мангупа). — МИА, № 34, 1953, стр. 419 сл.; его же. О времени возникновения средневековой крепости Каламита. В кн. «История и археология средневекового Крыма», стр. 55 сл.; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 25—27).

⁹³ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в восточном Крыму. — КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 164—172 (описаны печи VIII—IX вв., обнаруженные в Судакском районе близ села Морского); его же. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации). — СА, 1951, № 15, стр. 325—344; его же. Средневековые гончарные пе-

После Великой Отечественной войны Херсонесский историко-археологический музей стал поистине центром научной работы по открытию, реставрации и обследованию многообразных памятников средневековой культуры Херсонеса и его окружи. Большая и плодотворная творческая работа его сотрудников усложняется и развивается с каждым годом.

В 40—50-х годах известных успехов достигло византиноведение в Армении и Грузии. Много и плодотворно работая над историей своей родины, армянские и грузинские ученые в своих исследованиях касались и проблем взаимоотношений Армении и Грузии с Византией, поскольку эти отношения оказывали значительное влияние на историю их стран⁹⁴.

Одной из центральных проблем, интересовавших в те годы армянских историков, был вопрос о социально-экономическом строе древней и средневековой Армении. Среди ученых происходили серьезные споры о времени падения рабовладельческой системы и зарождения феодализма в Армении⁹⁵. В этой дискуссии, начало которой относится к более раннему времени, наметились две точки зрения: академик Я. А. Манандян и его сторонники «распространяли» феодальные отношения на древний период истории Армении⁹⁶. С. Т. Еремян и его последователи находили в древней Армении рабовладельческое общество, а переход к феодализму датировали III—IV вв. н. э.⁹⁷

В коллективном труде армянских историков «История армянского народа»⁹⁸ принята была вторая концепция; в дальнейшем она стала господствующей, хотя проблема до конца еще не разрешена.

Наряду с социально-экономической историей своей родины армянские ученые изучали экономические, преимущественно торговые, связи средневековой Армении с соседними странами, в том числе с Византией. Я. А. Манандян много сделал для уточнения торговых путей древней и средневековой Армении; он изучал ее города и торговлю

чи в районе Судака (по раскопкам 1953 г.).— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 102—109.

⁹⁴ Е. А. Косминский. Итоги и задачи советского византиноведения, стр. 74—75.

⁹⁵ К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.—IV в. н. э.). М.—Л., 1953, стр. 3—19 (введение).

⁹⁶ Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, ч. I, Ереван, 1945 (на арм. яз.). Рец.: А. Г. Абрамян.—ВДИ, 1948, № 1, стр. 119; Я. А. Манандян. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934 (на арм. яз.).

⁹⁷ С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении.—ВДИ, 1950, № 1, стр. 12—26; его же. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. ИАН Арм. ССР, обществ. науки, 1948, № 11, стр. 33—73; его же. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма.—ВИ, 1951, № 7, стр. 52—73; см. также: Х. Самвелян. Рабство в древней Армении.—ВИИЛ Арм. ССР, кн. II. Ереван, 1938 (на арм. яз.); его же. История древнего армянского права. Ереван, 1939 (на арм. яз.).

⁹⁸ История армянского народа, ч. I. Ереван, 1951. Много сделали для изучения экономической истории Армении и другие историки. См.: А. Н. Зорян. Внутриклассовая борьба в последнем периоде царствования армянских Аршакидов.—ИЗИИЛ Арм. ССР, 1936, кн. I (на арм. яз.); А. Т. Налбандян. Налоговая политика арабов в Армении. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1954 (на арм. яз.); Л. О. Бабамян. Административно-экономическая система и налоговая политика монголов в Армении. Ереван, 1953 (на арм. яз.).

в этих городах в связи с международной торговлей средневековья⁹⁹. Я. А. Манандян занимался также проблемой восстановления системы римских и византийских хлебных мер на Ближнем Востоке на основе данных труда Анании Ширакского «О весах и мерах» (VII в.)¹⁰⁰.

Много и плодотворно работал над созданием новой исторической географии Армении С. Т. Еремян, посвятивший свои исследования выяснению торговых путей в Закавказье в эпоху Сасанидов¹⁰¹. В связи с изучением исторической географии Армении была также написана источниковедческая работа Я. А. Манандяна¹⁰², где ставилась задача выяснить авторство трактата, известного под названием «Армянская география VII в.» Я. А. Манандян установил тождество авторов «Истории Армении» и «Армянской географии» и пришел к выводу, что составителем компилятивного произведения «Армянская география» являлся сам «отец армянской истории» Моисей Хоренский, а вовсе не математик и космограф VII в. Анания Ширакаци, как думали ранее. Однако жил Моисей Хоренский, по утверждению Я. А. Манандяна, в IX, а не в V в.¹⁰³

Я. А. Манандян, кроме того, уточнил ряд фактов, относящихся к истории военных походов византийцев на территории Армении. Так, на основании анализа армянских и греческих источников он восстановил пути, по которым шли войска византийского императора Ираклия в 623—628 гг. (во время войны Византии с Ираном)¹⁰⁴. Занимаясь внутренней историей Армении, Я. А. Манандян обратился к изучению некоторых проблем истории права, в частности вопроса о применении римско-византийских правовых норм на территории Армении и об их соотношении с армянским действующим правом. Он исследовал две новеллы Юстиниана о праве наследования у армян. Издание этих новелл, как убедительно показал ученый, было попыткой византийского правительства распространить римское право в Армении в целях ее романизации. Основные причины, побудившие Юстиниана ввести нормы римского права, прежде всего в области наследования, автор усматривал в том, что император стремился к защите интересов византийской знати. Эти законы давали преимущества ее представителям, женатым на армянках; теперь они получали право на наслед-

⁹⁹ Я. А. Манандян. Города Армении в X—XI столетиях. Ереван, 1940 (на арм. яз.).

¹⁰⁰ Я. А. Манандян. Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен.— ВВ, II (XXVII), 1949, стр. 60—73.

¹⁰¹ С. Т. Еремян. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов.— ВДИ, 1939, № 1, стр. 79—98.

¹⁰² Я. А. Манандян. Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому.— ВВ, I (XXVI), 1947, стр. 127—143.

¹⁰³ О Моисее Хоренском и его трудах в армянской историографии велись длительные споры. Еще К. П. Патканов считал, что «Армянская география» написана Ананией Ширакаци в VII в. Я. А. Манандян, как показано выше, полагал, что Моисей Хоренский жил в IX в. и был автором обоих произведений — «Истории Армении» и «Армянской географии». [Я. А. Манандян. Разрешение проблемы Хоренского. Ереван, 1934 (на арм. яз.); И. А. Кусикьян пришел к выводу, что Моисей Хоренский — все же армянский историк конца V в. (И. К. Кусикьян. Рецензия на издание перевода «Фауста Византийского». — ВВ, X, 1956, стр. 204). Ср. В. К. Чалоян. Естественнаучные воззрения Анании Ширакаци.— ВВ, XII, 1957, стр. 156—171.

¹⁰⁴ Я. А. Манандян. Маршруты персидских походов императора Ираклия.— ВВ, III, 1950, стр. 133—153.

ство и приданое со стороны родственников жены. Я. А. Манандян одновременно отметил, что нормы римского законодательства оказали в конечном счете незначительное влияние на армянское наследственное право, которое сохранило свой семейный характер¹⁰⁵.

Взаимоотношения Византии и Армении в IX—XI вв. были рассмотрены в кандидатской диссертации В. Исакяняна^{105а}.

Исключительным научным доменом армянских историков являлись источниковедческие проблемы, датировка, идентификация и характеристика трудов наиболее выдающихся памятников армянской средневековой исторической и философской мысли.

Много лет, как мы видели, велся спор вокруг Моисея Хоренского. Немало спорных и неясных вопросов возникло и в связи с освещением творчества других «столпов» ранней армянской историографии — Себеоса Багратуни и Фавстоса Бузанда (Фауста Византийского).

С. С. Малхасянц, проанализировав труд епископа Себеоса Багратуни (VII в.), выступил против гипотезы, высказанной ранее, согласно которой первые две части сочинения Себеоса принадлежали какому-то анонимному, более древнему автору. С точки зрения С. С. Малхасянца, все произведение написано одним автором — самим Себеосом. Более того, С. С. Малхасянц пытался доказать, что не труд Себеоса послужил источником для «Истории Армении» Моисея Хоренского, а, напротив, Себеос использовал «Историю» Моисея Хоренского, время создания которой относится исследователем к V в.¹⁰⁶

Большую научную литературу породило и произведение армянского историка V в. — Фавстоса Бузанда (по-армянски Павстос Бузандаци). «История Армении» — первоклассный источник не только внутренней истории страны в IV—V вв., но и по истории армяно-византийских отношений; это сочинение содержит необычайно любопытные сведения о политике Византии в Армении и на Ближнем Востоке, о первых церковных и культурных сношениях между двумя странами.

«История Фавстоса Бузанда» была переведена сперва на современный армянский, а затем на русский язык и вызвала чрезвычайно большой интерес не только арменоведов, но и византинистов^{106а}.

¹⁰⁵ Я. А. Манандян. Новеллы Юстиниана о порядке наследования у армян. — ИАН Арм. ССР, № 5, 1952, стр. 61—71.

^{105а} В. Исакянян. Взаимоотношения Византии и Армении в IX—XI вв. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1952.

¹⁰⁶ С. С. Малхасянц. Историк Себеос (Аноним и Марабас Мцурнийский). — ВВ, II (XXVII), 1949, стр. 94—105; Себеос Багратунийский. «История», перев. К. П. Патканова, СПб., 1879; С. С. Малхасянц. «История епископа Себеоса», перев. с арм. Ст. Малхасянц, Ереван, 1939; ср.: Я. А. Манандян. «Начальная история Армении» Мар-Абаса (К вопросу об источниках Себеоса, Моисея Хоренского и Прокопия Кесарийского). — ПС, 1956, № 2, стр. 69—86).

^{106а} Фавстос Бузанд. История Армении, перев. с древнеарм. и комментарий М. А. Геворкяна. Вступ. статья Л. С. Хачикяна. Ереван, 1953, стр. 239. В кн. «Памятники древней армянской литературы», т. 1. Рец.: И. К. Кусикьян. О русском переводе «Истории Армении» Фауста Византийского. — ВВ, X, 1956, стр. 203—207; А. С. Анасян. О русском переводе «Истории Армении» Фавстоса Бузанда, Ереван, 1954 (на арм. яз.); перевод Фавстоса Бузанда на совр. арм. язык. Ереван, 1947, с пред. С. С. Малхасянца; Л. М. Меликсет-Бек-ков. Следы «Истории Армении» Фауста Византийского в древнегрузинской литературе. — «Сообщения АН Груз. ССР», 1942, г. 3, № 4, стр. 359—356;

Л. М. Меликсет-Бек выдвинул любопытную гипотезу об интерпретации и идентификации армянского религиозно-догматического трактата, известного под названием Псевдо-Исааковых памфлетов. Гипотеза состояла в том, что этот халкедонитский по своей направленности трактат носит антиармянский характер и был якобы написан неким армянином-отщепенцем пресвитером Исааком в IX в.; позднее это сочинение ошибочно приписали армянскому католику XII в. Исааку (Сааку) ¹⁰⁷.

Разнообразный культурно-исторический материал, подчас весьма нужный и византисту, содержат памятные записи на армянских рукописях XIV в., хранящихся в Матенадаране, изданные Л. С. Хачикяном ¹⁰⁸.

Выдающиеся художественные памятники и неповторимые по своей самобытности произведения искусства древней и средневековой Армении изучались с особенной интенсивностью советскими учеными. Из наиболее значительных работ 50-х гг. надо отметить фундаментальный труд К. В. Тревер «Очерки по истории культуры Древней Армении» (II в. до н. э.—IV в. н. э.) ¹⁰⁹ и монографию Н. М. Токарского — «Архитектура древней Армении» ¹¹⁰.

Внимание армянских исследователей привлекала история общественной мысли и философии в Армении в древности и в средние века, особенно ростки идейного свободомыслия, пробивавшиеся сквозь завесу церковности ¹¹¹.

Завершая обзор работ советских ученых по истории византино-армянских связей ¹¹², отметим обобщающий труд Г. Г. Микаэляна по истории Киликийской Армении, представляющий интерес и для византинистов ¹¹³. Хотя не все в этой монографии удовлетворило ее критиков, для своего времени появление столь обстоятельного исследования было значительным событием в историографии.

К. А. Мелик-Оганджян. Эпос Тиран-Тиридата по Павстосу Бузанду.— ИАН Арм. ССР, обществ. науки, 1947, № 6, стр. 59—77 (на арм. яз.) и др.

¹⁰⁷ Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о датировке Псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе.— ВВ, VIII, 1956, стр. 208—223; см. о трудах Л. М. Меликсет-Бека кн. «Полная библиография печатных работ профессора, доктора исторических наук Л. М. Меликсет-Бека». Тбилиси, 1960.

¹⁰⁸ Памятные записи армянских рукописей XIV в., состав. Л. С. Хачикян. Ереван, 1950. Рец.: И. К. Кусикьян.— ВВ, VI, 1953, стр. 284—288.

¹⁰⁹ К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении..., М.— Л., 1953.

¹¹⁰ Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946. Рец.: А. Л. Якобсон.— ВВ, III, 1950, стр. 257—267.

¹¹¹ А. Г. Иоаннисян. Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. 1. Ереван, 1957 (на арм. яз.); Философские труды в армянских рукописях Матенадарана. Кратк. библиогр. указ.— ВМ, 1956, вып. 3, стр. 389—451; А. Г. Иоаннисян. Смбат Зарехаванци, его время и современники.— ВМ, 1956, вып. 3, стр. 7—30 (на арм. яз.); Полный вариант грамматического трактата Давида, публикация Г. Б. Джаукяна.— ВМ, 1956, вып. 3, стр. 241—264 (на арм. яз.).

¹¹² Подробнее о византиноведческих исследованиях в Армении см.: Ш. Р. Арутюнян. Армянская советская историография за сорок лет.— ВИ, 1960, № 7, стр. 101—120; К. Н. Юзбашьян. Вопросы византиноведения на страницах Вестника Матенадарана.— ВВ, XVII, 1960, стр. 236—240.

¹¹³ Г. Г. Микаэлян. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. Рец.: А. Г. Сукиасян и А. Г. Галстян.— ИАН Арм. ССР,

Византиноведение, арменистика, история и филология народов Закавказья составляли предмет научных занятий широкообразованного ученого-эрудита И. К. Кусикьяна. Ему принадлежит один из первых в нашей стране общих курсов по истории Византии для студентов высших учебных заведений¹¹⁴, им было написано много статей и рецензий по разнообразным проблемам истории и лингвистики, в том числе — армяно-византийских отношений¹¹⁵.

Армянские лингвисты уделяли большое внимание выяснению влияния греческого языка на древнеармянский. Так, Р. А. Ачарян пересмотрел вопрос о греческих заимствованиях в армянском языке. Им было найдено 915 заимствованных из греческого языка слов, однако, как он показал, большей частью они представляли собой транскрипцию греческих слов, перевод которых был затруднителен, и не вошли в армянский язык. Лишь 164 из них употребляются в современном армянском языке¹¹⁶.

Историки, филологи и лингвисты Грузии интересовались проблемами византино-грузинских связей в различных сферах общественной жизни. Вопросами византийской и грузинской агиографии и церковной литературы много лет занимался видный грузинский ученый академик К. С. Кекелидзе¹¹⁷.

Обширной была проблематика, разрабатывавшаяся самым крупным грузинским византиноведом, знатоком византийской литературы и средневекового греческого языка — чл.-корр. АН ГрузССР С. Г. Каухчишвили. В его лекциях по истории Византии видное место отводилось византийской культуре и византино-грузинским литературным связям¹¹⁸. С. Г. Каухчишвили, занимавшийся анализом византийской хронографии, выяснил генетические связи ряда византийских и грузинских памятников¹¹⁹. Прекрасный филолог, С. Г. Каухчишвили создал ряд трудов

обществ. науки, 1953, № 7, стр. 77—98; А. З. Ионисиани.— ВИ, 1953, № 5, стр. 120—123; А. Г. Галстян.—ВДИ, 1954, № 8, стр. 112—115; см.: Р. М. Бартикян. Новые материалы о взаимоотношениях между Киликийским армянским государством и Византией.—ВМ, 1958, вып. 4 (на арм. яз.).

¹¹⁴ И. К. Кусикьян. История Византии. Стеклографированный курс лекций. М., 1936.

¹¹⁵ Н. Д. Дашериев. Э. Г. Туманян. Иосиф Карпович Кусикьян.— ИАН СССР, серия лит. и яз., т. 24, вып. 2, 1965, стр. 188—191; ср.: ИФЖ, 1965, № 1, 333 сл. (на арм. яз.).

¹¹⁶ Р. А. Ачарян. Греческие заимствования в армянском языке.—ВВ, II (XXVII), 1949, стр. 308—312.

¹¹⁷ К. С. Кекелидзе. Тимофей Антиохийский, неизвестный сирийский деятель VIII в.—ИИЯИМК, т. VII, 1940 (на груз. яз. и резюме на русск. яз.); его же. Мученичество Орентия и его сподвижников.—ЛР, т. IV. Тбилиси 1948, стр. 93—128 (на груз. яз.); его же. «Кимен». Грузинские агиографические памятники, т. I—II. Тбилиси, 1918—1946 (т. II — византийские памятники) (на груз. яз.); его же. История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1941, стр. 164 (на груз. яз.); изд. 2, 1954 (на русск. яз.); его же. «История и восхваление венценосцев» как литературный источник. В кн. «Руставели». Тбилиси, 1938, стр. 121—158; его же. Византийская метафрастика и грузинская агиография.—ТТбГУ, вып. 31 В, 1947, стр. 19—95 (на груз. яз.); и др. Полную библиографию его трудов см. в кн. «Крупнейший грузинский ученый академик К. С. Кекелидзе (Список трудов)». Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

¹¹⁸ С. Г. Каухчишвили. Лекции по истории Византии, т. 1. Тбилиси, 1949, стр. 216 (на груз. яз.).

¹¹⁹ См., например: С. Г. Каухчишвили. Картлис Цховреба, т. I. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); выясняются и византийские источники этого памятника.

по истории греческой и византийской литератур¹²⁰. Видное место в его научном творчестве принадлежало изучению византийской философии и историографии¹²¹. Интересны эпиграфические этюды ученого, связанные с публикацией и дешифровкой новых памятников¹²².

Значительный вклад С. Г. Каухчишвили в византиноведческую науку и кавказоведение был высоко оценен его коллегами и учениками¹²³.

В центре внимания другого видного грузинского кавказоведа и византиниста — Л. М. Меликсет-Бека, научные интересы которого всегда были весьма широки, находились источниковедческие исследования новых законодательных, агиографических и литературных памятников¹²⁴. Вместе с тем он плодотворно трудился над изучением и многих других проблем истории и культуры Грузии, Армении и Византии.

Заслуги академика Г. Ф. Церетели особенно велики в области издания и исследования византийских и грузинских памятников; он выступил также автором исследований¹²⁵⁻¹²⁷ по греческой палеографии.

Н. Н. Кечакмадзе предметом своих исследований избрала византийскую философию и много лет, вплоть до своей смерти, scrupulously трудилась над сочинениями Прокла Диадоха и Иоанна Итала¹²⁸.

Ш. И. Нуцубидзе, видный специалист по истории философии, на основании анализа многообразных источников выдвинул гипотезу, что автором трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита являлся грузинский философ Петр Ивер. Эта гипотеза вызвала длительную дискуссию как среди специалистов нашей страны, так и за рубежом¹²⁹.

¹²⁰ С. Г. Каухчишвили. Об одном толковании Михаила Пселла.— ИИЯИМК, 1941, т. 2, № 1, стр. 177—179; его же. Византийский роман VI в. «Галактион и Эпистимия». — ИИЯИМК, 1944, т. 14, стр. 359—374; его же. Ефрем Мцире и некоторые вопросы греко-византийской метрики.— ТТбГУ, 27, 1946, стр. 67—74; его же. История греческой литературы, т. II. Тбилиси, 1949, стр. 267—473 (на груз. яз.).

¹²¹ Proclus. The elements of theology. Ed. by E. R. Dodds. Oxford, 1933; С. Г. Каухчишвили. Сведения византийских писателей о Грузии, тт. II—IV. Тбилиси, 1934—1952 (на груз. и греч. яз.).

¹²² С. Г. Каухчишвили. Греческая надпись из Носири.— ТТбГУ, т. 18, 1941, стр. 141—147 (на груз. яз. и резюме на русск. яз.). Надпись византийского времени на развалинах церкви св. Стефана; его же. Новая греческая надпись из Мххета-Самтавро.— САН Груз. ССР, т. 4, 1943, № 6, стр. 577—584 (резюме на русск. яз.).

¹²³ А. В. Урушадзе. Симон Георгиевич Каухчишвили (список научн. трудов). Тбилиси, 1965; ср.: ТТбГУ, т. 114, 1965, стр. 7—11 (на груз. яз.).

¹²⁴ Л. М. Меликсет-Бек. Грузинская версия апокрифической гомилии о Григории Парфянском, приписываемой Иоанну Златоусту.— «Литературные разыскания», т. II, 1944, стр. 39—61 (на груз. яз. и резюме на русск. яз.); его же. Поэма Григориса Ахтамарского «Маринос» и ее прототип.— ИАН Арм. ССР, 1942, № 1—2, стр. 77—89 (на арм. яз.).

¹²⁵⁻¹²⁷ Г. Ф. Церетели. Коридетская рукопись. Тбилиси, 1937, стр. 73 (на русск. яз.).

¹²⁸ Н. Н. Кечакмадзе. «Элементы» Прокла Диадоха. Древнегрузинский перевод. Тбилиси, 1948, 327 стр. (на груз. яз.); его же. К вопросу о языке Иоанна Петрици.— ТТбГУ, 51, 1953, стр. 343—356 (на груз. яз.).

¹²⁹ Ш. И. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942, (на русск. яз.); К. С. Кекеладзе. Проф. Э. Хонигман о Петре Ивере и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита.— ТТбГУ, вып. 63, 1956, стр. 231—245 (на груз. яз. и резюме на русск. яз.). Ш. И. Нуцубидзе занимался также и проблемами византийской литературы: Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956 (на русск. яз.).

Интересовали грузинских историков и внешнеполитические связи Византии со странами Закавказья. Г. К. Гозалишвили осветил борьбу Византии и Ирана из-за Сванетии, Иберии и Лазики¹³⁰. М. Л. Кахадзе рассмотрел вопрос о роли грузин в политической и культурной жизни византийского общества¹³¹. Исследованиям спорных проблем исторической географии, связанных с изучением известий византийских авторов, посвятил свои работы Н. Ю. Ломоури¹³². Интересные открытия и публикации греческих надписей в Грузии принадлежат Т. С. Каухчишвили, крупному специалисту по греческой эпиграфике¹³³.

Грузинские нумизматы сделали ряд важных открытий кладов византийских монет (или подражаний) на территории Грузии, описали, классифицировали их и выдвинули некоторые гипотезы об их происхождении. Д. Г. Капанадзе, например, исследовал грузинские монеты XIII в. — так называемые кирманеули. Автор оспаривал распространенное мнение, что они представляли собой подражания трапезундским аспрам, и утверждал, что трапезундские монеты были подражанием грузинским или же они восходили к какому-то общему источнику, который сначала проник в Грузию¹³⁴.

Т. Я. Абрамишвили принадлежит ряд ценных наблюдений над находками византийских монет в Грузии¹³⁵. Широко известны работы выдающихся грузинских ученых Г. Н. Чубинашвили и Ш. Я. Амиранашвили в области византийского и грузинского искусства.

В своих трудах Г. Н. Чубинашвили проследил тесный обмен культурными влияниями между Грузией и Византией. Вместе с тем он наглядно показал самобытность грузинского искусства: им было выяснено, что храмы Грузии и Армении отличаются своеобразным архитектурным стилем и меньше напоминают архитектурный тип византийских культовых зданий, чем романские постройки Запада¹³⁶.

¹³⁰ Г. К. Гозалишвили. Спэр между Византией и Ираном из-за Сванетии. — ТТбГУ, т. III, 1936, стр. 214—226 (на груз. яз.); его же. Борьба между Византией и Ираном из-за Иберии и Лазики в VI веке. — ТТбГУ, вып. 26, 1944, стр. 87—158 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

¹³¹ М. Л. Кахадзе. Грузины в политической и культурной жизни Византии. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).

¹³² Н. Ю. Ломоури. Город Петра и его местоположение. Труды II научн. конф. студентов вузов. Тбилиси, кн. 1, 1948 (на груз. яз.); его же. К объяснению одного известия Константина Порфирородного. — ТТбГУ, т. 59, 1955 (на груз. яз.).

¹³³ Т. С. Каухчишвили. Греческая надпись из Греми. — ТТбГУ, т. 37, 1949, стр. 225—240 + 2 илл. (на груз. яз.); е е же. Греческая надпись Иоанна Вахтанга. — ИАН Груз. ССР, т. II, 1950, № 6, стр. 393—395; е е же. Греческая надпись Бичвинской мозаики. — САН ГрузССР, т. 16, 1955, № 1, стр. 75—80 + 4 илл. + библ. 18 назв. (на груз. яз.); е е же. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).

¹³⁴ Д. Г. Капанадзе. Так называемые грузинские подражания трапезундским аспрам. — ВВ, III, 1950, стр. 201—210.

¹³⁵ Т. Я. Абрамишвили. Находка византийских золотых монет в Гурджаани. — ВГмГр, т. 18—Б, 1954, стр. 215—222 (на груз. яз.) (найжены монеты IX—XII вв.); е е же. О некоторых деталях на византийских монетах, хранящихся в Государственном музее Грузии. — В кн. «IV научная сессия Гос. музея Грузии, 16—18 мая 1956 г.». Тбилиси, 1956, стр. 17—18 и 30 (на груз. и русск. яз.).

¹³⁶ Г. Н. Чубинашвили. Болнисский Сион. — ИИЯИМК, т. IX, 1940, стр. 1—125 (на русск. яз.); его же. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948

Ш. Я. Амиранашвили, крупнейший специалист по средневековой живописи и прикладному искусству Грузии и Византии, нарисовал в своих трудах широкую картину развития грузинской настенной живописи и ее соотношения с византийским искусством, подчеркнув наличие существенных различий между ними¹³⁷. Интересную монографию написал Ш. Я. Амиранашвили о прикладном искусстве Грузии; автор рассматривал художественное творчество двух золотавателей XII — начала XIII в.¹³⁸ Эта работа ценна для изучения грузинской и византийской торевтики. В фундаментальном труде Ш. Я. Амиранашвили по истории грузинского искусства большое место отводилось описанию взаимовлияний в сфере византийского и грузинского художественного творчества¹³⁹.

Подробный анализ основных этапов развития византиноведения в Грузии в советское время вплоть до конца 50-х годов дан Н. Н. Кечакмадзе¹⁴⁰.

Завершая краткий обзор советского византиноведения в Грузии, хочется отметить, что в своих работах грузинские византиноведы достигли особенно многого в сфере источниковедения, изучения истории общественной мысли и культуры, в области вспомогательных исторических дисциплин; проблемы внутренней истории Византии их интересовали сравнительно меньше — преимущественно в той мере и в тех аспектах, в которых они были связаны с историей средневековой Грузии.

Поистине непреходящее значение для античников, византинистов, русистов и кавказоведов вплоть до наших дней сохраняет публикация В. В. Латышева известий античных и византийских авторов о Кавказе и Северном Причерноморье¹⁴¹. Дополнением к ней служит материал сирийских источников о народах Кавказа, собранный и обобщенный позднее Н. В. Пигулевской¹⁴². Эти публикации стимулировали дальнейшее развитие исследований в сфере изучения проблем кавказоведения и византистики.

Вопросы взаимоотношений Византии со Средней Азией и Азербайджаном изучались в нашей литературе сравнительно слабо. Проникновение византийского влияния в эти страны рассматривалось преиму-

(на русск. яз.); его же. К вопросу о национальной форме в архитектуре прошлого. — «Ars Georgica», т. III. Тбилиси, 1950, стр. 191—200 (на русск. яз.).

¹³⁷ Ш. Я. Амиранашвили. Образ св. Георгия из Хони. — ИВ, кн. 2. Тифлис, 1924, стр. 136—151 (на груз. яз.); его же. Фрагменты грузинской стеной живописи, Ари. Тбилиси, 1925, стр. 25—46; его же. Убиси. Материалы по истории грузинской стеной живописи. Тбилиси, 1929 (на груз. яз.).

¹³⁸ Ш. Я. Амиранашвили. Бека Опизари. Грузинский золотаватель XII — нач. XIII в. Тбилиси, 1956 (на русск. яз.).

¹³⁹ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I. М., 1950 (на русск. яз.).

¹⁴⁰ Н. Н. Кечакмадзе. Византиноведение в советской Грузии. — ВВ, XV, 1959, стр. 195—203.

¹⁴¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1948, № 3, стр. 217—330; № 4, стр. 227—298; 1949, № 3, стр. 205—308; № 4, стр. 227—305; 1952, № 2, стр. 265—323 (переизданная публикация).

¹⁴² Н. В. Пигулевская. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. — ВДИ, 1939, № 1, стр. 107—115; ее же. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941.

щественно на материале нумизматических находок¹⁴³. Известный интерес для разработки данной проблемы имеют работы, посвященные общественному развитию этих областей в средние века¹⁴⁴.

Византия и Восток

Особый раздел советского византиноведения — изучение взаимоотношений Византии со странами Востока. В 40—50-х годах в центре внимания специалистов — византинистов и востоковедов — стояли такие проблемы, как сравнительный анализ общественных отношений двух мировых держав раннего средневековья — Византии и Ирана и политические отношения между ними; Сирия и Месопотамия в системе социальных и политических отношений ранней Византии; Византия и арабы; Византийская империя и другие страны Ближнего и Дальнего Востока.

Долгие годы взаимоотношениями Византии и Ирана занималась И. В. Пигулевская. Ее особенно привлекали широкие перспективы сравнительно-исторического анализа социально-экономической жизни Сасанидского Ирана и Византии. Плодом многолетних разысканий Н. В. Пигулевской, кроме охарактеризованной выше монографии «Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.», явилась серия этюдов, посвященных экономике Ирана и Византии изучаемой эпохи. В проблемной статье о феодальной собственности на землю в Иране она пришла к выводу о неуклонном росте крупного землевладения феодалов в Иране при Сасанидах^{145—147}. Заслуживает внимания очерк Н. В. Пигулевской об экономике Ирана в IV—VI вв., где дается характеристика форм и методов торговли персидских купцов¹⁴⁸. Интересные наблюдения содержат небольшие, но мастерские зарисовки того же автора о производстве шелка в Византии и Иране в IV в.¹⁴⁹

На широком историческом фоне прослежены были Н. В. Пигулевской торговые связи Византии со странами Востока в IV—VI вв. Яркими красками описана борьба Византии с монополией Ирана в сфере торговли шелком, раскрыты попытки империи установить торговые

¹⁴³ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. — ТСраз.ГУ новая серия. Ташкент, 1951, кн. 4, гуман. науки, стр. 91—104; С. А. Вязигин. Византийский солид V в. с городища Новая Ниса. — Изв. Туркм. фил. АН СССР. Ашхабад, 1951, № 3, стр. 90—91; Е. А. Пахомов. Хуршутлинский клад золотых византийских монет XI в. — ИАН Азерб.ССР. Баку, 1952, № 2, стр. 97—100.

¹⁴⁴ Н. В. Пигулевская. Учение о докапиталистических формациях на Ближнем и Среднем Востоке в трудах ленинградских востоковедов. — УЗИБАН, т. XXV, 1960, стр. 192—203; И. П. Петрушевский. Из истории Бухары в XIII в. — УзбГУ, серия востоковед. наук, вып. 38, 1949, стр. 103—118.

^{145—147} Н. В. Пигулевская. К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране. — ВЛГУ, 1956, № 8, стр. 79—84.

¹⁴⁸ Н. В. Пигулевская. Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв. — КСИВАН, 1955, вып. 14, стр. 46—57; e e ж e. Economic Relations in Iran during IV—VI Centuries. — K. R. Cama Oriental Institut (Bombay), 1956, N 38, p. 1—22.

¹⁴⁹ Н. В. Пигулевская. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. — ВВ, X, 1956, стр. 3—8.

сношения с Эфиопией, народами Кавказа, а несколько позднее — с тюркскими племенами ¹⁵⁰.

Занимаясь историей Ирана, Н. В. Пигулевская, кроме персидских источников, всегда привлекала данные греческих и сирийских авторов. В сравнительно-историческом аспекте рассмотрены ею податные реформы Хосроя Ануширвана. Налоговое обложение в Иране, по ее мнению, было построено по византийскому образцу. В то же время Византия заимствовала у Ирана основные черты феодального устройства ¹⁵¹.

Н. В. Пигулевская разрабатывала также историю одного из крупнейших народно-еретических движений в Иране — восстания маздакитов. И при изучении истории этого движения наряду с иранскими, сирийскими и арабскими она обследовала и византийские источники. Ею была особо подчеркнута распространенность в учении маздакитов идеи равенства, генетически восходящей к более ранним еретическим движениям ¹⁵².

Ценный вклад внесла Н. В. Пигулевская в расширение наших представлений об экономической и культурной жизни Сирии и Месопотамии в раннее средневековье. Исследовательница живыми чертами охарактеризовала экономику Сирии по данным так называемого Сирийского Законника. Прежде всего она отметила, что Законник имел повсеместное распространение на Ближнем Востоке в течение всего средневековья. По ее мнению, составление и перевод Законника на сирийский язык относятся к последней четверти V в. В Законник вошли положения римского (доюстиниановского) права, к которым были добавлены некоторые местные юридические установления. Основными социальными институтами, на которые был ориентирован Законник, являлись рабство и колонат. Широкое распространение Сирийского Законника было обусловлено простотой его языка и примитивностью юридической формы ¹⁵³.

Многие годы Н. В. Пигулевская продолжала заниматься историей сирийской культуры, уделяя особое внимание изучению ее роли в развитии культуры стран Ближнего Востока. Этой теме она посвятила несколько источниковедческих и просопографических очерков. Из источниковедческих этюдов Н. В. Пигулевской следует отметить статью об анонимной сирийской уронике времен Сасанидов ¹⁵⁴, а также о постройке города Карка-да-бет-Селох в Месопотамии. Перу того же автора принадлежит красочный очерк обороны городов Месопотамии во время войны Византии и Ирана (преимущественно по данным сирийской хроники Иешу Стилита, с привлечением византийских источников) ¹⁵⁵.

¹⁵⁰ Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.— ВВ, I, 1947, стр. 184—214.

¹⁵¹ Н. В. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосроя АнушERVана.— ВДИ, 1937, № 1, стр. 143—153..

¹⁵² Н. В. Пигулевская. Маздакитское движение.— ИАН СССР, серия ист. и филос., 1944, № 4, стр. 171—181; е е же. Идея равенства в учении маздакитов. В кн. «Из истории социально-политических идей. К 75-летию акад. В. П. Волгина». М., 1955, стр. 97—101.

¹⁵³ Н. В. Пигулевская. Сирийский Законник. (История памятника).— УЗ ЛГУ, серия востоковед. наук, 1952, вып. 3, № 128, стр. 52—63.

¹⁵⁴ Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника о Сасанидах.— ЗИВАН, 1939, т. VII, стр. 55—78.

¹⁵⁵ Н. В. Пигулевская. История основания города Карка-да-бет-Селох.— УЗ ЛГУ, серия востоковед. наук, 1954, вып. 4, № 179, стр. 215—223;

Н. В. Пигулевская издала и описала ранее неизвестную греко-сирийско-арабскую рукопись из собрания манускриптов Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Эта полиглотта, датируемая исследователем второй половиной IX в., представляет собой отрывки из псалтыри. Памятник, по мнению Н. В. Пигулевской, — ценное свидетельство о стремлении арабов и сирийцев познакомиться с греческим языком и греческой образованностью¹⁵⁶.

Из просопографических этюдов Н. В. Пигулевской интересны ее зарисовки портретов видных деятелей сирийской культуры раннего средневековья. Первый этюд посвящен характеристике одного из представителей сирийско-персидской образованности первой половины VI в. — Мар-Абы. Перс по происхождению, но живший в Сирии, Мар-Аба перешел в христианство несторианского толка и воспринял византийскую культуру¹⁵⁷. В другой статье описаны жизнь и деятельность выдающегося сирийского медика начала VI в. Сергия Решайнского¹⁵⁸. Он перевел на сирийский язык труды Галена, а также написал ряд собственных произведений по логике и философии. Это был передовой мыслитель эпохи, строивший свои труды на базе античных знаний. Творчество Сергия Решайнского — неопровержимое свидетельство тесных культурных связей Византии и Востока.

Советские востоковеды создали интересные работы по истории арабов в доисламский период и проследили их взаимоотношения с Византийской империей. Н. В. Пигулевская пролила новый свет на историю арабских племен VI в. Привлекая сирийские источники, она попыталась воссоздать общественные отношения у арабов до зарождения ислама, проследить связи арабов с Византией и Ираном¹⁵⁹. Впоследствии эти работы Н. В. Пигулевской были объединены в ее книге «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.»¹⁶⁰ Видный советский арабист, ныне покойный, Е. А. Беляев выдвинул ряд теоретических проблем, связанных с появлением у арабов феодализма, образованием арабского государства и возникновением ислама¹⁶¹.

В 40—50-х годах началось изучение вопроса торговых, политических и культурных связей Византии с отдаленными странами Африки — Эфиопией и Химьяром. Н. В. Пигулевская в одной из своих статей произвела критический анализ греческих (Прокопий, Малала и др.) и сирийских источников, рассказывающих о войнах между эфиопами и химьяритами в начале VI в. Согласно ее выводам, основные сирий-

ее же. Оборона городов Месопотамии в VI в. — УЗЛГУ, серия ист. наук, 1941, вып. 12, стр. 46—80.

¹⁵⁶ Н. В. Пигулевская. Греко-сиро-арабская псалтырь IX в. — ПС, вып. 1 (63), 1954, стр. 59—90.

¹⁵⁷ Н. В. Пигулевская. Мар-Аба I (К истории культуры VI в. н. э.). — СВост., 1948, № 5, стр. 73—84.

¹⁵⁸ Н. В. Пигулевская. Сирийский врач Сергей Решайнский. — УЗЛГУ, серия востоковед. наук, 1949, вып. 1, стр. 43—64.

¹⁵⁹ Н. В. Пигулевская. Арабы в VI в. по сирийским источникам. — «Труды II сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г.» Л., 1941, стр. 49—70.

¹⁶⁰ См. ниже, стр. 276 сл.

¹⁶¹ Е. А. Беляев. Образование арабского государства и возникновение ислама в VII веке. — «Доклады советской делегации на XXIII Междун. конгрессе востоковедов». М., 1954, стр. 1—26.

ские памятники (послание Симеона Бетаршамского, Книга химьяритов и Мученичество Арефы) сообщают сходные данные об этих войнах, почерпнутые их авторами в столице арабов-лахмидов в 524 г.¹⁶²

Предметом изучения Н. В. Пигулевской являлись торговые связи Византии с Индией и Китаем через Иран, Среднюю Азию, Аравию и Эфиопию. Попутно ею было рассмотрено и внутреннее положение тех стран, по которым пролегали торговые коммуникации. Известно, сколь велико было значение для Византии торговли шелком с государствами Дальнего Востока. Отсюда проистекали упорные попытки империи найти новые пути на Восток, минуя те коммуникации, где господствовали ее торговые конкуренты — персы. Эти поиски новых путей породили стремление Византии установить дипломатические отношения с Эфиопией и Химьяром, что и было осуществлено при Юстиниане. Сближение с этими странами, как показала Н. В. Пигулевская¹⁶³, было важным козырем в борьбе Византии и Ирана за гегемонию в торговле шелком. Для подчинения своему влиянию Эфиопии и Химьяра Византия использовала различные средства, в том числе христианизацию этих стран, распространение в них греко-римского права, византийской культуры и образованности. С этой целью в VI в. в Византии был составлен законодательный сборник, предназначенный для химьяритов, — Законы химьяритов. Анализ памятника привел исследовательницу к выводам, что в основу Законов были положены нормы греко-римского права, но были учтены и местные особенности, в частности семейной жизни. Законы химьяритов предназначались для регулирования хозяйственных и социальных порядков в городе — торгово-ремесленном центре с достаточно развитыми товарно-денежными отношениями, где еще сохранялось рабство и применялся наемный труд. В брачном праве законы стремились защитить моногамную семью и улучшить положение женщины. Намечалось и некоторое смягчение рабства. Законы химьяритов, — по мнению Н. В. Пигулевской, их с большим правом можно было бы назвать «Законы для химьяритов», — в целом отражали отношения, сложившиеся в ранневизантийском городе, с учетом специфики общественного строя Химьяра¹⁶⁴.

В переработанном и дополненном виде эти очерки по истории взаимоотношений Византии с Эфиопией и Химьяром впоследствии вошли в монографию Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию»¹⁶⁵.

Заметным явлением в востоковедческой науке начала 40-х годов была книга В. А. Гордлевского по истории государства сельджукидов в Малой Азии. Прекрасный знаток источников и блестящий эрудит, В. А. Гордлевский создал широкое историческое полотно, на котором запечатлел историю становления, расцвета и гибели малоазийского государства сельджукидов. В XII в. — в пору своего наивысшего могущества — держава сельджукидов в Малой Азии превратилась в крупное,

¹⁶² Н. В. Пигулевская. Первоисточники истории кушито-химьяритских войн. — ВВ, II, 1949, стр. 73—93.

¹⁶³ Н. В. Пигулевская. Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточно-Римской империей. — ВДИ, 1948, № 1, стр. 89—97.

¹⁶⁴ Н. В. Пигулевская. Законы химьяритов. — ВВ, III, 1950, стр. 51—61.

¹⁶⁵ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 215—385.

экономически развитое феодальное государство, изобиловавшее богатыми торгово-ремесленными городами, очагами своеобразной культуры, представлявшей собой амальгаму культурных традиций тюркских народов с цивилизацией коренного населения Малой Азии, в том числе и греческого. Живо описаны в книге внешние сношения сельджуков с соседними странами, в первую очередь с Византией. Книга В. А. Гордлевского для своего времени была поистине выдающимся трудом, в равной мере интересным и для востоковедов, и для византинистов¹⁶⁶.

Определенным вкладом в разработку проблемы связей Византии с отдаленными странами и народами Востока явились нумизматические разыскания начала 40-х годов. Так, С. В. Киселев опубликовал шесть византийских монет, найденных на Алтае: четыре из них относятся к VI в., а две монеты — к X в. Находка засвидетельствовала византино-тюркские связи на протяжении нескольких веков¹⁶⁷.

В заключение заметим, что в 30—50-х годах вне поля зрения советских востоковедов и византинистов оставались еще многие важные проблемы из истории взаимоотношений Византии со странами Востока. К ним можно отнести такие вопросы, как Византия и арабы в эпоху их наиболее близкого общения (в VIII—X вв.), Византия и восточные народы в период крестовых походов и Латинской империи, борьба Византийского государства против натиска турок-османов в XIV—XV вв.

Византия и Запад

В советской византиноведческой науке конца 40-х — первой половины 50-х годов проблема «Византия и Запад» рассматривалась прежде всего в аспекте выяснения внешнеполитических и культурно-исторических связей. Типологическое изучение общего и особенного в социально-экономическом строе, государственной системе и в духовной жизни Византии и Запада еще не было поставлено на повестку дня.

Наиболее пристальное внимание исследователей в те годы было привлечено к эпохам особенно интенсивного общения Византии и Запада. Это были эпоха Комнинов и крестовых походов, период латинского завоевания и время заката империи при Палеологах, когда помощь Запада против турок стала животрепещущим вопросом византийской действительности.

Сложный переплет политических отношений между Византией и Венецией в XII—XIII вв. на фоне международной жизни того времени был детально разработан в исследованиях Н. П. Соколова. Поставив своей целью проследить образование Венецианской колониальной державы¹⁶⁸, исследователь по необходимости столкнулся с проблемой венециано-византийских отношений, поскольку складывание этой державы шло

¹⁶⁶ В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. М., 1941; ср.: изд. 2: В. А. Гордлевский. Избр. соч., т. 1, М., 1960.

¹⁶⁷ С. В. Киселев. Находка античных и византийских монет на Алтае. — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 360—363.

¹⁶⁸ Н. П. Соколов. Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы (XI—XIII вв.). Автореф. докт. дисс. Л., 1953, стр. 31.

преимущественно за счет территорий Византийской империи. Н. П. Соколов по-новому осветил некоторые стороны внешней политики Венеции в XII в. и ее взаимоотношений с Византийской империей. На основе главным образом венецианских и отчасти византийских источников он установил, что причиной торгового соглашения Венеции и Византии при Алексее I Комнине было стремление Адриатической республики захватить гегемонию в транзитной торговле между Востоком и Западом и оттеснить Византию, воспользовавшись ее тяжелым внутренним положением и внешними поражениями. Перед читателем проходили острые перипетии длительной борьбы между Венецией, старавшейся прочно закрепить за собой полученные от Комнинов торговые привилегии, и Византией, пытавшейся всячески освободиться от растущего засилья венецианцев в Константинополе. Несмотря на отдельные успехи византийского правительства в 70-х годах XII в., перевес в этой борьбе явно склонялся на сторону дождей. Венеция, переживавшая экономический подъем, уже к 80-м годам XII в. полностью восстановила и упрочила свои позиции в империи василевсов ¹⁶⁹.

В другой своей статье Н. П. Соколов пересмотрел взаимоотношения Византии и Венеции в конце XII в. Выдвинув тезис о большей достоверности венецианских источников, нежели исторического сочинения Никиты Хониата, он пришел к заключению, что (вопреки рассказу Хониата) после разрыва между Византией и Венецией в 1171 г. венецианцам не удалось восстановить свои позиции в империи вплоть до конца царствования Мануила I Комнина. После же прихода к власти Андроника I отношения Византии с Венецией значительно улучшились. Погром латинян, учиненный в Константинополе в 1182 г., не затронул венецианцев по той простой причине, что их в тот момент не было в столице империи. Заняв престол, Андроник I Комнин восстановил союз с Венецией; он искал ее помощи в борьбе с внешними и внутренними врагами и всячески заигрывал с венецианскими купцами, которым возвратил их былые торговые привилегии ¹⁷⁰.

Видное место в исследованиях Н. П. Соколова занимало выяснение роли Венеции в Четвертом крестовом походе и определение венецианской доли в византийском «наследстве». Сравнение с другими источниками знаменитого договора 1204 г. о разделе территории Византии между победителями, по которому венецианцам предоставлялась «четверть и полчетверти империи Романии», привело исследователя к довольно неожиданным выводам. Оказывается, далеко не все территории, указанные в договоре, реально перешли под власть Венеции, часть их принадлежала ей лишь номинально. Интересный историко-географический экскурс Н. П. Соколова позволяет уточнить размеры реальных

¹⁶⁹ Н. П. Соколов. Восточная политика венецианской плутократии в XII в.— УЗ ГГУ, вып. 18, 1950, стр. 103—156.

¹⁷⁰ Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185).— ВВ, V, 1952, стр. 139—151. М. М. Фрейденберг не только целиком принял выводы Н. П. Соколова, но и положил их в основу своей характеристики правления Андроника Комнина. По его мнению, союз с Венецией оттолкнул от этого императора греческие торгово-ремесленные круги и способствовал в конечном счете его гибели (М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в.— УЗ ВЛГПИ, 1954, стр. 32—49).

владений Венеции в Византии и динамику их изменения в начале XIII в.¹⁷¹

Проследив основные этапы образования венецианской колониальной державы, Н. П. Соколов особо коснулся политики Венеции в Средиземноморье и на Леванте в XIII в.¹⁷² Весьма убедительно был показан также рост богатства и экономического могущества самой метрополии этой державы — Республики св. Марка¹⁷³.

Е. Ч. Скржинская посвятила свои исследования выяснению роли Генуи в истории Византийской империи XIV в. Хрисовулы византийских василевсов, дипломатические документы и важнейший из них — Нимфейский договор 1261 г., сочинения Дуки и Никифора Григоры, мемуары Иоанна Кантакузина и речи Дмитрия Кидона, записки флорентийского купца Франческо Бальдуччи Пеголотти и другие источники дали возможность Е. Ч. Скржинской нарисовать впечатляющую картину постепенного внедрения генуэзцев в Константинополь. Это была обдуманная, упорно и неумолимо проводимая политика Лигурийской республики, направленная в конечном счете на захват византийской торговли в Средиземноморье и укрепление экономических позиций генуэзцев в Византии. Политика эта в немалой степени содействовала гибели империи Палеологов. Генуэзская колония у стен Константинополя — Пера-Галата медленно и верно, по мнению автора, губила великий очаг византийской жизни и культуры и была подобна неизлечимой язве на усталом, теряющем силы для борьбы организме. Враждебная византийцам, Галата в наиболее трудную, но блестящую по живой культуре пору жизни византийского общества послужила существенным фактором среди тех, которые подсекали силы Константинопольской империи. Роль генуэзцев, которую они в течение всего XIV в. играли с азартом — на пользу себе и на погибель Византии, в конечном результате оказалась роковой для судеб последней¹⁷⁴.

В другой своей статье Е. Ч. Скржинская попыталась обобщить исторические данные, содержащиеся в письмах великого итальянского поэта и ученого-гуманиста Петрарки. В его переписке, как выяснила исследовательница, то там, то здесь разбросаны драгоценные крупинки исторических сведений большой достоверности, помогающие уяснить сложные коллизии ожесточенной борьбы генуэзцев и венецианцев за экономическое преобладание в Византийской империи в XIV в. В частности, они позволяют уточнить ход войны между Генуей и Венецией в 1350—1355 гг., которая велась за гегемонию на торговых путях между Востоком и Западом. В этой борьбе двух торговых республик Италии сам Петрарка, как явствует из его переписки, занимал нейтральную позицию общетальянского патриота. Е. Ч. Скржинская суме-

¹⁷¹ Н. П. Соколов. Венецианская доля в византийском «наследстве». — ВВ, VI, 1953, стр. 156—185.

¹⁷² Н. П. Соколов. Колониальная политика Венеции в XIII в. — СВ, V, 1954, стр. 170—195.

¹⁷³ Н. П. Соколов. Метрополия Венецианской колониальной державы во 2-й половине XIII в. — УЗ ГГУ, 1954, вып. 26, стр. 47—74.

¹⁷⁴ Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV веке. — ВВ, I, 1947, стр. 215—234.

ла убедительно доказать, что эпистолярное наследие Петрарки является ценным историческим источником ¹⁷⁵.

Взаимоотношения Византии и Италии в XIV—XV вв. были предметом научных занятий З. В. Удальцовой. Ею была сделана попытка выяснить причины возникновения латинофильского течения в Византии, порожденного в конечном счете развитием экономических и культурных связей империи с Италией в эпоху раннего Ренессанса. На основе анализа византийских и латинских источников — сочинений византийских историков и хронистов XV в. Дуки, Сфрандзи, Критовула и Халкокондила, актов Флорентийского собора, труда Сильвестра Сиропула, речей и писем Виссариона Никейского, произведений Иосифа Мефонского и других латинофилов, а также сочинений церковных деятелей православного направления — Марка Эфесского, Георгия Схолария и их приверженцев она проследила борьбу церковно-политических партий, развернувшуюся вокруг заключения Флорентийской унии. Во время подготовки и в ходе Флорентийского собора, по мнению автора, шла ожесточенная борьба не только между представителями католической и православной церковью, но и между латинофильской и ортодоксальной партиями византийской знати и духовенства. Латинофилы опирались на высших церковных иерархов, придворную аристократию, византийскую интеллигенцию. Они пользовались поддержкой императорского двора, и их политика союза с Западом для отражения турецкой опасности встречала сочувствие у некоторых слоев торгово-ремесленного населения империи, сохранившего экономические связи с Западной Европой. В свою очередь ортодоксы, резко выступавшие против унии, выражали взгляды большинства византийского духовенства, включая и монашество, а также вели усиленную агитацию против католицизма в среде широких народных масс, еще сохранивших память о тяготах латинского завоевания ¹⁷⁶.

Перечисленные исследования (Н. П. Соколова, Е. Ч. Скржинской и З. В. Удальцовой) с очевидностью вскрыли пагубные последствия проникновения итальянцев почти во все сферы экономической жизни империи василевсов. Среди причин гибели Византии не последнее место занимала враждебная ей политика Венеции и Генуи, ослаблявшая византийское государство перед лицом турецких завоевателей.

В 30-х — первой половине 50-х годов советскими учеными изучался еще сравнительно узкий круг вопросов, касающихся проблемы «Византия и Запад»; многие важные аспекты этой проблемы оставались неразработанными. Так, вне поля зрения исследователей находились взаимоотношения Запада и Византии в эпоху раннего средневековья; сходство и отличия в феодальном развитии стран Западной Европы и Византийской империи (особенности генезиса феодализма, феодальных институтов, форм феодальной ренты, категорий зависимых крестьян), в судьбах городов; не нашли еще своих исследователей и такие темы,

¹⁷⁵ Е. Ч. Скржинская. Петрарка о генуэзцах на Леванте. — ВВ, II, 1949, стр. 245—266.

¹⁷⁶ З. В. Удальцова. Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского. — Там же, стр. 294—307; е е же. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. — ВВ, III, 1950, стр. 106—132.

как образование Латинской империи, борьба греческого населения против западноевропейских рыцарей. Все более заметно ощущалась необходимость освещения в сравнительно-историческом плане византийской и западноевропейской культур.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Значительные усилия советских ученых в 30-х — первой половине 50-х годов были направлены на изучение духовной и материальной культуры Византии, ее науки и искусства. История политических и социальных идей, развитие научной мысли, философско-религиозная борьба, без осмысления которой невозможно понять идеологию византийского феодального общества на различных стадиях его развития,— все эти вопросы входили в круг научных интересов наших византинистов.

М. В. Левченко посвятил ряд своих работ борьбе политических идей в ранней Византии. В творчестве риторы IV—V вв. Синесия Киренского он справедливо усмотрел отражение социально-политических конфликтов, волновавших тогда византийское общество. В работе М. В. Левченко был обрисован ранний этап деятельности Синесия, рассказано о его посольстве в Константинополь в 399—402 гг. в качестве представителя куриалов Птолемаиды, дан анализ знаменитой речи «О царстве», произнесенной при дворе императора Аркадия и излагавшей политическую программу провинциальной знати Византии. Автор характеризовал Синесия как выразителя взглядов старой византийской аристократии, заинтересованной в сохранении рабовладельческого строя и централизованного государства¹.

М. В. Левченко полемизировал с теми историками, которые считали мировоззрение Синесия утопичным. В противовес им он полагал, что программа политических реформ, предложенная Синесием в его речи «О царстве», была вполне реалистичной и отражала устремления именно тех группировок рабовладельческого класса, которым удалось предотвратить гибель Восточной Римской империи в V в. Среди этой знати были сильны антиварварские настроения, рос страх перед союзом варваров и живших в империи рабов. Предотвратить этот губительный для ромеев союз, с точки зрения Синесия и его сторонников, могли лишь сплочение высших слоев общества вокруг мудрого императора и создание регулярной армии из коренного населения Византии.

¹ М. В. Левченко. Синезий в Константинополе и его речь «О царстве». — УЗ ЛГУ, серия ист. наук, вып. 18, 1951, стр. 222—249; М. В. Левченко перевел речь Синесия «О царстве» на русский язык; см.: Синезий Киренский. О царстве (перев. и пред. М. В. Левченко). — ВВ, VI, 1953, стр. 327—357. М. Я. Сюзюмов в рецензии на работу М. В. Левченко о Синезии в основном согласился с оценкой мировоззрения этого писателя, данной М. В. Левченко, однако указал, что в его исследовании не отражена в должной мере роль народных масс в событиях, современником которых был Синезий (там же, стр. 279—281).

Аналогичные настроения, как показали советские исследователи, были широко распространены среди рабовладельческой аристократии и интеллигенции других областей римского мира — от Северной Африки, Испании и Галлии до самой Италии. Н. И. Голубцова проследила отклики на движения народных масс и вторжение варваров в произведениях общественной мысли Римской империи в IV—V вв.² Большинству мыслителей и религиозно-политических деятелей той эпохи была, по ее мнению, присуща идея вечности и непреходящего величия Рима, главы всех народов. Вместе с тем, хотя все они видели опасность, грозившую великому Риму от вторгающихся полчищ варваров и восставших народных масс, каждый по-своему искал выхода из трагического положения. Представители языческой оппозиции видели спасение в восстановлении культа древних языческих богов (Симмах), в возрождении неоплатонической философии (Сипесий), в появлении великого полководца (Клавдий Клавдиан, Аммиан Марцеллин).

Широкое хождение в те тяжелые для империи времена имели эсхатологические идеи — конец мира связывали с гибелью некогда могучего Рима. Эти идеи были характерны как для испанского поэта Пруденция, так и для христианских писателей (Амвросий Медиоланский и Иероним).

Н. И. Голубцова выдвинула гипотезу, что столь знаменитое в средние века богословско-философское произведение, как «Град божий» Августина Гиппонского, во многом явилось идейной реакцией на вспышку народно-еретических движений в Римской Африке и нападения варваров на римское государство. Августин, впрочем, был более оптимистичен, чем другие церковные авторы его времени, и искал спасения Рима в христианской религии.

Плодотворна, на наш взгляд, попытка Н. И. Голубцовой выявить социальные факторы, определявшие то или иное идейно-политическое течение в Римской империи IV—V вв. Идейный водораздел, по ее утверждению, пролегал не между языческими и христианскими писателями, как это подчеркивалось обычно в буржуазной историографии, а между отдельными группировками господствующего класса. Ненависть к народным восстаниям и боязнь варварского нашествия объединяла большинство мыслителей независимо от того, были ли они язычниками или христианами. В то же время в определенных кругах римского общества зрела идея необходимости союза с варварской знатью. Испанец Орозий, галло-римляне Аполлинарий Сидоний и Сальвиан, видя, что сила на стороне варваров, призывали пойти на компромисс с ними и таким способом предотвратить полное уничтожение Рима.

Заключительный вывод Н. И. Голубцовой гласит, что идейная борьба в Римской империи на рубеже IV—V вв. отражала кризис сознания ее господствующего класса.

В том же аспекте — кризиса идеологии византийского рабовладельческого общества в VI в. — рассматривала З. В. Удальцова мировоззрение прославленного историка эпохи Юстиниана — Прокопия Кеса-

² Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв. В кн. «Из истории социально-политических идей. К 75-летию акад. В. П. Волгина». М., 1955, стр. 59—75.

рийского. Исследовательница попыталась воссоздать полный противоречивый духовный облик этого писателя, объяснить социальные причины его крайне пессимистического мировоззрения. Политические взгляды Прокопия, с ее точки зрения, отражали оппозиционные настроения части старой рабовладельческой аристократии, группировавшейся вокруг сената и недовольной самодержавной политикой Юстиниана. Но именно оппозиционность взглядов Прокопия породила столь живую картину разложения византийского общества, страданий и борьбы народных масс, которую мы находим на страницах его «Тайной истории»³.

Младший современник Прокопия, Агафий Миринейский, один из ярких представителей идеологии уходящего рабовладельческого класса Византийской империи VI в., привлек своими историческими и поэтическими произведениями интерес М. В. Левченко.

В посвященных ему работах М. В. Левченко дал всестороннюю характеристику мировоззрения Агафия, стремясь в противовес другим исследователям реабилитировать Агафия-историка в глазах потомков⁴. Он не только опроверг приписываемые Агафию ошибки, но и высоко оценил объективность писателя, его критический подход к источникам, серьезное отношение к выполнению стоящих перед ним задач. По своим достоинствам исторический труд Агафия, полагал автор, мало чем уступает даже прославленным сочинениям Прокопия.

Для характеристики мировоззрения Агафия М. В. Левченко привлек и его поэтические творения, которые он считал самостоятельными, оригинальными и выдерживающими в известной степени сравнение даже с творениями учителей Агафия — великих поэтов античности Симонида Кеосского, Анакреонта, Каллимаха и Феокрита. В изображении М. В. Левченко Агафий предстает жизнелюбивым эпикурейцем, а не хмурым византийцем. Большое место в исследовании М. В. Левченко занимал анализ философских и религиозных взглядов Агафия. Автор приписал Агафию к последователям скептической школы в философии. На наш взгляд, следовало бы отметить также наличие в мировоззрении Агафия черт рационализма и пантеистического восприятия мира.

В историческом сочинении Агафия Миринейского, как удачно показал М. В. Левченко, индифферентизм в вопросах веры, равнодушие к христианской догматике и богословским спорам тесно переплетались с восторженным преклонением перед античной культурой и широкой веротерпимостью. По своим политическим взглядам Агафий, по мнению

³ З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами». Пред. к кн. «Прокопий из Кесарии. Война с готами». М., 1950, стр. 3—60. В конце 30-х годов были изданы переводы других сочинений Прокопия: Прокопий Кесарийский. Тайная история. Перев. с греч. и пред. С. П. Кондратьева. — ВДИ, 1938, № 4, стр. 271—360; Прокопий Кесарийский. О постройках. Перев. с греч. С. П. Кондратьева. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 201—238. Для военной истории Византии большой интерес представляет издание анонимного византийского трактата о способах осады городов: Аноним Византийский. Инструкция по полиоркетике. Перев. М. Н. Страхова. — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 425—457.

⁴ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение. — ВВ, III, 1950, стр. 62—84; его же. Агафий. Избранные отрывки из «Истории» Агафия Миринейского (Известия Агафия Миринейского о Лазике и Кавказе). — Там же, стр. 305—349; Агафий. О царствовании Юстиниана. Перев., статья и прим. М. В. Левченко. М. — Л., 1953.

нашего исследователя, был идеологом образованной части византийской аристократии VI в. Это — аристократ, презирающий народ, консерватор и вместе с тем римский патриот, мечтающий о возрождении великого прошлого римского государства. В этом его мировоззрение близко к политическим взглядам Прокопия, Иоанна Лида, Менандра и Феофилакта Симокатты. Впрочем, на наш взгляд, Агафий по сравнению с Прокопием и Феофилактом Симокаттой был несколько «демократичнее». Это нашло выражение в его критике высшей знати как особого социального слоя, в его инвективах против тирании, в осуждении Агафием гонений на еретиков. Выделяет Агафия среди других византийских историков VI в. и его благожелательное отношение к варварам. М. В. Левченко верно отметил, что Агафий понимал силу и достоинства молодых варварских народов. Однако исследователь все же не вскрыл причин идеализации Агафием общественного строя варваров, в частности франков. Нам кажется, что, подобно Тациту, Агафий нарисовал идиллическую картину социально-политической жизни франкских племен с целью дидактической — для обличения пороков современного ему византийского общества⁵.

В целом исследование М. В. Левченко об Агафии — первый и важный шаг марксистской историографии по пути осмысления социально-политических основ мировоззрения этого выдающегося историка ранней Византии.

Формирование идеологии и духовной культуры феодального общества изучали в 40—50-х годах и другие советские византилисты, в первую очередь М. Я. Сюзюмов и Е. Э. Липшиц.

В рассмотренной выше монографии, посвященной иконоборческому движению в Византии в VIII—IX вв., М. Я. Сюзюмов уделял определенное внимание выяснению идейной направленности иконоборчества; он наметил основные линии богословских споров иконоборцев и иконопочитателей⁶.

Ценный вклад в изучение эволюции общественной мысли VIII—IX вв. внесла Е. Э. Липшиц. Расходясь во взглядах с некоторыми зарубежными византистами, считавшими, что византийской цивилизации всегда были присущи черты заостренности, нераздельного господства церковной догмы, Е. Э. Липшиц на основе анализа различных памятников литературы и искусства пришла к заключению, что культура Византии в раннее средневековье носила более светский характер, чем это при-

⁵ См.: М. Я. Сюзюмов. Рец. на кн.: Агафий. О царствовании Юстиниана (перев. М. В. Левченко). — М.—Л., 1953. — ВВ, IX, 1956, стр. 250—254. Автор рецензии в основном дал высокую оценку труду М. В. Левченко, считая его весьма полезным как для историков Византии, так и стран Кавказа и Персии. Велико значение этого труда и для истории византийской культуры. Вместе с тем по ряду вопросов М. Я. Сюзюмов полемизировал с М. В. Левченко. Он полагал, что Агафий принадлежал к той же прослойке городской рабовладельческой знати, к которой относились Ливаний и Синесий. Рецензент не согласился с тезисом М. В. Левченко, будто Агафий был «кабинетным ученым», а полагал, что Агафий жил, как и Прокопий, в гуще политических событий и хорошо знал современность. Решительно критиковал М. Я. Сюзюмов М. В. Левченко за излишнее доверие к сведениям Агафия о франках, которые полностью расходятся с исторической действительностью.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗ СвГПИ, т. IV, 1948, стр. 48—110.

нято думать. Подобный характер византийской культуры объясняется не только сохранением элементов античной цивилизации, но прежде всего наличием в Византийской империи крупных городов — центров светской образованности. Е. Э. Липшиц отказалась от сложившегося в науке представления о так называемых «темных веках» византийской культуры. Отвергнув это представление, исследовательница на примере научного творчества известного ученого той эпохи Льва Математика, поэтических произведений поэтессы Касии, исторических трудов патриарха Никифора, иконоборцев Иоанна Грамматика и Игнатия подтвердила высокий уровень образованности в Византии VIII—IX вв.

Лев Математик в изображении Е. Э. Липшиц предстает разносторонним и талантливым мыслителем, научные интересы которого охватывали не только мир природы, но и мир человека. Глава научной школы, он занимался не одними точными науками, но и философией и был горячим сторонником возрождения лучших традиций античной науки. Его труды, однако, являлись не простым подражанием древним авторам, а развитием и углублением научных знаний. В частности, можно проследить его попытки приблизить античную теорию к практике. По своим политическим убеждениям, как полагала Е. Э. Липшиц, он был близок к иконоборческому лагерю и выражал светское направление в византийской научной мысли IX в. Лев Математик пользовался широкой известностью не только в Византии, но и за ее пределами⁷.

В другом очерке из истории византийской культуры эпохи иконоборчества Е. Э. Липшиц поэтично и взволнованно рассказала о необычной судьбе замечательной средневековой женщины — писательницы IX в. Касии. Касия происходила из знатной и богатой семьи и в юности получила блестящее светское образование — в античном духе. Соединяя редкую красоту с умом и одаренностью, она мечтала стать императрицей: во время традиционных смотрин невест для императора Феофила она первая привлекла внимание василевса. Однако молодой правитель, смущенный ее острым умом, предпочел ей другую девушку. Честолюбивая Касия, уже видевшая себя облаченной в пурпур вассилиссы, не могла перенести удар судьбы и удалилась в монастырь. В тиши монастырской кельи она предалась литературным и научным занятиям. Ее перу принадлежит немало стихотворных эпиграмм нравоучительного, лирического и сатирического характера.

Е. Э. Липшиц высказала ценные наблюдения относительно поэтического творчества Касии, подчеркнув, что произведениям византийской поэтессы были присущи умозрительность, абстрактность, узость тематики, почти лишенной связи с конкретной жизнью той эпохи. Е. Э. Липшиц объясняла это в основном приниженным положением женщины в византийском обществе. Вместе с тем она усматривала в творчестве Касии следы влияния светской струи в византийской культуре IX в., что нашло выражение в отсутствии интереса поэтессы к религиозно-догматическим проблемам⁸.

⁷ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийский ученый Лев Математик (Из истории византийской культуры в IX в.). — ВВ, II, 1949, стр. 106—149.

⁸ Е. Э. Л и п ш и ц. К вопросу о светских течениях в византийской культуре IX века (Касия). — ВВ, IV, 1951, стр. 132—148.

Еще в одном своем этюде, посвященном византийской хронографии, Е. Э. Липшиц дала источниковедческий анализ исторического труда и богословско-полемических произведений видного церковного деятеля позднейконоборческой эпохи константинопольского патриарха Никифора⁹. Она заново пересмотрела источники и рукописную традицию его «Бревиария» и весьма высоко оценила литературные достоинства этого произведения. Исследовательница не только отдала должное достоверности «Бревиария» как исторического источника, но и поставила его выше «Хронографии» Феофана. По ее мнению, Никифор значительно более объективен, чем Феофан, ибо автор «Бревиария» — умеренный иконопочитатель, а Феофан — активный сторонник монашеской партии. По сравнению со спокойным тоном повествования Никифора «Хроника» Феофана много проигрывает из-за крайней иконопочитательской тенденции автора. Это отнюдь не исключало тенденциозности и самого труда Никифора, — она проявлялась в стараниях историка скрыть от читателя внешнеполитические неудачи ромеев.

Е. Э. Липшиц убедительно аргументировала свой вывод, что в трудах Никифора отразилась эволюция его философско-богословских взглядов и политической позиции. От умеренной полемики с иконоборцами в ранний период своей деятельности Никифор прошел сложный путь, став непримиримым противником иконоборческого движения в годы опалы и ссылки. В конце жизни Никифор солидаризировался с крайними сторонниками монашества и противниками реформ. Эта эволюция получила свое выражение в отличиях между религиозно-политической направленностью его основного исторического труда и богословских произведений последних лет жизни.

Влияние светской культуры, по мнению Е. Э. Липшиц, ощущается также и в произведениях Иоанна Грамматика (IX в.) и Игнатия (VIII—IX вв.). Последнему принадлежат не только произведения агнографического характера, но и «Ямбы на Фому», в которых нашло отражение народное восстание под руководством Фомы Славянина¹⁰. Давая общую оценку развития общественной мысли этого периода, Е. Э. Липшиц приходит к выводу о том, что наряду с богословской литературой, наиболее полно отражавшей интересы всего класса феодалов, в VIII—IX вв. не прекращалось и светское литературное творчество.

Этюды о выдающихся деятелях византийской культуры иконоборческой эпохи позже вошли в несколько переработанном виде в монографию Е. Э. Липшиц «Очерки истории византийского общества и культуры»¹¹.

Историей общественно-политической мысли в Византии X в. занимался М. А. Шангин. На материале рукописей, хранящихся в Историческом музее в Москве, он попытался восстановить основные этапы

⁹ Е. Э. Липшиц. Никифор и его исторический труд. — ВВ, III, 1950, стр. 85—105. Ей же принадлежит комментарий и перевод труда Никифора. См.: «Никифора, патриарха константинопольского, краткая история со времени после царствования Маврикия». — Там же, стр. 349—387.

¹⁰ Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию ранее 842 г. — ИЗ, 1949, т. 26, стр. 312—331.

¹¹ Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX века). М. — Л., 1961, стр. 258—366.

жизни и деятельности кесарийского архиепископа Арефы и двух других политических деятелей X в. — Льва Хиросфакта и Анастасия Квестора. Исследователь особенно отделил их роль в сохранении античных традиций в византийской образованности того времени.

М. А. Шангин издал и перевел на русский язык полемическое сочинение Арефы, направленное против Хиросфакта, а также составил список хранящихся в СССР рукописей Арефы¹².

Уже после смерти М. А. Шангина была опубликована другая его работа, посвященная тому же Арефе Кесарийскому. Эта статья представляет собой публикацию московской рукописи писем Арефы и содержит два его письма: одно из них было адресовано Григорию, митрополиту Эфесскому, и в нем сообщалось об избрании на патриарший престол Феофилакта — сына царствующего императора; второе послание является так называемым апологетиком, иными словами, попыткой Арефы оправдаться от возведенного на него обвинения в участии в тайном заговоре, организованном в Пелопоннесе с целью свержения императора Романа Лакапина. Письма Арефы крайне субъективны и заполнены самовосхвалениями¹³. В статье дается суммарный очерк политической борьбы в византийском обществе в 30-х годах X в.

Яркие страницы в историю общественной мысли в Византии вписал известный эллинист В. Е. Вальденберг. Многие годы он с большой настойчивостью, опираясь на источники, отстаивал прогрессивную, на наш взгляд, идею об оригинальном, творческом характере византийской философии по сравнению с философской наукой Западной Европы в средние века.

Наиболее впечатляющий пример самостоятельного развития философских знаний в Византии В. Е. Вальденберг видел в произведениях выдающегося философа XI в. Михаила Пселла. Последняя работа В. Е. Вальденберга была посвящена философским взглядам этого ученого и политика, чье творчество знаменует собой подъем научных знаний в Византии того времени.

В. Е. Вальденберг считал Михаила Пселла вполне оригинальным и глубоким мыслителем, в мировоззрении которого явственно проступают светские черты, элементы рационализма, что находит выражение в его стремлении к научному познанию мира. Тем самым В. Е. Вальденберг пытался, и, думается, успешно, опровергнуть распространенную в буржуазной науке точку зрения о скучном единообразии и застойности византийской философии, в которой якобы всегда полностью господствовали мистические учения. В. Е. Вальденберг вполне правомерно утверждал, что такие представители византийской богословско-философской мысли, как Псевдо-Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, патриарх Фотий, Михаил Пселл, Иоанн Итал и Никифор Влеммид, ни в чем не уступают по своей творческой силе лучшим философам западноевропейского средневековья¹⁴⁻¹⁵.

¹² М. А. Шангин. Византийские политические деятели первой половины X в. — ВС, стр. 228—248.

¹³ М. А. Шангин. Византийский писатель Арефа — автор «Слова о мире с болгарями 927 года». — ИМ, 1939, № 3, стр. 177; его же. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии в 931—934 гг. — ВВ, I, 1947, стр. 235—260; см.: Некролог М. А. Шангина. — Там же, стр. 381—383.

¹⁴⁻¹⁵ В. Е. Вальденберг. Философские взгляды Михаила Пселла. — ВС, стр. 249—255.

Жизненно достоверные, наделенные плотью и кровью, хотя и сатирически гиперболизированные портреты прославленных византийских философов XI в. — Михаила Пселла и его строптивного ученика-«веротступника» Иоанна Итала находим мы в анонимной византийской сатире XII в. «Тимарион». Этот уникальный памятник сатирической прозы, облеченный в форму диалога между героем повествования Тимарионом и его другом Кидоном, был впервые переведен на русский язык С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. Переводу было предпослано предисловие Е. Э. Липшиц¹⁶. Сатира написана в форме занимательного рассказа о путешествии Тимариона в подземное царство мертвых, где он встретился со многими историческими лицами, императорами, политическими деятелями разных эпох и, что особенно интересно, — со знаменитыми византийскими риториками и философами. Среди них Тимарион встречает Михаила Пселла, чье описание исполнено одновременно иронии и восхищения. Михаил Пселл выведен под именем «софиста из Византии»; он предстает перед нами как человек с отталкивающей внешностью, имеющий кривую губу, притом заика, но великолепный оратор. Прелесть и сладость его речей покоряют всех слушателей. Однако, по мнению анонимного автора сатиры, Михаил Пселл был лишь замечательным ритором, но отнюдь не глубоким философом. Портрет же Иоанна Итала написан самыми черными красками: он груб, неотесан, всегда хмур и суров, дерзок и нетерпим к окружающим. Автор сатиры называет его «кичливым константинопольским отребьем». Карикатурный портрет Итала, как подчеркнула Е. Э. Липшиц, удивительно похож на описание этого философа в «Алексиаде» Анны Комниной — лишнее свидетельство ненависти придворных кругов византийского общества к прогрессивному мыслителю своего времени — Иоанну Италу, который, как известно, выступил с опровержением некоторых религиозных догматов и за это был отлучен от церкви.

В предисловии к сатире Е. Э. Липшиц высказала предположение, что автором ее был известный медик XII в. Николай Калликл. В пользу этой гипотезы говорят не только медицинские интересы автора, но и время создания сатиры, относимой и по другим признакам к середине XII в. По мнению Е. Э. Липшиц, сатира возникла в кругах феодальной знати, близких ко двору Комнинов. Несомненное влияние на автора «Тимариона» оказал великий сатирик древности Лукиан. Однако в этом произведении имеются и вполне оригинальные черты, с его страниц веет живой действительностью, преломленной сквозь призму политических симпатий и антипатий писателя.

В этом сатирическом произведении, по утверждению Е. Э. Липшиц, пробивали себе дорогу, правда, еще робкие, но все же прогрессивные идеи свободомыслия, которые были распространены среди части интеллигенции в правление Комнинов.

Одной из самых острых и спорных проблем истории византийской культуры была в 40—50-х годах и остается по сей день проблема византийского гуманизма.

¹⁶ Византийская сатира «Тимарион». Перев. с греч. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. Пред. Е. Э. Липшиц. — ВВ, VI, 1953, стр. 357—386.

По коренному вопросу — о его социальной сущности в советской историографии тех лет наметились две точки зрения: одни исследователи отрицали развитие в поздней Византии элементов предкапиталистических отношений и рассматривали гуманистические тенденции в культуре XIV—XV вв. в рамках идеологии феодального общества, подчеркивая ограниченный и временный характер палеологовского Возрождения, вскоре задушенного реакционными церковными течениями. Другие ученые связывали византийский гуманизм с зарождением в Византии XIV—XV вв. первых ростков капиталистического уклада и видели в нем проявление раннебуржуазной культуры.

Спор развертывался прежде всего вокруг оценки творчества виднейших философов, ученых, писателей и других представителей гуманистической мысли поздней Византии.

Б. С. Попов в своей кандидатской диссертации, посвященной мировоззрению знаменитого философа Георгия Гемиста Плифона, придерживался первой из указанных выше точек зрения. Он видел в Плифоне мыслителя хотя и близкого к гуманизму, но социально-политические взгляды которого отражали в конечном счете интересы феодальной знати Византии. Вместе с тем Б. С. Попов отмечал оригинальность некоторых философских построений Плифона, указывая, что в византийской философии впервые были поставлены многие вопросы, позднее разработанные в философии Западной Европы¹⁷.

Аналогичных взглядов в оценке мировоззрения Плифона придерживался и Б. Т. Горянов. Он опубликовал речи Плифона о реформах и в предисловии к ним дал характеристику социально-политических взглядов этого мыслителя¹⁸. В его изображении Плифон — ученый-мечтатель, его реформы утопичны, а попытки возродить неоплатонизм были обречены на полную неудачу. По своим политическим взглядам Плифон был сторонником ограниченной монархии: он выступал против демократических форм правления, против народоправства, мечтал о претворении в жизнь государственного устройства по типу платоновской «Политии». Наибольшим почетом в государстве, по его мнению, должны пользоваться мудрецы-философы, советники монарха, стремящиеся к общему благу. Плифон предлагал воскресить платоновское деление граждан на четыре разряда: земледельцев, ремесленников и купцов, правителей и воинов. В подкрепление идеи необходимости разделения функций между этими общественными группировками он приводил изречение: «Ведь мы не пользуемся ослами для работы, исполняемой благородными конями, как и благородными конями для работы ослов»¹⁹.

В своем проекте реформ Плифон ратсвал за возврат к натуральному хозяйству, за политику протекционизма, выступал против роскоши: Царь птиц, могучий орел, — писал он, — не имеет пышного оперенья и не блещет золотыми перьями, а слабый павлин пестро раскрашен²⁰. Примечательны сбличительные инвективы Плифона против

¹⁷ Б. С. Попов. Георгий Гемист Плифон — его политическая деятельность и мировоззрение. Автореф. канд. дисс. См.: ВВ, II, 1949, стр. 386—387.

¹⁸ Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах. Перев. и пред. Б. Т. Горянова. — ВВ, VI, 1953, стр. 386—414.

¹⁹ Там же, стр. 392.

²⁰ Там же, стр. 395.

монахов, которых он именует не иначе как бездельниками и трутнями. В целом же, по мнению Б. Т. Горянова, Плифон был выразителем идеологии той части феодальной знати и интеллигенции Византии, которая искала спасения Византийского государства в XV в. в умеренных реформах, весьма далеких, в частности, от радикализма социально-политической программы зилотов.

Сторонницей теории о византийском гуманизме как провозвестнике зарождения раннебуржуазной культуры в те годы выступала З. В. Удальцова. На примере научного творчества и политической деятельности видного византийского гуманиста XV в. Виссариона Никейского исследовательница пришла к выводу о близости мировоззрения византийских и итальянских гуманистов, в какой-то мере обусловленной общностью социально-политического развития Византии и Италии эпохи раннего Ренессанса ²¹.

Виссарион Никейский предстает со страниц ее работы как человек сложной судьбы и противоречивого мировоззрения. В нем уживались как бы две личности: ренегат, изменивший родине и вере и перешедший в католичество, и патриот, до конца жизни не забывший свою страну и ее культуру; коварный и искусный политик и талантливый ученый, поклонник неоплатонизма. Его близкими друзьями были прославленные итальянские гуманисты — Лоренцо Валла, Франческо Филельфо, Амброджо Траверсари, Флавио Бьондо и многие другие. Ученик Плифона, он «проник в тайны философии» и в равной степени овладел греческой и латинской образованностью.

Образ Виссариона, противоречивый, а порою трагический, таил немало притягательных черт, самой привлекательной из которых была страстная любовь этого ученого-политика к науке и приверженность идеям гуманизма. Эта фигура как бы знаменовала собой сближение культуры Византии и Запада на почве гуманизма. Памятником гуманистической деятельности Виссариона до сих пор служит знаменитая библиотека, основанная им в Венеции и хранящая уникальные сокровища греческой и латинской литератур.

История византийской литературы в 40—50-х годах разрабатывалась еще очень мало. Помимо рассмотренной выше публикации византийской сатиры XII в. «Тимарион» можно указать кандидатскую диссертацию В. С. Шандровской, посвященную византийскому басенному эпосу XIV в. В центре внимания В. С. Шандровской находился самобытный памятник народной сатирической литературы — «Рассказ о четвероногих», который исследовательница датировала второй половиной XIV в. Этот памятник был ею обследован по рукописи, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Анализ его и привел В. С. Шандровскую к выводу, что анонимный автор этого произведения принадлежал к ремесленным кругам городского населения поздней Византии. Особо отмечались демократические черты, остро-сатирическая направленность и вместе с тем жизненная правдивость

²¹ З. В. Удальцова. Борьба партий в Византии XV в. и деятельность Виссариона Никейского. — ВМГУ, 1947, № 1, стр. 79—95; е. е. же. Борьба партий в Византии XV в. и деятельность Виссариона Никейского. — ВВ, II, 1949, стр. 294—307.

«Рассказа о четвероногих», где в форме басенного эпоса о животных рисовалась яркая картина быта и социальной борьбы поздневизантийского города²².

История византийской литературы являлась предметом историографических штудий советских византистов.

Перу З. В. Удальцовой принадлежит историографический обзор изучения византийской литературы в русской дореволюционной и советской византиноведческой науке²³. В статье указывалось, что советские исследователи, развивая лучшие традиции русской и зарубежной византистики, вместе с тем по-новому подошли к освещению истории византийской литературы. Они отказались от представления о ней как с чем-то застывшем, окостенелом, лишенном внутреннего роста и стремились проследить пути ее становления и развития.

Отражение реальной жизни в сфере литературного творчества, связь литературы с исторической действительностью во всем ее многообразии являлись для них той путеводной нитью, которая позволила построить периодизацию истории византийской литературы. Согласно этой периодизации, как показала З. В. Удальцова, были намечены четыре основных этапа развития византийской литературы: литература эпохи разложения рабовладельческого строя и зарождения элементов феодализма в Византии (IV—VI вв.); оформление феодальной литературы (VII—IX вв.); расцвет литературы феодального общества (X—половина XIII в.); к четвертому периоду относилась литература поздней Византии (половина XIII—половина XV в.). Подчеркивалось, что эта периодизация — вовсе не окончательная и в будущем, вероятно, потребует изменений.

Вместе с тем в статье З. В. Удальцовой намечались неотложные задачи дальнейшего развития истории византийской литературы как особой отрасли знания. Первейшая из них — изучение народной литературы Византии. Немало предстояло сделать и в области освещения основных этапов формирования и развития среднегреческого народного языка. Большого внимания заслуживала разработка вопроса о прогрессивных демократических идеях в антицерковной, апокрифической и сатирической литературе Византии. Одной из насущных задач являлось также рассмотрение литературы всех народов, населявших территорию Византийской империи, и выяснение взаимодействия культуры этих народов с византийской цивилизацией. Все это могло помочь выявить специфику византийской литературы, определить ее место в истории других средневековых литератур.

В советской византиноведческой науке 40—50-х годов появились отдельные работы по истории среднегреческого языка и вспомогательным дисциплинам — греческой палеографии, сфрагистике, эпиграфике и нумизматике, но в те годы число их было невелико.

²² В. С. Шандровская. Византийский басенный эпос XIV века и его значение для истории культуры Византии. Автореф. канд. дисс. Л., 1954; е е ж е. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). — ВВ, IX, 1956, стр. 211—249 (см. ниже).

²³ З. В. Удальцова. Изучение истории византийской литературы в СССР. Напечатано в ГДР. — Z. Udaltzova. Das Studium der byzantinischen Literaturgeschichte in der UdSSR. — «Berliner Byzantinischen Arbeiten», Bd. 14. Berlin, 1959.

Выдающийся советский ученый, крупнейший знаток древней и средневековой греческой филологии П. В. Ернштедт изучал литературные и иные памятники византийского Египта. Его перу принадлежали ценные исследования о взаимном влиянии греческого и коптского языков. В частности, им была прослежена словарная связь между среднегреческим языком Византии и языком южноегипетских коптов, а также выявлены элементы средневекового персидского языка в греческих и коптских папирусах²⁴. Кроме того, П. В. Ернштедт исследовал и издал уникальные ранневизантийские папирусы из советских собраний, характеризующие хозяйственно-правовые отношения византийского Египта в VI—VII вв.²⁵ Освещение этих проблем имело большое значение для уяснения своеобразия культуры народов, населявших территорию империи, и помогало оценить их вклад в создание византийской образованности.

В эти же годы М. М. Копыленко изучал вопрос об особенностях синтаксиса среднегреческого языка. Он рассмотрел гипотактические конструкции «Хроники» Иоанна Малалы²⁶.

Отдельные работы советских ученых были посвящены проблемам эпиграфики и сфрагистики.

А. Ф. Вишнякова исследовала надписи XIV в., найденные в Болгарии и приведенные в книге болгарского ученого И. Иванова «Български старини изъ Македония»; исследовательница дала новое прочтение одной из них. По ее мнению, эти надписи отражают широкое распространение греко-византийской образованности среди болгар того времени²⁷.

М. К. Каргер описал открытую в 1935 г. в Киевском Софийском соборе византийскую патриаршую печать, которая, судя по ее содержанию, относилась к концу XI в. В работе исследовалась генетическая связь этой сфрагистической находки с другими печатями того же типа²⁸.

В те же годы печатались обзоры публикаций византийских источников в западноевропейской литературе²⁹.

В. В. Кропоткин попытался воссоздать топографию римских и ранневизантийских монет, найденных на территории нашей страны³⁰.

²⁴ П. В. Ернштедт. Южноегипетский коптизм в среднегреческом словарном составе.— ВВ, IX, 1956, стр. 154—158; его же. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах.— ВВ, XII, 1957, стр. 218—231; его же. К коптскому тексту романа об Александре.— ВВ, X, 1956, стр. 178—180.

²⁵ П. В. Ернштедт. Два греческих папируса византийского периода из советских собраний.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 201—215.

²⁶ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции «Хроники» Иоанна Малалы.— ТОГУ, 1953, т. 3, (на укр. яз.). Ср.: его же. Гипотактические конструкции славянорусского перевода «Хроники» Георгия Амартола.— ВВ, XII, 1957, стр. 232—241; о развитии советского языкознания см.: «Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 г.», вып. I. М., 1958; Г. В. Грощин. Советское языкознание за 40 лет.— ТИРГУ, т. 26, 1958, стр. 3—18; Указатель статей и материалов, напечатанных в XI—XX тт.— ТОДРЛ, т. 20, 1960, стр. 432—448.

²⁷ А. Ф. Вишнякова. К вопросу о культуре и просвещении болгар в XIV в.— ВС, стр. 256—259.

²⁸ М. К. Каргер. История византийской сфрагистики.— ВС, стр. 260—264.

²⁹ Н. С. Лебедев, Ф. М. Россейкин. Издания византийских текстов в западноевропейской литературе.— ВС, стр. 265—269.

³⁰ В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет

В конце 30-х — 50-х годах в советской науке появились выдающиеся исследования по истории византийского искусства. Особенно велики были в это время достижения в области раскрытия художественной ценности памятников византийской живописи.

Крупным явлением нашей искусствоведческой науки был фундаментальный труд В. Н. Лазарева «История византийской живописи»³¹. Перед читателем разворачивается широкая картина развития византийской живописи на всем протяжении существования империи. В работе привлекает не только мастерски сделанный художественный анализ отдельных памятников, в том числе ранее неизвестных, но и глубина обобщений, продуманность характеристик различных художественных школ и направлений. В книге освещены многогранные жанры византийской живописи: монументальная живопись, иконопись и книжная миниатюра. Особое внимание автор уделил выяснению специфики византийского искусства, его стилистических особенностей, его взаимодействия с искусством других стран.

В 50-х годах В. Н. Лазарев продолжал плодотворно работать над историей византийской живописи. Плодом его научных занятий тех лет явились статьи теоретического характера о соотношении византийской и итальянской живописи³², публикация и художественный анализ новых памятников византийского и древнерусского искусства³³, этюды о наиболее выдающихся художниках, в частности о Феофане Греке³⁴.

Порою В. Н. Лазарев обращался к критическому переосмыслению установившихся в искусствоведческой науке взглядов. Так, полемизируя с известным искусствоведом К. Вейцманом и его сторонниками, он по-новому оценил замечательный памятник византийской живописи — фрески небольшой церкви Кастельсеприо близ Милана. В противовес К. Вейцману, относящему этот памятник к X в. и к Македонской школе живописи, В. Н. Лазарев датировал фрески Кастельсеприо доиконоборческим периодом, скорее всего, VI в., считая его выдающим произведением константинопольских мастеров. Тем самым был нане-

на территории СССР.—ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180. См.: Н. А. Винберг. Советская археологическая литература. Библиография (1941—1957). М.—Л., 1959.

³¹ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I—II. М., 1947—1948. Рец.: Г. А. Недошивин.—«Искусство», М.—Л., 1950, № 1—2, стр. 81—87; А. В. Банк.—ВВ, V, 1952, стр. 257—272. О творчестве В. Н. Лазарева см.: В. Н. Гращенков. Виктор Никитич Лазарев (к 70-летию со дня рождения).—ВВ. XXIX, 1968, стр. 3—25; список трудов В. Н. Лазарева — Там же, стр. 26—31.

³² В. Н. Лазарев. К вопросу о «греческой манере» в итало-греческой и итало-критской школах живописи (Против фальсификации истории позднейшей византийской живописи).—ЕИИИС АН СССР, 1952, стр. 152—200.

³³ В. Н. Лазарев. Царьградская лицевая псалтирь XI в.—ВВ, III, 1950, стр. 211—217; его же. Новые памятники византийской живописи XIV в.—ВВ, IV, 1951, стр. 122—131; его же. Новый памятник константинопольской миниатюры XIII в.—ВВ, V, 1952, стр. 178—190; его же. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве.—ВВ, VI, 1953, стр. 186—222.

³⁴ В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке, ч. I.—ВВ, VII, 1953, стр. 244—258; ч. II—ВВ, VIII, 1956, стр. 143—165; ч. III—ВВ, IX, 1956, стр. 193—210.

сен удар надуманной теории К. Вейцмана о так называемом «Македонском Ренессансе»³⁵.

Совершенно по-новому интерпретировал В. Н. Лазарев и такой выдающийся памятник, как групповой портрет семьи Ярослава Мудрого в Софии Киевской³⁶.

Ценный вклад в историю византийского и древнерусского искусства внес выдающийся советский ученый М. В. Алпатов. Начав с изучения отдельных памятников византийской живописи³⁷, он в дальнейшем обратился к сравнительным исследованиям произведений древнерусской и византийской школ живописи. Исследования эти строились им в широком культурно-историческом плане.

В своей работе о великом древнерусском живописце Андрее Рублеве М. В. Алпатов убедительно показал, что русские мастера, в первую очередь сам Рублев, хотя и восприняли влияние византийской живописи, но коренным образом его переосмыслили, придав своим произведениям черты самобытности и жизненности, лирической мягкости и задушевности, столь чуждой византийскому искусству. М. В. Алпатов высказал гипотезу о том, что одним из источников вдохновения Андрея Рублева было древнегреческое искусство классической эпохи, впитанное им через Византию. Если в Западной Европе эпохи Ренессанса (XV в.) художники вдохновлялись прежде всего позднеантичными и римскими образцами, то великого русского мастера более всего влекли всепобеждающие сила и простота классического искусства³⁸.

В другом своем интересном исследовании М. В. Алпатов показывает сходство и различия древнерусской и византийской школ живописи на примере интерпретации образа Георгия-воина.

Проследив генетическое происхождение и развитие иконографического канона в изображении Георгия-воина, автор пришел к выводу, что окончательно этот образ в византийском искусстве сложился к XIV в., впитав как народные, так и феодально-рыцарские традиции. Образ Георгия в византийской живописи одухотворен, на Востоке — величествен и бездумен, на Западе — рыцарственно элегантен. Однако постепенно в нем обнаруживаются черты самодовлеющей личности, появляются грубость, телесность. Лишь в эпоху Возрождения возврат к античным образцам воскресил былую поэтичность этого образа³⁹.

Немало делалось в советском искусствознании 40—50-х годов по разработке основных проблем древнерусского искусства, что помогало правильному пониманию соотношения древнерусской и византийской художественных школ⁴⁰.

³⁵ В. Н. Лазарев. Фрески Кастельсеприо (К критике теории К. Вейцмана о «Македонском Ренессансе»). — ВВ, VII, 1953, стр. 359—378.

³⁶ В. Н. Лазарев. Новые открытия в Софии Киевской. (Доклад на X Международном конгрессе византистов в Стамбуле). М., 1955.

³⁷ М. В. Алпатов. Царьградские миниатюры Апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве. — ТСИИИАИ РАНИОН, 1928, т. II, стр. 108—112.

³⁸ М. В. Алпатов. Рублев и Византия. — Доклады и сообщения филол. фак. МГУ, 1947, № 2, стр. 76—79.

³⁹ М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. — ТОДРЛ, XII, 1956, стр. 292—310. Н. А. Демин. Черты героической действительности XIV—XV вв. в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. — ТОДРЛ, XII, 1956, стр. 311—324.

⁴⁰ История русского искусства. Под общ. ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева, т. 1—3. М., 1953—1955; В. Н. Лазарев. Исследования по

Крупнейший знаток древнерусского искусства Н. Н. Воронин много лет занимался изысканиями в сфере истории древнерусской архитектуры X—XV вв.: он ярко выявил ее самобытность, показал, как русские мастера творчески перерабатывали византийские архитектурные образцы ⁴¹.

Крупным специалистом в области византийской и древнерусской архитектуры Н. И. Бруновым в те годы были написаны ценные работы, характеризующие развитие как византийского, так и древнерусского зодчества. В своем очерке архитектуры Константинополя средневизантийского периода (843—1204 гг.) Н. И. Брунов отметил, что для столичного зодчества того времени был характерен пятинефный крестовокупольный храм сложного варианта, тогда как в провинции преобладали трехнефные церкви простого типа. В статье детально изучены основные памятники архитектуры Константинополя X—начала XIII в. и прослежены изменения в конструкции пятинефного храма. Автор приходит к выводу, что константинопольская архитектура той эпохи представляла собой синтез элементов более раннего столичного зодчества, для которого было типично стремление к обобщению и одухотворенности, и восточновизантийских влияний, отличавшихся телесностью и статичностью. Архитектура Константинополя средневизантийского периода, по мнению автора, была отмечена чертами изысканной интимности и тепличности, отсутствующими в древнерусском зодчестве того же времени ⁴².

В другой своей статье Н. И. Брунов на основе анализа архитектуры Киевской Софии пришел к заключению, что она была построена русскими мастерами, использовавшими как византийские архитектурные традиции, так и традиции восточнославянского зодчества периода до образования Киевского государства ⁴³.

В интересной статье К. Н. Афанасьев попытался дать геометрический анализ храма Софии в Константинополе, отметив чрезвычайную точность математических расчетов древних зодчих ⁴⁴.

Выдающийся знаток древнерусского зодчества и археологических памятников Киева и других русских городов М. К. Каргер в своей книге воссоздал облик древнего Киева на основе собственных археологических разысканий. Книга получила высокую оценку научной общественности ⁴⁵.

отдельным вопросам древнерусского и византийского искусства. Рефераты научно-исслед. работ за 1945 г. (АН СССР, ОИФ). М.—Л., 1947. *

⁴¹ Н. Н. Воронин. Главнейшие этапы русского зодчества X—XV вв.— ИАН СССР, серия ист. и филос., 1944, № 4, стр. 162—170; О творчестве Н. Н. Воронина см.: В. В. Косточкин. Н. Н. Воронин.— ВИ, 1965, № 11, стр. 175—178.

⁴² Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя IX—XII вв.— ВВ, II, 1949, стр. 150—214; ср.: его же. К вопросу о восточных элементах византийского зодчества.— ТСИИИАН РАНИОН, 1930, т. IV, стр. 21—29.

⁴³ Н. И. Брунов. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры.— ВВ, III, 1950, стр. 154—200.

⁴⁴ К. Н. Афанасьев. Геометрический анализ храма св. Софии в Константинополе.— ВВ, V, 1952, стр. 207—215.

⁴⁵ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947). Киев, 1950; рец.: Н. И. Брунов.— ВВ, VII, 1952, стр. 296—306.

Для истории древнеармянской и отчасти византийской миниатюры большое значение имела книга Л. А. Дурново «Древнеармянская миниатюра» (Ереван, 1952).

Византийским прикладным искусством и его генетическими связями с искусством стран Востока и Кавказа многие годы занимался Л. А. Мацулевич (1886—1959). Наиболее глубокий след в науке оставили его исследования византийской торевтики (чеканки по серебру)⁴⁶.

Другой комплекс проблем, который занимал этого ученого,— взаимовлияние эстетических представлений и художественных форм варварского и византийского миров, нашедшее выражение в произведениях прикладного искусства⁴⁷.

Проблема культурных связей Византии со странами Ближнего Востока по материалам прикладного искусства привлекала в те годы А. В. Банк⁴⁸. В одной из своих работ А. В. Банк, продолжая исследования крупного специалиста в области торевтики Я. И. Смирнова, попыталась осветить технику клеймения серебряных изделий в Византии, используя для этой цели данные «Книги эпарха»⁴⁹.

А. В. Банк и Л. Т. Гюзальян описали хранящийся в Эрмитаже бронзовый тазик (около XIV в.). По своему виду он сходен с произведениями египетского прикладного искусства того же времени, но имеет кроме арабской греческую надпись. В статье высказано предположение, что это произведение прикладного искусства было специально изготовлено в Египте как подарок какому-либо византийскому посольству⁵⁰.

В статье социологического характера А. В. Банк стремилась наметить пути для разрешения наиболее общих спорных проблем истории и теории византийского искусства. Прежде всего ставился вопрос о конкретном осмыслении взаимосвязи между эволюцией, происходящей в искусстве, и изменением социально-экономических и политических отношений. А. В. Банк полемизировала с установившимся в науке представлением, согласно которому византийское искусство имело ценность лишь постольку, поскольку оно продолжало традиции античности. По мнению А. В. Банк, стремление сохранить в неприкосновенности или возродить художественные традиции эллинизма было для Византии реакционным вплоть до XIV в. и отражало эстетические

⁴⁶ См. выше, стр. 34.

⁴⁷ Л. А. Мацулевич. *Argenterie Byzantine en Russie.*— «Orient et Byzance», t. V, Paris, 1932; его же. Большая пряжка Перешепинскогоклада и псевдопряжки.— Сб. статей в честь акад. С. А. Жебелева. М.—Л., 1926, стр. 216—236; его же. Погребение варварского князя в Восточной Европе.— ИГАИМК, вып. 112, 1934, стр. 3—133; его же. Византийский Антик в Прикамье.— МИА, I, 1940, стр. 139—158. О творчестве Л. А. Мацулевича см.: А. В. Банк. Леонид Антонович Мацулевич (некролог).— ВВ, XVII, 1960, стр. 373—375. Список трудов Л. А. Мацулевича.— Там же, стр. 375—378.

⁴⁸ А. В. Банк. Очерки по истории культурных взаимоотношений Византии и Переднего Востока по данным вещественных источников (X—XIV вв.). Автореф. канд. дисс., 1949; ее же. Моливдовул с изображением полега Александра Македонского на небо.— ТОВЭ, Л., 1940, т. III, стр. 181—194.

⁴⁹ А. В. Банк. К вопросу о клеймении серебра в Византии.— ТОВЭ, т. I, Л., 1939, стр. 287—293.

⁵⁰ А. В. Банк. Восточный сосуд с греческой надписью (к истории культурных взаимоотношений Византии и Египта в XIII—XIV вв.).— ВВ, V, 1952, стр. 191—202; Л. Т. Гюзальян. Приложение к статье А. В. Банк.— Там же, стр. 202—206.

взгляды уже отживавших классов. Вместе с тем А. В. Банк не принимала и теории о чисто рабовладельческом характере ранневизантийского искусства, отмечая в художественном творчестве той эпохи борьбу рабовладельческих и феодальных тенденций.

X—XI столетия А. В. Банк рассматривала как время расцвета феодального искусства, выражением чего явилось распространение в империи крестовокупольных культовых зданий, искусство же «неоклассицизма», по ее мнению, носило на себе отпечатки реакционных идей.

В поздневизантийском искусстве, так называемом палеологовском Возрождении, А. В. Банк отметила черты гуманизма, связанные с появлением элементов капитализма в византийском обществе XIV в.⁵¹

В начале 50-х годов вышла в свет книга М. Э. Матъе и К. С. Ляпуновой, посвященная малоизученной у нас проблеме истории прикладного искусства — анализу художественных тканей коптского Египта IV—V вв. В кратком историческом очерке общественной и идейной жизни Египта ранневизантийской эпохи проводилась мысль о том, что в сепаратистски настроенных кругах египетской знати, недовольной господством византийцев, бережно хранились идейные и художественные традиции Древнего Египта; аналогичные тенденции проявились несколько позднее и в еретических движениях. Авторы книги на основе анализа техники изготовления коптских художественных тканей, их назначения, сюжетных и стилистических особенностей пришли к заключению о том, что в художественном творчестве коптских мастеров IV—V вв. нашли яркое отражение нетленные традиции древнеегипетского искусства. Большой интерес представляет данное в книге описание 409 коптских тканей с сюжетными изображениями, хранящихся в собрании Эрмитажа в Ленинграде.

Книга М. Э. Матъе и К. С. Ляпуновой получила широкое признание в науке, хотя критика указывала на неоправданное исключение из описаний чисто орнаментальных тканей и ограничение тематики работы лишь IV—V столетиями⁵².

Заканчивая обзор изучения проблемы истории византийской культуры⁵³ в советской историографии конца 30-х — 50-х годов, хочется отметить, что в это время особенно большой подъем переживала искусствоведческая наука, вышли в свет фундаментальные труды по истории византийского искусства. Что же касается освещения с марксистских позиций идейной борьбы в Византии, развития общественной мысли, особенно демократической и антицерковной литературы, то наша наука делала в этой области лишь первые шаги. Отставали в те годы и исследования в сфере вспомогательных дисциплин, источниковедения и лингвистики. Успехи в этих областях знания были достигнуты уже в последующий период истории советского византиноведения.

⁵¹ А. В. Банк. Некоторые спорные вопросы в истории византийского искусства. — ВВ, VII, 1953, стр. 259—268.

⁵² М. Э. Матъе и К. С. Ляпунова. Художественные ткани коптского Египта. М.—Л., 1951. Рец.: А. В. Банк. — ВВ, VI, 1953, стр. 288—294. Ср.: М. Э. Матъе Древнеегипетские мотивы на тканях Византийского Египта. — ТОВЭ, Л., 1940, т. III, стр. 117—148; К. С. Ляпунова. Изображение Диониса на тканях Византийского Египта. — Там же, стр. 149—160.

⁵³ Краткий очерк быта и культуры Византии был дан в популярной работе А. П. Каждана (А. П. Каждан. Быт и культура Византии. — ПИШ, 1955, № 1, стр. 55—66).

СОВЕТСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

1955—1967 гг.

Рассматриваемый здесь период развития советской византистики — это годы, когда она достигла заметных успехов, особенно в области изучения социально-экономических отношений в Византии, ее исторических связей с Русью и другими славянскими народами, а также со странами Востока, Западной Европы и народами Крыма, Кавказа и Средней Азии. Немало ценных исследований было создано по вопросам истории византийской культуры и искусства. Советское византиноведение вступило в пору своей зрелости.

Этим успехам, достигнутым в связи с общим подъемом марксистской исторической науки с середины 50-х годов¹, во многом способствовали такие важные факторы, как прилив новых, молодых сил историков-марксистов, усовершенствование исследовательской техники, развитие научных связей с историками социалистических стран и прогрессивными византинистами других зарубежных стран, участие советских византинистов в международных византиноведческих ассамблеях, обмен научной информацией, литературой, микрофильмами, работа наших ученых в зарубежных архивах и библиотеках.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИИ

Для осмысления роли Византии в истории человечества советские историки обратились к сравнительно-историческому изучению особенностей ее социально-экономического развития. Исходя из марксистско-ленинского учения о прогрессивной смене господствующих типов производственных отношений, советская историческая наука, как уже

¹ См. Г. Г. Литаврин, З. В. Удадьцова. Основные проблемы византиноведения в советской историографии. — Сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1963, стр. 70—95; и х ж е. Советское византиноведение в 1955—1960 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 3—79.

отмечалось, рассматривает историю Византии как историю феодального общества. Признание его феодального характера отличает византиноведение в СССР и в других социалистических странах от основных направлений буржуазной византиноведческой науки, представители которой, за немногими исключениями, отрицают феодализм в Византийской империи. В современных условиях эта концепция все больше получает политическую направленность, превращаясь в один из аргументов, призванных подкрепить ложное представление о коренном различии путей, по которым якобы шло развитие Восточной и Западной Европы. Как известно, эта реакционная «теория» — о непримиримой противоположности Востока и Запада — широко используется в антикоммунистической пропаганде. Борьба с концепциями буржуазного византиноведения по вопросу о феодализме в Византии приобретает, таким образом, серьезное политическое значение². Все это во многом объясняет то обстоятельство, что в центре исследовательских интересов советских специалистов находится изучение своеобразия византийского феодализма, выявление сходства и различия феодальных отношений в Византии с теми, которые складывались в других странах Юго-Восточной и Западной Европы, а также Ближнего Востока.

В свете сказанного особую важность приобрело всестороннее исследование проблемы перехода от рабовладельческого строя к феодализму и генезиса феодальных отношений в Византии, а равно и в сопредельных с нею странах. Этот процесс длительное время изучался (как за рубежом, так и у нас) преимущественно на материале истории Западной Римской империи. Тем настоятельнее стала ощущаться необходимость разработки вопроса в сравнительно-историческом плане, включая и историю Византии. При этом спорный характер и сложность проблемы потребовали углубленного изучения процесса возникновения феодальных отношений в различных областях Византийской империи. В результате появились локальные исследования, рассматривающие специфику генезиса феодализма в отдельных провинциях.

Разработкой названного сюжета в его различных аспектах занимались Н. В. Пигулевская, М. Я. Сюзюмов, Е. Э. Липшиц, З. В. Удальцова, А. Р. Корсунский, А. П. Каждан, Г. Г. Дилигенский, С. Т. Еремян, С. Г. Каухчишвили, Г. Л. Курбатов, И. Ф. Фихман и другие ученые.

Крушение рабовладельческого строя и начало формирования феодализма в странах Ближнего Востока составили предмет исследований Н. В. Пигулевской. В своих работах она рассматривала процесс перехода от рабовладельческой к феодальной формации в Иране, Южной Аравии и восточных провинциях Византии, прежде всего в Сирии³. Н. В. Пигулевская считает, что для общественных отношений с III в.

² См. подробнее в статье: А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии.— В сб. «Против фальсификации истории», М., 1959, стр. 381—447; А. П. Каждан. Основные проблемы истории Византии (в свете новейших исследований).— ВИМК, 1957, № 3, стр. 64—80.

³ Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.— Л., 1956; ее же. К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране.— ВЛГУ, 1956, № 8, стр. 79—84; ее же. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке.— УЗ ИВАН, т. XVI, 1958, стр. 5—30; ее же. Арабы у границ Византии в IV в. (доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов). М., 1960 и др.

было характерно существование сельской общины и смягчение по сравнению с римской эпохой положения рабов; она полагает, что именно в это время на Ближнем Востоке возникает феодальная аристократия.

Разложение рабовладельческого строя и формирование феодальных отношений в Италии в период остготского, а затем византийского завоевания были рассмотрены в монографии З. В. Удальцовой «Италия и Византия в VI в.»⁴ и в ряде ее статей⁵. Основной вывод автора состоит в том, что феодализм в Италии сложился в результате синтеза общественных отношений варваров (остготов) и элементов феодального строя, развивавшихся внутри страны; византийское завоевание, приведшее к реставрации на Апеннинском полуострове рабовладельческих порядков, временно затормозило развитие феодального строя, поскольку в самой Византии формирование феодальных отношений происходило более медленными темпами, чем на Западе. Выяснив формы эксплуатации зависимого населения на землях крупных собственников, автор характеризует крупную земельную собственность, складывавшуюся в остготской Италии, как феодализующуюся. Анализ положения различных категорий этого населения показывает, что в Италии VI в. начали выкристаллизовываться основные черты той феодальной зависимости, которая появится позднее.

Наряду с рабством, не потерявшим еще своего экономического значения, все большее распространение получает труд колонов, рустикав и свободных земледельцев; их доля в общей массе непосредственных производителей увеличивается, хотя рабство пока еще медленно уступает свои позиции. В то же время происходит нивелировка в положении самих этих групп трудящихся, которая приводит к превращению их в единую массу феодально зависимого крестьянства.

Проблеме общественного и политического строя остготской Италии была посвящена кандидатская диссертация И. А. Дворецкой. В отличие от З. В. Удальцовой, И. А. Дворецкая придерживается скорее «германистической», чем «романистической», теории. В процессе формирования феодализма в Италии V в. она первостепенное место отводит влиянию общественного строя варваров-остготов, несколько преуменьшая масштаб сохранения римских институтов, например рабствования и частной собственности на землю. Среди зависимого населения Италии, по ее мнению, в V в. преобладали колонны, рабство к этому

⁴ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959. См. рец. М. Л. Абрамсон.—ВИ, 1960, № 7, стр. 168—171; М. А. Заборов.—ВДИ, 1961, № 4, стр. 151—155; А. И. Неусыхин.—СВ, вып. XX, 1961, стр. 225—239; М. Я. Сюзюмов.—ВВ, XIX, 1961, стр. 283—293; E. Frances.—SRJ, 4, 1961, p. 1107—1109.

⁵ З. В. Удальцова. Сельское зависимое население в Италии VI в.—ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—116; ее же. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в.—ВВ, IX, 1956, стр. 78—116; ее же. Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания.—ВВ, X, 1956, стр. 9—26; ее же. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания.—ВВ, XI, 1956, стр. 29—54; ее же. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V века.—СВ, вып. VIII, 1956, стр. 39—54; ее же. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания.—ВМГУ, серия. ист. и филол., 1958, № 3, стр. 21—57; ее же. Политический строй и политическая борьба в Италии в конце V — начале VI в.—ВВ, XV, 1959, стр. 3—32; ее же. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии.—СА, XXVIII, 1957, стр. 317—332.

времени уже утратило свое значение в производстве. Весь политический строй остготского Италии, административное и военное устройство страны также, на ее взгляд, испытали сильное воздействие социально-политических отношений варваров⁶.

Формирование феодализма в Испании в период византийского завоевания и господства вестготов было проанализировано А. Р. Корсунским, показавшим в своих статьях⁷, что в Вестготском королевстве (так же как и, заметим от себя, в Остготском) генезис феодализма происходил на основе синтеза древнегерманских и римских общественных порядков, причем своеобразие развития Испании состояло в длительном сохранении рабства и сильной романизации государственного управления Вестготского королевства. На большом фактическом материале он ставит в теоретическом аспекте вопрос о социально-правовом и политическом устройстве раннефеодальных варварских государств Западной Европы⁸. В этой обобщающей работе историк различает варварские королевства по степени интенсивности синтеза романских институтов с элементами общинно-родового строя варваров. Книга А. Р. Корсунского имеет первостепенное значение для выяснения типологии возникновения феодального строя в странах Западной Европы.

Проблема генезиса феодализма в Северной Африке в период вандальского, а затем византийского завоевания изучалась Г. Г. Дилигенским⁹ и З. В. Удальцовой¹⁰, по мнению которых своеобразие раз-

⁶ И. А. Дворецкая. Общественный и политический строй Остготского королевства в Италии. Автореф. канд. дисс.— МГПИ, 1956; е е же. Раздел земель в Остготском государстве в Италии в VI в. и рост дифференциации среди остготов.— УЗ МГПИ, т. CIV. Кафедра истории древнего мира и средних веков, вып. 5, 1957, стр. 111—130; е е же. К вопросу о положении зависимого населения в Остготском королевстве.— НДВШ, ист. науки, 1959, № 1, 172—189; е е же. Организация управления в Остготском королевстве.— ВВ, XXI, 1962, стр. 3—28; е е же. Эдикт Теодориха Остготского как источник по социально-политической истории раннего средневековья.— В сб. «Проблемы экономического и политического развития стран Европы». УЗ МГПИ, 1964, № 217, стр. 147—156 (перевод Эдикта Теодориха — там же, стр. 157—182).

⁷ А. Р. Корсунский. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв.— ВВ, XII, 1957, стр. 31—45; его же. О развитии феодальных отношений в готской Испании (Формирование зависимого крестьянства).— СВ, X, 1957, стр. 27—57; его же. О развитии феодальных отношений в готской Испании (Зарождение бенефициальной системы).— СВ, XIX, 1961, стр. 32—52; его же. О развитии феодальных отношений в готской Испании (Формирование крупного землевладения).— СВ, XV, 1959, стр. 3—30; его же. О развитии феодальных отношений в готской Испании (Рост частной власти и политической самостоятельности крупных землевладельцев).— СВ, XXIII, 1963, стр. 3—19; его же. Об условиях поселений вестготов в Южной Галлии и Испании.— СВ, XXV, 1964, стр. 21—34; его же. Вестготы и Римская империя в IV—начале V века.— ВМГУ, серия. ист., 1965, № 3, стр. 87—95; его же. О социальном строе вестготов в IV веке.— ВДИ, 1965, № 3, стр. 54—74; его же. Основные вопросы истории Испании V—VII веков. Автореф. докт. дисс.— Изв. МГУ, 1965.

⁸ А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963, стр. 186; см. рец. А. И. Неусыхина.— СВ, 26, 1966, стр. 289—299.

⁹ Г. Г. Дилигенский. Аграрные отношения в Вандальском королевстве.— ВВ, XI 1956, стр. 5—28; его же. Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке.— ВДИ, 1957, № 2, стр. 85—105; его же. Северная Африка в IV—V веках. М., 1961.

¹⁰ З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, VI, 1953, стр. 88—112.

вития этой провинции заключалось в явном преобладании в тот период колоната над рабством и в быстром разложении рабовладельческих порядков.

Изучением социально-экономического строя византийского Египта в IV—VI вв. в связи с проблемой генезиса феодализма и роли города в этом процессе занимался И. Ф. Фихман¹¹. В своей книге И. Ф. Фихман путем анализа данных египетских папирусов IV—VI вв. показал разложение рабовладения в ремесленном производстве египетских городов и переход к мелкому свободному ремеслу — процесс, наложивший отпечаток на формирование феодальных порядков в этой провинции¹².

М. В. Левченко на основании анализа писем Синесия Киренского воссоздал картину разложения в конце IV—начале V в. рабовладельческого общества провинции Пентаполь, раздиравшегося классовыми и этническими противоречиями¹³. Жизнь городских курий и судьбы муниципальной организации в городах Сирии (прежде всего в Антиохии) в период разложения рабовладельческого строя изучались в работах Г. Л. Курбатова¹⁴.

Из приведенных данных мы видим, что локальная разработка проблемы падения рабовладельческого строя и генезиса феодализма проводилась главным образом на материалах некоторых западных (Италия, Испания, Северная Африка) и восточных (Сирия, Египет) провинций Византии. Почти вне поля зрения исследователей остались Малая Азия и отчасти балканские провинции, социальный строй которых интересовал историков главным образом в плане выяснения масштабов и последствий славянской колонизации, а не как объект всестороннего исследования внутренних процессов становления феодального строя.

Вопрос о времени перехода от рабовладения к феодализму в Византии и путях развития феодальных отношений вызвал в нашей науке оживленную дискуссию. Посвященная спорным вопросам социально-экономической истории Византии, она была проведена на страницах журнала «Вопросы истории» в 1958—1961 гг. Значительное место в ней заняло обсуждение именно проблемы разложения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Византийской империи¹⁵. Участники спора высказали в основном две точки зрения.

З. В. Удальцова и А. П. Каждан, открывшие дискуссию, считали необходимым пересмотреть традиционное представление об экономическом упадке и всеобщем закабалении населения Римской империи

¹¹ И. Ф. Фихман. К характеристике корпораций византийского Египта.— ВВ, XVII, 1960, стр. 17—27.

¹² И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—сер. VII в. М., 1965; см. рец. Е. Э. Липшиц— ВВ, XXXI (печатается).

¹³ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синесия.— ВВ, IX, 1956., стр. 3—44.

¹⁴ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 42—60. См. ниже, стр. 197 сл.

¹⁵ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии.— ВИ, 1958, № 10, стр. 79—96; М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии.— ВИ, 1959, № 3, стр. 98—117, Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии.— ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103.

в IV—VI вв. Этот тезис не вызвал особых возражений. Гораздо более дискуссионным оказалось другое, связанное с ним утверждение З. В. Удальцовой и А. П. Каждана — о том, что социальная структура Византийской империи в эти столетия принципиально не отличалась от общественных отношений предшествовавших веков и что, следовательно, так называемый ранневизантийский период следует рассматривать как заключительный этап развития рабовладельческого общества.

Это положение, в основных чертах поддержанное М. Я. Сюзюмовым, встретило возражения болгарского ученого Д. Ангелова и особенно Е. Э. Липшиц; правда, по мнению Д. Ангелова, в эту эпоху были налицо лишь «известные тенденции феодального способа производства», тогда как Е. Э. Липшиц характеризовала данный период уже как «первый этап складывания византийского феодализма».

Согласно точке зрения, всего последовательнее развитой Е. Э. Липшиц¹⁶, феодализм восторжествовал в Византии уже к началу IV в., а правление Юстиниана было периодом феодальной монархии. По другой концепции (ее придерживаются большинство исследователей — М. Я. Сюзюмов, З. В. Удальцова, А. Р. Корсунский, А. П. Каждан и др.), в IV—VI вв. в Византии еще преобладали рабовладельческие отношения, хотя уже и зарождался феодальный строй; рабовладельческие порядки были сокрушены в Восточной Римской империи только в VII в. в результате вторжения славян и народных движений в самой империи¹⁷. В подтверждение своего взгляда Д. Ангелов и Е. Э. Липшиц выдвигали два основных аргумента: наделение рабов пекулием рассматривалось ими как свидетельство распада рабовладельческой системы, а колонат — как начальная форма эксплуатации феодального типа. Однако М. Я. Сюзюмов уже в полемике с Е. М. Штаерман¹⁸ показал, что перевод рабов на пекулий представляет собой нормальное явление в условиях рабовладельческой системы хозяйства, известное и классической древности¹⁹.

З. В. Удальцова и А. П. Каждан со своей стороны подчеркивали

¹⁶ Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии.— ВВ, XIII, 1958, стр. 28—54.

¹⁷ Существо расхождений по этому вопросу изложено в кн. «Всемирная история», т. III. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 86. Ср.: К. П. Коржева. Проблема крушения античного рабства в советской историографии.— «Уч. труды кафедр всеобщей истории и гос. и междунар. права Казахского. Гос. ун-та». Алма-Ата, 1964, 219—242; ср. также: А. П. Каждан. Кризис и падение Римской империи.— ВДИ, 1966, № 1, 131—137 (рец. на книги А. Джонса и Р. Ремондона); А. Каждан. Byzanz. Aufstieg und Untergang des Oströmischen Reiches.— Berlin 1964; Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма.— ВИ, 1961, № 6, стр. 96—110. Наиболее последовательно теорию о гибели рабовладельческой формации к IV в. проводит Е. М. Штаерман (Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 509; рец.: С. И. Ковалев.— ВИ, 1960, № 3, стр. 186—188); В. Н. Дьяков.— ВДИ, 1958, № 4, стр. 122—129.

¹⁸ См.: О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики, стр. 108 и сл.

¹⁹ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи.— ВДИ, 1955, № 1, стр. 55 и сл.

генетическую близость восточноримского колоната к формам эксплуатации, существовавшим в эллинистических государствах. Если, следовательно, принять тезис о феодальном характере колоната, то придется признать и давно уже отвергнутый в науке вывод относительно феодальной природы зависимости земледельцев в эллинистическую эпоху.

Ученые, которые отстаивали представление о ранневизантийском периоде как о первом этапе развития феодальных отношений, либо должны были доказать, что колонат в восточных областях Римской империи принципиально отличался от форм эллинистической зависимости, либо признать, что византийский феодализм берет свое начало от эллинистического общества.

Теорию Е. Э. Липшиц поддержал И. Ф. Фихман, который в своей монографии о византийском Египте доказывал, что в Египте IV—VI вв. шел интенсивный процесс становления феодальных отношений²⁰.

В своей новейшей работе Е. Э. Липшиц по существу вновь возвращается к старой дискуссии о характере социально-экономического строя ранней Византии. При этом она несколько модифицирует свою прежнюю точку зрения, утверждая, что феодальные отношения развивались уже в ранней Византии, когда колонны были феодально зависимыми крестьянами. Для доказательства этого тезиса она подвергает анализу термин «парик», встречающийся в различных документах (в надписях IV—V вв., в законодательстве Юстиниана, в Василиках), притом — в неодинаковом значении. Е. Э. Липшиц выступает против толкования данного термина, предложенного М. Я. Сюзюмовым и А. П. Кажданом. Последние считали, что он отнюдь не означал крестьянина, находящегося в феодальной зависимости. «Парик» раннего времени — это просто «присельник». Е. Э. Липшиц понимает значение термина по-иному. По ее мнению, уже в законодательстве Юстиниана «парик» приравнивается к колонну, а колонны тогда были, с ее точки зрения, феодально зависимыми земледельцами. В Василиках же латинский термин «колон», употреблявшийся в кодексе Юстиниана, вообще заменяется греческим термином «парик». Исследовательница полагает, что, поскольку в Юстиниановом законодательстве колон расценивается как раб земли и поскольку имеет место запрещение перехода колоннов из одного имения в другое, эти черты роднят их с крепостными париками поздневизантийского времени. Конечный вывод автора сводится к тому, что паричская зависимость IX в. по своему характеру была родственна той, в которой находились колонны в ранний период, когда уже складывалась зависимость феодального типа. Иначе термин парик, по мнению автора, обозначает в законодательстве IX в. категорию крестьян, близкую крепостным парикам позднейшего времени²¹. На наш взгляд, вывод

²⁰ И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох, стр. 251.

²¹ Е. Э. Липшиц. О значении термина «парик» в Византии IX в. — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». Сб. в честь 70-летия чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской М., 1967, стр. 74—76. Выводы И. С. Свенцицкой не совпадают с мнением Е. Э. Липшиц. Свенцицкая полагает, что эллинистические парики представляли собой привилегированную категорию местного населения земледельческой округи, подчиненной полису. Никакой генетической связи их с византийскими париками эпохи феодализма проследить невозможно (И. С. Свенцицкая. Категория *παροίκος* в эллинистических полисах Малой Азии. — ВДИ, 1959, № 2, стр. 146—153).

Е. Э. Липшиц — это все же чистая гипотеза, так как исследовательница не доказала, что колон VI в. был феодально зависимым крестьянином. По-видимому, природа колоната значительно сложнее, и самый вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Недавно к выводам Е. Э. Липшиц присоединился С. Э. Крапивенский. Он считает, что в Византии элементы феодализма существовали еще долго до IV в., а затем в течение III—IV вв. в стране утвердился феодальный строй. Однако Крапивенский выступает против эволюционистской теории перехода от рабовладельческого общества к феодализму и подчеркивает революционный характер смены этих формаций²².

Другие историки (М. Я. Сюзюмов, А. Р. Корсунский, А. П. Каждан, З. В. Удальцова) считают, что в IV—VI вв. в Византии еще преобладали рабовладельческие отношения, хотя и начался процесс зарождения феодального строя. Они расценивают колонат как переходную форму эксплуатации, принципиально отличную от феодальной.

Характеристике особенностей развития колонатных отношений в Восточной Римской империи V—VI вв. посвящена специальная работа А. Р. Корсунского. Исследуя данные юридических, литературных и папирологических источников, автор пришел к заключению, что «колонат в Восточной Римской империи, несмотря на его некоторую близость к крепостническим отношениям, отнюдь не может быть отождествлен с последними. Колонат представляет собой форму производственных отношений, соответствующую переходному периоду от рабовладельческого строя к феодальному»²³.

А. Р. Корсунский показал, что в положении колонов и на Востоке, и на Западе сочетались черты нового и старого: пережитки, восходившие ко времени безраздельного господства рабовладельческого строя, — с новыми феодальными формами эксплуатации непосредственных производителей. Имперское законодательство IV—VI вв. стремилось сблизить колона с рабом, объявив его собственностью господина, лишив права передвижения, ограничив имущественную правоспособность колона²⁴. Однако основные объективные тенденции социально-экономического развития, а также и действие субъективного фактора — активное сопротивление колонов — мешали последовательному выполнению этих предписаний имперских законов. Фактически статус колона существенно отличался от положения раба: господин имел право лишь на труд колона, на определенные повинности — за пользование землей; колон вел самостоятельное хозяйство; несмотря на строгие требования законов, он мог в известной степени распоряжаться имуществом, передавать его детям по наследству и завещать любым лицам, мог в некоторых случаях судиться с господином, если тот незаконно увеличивал его оброк; колон привлекался к военной службе, имел свою законную семью²⁵.

Интересен вывод автора о том, что колон в Восточной Римской

²² С. Э. Крапивенский. Переход к феодализму как социальная революция. — ТТГУ, № 193, 1967, стр. 52—75.

²³ А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи V—VI веков. — ВВ, IX, 1956, стр. 77.

²⁴ Там же, стр. 71 сл.

²⁵ Там же, стр. 76.

империи обладал несколько большими правами, чем его собрат на Западе, и поэтому по своему статусу был ближе к крепостному раннего средневековья, чем колон Западной Римской империи. Однако и тот и другой являлись лишь предшественниками средневековых крепостных, а отнюдь не феодально зависимыми людьми. Оригинальна трактовка А. Р. Корсунским и проблемы патроната в Поздней Римской империи. Коллективные патроцинии, когда под покровительство патрона вступали целые деревни (*patrocinia vicorum*), по его мнению, были распространены лишь в восточных провинциях Римской империи. На Востоке свободное крестьянство и общинные порядки сохранялись в больших размерах, чем на Западе, и крестьяне при коллективном патронате могли добиваться значительной независимости от господина²⁶. В целом, по утверждению А. Р. Корсунского, феодальный уклад в Поздней Римской империи еще не сложился и только после ее падения, уже в VI—VII вв., были осуществлены главные задачи социальной революции, уничтожившей рабовладельческую систему²⁷.

К аналогичным выводам о колонате как форме эксплуатации, свойственной переходному периоду от рабовладения к феодализму, пришла и З. В. Удальцова, показавшая, каким образом борьба двух тенденций общественного развития — феодальной и рабовладельческой — в Италии V—VI вв. наложила свой отпечаток на положение различных категорий колоннов и обусловила эволюцию колонатных отношений: в целом она шла в сторону увеличения феодальных черт в статусе колоннов²⁸.

Вопрос о характере рабовладения и соотношении рабства и колоната в византийской Италии VI—VII вв. рассматривался З. В. Удальцовой и в ее другой работе²⁹. Основываясь преимущественно на данных равеннских папирусов той эпохи, автор приходит к заключению, что в византийской Италии VI—VII вв. происходит эволюция рабства, аналогичная той, которая в различных вариантах проявлялась и в других провинциях империи. Ее главные особенности заключались не только и не столько в росте численности рабов, посаженных на землю, сколько прежде всего в повышении значимости их труда в хозяйстве крупных землевладельцев и приобретении рабом большей, чем раньше, хозяйственной самостоятельности.

Равеннские папирусы, как показал автор, представляют собой ценный источник, обладающий документальной точностью. Они фиксируют подлинные жизненные отношения и вносят много важных коррективов в известия законодательных и нарративных памятников. Именно равеннские папирусы помогают воссоздать реальную картину изменения

²⁶ А. Р. Корсунский. Были ли *patrocinia vicorum* в Западной Римской империи? — ВДИ, 1959, № 2, стр. 167—173.

²⁷ А. Р. Корсунский. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе. — ВИ, 1964, № 5, стр. 95—111.

²⁸ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 92 сл.

²⁹ З. В. Удальцова. Рабство и колонат в византийской Италии во второй половине VI—VII в. (Преимущественно по данным равеннских папирусов). — ВО, стр. 93—120; ее же. Некоторые данные византийских папирусов VI—VII вв. о формах землевладения и положении рабов и колоннов (доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов). М., 1960.

статуса рабов в Италии VI—VII вв. Вместе с тем папирусы дают возможность наметить соотношение рабства и колоната и проследить их эволюцию. Она состояла в сокращении рабовладения и расширении колоната, в частности, и за счет поселения варваров. На последнее указывают часто встречающиеся несомненно варварские имена итальянских колонов VI—VII вв.

Процесс юридического закрепощения колонов в Римской империи IV—V вв. по данным законодательных памятников прослеживает Н. Х. Юдикис. Изменение правового статуса колонов в сторону усиления их зависимости, по мнению автора, было обусловлено двумя решающими факторами: нехваткой рабочих рук и нуждами фиска. Развитие социальных отношений Поздней Римской империи шло по пути сближения положения колонов, рабов и обедневших мелких собственников. Все они постепенно превращались в единый широкий социальный слой зависимого крестьянства³⁰.

За последние годы вопрос о характере рабовладения в Римской империи и Византии буквально не сходит со страниц научной литературы, вызывая оживленные споры.

Чрезвычайно большое значение для позитивной разработки проблемы разложения рабства и формирования феодализма в Византии имеют новые публикации папирусов, происходящих из восточных провинций империи (от начала III до VIII в. н. э.) и содержащих богатейший фактический материал. Анализ этих публикаций мастерски сделан крупным специалистом по истории античности и эллинизма К. К. Зельным³¹.

З. В. Удальцова занялась специальным изучением положения рабов в Византии в VI в., и эти разыскания подтвердили высказанную ею ранее точку зрения. З. В. Удальцова показала, что в Византии еще в VI в. преобладало рабовладение, хотя само рабство претерпело к этому времени значительную эволюцию по сравнению с классической эпохой³². На основании обследования данных законодательства Юстиниана, нарративных источников, папирусов, надписей автор пришла к выводу, что в VI в. рабство сохранило свое значение в социально-экономической жизни страны и соответственно в законодательстве, политике, быту. Но старые латифундиальные формы использования рабского труда все более изживали себя и заменялись новыми; важнейшим среди них был пекулий. Автор подробно проследила

³⁰ Н. Х. Юдикис. К вопросу об экономических предпосылках юридического закрепощения колонов в IV—V веках.—УЗ Вологодск. ГУ, XXI (1958), стр. 200—232. К. И. Новицкая, характеризующая аграрную политику Диоклетиана и Константина, полагает, что эти правители лавировали между крупной феодализирующей знатью и средними и мелкими собственниками. В конечном счете их политика не удовлетворяла ни тех ни других. Однако в отношении закрепощения колонов обе эти социальные группировки были едины и поддерживали законодательные меры по прикреплению колонов к земле (К. И. Новицкая. Некоторые вопросы аграрной политики начала Домината.—ВДИ, 1961, № 4, стр. 85—97).

³¹ К. К. Зельн. Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III до начала VIII в. н. э.—ВДИ, 1964, № 4, стр. 103—130.

³² З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана).—ВВ, XXIV, 1964, стр. 3—34; е е же. Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в. (по данным законодательства Юстиниана).—ЗРВИ, VIII(1), 1963, стр. 281—290.

эволюцию этого института, которая шла по линии расширения прав раба на распоряжение пекулием.

Изменения в социально-экономическом статусе рабов повлекли за собой существенные перемены в их семейноправовом положении. Рассматривая эту эволюцию, исследовательница подчеркнула противоречивость законодательства Юстиниана в отношении семейноправового статуса рабов и их потомства. В исследовании З. В. Удальцовой поднимается также вопрос о разложении рабства в Византии VI в., что нашло свое выражение как в изменении форм рабовладения, так и в облегчении отпуска рабов на свободу. Особый раздел работы посвящен анализу отношения к рабству со стороны христианской церкви. Данные источников свидетельствуют, что, проповедуя равенство и призывая к смягчению рабства, христианская церковь фактически поддерживала рабовладение. Подлинно решительные выступления против рабства исходили от еретических сект, отражавших освободительные чаяния низов.

Конечный вывод автора состоит в том, что в Византии становление феодализма было связано не только с формированием новых видов собственности и способов эксплуатации, но и с изменением самого характера рабовладения.

Г. Л. Курбатов поддержал теорию об эволюции рабства в Византии IV в., но усматривал эту эволюцию не в изменении характера рабовладения, а преимущественно в падении роли рабского труда в производстве. Детально изучив произведения Ливания, автор пришел к выводу, что рабство не находило в IV в. значительного применения ни в сельском хозяйстве Северной Сирии, ни в городском ремесле Антиохии. Думается, однако, что этот вывод еще весьма гипотетичен, ибо ему противоречат данные того же Ливания о многочисленности рабов, подвластных антиохийской знати. Согласно подсчету самого Курбатова, рабы составляли $\frac{1}{5}$ населения Антиохии, а некоторые вельможи в столице Сирии владели от одной до двух тысяч рабов. Трудно представить, чтобы подобная масса рабов использовалась лишь как домашняя челядь и была отстранена от производительного труда. Этот вопрос нуждается еще в дальнейшем изучении. Несмотря на спорность выводов, исследование Г. Л. Курбатова представляет значительный интерес, особенно в той части, где характеризуются взгляды Ливания на институт рабства. Здесь Г. Л. Курбатову удалось убедительно показать, что этот представитель антиохийской патрицианской знати полностью сохранил античное отношение к рабству³³. Теории о постепенном падении значения рабства в социально-экономической жизни Византии в IV—V вв. придерживается и Г. Е. Лебедева. Показателем этого процесса она считает сокращение количества законов о рабах, изданных в течение IV и V столетий³⁴.

И. С. Свенцицкая недавно попыталась пересмотреть общепринятое ранее мнение о том, что предоставление рабам пекулия способствовало

³³ Г. Л. Курбатов. Рабы, рабство и проблема рабства в произведениях Ливания.— ВДИ, 1964, № 2, стр. 92—106.

³⁴ Г. Е. Лебедева. Рабы и проблема рабства в кодексе Феодосия.— ВЛГУ, 1966, № 8, сер. ист., яз. и лит., вып. 2, стр. 76—83. Ср.: И. П. Тарасова. К вопросу о правовом положении рабов в поздней Римской империи.— УЗ ЛГУ, 251, серия. ист. наук, вып. 28, 1958, стр. 75—89.

смягчению кризиса рабовладельческого строя. Изучив положение рабов в Малой Азии в V в., она пришла к заключению, что для этих областей империи применение труда рабов, посаженных на землю, не являлось показателем разложения рабовладельческих отношений. Вместе с тем институт пекулия, по ее мнению, нельзя считать и рудиментом более архаичных отношений примитивного рабства. Введение Диоклетиановской системы налогового обложения по существу уравнивало положение крестьян и посаженных на землю рабов³⁵.

Несколько противоречиво трактуется проблема разложения рабства в связи с общим кризисом рабовладельческой системы в империи в статье В. Д. Нероновой. С одной стороны, автор рассматривает Римскую империю IV в. как рабовладельческое государство. Анализируя речи Ливания, она подчеркивает, что эти речи были ярким отражением атмосферы рабовладельческого общества. С другой стороны, опираясь лишь на известия Ливания о патрониниях, В. Д. Неронова утверждает, что в изучаемое столетие в недрах рабовладельческой империи возникали феодальные поместья и даже складывалась феодальная иерархия внутри господствующего класса³⁶.

Для понимания эволюции рабства в ранней Византии полезны исследования ученых, занимающихся проблемами рабовладения в тех или иных сопредельных с Византией странах. Некоторые ученые выступают против концепции универсальности рабства как социально-экономической формации. Так, например, Л. И. Надирадзе полемизирует с общепринятой ранее теорией о преобладании рабского труда и господстве рабовладельческих отношений в Северной Аравии VII в.³⁷

В ходе упомянутой выше дискуссии, ведшейся на страницах журнала «Вопросы истории», возник еще один чрезвычайно важный вопрос — о социальной сущности восточноримского (ранневизантийского) государства IV—VI вв.

М. Я. Сюзюмов, относя возникновение Византийской империи к 324 г. (т. е. ко времени основания новой столицы), полагал, тем не менее, что на первом этапе государство оставалось рабовладельческим и только революция, совершившаяся в VII в., покончила с господством

³⁵ И. С. Свенцицкая. Рабы и вольноотпущенники в сельских местностях провинции Азии.— ВДИ, 1963, № 4, стр. 127—140.

³⁶ В. Д. Неронова. Речи Ливания как источник по истории кризиса Поздней Римской империи.— УЗ ПГУ т. 117, 1964, стр. 49—71; К. П. Коржева, рассмотрев в историографическом плане проблему крушения античного рабства, считает общепринятой концепцией в советской исторической науке теорию о рабовладельческом характере Поздней Римской империи. Согласно этой теории, рабский труд оставался основной производительной силой до конца существования империи, вместе с тем в этот же период проявлялись зачатки феодализма (К. П. Коржева. Проблема крушения античного рабства в советской историографии.— «Уч. труды кафедр всеобщей истории, гос. и междунар. права Казахского гос. ун-та». Алма-Ата, 1964, стр. 219—242).

³⁷ Л. И. Надирадзе. К вопросу о рабстве в Аравии в VII в.— Вопросы истории и лит-ры стран зарубежн. Востока. Изд-во МГУ, 1960, стр. 136—156; ср.: М. М. Фрейденберг. О многозначности понятия «servus» в Далматинской Хорватии X—XI вв.— УЗ ВЛГПИ, 20, 1962, стр. 93—103; И. Я. Фроянов. О рабстве в Киевской Руси.— ВЛГУ, 1965, № 2, сер. ист., яз. и лит., вып. 1, стр. 83—93.

рабовладельческих отношений. Напротив, Е. Э. Липшиц, исходя из своего представления о развитии феодальных порядков уже в ранней Византии, признает и государство того времени феодальным. По ее словам, «сущность этого государства оставалась неизменной на протяжении всей последующей истории Византии».

Ответ на вопрос во многом зависит от того, будем ли мы считать пекулий и колонат феодальными институтами или нет; многое может дать и анализ законодательства и церковных постановлений. Каким образом понимать постановления Константина, укрепившего власть господина над рабом, решения Гангрского собора, осуждавшие отпуск рабов на волю, законы Юстиниана, приравнивавшие адскрипция к рабу, если отрицать, что государство IV—VI вв. отстаивало и укрепляло рабовладельческие формы эксплуатации? Е. Э. Липшиц, правда, выдвигала против этих соображений тот довод, что нормы рабовладельческого права сохранялись в Византии вплоть до самого конца ее существования, однако это соображение вообще переносит постановку вопроса в иную плоскость: можно ли пользоваться памятниками византийского права IV—VI вв. как историческими источниками³⁸.

С выяснением характера общественных отношений и государства IV—VI вв. тесно связано определение исторического места VII столетия в судьбах Византии. М. Я. Сюзюмов и Д. Ангелов признавали его известной гранью в истории империи. Е. Э. Липшиц, оспаривая этот тезис, стремилась доказать несостоятельность тех трех соображений, которые, по ее мнению, обычно приводятся в его пользу: к VII в. относят начало славянской колонизации, к этому времени Византия теряет восточные провинции, тогда же возникает фемный строй.

Убедительное решение этого вопроса предполагает серьезное монографическое изучение истории VII столетия, что чрезвычайно затруднительно в силу скудности источников. Однако если даже исходить из имеющихся данных, очевидны изъяны в аргументации, которые были допущены Е. Э. Липшиц. Она рассматривала далеко не все, и притом не самые значительные, факты, доказывающие наличие глубокого переворота в социально-экономическом строе Византии в VII в., к тому же излагала их недостаточно полно. В действительности важнейшие доводы в пользу представления о совершившемся перевороте в VII в. состоят в следующем: от VII до IX в. мы почти не встречаем в источниках известий о крупной земельной собственности; напротив, многие источники говорят о существовании свободных общин; значительная часть старых городов переживает серьезный экономический упадок. С этим связаны также завершение славянских вторжений, массовое расселение армян в восточных областях империи, перестройка государственного аппарата (распад старой финансовой системы, разделение страны на несколько больших фем, к правителям которых фактически переходила вся власть в стране, попытки патримониального раздела империи и переноса столицы из Константинополя и т. д.). Между экзархатами VI в. и фемами VII в., вопреки мнению Е. Э. Липшиц, имелось

³⁸ См. материалы дискуссии в ВВ, XIV, 1958, стр. 56—80.

принципиальное различие: экзархаты являлись очень немногочисленными областями в отдаленных провинциях, тогда как на фемы в VII в. была поделена основная территория империи — Малая Азия³⁹.

Аграрные отношения в VII—XV вв.

Одна из кардинальных проблем, находившаяся в центре внимания византинистов,— специфика складывания феодализма в Византии и своеобразие этого процесса по сравнению с «классическим» типом феодальных порядков во Франкском государстве Меровингов и Каролингов.

Большинство наших специалистов придает чрезвычайно большое значение в этом процессе славяно-византийской сельской общине. Ее черты (характер) были предметом исследования Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждана, З. В. Удальцовой, Г. Г. Литаврина, К. А. Осиповой, М. М. Фрейденберга и других ученых. В отличие от буржуазных, советские византинисты изучают общину в ее развитии. Так, З. В. Удальцова и А. П. Каждан сопоставили общину IV в., как ее охарактеризовал известный польский папирилог и историк права Р. Таубеншлаг, с общиной, известной по византийским документам VIII—X вв., и подчеркнули наличие значительных различий между ними¹. В частности, как свидетельствует «Земледельческий закон», в VIII—IX вв. в Византии исчезли периодические переделы земли, наличие которых в позднеримское время было выявлено Р. Таубеншлагом². Установление этого факта позволило прийти к выводу, что в ходе общественного переворота VII в. и славянской колонизации византийская община претерпела серьезные изменения, став исходной ячейкой развития феодальных отношений.

Эта же мысль об изменении характера византийской общины в результате славянских вторжений высказана в работах А. П. Каждана. Исчезновение периодических переделов сопровождалось, как он полагает, возникновением большесемейных отношений и развитием прав на чужую землю³.

Иную точку зрения на характер византийских общин VI—X вв. выдвинул М. Я. Сюзюмов, который, не отрицая укрепления в них родственных связей после славянских вторжений, утверждал, тем не менее, что община VIII в., как и позднеримская, была корпорацией частных собственников. По мнению М. Я. Сюзюмова, в Поздней Римской империи и на Востоке типичной являлась не архаическая, сохранившаяся

³⁹ Отметим также весьма спорное утверждение Е. Э. Липшиц, будто фемный строй восторжествовал только в X в. Как показала в своем исследовании Э. Гликаци-Арвейлер, в это время начинается уже распад фемного строя. См.: Н. Glycatzi-Ahrweiler. *Recherches sur l'administration de l'empire byzantine aux IX—XI siècles*. Paris, 1960.

¹ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии.— ВИ, 1958, № 10, стр. 83.

² Р. Таубеншлаг. Сельские общины в романизованных провинциях Востока времени Диоклетиана.— ВВ, XIII, 1958, стр. 1—8.

³ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв.— ВВ, X, 1956, стр. 53; его же. Деревня и город в Византии IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, стр. 40.

яся кое-где община с переделами земли, а обыкновенная митрокомия с наследственным правом на землю и ограничением права продажи в границах селения: «Существование такой митрокомии... с частной собственностью на землю,— писал он,— непреложный факт»⁴. На этом основании М. Я. Сюзюмов считает, что в отношении форм землевладения нельзя отметить особой разницы между порядками, существовавшими в IV—VI вв. и описанными в «Земледельческом законе»⁵. М. Я. Сюзюмов, таким образом, в отличие от З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, усматривает непосредственную преемственность между позднеримскими и ранневизантийскими общинными отношениями.

Этот вывод М. Я. Сюзюмова вовсе не означает отрицания им исторической роли славянских поселений на Балканах. Она заключалась, с его точки зрения, в том, что под мощными ударами славян «на большей части территории Византии было разгромлено основанное на труде рабов, адскриптициев и прикрепленных колонов крупное землевладение знати»⁶. Не отвергается полностью М. Я. Сюзюмовым и роль славянских поселений в формировании ранневизантийской общины. Отказываясь признать коренные изменения, происшедшие в общине под влиянием славянских поселений, как это доказывали З. В. Удальцова и А. П. Каждан, М. Я. Сюзюмов в то же время солидаризировался с названными авторами в том, что чрезвычайная сплоченность византийской общины, отличающая ее от западной марки, есть результат воздействия обычного права славянской общины⁷.

Отстаивая тезис о существовании в Византии VII в. частной собственности на землю, М. Я. Сюзюмов расходился с А. П. Кажданом, считавшим, что в VIII в. формирование аллода только началось, окончательно же он сложился лишь к X в., что и означало превращение византийской общины в марку⁸. Не признавал М. Я. Сюзюмов и особых прав на чужую землю в византийской общине VIII в., отличных от сервитутов времен Римской империи⁹.

«Земледельческий закон» М. Я. Сюзюмов уподоблял цеховым уставам. Он полемизировал с Е. Э. Липшиц, считавшей, будто «Земледельческий закон» способствовал росту крупного землевладения внутри крестьянской общины¹⁰. М. Я. Сюзюмов, напротив, полагал, что этот памятник тем и отличался от варварских правд, что все его постановления, подобно статьям цеховых уставов, были направлены на то, чтобы противодействовать переходу средств производства в руки более зажиточных членов и не допускать полного разорения рядовых общинников¹¹.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии.— ВИ, 1959, № 3, стр. 102.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону.— ВВ, X, 1956, стр. 34.

⁸ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 45.

⁹ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 105.

¹⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация.— ВС, стр. 111.

¹¹ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины..., стр. 30.

Утверждение М. Я. Сюзюмова о полной частной собственности на землю у общинников VI—IX вв. встретило возражения Е. Э. Липшиц, которая полагала, что полная победа частнособственнических начал происходит, когда община превращается в податную единицу и сохраняется лишь как формальное объединение, т. е. не ранее X в.¹² На наш взгляд, тезис М. Я. Сюзюмова о специфике византийской общины как корпорации частных собственников спорен; он может быть, в частности, проверен путем сопоставления материалов о византийской общинной организации с данными источников о западноевропейской средневековой общине. Вместе с тем следует отметить большую плодотворность и важность постановки Е. Э. Липшиц вопроса о локальных особенностях развития общины в различных областях Византийской империи. Е. Э. Липшиц справедливо указывала, что тип общины, описанный в «Земледельческом законе», не был в Византии единственным; наряду с ним в горных районах Малой Азии и в Сирии уцелели общины более архаического характера, в которых сохранялась коллективная собственность на землю; да и славянские общины в Македонии и Пелопоннесе, видимо, имели более ярко выраженные семейно-родовые черты¹³.

Общая характеристика развития Византии в VIII—первой половине IX в., включая аграрные отношения, дана в фундаментальной монографии Е. Э. Липшиц. Византийское государство VIII—IX вв. характеризуется ею как раннефеодальное, где сосуществовали крупная феодальная собственность и свободная крестьянская община¹⁴. При этом Е. Э. Липшиц, считая славянскую колонизацию важнейшим источником распространения общины, не отрицает и значения местных крестьянских общин в формировании феодального общества. Она уделяет особое внимание этническим переменам, славянским вторжениям, взаимоотношениям славян с империей и судьбам византийских общин в период, предшествовавший «Земледельческому закону». Византийскую общину же VIII—IX вв. Е. Э. Липшиц считает общиной-маркой, в которой общинная собственность сочеталась с частным владением землей. Достоинством книги Е. Э. Липшиц является рассмотрение феодальных институтов и социально-политического устройства в динамике, в непрерывной эволюции.

Итак, мы видим, что характер и особенности византийской общины понимаются нашими византинистами по-разному. Однако при всех расхождениях по некоторым вопросам они сходятся в оценке этой общины как результата синтеза славяно-византийских общественных отношений и в констатации ее сравнительной прочности.

Некоторые советские ученые рассматривали специфику формирования византийского феодализма не столько в существовании славяно-

¹² Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма.— ВИ, 1961, № 6, стр. 103.

¹³ Там же.

¹⁴ Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII—пол. IX в.). М.—Л., 1961. Данная здесь оценка характера общественных отношений в Византии VIII—первой половине IX в. вызвала полемику между А. П. Кажданом и Е. Э. Липшиц (см. рец. А. П. Каждана на кн. Е. Э. Липшиц.— ВВ, XXIII, 1963, стр. 232—248 и ее ответ рецензенту.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 248—266). Рец.: G. Cronț—RESEE, I, 1963, № 3—4, p. 545—548.

византийской общины (хотя и не отрицали ее значения), сколько в сохранении здесь крупных городов — центров ремесла и торговли. Так, М. Я. Сюзюмов в ряде исследований¹⁵ выдвинул концепцию, согласно которой в Византии сталкивались два пути формирования феодализма — городской (по типу городов-республик Италии) и общинный (по типу Меровингского государства), причем в раннее средневековье, по его мнению, преобладающая роль принадлежала первому. С точки зрения А. П. Каждана, своеобразие византийского феодализма заключалось в том, что наряду с общиной в условиях сильной государственной централизации существовала прослойка государственных крестьян, причем в IX—X вв. преобладала централизованная рента. Поскольку отдельные феодалы были недостаточно сильны, чтобы подчинить своей власти общину, они предприняли централизованный натиск на крестьянство, осуществлявшийся государством как органом всего класса феодалов; поэтому параллельно с формированием вотчины происходил процесс превращения свободных крестьян в государственных, зависимых людей¹⁶.

Византийское крестьянство на первом этапе развития феодальных отношений, оставаясь в подавляющем большинстве «вне сферы действия вотчинной эксплуатации, тем не менее стало зависимым». Его сеньором сделалось государство, взимавшее централизованную ренту в разных формах и на протяжении IX—X вв. прикрепившее к земле в основном все зависимое население. Система эпіболы-аллиленгия, утвердившаяся к началу X в., еще более усугубила зависимость государственных крестьян¹⁷.

Представление о централизованной эксплуатации крестьянства в X—XI вв. разделяет К. А. Осипова, изучавшая пути разложения сельской общины и формирования феодального землевладения. В центре ее внимания находился как раз один «из наиболее действенных рычагов» превращения свободных общинников в государственных париков — аллиленгий в X в. Полемизируя с И. Караяннопулосом, утверждавшим, будто принцип коллективной податной ответственности оставался неизменным на протяжении всей истории Византии, К. А. Осипова считает, что этот институт в качестве специфической формы податной ответственности возник в X в. После 928 г. аллиленгий взимался в форме податей, вносившихся соседями за опустевшие земли односельчан. В период с 928 по 941 г., по-видимому, была введена особая система податных и земельных изъятий: налоги за покинутые земли платили теперь не соседи, а вся община. Введение такого рода изъятий нельзя рассматривать «как простой переход к политике налоговых облегчений» — с ними была связана новая форма аллиленгия. Хотя опустевший участок, согласно «Податному уставу», должен был поступать

¹⁵ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 55—81. Ср.: Е. Э. Липшиц. К изучению экономики пригородов Константинополя в X в. — ВВ, XIV, 1958, стр. 81—84; М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. — ВВ, XVII, 1960, стр. 3—16.

¹⁶ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 419.

¹⁷ А. П. Каждан. Византийская община IX—X вв. — УЗ ВЛГПИ, 1956, стр. 94; его же. К вопросу об особенностях феодальной собственности..., стр. 53; его же. Деревня и город..., стр. 30, 189.

в казну, на практике нередко эта «класма» оставалась за общиной, и последняя уплачивала за нее налоги¹⁸.

Таким образом, происходил процесс выделения из общины заброшенных, пустующих земель посредством применения системы класм¹⁹. Ее появление в X в. было результатом подчинения общины государством. Заброшенные земли сперва освобождались от налогов, а затем переходили в распоряжение государства, которое передавало их частным лицам или церковным учреждениям. Фактически система класм приводила к отторжению от общины пустующих земель и передаче их феодалам и монастырям, что оказывало глубоко разрушительное воздействие на общину.

К. А. Осипова внимательно прослеживает развитие института класм и борьбу сельской общины и государства за пустующие земли. Она показывает, как община постепенно теряет соседские права на эти земли и государство пускает их в продажу. Все попытки сохранить класмы в системе общинного землевладения успеха не имели. Продаваемые государством, они, как правило, становились источником расширений крепящихся феодальных поместий. Ценный источник X в. — Фиванский кадастр, изученный автором, с особой наглядностью рисует процесс сокращения общинных земель путем применения системы класм. Их отторжение от общины было в конечном итоге необратимо, и в этом, по мысли автора, суть разрушительной роли данной системы в судьбах общинного землевладения.

Против тезиса о существовании централизованной ренты в IX—X вв. выступил М. Я. Сюзюмов, считавший, что в IX—X вв. лично свободные крестьяне в Византии не были феодально зависимыми, а их повинности служили только выражением подданства. Под понятие «государственные крестьяне», по его мнению, можно подвести лишь *παροίκου δημοσία* более позднего времени. Нет оснований, полагал М. Я. Сюзюмов, говорить о прикреплении к земле общинников X в. Исходным моментом ошибочного, с его точки зрения, представления о централизованной ренте является высказанный Е. Э. Липшиц еще в 1945 г. взгляд, будто византийская община близка к азиатской²⁰; на самом же деле византийская община не отличалась от западноевропейской марки²¹.

¹⁸ К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в. — ВВ, XVII, 1960, стр. 31—35; ее же. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии X в. — ВВ, X, 1956, стр. 66—90.

¹⁹ К. А. Осипова. Система класм в Византии в X—XI вв. — ВО, стр. 174—185.

²⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация..., стр. 142.

²¹ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону, стр. 44. Г. Г. Литаврин, согласившись с некоторыми выводами М. Я. Сюзюмова, подверг, однако, критике его представление об отсутствии в Византии государственной собственности на землю. По мнению Г. Г. Литаврина, государственную собственность на землю совсем не обязательно связывать с азиатской формой общины, как это делает М. Я. Сюзюмов, который, употребляя выражение «государственная собственность», имеет в виду именно тип восточного феодализма, где налог есть рента. С точки же зрения Г. Г. Литаврина, верховная собственность государства на владения своих подданных служит выражением иерархической структуры господствующего класса (Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., М., 1960, стр. 40—58).

Г. Г. Литаврин во многом солидаризовался с М. Я. Сюзюмовым по вопросу о централизованной ренте и государственном закреплении крестьян; он полагал, что собственность государства на землю становится феодальной только тогда, «когда сложился класс крупных собственников феодального типа и государство стало выразителем его интересов»²². В отличие от А. П. Каждана, Г. Г. Литаврин считал «крестьян — налогоплательщиков государства — свободными... а уплачиваемое ими в казну — государственными налогами, а не рентой», ибо в этот период налогоплательщик мог по-прежнему совершенно свободно подарить, продать, завещать, обменять свою землю²³.

При спорности отдельных положений о специфике византийского феодализма важно подчеркнуть, однако, плодотворность самой постановки этой проблемы. Именно то обстоятельство, что наши ученые стремятся прежде всего выявить своеобразие социально-экономических отношений в Византии и рассматривать вопрос в данной плоскости, коренным образом отличает советскую византиноведческую науку от буржуазной.

Установлению уровня производительных сил в Византии в X в. способствовало издание ценного источника — византийской сельскохозяйственной энциклопедии «Геопоники», осуществленное Е. Э. Липшиц²⁴. Этот памятник содержит разнообразные сведения по технике сельского хозяйства и агрикультуре.

Изучение аграрного строя Византии привело советских исследователей к выводу, что к началу XI в. здесь уже полностью сложились феодальные отношения; тем самым оспаривается мнение некоторых зарубежных ученых, утверждавших, что феодализм якобы был привнесен в Византию в XIII в. с Запада крестоносцами — участниками Четвертого крестового похода. XI—XII столетия в истории византийского феодализма большинством наших исследователей рассматриваются как период торжества феодальной вотчины, закрепощения общины и окончательного торжества феодальных институтов (прония, экскуссия-иммунитет).

Организация вотчины в Византии и феодальные институты (особенно иммунитет) были подвергнуты анализу в работах А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина, К. А. Осиповой, М. М. Фрейденберга, а применительно к XIII—XIV вв. — в статьях Б. Т. Горянова и К. В. Хвостовой. Проблема разложения общины и возникновения и развития феодальной вотчины в X—XII вв. послужила предметом исследования М. М. Фрейденберга, изучившего пути вовлечения крестьян-общинников в сферу частновладельческой феодальной эксплуатации. По его мнению, этот процесс, связанный прежде всего с имущественным расслоением внутри общины, происходил в значительной степени и под воздействием разрушительных факторов внешнего порядка²⁵. Такими внешнеэко-

²² Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 215; ср. стр. 57.

²³ Там же, стр. 53—54.

²⁴ Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. Введ., перев. с греч. и комм. Е. Э. Липшиц. М. — Л., 1960.

²⁵ М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII вв. — УЗ ВЛГПИ, 1956, стр. 106.

номическими факторами, подрывавшими устойчивость крестьянского хозяйства, в первую очередь являлись обязанность крестьян отбывать военную службу, передвижения войск, причинявшие разорение крестьянским хозяйствам, бегство населения от нашествия кочевых народов, всякого рода стихийные бедствия, а главное — огромный ущерб, связанный с произволом податного аппарата империи. Основным вывод М. М. Фрейденберга сводился к тому, что разложение общины, сущность которого заключалась в вовлечении отдельных крестьянских хозяйств в сферу вотчинной эксплуатации, проявлялось «в интенсивном перемещении крестьянского населения, т. е. в отрыве от своего надела в общине». Иными словами, «процессу феодализации в Византии широко предшествовал отрыв крестьянина от земли»²⁶. В другой работе автор подчеркивал, что, несмотря на интенсивный процесс оформления личной крестьянской зависимости в Византии XII в., крестьяне все же сохраняли известные владельческие права на землю²⁷.

Большое внимание в работах специалистов уделялось проблеме иммунитета. Все советские византилисты, занимавшиеся этим вопросом, единодушно признают, что иммунитет — это совокупность привилегий, оформляющих внеэкономическое принуждение. Они рассматривают иммунитет в связи с развитием и особенностями феодальной собственности в Византии, вскрывая, таким образом, социально-экономическую сущность этого института. Изучение иммунитета имеет большое значение, в частности, для уяснения борьбы за крестьянскую ренту. Эта борьба разворачивается как между классом феодалов и крестьянством в целом, так и между различными группировками самих феодалов.

Тем не менее по некоторым спорным вопросам мнения наших византистов разошлись. Так, высказывались различные точки зрения относительно этапов развития иммунитета в Византии.

Б. Т. Горянов выступил с опровержением взглядов П. А. Яковенко и К. Н. Успенского, считавших, что иммунитет в Византии, начиная с XII в., сокращался²⁸. Экскурсия (податные льготы) является, по мнению Б. Т. Горянова, одним из этапов развития иммунитета. Ее появление он относит в X—XI вв., когда процесс феодализации был в основном завершен²⁹. Дальнейшее развитие экскурсии, полагал исследователь, происходило в XI—XII вв.: в это время центробежные силы, отражавшие интересы крупного землевладения, окончательно одерживают победу над византийским централизованным государством. В XIII—XV вв. экскурсия достигает кульминационной точки в своем развитии: светская экскурсия уже передается теперь по наследству. К этому же времени ученый относит развитие судебного иммунитета³⁰. Эволюция

²⁶ М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII вв., стр. 107 сл., 112.

²⁷ М. М. Фрейденберг. Монастырская вотчина в Византии XI—XII вв. — УЗ ВЛГПИ, 4, вып. II, 1959, стр. 69—70.

²⁸ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. — ВВ, XI, 1956, стр. 177—199; XII, 1957, стр. 97—116. Независимо от Б. Т. Горянова к выводу о расширении иммунитета в поздней Византии пришел, как известно, Г. Острогорский (см. его статью «К истории иммунитета в Византии». — ВВ, XIII, 1959, стр. 55—106).

²⁹ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. — ВВ, XII, 1957, стр. 113.

³⁰ Там же, стр. 114.

экскуссии связана, по мнению Б. Т. Горянова, с превращением пронии в наследственное владение³¹.

С точки зрения М. М. Фрейденберга, посвятившего специальное исследование византийскому иммунитету XI—XII вв., экскуссию этого времени следует рассматривать как законченный податной иммунитет. В актах XI—XII вв. дарование экскуссии, как правило, связано с пожалованием париков, а последнее обычно не производится без передачи экскуссии на них. Это показывает, что «первым значением института экскуссии становится оформление права феодала-экскуссата на прибавочный труд зависимых крестьян»³².

Как мы уже видели, Б. Т. Горянов считал, что судебный иммунитет сложился только в поздневизантийское время; с другой стороны, А. П. Каждан полагал (подробнее об этом — далее), что, хотя уже в XI—XII вв. имеются примеры оформленного судебно-административного иммунитета, они не стоят ни в какой связи с экскуссией — податной льготой. В противоположность обоим исследователям М. М. Фрейденберг утверждал, что хотя юридически экскуссия является только податной льготой, однако на практике пожалование ее означало передачу экскуссату не только прав на сбор налогов, но и всей той власти, которая необходима была для реального осуществления этих прав³³. Такой же точки зрения придерживается, как известно, Г. Острогорский³⁴.

Считая, что пожалование экскуссии означало в то же время передачу определенных судебно-административных прав, М. М. Фрейденберг пытался выяснить причину умолчания об этих правах в экскуссионных грамотах. Она заключалась в том, что объем судебных прав определялся объемом переданных налоговых прав, «т. е. феодал имел право судить и наказывать прежде всего по делам, связанным с взиманием ренты»³⁵. Впрочем, размеры передаваемой ренты, добавляет М. М. Фрейденберг, в грамотах также не устанавливались. Последнее обстоятельство объясняется, по его мнению, тем, что в XI—XII вв. феодалу жаловались обычно обедневшие парики, в отношении которых государство легко отказывалось от всех своих прерогатив (как налоговых, так и судебно-административных), тщательно оберегая в то же время свои права на эксплуатацию общины. Иными словами, в экскуссионных грамотах потому не определяется объем и не говорится о передаче судебно-административных функций, а также о размерах передаваемой по экскуссии ренты, что эти права, равно как и рента, передавались во всей их полноте.

С этим выводом М. М. Фрейденберга вряд ли можно согласиться. Ведь размер переданной ренты обычно не был фиксирован и в грамотах XIV в., когда экскуссия жаловалась не только на обедневших, приселившихся париков, но и на целые деревни — следовательно, государство не так легко отказывалось от своих прав. Очень часто ни-

³¹ Там же, стр. 115.

³² М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. — УЗ ВЛГПИ, 3, 1958, стр. 350.

³³ Там же, стр. 359.

³⁴ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии, стр. 96 сл.

³⁵ М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. стр. 360.

чего не говорится в этих грамотах и о судебно-административных правах экскуссата. Думается, что это объясняется самой юридической природой экскуссии, означавшей только освобождение от налогов. М. М. Фрейденберг, по-видимому, склонен смешивать юридическую сторону вопроса с действительным положением вещей. Достоинством его работы является, однако, то, что он показывает, каким образом, несмотря на многообразное содержание понятия «экскуссия» (ее объектом в XI в. могли являться корабль, мост, мельница, скот и т. п.), термин этот все чаще обозначает податной иммунитет.

Вопрос о византийском иммунитете рассматривался также и в книге Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII в.». Автор ее полагал, что иммунитет появляется тогда, когда вотчинник или уже осуществляет на практике те права, которых добивается, или в состоянии их осуществлять. Экскуссия в Болгарии была известна с конца X—начала XI в.: «В XI в. право суда у феодалов было нередким явлением, а к концу XII в. оно уже достаточно заметно оформлялось»³⁶. С точки зрения автора, экскуссия в условиях феодальной действительности являлась не только простым освобождением от податей: «Уступка этих податей феодалу означала сужение прав верховной собственности государства, а вместе с тем и передачу функций внеэкономического принуждения, осуществляемого при взыскании централизованной ренты, в частные руки»³⁷. Пожалование феодалу прав на взимание налогов (податной иммунитет) означало оформление внеэкономического принуждения независимо от того, обладал ли иммунитет судебно-административными привилегиями или нет. Наличие всех этих привилегий (податные, судебные и административные) или только некоторых из них свидетельствовало лишь о существовании полного или неполного иммунитета.

Итак, следуя установившемуся в науке взгляду, М. М. Фрейденберг, Г. Г. Литаврин и Б. Т. Горянов, несмотря на имевшиеся между ними расхождения, во многом отождествляли византийскую экскуссию с западноевропейским иммунитетом. Экскуссия, по их мнению, означала освобождение от некоторых, а порой и от всех налогов, а также являлась суммой определенных судебно-административных привилегий.

Иного взгляда на характер экскуссии придерживается А. П. Каждан. В противоположность Б. Т. Горянову, полагавшему, что экскуссия — один из этапов в оформлении иммунитета, и М. М. Фрейденбергу, видевшему в экскуссии податной иммунитет и определенную совокупность неизбежно связанных с ним судебно-административных прав, А. П. Каждан характеризует экскуссию как институт, совершенно отличный от иммунитета. Экскуссия, по его мнению, — это только податная льгота. Каждан рассматривает многочисленные значения этого термина, отмечая, что экскуссии подлежали различные виды имущества, а также парики³⁸. Последние освобождались от основных государственных налогов, взамен которых на них возлагались специальные повинности³⁹. Но и в тех случаях, когда экскуссию жаловали

³⁶ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 237—245.

³⁷ Там же, стр. 230.

³⁸ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 183.

³⁹ Там же, стр. 184.

на земельные владения, она не может быть названа иммунитетом, поскольку не означает предоставление экскуссату судебно-административных прав⁴⁰. А именно обладание ими означает, по мысли А. П. Каждана, иммунитет, ибо как раз эти права и оформляют внеэкономическое принуждение и создают экзимирированность феодального поместья. Хотя иногда можно обнаружить «подлинный судебно-административный иммунитет»⁴¹ уже в XI в., однако окончательно он сложился в Византии только к XIV в.

Вместе с тем А. П. Каждан придавал большое значение экскуссии в оформлении феодальной собственности: «...освобождение от государственных повинностей,— писал он,— было не просто экономической льготой — оно знаменовало переход в привилегированную касту лиц, свободных от бремени податей... Только податное изъятие создавало в подлинном смысле слова феодальную собственность»⁴². Другое значение системы экскуссий заключалось, по мнению А. П. Каждана, в том, что если податные изъятия распространялись за пределы собственных владений феодала, то это способствовало расширению системы вотчинной эксплуатации⁴³.

Помимо упомянутых работ, в которых рассматривался вопрос об экскуссии, А. П. Каждан посвятил особую статью анализу ее происхождения и определению характера этого института в X—XII вв.⁴⁴ Рассмотрев употребление термина «экскуссаты» в византийских источниках X—XII вв., исследователь установил, что экскуссаты — это были вовсе не крестьяне привилегированных поместий, освобожденные от несения государственных повинностей; их не следует также смешивать с париками, пользовавшимися экскуссией. Разбирая различные случаи применения в византийских документах термина «экскуссия», ученый пришел к заключению, что такие виды экскуссии, как экскуссия кораблей и зданий, совсем не имеют ничего общего с иммунитетом, т. е. особой формой внеэкономического принуждения: они представляют собой лишь податную привилегию.

Сравнивая экскуссию с ателеей (освобождением от податей), автор показал, что эти термины в источниках X—XII вв. часто противостоят друг другу. Экскуссия — это вообще не иммунитет и даже не податной иммунитет, а нечто еще более узкое — освобождение от нерегулярных, экстраординарных повинностей, и прежде всего от обязанности принимать в своих владениях всевозможных чиновников.

Касаясь судебной экскуссии, А. П. Каждан полемизировал с М. М. Фрейденбергом и Г. Г. Литавриным, которые признавали существование у византийских феодалов судебного иммунитета. По его мнению, судебная экскуссия в Византии ничем не отличалась от податной и состояла лишь в освобождении земельного собственника от вторжения судебных чиновников определенных категорий.

⁴⁰ Там же, стр. 186.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 187; его же. Формирование феодального поместья в Византии в X в.— ВВ, XI, 1956, стр. 119.

⁴³ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 187.

⁴⁴ А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв.— ВО, стр. 186—216.

Конечный вывод автора сводится к тому, что податные привилегии феодалов в Византии имели весьма ограниченный характер и это было связано с сохранением в империи сильного централизованного государства.

Советские византилисты много труда приложили к разрешению проблемы пронии. Признавая ее формой условной феодальной собственности, наши историки вместе с тем расходятся в оценках особенностей этого института и в понимании путей его возникновения.

А. П. Каждан еще в 1952 г. высказал мнение, что прония как форма землевладения развилась из пожалования определенной суммы податей (*ποσότης σολέρμιον*), подлежащих взиманию с какой-либо местности. («Прония, — писал он, — возникает как пожалование частному лицу известной ренты из суммы государственных податей») ^{44а}. Прония, полагает А. П. Каждан, по крайней мере до XII в., не имела военного характера ⁴⁵ и, «называемая также *οἰκονομία*, представляла собой право на строго ограниченное количество (*ποσότης*) государственных налогов, взимаемых с определенной территории» ⁴⁶. В другой своей работе А. П. Каждан утверждал, что прония юридически не составляла собственность на землю. Однако, коль скоро получила экономическую реализацию в ренте, она по существу была не чем иным, как особой формой феодальной собственности ⁴⁷.

В соответствии со своим пониманием пронии X—XII вв. как пожалования определенной суммы налогов Каждан и усматривает основное содержание этого вида феодальной собственности в определении налоговой квоты.

Несомненно, теория А. П. Каждана обращена против ранее сложившегося в византиноведческой науке представления о пронии как о временном земельном пожаловании на условии исполнения государственной службы (этого мнения придерживались М. В. Левченко, М. Я. Сюжюмов, Г. Г. Литаврин и Б. Т. Горянов) ⁴⁸.

Следует подчеркнуть, что, хотя А. П. Каждан полемизирует со многими исследователями, он вместе с тем признает эволюцию пронии — от пожалования налога к приобретению прониаром фактических и юридических прав на землю.

Близок к пронии, по его мнению, арифмос — пожалование определенного числа париков. Считая, таким образом, что «византийская условная собственность рождалась сплошь и рядом лишь в форме государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества зависимых людей» ⁴⁹, А. П. Каждан полагает, что византийские прония и арифмос составляют в известном смысле параллель с мусульманской икта ⁵⁰.

^{44а} А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 216.

⁴⁵ Эти положения были развиты и в докладе А. П. Каждана на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г. (А. П. Каждан. Формы условной собственности в Византии X—XII вв. М., 1960).

⁴⁶ Там же, стр. 5.

⁴⁷ А. П. Каждан. Рецензия на книгу Г. А. Острогорского «Pour l'histoire de la féodalité byzantine». Bruxelles, 1954.— ВВ, X, 1956, стр. 228, прим. 1.

⁴⁸ См. выше, стр. 94, примеч. 125.

⁴⁹ А. П. Каждан. Формы условной собственности..., стр. 6.

⁵⁰ Там же.

Кроме пронии и арифмоса, А. П. Каждан изучал такие формы условной собственности, как пожалование на срок жизни (оно являлось, по мнению исследователя, типично западной формой феодального владения) и харистикий, иногда приближавшийся к пронии⁵¹.

Взгляды А. П. Каждана по вопросу о сущности и происхождении пронии вызвали полемику в нашей литературе. С интересной трактовкой этого вопроса выступил М. Я. Сюзюмов. Он утверждал, что институт пронии, окончательно сложившийся к XIII—XIV вв., возник из различного рода пожалований: земель, права ведения хозяйства на данной территории, права управления ею, права на сбор налогов и на эксплуатацию зависимых работников. Все эти права, «нивелируясь, превратились в XIII—XIV вв. в единую, специфичную для Византии форму условной феодальной собственности — пронию»⁵². Соглашаясь с Г. Острогорским в том, что прония не может быть отождествлена с вотчиной, М. Я. Сюзюмов в то же время подчеркивает, что неотчуждаемость пронии — ее основное отличие от вотчины — не означала, согласно византийскому праву, абсолютного запрета передачи прониаром своих прав другому лицу. Ко времени четвертого крестового похода византийская прония по существу не отличалась от западноевропейского феода: «Византия — приморское государство, но ее военная организация, основывающаяся на системе пронии, стала строиться так, как если бы Византия была страной, находящейся в глубине континента»⁵³.

О пронии как условной форме землевладения военного характера писал и Б. Т. Горянов⁵⁴. Появление пронии он ставил в связь с развитием иммунитета: «Светская экскуссия создается и развивается параллельно с возникновением и развитием пронии и является в руках крупного землевладения мощным орудием по превращению пронии в экономически, а затем и политически почти независимые от центральной государственной власти владения»⁵⁵. Сходной точки зрения придерживался также К. Н. Юзбашян⁵⁶.

Вопрос об условной феодальной собственности, в частности о пронии на болгарских землях Византийской империи XI—XII вв., был затронут также в указанной выше монографии Г. Г. Литаврина. Он разделял точку зрения Д. Анастасиевича и Г. Острогорского, согласно которой «институт пронии как условного земельного пожалования военного характера был в конце XII в. уже „очень широким“, а сословие прониаров — могущественным и этнически пестрым»⁵⁷. К этому времени прония становится специфически военным земельным пожалованием⁵⁸. В XII в. она приобретает наиболее типичные черты условного земельного пожалования и вытесняет все другие его виды. «Если вначале, — пишет Г. Г. Литаврин, — получаемые ими с пронии до-

⁵¹ Там же, стр. 3.

⁵² М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина..., стр. 60.

⁵³ Там же, стр. 74.

⁵⁴ Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии XIII—XV вв. — ВВ, X, 1956, стр. 114—117.

⁵⁵ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. — ВВ, XII, 1957, стр. 113.

⁵⁶ К. Н. Юзбашян. «Варяги» и «прония» в «Повествовании» Аристакеса Ластивертти. — ВВ, XVI, 1959, стр. 14—28.

⁵⁷ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 154.

⁵⁸ Там же.

ходы ни по форме, ни по размерам не должны были отличаться от государственных налогов, то в середине XII в.... прониар уже свободно распоряжается крестьянами своей пронии»⁵⁹.

К. В. Хвостова, полемизируя с А. П. Кажданом, выступила в поддержку мнения, будто прония была условным земельным пожалованием, правда, особого типа⁶⁰. Автор рассматривает пронию в социально-правовом аспекте и приходит к выводу, что, с точки зрения феодального правосознания, прония и условное наследственное владение — это условная феодальная собственность. К. В. Хвостова показала, что византийская прония была весьма специфическим социально-правовым институтом, во многом отличавшимся как от османского тимара, так и от западноевропейского бенефиция, но в то же время содержавшим черты, роднящие ее и с тем и с другим. Специфика византийской пронии определялась, с одной стороны, наличием сильной центральной власти, что сближает византийский политический строй с политической структурой восточных монархий (обладавших разветвленной системой налогов), и с другой — существованием частной собственности на землю. Она обусловила правовой статус пронии постольку, поскольку последняя представляла собой земельное пожалование, аналогичное западноевропейскому бенефицию; на территории пронии преобладали формы частноправовой эксплуатации; сильная центральная власть и детально разработанная налоговая система в свою очередь породили методы эксплуатации во владениях прониаров, применяемые в публично-правовой сфере.

Таким образом, мы видим, что проблема происхождения и специфики пронии как формы условного землевладения в Византии плодотворно разрабатывалась нашими специалистами, хотя она, конечно, нуждается еще в дальнейшем исследовании.

Сравнительно мало изучалось в нашей историографии развитие феодальных отношений в XIII—XV вв. Основная проблема, стоящая в данной области, такова: были ли эти столетия только временем экономического спада (такую точку зрения всего последовательнее проводил Б. Т. Горянов) или же наряду с усилением феодальной реакции имело место зарождение раннекапиталистических элементов (эти положения отстаивали А. П. Каждан и З. В. Удальцова, по мнению которых данный период был временем разложения феодальных отношений в империи, когда развитие товарно-денежных отношений и расслоение крестьянства создали предпосылки для зарождения внутри феодальной формации элементов нового, капиталистического уклада)⁶¹. Иначе говоря, речь идет о выявлении специфических особенностей так называемого «поздневизантийского феодализма».

Б. Т. Горянов на основании актового материала исследовал положение византийского крестьянства в XIII—XV вв., проследил из-

⁵⁹ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 158.

⁶⁰ К. В. Хвостова. О некоторых особенностях византийской пронии. — ВВ, XXV, 1964, стр. 212—230.

⁶¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1953; З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV в. — ВВ, 1953, № 7, стр. 102—120.

менения в формах феодальной зависимости крестьянства и судьбах сельской общины⁶².

Большое значение для определения характера аграрных отношений поздней Византии имеют исследования, касающиеся сущности и форм феодальной ренты этого периода.

К. В. Хвостова, обследовав ивирские практики и другие документы, обратилась к выяснению характера налогообложения в поздней Византии и особенностей взимания податей в XIV в. Первоначально она изучила основной налог — телос и уточнила некоторые вопросы, связанные с его взиманием⁶³. Сопоставление различных практиков Ивирского монастыря привело исследовательницу к выводу о частых изменениях телоса — и сочетавшихся с имущественными переменами, и происходивших независимо от последних. Вместе с тем автор подчеркивала, что при обложении телосом первенствующую роль играли размеры имущества. Однако взаимосвязь их с величиной податей все же носит феодальный характер, поскольку отсутствует функциональная зависимость между теми и другими. Частые колебания нормы телоса наводят исследовательницу на мысль, что в византийском государстве, в отличие от Запада, феодальный обычай не играл значительной роли.

Слабость обычая оказывала двоякое воздействие на положение крестьян: с одной стороны, они лишались тех преимуществ, которые им давал бы сильный феодальный обычай (повышение основного налога затрудняло возникновение эмбриональной крестьянской прибыли). Но, с другой стороны, понижение подати, сочетавшееся с уменьшением имущества, препятствовало разорению крестьян. Иными словами, слабость обычая в Византии, с точки зрения автора, задерживала в известной степени имущественную и социальную дифференциацию в крестьянской среде. Конечный вывод работы сводился к тому, что принципы феодального обложения в Византии, несмотря на относительную слабость феодальной традиции, оставались в XIV в. неизменными. На основании этого автор отрицала зарождение элементов новых рентных отношений, которые складывались бы соответственно закону стоимости. Тем самым К. В. Хвостова фактически присоединяется к исследователям, выступающим против представления о возникновении в поздней Византии ростков предкапиталистических отношений.

В другой статье та же исследовательница продолжила изучение специфики ренты в поздней Византии. На этот раз ее внимание привлекла так называемая *Ῥίζα χωρίου* — система определения общей суммы налогов с какого-либо финансового округа⁶⁴. К. В. Хвостова показывает, что при исчислении ридзы учитывались как действительные платежи (полные налоговые ставки и облегченные — с заброшенных земель), так и фактически не поступающие в казну (упраздненные налоги с класм и с имений, пользующихся иммунитетом). Включение в

⁶² Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии XIII—XV вв.— ВВ, X, 1956, стр. 111—132; его же. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962. См. рец. М. Я. Сюзюмова.— ВВ, XXV, 1964, стр. 236—243.

⁶³ К. В. Хвостова. Некоторые вопросы феодальной ренты по материалам ивирских практиков XIV в.— ВО, стр. 241—278.

⁶⁴ К. В. Хвостова. *Ῥίζα χωρίου* в XIV в. (К вопросу об особенностях налогообложения в Византии).— ВВ, XXVI, 1965, стр. 46—57.

общую сумму ридзы в действительности не уплачиваемых налогов имело двоякую цель: установление идеальной нормы обложения и учет отмененных налогов для последующего их восстановления. Исследовательница выявляет черты нового и старого в налогообложении поздневизантийской эпохи и приходит к выводу о значительном консерватизме существовавшей в империи налоговой системы. Еще в XIV—XV вв., по ее мнению, в налогообложении сохранялись некоторые черты Диоклетиановой системы и принципов, зафиксированных Податным уставом X в. Вместе с тем К. В. Хвостова признает и эволюцию методов исчисления налогов в поздней Византии по сравнению с более ранним временем. Эта эволюция нашла свое выражение в отказе от присчета пакта к ридзе, в изменении методов исчисления индивидуальных налоговых ставок, в распространении налога на урожай и в сокращении размеров коллективной податной ответственности крестьян.

К вопросу о преемственности аграрно-правовых институтов в ранней и поздней Византии и наличии античных элементов в аграрном строе XIV—XV вв. К. В. Хвостова вновь возвращается в одной из своих последних работ⁶⁵. В ней сделана попытка определения системы и структуры аграрно-правовых отношений в поздней Византии по сравнению с другими странами. Специфичной чертой ее аграрно-правового строя автор считает генетическую связь с античным. Наиболее важными факторами его влияния, по мнению автора, была сильная государственная власть, ведшая свое происхождение от римской государственности, разветвленная система налогов, унаследованная с римских времен, и частная собственность на землю, юридически оформленная римским вещным правом. В обстановке бурного развития феодализма античные институты значительно модифицировались, что, как полагает автор, обусловило появление в Византии исторически особого типа феодализма, отличного от того, который сложился в странах Запада и Востока. В сфере рентных отношений, которые являлись специальным предметом исследования К. В. Хвостовой, системно-структурные особенности Византии проявлялись в сочетании черт, характерных для западного и восточного феодального развития.

В результате исследования различных сторон аграрно-правовой структуры поздней Византии К. В. Хвостова приходит к выводу, что влияние античности было здесь весьма значительным. Вместе с тем, подчеркивает автор, сохранение в аграрно-правовых отношениях системно-структурных особенностей античности наблюдается исключительно в фискальной сфере, а также в практике составления юридических документов. Что же касается социально-экономических порядков поздней Византии в целом, то они существенно отличались от античных и носили феодальный характер.

Вопрос об определении типа византийских аграрно-правовых отношений был поставлен и в другой новейшей статье К. В. Хвостовой. Ею была сделана попытка применить структурный метод исследования для выяснения сходства и различия в аграрно-правовом строе поздней Византии, стран Западной Европы и Востока⁶⁶.

⁶⁵ К. В. Хвостова. Античные элементы в поздневизантийских аграрно-правовых отношениях.— ВВ, XXVII, 1967, стр. 107—130.

⁶⁶ К. В. Хвостова. Социологические модели, западные и восточные ти-

Исходя из выдвинутого ею ранее представления о том, что византийский аграрно-правовой строй сформировался под влиянием сильной государственной власти, развитой системы налогов и частной собственности на землю, автор выводит главные особенности аграрно-правовых отношений в Византийской империи: преобладание частно-правовой ренты западноевропейского типа, существование полной, безусловной земельной собственности, незначительные масштабы государственной собственности на землю.

Византию сближало с Востоком и отдаляло от Запада наличие сильной государственной власти и разветвленной системы администрации, уже исчезнувшей в Западной Европе. С другой стороны, типологическая близость византийских аграрно-правовых отношений к западным проявляется в преобладании рент, получаемых частными лицами, над рентами, поступающими государству, и в сохранении полной безусловной земельной собственности. Иерархическая структура собственности, столь характерная для Западной Европы, в Византии хотя и начала складываться, но все же не получила значительного распространения. Ее элементы усиливаются лишь с XII в. Не получил широкого развития, как подчеркивает автор, и процесс субинфеодации. В этом отношении Византия стояла ближе к Востоку, чем к Западу.

Итогом изучения аграрно-правового строя поздней Византии явилась монография К. В. Хвостовой, где впервые делается попытка применить структурный метод и метод математической обработки источников к истории Византийской империи^{66а}.

Изучением аграрной истории поздней Византии занимались в последние годы М. А. Поляковская и В. А. Сметанин (Свердловск).

М. А. Поляковская на основании различных документов (императорские жалованные грамоты, монастырские практики, дарственные, акты купли-продажи и завещания имущества) приходит к выводу о неуклонном повышении темпов роста пригородных владений монастырей в 20—40-х годах XIV в. в районах Фессалоники и Серр, а также о расширении размеров монастырской земельной собственности в самих этих городах⁶⁷. Все это, по мнению автора, свидетельствует об упрочении в XIV в. экономических позиций монастырей не только в деревне, но и в городе.

М. А. Поляковская прослеживает пути роста монастырского землевладения в провинциальных городах и их пригородных районах. Главными способами его расширения, как показал автор, были император-

лы общественных отношений.— В кн. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966, стр. 202—212.

^{66а} К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.) М., 1968. Рец.: Г. Г. Литаврин.— ВИ, 1969, № 7, стр. 174—177.

⁶⁷ М. А. Поляковская. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии.— ВВ, XXIV 1964, стр. 202—208; ее же. Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV—первой половине XV в.— АДСВ, 3; 1965, стр. 17—46; ее же. Тенденция роста пригородных монастырских владений в XIV в. (на примере пригородов Фессалоники и Серр).— «VII Всес. конф. византинистов». Тбилиси, 1965, стр. 30—31; ее же. Метехи в городском и пригородном хозяйстве поздней Византии (по данным монастырских актов).— УЗ ПГУ, 143, 1966, стр. 93—97; ее же. К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности в поздней Византии.— АДСВ, 4, 1966, стр. 75—93; ее же. Монастырские владения в городе Серры и его пригородном районе в XIV в.— ВВ, XXVII, 1967, стр. 310—318.

ские и патриаршие пожалования, а также покупка городских земель. Расширяя свои земельные владения, монастыри, главным образом афонские, приобретали в городах и их пригородах виноградники, мастерские, лавки, пекарни, дома, хозяйственные постройки. При этом монастыри интенсивно начинают заниматься торговлей, в том числе и внешней.

В своих исследованиях М. А. Поляковская приходит к убедительно аргументированному выводу, что XIII и особенно XIV вв. являлись временем усиленного проникновения крупных провинциальных монастырей в городскую экономику. Это приводило к дальнейшему укреплению не только экономического могущества, но и политического влияния монастырей.

Исследуя данные о росте экономического и политического влияния монастырей в городах, в том числе в таком крупном городе, как Фессалоника, автор заключает, что именно прочные позиции феодалов (как светских, так и духовных) в городе служили препятствием для создания условий, благоприятствовавших возникновению и укреплению предкапиталистических элементов, что в конечном счете ослабляло Византию перед лицом турецкой опасности и послужило одной из причин падения империи в XV в.⁶⁸ На наш взгляд, этот вывод М. А. Поляковской все же не подкреплён достаточным фактическим материалом, и проблема возникновения в Византии ростков капиталистических отношений остается нерешенной.

Предметом исследования В. А. Сметанина был статус различных категорий византийского крестьянства в XIII—XIV вв.⁶⁹ Рассмотрев данные самых раннеобразных источников, как документальных, так и легислативных, автор подробно характеризует терминологию источников, применяемую к отдельным категориям крестьянства. Большое внимание уделяется спорному вопросу о положении свободного крестьянства в поздней Византии. Признаками крестьянской свободы автор считает: обладание собственностью на землю с правом свободного распоряжения ею, уплату налогов в казну и обработку земли своими силами и силами своей семьи. Автор полемизирует с А. П. Кажданом и Г. А. Острогорским по поводу их теории относительно решающей роли государственной собственности на землю в Византии в X в. Интересны выводы В. А. Сметанина о наличии различных социальных прослоек среди свободного трудящегося населения деревни. К ним автор относит не только свободное крестьянство, но и деклассированные элементы, и наемных работников-мистиев. Особый раздел работы посвящен определению статуса феодально зависимого крестья-

⁶⁸ М. А. Поляковская. Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе, стр. 44—45.

⁶⁹ В. А. Сметанин. Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XIII—XV веков.— АДСВ, 2, 1963, стр. 24—59; его же. К вопросу о свободном крестьянстве в поздней Византии.— АДСВ, 3, 1965, стр. 47—60; его же. «Неизвестные казне лица» в Византии XIII—XV вв.— «VII Всес. конф. византинистов», 1965, стр. 32—33; его же. Византийское законодательство XIV в. о крестьянстве (по Арменопулу) и отражение его в актах.— УЗ ПГУ, 143, 1966, стр. 98—102; его же. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне.— АДСВ, 4, 1966, стр. 94—135; его же. Категории византийского крестьянства в XIII—XIV вв.— Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1967, стр. 18 (ротапринт).

янства, а также характеристике вотчинного ремесла и положения сельских ремесленников.

Суммируя сказанное, мы можем констатировать, что главным направлением исследований советских византинистов продолжает оставаться углубленная разработка широкого комплекса проблем, связанных с зарождением, развитием и специфическими особенностями феодализма в Византии. Хотя разрешение ряда вопросов значительно продвинулось вперед, однако многие из них являются еще спорными. Дальнейший анализ природы византийского феодализма остается поэтому актуальной задачей наших византиноведов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД

Большое внимание в советском византиноведении изучаемого времени уделялось истории города. Это и понятно: изучение развития феодализма в Византии не может быть успешным без определения его роли в этом процессе. В разработке данной проблемы советские византинисты достигли заметных успехов. Можно с полным основанием сказать, что им принадлежит сейчас одно из первых мест в мировой византиноведческой науке по исследованию судеб византийского города.

Основной темой, на решении которой концентрировались усилия ученых, занимавшихся городами, являлись генетические связи этих городов с античными и с городами Поздней Римской империи. Иначе говоря, дебатировался вопрос о том, существовала ли непосредственная преемственность между собственно византийскими городами и полисами предшествовавшей исторической эпохи или же это были города нового типа, не имевшие в целом никакого отношения к полисному строю и выросшие на феодальной основе. В центре изучения стояла, таким образом, проблема эволюции византийского города в IV—XII вв.

Подавляющее большинство авторов признавали, что в его социальной структуре и в самих судьбах в IV—IX вв. произошли глубокие перемены: за немногими исключениями, в V—VI вв. начинается и в VII—VIII вв. достигает высшей точки кризис унаследованного от античности рабовладельческого полиса: последний погибает, и вместо него постепенно вырастает средневековый феодальный город.

В 1956 г. (посмертно) была опубликована статья М. В. Левченко о положении Пентаполя в IV—V вв.¹ Автор показал, что в конце IV—V в. Пентаполь, подобно другим провинциям империи, захваченный кризисом, переживал экономический упадок, проявившийся как в основной отрасли хозяйства — земледелии, так и в экономике главных городов страны. Пентаполь имел пять прославленных в древности городов, давших название этой провинции. Ко времени, описываемому Синезием, прежняя столица — Кирена захирела, уступив первенство Птолемаиде, зато торговое значение приобрел порт Кирены — Аполлония (Фикунт); другие же города — Тевхира (современная Токра) и

¹ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синезия. — ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

Евгеспериды (Береника) (ныне Бенгази), так же как и Кирена, испытывали большие трудности, страдая от самоуправства чиновников и от постоянных набегов кочевых племен. В городах Пентаполя сокращалось ремесленное производство; наиболее ценные товары привозили из Александрии и Афин. Пентаполь еще поддерживал во времена Синесия торговые связи, главным образом морем, с Фракией, Афинами, Египтом, Кипром, Сирией и другими областями империи, но и морская торговля в это время клонится к упадку. Новым являлся вывод М. В. Левченко, что курии в Киренаике и в начале V в. отнюдь не находились в таком жалком состоянии, как это было принято думать, а сохраняли свое влияние на общественные дела. Епископы (подобно Синесию) сами были выходцами из куриальной знати и действовали в контакте с куриями. Вместе с тем сведения, содержащиеся в письмах Синесия, указывают на разложение господствующего класса, и сам Синесий выступает как идеолог той части рабовладельцев, которая, будучи напугана революционным движением рабов и колонов, считала необходимым сплочение всех сил своего класса вокруг императорской власти.

Несомненный интерес для византинистов представляют работы Н. В. Пигулевской о городах Ближнего Востока, в частности Ирана, в IV—V вв., об особенностях их социально-экономического и политического развития, их связях с Византией. Как полагает автор, это время характеризуется разложением рабовладельческого города, возникновением и развитием феодальных городов². Для доказательства привлечены позднеавиловские, пехлевийские, сирийские, греческие и латинские источники³, многие из которых впервые использованы при рассмотрении данной проблемы. Автор уделяет большое внимание изучению основных процессов социально-экономического и политического развития Ирана в III в., их влияния на судьбы старых городов и появление новых. Центральные разделы монографии о городах Ирана посвящены городу IV—V вв. — организации ремесла и торговли, торговых товариществ, заселению и устройству царских городов, налоговой системе, влиянию города на социально-политическую жизнь Ирана. В разделе о маздакитском движении выясняются его характер, связь с городом, объясняется, почему маздакитское движение нашло поддержку в иранских городах.

В трудах Н. В. Пигулевской обстоятельно рассматриваются вопросы рабовладельческой системы в городах, организация в них ремесла и торговли, экономические связи Византии со странами Востока⁴.

² Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956; ее же. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке.—УЗ ИВАН, т. XVI, 1958, стр. 5—30. См. К. В. Тревер. К вопросу о ремесленных корпорациях в сасанидском Иране.—Сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 157—160.

³ Для изучающих историю византийского города интересен опубликованный Н. В. Пигулевской русский перевод Эдесской хроники (Н. В. Пигулевская. Эдесская хроника.—ПС, т. 4, 1959, стр. 79—96), датируемой ею примерно 540 г. См. также ее статью «Производство шелка в Византии и Иране в IV в.»—ВВ, X, 1956, стр. 3—8.

⁴ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964. Рец.: И. П. Петрушевский.—ВИ, 1965, № 10, стр. 155—157; М. Ю. Юлдашев.—ОНУ, 1965, № 6, стр. 55—56; «Rivista studi orientali», 40(1965), p. 173—175.

Проблемы кризиса рабовладельческих порядков в античном городе находились в центре научных интересов Г. Л. Курбатова, изучавшего экономику полиса, его идеологию и развитие элементов феодализации в экономической, социально-политической и духовной жизни города в период разложения рабовладельческого общества в IV—VI вв. В 1956 г. Г. Л. Курбатов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Городские курии и сословие куриалов в ранней Византии IV—VI вв.» и с тех пор продолжал работать над этой проблемой, посвятив ей ряд статей. Опираясь главным образом на материал, относящийся к истории столицы Сирии — Антиохии, автор проследил основные этапы эволюции муниципальной системы в эти столетия, рассмотрев ее в тесной связи с развитием социально-экономических отношений в городе, разложением античной формы собственности на землю, исчезновением рабства и т. д. Г. Л. Курбатов показал, как влияли на изменение форм муниципального строя рост крупной независимой земельной собственности, гибель мелкого и среднего городского землевладения, увеличение экономического и политического влияния церкви в городе.

Результатом всего этого и была перестройка городского самоуправления в конце IV — начале V в. По мере разложения рабовладельческих отношений происходили существенные сдвиги в социальной структуре городского населения, менялось и отношение народных масс города к античной полисной организации, к куриям и сословию куриалов. Автор пришел к выводу, что в IV—VI вв. в крупных городах Византии увеличилась прослойка мелких свободных ремесленников. Она заняла господствующее положение в производстве. В дальнейшем именно ремесленники составили заметную часть населения византийского феодального города. Их борьба в IV—VI вв. (когда они уже не пользовались никакими преимуществами как члены полисного коллектива, а были лишь объектом эксплуатации правительства и местной верхушки), в отличие от выступлений люмпен-пролетариата, носила прогрессивный характер. Отношения *ordo plebeius* и куриалов все более обострялись. Вопреки распространенному в буржуазной историографии мнению, согласно которому куриалы, действовавшие якобы «на благо всего городского населения», разорялись под гнетом правительства, Г. Л. Курбатов показал, что, прежде чем разориться самим, они доводили до нищеты подвластное им население города, торгово-ремесленные круги и мелких земельных собственников⁵.

Таким образом, Г. Л. Курбатов на примере истории Антиохии показал органическую связь разложения муниципальной собственности и упадка курий с общим кризисом рабовладельческого строя в ранней Византии.

В 1962 г. ученый опубликовал монографию «Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.)»⁶. Этот труд имеет серьезную источниковедческую базу: он построен на анализе письменных, археологических, эпиграфических и нумизматических материалов. Главным источником, на котором основываются разыскания автора, служат письма и речи

⁵ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 42—60; его же. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в.— ВЛГУ, 1960, № 2, стр. 47—61.

⁶ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.) Л., 1962.

Ливания и гомилии Иоанна Златоуста^{6а} — первоклассные памятники, содержащие разнообразнейший материал о многих сторонах жизни ранневизантийского города.

Достоинством монографии Г. Л. Курбатова является то, что автор стремится выявить развитие общественных отношений в городе в период кризиса рабовладельческого строя. Этот процесс прослеживается им в сфере как аграрных порядков сельской округи городов, так и ремесленного производства в самом городе. Аграрная эволюция, по мнению автора, сводилась к переходу от латифундиального к parcelлярному хозяйству в имениях крупных землевладельцев и к постепенной замене рабского труда трудом колонов и наемных работников-мистиев (операриев).

В отношении эволюции статуса трудового населения земельной округи Антиохии в IV в. автор приходит к выводу, что в этот период происходило интенсивное поглощение мелкой крестьянской собственности — крупной, хотя еще уцелели и частное крестьянское землевладение, и сельская община. Ее сохранность оспаривает М. Я. Сюзюмов, отрицающий существование общины даже в этот период⁷.

В монографии Г. Л. Курбатова убедительно показано начало упадка экономики Антиохии в IV в., связанное с постепенным перемещением экономической жизни в деревню и небольшие города сельской округи. Одновременно разворачивается процесс ослабления муниципальной организации и обеднения значительной части куриалов. Решающие экономические позиции в городе теперь занимают крупные землевладельцы, не имеющие собственности в городе, к которым постепенно переходит и политическая власть в муниципальном управлении. Господство поместной знати способствовало развитию в Антиохии производства и торговли предметами роскоши и упадку производства предметов широкого потребления.

Одна из лучших глав монографии Г. Л. Курбатова — раздел, посвященный развитию ремесла в Антиохии IV в. Здесь дана подробная характеристика типов ремесленного производства, очерчен ассортимент изготавливавшихся товаров, охарактеризованы техника и организация ремесла. Важны наблюдения автора, касающиеся постепенного возрастания зависимости мелкого ремесла от крупного, что вело к обнищанию большинства ремесленников, которые уже не могли использовать в своих мастерских труд рабов: он все более вытеснялся трудом «свободных» мелких ремесленников. Конечный вывод автора: ранневизантийский город пережил эволюцию от рабовладельческого к феодальному, и IV век был важным этапом этого процесса.

В книге Г. Л. Курбатова есть и спорные положения. Так, думается, в известной степени преувеличены масштабы изживания рабства, применения труда рабов в сельском хозяйстве и ремесленном производстве. В своей рецензии на книгу Г. Л. Курбатова М. Я. Сюзюмов, однако, справедливо отмечает: «Несмотря на определенную недооценку рабов как производителей материальных благ, основной вы-

^{6а} Г. Л. Курбатов. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста.— ЕМИРА, 1958, стр. 80—106.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Рецензия на книгу Г. Л. Курбатова «Ранневизантийский город». — ВВ, XXV, 1964, стр. 243—249. Ср. М. Я. Сюзюмов. О наемном труде в Византии.— УЗУГУ, 1958, вып. 25, стр. 147—173.

вод автора о постепенном снижении значения рабства в общественных отношениях и в социальных выступлениях совершенно правомерен»⁸.

Хорошо прослежены Г. Л. Курбатовым изменения в положении городской знати (консолидация муниципальных верхов и сановной знати, с одной стороны, феодализирующихся землевладельцев — с другой).

По существу Г. Л. Курбатов выступает против теории континуитета применительно к истории византийских городов. Напротив, он рисует картину (может быть, даже несколько сгущая краски) значительной ломки старых отношений и интенсивного развития новых уже в IV в. Это проявляется и в перестройке экономики города, и в разложении муниципального устройства, и в обострении социально-политической борьбы, и в столкновениях идеологического порядка, и во многом другом.

В частности, историк отвергает представление, будто византийские цирковые партии возникли непосредственно из античных димов; он полагает, что в качестве политических организаций эти партии сложились в результате распада политического единства курии и демоса.

Вместе с тем автор убедительно показывает разложение языческой, полисной идеологии, в основе которой лежала концепция единства свободных против рабов; эта идеология разлагается в условиях эволюции рабства и торжества христианства. Автор ярко раскрывает процесс христианизации всей общественной жизни в Антиохии, vividно рассказывает, как неуклонно приходят в упадок античная культура и образованность (литература, театр, скульптура и т. д.). Остановившись на изменениях в управлении Антиохией, он особо подчеркивает рост власти епископа и влияния церкви.

Все это, по мнению автора, — явные признаки феодализации ранневизантийского города.

Оценивая монографию Г. Л. Курбатова в целом, мы можем прийти к заключению, что автор отстаивает концепцию ранней социально-экономической перестройки византийского города, происходившей в сторону его феодализации. Обоснованно отклоняя теорию континуитета, он все же несколько преувеличивает черты новых, феодальных отношений в Антиохии IV в. и недооценивает значительные еще элементы рабовладельческого строя (как в сфере материальной, так и духовной жизни)^{9а}.

Проблемы ранней истории городов в различных провинциях Византии и в сопредельных странах были затронуты в работах Г. Г. Дилигенского, Г. Х. Саркисяна, Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьева и др.

Г. Г. Дилигенский полагает, что города Северной Африки сохраняли античный характер до конца IV в. и императоры искали опору не только среди сенаторского сословия, но в тех слоях господствующих

⁸ М. Я. Сюзюмов. Рецензия на книгу Г. Л. Курбатова..., стр. 246.

^{9а} Г. Л. Курбатов. Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города IV—VI вв. — ВЛГУ, 14, серия ист., яз. и лит., вып. 3, 1965, стр. 62—72 (с резюме на англ. яз.); его же. К вопросу о корпорации хлебопек в Антиохии IV в. — ВДИ, 1965, № 1, стр. 141—153; его же. Ранневизантийский город (IV—VI вв.) (Антиохия IV—VI вв. и основные проблемы внутреннего развития города). Автореферат доктор. дисс., Л., 1966; его же. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в. — ВЛГУ, 62, 1960, стр. 47—61.

щего класса, которые были связаны с муниципальной организацией и с городской собственностью на землю⁹. С точки зрения Г. Х. Саркисяна, города Армении начиная с IV в. вступили в полосу глубокого упадка, который продолжался около полутысячелетия¹⁰. К выводу об упадке в IV—V вв. древнего Севастополиса (на дне Сухумской бухты) пришли также, основываясь на материале, обнаруженном во время археологических работ в 1958—1959 гг., Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев¹¹.

Наиболее последовательно и детально проблема упадка византийских городов, обусловленного крушением рабовладельческого полиса, и становление нового, феодального города в Византии была разработана в трудах А. П. Каждана и З. В. Удальцовой. В их упомянутой ранее совместной статье, положившей начало дискуссии о нерешенных вопросах процесса развития феодализма в Византии, значительное место было уделено и судьбам византийского города. Опираясь на археологический и нумизматический материал, А. П. Каждан и З. В. Удальцова пришли к заключению, что период экономического упадка византийского города наступает с конца VII в. и продолжается до конца IX в.¹² Высказанная в этой статье точка зрения нашла свое отражение и дальнейшее развитие в монографических исследованиях указанных авторов.

В монографии «Италия и Византия в VI в.» З. В. Удальцова показала, что процесс феодализации византийского общества глубоко отразился на экономической и социально-политической жизни городов Византии и Италии. В византийской Италии VI в. начались натурализация хозяйства, сокращение торговли и перемещение ремесленного производства из городов в поместья. Анализ источников привел автора к выводу, что в VI в., однако, еще не наступил тот глубокий упадок городов, который стал характерным для более позднего времени: еще продолжалось развитие ремесла (как государственного, так и частного), сохранялись, а иногда даже оживлялись и торговые связи. Тем не менее в VI в. процесс разложения античного полиса, вырождение муниципальной организации и упадок курий зашли уже довольно далеко, и некоторые попытки остготского, а затем византийского правительства задержать этот процесс успеха не имели¹³.

Выводы А. П. Каждана и З. В. Удальцовой об упадке города (в особенности с конца VII в.) нашли подтверждение и в исследовании А. Л. Якобсоном археологических памятников средневекового Херсонеса¹⁴.

⁹ Г. Г. Дилигенский. Североафриканские города в IV в.—ВДИ, 1959, № 3, стр. 75—100.

¹⁰ Г. Х. Саркисян, Тигранакерт (Из истории древнеармянских городских общин). М., 1960.

¹¹ Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследование древнего Севастополиса.—СА, 1960, № 3, стр. 171—179. См. также: С. Каухчишвили. Один из древнейших городов мира.—«Заря Востока», № 255, 31.XII 1959.

¹² З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии.—ВИ, 1958, № 10, стр. 79—96.

¹³ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 115—135.

¹⁴ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры.—МИА, № 63, 1959. См. также: О. И. Домбровский,

На византийском материале эту проблему рассмотрел А. П. Каждан в своей книге «Деревня и город в Византии IX—X вв.». Правда, его внимание сконцентрировано не столько на вопросах упадка городской жизни в VII—VIII вв. (этот период в целом остается, естественно, за рамками монографии), сколько на проблеме подъема византийского города в последующее время (конец IX—XII в.). Тем не менее в целях выявления тенденции экономического развития города в IX—X вв. автор приводит большое число разнообразных фактов и о городе предшествующих столетий. Археологические памятники (в особенности керамика и металлические изделия), а также данные нумизматики свидетельствуют о резком падении товарного производства в Византии в конце VII в., ухудшении качества и техники изделий, аграризации самого облика византийского города. Эти явления (как и начавшийся с конца IX в. подъем города) А. П. Каждан тесно связывает с крушением рабовладельческих отношений и становлением феодализма, т. е. с процессами гибели рабовладельческого полиса и развития феодального города¹⁵.

Изложенная выше точка зрения встретила, однако, возражения ряда историков. С концепцией континуитета в истории византийского города вновь выступил М. Я. Сюзюмов. По его мнению, византийский город не только был прямым преемником античного полиса, но и в течение всей своей истории оставался во многом неизменным, продолжая и лишь в незначительной степени развивая в новых условиях традиции античности. Это проявлялось и в неизменности форм городской собственности, системы организации ремесла и торговли, и в широком применении труда рабов.

Одна из важнейших особенностей Византии, утверждал ученый, состояла в сохранении развитого товарного производства на всем протяжении ее истории. М. Я. Сюзюмов разработал теорию, согласно которой так называемые города-эмпории, крупные ремесленные и торговые центры, сохранившиеся от античности, «в готовом виде» перешли в новый, феодальный период истории Восточного Средиземноморья. Хотя, как полагал этот ученый, города Византии также испытывали перемены, однако они уже вступали в феодальную эпоху как экономически развитые центры товарного производства со сложившимися **ремеслом, торговлей, установившимися** веками формами эксплуатации городской знатью свободного населения и, кроме того, торговыми связями с сельской округой большого радиуса¹⁶. Эти факторы оказывали тормозящее влияние на рост феодальных отношений: рабовладельческие порядки уступали свое место медленно и оставались господствующими до начала IX в.¹⁷

Е. А. Паршина. О раннесредневековой застройке территории античного театра.— СХМ, 1, 1960, стр. 36—42; В. В. Борисова. Археологические работы музея за 1957—1958 гг.— Там же, стр. 69—72.

¹⁵ А. П. Каждан. Деревня и город..., особенно стр. 260—274.

¹⁶ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии.— ВВ, VIII, 1956, стр. 26—41; его же. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии.— ВВ, XVII, 1960, стр. 3 сл.; его же. Некоторые проблемы истории Византии.— ВИ, 1959, № 3, стр. 98—117.

¹⁷ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса..., стр. 4—5.

Отстаивая, таким образом, взгляд об относительной непрерывности развития по крайней мере важнейших городов в Византии и придавая этому обстоятельству огромное значение, М. Я. Сюзюмов вместе с тем вынужден был признавать упадок и аграризацию городов в Византии в VIII—IX вв., только связывал его с бурными внешнеполитическими событиями VI—VII вв. (прежде всего — с нашествием «варваров») ¹⁸. Впрочем, М. Я. Сюзюмов разделял представление о подъеме византийских городов в XI—XII вв., происходившем «уже на основе внутреннего развития феодальной экономики провинции» ¹⁹. В другой своей работе он писал о новом подъеме византийского города в X в. в связи с появлением «грандиозных возможностей» торговли со славянскими странами ²⁰.

В своих новейших работах М. Я. Сюзюмов вновь возвращается к теории континуитета. Однако теперь она у него значительно осложняется и обогащается новыми интересными мыслями и наблюдениями ²¹. Ученый не расстается с представлением о последовательном континуитете в истории античного и византийского городов. В отличие от деревни, где, по его мнению, действовал «закон отрицания», в городе всей экономической и общественной жизнью правил «закон отрицания отрицания». Влияние античности, преемственности цивилизаций ощущается во всех сферах городской жизни — не только в экономике и политике, но и в быту, культуре, идеологии.

Весьма интересен и плодотворен, на наш взгляд, тезис М. Я. Сюзюмова о необходимости комплексного изучения истории города. По мнению ученого, город отнюдь нельзя рассматривать лишь как экономическую категорию, но надо видеть в нем одновременно и административно-правовой центр (через посредство которого государство осуществляло эксплуатацию трудящихся), и центр острейших политических и социальных противоречий, а также очаг культуры и образования.

Полемизируя с установившимся в средневековедении представлением, согласно которому средневековый город был по преимуществу средоточием ремесленного производства и торговли, М. Я. Сюзюмов усматривает основное экономическое значение византийского города в том, что он «был мощным стимулом превращения натуральнохозяйственного продукта в товар» ²².

¹⁸ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев..., стр. 29; его же. К вопросу об особенностях генезиса..., стр. 10; его же. Экономика пригородов византийских крупных городов.— ВВ, XI, 1956, стр. 60. Возражая А. П. Каждану и З. В. Удальцовой по некоторым вопросам истории города, болгарский историк Д. Ангелов также считает необходимым подчеркнуть роль внешнего фактора в процессе упадка городской жизни в Византии (см.: Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии.— ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103).

¹⁹ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев..., стр. 29.

²⁰ М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита.— АДСВ, 1, 1960, стр. 15.

²¹ См.: М. Я. Сюзюмов. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе.— АДСВ, 3, 1965, стр. 5—16; его же. Византийский город (середина VII — середина IX в.).— ВВ, XXVII, 1967, стр. 38—70.

²² М. Я. Сюзюмов. О роли закономерностей..., стр. 7.

Историк объясняет пассивный характер внешней торговли Константинополя его географическим положением, не предоставлявшим удобства для внутренней торговли. Тем самым Константинополь оказывается наиболее ярким подтверждением концепции, по которой главной основой экономического могущества византийских городов было стимулирование превращения натурального продукта в товар.

Любопытны попытки М. Я. Сюзюмова определить специфику классовой борьбы в городах: ее участники объясняли «все социальные бедствия не устройством общества, а личными злоупотреблениями носителей власти». Заслуживает внимания стремление М. Я. Сюзюмова охарактеризовать социальную психологию плебейских масс Константинополя.

Итоги многолетних разысканий М. Я. Сюзюмова по истории византийского города подведены в его обобщающей статье «Византийский город (середина VII — середина IX в.)»²³. Автор снова ставит здесь проблему континуитета и влияния античной традиции. Сущность проблемы он усматривает в следующем: возникли ли средневековые города Византии в результате внутреннего развития экономики переходного времени, выделения ремесла из сельского хозяйства или же эти города включились в процесс феодализации общественного строя уже в готовом виде, т. е. не переставая быть центрами окружающих районов (в хозяйственном, социальном, политическом и идеологическом отношениях)?²⁴

В исследовании М. Я. Сюзюмова содержится пространный историографический очерк, в котором анализируется изучение этой проблемы в мировой византиноведческой науке. Автор полемизирует со многими учеными, твердо отстаивая свою точку зрения. Прежде всего он критикует теорию дезурбанизации Византии в VII—IX вв. Хотя М. Я. Сюзюмов и признает общий упадок городов и городской античной цивилизации, считая его закономерным следствием гибели рабовладельческого строя, тем не менее, на его взгляд, этот упадок не дает еще оснований говорить о процессе дезурбанизации²⁵.

М. Я. Сюзюмов оспаривает мнение А. П. Каждана, будто в VII—VIII вв. византийские города, за исключением лишь Константинополя, Фессалоники, Эфеса, Трапезунта и Атталии, превратились большей частью в деревни или военно-административные центры и лишь в IX в. стали возрождаться или возникли вновь. М. Я. Сюзюмов подвергает сомнению точность и универсальность данных нумизматики и археологии об упадке городов и подчеркивает неясность, а порой и недостоверность сведений нарративных источников. Вместе с тем М. Я. Сюзюмов признает разрушение многих городов вследствие вражеских нашествий, но указывает на их почти одновременное возрождение в виде укрепленных от набегов варваров крепостей²⁶. Перемещение населения с равнин в укрепления, иногда неприступные горные крепости, хотя и приводило к временному упадку городской экономики, однако вовсе не означало превращения города в деревню.

²³ См.: ВВ, XXVII, 1967, стр. 38—70.

²⁴ Там же, стр. 38.

²⁵ Там же, стр. 44.

²⁶ М. Я. Сюзюмов. Византийский город..., стр. 46.

Особенно решительно выступает М. Я. Сюзюмов против представления об аграризации городов в «темные века» византийской истории, считая его краеугольным камнем концепции дезурбанизации Византии в VII—IX вв. Автор доказывает, что в раннее средневековье города не были средоточием ремесла и торговли, а являлись лишь центрами, стимулировавшими производство сельскохозяйственной продукции в их пригородных имениях²⁷. Автор, полемизируя с А. П. Кажданом, считает невозможным при определении населенного пункта как города исходить только из наличия в городе развитого ремесленного производства (так поступает А. П. Каждан). По мнению М. Я. Сюзюмова, основная масса предметов товарного производства в раннем средневековье и еще ранее, в античное время, состояла не из изделий ремесла, а из продовольственных товаров. Наличие пригородного сельскохозяйственного района, вовлеченного в товарное производство, — самая характерная черта средневекового города как экономического центра.

Кроме того, его экономическое значение заключалось не только в производстве продовольственных товаров в пригородах и ремесленных в самом городе, но и в распространении влияния товарного обращения на натуральнохозяйственную округу.

М. Я. Сюзюмов стремится проследить континуитет античных общественных институтов во всех сферах жизни византийского города: в экономике, в трудовых навыках и технических знаниях — в ремесле, в организации торговли, особенно морской; он утверждает также, что чаряду с этим преемственность сохраняется в области социальных и политических отношений. Византийские города раннего средневековья, подобно их античным предшественникам, оставались административными центрами, через которые проводилась политика государства. Однако нет оснований, подчеркивает М. Я. Сюзюмов, усматривать аналогию между ними и меровингскими административными центрами: ведь государственный аппарат Западной Римской империи с ее налоговой системой был уничтожен, тогда как Византия, несмотря на нашествия, сохраняла государственную организацию и налоговое обложение.

По мнению М. Я. Сюзюмова, византийские города периода генезиса феодализма, как и античные, продолжали служить и очагами идеологического воздействия на население страны, в частности крупные города являлись обычно резиденциями епископов и других высших церковных сановников, через которых церковь добивалась выполнения своих предписаний. Организующая роль города в качестве церковного центра, считает М. Я. Сюзюмов, здесь несомненна. В период VII—IX вв. она чрезвычайно отчетливо сказывается в деятельности творцов канонического права.

Особое место в концепции М. Я. Сюзюмова, как и прежде, занимает вопрос о крупных городах-эмпориях, торговых центрах, расположенных на морском побережье или на важных речных и сухопутных торговых путях. На основе анализа различных источников, прежде всего Морского закона, автор приходит к выводу, что в Византии в «тем-

²⁷ М. Я. Сюзюмов. Византийский город..., стр. 48. Ср.: М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов.— ВВ, XI, 1956, стр. 55—81; его же. Экономические воззрения Льва VI.— ВВ, XV, 1959, стр. 33—49.

ные века» ее истории практиковалась обширная морская торговля, а техника мореплавания удерживала былой, т. е. высокий, уровень. Континуитет в византийских городах проявлялся не только в преемственности производственных традиций, но и в организации ремесленно-торговых корпораций. М. Я. Сюзюмов полагает, что их отнюдь нельзя представлять себе по образцу западноевропейских цехов, как это делает А. П. Каждан; последние сложились уже в эпоху торжества феодальных институтов, в то время как византийские корпорации складывались тогда, когда процесс феодализации был еще далек от своего завершения. Поэтому в них так сильны были античные традиции, выражавшиеся и в применении рабского труда, и во взаимоотношениях цехов и городов.

По наблюдениям М. Я. Сюзюмова, континуитет прослеживается и в социальной организации населения городов середины VII — середины IX в.: хотя городская знать отличалась от рабовладельческой муниципальной аристократии античности, все же она не была феодальной, а консолидировалась в особое сословие. Она была связана с городским и пригородным землевладением, но одновременно была служилой, сановной знатью, постоянно боровшейся с провинциальной феодальной аристократией. Черты античного социального строя сохранялись и в статусе плебейских масс города. Остатки античных форм городского самоуправления также прочно внедрились в феодальное общество, хотя и соединялись с новой организацией административного управления империей.

Окончательный вывод автора весьма определен, даже категоричен: в Византии город вошел в средневековье в готовом виде, поскольку тут «налицо были производственные традиции, торговые связи, веками сложившиеся нормы гражданских отношений, вполне установившаяся роль города в осуществлении административно-фискальных функций, а также в насаждении господствующей идеологии — христианской религии»²⁸. Исследователь твердо настаивает на том, что континуитет в развитии города был основной специфической особенностью процесса генезиса феодализма в Византии по сравнению с другими странами Европы²⁹.

Изложенная выше концепция М. Я. Сюзюмова последовательно отстаивается им и в его новых работах^{29а}.

В целом эти работы, хотя они и изобилуют свежими мыслями, смелыми гипотезами и построениями и в этом смысле отличаются большой оригинальностью, все же, на наш взгляд, преувеличивают роль континуитета как в социально-экономической, так и в идейной и культурной жизни византийских городов эпохи генезиса феодализма.

Не менее последовательно против вывода об упадке городов в Византии в VII — середине IX в. и о возникновении феодального города к концу IX—X в. выступила Е. Э. Липшиц. В соответствии с разработанной ею теорией возникновения феодальных отношений в Византии последние стали господствующими, полагает исследовательница, уже

²⁸ М. Я. Сюзюмов. Византийский город..., стр. 70.

²⁹ Там же.

^{29а} М. Я. Сюзюмов. Предпринимательство в византийском городе.— АДСВ, 4, 1966, стр. 2—30.

в IV—V вв. По ее мнению, социальная перестройка византийского города относится к гораздо более раннему времени. Кризис полисной системы, крушение рабовладельческого города — это исторические процессы, совершившиеся еще в III—IV вв. В V и VI вв. происходит становление феодального города, относительная слабость которого в VII—VIII вв. нашла бы, с точки зрения Е. Э. Липшиц, легкое объяснение просто в том, что в эпоху феодализма деревня и экономически, и политически господствует над городом³⁰.

С критикой положений об экономическом упадке византийского города в VII—VIII вв. выступила и И. В. Соколова. На основании изучения монетных кладов она приходит к выводу, что их отсутствие служит признаком экономической стабилизации, а отнюдь не упадка, тогда как обилие кладов свидетельствует, напротив, о неустойчивости экономического положения страны³¹. К сожалению, автор не поставила вопроса о причинах находок незначительного количества монет конца VII—VIII в., обнаруженных во время раскопок, об упадке ремесленной техники этого времени, о явных признаках запустения городов и т. п. Несколько ранее Р. А. Наследова в статье о ремесле и торговле Фессалоники конца IX — начала X в. пришла к выводу о высоком развитии экономики этого города. Привлекая данные различного рода источников, она показала также, что, несмотря на периодические спады его торгово-ремесленной деятельности, он неизменно, на всем протяжении существования Византийской империи, оставался одним из ее крупнейших торгово-ремесленных, административных, военно-стратегических и культурных центров. Фессалоника принадлежала, по мнению Р. А. Наследовой, к числу тех городов Восточно-римской империи, которые сумели сохранить свое ремесленное производство и торговлю и в период кризиса рабовладельческого общества и варварских вторжений; со времени арабских завоеваний VII—VIII вв., в результате которых центр тяжести византийской торговли переместился на запад и север, Фессалоника стала расширять здесь свои торговые связи; они еще более окрепли в условиях феодализации славянских и западноевропейских государств и в связи с ростом их хозяйственных потребностей³².

Большинство советских историков, опубликовавшие свои работы о византийском городе, в том числе и многие из тех ученых, которые отрицают глубокий упадок города в VII—VIII вв., согласны в том, что с конца IX в., в X и особенно в XI—XII вв. городская жизнь в Византии находилась на подъеме. Этот вывод подтверждают и результаты исследования локальных материалов, относящихся к средневековому Херсонесу, равно как и городам Кавказа. Так, Д. Л. Талис

³⁰ Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1957, стр. 30 сл.

³¹ И. В. Соколова. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. — ВВ, XV, 1959, стр. 50—63. Ср.: А. П. К а ж д а н. Византийские города в VII—XI вв. — СА, XXI, 1954, стр. 169; е го же. Деревня и город..., стр. 261 сл., где автор высказывает иную точку зрения.

³² Р. А. Наследова. Ремесло и торговля в Фессалонике конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. — ВВ, VIII, 1956, стр. 61—84.

показал усиление в X в. торговых связей Херсонеса: в это время резко возрастает ввоз поливной и расписной керамики из Константинополя, переживавшего тогда подъем³³. Изучая историческое развитие средневековых городов Армении, Г. Х. Саркисян отмечал их постепенный рост с середины IX в.³⁴ К сходным выводам в отношении средневековых городов Азербайджана пришел и Г. М. Ахмедов³⁵.

В общевизантийском плане начало указанного процесса было изучено в работе А. П. Каждана «Деревня и город в Византии IX—X вв.». Этой теме посвящены три главы монографии (4—6), из которых особенно интересна четвертая, где проанализирован обширный материал письменных и археологических источников о византийском ремесле. По мнению автора, новый подъем ремесла раньше всего (еще в IX—X вв.) дал себя знать в Константинополе; в провинциальных городах он приходится на X—XII вв. В то же время в Константинополе XII в. уже можно проследить упадок ряда отраслей³⁶. В пятой главе автор, рассмотрев данные о византийской торговле и товарном обращении, приходит к сходным выводам, а именно: после временного упадка торговли с конца IX в. начинается ее новый рост, сделавшийся особенно заметным в XI—XII вв.; с конца XII в. вывоз ремесленных изделий уступает место вывозу преимущественно сельскохозяйственных продуктов³⁷. В шестой главе исследуется специфика византийского ремесленного цеха, которую А. П. Каждан видит в подчинении государственным органам. В соответствии с этим он полагает, что подъем ремесленного производства в столице был обусловлен на первых порах тесной связью ремесла и торговли с потребностями императорского двора, армии и т. п.; впоследствии, с развитием новых форм ремесла и торговли, это же обстоятельство стало сковывать ремесленное производство³⁸.

Против представления о прямой преемственности между античным и византийским городом выступили и некоторые археологи. Так, А. Л. Якобсон на основании многолетних археологических разысканий в Херсонесе пришел к выводу о его экономическом упадке в VII—половине IX в.³⁹ Несколько иную периодизацию истории этого города в раннее средневековье дает Д. Л. Талис. Полемизируя с Г. Д. Беловым, который относил новую веку в ней к рубежу IV—V вв.⁴⁰, Д. Л. Талис отодвигает эту дату к концу VI в., когда, по его мнению, происходит экономический упадок Херсонеса. Его возрождение и вос-

³³ Д. Л. Талис. К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса.— ТГИМ, № 37, 1960. Археологический сборник, стр. 125—140.

³⁴ Г. Х. Саркисян. Тигранакерт...; его же. Рец. на кн.: Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Ереван, 1954.—ВДИ, 1957, № 4, стр. 142—146.

³⁵ Г. М. Ахмедов. Из истории некоторых городов Азербайджана IX—XIII вв.—ТИИАНаз, XIII, 1958, стр. 108—132.

³⁶ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 190—249.

³⁷ Там же, стр. 250—300; см.: его же. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв.—ВВ, VIII, 1956, стр. 85—96.

³⁸ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 301—345.

³⁹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л. 1959, стр. 361 (см. выше, стр. 127 сл.).

⁴⁰ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 60.

становление Д. Л. Талис датирует концом VIII — началом IX в. Навысший экономический и политический расцвет, с точки зрения Д. Л. Талиса, Херсонес пережил в X в.⁴¹

А. Л. Якобсон, однако, не принял эту периодизацию. В полемической статье он высказывает ряд убедительных аргументов против признания VI в. рубежом истории Херсонеса, указывая, что археологический материал, на который опираются построения Д. Л. Талиса, еще нуждается в точной датировке⁴².

Сам А. Л. Якобсон считает временем экономического подъема Херсонеса V в., а упадок его ведет только с VII в. Несмотря на расхождения в периодизации, и А. Л. Якобсон, и Д. Л. Талис единодушны в признании наличия цезуры, перерыва, упадка в развитии Херсонеса в VII — половине VIII в.

Недавно, правда, свердловский археолог Е. Г. Суров вновь выступил в поддержку теории континуитета, притом как раз применительно к раннесредневековому Херсонесу. На основе изучения археологического материала его северо-западного района автор пришел к убеждению, что этот район города возник в середине или во второй половине V в. н. э. С точки зрения Е. Г. Сурова, такое обстоятельство указывает «на непрерывное и поступательное развитие Херсонеса» в эпоху генезиса феодализма⁴³.

А. Л. Якобсон сделал интересную попытку определить численность населения города. Для раннего средневековья (V—VI вв. и первая половина VII в.) из-за скудости данных источников какие-либо подсчеты невозможны. В X в. численность населения Херсонеса составляла около 6—7 тысяч человек, а в XII—XIII вв. — 5—6 тысяч человек. Эти выкладки не претендуют на абсолютную точность, но, видимо, все же дают близкое к действительности понятие о численности населения Херсонеса.

Важность работы А. Л. Якобсона в том, что определение, хотя бы приблизительное, численности этого города поможет составить более конкретное представление о плотности населения других городов Византии, ибо Херсонес по своему своему облику и размерам — город, типичный не только для Причерноморья, но и для византийских районов Северного Средиземноморья⁴⁴.

За последние годы история византийских раннесредневековых городов обогатилась новыми ценными исследованиями. К их числу следует прежде всего отнести фундаментальную монографию И. Ф. Фих-

⁴¹ Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 54—73.

⁴² А. Л. Якобсон. О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса. — ВВ, XXIV, 1964, стр. 226—229.

⁴³ Е. Г. Суров. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического. — АДСВ, 3, 1965, стр. 119—147, илл.

⁴⁴ А. Л. Якобсон. О численности населения средневекового Херсонеса. — ВВ, XIX, 1961, стр. 154—165.

Подробный обзор специальной литературы 40—50-х годов, посвященный истории раннесредневековой Таврики, в том числе и Херсонеса, дан в интересной и содержательной статье Д. Л. Талиса «Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет». — ВВ, XIX, 1961, стр. 240—259.

мана⁴⁵. История развития ремесленного производства в Египте трактуется автором в широком аспекте, на основании анализа преимущественно папирологического материала и памятников законодательства IV—VI вв. Бросается в глаза богатство содержания изученных автором папирусов, проливающих свет на реальные жизненные отношения в городах Египта ранневизантийской эпохи⁴⁶. И. Ф. Фихман оценивает изучаемый им период в истории Египта (VI—VII вв.) как время глубокого разложения рабовладельческих отношений. Кризис рабовладельческого строя нашел свое яркое выражение и в сфере ремесленного производства. Автор прослеживает судьбы ремесла, положение ремесленников и его эволюцию, организацию ремесленного производства, изменения в социальном составе ремесленников и структуре ремесленных корпораций. Большое внимание уделяется вопросам ремесленной терминологии.

Обследование папирологического материала привело автора к выводу о том, что в ремесленном производстве Египта произошли серьезные перемены. Важнейшей из них было сокращение масштабов применения рабского труда. В памятниках первой половины IV в. еще встречаются отдельные упоминания о рабах-ремесленниках, а в V в. и особенно в VI в. они исчезают со страниц документов. Сам автор признает неполноту и односторонность дошедших до нас папирологических материалов: не сохранились документы из Александрии, где, возможно, в ремесле находил применение и рабский труд, особенно в государственных мастерских. Тем не менее автор полагает, что в ремесле византийского времени рабский труд в Египте не использовался. Основная масса ремесленников состояла из свободных лиц, которым в работе часто помогали члены семьи, подсобные работники, ученики — все также свободного происхождения⁴⁷. Даже в имениях крупных землевладельцев, в поместном ремесле рабский труд, по утверждению автора, играл второстепенную роль по сравнению с трудом свободных ремесленников.

Вместе с тем автор признает наличие в Египте своеобразной атмосферы рабовладельческих отношений, переживавших, однако, кризис. Несмотря на незначительную роль рабского труда, «вся совокупность отношений, господствовавших в ремесленном производстве, находилась еще под известным влиянием правовых норм и мировоззрения рабовладельческого общества»⁴⁸.

⁴⁵ И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. М., 1965. Ср.: его же. Вопросы ремесла византийского Египта (по данным законодательства и греческих папирусов). Автореф. канд. дисс. Л., 1962.

⁴⁶ В одной из своих работ И. Ф. Фихман опубликовал интересные данные о ценнейшем египетском папирологическом хранилище середины IV в. н. э. — так называемом архиве Авиннея. Он содержит 2 латинских и 80 греческих документов. Это преимущественно письма, прошения, жалобы, договоры, материалы отчетности. Документы связаны с жизнью Александрии и Константинополя середины IV в. и важны как для военно-административной, так и для экономической истории Египта того времени. См.: И. Ф. Фихман. Египетский архив середины IV в. н. э. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 295—305.

⁴⁷ И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох, стр. 61.

⁴⁸ Там же, стр. 63.

Другой важный показатель эволюции египетского ремесла в ранневизантийское время, по мнению И. Ф. Фихмана, — увеличение доли труда наемных работников-мистиев (как в городах, так и в поместьях). Наемный труд применялся отнюдь не эпизодически, а был весьма распространенным явлением.

Любопытны наблюдения автора об изменении отношения к труду, происшедшем под влиянием коренной ломки рабовладельческого мировоззрения. Небезынтересны выводы автора и об изменении терминологии, применявшейся для обозначения ремесленной деятельности: многие старые термины исчезают, заменяются новыми, сама терминология усложняется и делается более многообразной.

Важное место в книге И. Ф. Фихмана отведено характеристике ремесленных корпораций в Египте IV — половины VII в.⁴⁹ Он отмечает три типа корпораций: полностью подчиненные государству; независимые объединения ремесленников; корпорации, находящиеся в зависимости от крупных землевладельцев. Автор скрупулезно прослеживает различия подчиненности отдельных корпораций государству и форм их использования последним. Даже независимые объединения ремесленников не были единообразными. Большинство корпораций состояло из свободных, самостоятельно работающих ремесленников или мастеров, зависимых от крупных землевладельцев.

И. Ф. Фихман намечает изменения, происшедшие в организации ремесленных корпораций по сравнению с античным временем: исчезновение культовых корпораций и других типов античных коллегий, рост числа профессиональных объединений ремесленников, усиление контроля государства, использование корпораций для выполнения государственных поставок и сбора налогов с членов этих объединений, сосредоточение власти внутри корпорации в руках единоличного главы (вместо выборной коллегии) при внешнем сохранении видимости демократического устройства. В VI в. появляются корпорации, зависимые от крупных землевладельцев.

Важны выводы И. Ф. Фихмана и об изменении состава потребителей ремесленных изделий: если в римское время главным потребителем выступало государство, то с IV в. им становится крупное светское и церковное имение.

Автор особо рассматривает ремесленное производство во владениях земельных собственников: подробно анализируются состав ремесленников, обслуживающих поместье, методы использования их труда, техника производства. Вывод автора сводится к тому, что в IV—VI вв. в связи с ростом крупного землевладения происходит одновременное развитие поместного ремесла, в котором были заняты как зависимые, так и свободные ремесленники. Большую роль в росте крупного землевладения автор отводит патрониям⁵⁰.

⁴⁹ По этой проблеме автором были в свое время опубликованы статьи: И. Ф. Фихман. К характеристике корпораций византийского Египта. — ВВ, XVII, 1960, стр. 17—27; его же. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности ремесленных корпораций позднеримского Египта. — ВДИ, 1965, № 3, стр. 146—153; его же. К вопросу о корпоративной взаимопомощи в византийском Египте. — JJP vol. XV. Warszawa, 1965, p. 93—99.

⁵⁰ В другой своей работе И. Ф. Фихман подчеркивает интенсивное развитие патрониев в Египте с середины IV в.; он полагает, что византийскому

В своих общих выводах И. Ф. Фихман приходит к более категоричному, чем ранее, заключению, что в Египте IV — первой половины VII в. не только наблюдался глубокий кризис рабовладельческой системы, но и происходило становление феодальных отношений. Об этом, по его мнению, свидетельствуют следующие показательные перемены: «...резкое снижение по сравнению с римским Египтом удельного, веса рабского труда в сочетании с ростом значения труда свободных ремесленников, мелкий характер производства, большое развитие профессиональных объединений, возрастание роли крупного имения как производителя и потребителя ремесленных изделий». Возникновение феодальных порядков в Египте «не сопровождалось, однако, как на Западе, сильной натурализацией хозяйства»⁵¹.

Работа И. Ф. Фихмана оригинальна, изобилует большим папириологическим материалом, однако ее выводы, на наш взгляд, несколько шире и категоричнее, чем позволяют сделать приводимые в ней конкретные факты. Многие проблемы, в частности такие, как исчезновение рабского труда и в ремесленном производстве, соотношение свободного и рабского труда, уровень развития феодальных отношений в Египте ранневизантийской эпохи, все же нуждаются в дополнительном исследовании.

Позднее И. Ф. Фихман опубликовал статью, посвященную частному вопросу — аренде мастерских в византийском Египте⁵². Обследовав большой папириологический материал, автор пришел к заключению, что сдача мастерских в аренду была выгодной формой присвоения прибавочного труда ремесленников, и поэтому муниципальная верхушка, крупные землевладельцы охотно вкладывали средства в мастерские, а затем сдавали их, часто на тяжелых для съемщиков условиях, ремесленникам. Автор анализирует многочисленные договоры найма-аренды эргастриев, сводя их данные в таблицу, характеризующую условия аренды. Он показывает, что для ремесленников она была сопряжена не только с уплатой высокой цены, т. е. отдачей значительной части своего заработка, но и с зависимостью от хозяев эргастриев.

Дальнейшее изучение истории ранневизантийского города наталкивается на ряд трудностей, главной из которых является отсутствие новых критических изданий источников. Крайне необходима и публикация неизданных папирусов византийского Египта, хранящихся в коллেকциях нашей страны.

Наименьшее внимание уделялось исследователями поздневизантийскому городу. Поэтому он остается малоизученным. Относительно его упадка в XIII—XV вв. в историографии не было и нет серьезных разногласий. Общеизвестным является господство феодалов и иноземцев (итальянцев) в городах того времени. Существенные расхождения имелись, однако, относительно того, намечался ли в недрах византий-

государству не удалось задержать их рост и оно было принуждено капитулировать перед этой новой системой. См.: И. Ф. Фихман. К развитию патроциний в византийском Египте. — «VII Всес. конф. византистов», 1965, стр. 46—47; его же. К вопросу о трех фазах в развитии египетских патроциний. — ВДИ, 1966, № 1, стр. 110—112.

⁵¹ И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох, стр. 251.

⁵² И. Ф. Фихман. Аренда мастерских в византийском Египте. — Сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 56—66.

ского города до завоевания Византии турками процесс вызревания капиталистических отношений или же византийскому городу были совершенно чужды какие бы то ни были элементы зарождающегося капитализма; в особенности труден для решения вопрос о существовании там мануфактурного производства.

А. П. Каждан и З. В. Удальцова в уже упоминавшейся статье высказали мысль, что с XIV в. в хозяйственной жизни Византии начали появляться черты капиталистических отношений, только не в городе, где безраздельно царили феодалы и торгово-ростовщический (преимущественно иноземный) капитал, а в деревне⁵³. Напротив, по мнению М. Я. Сюзюмова, в Византии в XIV в. снова наблюдается «значительный рост городов — но уже на другой основе... Начали развиваться некоторые элементы капиталистического уклада, правда, в соединении с ростом иноземного влияния». Именно поэтому, полагает ученый, в середине XIV в. в Фессалонике вспыхнуло мощное восстание городского населения «против феодальных устоев»⁵⁴, именно тогда (при временщике Алексее Апокавке) впервые в истории Византии складывается союз центральной власти с городами⁵⁵.

В статье Б. Т. Горянова о византийском городе XIII—XV вв., в отличие от работ предшествующих авторов, вообще не признается появление в Византии каких бы то ни было элементов капитализма. В экономике города, как и деревни, по мнению автора, вплоть до последних дней существования Византии не было заметно никаких следов оживления. Засилье феодалов, конкуренция итальянских колоний и их господство в византийских городах, захваты турок-османов и нарушение традиционных торговых путей обусловили глубокий упадок византийского города, что явилось «одной из основных особенностей общественно-экономического строя Византии XIII—XIV вв.»⁵⁶.

Представление об отсутствии в Византии каких-либо элементов раннекапиталистических отношений Б. Т. Горянов продолжал поддерживать и в своих дальнейших работах. В качестве основного аргумента в пользу этой теории он по-прежнему выдвигал тезис о глубоком упадке, экономическом и политическом, поздневизантийского города⁵⁷. В XIII — первой половине XV в. торговля и ремесло в Византии перешли из рук местных торговцев и ремесленников к итальянцам. В городах резко сокращается численность населения. Экономически и политически они полностью находились, с точки зрения Б. Т. Горянова, во власти феодалов; торгово-ремесленная верхушка была очень слаба.

Все эти положения высказаны в его монографии без учета новейших публикаций источников и литературы, часто носят сугубо декларативный характер, многие стороны темы остаются неосвещенными или

⁵³ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы..., стр. 93 сл.

⁵⁴ М. Я. Сюзюмов. Трактат Юлиана Аскалонита, стр. 15.

⁵⁵ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма..., стр. 15.

⁵⁶ Б. Т. Горянов. Византийский город XIII—XIV вв.— ВВ, XIII, 1958, стр. 183. Некоторые важные факты о численности населения поздневизантийских городов см.: А. Д. Новичев. Население Османской империи в XV—XVI вв.— ВЛГУ, № 14, 1960, сер. ист., яз. и лит., вып. 3, стр. 28—37.

⁵⁷ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962, стр. 261 сл.

затронутыми лишь попутно⁵⁸. По мнению М. Я. Сюзюмова, «в целом глава о городе, в силу отсутствия новых материалов и оценки новых точек зрения, представляется в значительной мере устаревшей»⁵⁹.

Тяжелое положение, создавшееся в связи с недостаточной изученностью рассматриваемой проблемы, обусловило настоятельную необходимость локальной разработки истории отдельных городов в поздневизантийский период и побудило заняться ею ряд молодых ученых.

Так, ленинградский византист И. П. Медведев изучает социально-экономический строй и общественные отношения одного из крупнейших центров Пелопоннеса той эпохи — города Мистры⁶⁰. Столица Морейского деспотата длительное время привлекала внимание исследователей преимущественно как один из важных центров архитектуры и искусства «палеологовского Возрождения», социально-экономическая же история города оставалась в тени. И. П. Медведев показывает, что экономический и политический расцвет Мистры приходится на конец XIV—XV в. Экономика города строилась на эксплуатации городской округи, на развитии ремесла, особенно строительного дела, на торговых связях, осуществлявшихся через порты Корон и Модон. Однако именно на рубеже XIV—XV вв. Мистра переживала наиболее мрачные события своей истории — сперва нашествие турок, а затем острый социально-политический конфликт, разыгравшийся в связи с продажей города ордену госпитальеров, перебазировавшемуся в начале XIV в. на Родос. В своей статье И. П. Медведев сосредоточивает внимание главным образом на внутренних волнениях в Мистре, происходивших в 1402 г., когда деспот Феодор принужден был ввиду турецкой опасности продать Мистру рыцарям-иоаннитам, с тем чтобы они защитили ее от турок. Однако этот акт бессилия деспота вызвал огромное недовольство городского населения и жителей других окрестных мест. Сопrotивление решению деспота возглавили архиепископ Спарты и греческое духовенство, ненавидевшее латинян и боявшееся усиления влияния католической церкви. Под влиянием агитации духовенства и исихастского монашества торгово-ремесленные слои Мистры восстали и не пустили в город родосских рыцарей.

По мнению автора, решающую роль в этих событиях сыграло православное духовенство, среди которого именно в это время широкое распространение получили мистические идеи исихазма и обострилась ненависть к латинянам. Экономической же основой роста социально-политического влияния духовенства и монашества в Мистре XIV—XV вв. послужил расцвет церковно-монастырского землевладения, относящийся как раз к этому времени.

Судьбы торговли византийских и далматинских городов в поздневизантийский период привлекли внимание молодой исследовательницы Э. И. Чудиновских⁶¹. Ей удалось показать большое значение грече-

⁵⁸ М. Я. Сюзюмов. Рец. на книгу Б. Т. Горянова «Поздневизантийский феодализм». — ВВ, XXV, 1964, стр. 236—243, особенно стр. 239.

⁵⁹ Там же, стр. 239.

⁶⁰ И. П. Медведев. Из истории Мистры. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 131—141. См. также: И. П. Медведев. К вопросу о возникновении города Мистры. — «VII Всес. конф. византистов», 1965, стр. 25—28. его же. Основание города Мистры. — АДСВ, 4, 1966, стр. 57—68.

⁶¹ Э. И. Чудиновских. Торговая деятельность населения далматинских городов в XIII—XIV вв. — АДСВ, 3, 1965, стр. 85—100.

ских портуланов как источника по истории торговых связей Средиземноморья⁶².

Историей средневековых далматинских городов давно занимается М. М. Фрейденберг. Из новых его работ по этой проблеме представляет интерес статья, в которой предпринята попытка определить численность отдельных социальных групп населения Трогира в XIII в. (нобили, торговцы, домовладельцы, ремесленники и др.)⁶³. Свежий материал собран М. М. Фрейденбергом по вопросу о развитии торговли далматинских городов в XIII—XIV вв. В этот период преобладали внешние торговые связи, из Далмации вывозили скот, мясо, сыр, воск, кожи, вина, ввозили хлеб, а также тонкие сукна и строительные материалы (кирпич, черепица). Для определения специфики торгового баланса отдельных городов им составлена таблица цен в Далмации XIII—XIV вв.⁶⁴

Большое значение для воссоздания картины торговых связей Византии и Италии в XIV в. имеет такой первоклассный памятник, как книга Франческо Бальдуччи Пеголотти; она содержит богатейший материал для характеристики экономики византийских городов XIV в. Этому источнику посвятил свою статью известный советский итальянист В. И. Рутенбург⁶⁵.

Об экономической жизни и политическом положении итальянских колоний в Причерноморье писали И. А. Гольдшмидт⁶⁶, Б. Л. Богородский⁶⁷, А. М. Чиперис⁶⁸, Е. Ч. Скржинская⁶⁹ и М. К. Старокадомская⁷⁰.

Приведенные данные показывают, что история поздневизантийского города нуждается в дальнейшей разработке. По-прежнему открытыми остаются вопросы о характере и организации ремесленного производства, о возникновении мануфактур, о специфике корпораций и времени их исчезновения, о масштабах собственно византийской и итальянской торговли, о социальной структуре поздневизантийского города и соотношении феодальных и торгово-ремесленных элементов и многое другое. Изучение этих вопросов сможет подвести исследователей к разрешению кардинальной проблемы — появления в городах XIV—

⁶² Э. И. Чудиновских. Греческие портуланы как источник по истории торговых путей Центрального и Восточного Средиземноморья XV—XVI вв.—АДСВ, 3, 1965, стр. 61—84.

⁶³ М. М. Фрейденберг. О социальной структуре Трогира в XIII в.—УЗИС, XXX, 1966, стр. 17—33.

⁶⁴ М. М. Фрейденберг. Торговля далматинского города в XIII—XIV вв.—ССЛ., 1967, № 2, стр. 24—37.

⁶⁵ В. И. Рутенбург. От Пеголотти до Уццано.—СВ, 28, 1965, стр. 238—241.

⁶⁶ И. А. Гольдшмидт. Некоторые данные о ремесленном производстве в Кафе в XIII—XV вв.—СВ, X, 1957, стр. 195—205.

⁶⁷ Б. Л. Богородский. Термин «мачта» и его синонимы.—УЗ ЛенПИ, 144, 1958, стр. 191—220.

⁶⁸ А. М. Чиперис. Борьба народов юго-востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50—70-х годах XV в.—УЗ ТГУ, XVII, 1960, стр. 131—155.

⁶⁹ Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма.—Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175.

⁷⁰ М. К. Старокадомская. Русское торговое население генуэзской Каффы.—Там же, стр. 147—154.

XV вв. ростков раннекапиталистических отношений и социальной природы византийского бюргерства.

В итоге анализа работ византинистов-урбанистов можно сказать, что ими выявлены общие тенденции развития византийского города, но многие стороны этой проблемы еще требуют углубленного изучения. Главная трудность, как это видно из сказанного, заключается в том, что установление правильной периодизации развития феодального города тесно связано с определением общей периодизации истории феодализма в Византии, остающейся дискуссионной. Необходимы новые монографические исследования по экономической, социальной и политической жизни городов Византии, особенно в критический период ее истории (IV—VI вв.), когда кризис рабовладельческого строя оказал решающее влияние на эволюцию городской жизни и в поздневизантийскую эпоху.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

В центре исследовательской работы наших византинистов постоянно находится изучение истории классовой борьбы в империи. Эти проблемы разрабатываются как в специальных статьях, так и в исследованиях на более широкие темы социально-экономического характера.

Большая группа специалистов, занимавшаяся историей крушения рабовладельческого строя в Восточной Римской империи, обратилась к вопросу о характере и формах классовой борьбы в тот период. Было написано немало работ о народных движениях во времена перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному, в частности о соотношении революционных выступлений масс в самой империи с натиском на нее «варваров» извне.

Исследуя так называемые дунайские войны III в., которые в прежней историографии рассматривались лишь как столкновения римлян с «варварами», А. Д. Дмитриев пришел к выводу, что это были в то же время широкие социальные движения угнетенных римлянами народов Балканского полуострова, ускорившие разделение Римской империи на восточную и западную части¹. Тесную связь «варварских» вторжений с борьбой народных масс в поздней Римской империи выявили Г. Г. Дилигенский и А. Р. Корсунский². Наличие в Византии крупных городов с многочисленным торгово-ремесленным населением определило выдающуюся роль трудового люда города в народных выступлениях IV—VII вв.

Острейшим проявлением кризиса рабовладения считает народные движения в Антиохии IV в. Г. Л. Курбатов. Народные волнения, как он установил в своей статье, не прекращались на востоке империи вплоть до времени массовых вторжений «варваров» и, слившись с ними,

¹ А. Д. Дмитриев. Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. (236—278 гг.).—ВВ, VIII, 1956, стр. 97—126.

² Г. Г. Дилигенский. Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке.—ВДИ, 1957, № 2, стр. 85—105; А. Р. Корсунский. Движение багаудов.—ВДИ, 1957, № 4, стр. 71—87.

нанесли сильнейший удар по рабовладельческому строю³. Эта цепь непрерывных народных движений IV в. началась с восстания Прокопия: в отличие от буржуазных историков, видевших в нем лишь бунт сословия куриалов, Г. Л. Курбатов рассматривал его как широкое, народное в своей основе движение, направленное против рабовладельческих порядков и налогового гнета государства. Однако попытка Прокопия опереться прежде всего на наиболее консервативные и приходившие в упадок социальные слои (родовая сенаторская и муниципальная аристократия) сужала социальную базу восстания и предопределила в конечном счете его поражение⁴.

В другой своей статье Г. Л. Курбатов проанализировал антиохийское восстание 387 г. Он выяснил, что накануне и во время самого восстания недовольство народных масс выразилось в распространении среди них еретических настроений, враждебных официальной церкви. Таким образом, выступление масс явилось не только формой социального протеста против политики правительства, но было направлено и против христианской идеологии⁵.

Интересные наблюдения о происхождении цирковых партий и народных выступлениях в том же городе сделаны автором в его монографии «Ранневизантийский город»⁶.

В главе книги, посвященной характеристике этих движений как в самой Антиохии, так и во всей Сирии, привлекает внимание трактовка выступлений так называемых латронов (разбойников) как особой формы классовой борьбы сельского населения восточных провинций империи. Автор убедительно показывает, что движение латронов было распространено в областях с более монолитным по своему составу крестьянством. Анализируя отдельные народные восстания в Антиохии, он подчеркивает их социальный характер (особенно восстания 387 г.): они были направлены против всего существующего строя⁷.

Анализ народных движений VI в. и выяснение их влияния на ход исторического развития Италии и Византии в период генезиса феодализма осуществлены в монографии З. В. Удальцовой⁸. В классовой борьбе в Италии конца V—VI в. еще немаловажное место занимали выступления народных масс против пережитков рабовладения. Все

³ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 42—60.

⁴ Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия (365—366 гг.).— ВВ, XIV, 1958, стр. 3—26.

⁵ Г. Л. Курбатов. К вопросу о «богохульствующих» в восстании 387 г. в Антиохии.— «Древний мир. Сб. в честь акад. В. В. Струве». Л., 1962, стр. 572—578; его же. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия (365—366 гг.).— ВО, стр. 64—92.

⁶ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962, гл. V. См. рец. М. Я. Сюзюмова.— ВВ, XXV, 1964, стр. 247—248.

⁷ М. Я. Сюзюмов в указанной выше рецензии на книгу Г. Л. Курбатова не соглашается с оценкой антиохийского восстания 387 г., данной этим исследователем. Рецензент отрицает прогрессивный характер движения, поскольку оно ослабило империю перед лицом нападения варваров, и считает его не подлинно народным выступлением, а своего рода провокацией куриалов, поднявших народ на борьбу в своих интересах (См. рец. М. Я. Сюзюмова, стр. 248).

⁸ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 196—221, 339—353 и др.

большее значение, однако, приобретали выступления народных масс против феодализировавшейся знати как остготской, так и римской. Изменялся и состав участников народных движений: наряду с рабами крупную роль играли колонны различной степени зависимости, а поскольку развитие феодального землевладения сопровождалось ростом мелкой крестьянской собственности, в народных восстаниях участвовали и мелкие свободные (римско-италийские, а отчасти и остготские) земледельцы. В городах Италии классовая борьба иногда (как и в Византии) была связана с борьбой цирковых партий.

Рассматривая историю византийского завоевания Италии (535—555), а также политику византийского правительства в захваченных областях, З. В. Удальцова пришла к выводу, согласно которому в первый период этой войны — период успехов Византии — позиция народных масс, нередко принимавших участие в разгоравшейся борьбе, не была достаточно устойчивой и менялась в зависимости от конкретной обстановки. Однако самая борьба тогда не получила еще широкого размаха. Автор подробно охарактеризовал события периода правления Тотилы, показывая, с одной стороны, колебания этого остготского полководца и его стремление сблизиться с сенатом, а с другой, подчеркивая, что в обстановке после поражения остготов Тотила понял необходимость заключения временного союза с самыми широкими слоями италийского населения, понял, что во имя сохранения господства остготской знати нужно пойти на некоторые уступки им. Он использовал развернувшееся в Италии народное движение, вызванное реакционными экономическими и законодательными нововведениями, которые были установлены византийцами в завоеванных ими областях Италии. Это и послужило, по мнению автора, причиной последующих успехов Тотилы в его борьбе с Византией в 543—550 гг. Не помышляя об искоренении рабовладения, Тотила все же содействовал оформлению происходивших в те годы социально-экономических изменений (широкое перемещение земельной собственности, освобождение части колоннов и рабов), делая уступки массам преимущественно за счет римской аристократии. Конечное поражение готов было обусловлено, как полагает З. В. Удальцова, неизбежным обострением противоречий в социально неоднородном лагере противников империи. Углубление этих противоречий привело в 50-х годах VI в. к новому соотношению сил в стране: оно сложилось в пользу византийцев^{8а}.

Как и в предшествующие годы, продолжалось изучение крупнейшего антифеодального еретического движения в Византии — павликианства. Используя не только византийские, но также армянские и сирийские источники, К. Н. Юзбашян и Р. М. Бартикян доказали, что павликианская ересь, которой придерживались армяне Великой Армении, была не только социальным, но и народно-освободительным движением, направленным против Византии и Арабского халифата: этим объясняются гонения на павликиан в той и другой стране⁹. Исследовав

^{8а} Z. U d a z c o w a. Die social-ökonomische politik der byzantinischen Regierung im eroberten Italien während des VI. Jahrhunderts— «Akhen des XI. Intern. byzant. Kongresses 1958. München, 1960, S. 629—642.

⁹ К. Н. Юзбашян. К истории павликианского движения в Византии в IX в.— ВИРА, IV, 1956, стр. 246—279; Р. М. Бартикян. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 127—131.

армянские источники и сравнив содержащиеся в них данные о павликианах со сведениями, имеющимися в византийских памятниках, Р. М. Бартикян и К. Н. Юзбашян основательно пополнили наши знания об этом широком народном движении¹⁰.

К. Н. Юзбашян показал связи византийских павликиан с армянскими тондракитами, отметив также и существенное различие между обоими еретическими учениями: тондракиты, в отличие от дуалистов-павликиан, были сторонниками монистического представления о божестве¹¹.

Как и другие исследователи, историк рассматривал движение павликиан в аспекте антифеодальной борьбы крестьянства. Он подчеркивал, что особую стойкость этому движению придавала прочность еще не разрушенных общинных связей. К. Н. Юзбашян убедительно аргументировал вывод о пестроте социального состава павликиан как основе внутренних идейных расхождений среди еретиков.

А. Г. Иоаннисян, касаясь в своих исследованиях движения павликиан и тондракитов, рассматривал их на широком фоне истории не только Армении и Византии, но и других стран Ближнего Востока. Автор ярко освещал родственность идеологии таких антифеодальных еретических движений VIII — середины IX в., как павликианское в Византии и Армении, тондракитское в Армении и, наконец, движение хурремитов в Азербайджане и Армении¹².

Анализу греческих и армянских источников по истории павликианского движения посвящена ценная монография Р. М. Бартикяна¹³. Автор обращается к критическому переосмыслению более чем векового спора о соотношении различных византийских источников по истории павликиан¹⁴. Скрупулезнейшее сопоставление всех византийских памятников приводит Р. М. Бартикяна к оригинальным выводам, отличаю-

¹⁰ Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения. Автореф. канд. дисс. Л., 1958; его же. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 127—131; его же. Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи.— ИАН АрмССР, сер. обществ. наук, 1957, № 1, стр. 83—92; его же. Армянские источники для изучения истории павликианского движения.— ПС, 4, 1959, стр. 133—146; его же. К оценке некоторых источников о павликианском движении.— ИАН АрмССР, сер. обществ. наук, 1957, № 6, стр. 85—96; его же. К вопросу об организации павликианской общины.— ИФЖ, 1958, № 3, стр. 183—187 (на арм. яз.). Отметим также рецензию обоих авторов на книгу С. Т. Мелик-Бахшяна «Павликианское движение в Армении». Ереван, 1955 (на русск. яз.), которая была подвергнута ими суровой, но справедливой критике; см.: К. Н. Юзбашян и Р. М. Бартикян. Новое исследование о павликианском движении. ИАН АрмССР, сер. обществ. наук, № 10, 1954 (на арм. яз.); К. Н. Юзбашян.— ВИ, 1955, № 1, стр. 158—162.

¹¹ К. Н. Юзбашян. Тондракитское движение в Армении и павликиане.— ИАН АрмССР, сер. обществ. наук, 1956, № 9, стр. 31—44.

¹² А. Иоаннисян. Очерки истории армянской освободительной мысли. Ереван, 1957 (на арм. яз.); его же. Движение тондракитов в Армении IX—XI вв.— ВИ, 1954, № 10.

¹³ Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, стр. 216; его же. Петр Сицилийский и его «История павликиан».— ВВ, XVIII, 1961, стр. 323—358.

¹⁴ Краткое изложение этого спора см.: Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения, стр. 7—23. Рец. см.: М. Лоос.— BSI, 24, 1963, p. 135—141.

щимся от представлений многих других как советских, так и зарубежных исследователей. Самым ценным источником по истории павликиан, по его мнению, является «Полезная история» Петра Сицилийского. Значение этого труда состоит в том, что он написан на основании не только ортодоксально-православных памятников, но и сочинений самих павликиан. Не менее важно и то, что Петр Сицилийский долгое время жил среди них и свое произведение написал во многом по личным наблюдениям.

Р. М. Бартикян считает, что «Полезная история» Петра Сицилийского послужила первоисточником для XI—XXVII глав богословско-полемиического сочинения патриарха Фотия — «Повествование о вторичном произрастании манихеев». Другим источником этого труда, по мнению автора, была краткая версия произведения Петра Игумена. Последнего Р. М. Бартикян, в отличие от других ученых, не склонен отождествлять с Петром Сицилийским.

Само богословское сочинение патриарха Фотия как исторический источник, с точки зрения исследователя, имеет вполне самостоятельное значение. По сравнению с «Полезной историей» Петра Сицилийского оно содержит новые данные, касающиеся военного и идеологического руководства павликианскими общинами, а также проливает дополнительный свет на взаимоотношения павликиан с арабами.

Любопытные сведения о религиозных взглядах павликиан имеются в официальной части эскуриальской рукописи хроники Георгия Монаха. По гипотезе Р. М. Бартикяна, эта часть рукописи вовсе не является простым пересказом трех утерянных догматико-полемических речей Петра Сицилийского, а представляет также вполне самостоятельный источник¹⁵.

Хотя выводы Р. М. Бартикяна относительно значимости тех или иных греческих источников по истории павликианского движения и не вполне бесспорны, они заслуживают серьезного внимания. В дальнейшем исследователи, занимающиеся этой проблемой, не раз еще будут обращаться к труду Р. М. Бартикяна.

Вместе с тем его основная ценность, по нашему суждению, состоит в глубоко продуманном осмыслении и научной оценке армянских источников по истории павликиан. Автор дает мастерски сделанный источниковедческий анализ таких памятников, как решение Двинского церковного собора 554 г., постановление церковного собора Кавказской Албании, речь «Против павликиан» армянского католикоса Иоанна Одзунского (717—728), «История» великого армянского вардапета Гевонда (VIII в.), правила Партавского церковного собора 768 г. и других документов, написанных на армянском языке. Их значение вполне самостоятельно, ибо они не только дополняют византийские источники, но и содержат новые факты из истории павликианского движения¹⁶. В приложении дается русский перевод основных армянских и византийских источников¹⁷.

Армянские источники, как показал автор, значительно расширяют и уточняют наши представления о движении павликиан. Они позво-

¹⁵ Р. М. Бартикян. Источники для изучения..., стр. 103—104.

¹⁶ Там же, стр. 25—54.

¹⁷ Там же, стр. 107—207.

ляют более определенно установить ареал его распространения: помимо Армении и Византии в него входила Кавказская Албания. Кроме того, данные армянских источников неопровержимо доказывают, что в павликианском движении социальная борьба крестьянства сочеталась с выступлениями широких народных масс Армении против иноземного ига. Вместе с тем армянские памятники позволяют проследить эволюцию взаимоотношений между павликианами и арабами: эти отношения сперва развивались достаточно благоприятно и лишь позже, под влиянием агрессивной политики халифата, ухудшились.

Византийские же источники, по мнению автора, открывают возможности определения более точной хронологии движения; они датируют возникновение павликианских сект VII в., хотя идейные корни павликианского религиозного учения уходят в глубь столетий и тесно связаны с религиозными представлениями манихеев, маркионитов и других еретиков¹⁸.

В целом книга Р. М. Бартияна — заметное явление в разработке столь сложной проблемы, как история одного из самых мощных народно-еретических движений раннего средневековья — павликианского. Эта книга еще раз с большой убедительностью показала пестроту этнического и социального состава участников павликианских сект, многообразие форм их организации. В то же время теперь стало особенно ясно, что для всестороннего изучения истории павликианского движения необходимо одновременное привлечение как византийских, так и армянских источников.

Плодотворность привлечения армянских источников для разысканий, способных углубить наши знания по истории народно-еретических движений средневековья, показало издание К. Н. Юзбашьяном превосходного памятника армянской письменности — «Повествования» Аристаке-са Ластивертци, армянского историка XI в.¹⁹ Это произведение охватывает историю Армении и Византии за период в 72 года (1000—1072). Оно представляет собой рассказ очевидца и участника событий, красочно описавшего разрушительные набеги сельджуков на Армению и Византию в XI в. Особая ценность этого источника в том, что он содержит уникальные известия о массовом народно-еретическом движении тондракитов, которое было не чем иным, как павликианским движением в условиях армянской действительности. Любопытны известия армянского писателя о том, что совместно с правящими кругами (включая высшее духовенство) Армении в борьбе против еретиков участвовала Византия.

Публикация «Повествования» Аристаке-са Ластивертци, подготовленная К. Н. Юзбашьяном, является первым полным критическим изданием текста, осуществленным на основании 10 рукописей и первого венецианского издания 1844 г. Появление этой книги открывает но-

¹⁸ Р. М. Бартиян. Источники для изучения..., стр. 102—103.

¹⁹ «Повествование» Аристаке-са Ластивертци. Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашьян. Ереван, 1963, стр. 158. Изучая этот памятник, К. Н. Юзбашьян опубликовал разъяснения по отдельным вопросам византийской истории и востоковедению, основанные на его данных. См. К. Н. Юзбашьян. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристаке-са Ластивертци. — ВВ, XVI, 1959, стр. 14—28; его же. Дейлемиты в «Повествовании» Аристаке-са Ластивертци. — ПС, 1962, 7 (70), стр. 146—151.

вые возможности для более углубленного освещения тондракитского движения в Армении и его генетических связей с движением павликиан²⁰.

Сравнительно недавно вышло в свет небольшое, но очень интересное исследование Р. М. Бартияна о малоизученном народно-еретическом движении в Армении и Месопотамии — движении так называемых Ареворди, или «сынов солнца»²¹. Это еретическое движение было распространено в Армении и Месопотамии преимущественно в XI—XII вв., но отдельные общины еретиков сохранялись и в более позднее время. Движение Ареворди не приняло такого ярко выраженного социального характера, как восстания павликиан и тондракитов, и его участники представляли собой, видимо, довольно замкнутую еретическую секту. Ее прозелиты встречались не только среди армян, но, возможно, и среди сирийцев. «Сыны солнца», по мнению автора, были христианами-еретиками, а не язычниками. Они поклонялись солнцу, но отождествляли его с Христом; они почитали также тополь, из которого, по их представлению, был сделан крест для распятия Христа.

Обосновывая свой вывод о характере движения, Р. М. Бартиян опирается главным образом на текст послания католикока армянского Нерсеса в Самосату относительно обращения Ареворди. Этот документ датируется XII в. и содержит красочное описание ереси «сынов солнца». В качестве приложения к исследованию Р. М. Бартияна помещен перевод на русский язык этого ценного источника.

Социальным противоречиям и классовой борьбе в византийском обществе посвящена последняя, самая большая по объему глава книги А. П. Каждана²². Проследивая ход классовых битв на протяжении IX—X вв., автор утверждал, что в IX в., когда деревня еще не была вовлечена в зависимость от феодалов-вотчинников и подвергалась централизованной эксплуатации государства, восстания крестьянства носили общеимперский характер. Иначе говоря, централизованному натиску господствующего класса соответствовал широкий, в масштабах всего государства, отпор эксплуатируемого населения (восстание Фомы Славянина, павликианство). Напротив, в X в., когда сложилась вотчинная система эксплуатации, крестьянские волнения локализовались.

Вопрос о социальной борьбе в византийском городе рассматривался Р. А. Наследовой. В одной из глав своей кандидатской диссертации, посвященной изучению социальной структуры и политического устройства Фессалоники конца IX — начала X в., Р. А. Наследова показала, что фессалоникийское общество этого времени, состоявшее из резко отличавшихся друг от друга социальных групп, раздирали острые классовые противоречия. Именно в этом заключались, по мнению автора, основные причины того, что Фессалоника — второй по величине и

²⁰ Р. М. Бартиян. Рецензия на книгу «Повествование» Аристакеся Ластивертци (Ереван, 1963). — ВВ, XXV, 1964, стр. 274.

²¹ Р. М. Бартиян. Еретики Ареворди («Сыны солнца») в Армении и Месопотамии и послание армянского католикока Нерсеса Благодатного. — В сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», стр. 102—112; его же. Ответное послание Григория Магистра Пахлавуни сирийскому католикоку. — ПС, 1962, 7, стр. 139 сл.

²² А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 346—419.

значению город империи — была захвачена в 904 г. арабами в очень короткий срок, не сумев оказать сколько-нибудь значительного сопротивления врагу²³.

Народные движения XI—XII вв. на той части территории империи, которую заселили славяне (прежде всего болгары), были изучены в монографии Г. Г. Литаврина²⁴. В отличие от западных исследователей, он рассматривал восстания 1040—1041, 1072—1073 гг., конца XI—начала XII в. и 1185—1187 гг. не только как народно-освободительные, но и как антифеодальные движения. Г. Г. Литаврин исследовал социальный состав участников каждого движения, ход восстаний, причины их поражений и условия победы в 1185 г. Антифеодальные тенденции восстаний 1040 и 1072 гг. определили, как показал автор, предательскую политику болгарской феодальной знати, немедленно или в ходе восстаний переходившей на сторону византийцев. По мнению Г. Г. Литаврина, наиболее активными и решительными участниками восстаний были свободные крестьяне: вовлекаемые в феодальную зависимость, они остро реагировали на ухудшение своего материального и социального положения. Перемещение центра народно-освободительного и антифеодального движения из Западной Болгарии в Центральную, а затем в Северо-Восточную может быть объяснено разницей в уровне развития феодальных отношений в этих двух районах Болгарии. Наиболее интенсивными и упорными восстания были там, где сохранялся значительный слой свободного крестьянства: к концу XII в. такое положение было характерно для Северо-Восточной Болгарии. В специальной статье Г. Г. Литаврин подверг анализу историю восстания болгар и владов в Фессалии в 1066 г.²⁵ Автор пришел к выводу, что целью восставших, которые, выступив из городов Фессалии, двинулись на север, было соединение с населением Болгарии для совместной борьбы против византийского господства. Таким образом, это восстание рассматривалось Г. Г. Литавриным не в качестве какого-то изолированного эпизода, а как этап народно-освободительного движения болгар и владов, к которому примкнула также часть угнетенного греческого населения.

Социальному составу участников богомильского движения в Болгарии была посвящена статья В. Ф. Храпченкова, считавшего, что богомилство в основном исходило из деревни, хотя в нем принимали участие и городские слои населения²⁶.

Советские византилисты неоднократно обращались к изучению правления Андроника I Комнина. Это время было ознаменовано острой классовой борьбой и сильными политическими потрясениями. Вслед

²³ Р. А. Наследова. Город Фессалоника и македонские славяне (по данным Иоанна Камениаты). Канд. дисс. (рукопись). Л., 1954, стр. 200—243.

²⁴ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 376—465.

²⁵ Г. Г. Литаврин. Восстание болгар и владов в Фессалии в 1066 г.— ВВ, XI, 1956, стр. 123—134. Одновременно в Болгарии вышла статья Г. Цанковой-Петковой («Югозападните български земи през XI век според „Стратегикона“ на Кекавмен».— ИИБИ, VI, 1956), которая в оценке восстания 1066 г. пришла к сходным выводам.

²⁶ В. Ф. Храпченков. О социальном составе участников богомильского движения в Болгарии.— УЗ ГПИ, VI, 1958, стр. 321—334. Ср. Я. Н. Любарский. Расправа императора Алексея I Комнина с богомилем Василием.— ВИРА, XII, 1964, стр. 310—319.

за Н. П. Соколовым²⁷ и М. М. Фрейденбергом²⁸ данного периода касались Г. Г. Литаврин, М. Я. Сюзюмов и К. Н. Юзбашян. Г. Г. Литаврин²⁹ поддержал высказанное М. М. Фрейденбергом суждение о реформах Андроника I: они были уступкой народным массам, сделанной в условиях нараставшей борьбы угнетенных против феодалов и государства. В свою очередь Г. Г. Литаврин выдвинул предположение, что Андроник пытался опереться на мелких и средних феодалов, а также на свободное крестьянство главным образом в европейских фемах империи. К. Н. Юзбашян стремился обосновать тезис о том, что внутренняя слабость Византии в конце XII в., обусловившая ее падение в 1204 г. под ударами крестоносцев, объясняется непрерывной и напряженной классовой и политической борьбой в империи³⁰.

Иначе трактовалась политика Андроника I и определялись причины слабости Византии в работе М. Я. Сюзюмова³¹. По его мнению, Андроник I пытался превратить Византию в централизованную монархию, но, не имея для этого достаточной социальной базы, действовал с помощью террора, чем в конце концов вызвал против себя общее возмущение. Причины ослабления империи М. Я. Сюзюмов видел в событиях, последовавших за свержением Андроника.

В связи с изменением взглядов историков на документы, касающиеся восстания зилотов, М. Я. Сюзюмов предпринял попытку пересмотреть вопрос о характере социальной направленности этого движения³². Он создал оригинальную и, на наш взгляд, стройную концепцию восстания. Ученый отказывается видеть в фессалоникийской коммуне проявление широкой антифеодальной борьбы городских плебейских масс (так рассматривали вопрос прежде). М. Я. Сюзюмов полагает, что зилоты были связаны с предпринимательскими кругами Фессалоники и не осуществляли каких-либо радикальных социально-политических реформ. Они сохранили бюрократическую систему управления со всеми ее пороками и не выступали решительно против церкви и монашества (именно так полагали другие исследователи). Зилоты находились в контакте с временщиком Алексеем Апокавком. Они боялись народных масс и проводили весьма умеренную политику.

Думается, что автор все же несколько принизил движение зилотов и необоснованно отодвинул на второй план сведения Никифора Григоры и даже самого Кантакузина, рисующие социальную направленность этого восстания. Не следует, конечно, модернизировать и «революцио-

²⁷ Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185).— ВВ, V, 1952, стр. 139—151.

²⁸ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в.— УЗ ВЛГПИ, 1954, стр. 47—49.

²⁹ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг.— ВВ, X, 1956, стр. 92—99.

³⁰ К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957, стр. 65—69 (см. рец. М. А. Заборова и М. М. Фрейденберга.— ВВ, XV, 1959, стр. 203—214).

³¹ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г.— ВВ, XII, 1957, стр. 58—74.

³² М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг.— ВВ, XXVIII, 1968, стр. 15—37; его же. Социальная сущность движения зилотов в Фессалонике в 1342—1349 гг.— УЗ ПГУ, № 143, 1966, истор. науки, стр. 86—92.

низировать» движения зилотов, но равным образом нельзя и недооценивать его значение как выражения классовой борьбы в поздней Византии.

А. С. Тверитинова и А. Д. Новичев посвятили свои исследования крестьянским восстаниям начала XV в. в Турции. Опираясь на византийские и турецкие источники, они показали, как социальные противоречия оказались сильнее этнических и вероисповедных: угнетенное турецкое и греческое население объединилось в общем выступлении против феодалов и турецкого государства³³.

Не все проблемы, связанные с изучением классовой борьбы в Византии, были достаточно разработаны в советской историографии. Так, мало изучались социальный характер кризиса VII в. и социальная направленность народных движений в начале столетия; недостаточно исследовались также еретические движения в ранней Византии (IV—VI вв.); классовая борьба в империи накануне латинского завоевания и в период Латинской империи; наконец, восстание зилотов (XIV в.). Все эти проблемы ждут еще своих исследователей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Одной из наиболее слабо изученных в советской византистике проблем является история византийского государства и права. Лишь в последние годы этот пробел начал в известной степени заполняться.

Из общих работ для византиноведения имеет известное значение труд Н. П. Галанзы, содержащий краткую характеристику государства и права эпохи Поздней Римской империи¹.

Специальных исследований теоретических проблем в этой сфере у нас пока еще очень мало. Упомянем интересную попытку А. П. Каждана дать теоретически обоснованный анализ социальной природы византийского самодержавия. Социальные функции византийской императорской власти, по мнению автора, были двоякого рода: репрезентативными, т. е. призванными демонстрировать символическое величие императора и олицетворять абстрактную идею императорской власти², и исполнительными, сводившимися к тому, что императорам предоставлялась возможность по праву карать любого подданного. С точки зрения А. П. Каждана, внешне абсолютная власть византийского василевса в действительности была ограничена традиционализмом византийской социальной жизни и идеологии. Репрезентативные функции автократора сами по себе являлись своего рода ограничением, налагавшимся на императора этикетом двора и другими сковывающими

³³ А. С. Тверитинова. К вопросу об изучении первого антифеодалного крестьянского восстания в средневековой Турции.— ВВ, XI, 1956, стр. 200—224; А. Д. Новичев. Крестьянское восстание в Турции в начале XV века.— ПВ, 1960, № 3, стр. 67—81.

¹ Н. П. Галанза. Государство и право древнего Рима. М., 1963, стр. 124, особенно стр. 55—66.

² А. П. Каждан. О социальной природе византийского самодержавия.— НАА, 1966, № 6, стр. 52—54.

его действия обязанностями. Двойственный характер императорской власти в Византии, ее относительная слабость определялись специфическими чертами чиновной знати как наиболее влиятельного сословия. В отличие от западных герцогов и баронов византийская сановная аристократия не оформилась в замкнутую корпорацию со сложившейся феодальной иерархией. Интересны наблюдения автора, касающиеся социальной психологии этого слоя, которая базировалась не на феодальном принципе вассальной верности сеньору, как в странах Западной Европы, а на индивидуализме и подчинении личности высшей власти.

В последние годы возрос интерес советских византинистов к проблеме истории права. Дигестам посвятил ценное исследование И. С. Перетерский; он изучил историю памятника и определил его источники^{2а}.

З. В. Удальцова посвятила свою работу законодательным реформам Юстиниана, рассмотрев их в связи с эволюцией римского классического и постклассического права и постаравшись определить, какое отражение получили в законодательстве перемены, происшедшие в жизни византийского общества к VI в.³

Автор прежде всего останавливается на причинах кодификации права при Юстиниане. По ее мнению, главной из них послужили коренные изменения социально-экономических и политических отношений в Византийской империи IV—VI вв., что требовало перестройки старых правовых норм. Выражаясь языком социологических категорий, необходимо было привести правовую часть надстройки в соответствие с развивавшимися производственными отношениями. Говоря историческим языком, надо было провести реформу законодательства в соответствие с требованиями реальной действительности. Кроме того, при хаотическом состоянии юриспруденции требовалось придать многочисленным узаконениям единообразную и современную форму, пересмотреть устаревшую терминологию, наладить судопроизводство.

В работе З. В. Удальцовой на основании многообразных источников и литературы прослеживается эволюция постклассического права и определяются источники Свода гражданского права Юстиниана. Автор показывает, что многие нововведения в этом законодательстве родились вследствие изменений в правовых установлениях, в свою очередь явившихся результатом изменения общественных условий, и влияния местного обычного права различных народов империи, а также благодаря воздействию христианства. Законодательство Юстиниана как бы подводит итоги этой эволюции права, происшедшей в IV—VI вв.⁴

В своей работе З. В. Удальцова касается порядка составления Свода гражданского права Юстиниана: она освещает основные этапы создания его отдельных частей и дает характеристику содержания Дигест, Кодекса, Институций и Новелл. Каждая часть этого знаменитого

^{2а} И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. М., 1956. Рец.: ВВ, XIII, 1958, стр. 286—290.

³ З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 3—45; ВВ, XXVII, 1967, стр. 3—37. Кроме того, следует упомянуть работы по собственно римскому праву; см.: А. А. Подопригора. Вещно-правовые способы защиты рабовладельческой собственности в римском праве.— Автореф. канд. дисс. Киев, 1962, стр. 16.

⁴ З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVI, стр. 5—8.

творения юристов VI в. анализируется с двух точек зрения: как вклад в историю римско-византийского права и как исторический источник. Дигесты З. В. Удальцова рассматривает в трех аспектах. Историческое значение Дигест состоит в том, что они отразили эволюцию римского права к VI в. и состояние византийской юриспруденции при Юстиниане,— этот памятник дает тем самым возможность определить изменения общественных отношений. Научное значение Дигест заключается в том, что они сохранили для последующих поколений наиболее совершенные элементы римского права и до наших дней являются главной сокровищницей, откуда черпаются сведения о прославленной римской юриспруденции. Практическое значение Дигест вытекало из того, что они явились основным источником рецепции римского права в странах Западной Европы в новое время. Другие части Свода гражданского права Юстиниана имеют различную ценность: Кодекс и особенно Новеллы интересны как исторический источник, Институции важны для изучения римского права⁵.

Издание Свода гражданского права Юстиниана породило реформу юридического образования, которая подробно освещается в работе.

Однако центр тяжести исследования З. В. Удальцовой — анализ социальной сущности и политической направленности законодательных реформ Юстиниана. Прежде всего характеризуются изменения в правовой доктрине и теории права по сравнению с классическим и постклассическим римским правом. Под воздействием перемен в общественных отношениях и под влиянием преческих философских концепций и христианского вероучения в теорию права теперь проникают некоторые прогрессивные, гуманные веяния: законодатели ищут путей создания права на основах принципов всеобщего блага, равенства, гуманности. В то же время в творениях юристов VI в. с предельной обнаженностью проявились и консервативные черты — возведение в степень философско-правовой доктрины принципа абсолютной монархической власти, защита сословных привилегий, признание юридической нормой социального неравенства, особенно между свободными и рабами, знатью и бесправными слоями общества⁶.

В работе прослеживаются эволюция институтов собственности и владения в VI в. и ее отражение в законодательстве Юстиниана, освещаются реформы в сфере гражданских прав. Данные *Corpus juris civilis* позволяют говорить о двойственном характере этих реформ. С одной стороны, происходит уничтожение устаревших ограничений в правах гражданства, с другой — идет оформление новых гражданских различий в зависимости от сословно-классовой, этнической и религиозной принадлежности того или иного лица.

Большое место в работе З. В. Удальцовой отводится характеристике реформ Юстиниана в области семейного права и права наследования. Эти преобразования, по мнению автора, во многом завершили процесс разложения древнеримской фамилии и формирования новых семейных отношений: прогрессивные черты реформ проявлялись в укреплении когнатской семьи взамен агнатской, в юридической защите имущест-

⁵ З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ. XXVI, стр. 9—24.

⁶ Там же, стр. 28—32.

венных прав детей и жены, в смягчении законодательства о незаконных детях, в ломке некоторых сословных перегородок. Вместе с тем и в сфере семейных отношений сохраняются многие традиции рабовладельческого общества, а кроме того создаются новые ограничения юрисдикции лиц из низших классов общества⁷.

Особый раздел работы посвящен отражению в законодательстве Юстиниана классовой и политической борьбы. На основании преимущественно данных уголовного права автор приходит к выводам о сильнейшем воздействии социально-политической борьбы на законодательство Юстиниана, что нашло свое выражение в суровом преследовании народных движений и строгой каре за правонарушения политического характера. Всевластие государственного аппарата, императорский деспотизм, воздействие идеологии рабовладельческого общества сделали карательную систему Юстинианова права крайне жестокой, что было обусловлено социальными противоречиями в империи⁸.

В работе поднимается также вопрос о влиянии христианства на законодательство Юстиниана и о защите в нем интересов господствующей церкви. Особо подчеркивается, что оно юридически оформляло союз церкви и государства и не только обеспечивало имущественные и политические права духовенства, но и санкционировало выгоды господствующей церкви гонения на еретиков и всех инакомыслящих⁹.

Г. Е. Лебедева исследовала эволюцию законодательства о рабах в кодексах Феодосия и Юстиниана. На основании тщательного сопоставления соответствующих статей первого кодекса, включенных впоследствии во второй, она прослеживает изменения в сторону смягчения рабства, происходившие в законодательстве с V по VI в., что, по ее мнению, свидетельствует о дальнейшем упадке значения рабства в VI в. по сравнению с предшествующим столетием¹⁰.

М. Ф. Мурьянов дал описание пяти рукописей Юстинианова Свода гражданского права из собрания Ленинградского университета: каждый из этих рукописных латинских фолиантов XII—XIV вв. содержит отдельную часть Свода. Вся коллекция в целом имеет существенное значение для критики текста этого знаменитого памятника¹¹.

Изучением собственно византийских юридических памятников VII—IX вв. долгое время занимается Е. Э. Липшиц¹².

Анализ Эклоги и отдельных статей Закона судного людем привел автора к убеждению, что прогрессивные начала судебной реформы иконоборцев, прокламированные в предисловии к Эклоге и некоторых нормах законодательства, были реализованы крайне непоследовательно. Эклога не вводила каких-либо коренных перемен в общественный и

⁷ З. В. Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, XXVII, стр. 7—20; ее же. Реформы Юстиниана в области семейного права и права наследования.— *Polychronion Testsschrift G. Dölger zum 75. Geburtstag*. Heidelberg, 1966, S. 505—520.

⁸ Там же, стр. 20—26.

⁹ Там же, стр. 26—37.

¹⁰ Г. Е. Лебедева. К вопросу об изменениях в статьях кодекса Феодосия о рабах, включенных в кодекс Юстиниана.— «VII Всес. конф. византистов», стр. 17—19.

¹¹ М. Ф. Мурьянов. Пять рукописей Корпуса Юстиниана в Собрании Ленинградского университета.— ВВ, XXVII, 1967, стр. 306—309.

¹² Эклога — византийский законодательный свод VIII века. Вступ. статья, перев. и комм. Е. Э. Липшиц. М., 1965.

государственный строй. Новые же черты, имеющиеся в ней, почерпнуты в обычном праве восточных провинций и представляют собой лишь дальнейшее развитие ранее установленных юридических норм. Иными словами, автор выступает сторонником концепции континуитета римского права в Византии эпохи генезиса феодализма¹³.

Позднее Е. Э. Липшиц вновь обратилась к изучению «Земледельческого закона», на этот раз в источниковедческом и историко-юридическом аспекте. Она детально обследовала многие рукописные варианты этого памятника, в том числе и хранящиеся в собраниях Советского Союза. Распространенность рукописей «Земледельческого закона» в славянских странах, по ее мнению, служит важным показателем того, что это законодательство здесь реально применялось¹⁴.

Известное значение для византиноведения имеют исследования по истории права в Древнерусском государстве и в других славянских государствах средневековья, а также у народов Кавказа и Закавказья. В этой связи следует отметить написанную коллективом специалистов обобщающую работу по истории государства и права в СССР — от эпохи Урарту до XIX в. Византинистам особенно полезны главы по истории государства и права Древней Руси и Киликийской Армении¹⁵.

Из специальных исследований по частным вопросам права в Древней Руси надо упомянуть работу М. А. Бриццына, посвященную анализу древнерусских судебных терминов «железо», «вода», «целование», «присяга», «поле» и др.¹⁶

Историю государства и права в Армении интенсивно изучают советские арменоведы. Ими, как уже указывалось, был издан с подробным комментарием Судебник Смбата Спарапета, а затем об этом памятнике написаны частные исследования¹⁷. Появились работы по истории канонического права в Армении¹⁸. Интересны наблюдения С. Г. Бархударяна, касающиеся правового положения армянской женщины в средние века. На основе многообразных источников автор показал, что женщина была в Армении значительно более независимой и свободной, чем в других странах. Материальной основой этой свободы была ее экономическая независимость¹⁹.

Все сказанное, однако, свидетельствует, что истории государства и права в Византии и сопредельных с ней странах уделяется еще явно недостаточное внимание.

¹³ Е. Э. Липшиц. О социальной сущности судебной реформы в Византии VIII в. — ВО, стр. 121—136.

¹⁴ Е. Э. Липшиц. Византийский «Земледельческий закон» и его судьбы в средневековых балканских государствах. — «VII Всес. конф. византинистов», стр. 20; е е же. К истории «Земледельческого закона» в Византии и в средневековых балканских государствах. — ВВ, XXIX, 1968, стр. 53—62.

¹⁵ История государства и права СССР, ч. I (коллектив авторов). М., 1967, стр. 61 слл.

¹⁶ М. А. Бриццын. Из истории древнерусских судебных терминов. — НДВШ, филол. науки, 1965, № 3, стр. 141—149.

¹⁷ Н. Р. Товмасын. Социально-экономические идеи в Судебнике Смбата Спарапета. — ИФЖ, 1966, № 2, стр. 210—216 (на арм. яз.).

¹⁸ С. Е. Акопян. Отражение социальных отношений в «Армянской книге канонов». — ИФЖ, 1966, № 4, стр. 62—82 (на арм. яз. с русск. резюме).

¹⁹ С. Г. Бархударян. Правовое положение армянской женщины в средние века. — ИФЖ, 1966, № 2, стр. 25—40 (на арм. яз. с русск. резюме).

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Традиционной темой, пользующейся особым вниманием и занимающей особое место в исследованиях советских византинистов, являются русско-византийские отношения: ведь Киевская Русь, равно как и Тмутараканское и Галицко-Волынское княжества (а затем и Московская Русь), была тесно связана с Византией. Важнейшие сведения письменных источников о Древней Руси — византийского происхождения.

Без всестороннего изучения истории русско-византийских отношений немыслима успешная разработка ни истории Древней Руси вообще, ни истории Византии.

Поэтому исследование проблем русско-византийских отношений было и останется впредь одной из актуальнейших задач советского византиноведения.

Итоги изучения взаимоотношений Руси с Византией в советской историографии (до 1953—1954) были подведены М. В. Левченко в монографии «Очерки по истории русско-византийских отношений», вышедшей посмертно под редакцией М. Н. Тихомирова¹. Заслугами автора были не только пересмотр и систематизация огромного материала, накопленного в науке более чем за полвека, истекшие после работ В. Г. Васильевского, но и критический разбор сочинений буржуазных историков; М. В. Левченко показал полную несостоятельность имеющей хождение за рубежом теории о неравноправии Руси в ее сношениях с Византией, о подчинении ее авторитету империи и о политической зависимости от Византии.

Советские византинисты и слависты, историки, лингвисты и литературоведы уделяли много внимания вопросам взаимосвязей и взаимовлияний византийской и греческой литератур. На материале конкретных исследований было установлено большое значение русских переводных оригинальных памятников для изучения истории и культуры не только Руси, но и Византии, ибо нередко древнерусские переводы византийских памятников сохранили гораздо более полные и близкие к оригиналу тексты, чем их византийские прототипы, дошедшие в поздних, фрагментарных, неисправных списках².

Переводные (с греческого) русские памятники свидетельствуют о большом искусстве перевода на Русь, в течение нескольких веков

¹ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. Рец.: А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов. — ВВ, XII, 1957, стр. 270—284.

² См.: М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря. — «Археографический ежегодник за 1958 г.», М., 1960, стр. 11—36; его же. Начало славянской письменности в свете новейших открытий. — ВИ, 1959, № 4, стр. 98—105; его же. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. — ВАН СССР, 1960, № 8, стр. 69—73; Н. К. Гудзий. Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке. — ИАН СССР, отд. лит. и яз., XIX, 1960, вып. 2, стр. 116—127; его же. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. — «Иссле-

поддерживавшей с Византией и южными славянами оживленные и плодотворные культурные связи³.

В нескольких специальных работах были выяснены отдельные вопросы влияния греческого литературного языка на лексический состав и грамматический строй оригинальных древнерусских памятников письменности⁴.

Некоторые русские памятники, как показали советские исследователи, имеют первостепенное значение для уяснения обстоятельств взятия Константинополя в 1204 г. крестоносцами⁵ и в 1453 г. турками⁶. Особенно большое впечатление произвело на Русь падение Византии

дования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., 1960, стр. 7—60; его же. У истоков великой славянской литературы.—РЛ, 1958, № 3, стр. 40—56; Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958.

³ Н. А. Мещерский. Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет».—ПС, 2, 1956, стр. 58—68; его же. К вопросу об источниках «Повести временных лет».—ТОДРЛ, XIII, 1957, стр. 57—65; его же. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода.—УЗ КФПИ, сер. обществ. наук, 2, вып. 1, 1955—1956, стр. 198—219; его же. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве».—ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 43—48; его же. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве».—УЗ ЛГУ, № 194, сер. филол. наук, 24, 1956, стр. 18—43; его же. Искусство перевода Киевской Руси.—ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 54—72. См. также: «Сборник ответов на вопросы по литературоведению».—IV Международный съезд славистов». М., 1958, стр. 295; Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы.—ВВ, XI, 1956, стр. 279—284; его же. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка.—ВВ, XIII, 1958, стр. 246—261; его же. К вопросу о византийско-славянских литературных связях.—ВВ, XVII, 1960, стр. 57—69; М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола.—ВВ, XII, 1957, стр. 232—241; его же. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы.—ВВ, XVI, 1959, стр. 82—91; его же. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов.—ВВ, XVII, 1960, стр. 85—92; М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960 (переиздание).

⁴ С. В. Фролова. История притяжательно-сравнительных прилагательных с суффиксами *i/yi* по древнерусским письменным памятникам XI—XVII вв.—УЗ КПИ, т. 27, 1959, стр. 183—338; ее же. Притяжательные прилагательные в ранних переводах с греческого языка.—НДВШ, филолог. науки, 1959, № 4, стр. 95—106; А. Н. Мирославская. Из истории развития русских имен.—УЗ КалПИ, т. VI, 1959, стр. 363—385; П. С. Кузнецов. О форме слова «библиотека».—Этимологические исследования по русскому языку, вып. I, под ред. проф. П. С. Кузнецова. Изд. МГУ, 1960, стр. 39—45; А. Н. Сокольская. Сложные существительные со значением лица в русской оригинальной письменности XI—XIV вв.—ТОГУ, 149, 1959, сер. филол. наук, вып. 9, стр. 189—197; Б. Л. Богородский. Об одном морском термине из «Повести временных лет». УЗ ЛенПИ, 173, 1958, стр. 146—167; его же. У кормила правления (из истории метафорического словосочетания).—УЗ ЛенПИ, 170, 1958, стр. 283—301; С. Д. Ледева. К вопросу о словообразовании в системе древнерусской военной лексики XI—XIII вв.—УЗ КипПИ, т. 8, 1957, стр. 69—84; В. К. Чичагов. Вопросы русской исторической ономастики.—ВЯ, 1957, № 6, стр. 64—80.

⁵ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии.—ВВ, IX, 1956, стр. 170—185.

⁶ М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв.—ТОДРЛ, X, 1954, стр. 136—165; XII, 1956, стр. 188—225 (опубликовано посмертно).

под ударами турок. Глубоко сочувственное отношение к грекам не ослабевало на Руси в течение многих столетий. «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера, рассказывающая о последних днях Константинополя и написанная русским по происхождению и по симпатиям воином султанской гвардии янычар, была широко известна на Руси. Ее читали и изучали еще в XVII в.⁷

Существенному пересмотру были подвергнуты некоторые установившиеся взгляды на характер политических отношений Византии и Руси в X в.; новое освещение было дано и отдельным византийским источником по истории Руси того времени⁸.

Молодой краснодарский ученый Н. Я. Половой порадовал нас оригинальными, насыщенными интересными наблюдениями работами, в которых делается попытка пересмотреть установившиеся в науке взгляды на русско-византийские отношения X в. В одной из своих статей Н. Я. Половой анализирует дошедшие до нашего времени русские известия о первом неудачном походе Игоря против Византии в 941 г.⁹ Автор считает, что источником всех сохранившихся русских повествований об этом походе послужило наряду с переводами хроники Амартола и Жития Василия Нового какое-то русское предание (письменное или устное). Сравнивая соответствующие данные русских источников (по схеме, предложенной В. М. Истриным), Н. Я. Половой обращает внимание на любопытное обстоятельство: в них везде говорится, что поход закончился после поражения русских в морском сражении у Иерона, а сообщения византийских авторов о последующих военных действиях в Малой Азии опускаются или приурочиваются к более поздним датам, относящимся к другим походам Игоря. Это, по мнению автора, свидетельствует о существовании русской традиции, согласно которой война кончилась сражением у Иерона, после чего Игорь вернулся в Киев. Н. Я. Половой выдвигает концепцию, способную объяснить и эту традицию, и материалы византийских источников, рисующие события таким образом, будто часть войска во главе с Игорем действительно вернулась в Киев после сражения у Иерона, а другая отступила к берегам Малой Азии и воевала там еще несколько месяцев.

Далее автор анализирует так называемый Кембриджский документ из еврейско-хазарской переписки, где говорится о некоем русском князе Хальге, воевавшем против хазар, но затем заключившем с ними мир и выступившем против греков. Через четыре месяца он был разбит и, стыдясь вернуться на Русь, ушел походом в Персию, где погиб. Этого Хальгу пытались отождествить с Олегом и с самим Игорем. Автор стремится доказать, что Хальга был вождем одной из Игоревых

⁷ Е. В. Чистякова. А. И. Лызлов и его «Скифская история» — «Проблемы историографии». Воронеж, 1960, стр. 52—55.

⁸ П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси. — ВВ, XVII, 1960, стр. 39—51; М. Ю. Брайчевский. По поводу одного места из Константина Багрянородного. — ВВ, XVII, 1960, стр. 144—154. См. также: И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959.

⁹ Н. Я. Половой. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников). — ВВ, XVIII, 1961, стр. 85—104.

вых дружин, который воевал сначала с хазарами, а затем был вынужден идти с Игорем на Константинополь. После сражения у Иерона его отряд был отрезан от отряда князя Киевского (или же они разделились намеренно); Хальга отступил к берегам Малой Азии и воевал еще некоторое время, а затем отправился в Персию. Лишь небольшой части его отряда удалось вернуться в Киев.

В другой своей работе Н. Я. Половой старается выяснить русско-византино-хазаро-алано-мусульманские отношения в связи с походом русских на Бердаа в 943 г.¹⁰ Он отвергает точку зрения А. Н. Насонова и других исследователей, считающих, что отношение хазар к этому походу было враждебным, вследствие чего русские шли на Бердаа от Азовского моря к Каспийскому сухим путем, в обход Хазарии. Автор рассматривает свидетельство Низами, писавшего об участии хазар в этом предприятии, а также сведения нескольких источников об участии в нем аланов, находившихся, как доказывает ученый, в дружественных отношениях с хазарами и враждебных — с Византией. Н. Я. Половой приходит к выводу, что хазары относились благосклонно к походу русских на Бердаа, как и к их предыдущим выступлениям против мусульманских государств Каспия, поскольку таким образом причинялся ущерб этим непримиримым врагам Хазарии, пытавшимся превратить ее в мусульманскую страну, и доставлялись выгоды каганату, требовавшему за разрешение прохода через свою территорию значительную часть добычи. Поэтому русские шли на Бердаа скорее всего более удобным маршрутом через Дон и Волгу. Однако после похода на Бердаа отношение хазар к походам русских изменилось, так как русские не ограничивались теперь набегами, как было раньше, а стремились основать на завоеванных землях княжество, в котором местное население поддерживало бы их власть.

Это создавало опасность для Хазарии, и последняя перестала пропускать русских на Каспий.

Автор выдвигает также гипотезу, будто руководителем похода на Бердаа был выдающийся военачальник Свенельд; это видно из косвенных свидетельств летописи и других источников. Наблюдения Н. Я. Полового, быть может, не всегда бесспорны, но тем не менее представляют интерес для специалистов.

Русско-византийскими отношениями в XI в. занимается и Г. Г. Литаврин, удачно соединяющий в своих работах знание византийских и русских источников. В одной из своих статей он анализирует причины последнего похода русских на Константинополь в 1043 г.¹¹ Этот вопрос до сих пор оставался почти неисследованным. Большинство ученых некритически относились к утверждению Михаила Пселла, сообщавшего в своей «Хронографии», что император Константин IX Мономах ни в чем не дал повода к войне: ее якобы начали русские, питавшие вражду к Византии. М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев и другие ученые считали, что причиной похода послужило недовольство русских церковной зависимостью от Византии. Г. Г. Литаврин оспаривает эту кон-

¹⁰ Н. Я. Половой. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. — ВВ, XX, 1961, стр. 90—105.

¹¹ Г. Г. Литаврин. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 71—86.

цепцию, доказывая, что отношения между Русью и Византией в первой половине XI в. были неизменно хорошими, а религиозные столкновения не играли большой роли. Автор не согласен и с концепцией Г. Вернадского, по которой причиной похода явились убийство знатного русского в Константинополе (в 1042) и участие русских в мятеже против императора в Италии; впрочем, Г. Г. Литаврин признает, что это могло послужить формальным поводом для похода. По его мнению, причина похода заключалась в том, что император Константин IX расправлялся со сторонниками свергнутого им императора Михаила V, а так как последний покровительствовал русским, жившим в Константинополе, то притеснения коснулись и их, что вызвало недовольство на Руси.

Пселл же, близкий к императору, стремился обелить его и снять с него всякую ответственность за временное ухудшение отношений с Русью.

Исследование Г. Г. Литаврина акцентирует таким образом внимание на внутренних событиях в Византии как одной из важных причин византино-русских военных столкновений XI в., и это, на наш взгляд, верно.

В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин рассмотрели новые сфрагистические материалы о браке Всеволода, сына князя Ярослава, и дочери упомянутого Константина IX в середине XI в.¹² Значительный интерес представляют обследование и публикация В. Л. Яниным печати Феофано Музалон¹³, архонтисы Рёссии. В. Л. Янин путем остроумных сопоставлений приходит к заключению, что Феофано Музалонисса была женой Олега Святославича. На Волини и в Чернигове Олег до своего княжения в Тмутаракани (1083—1094) именовался архонтом Рёссии, а во время правления в этом княжестве получил титул архонта Матрахов.

Для уточнения некоторых фактов из истории русско-византийских связей XI—XII вв. Г. Г. Литаврин привлек неизданное сочинение византийского автора Мануила Страворомана. Он предложил гипотезу, согласно которой в этой рукописи речь идет о присоединении Тмутаракани к Византии (при Алексее I Комнине). Оно произошло после того, как князь Олег Святославич получил Черниговский стол (1094 г.), или после смерти этого князя (1115)¹⁴.

Исследования специалистов показали, что наши прежние представления об экономических и культурных контактах Византии и Руси не всегда соответствовали действительности. Эти контакты являлись на самом деле гораздо более интенсивными и глубокими, чем считалось принятым; однако то были, особенно в области политической, сношения двух независимых держав, связанных давними культурными традициями. В частности, в торговлю с Византией были вовлечены в XII в. не только приднепровские районы, но и далекие северные области, как это показали недавние археологические раскопки на Бе-

¹² В. Л. Янин и Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.— ИАС, 1962, стр. 204—221.

¹³ В. Л. Янин. Печата Феофано Музалон.— Археол. нумизмат. сборник, т. 2. Киев, 1965, стр. 76—90.

¹⁴ Г. Г. Литаврин. Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во время Алексея I Комнина.— «VII Всес. конф. византинистов», стр. 20—23; G. G. Litavrin. A propos de Tmutarokan.— Byz., XXXV (1965), p. 221—234.

лоозере¹⁵ в Белоруссии¹⁶ и далекой Перми¹⁷. Проследившая эволюцию монетной и весовой систем на Руси, ученые пришли к выводу о серьезном влиянии торговых связей с Византией на формирование русских эталонов в монетном деле и в торговле¹⁸.

В статье о греческой надписи 1078 г. из Тмутаракани Е. Ч. Скржинская высказала предположение, что этот эпиграфический памятник свидетельствует о наличии русско-византийских культурных связей в период существования Тмутараканского княжества, в пору деятельности там летописца Никона¹⁹.

Видный советский историк-искусствовед, прекрасный знаток средневековой русской общественной мысли и культуры Н. Н. Воронин своими исследованиями вписал яркую страницу в историю русско-византийских политических и идейно-религиозных связей XII в. В одном из них Н. Н. Воронин анализирует важный эпизод из истории борьбы русских князей за независимость от константинопольской церкви²⁰. Владимирский князь Андрей Боголюбский (1157—1174), при котором Владимиро-Суздальская земля достигла большого могущества и претендовала на то, чтобы стать центром всей Руси, пытался сбросить церковную зависимость от Византии, выражавшуюся в том, что епископ, глава церковной иерархии, назначался константинопольским патриархом из числа греческих священнослужителей. Андрей Боголюбский изгнал из Владимира такого епископа — грека Леона и посадил на его место своего русского ставленника — Федора, не утвержденного ни киевским митрополитом, ни константинопольским патриархом. Однако патриарх Лука Хризверг потребовал возвращения Леона на епископскую кафедру, а поездка Федора в Киев к митрополиту с целью утверждения в должности закончилась обвинением его в ереси и мучительной казнью.

Н. Н. Воронин анализирует летописные рассказы, где Федор изображен «пронырливым ... лживым владыкой», беспощадно мучившим священнослужителей и весь народ, и приходит к выводу, что авторы летописных повествований были противниками Андрея Боголюбского.

¹⁵ Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. — СА, 1960, № 3, стр. 321—323; М. Н. Тихомиров. Великий Новгород в истории мировой культуры. — ВИ, 1960, № 1, стр. 42—52; А. Н. Кирпичников. К истории древнего Белгорода в X—XI вв. — КСИИМК, 73, 1959, стр. 21—32.

¹⁶ Э. А. Симонович. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии. — КСИИМК, 77, 1959, стр. 70—76; его же. Гончарная мастерская III—IV вв. н. э. в Журавке. — КСИИМК, 107, 1966, стр. 117—121.

¹⁷ См.: «Путеводитель по залам I—VII, А, Б, В Государственного Исторического музея». М., 1960, 152 стр.; Л. Н. Казаманова. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. — ТГИМ, 26. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 70—76.

¹⁸ И. Л. Бала. Київські гривні з нумізматичної колекції Одеського державного археологічного музею. — «Матеріали з археології Північного Причорномор'я», III, 1960, стр. 253—259; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. М., 1960; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — МИА, 65, 1959, стр. 223—261; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Изд. МГУ, 1956, 207 стр.; см. рец. А. Л. Монгайт. — ВИ, 1958, № 3, стр. 183—188.

¹⁹ Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмутаракани. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 74—84.

²⁰ Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризверг (из истории русско-византийских отношений XII в.). — ВВ, XXI, 1962, стр. 29—50.

В толковании источников ученый в основном согласен с П. Соколовым. Столкновение Андрея Боголюбского и епископа Федора с константинопольской церковью он считает проявлением борьбы владимирских князей за свое господство над другими русскими князьями и попыткой использовать для достижения этого господства церковь как могущественную организацию, спланивавшую все слои общества.

В другой своей статье Н. Н. Воронин исследует некоторые внутренние меры религиозного характера, предпринятые Андреем Боголюбским для упрочения независимости Владимирского княжества, — введение культа Владимирской иконы и праздника Покрова, а также составление связанных с ними произведений, вошедших в сокровищницу древнерусской литературы²¹. Историк показывает, что для достижения широких политических целей Андрея Боголюбского необходима была идеологическая база, в первую очередь церковная. Но так как Владимирская земля не имела своих святынь, их надо было создать. Поэтому Андрей Боголюбский вывез из Киева во Владимир Вышгородскую икону богородицы, которой были приписаны чудесные свойства и в честь которой и установлен новый церковный праздник Покрова. Этим он стремился подчеркнуть «равновеликость» Владимира Константинополю и Киеву, где культ богородицы был очень распространен.

В аналогичных целях было создано «Сказание о чудесах Владимирской иконы». Сохранившееся в списке XVII в., оно, как считает Н. Н. Воронин (вслед за В. О. Ключевским, впервые издавшим этот памятник), сохранило многие черты оригинала, принадлежавшего перу очевидца описанных там событий. Составитель «Сказания» был, по предположению ученого, жителем Владимира, хотя происходил из Киева: в тексте встречаются украинские термины. Вероятно, «Сказание» было написано кем-то из духовных лиц, инсценировавших «чудеса» иконы и приближенных к князю, — Лазарем, Нестером и Миккулой или ими сообща. Список «Сказания», по-видимому, неполный: в первоначальный текст должны были входить известные нам по другим источникам рассказы об основании Боголюбова и о «чуде» иконы во время похода на болгар. По мнению исследователя, это произведение предназначалось для широкого распространения в народе.

Далее Н. Н. Воронин переходит к вопросу о происхождении праздника Покрова; он признает убедительными доводы М. А. Остроумова, доказавшего, что праздник возник во Владимире в XII в. Древнейшим памятником, посвященным этому празднику, является «Слово на Покров», сочиненное, по одной теории, в домонгольское время, по другой — не ранее XIV в. Автор склоняется ко второй, но думает, что существующая редакция составлена на основе не дошедшего до нас памятника XII в. Он исследует этот памятник (в сохранившейся редакции) и высоко оценивает его художественные достоинства. По мысли Н. Н. Воронина, «Слово на Покров», в отличие от «Сказания о чудесах Владимирской иконы», было рассчитано на княжескую верхушку, а не на широкие слои. Автор согласен с Е. С. Медведевой в том, что культ Покрова был развитием ранее установившегося культа Боголюбской иконы. В нем не было ничего византийского. Созда-

²¹ Н. Н. Воронин. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 190—218.

ние своей реликвии и установление своего праздника означало протест против византийского церковного верховенства.

Выводы Н. Н. Воронина важны для истории как Руси, так и Византии.

Значительно продвинулось изучение основных путей, по которым шли сношения Руси с Византией в течение X—XV вв. Установлено, что, помимо обычного пути по Днепру и затем по Черному морю, существовало несколько других сухопутных дорог, ведущих к Тмутаракани и к устью Дуная, а затем в Византию. Значение Херсонеса в осуществлении этих связей было, как оказалось, несколько преувеличено в старой историографии; в XI—XIII вв., после разгрома Херсона Владимиром и упадка города, сношения Руси с Константинополем осуществлялись вообще помимо Херсона²².

В изучении истории этого города нашими специалистами были достигнуты большие успехи. Используя новые археологические материалы, советские археологи и историки выяснили важнейшие этапы экономического и культурного развития Херсона и характер его политических и торговых отношений с соседними государствами и народами, и прежде всего с Русью²³.

²² А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсонеса.— ХС, V, 1959, стр. 229—244; его же. К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.).— ВВ, XIV, 1958, стр. 116—128; «Труды Волго-Донской археологической экспедиции». — МИА, 75, т. II, 1959; Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси (По материалам медного литья). — ВВ, XIV, 1958, стр. 129—137; А. В. Банк. Гребень из Саркела — Белой Вежи.— МИА, 75, т. II, 1959, стр. 333—339.

²³ М. И. Артамонов. Хазарская крепость Саркел.— ААASH, 7, 1956, р. 321—341; Д. Н. Беренбейм. О пути греков через Черное море.— СА, 1958, № 3, стр. 201—203; Б. Л. Богородский. Об одном морском термине из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.— УЗ ЛенПИ, 130, 1957, стр. 149—173; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры.— МИА, 63, 1959, стр. 364; А. В. Банк. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных.— ВВ, IX, 1956, стр. 186—192; Д. Л. Талис. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв.— ВВ, XIV, 1958, стр. 103—115; см. также: Г. Г. Литаврин. Записка греческого топарха.— Сб. «Из истории средневековой Европы». Изд-во МГУ, 1957, стр. 114—130; Н. Я. Половой. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа.— ВВ, XIV, 1958, стр. 138—147; его же. Две ошибки древнейшего русского хрониста.— ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 139—142; Н. К. Нефедова. Куда ездили древние русы — в Андалузию или Анатолию? — СБ, 1958, № 4, стр. 113—115; Б. А. Рыбаков. Русь и страна «Андалус» в IX—X вв.— Там же, стр. 116—119; Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма.— Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958; М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова. Существовала ли «внешняя Русь». — ВВ, XIV, 1958, стр. 97—98; их же. Из комментария к «Записке греческого топарха». — ВВ, XIV, 1958, стр. 99—102; В. В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные памятники.— ТОДРЛ, XVI, 1963, стр. 452—456; Н. Я. Половой. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков.— Там же, стр. 105—111; А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г.— ХС, V, 1959, стр. 191—205; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, III. Южная и западная линии обороны.— Там же, 1959, стр. 75—114; Н. В. Пятыева. Отчет о раскопках Государственного исторического музея в Фанагории, 1939.— ТГИМ, т. 37, 1960, стр. 111—124; О. И. Домбровский. Фрески южного нефа Херсонесской базилики, 1935 г.— ХС, V, 1959, стр. 207—227; Г. Д. Белов. Ши-

Изучались и другие византийские колонии в Крыму²⁴.

Ценный вклад в изучение русско-византийских отношений в XIV—XV вв. внес академик М. Н. Тихомиров²⁵. В двух монографиях он специально коснулся торговых и культурных связей Киевской, а затем Московской Руси с Византией. Впервые в историографии на основе прежде всего «хождений» русских паломников были подробно охарактеризованы пути из Москвы в Константинополь.

В одной из статей М. Н. Тихомиров изучил пути, связывавшие Россию и Украину с Византией в XIV—XV вв., а также соединявшие Россию и Византию с Востоком²⁶. Ученый вскрыл роль и значение таких городов, стоявших на этих путях, как Азов, Кафа, Сурож, Белгород. Он считал, что старый путь по Днепру к тому времени потерял свое значение из-за трудностей, вызванных необходимостью обхода порогов, и основным стал путь по Дону, по Азовскому и Черному морям. Эта дорога подробно описана в «Хождении Пимина в Царьград», относящемся к концу XIV в. На этом пути обычно делались остановки в Азове (Тане) и в Кафе (или Суроже), являвшимися важными центрами торговых связей. Через Азов шли пути из России не только в Черное море и Византию, но и на Восток, в Поволжье, Сибирь и Среднюю Азию. Первоначально (в начале XIV в.) Азов был началом сухопутной магистрали через Северный Кавказ на Астрахань и далее — в Среднюю Азию; позднее (со второй половины XIV в.) из Азова в Астрахань ездили по Дону и Волге. Этот путь был связан с другим, проходившим по Волге и связывавшим Россию с Востоком. Он был хорошо знаком русским и подробно описан в документах, из которых видно, как подчеркивает автор, что русские четко отличали монголов от коренного населения Поволжья, предков казанских татар.

Азов, имевший исключительно важное значение, служил ареной непрерывавшейся борьбы между Золотой Ордой, генуэзцами и венецианцами. Хотя господство итальянцев над ним было непродолжитель-

ферная икона из Херсонеса.— СА, 1960, № 2, стр. 257—263; А. М. Гилевич. Нумизматическое собрание музея.— СХМ, I. М., 1960, стр. 57—62; ее же. Золотые византийские монеты из Херсонеса.— СА, 1959, № 1, стр. 267—268; Ю. С. Крушк. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 г.— ТГИМ, т. 24. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 61—69.

²⁴ В. П. Бабенчиков. Средневековая гончарная печь в Мисхоре.— КСИА УССР, 7, 1957, стр. 111—112; Е. В. Веймарн. Пещерные города Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг.— СА, 1958, № 1, стр. 71—79; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 69, 1959, стр. 154—238; С. А. Секиринский, Л. И. Блахина. Достижения советской науки в изучении древнего и средневекового Крыма.— ИКрПИ, XXVIII, 1957, стр. 232—256; В. И. Абаев. Из истории слов. Древнерусское кърчий («кузнец») и топоним Керчь.— ВЯ, 1959, № 1, стр. 69—99; В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма.— СА, XXVIII, 1958, стр. 198—218; А. Л. Якобсон. Средневековые поселения в Байдарской долине.— КСИИМК, 76, 1959, стр. 90—102; его же. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма.— МИА, т. 85, 1958, стр. 458—501; его же. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы.— СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 108—113.

²⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, изд. 2-е, М., 1956; его же. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957.

²⁶ М. Н. Тихомиров. Пути из России в Византию в XIV—XV вв.— ВО, стр. 3—33.

ным, они и позже сохраняли там свое влияние. Другим крупным центром путей из России в Византию являлась Кафа, принадлежавшая генуэзцам. Она находилась на скрещении торговых дорог и была крупнейшим рынком рабов в Причерноморье. Третий центр — Сурож, имевший для русских большее значение в XIV в., чем Кафа. Автор предполагает, что причиной тому были особые льготы, полученные здесь русскими купцами, а также, может быть, то обстоятельство, что первоначально в городе господствовали не генуэзцы, а венецианцы, чьи отношения с Россией были лучше. После захвата Сурожа генуэзцами его связи с Россией сильно сократились.

Помимо донской существовали другие дороги, ведущие из России в Византию. Недостатком пути через Дон служило то, что он проходил через малозаселенные местности и путешественники часто подвергались нападениям. Более безопасной была сухопутная трасса от Киева через причерноморские степи в Крым. Но основные сухопутные дороги из Северо-Западной Руси, Белоруссии и Украины вели к Белгороду — единственному месту на северном побережье Черного моря, к которому непосредственно подходили заселенные территории, а далее путь шел по Черному морю. Поэтому значение Белгорода к XV в. резко возросло.

Конечным пунктом всех путей из России в Средиземноморье был Константинополь. М. Н. Тихомиров полагал, что русско-византийские отношения в XIV—XV вв. до сих пор недооценивались. У русских и греков было много общего не только в церковной сфере, но и в области светской культуры. Отношения между Россией и Византией были неизменно дружественными. Затрудненные существованием Латинской империи на территории части Византии и татарским господством на Руси, в XIV в. они вновь укрепились. Пути, связывавшие Россию с Константинополем, имели важное международное значение, удерживавшееся и после завоевания Византии турками.

В другом исследовании М. Н. Тихомиров рассматривал русско-византийские связи XIV—XV вв., изучавшиеся крайне недостаточно²⁷. Обычно они считались очень слабыми, особенно связи торговые и политические. Автор показал ошибочность этого представления: ряд известий говорит о постоянных и оживленных сношениях России с Византийской империей. Россия вела оживленную торговлю в Причерноморье, чем только и можно объяснить процветание итальянских колоний в Крыму, извлекавших выгоды от торговли с землями, лежащими к северу от Черного моря.

Конечным пунктом русских торговых путей был Константинополь (где имелась постоянная русская колония), а не итальянские города. Есть свидетельства, что среди русских купцов были знавшие греческий язык. Русская торговля имела мировые масштабы. Русские рыба и пушнина были известны в Византии и во многих странах Западной Европы. Важными являлись и дружественные политические связи с Византией, которой Россия оказывала немалую денежную помощь. Русские не оставались равнодушными и к внутрисполитическим событиям

²⁷ М. Н. Тихомиров. Россия и Византия в XIV—XV столетиях. — ЗРВИ. 7. Белград, 1961, стр. 23—38.

в империи, поддерживая, по-видимому, те силы, которые были связаны с венецианцами, а не с генуэзцами.

Русские документы той эпохи позволяют уточнить некоторые факты из истории Византии.

Прочными оставались и религиозные связи. Россия продолжала признавать верховную власть константинопольского патриарха, что было обусловлено, по мнению М. Н. Тихомирова, желанием русских князей сдерживать притязания московского великого князя и его ставленника — митрополита. Автор указывал, что применительно к XIV—XV вв. нельзя разделять церковную и гражданскую политику, они сливались воедино. Существование православной митрополии всей Руси не позволило влиянию римского престола проникнуть в Россию и в страны Юго-Восточной Европы.

Автор особо выделял русско-византийские культурные связи. Правда, Византия к тому времени уже частично перестала служить мировым культурным центром, зато выросло значение южнославянских народов. Необходимо, следовательно, говорить и о греческих, и о южнославянских взаимоотношениях с Россией параллельно. В России XIV—XV вв. была довольно широко распространена греческая образованность и знание греческого языка. В Москве имелась греческая колония. Центром русско-византийских и русско-южнославянских культурных связей в то время продолжал оставаться Афон. Греческие мастера внесли большой вклад в развитие древнерусского искусства. Русско-византийские отношения продолжали оставаться значительными и в XIV—XV вв. — вот почему гибель Византии была тяжелым ударом и для Русского государства.

Вывод автора о широком размахе русско-византийских экономических, политических и культурных связей, уцелевших и в последний период истории империи, во многом подтверждает мнение, что Византия в это время отчасти еще сохранила свои экономические позиции и продолжала быть очагом высокой культуры и образованности.

В третьей статье М. Н. Тихомиров исследовал ранее совершенно не обращавшие на себя внимания связи России с Мореей (Пелопоннесом) в XV в.²⁸ Выходцы из Морей, как установил ученый, играли заметную роль в жизни России. Из Морей происходили два русских митрополита — Фотий и Исидор. Первый из них был одним из учнейших людей своего времени. По мнению М. Н. Тихомирова, на митрополичьи послания этого грека наложили отпечаток идеи раннего гуманизма, с которыми он познакомился в Морее (так, Фотий выступал сторонником терпимости по отношению к лицам, отклоняющимся от веры). Преемником его был также мореец — Исидор (Византия явно стремилась сделать должность митрополита наследственной, закрепив ее за морейскими греками). Исидор был орудием в руках византийских императоров, готовых пойти на унию православной церкви с католической в целях борьбы против турок. Он вместе с папой энергично добивался Флорентийской унии, что вызвало решительный протест в Москве. Исидор лишился митрополии.

²⁸ М. Н. Тихомиров. Греки из Морей в средневековой России. — СВ, 25, 1964, стр. 166—175. Ср. В. И. Рутенбург. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. — ТЛОИИ АН СССР, 7, 1964, стр. 455—462.

Автор статьи считает, что пребывание морейцев на должности митрополитов способствовало распространению греческой образованности и вообще положительно сказалось на русской культуре, в частности на русском искусстве. Связи России с Мореей продолжались и позже. После гибели в 1462 г. Пелопоннесского деспотата, последнего независимого греческого государства, великий князь Иван III женился на дочери морейского деспота Фомы — Софье. Вместе с ней в Россию приехали другие знатные морейцы, среди которых были Юрий Грек, ходивший потом послом русского великого князя в Рим, и Нил, ставший тверским епископом. Таким образом, через выходцев из Морей в Россию передавались греческие культурные, а равно и церковные традиции.

Это исследование М. Н. Тихомирова с новой силой подтверждает тот факт, что в XIV—XV вв. Морейский деспотат и его столица Мистра сохраняли значение важного центра культуры и искусства.

Крупнейший специалист по русской истории Л. В. Черепнин обратился к анализу русских источников по истории Флорентийской унии²⁹. В центре его внимания находился рукописный сборник XVII в. (ГБЛ, ф. 178, № 939), содержащий важные русские памятники о Ферраро-Флорентийском соборе: Повесть суздальского попа Симеона об «Исидоровом соборе», «Записки» неизвестного суздальца о поездке на этот собор и некоторые другие документы. Протограф рукописей Л. В. Черепнин возводит к 60-м годам XV в. Он выясняет причины решительных выступлений большинства высшего русского духовенства против заключения унии с католической церковью, уточняет судьбы его представителей, побывавших во Флоренции и бежавших из Италии.

Среди других сюжетов чрезвычайно емкой по содержанию русско-византийской проблематики заслуживает отдельного рассмотрения вопрос об изучении идеологических и культурных связей между Русью и Византийской империей в разные эпохи их истории. Эта тема привлекает исключительное внимание советских русистов и византистов. Ее значение обуславливается не только чисто научными, но и идейно-политическими соображениями: как известно, на Западе широко распространены представления о всеопределяющем воздействии византийской культуры на Русь, тенденция всячески умалить самобытные корни древнерусской культуры во всех ее проявлениях.

Не случайно несколько статей советские ученые посвятили опровержению идеалистических концепций и утверждений, касающихся ранней истории Руси и ее отношений с Византией и норманнами, а также связей Византии с Московским государством^{29а}. Русские действи-

²⁹ Л. В. Черепнин. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. — СВ, 25, 1964, стр. 176—187.

^{29а} Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах академика В. Г. Васильевского. — «Избранные труды», т. III. М., 1960, стр. 449—462; его же. Удар по антипатриотическим тенденциям в исторической науке (Отзыв на книгу Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси»). — Там же, стр. 467—470; Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. — ВИ, 1960, № 9, стр. 18—27; М. В. Левченко. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии. — ВВ, VIII, 1956, стр. 7—25; Я. С. Лурье. Возникновение теории «Москва — третий Рим». — ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 626—633; ср.: А. А. Зимин. Русская ле-

тельно активно воспринимали некоторые достижения византийской культуры и техники, быстро осваивая у себя на родине производство изделий, ранее им не известных. Воздействие Византии сказывалось и в военном деле. Есть некоторые основания полагать, что русские в XII в. имели так называемый «греческий огонь», секрет изготовления которого византийцы так ревниво оберегали³⁰. Культурные заимствования из Византии особенно сильно затронули такие области древнерусского общества, как архитектура и живопись (в особенности церковная).

Вместе с тем советские ученые, пользуясь новыми техническими методами исследования предметов материальной культуры, а также архитектурных памятников и произведений живописи, добились значительных результатов в установлении подлинных границ византийского культурного влияния на Руси и в выявлении оригинальных черт самобытного русского искусства. Большинство исследователей пришли к заключению, что положительное культурное воздействие Византии сочеталось на Руси с творческой переработкой и дальнейшим развитием вывезенных образцов и усвоенных методов работы в соответствии с местными традициями, потребностями и навыками³¹.

топись и хронографы конца XV—XVI в. М., 1960; Г. Г. Литаврин. Вопросы образования Древнерусского государства. Рец. на кн.: А. Стендер-Петерсен. Проблема древнейших византийско-русско-норманских отношений.— СВ, VIII, 1956, стр. 386—395; И. И. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии.— «История СССР», 1960, № 1, стр. 223—236; С. М. Каштанов. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии.— ВВ, XI, 1956, стр. 308—324; его же. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах.— ВВ, XIV, 1958, стр. 284—295; В. Д. Кузьмина, А. Л. Хорoshkevich. Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках».— «История СССР», 1958, № 1, стр. 202—213; А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека.— ВВ, XIV, 1958, стр. 148—174; В. П. Шушарин. О сущности и формах современного норманизма.— ВВ, 1960, № 8, стр. 65—93; В. В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958; П. Ф. Крапівін. Походження назвау «Русь», «Біла Русь», «Чорна Русь», «Червона Русь».— Весті АН БССР, серія грам. наук, 1956, стр. 53—66.

³⁰ В. Б. Вилинбахов. К истории огневого оружия в древней Руси.— СА, 1960, № 1, стр. 284—288. См. также: А. Н. Кирпичников. Метательная артиллерия древней Руси (Из истории средневекового оружия XI—XV вв.)— МИА, 77, 1958, стр. 7—51.

³¹ В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке, ч. II. Феофан Грек и московская школа миниатюры 90-х годов XIV в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 143—165; его же. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской.— ВВ, X, 1956, стр. 161—177; его же. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет Ярослава.— ВВ, XV, 1959, стр. 148—169; его же. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий.— ВВ, XVII, 1960, стр. 93—104; В. И. Левицкая. О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской.— ВВ, XV, 1959, стр. 170—184; Б. А. Шелковников. Стекло Киевской Руси X—XIII вв.— ВВ, XVI, 1959, стр. 114—126; Р. А. Кацнельсон. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии.— ВВ, XII, 1957, стр. 242—262; Б. А. Рыбаков. Проблемы истории Древней Руси в свете новейших археологических исследований.— ВАН СССР, 1960, № 8, стр. 27—32; Н. Г. Порфиридов. О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве.— ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 36—49; М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси.— ТОДРЛ, XII, 1956, стр. 292—310; М. К. Каргер.

Весьма примечательно, что вместе с официальной церковной идеологией, наряду с богослужебной и исторической литературой на Русь проникали также византийские «отреченные», «тайные» книги. Русское общество было обычно осведомлено не только об идейно-политической борьбе в Византии и о богословских контрверсах; оно знало также о еретических учениях, которые находили приверженцев и последователей и в русских землях³².

Вопрос о византийском влиянии на литературу Древней Руси в теоретическом аспекте был всесторонне рассмотрен в интересном докладе Д. С. Лихачева на Оксфордском конгрессе византинистов (1966). Ценный вклад внесли советские историки и палеографы в решение запутанной проблемы происхождения славянской письменности и ее соотношения с греческим письмом³³.

Некоторыми советскими исследователями вопросы истории литературных связей Руси и Византии рассматриваются на примере русской переводной литературы.

З. В. Удальцова показала широкую популярность славянского перевода Хроники Иоанна Малалы в Киевской Руси и сделала попытку объяснить причины этой популярности³⁴. Ею развивается мысль, что христианские сентенции Малалы, еще более усиленные славянскими переводчиками, не смогли заглушить голос неуваждаемой античной цивилизации, скрыть ее чарующее обаяние от русских читателей.

Э. М. Шусторович изучила рукописный текст славянского перевода отрывка «Хроники» Малалы в составе Еллинского летописца первой редакции по двум спискам XVI в.³⁵ Ценность исследования велика

Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города, т. I. М.—Л., 1958; т. II. М.—Л., 1961; В. И. Антонова. Незнакомый художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам.—ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 569—572; Ю. Л. Шапова. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия Древней Руси.—СА, 1960, № 1, стр. 91—101; В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси.—КСИИМК, 68, 1957, стр. 35—44; М. А. Ильич. Изображение Иерусалимского храма на иконе «Вход в Иерусалим» Благовещенского собора (К вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Андрея Рублева).—ВВ, XVII, 1960, стр. 105—113; О. А. Белоброва. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии.—ВВ, XVII, 1960, стр. 114—123.

³² См.: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; его же. К изучению генезиса еретических движений в России.—ВИРА, 7, 1959, стр. 186—217; И. У. Будовниц. Русское духовенство в первое столетие монголо-татарского ига.—Там же, стр. 284—302; И. И. Бурейченко. К истории основания Троице-Сергиева монастыря.—«Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника», III, 1960, стр. 5—40; О. А. Белоброва. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому.—Там же, II, 1958, стр. 12—18.

³³ В. М. Истрин. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963; его же. Возникновение и развитие письма. М., 1965.

³⁴ З. В. Удальцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. АЕ за 1965 г. М., 1966, стр. 47—58.

³⁵ Э. М. Шусторович. Об одном неизвестном отрывке из древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы.—Тезисы докладов на совещании молодых специалистов. (Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия.) Л., 1967, стр. 78.

тем более, что греческий оригинал этого отрывка, содержащего рассказ о низвержении Крона Зевсом, не найден.

М. М. Копыленко исследует путем сравнения перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия с оригиналом фразеологию древнерусского языка (примерно XI в.)³⁶. Перевод был сделан с редкой для того времени свободой, которая больше всего проявляется в области словосочетаний. Автор разбирает те из них, которыми заменены одиночные слова оригинала. Он классифицирует выделенные сочетания, выделяет глаголы, отличающиеся наибольшей фразеологической активностью. Основной тезис статьи в том, что древнерусский литературный язык отличался большим фразеологическим своеобразием и мало зависел в строении фразеологизмов от греческих образцов.

Н. Ф. Прончатов исследует возможное значение слова «изремена-ни», встречающегося в том месте Новгородской летописи, где говорится о взятии Константинополя крестоносцами. Автор оспаривает мнение Н. А. Мещерского, согласно которому это — испорченное греческое слово «дромони» (вид судна), и приходит к выводу, что данное слово представляет собой причастие от отыменного глагола «изременани»; в данном случае имелись в виду корабли для защиты от греческого огня, обитые кожами³⁷.

Наши представления о русско-византийских связях в различных сферах духовной и материальной культуры обогатились за последние годы благодаря разысканиям молодых ученых. Так, В. А. Кучкин обследовал русский памятник первой половины XIII в. — так называемый «Еллинский летописец второго вида», при составлении которого были использованы византийские памятники. Историк выявил источник одного места этого произведения, носящего название «Слово о черноризце». Этим источником является ответ Анастасия Синаита на вопрос, имеющий в русских списках заголовок: «О поставлении властелем, яко не вся власти поставляет бог, всеми же действует». Указанное произведение Анастасия Синаита имеется, например, в «Изборнике 1073 года».

Автор отыскивает влияние ответа Синаита и в других памятниках, в частности в Повести о Михаиле Ярославиче Тверском³⁸.

Существование и развитие идейных и литературных связей между Россией и Афоном после падения Византии прослеживает в своих работах Н. В. Синицына. Она опубликовала малоизученное сочинение «Изложение отчасти пребывания и чина сущих в Святей горе святейших монастырей общих и глаголемых особных», представляющее собой послание афонского монаха Василию III³⁹. Автор доказывает принад-

³⁶ М. М. Копыленко. О языке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (глагольно-именные фразеологизмы). — ВВ, XX, 1961, стр. 164—183.

³⁷ Н. Ф. Прончатов. О значении термина «изременания» Новгородской летописи. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 325—327.

³⁸ В. А. Кучкин. Один из источников Еллинского летописца второго вида. — Там же, стр. 319—324.

³⁹ Н. В. Синицына. Послание Максима Грека Василию III об устройстве Афонских монастырей (1518—1519). — ВВ, XXVI, 1965, стр. 110—136; Ее же. Послание константинопольского патриарха Фотия к князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. — ТОДРЛ, XXI, 1965, стр. 96—125.

лежность этого сочинения Максиму Греку и датирует его 1518—1519 гг. Вместе с этим посланием она исследует другие русские памятники XV—XVI вв. из Афона. Н. В. Синицына рассматривает вопрос о связи русско-турецкой дипломатии в начале XVI в. с отношениями между Россией и Афоном. По ее мнению, русское посольство 1515—1518 гг., доставившее в Москву Максима Грека, имело также политические поручения в Константинополе. Интерес России к Афону определялся основной задачей ее турецкой политики — необходимостью избежать открытых конфликтов с Османской империей. Отношения с Афоном обуславливались также и внутренними противоречиями в России, где в то время шла борьба из-за монастырского землевладения, причем каждая сторона ссылалась в обоснование своей позиции на афонские порядки. Послание Максима Грека, таким образом, могло сыграть свою роль в исходе конфликта: Максим Грек выступал приверженцем монастырей общежитного типа в противовес **особножитному**, считая, что монахам нужно трудиться собственными руками. Автор статьи сопоставляет это послание с более поздними сочинениями Максима Грека, показывая эволюцию его взглядов.

Ю. Л. Шапова изучает русско-византийские связи в области ремесла на материале раскопок новгородской археологической экспедиции, нашедшей большое количество стеклянных изделий, в том числе по химическому составу и стилю исполнения близких греческим⁴⁰. Исследуя найденные изделия посредством микроскопического и спектрального анализов, автор восстанавливает историю греческого стекольного производства в Киеве. Она утверждает, что первые греческие мастерские появились в Киеве в конце X в. и достигли расцвета с середины XI в. в связи с большим строительством, начатым Ярославом Мудрым. Греческие мастера сохранили верность своим канонам и традициям, однако делаги уступки местным вкусам. Русские мастера учились у греков, но развивали искусство стеклоделия самостоятельно. Успехи древнерусского стеклоделия, равно как и внешнеполитические события, особенно разгром Киева Андреем Боголюбским, привели к упадку греческого производства к концу XII в.; окончательно оно исчезло в Киеве лишь после разрушения города татарами. К статье приложена таблица результатов спектрального анализа найденных изделий.

Итоги новейших достижений советских ученых в области изучения русско-византийских отношений были подведены в докладе Г. Г. Литаврина, А. П. Каждана и З. В. Удальцовой на Оксфордском конгрессе византистов в 1966 г.

Г. Г. Литаврин и А. П. Каждан дали краткую характеристику русско-византийских политических и экономических отношений в XI—XIII вв.⁴¹ Они указали, что неправильно, как это обычно делается,

⁴⁰ Ю. Л. Шапова. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI—XII вв. — ВВ, XIX, 1961, стр. 60—75.

⁴¹ Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан. Экономические и политические отношения Древней Руси и Византии, стр. 69—81. — Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, З. В. Удальцова. Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в. — Доклад на XIII Международном конгрессе византистов в Оксфорде, в кн. «The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London — New York — Toronto, 1967, p. 69—91.

основное внимание уделять церковным отношениям Византии и Руси, более важен вопрос об их экономических и политических взаимоотношениях. Авторы высказали мысль, что введение христианства на Русь было выгодно не столько для Византии, которая не могла надеяться на полное подчинение Руси своей власти, сколько для киевских князей,— благодаря этому возрос их международный престиж. После этого между Русью и Византией надолго устанавливаются дружественные контакты. Расширяется торговля, образуются русская колония в Константинополе и греческая — в Киеве; Русь и Византия предпринимают совместные военные походы, многие русские служат в византийском войске. Отдельные периоды ухудшения отношений (преследования русских Константином IX Мономахом в 1042 г. и в ответ на это — поход русских на Константинополь в следующем году, раздоры на религиозной почве в 1051 г.) были кратковременны, однако к концу XI в. в этой сфере происходят перемены. Сокращается объем торговли, что видно из археологических данных, уменьшается приток русских наемников в Византию. По мнению авторов, это связано с ослаблением Киевской Руси и усилением отдельных княжеств, вследствие чего политика в отношении к Византии утратила характер единого курса. Тмутараканское княжество оказалось в сфере византийского влияния и, может быть, на какое-то время завоевывалось империей; Галицкое княжество в борьбе с Киевом на некоторое время приняло формальный суверенитет Византии; Киев и Владимир считали себя равными партнерами империи. Отношения Византии с русскими княжествами были тесно связаны с ее политикой в Италии, Германии и Венгрии.

Образование Латинской империи и татарское нашествие прервали русско-византийские связи, они восстановились в XIV в. уже на другой основе.

З. В. Удальцова в своей работе рассматривает русско-византийские культурные отношения в XI—начале XIII в.⁴² После принятия христианства Русью там стала широко распространяться византийская культура. Автор считает, что установление культурных связей Руси с Византией не было случайным, а являлось результатом сознательных действий обеих сторон. Правящий класс Древней Руси хотел перенять культуру самой передовой страны того времени. Византия же старалась подчинить Русь своему политическому и церковному влиянию, и культурное проникновение было средством такого подчинения.

Однако Византии не удалось добиться своих целей. Влияние византийской цивилизации не уничтожило самобытной русской культуры, а послужило средством ее обогащения.

Наиболее значительным это влияние было в церковной области и гораздо меньшим — в светской, о чем в особенности свидетельствует история русского права. Церковное право сильно зависело от византийского; что касается светского, то хотя и существовали переводы

⁴² З. В. Удальцова. Русско-византийские культурные связи.— См.: Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, З. В. Удальцова. Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в., стр. 81—91.

византийских законов, на Руси руководствовались не ими, а «Русской правдой», на которую византийское право почти не оказало воздействия. Но даже в церковной сфере влияние Византии не подавило полностью национальных русских черт, что особенно проявилось в развитии церковной музыки. Ее мелодика на Руси заметно отличалась от византийской, кроме того, у русских была создана своя, так называемая крюковая система нотописи. Византийское влияние не могло быть значительным в области древнерусского литературного языка, начавшего складываться уже в XI в., но славянская письменность была создана на основе греческой.

Далее З. В. Удальцова разбирает вопрос о самобытности древнерусской литературы. В XI—XIII вв. на Руси создается множество замечательных произведений. По мнению автора, их высокий художественный уровень объясняется тем, что влияние изысканной византийской культуры распространялось здесь в благодарных условиях. Одним из главных источников произведений древнерусской литературы был народный эпос. Но видное место в литературной жизни занимали переводные сочинения, преимущественно византийские, которые оказывали влияние на процесс русского литературного творчества. Анализируя вопрос о том, какие книги византийских писателей переводились на Руси, З. В. Удальцова старается объяснить, почему в XI—XIII вв. переводились преимущественно труды авторов IV—VI вв., а не современные произведения. Причина такого положения в том, что отбор книг для перевода проходил под влиянием церковных деятелей Византии. Поэтому в первую очередь отбирались труды «отцов церкви» и классиков богословия, произведения же светских историков переводились реже.

К тому же сочинения XI—XIII вв. зачастую содержали элементы свободомыслия и критики современного общества.

Благодаря переводам греческих книг IV—VI вв. на Русь передавались в опосредованном виде и античные традиции, не исчезнувшие в этих книгах.

Автор подчеркивает наряду с культурным влиянием Византии культурное воздействие на Русь и других народов, прежде всего южных славян.

Несмотря на успехи, достигнутые в разработке проблем русско-византийских отношений, в дальнейшем изучении нуждаются, например, идеологические связи официальной Руси с Византией, с одной стороны, и взаимные влияния антицерковных еретических учений в обеих странах — с другой; слабо изучено влияние Византии на ход идейно-политической борьбы на Руси в XIV—XV вв. и значение Византии в развитии русского государственного и церковного аппарата управления; едва только начатым следует считать исследование русских памятников XIV—XVII вв. с точки зрения их ценности для изучения византийской истории.

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ

В советской историографии по-новому был разработан и освещен вопрос о роли славян в судьбах Византийской империи. Было четко определено и значение колонизации славянами значительной части территории Византии. Оно не ограничивалось тем, что славяне способствовали разрушению старых рабовладельческих отношений: влияние общественного строя славян на социально-экономическое развитие империи помогло созиданию нового, феодального общества.

Подавляющее большинство письменных источников о восточных и южных славянах имеет византийское происхождение, и изучение истории славян до X в. во многом представляет собой изучение византийско-славянских отношений.

В течение последних десятилетий в науке было накоплено много новых фактов, огромный археологический, нумизматический и эпиграфический материал, обнаружены новые письменные свидетельства, введен в научный оборот забытые и малоизученные памятники. Обобщение этого материала и оценка его на новой стадии развития исторической науки стали настоятельной необходимостью.

В последние годы вышло значительное количество работ советских ученых, посвященных в той или иной мере указанной теме. Работы, опубликованные в 1950—1957 гг., охарактеризованы в обзорах, написанных К. В. Хвостовой¹, В. Т. Сиротенко (доведен до 1958 г.²), а отчасти также В. Д. Королюком и И. А. Хреновым³.

Внимание советских славистов, археологов, византинистов в течение длительного времени привлекает запутанная и крайне сложная проблема этногенеза славян и их расселения в I тысячелетии н. э.

В статье об антах и склавенах в VI в.⁴⁻⁵ Е. Ч. Скржинская подвергла анализу ранние сообщения о них Иордана, Прокопия, Менаандра и других авторов, по-новому осветив вопросы о границах расселения обоих племен, об их проникновении на территорию империи и об антском племенном союзе близ Нижнего Днепра (под предводительством Божа).

Ряд статей был посвящен разбору и сопоставлению письменных, преимущественно византийских, свидетельств о восточных славянах с новейшими данными археологии⁶.

¹ К. В. Хвостова. История южных славян в VI—XV вв. в советской исторической литературе. 1950—1957 гг. — ВВ, XV, 1959, стр. 185—195.

² В. Т. Сиротенко. Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке. — УЗ ПГУ, XII, 4, 1959, стр. 98—111.

³ В. Д. Королюк, И. А. Хренов. Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945—1959). — ВИ, 1960, № 6, стр. 117—135.

⁴⁻⁵ Е. Ч. Скржинская. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и го роде Новиетуне. — ВВ, XII, 1957, стр. 3—30.

⁶ А. М. Ременников. Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. СА, XXIX, 1958, стр. 266—275; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. — МИА, 74, 1958; М. Ю. Брайтчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. — СА, 1957, № 3, стр. 114—129; Нариси стародавньої історії Українсько

М. Ю. Брайчевский рассматривает экономический уклад Византии в VI—VIII вв. в тесной связи с проникновением славян на ее территорию⁷. VII—VIII века — самое малоизученное время византийской истории; немногие сохранившиеся памятники зачастую остаются неясными, например «Земледельческий закон». Он ясно говорит не о колонах и не о крепостных, а о свободных общинниках, что свидетельствует об архаизации общественного строя Византии VII—VIII вв. Это обычно объясняется славянской колонизацией византийских земель. Автор исследует ее основные этапы.

Первые сведения о вторжениях славян в пределы Римской империи относятся ко II—III вв. н. э. К IV—V вв. ими уже был заселен левый берег Дуная, а к VI в. византийцы уже считали их коренным населением этого района. По уровню развития они в то время стояли на пороге классового общества, когда возникают первые примитивные государственные объединения. Затем, с VI в., славяне начинают проникать за Дунай. В первой половине VI в. их проникновение носило характер отдельных набегов. Славяне выступали тогда либо в роли внешнего врага Византии, либо союзника в ее борьбе с другими варварами. Автор считает роль славян в истории Византии того времени незначительной, поскольку нет свидетельств, что они занимали высокие должности в царствование Юстиниана. Новый период славянского проникновения начинается с 550—551 гг., когда славяне впервые вторглись на территорию Византии с целью завоевания. Вскоре они заселили всю северную часть Балканского полуострова, проникли вплоть до Пелопоннеса и даже основали поселения в Малой Азии.

В VII—VIII вв. весь север Балканского полуострова был заселен славянами. При этом они сохранили за собой политическую автономию. Отсюда автор делает вывод, что славяне в основном жили своим общественным строем, в чем-то воспринимая элементы византийского социального устройства. Можно утверждать, считает М. Ю. Брайчевский, что подобно тому как на Западе между колоном и крепостным стоял свободный франкский крестьянин, так на европейском Востоке между колоном и крепостным стоял свободный славянский общинник. Но этот процесс архаизации общественных отношений затронул лишь области славянской колонизации и не распространился на собственно греческие.

В этом, по мнению автора, и следует искать решение главных затруднений в освещении социального развития Византии того времени⁸.

Известный славист и археолог П. Н. Третьяков посвятил свою фундаментальную монографию, получившую высокую оценку специалистов⁹, проблеме этногенеза финно-угров, балтов и восточных славян.

В. В. Седов применил метод сопоставления данных гидронимии

РСР. Київ, 1957 (первые главы); Б. А. Рыбаков. Славяне и Византия в VI в. — «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 99—111.

⁷ М. Ю. Брайчевский. К истории расселения славян на византийских землях. — ВВ, XIX, 1961, стр. 120—137.

⁸ Там же.

⁹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М. — Л., 1966, см. рец.: В. В. Седов. СА, № 3, 1967, стр. 307—315.

и археологии для выяснения ареала расселения славян в Восточной Европе во второй половине I — начале II тыс. н. э.¹⁰

Проблему этногенеза и ранней истории славян затрагивает В. В. Седов и в другой своей работе, где разбирается спорный вопрос о делении славян в ранний период их истории на три или на две группы. Более ранним автор считает разделение славян на две большие группы — северо-западную и юго-восточную, что подтверждается лингвистическими и топонимическими данными. Позднее, к VI в., славяне разделились уже на три группы: первая — это венеды (по Иордану) — северо-польские племена; вторая — склавины, по археологическому признаку — создатели керамики пражского типа; третья — анты — оставили памятники, подобные тем, которые типичны для селения Пьянковка (между Нижним Днестром и Днестром). Восточное славянство, как мы его теперь понимаем, образуется не ранее VIII—IX вв. В него входят как склавины, так и венеды. Что касается антов, то, как думает В. В. Седов, они полностью исчезают в VII в.¹¹ Последняя проблема, породившая столько споров, все же остается, по нашему мнению, открытой. Оригинальны и глубоко фундированы работы покойного И. И. Ляпушкина по ранней истории славян^{11а}.

Сравнительно недавно в науке был поднят вопрос о правильном написании этникона «склавины». Некоторые ученые полагают, что вместо общепринятого «склавины» надо писать «славины». В самоназвании славян (словене) «к» не было, оно появилось в греческом этниконе, поскольку для греческого языка сочетание «σλ» было неприемлемым¹².

Наряду с проблемами этногенеза славян в работах специалистов рассматривались многие конкретно-исторические сюжеты византийско-славянского цикла.

В статье о македонских славянах конца IX — начала X в. Р. А. Наследова установила, что сагудаты, другувиты и стримонцы — славянские племена, расселившиеся еще в VI в. в окрестностях Фессалоники, сохраняли известную автономию и самостоятельность в отношениях с византийскими властями. Славянское население прилегающих к городу районов представляло собой значительную силу: из него составлялись многочисленные отряды искусных стрелков-лучников. Труд этих славянских поселенцев обеспечивал жителей Фессалоники хлебом; славяне же поставляли сырье для городского ремесла (обработка металлов); они принимали участие в фессалоникийско-болгарской торговле¹³.

¹⁰ В. В. Седов. Из истории восточнославянского расселения. — КСИА, 104, 1965, стр. 3—11 (карты).

¹¹ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Автореф. доктор. дисс. М., 1966, стр. 39.

^{11а} И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, 152, 1968; его же. Некоторые вопросы из предыстории восточных славян. — КСИА, 1965, стр. 116—125.

¹² Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 55; И. А. Голубцов. О термине «склавины». — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 47 сл.; А. П. Каждан. «Работорговец моей царственности» — миф или действительность? — В сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», стр. 86.

¹³ Р. А. Наследова. Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. — ВВ, XI, 1956, стр. 82—97.

Г. Г. Литаврин исследовал налоговую политику в завоеванной Византией Болгарии между 1018 и 1185 гг. Он показал, что изменения в налоговой политике были тесно связаны с переменами в экономических и политических условиях жизни империи, а также с важнейшими событиями классовой борьбы¹⁴.

П. О. Карышковский изучал восстание Ивайла в Болгарии в 1277—1280 гг. Автору удалось доказать, что это восстание являлось по существу крестьянской антифеодальной войной, которую можно сравнить лишь с такими народными движениями, как восстания Дольчино, Уота Тайлера и Жакерия. Византийская политика в отношении Болгарии носила в этот период, как показал историк, захватнический, агрессивный характер, что объективно ослабляло положение и Болгарии и самой Византии в эпоху татарского нашествия на Балканы¹⁵.

Отдельные проблемы средневековой истории южных славян и Византии были предметом исследования ученых-славистов. Так, аграрные отношения в Сербии XII—XIV вв. рассматривались в работах С. П. Бобровой¹⁶ и Л. А. Шаферовой¹⁷. Исследуя проблемы феодальной собственности в Сербии, положение различных категорий зависимого крестьянства, уровень сельскохозяйственной техники, особенности условного землевладения и свободной сельской общины, авторы отметили сходство некоторых сербских институтов с византийскими. С. П. Боброва в статье «Некоторые вопросы крестьянского землевладения в Сербии XII — половины XIV в.»¹⁸ проследила эволюцию крестьянской собственности — потерю крестьянами своих наследственных прав на землю (баштин). Вследствие этого получила распространение крестьянская аренда, феодалы наделяли крестьян землей.

Истории города Дубровника, его социального строя, классовой борьбы, торговых связей была посвящена статья Н. П. Мананчиковой¹⁹.

Из работ, посвященных истории Болгарии IX—X вв., следует назвать статью А. П. Каждана²⁰. Изучив послания константинопольского патриарха болгарскому царю Симеону и «Житие Василия Нового», он уточнил дату начала второй войны Болгарии с Византией, отнес ее к концу 912 г.

Византийско-славянские отношения рассматриваются в «Очерках по истории Византии и южных славян» А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина (изданных в помощь учителю в 1958 г.)²¹.

¹⁴ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, стр. 81—110.

¹⁵ П. О. Карышковский. Восстание Ивайла. — ВВ, XIII, 1958, стр. 107—135.

¹⁶ С. П. Боброва. Феодальное землевладение в Сербии в XII — первой половине XIV в. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1956; е е же. К вопросу об условном землевладении в Сербии. — СлС, I, вып. ист. Воронеж. 1958, стр. 13—22; е е же. Некоторые вопросы крестьянского землевладения в Сербии XII — первой половины XIV вв. — ВИС, I, 1963, стр. 9—42.

¹⁷ Л. А. Шаферова. Сербское крестьянство в XIII в. и в первой половине XIV в. — УЗ КПИ, т. 9, вып. I, 1957, стр. 215—236.

¹⁸ См. «Вопросы истории славян», вып. I. Воронеж, 1963.

¹⁹ Там же. См. рец. К. В. Хвостовой. — ВВ, XXV, 1964, стр. 273.

²⁰ А. П. Каждан. К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне. — СлА. М., 1959, стр. 23—29.

²¹ А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки по истории Византии и южных славян. Учпедгиз, 1958. См. рец.: М. А. Заборов — ВМК, 1959, № 3;

Социально-экономический и политический строй города Сплита и отдельные эпизоды классовой борьбы в нем рассматривались в нескольких статьях А. Е. Москаленко²². Аграрные отношения в Хорватии в XV—XVI вв. явились предметом исследований Ю. В. Бромлей²³.

Болгарско-византийские отношения XI—XII вв. были подвергнуты всестороннему изучению в монографии Г. Г. Литаврина²⁴. В первой главе («Аграрные отношения в Болгарии XI—XII вв.»)²⁵, привлекая почти исчерпывающий материал источников и литературы, автор исследовал такие вопросы, как уровень развития производительных сил в Болгарии, положение свободного общинного крестьянства, рост крупного феодального землевладения (церковно-монастырского) и светского, местного — болгарского и иноземного — византийского), структура и особенности феодальной вотчины XI—XII вв., категории зависимого населения, виды и размеры феодальной ренты, формы внеэкономического принуждения. Автор пришел к выводу о неравномерности развития Западной и Северо-Восточной Болгарии: до конца XI в. вторая по своему социально-экономическому уровню опережала первую; в конце XI—XII в. в Западной Болгарии получило большое развитие крупное землевладение византийских феодалов. Г. Г. Литаврин пытался также проследить, как эти особенности экономической жизни Болгарии отразились на ходе ее политической истории в XI—XII вв.

В целом, по мнению автора, господство византийских феодалов оказало замедляющее влияние на темпы развития экономики завоеванной страны.

Во второй главе²⁶ исследуется до сих пор привлекавшая к себе мало внимания организация светской и церковной власти в период иноземного господства. Автор рассматривает систему управления, административное деление Болгарии, структуру византийского чиновничьего аппарата, компетенцию должностных лиц (военных и гражданских), виды византийских налогов и повинностей, а также церковное устройство, состав духовенства, его доходы и отношения с местным населением. По мнению Г. Г. Литаврина, Болгария была лишена каких бы то ни было прав автономии и являлась византийской провинцией, где налоговый гнет и произвол чиновничества приобрели особенно уродливые

его же.— КСИС, 32, 1961; G. Cront.— SRI, an. XII, № 3, 1959; Д. Ангелов.— ВВ, XVII, 1960; Э. Франчес.— BSI, vol. 22, № 2, 1961. См. также: «История южных и западных славян». Под ред. С. А. Никитина. М., 1957; «Очерки истории южных и западных славян». Пособие для учителей под ред. С. М. Стецкевича. Л., 1957.

²² А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. (Из истории средневековых городов Далмации). Автореф. канд. дисс.— КСИС, 19, 1956; его же. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в.— ВВ, XIII, 1958, стр. 136—161; его же. Данные хроники Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в.— СЛС, I, вып. ист. Воронеж. 1958, стр. 31—41.

²³ Ю. В. Бромлей. Из истории аграрных отношений в Хорватии второй половины XV—XVI в.— ВВ, XI, 1956, стр. 225—246, ВВ, XII, 1957, стр. 117—133.

²⁴ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.

²⁵ Там же, стр. 11—248.

²⁶ Там же, стр. 249—375; его же. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв.— УЗИС, 1956, стр. 226—250.

формы, а господство иноземных феодалов и духовенства отрицательно сказалось на уровне культурного развития населения.

Третья глава²⁷ монографии посвящена народно-освободительной и антифеодальной борьбе болгарского народа.

Медиевисты-слависты М. М. Фрейденберг, Л. В. Горина и Е. П. Наумов исследовали социально-экономическую историю южных славян, представляющую значительный интерес и для византиноведения, поскольку южнославянские страны и Византия в течение многих столетий были связаны тесными экономическими и политическими узами.

М. М. Фрейденберг написал интересный этюд о кровнородственных общинных связях в далматинской Хорватии в XI—XVI вв., подчеркнув широкое распространение коллективов, основанных на такого рода связях, особенно в горных районах страны²⁸.

Л. В. Горина исследовала вопросы церковного землевладения в Болгарии XIII—XIV вв.^{28a}

Е. П. Наумов изучал изменения в положении крестьян в Сербии, Македонии и Зете в XIV в. Он охарактеризовал процесс постепенной нивелировки различных категорий и превращения всех крестьян в единый слой феодально зависимых, закрепощенных земледельцев²⁹. Предметом другой работы Е. П. Наумова служили проблемы классовой борьбы в городах Далмации. На основании детального анализа документов из архива Дубровника и данных нарративных источников, в том числе «Истории славян» Мавро Орбини, автор увлекательно повествует о победоносном народном восстании 1380 г. в городе Которе, закончившемся свержением власти местных нобилей³⁰.

В небольшой заметке Е. П. Наумов освещает частный, но любопытный вопрос о сербо-византийской границе во второй половине XIV в. и доказывает, что эта граница не была стабильной и постоянно менялась, то (при Стефане Душане) в пользу Сербии, то (позднее) к выгоде Византии, которой так и не удалось вернуть значительной части захваченной Душаном территории³¹.

Четвертая статья Е. П. Наумова — это рецензия на новое издание Законника царя Стефана Душана, выпущенное в 1960 г. в Югославии акад. Н. Радойчицем³². Публикация этого замечательного памятника XIV в. вызвала серьезные трудности, поскольку он дошел до нас в от-

²⁷ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 376—465.

²⁸ М. М. Фрейденберг. Родственные коллективы в далматинской Хорватии в XI—XVI вв. — СЗ, 1967, № 1, стр. 68—79.

^{28a} Л. В. Горина. К истории болгарской монастырской вотчины XIII—XIV веков. — ВМГУ, серия IX, 1965, № 3, стр. 71—79.

²⁹ Е. П. Наумов. К истории категорий крестьянства в Сербии, Македонии и Зете в XIV в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Вильнюс, 1965, стр. 100—109.

³⁰ Е. П. Наумов. Народное восстание в Которе и Которской области (1380 г.). — УЗИС, XXX, 1966, стр. 3—16.

³¹ Е. П. Наумов. К истории сербо-византийской границы во второй половине XIV в. — ВВ, XXV, 1964, стр. 231—233.

³² Е. П. Наумов. Некоторые проблемы истории законодательства в сербо-греческом царстве (о новом издании Законника царя Стефана Душана). — ВВ, XXVI, 1965, стр. 271—277; его же. К вопросу о подлинности некоторых сербских грамот XIV в. — «Славянское источниковедение». М., 1965, стр. 114—123; его же. Новые издания памятника средневекового славянского права. — ССЛ, 1965, № 1, стр. 80—82.

личающихся друг от друга списках. Предыдущее издание С. Новаковича (1898) уже устарело, а новое представляет собой вполне солидный труд. Интересен, в частности, приведенный в книге обзор рукописей, датировка многих из которых уточнена. Однако рецензент полагает, что в издании Н. Радойчица имеется много недостатков. Реконструкция текста, который признается Н. Радойчицем самым достоверным, не является, по мнению Е. П. Наумова, во всем убедительной. Он также оспаривает представление, будто текст Законника утверждался на двух соборах (1349 и 1354), — издатель памятника считает это неопровержимым фактом. Серьезный пробел издания — отсутствие источниковедческого раздела, где бы рассматривалось соотношение различных редакций Законника. В целом издание, по мнению Наумова, не может заменить собой публикацию С. Новаковича. Терминологию в летописи югославского хрониста XII в. по па Дуклянина изучала К. В. Хвостова. Она пришла к выводу, что латинская версия хроники написана одним лицом³³.

Заканчивая характеристику, хочется отметить, что в рассматриваемый период разрабатывались проблемы отношений Византии с Сербией, Хорватией и Боснией; почти не затрагивался вопрос о болгаро-византийских связях до X в.; совсем не изучались византийско-славянские и византийско-албанские отношения X—XV вв. Недостаточно внимания уделялось совместной борьбе греческого, славянских и алабанского народов против турецкого завоевания.

Очевидна также недостаточная координация деятельности славистов и византинистов. Следовало бы, на наш взгляд, наладить совместные исследования ученых этих профессий для более эффективного использования как византийских, так и славянских источников, особенно для привлечения архивных материалов, данных археологии, топонимики, лингвистики, демографии, сфрагистики и эпиграфики.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Видное место в трудах советских историков занимает изучение международного положения Византии и ее взаимоотношений со странами Западной Европы. Разработка этой проблемы концентрировалась в основном вокруг трех хронологических периодов: эпохи переселения народов; времени крестовых походов и Латинской империи; периода наступления турок и падения Константинополя.

Исключение составила большая статья А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина и З. В. Удальцовой, направленная против некоторых теорий буржуазной историографии относительно характера сношений Византии и Запада в целом; она трактует вопросы истории Византии на протяжении тысячелетия¹. На материале источников авторы опровергли реак-

³³ К. В. Хвостова. К вопросу о терминологии летописи по па Дуклянина. — *СЛА*, 1959, стр. 30—45.

¹ А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 381—447.

ционную концепцию извечной «противоположности консервативного Востока прогрессивному Западу», вскрыв ее политическую подоплеку, показав, каким образом эта теория развивается в византиноведении Западной Европы и США.

Обстоятельной критике в советской историографии были подвергнуты также доклады западных византинистов на тему «Византия и Запад», прочитанные на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г.²⁻³

Взаимоотношения Рима и варваров в IV—VI вв. освещены в работах Е. Ч. Скржинской, З. В. Удальцовой, А. Р. Корсунского и других историков. На широком фоне борьбы греко-римского и варварского миров воссоздана детальная картина взаимного проникновения и влияния греко-римской и варварской готской культур.

Период варварских нашествий в Европу исследовала Е. Ч. Скржинская в своих статьях и в комментарии к сочинениям Олимпиодора⁴ и Иордана⁵. Изучая «Историю» Олимпиодора, она охарактеризовала ранний период борьбы между варварами и империей, в частности разобрала вопрос о варваризации ее армии и о столкновениях проримской и проварварской «партий». Анализируя же произведение Иордана «Гетика» и параллельно с этим труды других авторов V—VI вв., Е. Ч. Скржинская рассмотрела в целом «эпоху переселения народов» и связанные с нею общественные сдвиги. Во вступительной статье к «Гетике» она обрисовала историческую обстановку, создавшуюся в Остготском королевстве накануне византийского завоевания Италии, когда Иордан в 534 г. — вероятнее всего в Равенне — и написал свой труд. Как показала исследовательница, по своему материалу эта работа базировалась на сочинении Кассиодора, но была проникнута новой политической тенденцией, носителями которой являлись представители италийской знати и готы, придерживавшиеся провизантийской ориентации.

Борьбе Восточноримской империи с варварами посвящены статьи З. В. Удальцовой⁶ и вторая часть ее монографии «Италия и Визан-

²⁻³ Р. А. Наследова, М. А. Заборов. Византия и Запад в «Трудах» X Международного конгресса историков в Риме. — ВВ, XI, 1956, стр. 330—339; М. А. Заборов. История крестовых походов в «Докладах» X Международного конгресса историков в Риме. — СВ, VIII, 1956, стр. 396—404.

⁴ Е. Ч. Скржинская. «История» Олимпиодора. — ВВ, VIII, 1956, стр. 223—276.

⁵ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступ. статья, перев., комм. Е. Ч. Скржинской. «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». М., 1960.

⁶ З. В. Удальцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии в VI в. — ВВ, IX, 1956, стр. 78—116; ее же. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания. — ВВ, XI, 1956, стр. 29—54; ее же. Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы. — ВВ, XIII, 1958, стр. 9—27; ее же. Политический строй и политическая борьба в Италии в конце V — начале VI в. — ВВ, XV, 1959, стр. 3—32; ее же. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. — ВМГУ, ист.-филол. сер., № 3, 1958, стр. 21—57; ее же. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в. — СВ, VIII, 1956, стр. 39—54; ее же. Прагматическая саякция Юстиниана об устройстве Италии. — СА, XXVIII, 1957, стр. 317—332.

тия в VI в.»⁷, в которых рассмотрены отношения Византии и населявших Италию народов (прежде всего остготов и римлян).

В Остготском королевстве, как показала З. В. Удальцова, ко времени начала войн Юстиниана и предпринятого им завоевания Италии чрезвычайно осложнилась политическая борьба внутри господствующего класса. Успехи византийцев в первый период войны в значительной степени объясняются помощью византийским войскам со стороны римской и итальянской аристократии, а также высшего католического духовенства. Немалую роль сыграли и острые противоречия между остготской военной знатью, отстаивавшей независимость королевства, и сторонниками сближения с римской аристократией и Византийской империей. Завоеватели-византийцы, явившиеся в Италию в качестве ее «освободителей», оказались не менее жестокими угнетателями народных масс, чем остготы Теодориха. Более того, гнет империи вскоре стал еще более тяжелым, чем тот, который население испытывало до завоевания. Реставрация рабовладельческих порядков, реакционная политика Юстиниана, наступление на мелкое крестьянское хозяйство — все это замедляло развитие феодализма в Италии, ухудшало положение трудового населения и мешало политическому объединению страны.

Византийским завоеваниям в Испании посвящена статья А. Р. Корсунского⁸. Он же — автор монографии, которая носит историко-теоретический характер и значение которой поэтому выходит за рамки истории варварских королевств Западной Европы⁹. Работа полемически заострена против реакционной буржуазной, главным образом западногерманской, историографии. Широкий территориальный охват изучаемых государств — вестготское и остготское, бургундское и вандальское королевства, государство франков, а также Норвегия и англосаксонские королевства.

В книге показано становление варварских государств Западной Европы в различных районах и отмечены специфические черты этого процесса. Теоретические выводы автора представляют интерес и для византинистов. Автор различает два основных типа раннефеодальных государств в Западной Европе: государства, возникшие на основе синтеза германских и римских отношений и получившие в наследие элементы римской государственной системы, церковной организации и права, и государства, выросшие на основе внутренних процессов разложения родоплеменного строя варваров. Раннефеодальные государства первого типа (вестготское, вандальское, бургундское, остготское и франкское) сложились уже к VI в., процесс же складывания государств второго типа значительно затянулся: раннефеодальное государство в Англии оформилось лишь в VII—IX вв., а в Норвегии даже к XI—XII вв. Применение метода типологизирования к изучению особенностей возникновения и развития феодальной государственности в Византии, на наш взгляд, тоже может быть весьма эффективным.

⁷ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 236—522.

⁸ А. Р. Корсунский. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв. — ВВ, XII, 1957, стр. 31—45.

⁹ А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

Для византиноведения важен и другой общесоциологический вывод А. Р. Корсунского. Автор справедливо призывает не смешивать два теоретических понятия: «преемственность» и «непрерывность» (континуитет). Сохранение в эпоху раннего средневековья элементов античной государственности в ряде стран Западной Европы не означало, что античное государство как таковое продолжало свое существование. Точно так же, несмотря на сохранение некоторых древнегерманских институтов управления, военная демократия уступила свое место государству. И там и тут рождался качественно новый тип государственности — раннефеодальное государство¹⁰. Думается, что в модифицированном виде этот вывод применим и к Византии.

Организации административного управления в Остготском королевстве посвящена хорошо фундированная статья И. А. Дворецкой¹¹. Привлекая различные источники, преимущественно «Варии» Кассиодора, эдикт короля Теодориха, труды западных и византийских историков и хронистов, И. А. Дворецкая сопоставляет римские и германские черты в государственном устройстве Остготской Италии и отмечает значительную степень его романизации. Вместе с тем автор полагает, что последняя была чисто внешней, ибо в центральное управление, местную администрацию, войско успели глубоко внедриться германские порядки. В Остготском королевстве, в отличие от Римской империи, уже не существовало строгого разграничения гражданского и военного управления, возросло значение королевской власти, первостепенную роль в администрации играли готские саяоны и графы, появились черты дружинных отношений. Остготская знать, господствовавшая в королевстве экономически, становилась и политически господствующим классом. В VI в. в Италии развертывался процесс складывания раннефеодального государства.

При всей подкупающей стройности концепции И. А. Дворецкой, на наш взгляд, она все же переоценила значение германских элементов в государственном управлении Остготского королевства.

Несколько более ранний период взаимоотношений варваров и Римской империи явился предметом разысканий А. М. Ременникова, автора интересной статьи о римско-вестготских отношениях в 60-х годах IV в.¹² Он показал, в частности, как складывался союз вестготов с восставшими войсками и народными массами узурпатора Прокопия. Вместе с тем А. М. Ременников подчеркнул, что отправка готского отряда на помощь восставшему Прокопию была использована византийским императором Валентом в качестве повода для войны с вестготами в 367—369 гг., явившейся прелюдией знаменитого восстания вестготов на Дунае в конце 70-х годов IV в.

Э. И. Кучеренко пытался возродить сомнительную «теорию» славянского происхождения вандалов^{12а}. З. В. Удальцова и А. П. Каждан на

¹⁰ А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства... стр. 181—184. Рец. А. И. Неусыхина.— СВ, 28, 1966, стр. 289—299.

¹¹ И. А. Дворецкая. Организация управления в Остготском королевстве.— ВВ, XXI, 1962, стр. 3—28.

¹² А. М. Ременников. Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов.— ВДИ, 1967, № 1, стр. 95—106 (имеется резюме на англ. яз.).

^{12а} Э. И. Кучеренко. К вопросу о происхождении и исторических судьбах вандалов.— «Вопросы истории, филологии и педагогики». Казань, 1965, стр. 60 и сл.

основе анализа византийских и других источников выступили против его гипотезы, т. е. в защиту представления о германской этнической принадлежности вандалов¹³.

В рамках рассмотрения общей проблемы «Византия и Запад» советские ученые занимались исследованием более специального вопроса о взаимоотношениях православной и католической церквей. В центре их внимания находилось выяснение сходства и различия церковной организации Востока и Запада. М. Я. Сюзюмов в своей богатой оригинальными мыслями статье проследил процесс постепенного обособления папского престола и константинопольского патриархата с IX до середины XI в., завершившийся в 1054 г. «разделением церквей»^{13а}. Причины разрыва между Римом и Константинополем автор усматривает не только в догматических и обрядовых расхождениях, не только в противоречиях на международной арене, но прежде всего в коренных отличиях феодальной системы и церковной организации Востока и Запада. Для католической церкви, по его мнению, были характерны монархический принцип построения организации, связь духовенства с военно-колониальным движением и духовно-рыцарскими орденами, иерархическая структура, основанная на церковном землевладении. Все это давало реальную опору притязаниям папства на супрематию в христианском мире. Православная же церковь была подчинена сильной государственной власти, которая защищала ее «светским мечом», и монархический принцип устройства церковной иерархии не получил здесь распространения.

А. П. Каждан посвятил свое исследование анализу социально-политических и религиозных взглядов патриарха Фотия, одного из инициаторов первого, временного, «разделения церквей» в IX в.^{13б}. Он весьма убедительно показал, что Фотий был выразителем интересов провинциальной аристократии Византии того времени.

Весьма острая в политическом плане и актуальная в научном отношении тема, находящаяся как бы на стыке византиноведения, медиевистики и ориенталистики,— крестовые походы XI—XIII вв. Этот сюжет интенсивно разрабатывался М. А. Заборовым, А. Я. Гуревичем, Н. П. Соколовым, Г. Г. Литавриным, О. Г. Чайковской, Б. Т. Горяновым, К. Н. Юзбашьяном и другими авторами.

Большое внимание целой группы ученых к крестовым походам западного рыцарства на Восток связано, несомненно, с общим повышением интереса советских византиноведов к истории международных отношений, отмечаемое, впрочем, в качестве нового явления во всей нашей медиевистике¹⁴. Не удивительно, что особое внимание исследователей привлекают именно крестовые походы, на судьбы которых оказывали немалое воздействие наряду с социально-экономическими и политическими факторами внутриевропейского порядка и международные колли-

¹³ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Кем же были вандалы?— ВИ, 1967, № 1, стр. 201—204.

^{13а} М. Я. Сюзюмов. «Разделение церквей» в 1054 году.— ВИ, 1956, № 8, стр. 44—57.

^{13б} А. П. Каждан. Социальные и политические взгляды Фотия.— ЕМИРА, 1958, № 2, стр. 107—136.

¹⁴ См.: Е. В. Гутнова. Пятьдесят лет советской медиевистики.— СВ, 30, 1967, стр. 28.

зии, прежде всего такие, в которых прямо участвовала Византийская империя.

Впервые в марксистской литературе тема крестовых походов получила обстоятельное, основанное на серьезном знании источников освещение в работах М. А. Заборова. Им написаны четыре книги¹⁵ и много статей, посвященных крестоносной тематике. Крестовые походы были, по его мнению, следствием целого комплекса причин, обусловленных особенностями социально-экономического и политического развития средневековой Европы. М. А. Заборов показал, каким образом идея крестовых походов вызревала в разных слоях западноевропейского общества и почему именно папство с самого начала выступило инициатором и вдохновителем этих агрессивных предприятий. Он раскрыл грабительский, захватнический характер крестовых походов, выявил реакционную, своекорыстную роль католической церкви, охарактеризовал тяжелые последствия рыцарских предприятий для широких народных масс как Востока, так и Запада. Глубоко ошибочным, с точки зрения историка, является представление о якобы цивилизующей роли крестовых походов: сами по себе они отнюдь не являлись средством культурного обмена между Востоком и Западом, а, скорее, напротив — служили препятствием на пути этого обмена.

Исследования М. А. Заборова группируются в основном вокруг трех проблем: источниковедение, папство и крестовые походы, историография.

Источниковедческим проблемам посвящены его докторская диссертация «Введение в историографию крестовых походов» и дополняющие ее статьи¹⁶. Хотя в центре внимания автора — латинские хроники, однако он анализирует и византийские памятники, содержащие обильный материал по интересующему его сюжету. Наиболее полно привлечены сведения «Алексиады» Анны Комниной и «Истории» Никиты Хониата. Сопоставляя их с сообщениями латинских хронистов (о паломничестве Петра Пустынника в Иерусалим, о численности крестоносного рыцарства, участвовавшего в походе 1096—1099 гг., о завоевании и ограблении Константинополя в 1203—1204 гг.), М. А. Заборов отмечает

¹⁵ М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956 [переведена на ряд языков народов СССР и зарубежных стран, в том числе литовский (М. А. Заборовas. Kryžiaus Zigiai. Vilnius, 1960); венгерский (М. А. Заборов. A keresztelők pábouruk. Budapest, 1958); испанский (М. А. Заборов. Historia de las cruzadas. Buenos-Aires, 1960) и др.; подробный разбор в рец.: С. А. Асиновской. — СВ, XII, 1958; О. Г. Чайковской. — ВВ, XIV, 1958; М. М. Фрейденберга. — ПИШ, 1959, № 2, а также в итал. журнале «Rassegna sovietica», 1958, № 5, р. 96—97 и в обзоре польского историка Т. Рослановского (T. Rosłanowski. Przegląd nowszych badań historii Wypraw krzyżowych, KН rocz. LXV, 1958, № 4, str. 1327—1330)]; М. А. Заборов. Папство и крестовые походы. М., 1960 (см. рец.: М. М. Шейнмана. — НР, 1960, № 12; Г. Г. Литаврина. — ВИ, 1962, № 12; Г. Лабуды (КН, rocz. LXIX, № 1. 1962)); М. А. Заборов. Крестоносцы и их походы на Восток в XI—XIII веках. Учпедгиз, 1962; его же. Введение в историографию крестовых походов (латинская хронография XI—XIII вв.). М., 1966 (см. рец.: С. Д. Сказкина и Л. А. Котельниковой. — ВИ, 1967, № 12, а также Г. Дмитриева. — ИФЖ, 1968, № 1).

¹⁶ М. А. Заборов. Современники-хронисты и историки крестовых походов. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 137—161; его же. К вопросу о значении известий восточных современников крестовых походов. — ИФЖ, 1968, № 3, стр. 153—162.

исключительное значение повествований византийских историков, касающихся тех или иных эпизодов войн крестоносцев на Востоке. Он подчеркивает выдаваемые ими наблюдательность, точность многих передаваемых в их произведениях фактических данных сравнительно с теми, которые сообщают латинские хронисты, меткость и выразительность характеристик, рисующих облик алчных западных варваров и их предводителей. Оттеняются широта охвата материала византийскими историками и, что особенно важно, их большая достоверность: в творениях византийских писателей события подчас излагаются полнее и объективнее, нежели в латинско-католических «Иерусалимских историях» и «Деяниях франков», написанных с апологетических позиций.

Существенны в этом плане результаты сопоставления известий о политике Иннокентия III в Четвертом крестовом походе у Никиты Хониата и Георгия Акрополита, с одной стороны, и в хрониках безымянного папского биографа («Деяния Иннокентия III»), венецианца Мартина да Канале, а также в эпистолярной папы — с другой. Выгодно выступают достоинства рассказов византийских историков и при сравнении их показаний о взятии и разгроме Константинополя в начале XIII в. с изложением тех же фактов у Гунтера Парисского, Жоффруа Виллардуэна и Робера де Клари, нередко искажающих подлинный ход событий¹⁷.

Для византиноведения ценность источниковедческих штудий автора состоит, однако, не только в более или менее детальном выявлении фактических данных по истории крестового движения, имеющих в произведениях византийских писателей XII—XIII вв. (к слову сказать, возможности поисков в этом направлении еще далеко не исчерпаны). В той мере, в какой в его работах затрагиваются судьбы Византии, в них собран первоклассный материал латинских хроник, относящийся к собственно византийской истории конца XI—XIII вв. и характеризующих экономику империи, ее политический строй, военную организацию, бытовые установления, повседневную жизнь византийцев различного социального положения. Сведение воедино этого материала могло бы представлять немалый интерес для византиноведения.

М. А. Заборовым были рассмотрены отдельные этапы папской политики и дипломатии во время крестовых походов; ряд выводов, сделанных им, стал общепринятым в нашей историографии¹⁸. Ему удалось в целом удачно определить социальную подоплеку крестового движения католической церкви и ее первосвященников в конце XI в.: в основе этой политики лежало стремление апостольского престола направить на Восток грабительские орды феодалов, своими разбоями в Европе угрожавших благополучию крупного церковного землевладения, и вместе с тем за счет богатых земель Восточного Средиземноморья

¹⁷ См.: М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов..., стр. 159, 296, 348.

¹⁸ См. в кн. «История дипломатии», т. I. М., 1959, гл. 3 (Е. А. Косминский. Дипломатия периода укрепления феодальной раздробленности, стр. 153 сл., 160 сл.); см. также университетский учебник «История средних веков» под ред. С. Д. Сказкина, Е. В. Гутновой, А. И. Данилова и Я. А. Левицкого, т. I. М., 1966, гл. 8 и 19, § 1.

удовлетворить захватнические аппетиты западноевропейского рыцарства¹⁹.

Исходя из этого представления, историк изучил перипетии развития антивизантийского курса папского Рима в последние десятилетия XI в., курса, связанного с проектами распространения владычества католических первосвященников на Константинопольскую империю. В противовес многим западным исследователям, считавшим, что политика папства по отношению к Византии обуславливалась сугубо религиозными мотивами (ликвидация схизмы 1054 г.) и бескорыстными намерениями, также определявшимися чисто религиозными соображениями спасти Византию от «восточной опасности» (к этому сводились взгляды В. Нордена, П. Хараниса и др.), М. А. Заборов последовательно отстаивает тезис о глубокой заинтересованности римского престола в подчинении греческой церкви. Он показывает, что непосредственные интересы папства (политические и фискальные) органически сочетались в его крестоносной деятельности со стремлением достигнуть основных целей, которые ставило перед собой папство в своей внутриевропейской политике. Римская церковь выступала выразительницей насущных классовых потребностей западноевропейского феодального землевладения в целом и тогда, когда добивалась включения «схизматической империи» в систему папской теократии, не только пуская при этом в ход средства дипломатии, но и подкрепляя их военным нажимом. Указанное представление подтверждается хотя бы такими фактами, как неоднократные попытки сеньоров, участвовавших в Первом крестовом походе, овладеть бывшими византийскими территориями (Бозмунд Тарентский, Раймунд IV Тулузский и др.)²⁰.

Политика римской курии, равно как и весь комплекс международных отношений, связанный с организацией папством новых крестоносно-рыцарских авантюр, стояли в центре исследования М. А. Забонова, посвященных Четвертому крестовому походу 1202—1204 гг.²¹ Сопоставив свидетельства источников — латинских хроник, папского эпископалария, Новгородской летописи, произведений Никиты Хониата и Георгия Акрополита, он отверг, как несостоятельные, старания некоторых историков папства обелить Иннокентия III, изобразив его абсолютно непричастным к изменению направления похода и тем более невиновным в гибели Византии. Напротив, было доказано, что на самом деле уклон-

¹⁹ См.: М. А. Заборов. Папство и организация Первого крестового похода.— СВ, VII, 1955, стр. 267—285; его же. Крестовые походы, стр. 25—50; его же. Папство и крестовые походы, стр. 19—43; его же. Византийская политика папства и начало крестовых походов.— СВ, XIV, 1959, стр. 27—48; его же. Крестоносцы и их походы на Восток, стр. 15—21.

²⁰ См.: М. А. Заборов. Византийская политика папства..., стр. 42, 45; его же. Крестовые походы, стр. 34, 38 сл.; его же. Папство и крестовые походы, стр. 27 сл., 36 сл.; его же. Введение в историографию крестовых походов, стр. 224 сл.

²¹ М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в.— ВВ, V, 1952, стр. 152—177; его же. К вопросу о предистории Четвертого крестового похода.— ВВ, VI, 1953, стр. 223—235; его же. Папство и крестовые походы, стр. 125—187; его же. Рец. на немецкий перевод хроники Гунтера Пэрисского, выполненный Э. Ассманном.— ВВ, XIII, 1958, стр. 300—302; его же. Введение в историографию крестовых походов, стр. 294—297.

чивая и исполненная лицемерия политика этого папы (наряду с политикой Венеции и других сил феодального Запада, подготовивших и направлявших крестовый поход) в значительной степени послужила причиной или во всяком случае одним из условий, сделавших возможным разгром Константинополя воинством креста в начале XIII в.

Для византиноведения важны, однако, не только заключения историка относительно византийской политики римской курии — эта проблема решена по-новому и в основном убедительно. Значение указанных выше работ еще и в том, что автором введен в оборот большой материал разнообразных источников, позволяющих детально и гораздо точнее, нежели это делалось до сих пор, представить картину взаимоотношений Запада и Византии в эпоху крестовых походов, а также роль папства как в европейской, так и в средиземноморской политике, особенно в период Четвертого крестового похода²².

С источниковедческими и собственно историческими тесно переплетаются историографические работы М. А. Заборова. В своих статьях, историографических экскурсах названных ранее книг, критических обзорах он рассмотрел отдельные наиболее значительные этапы научной разработки истории крестовых походов (как в зарубежной, так и в отечественной науке). Так, автор изучил труды Г. Зибеля, знаменовавшие для своего времени крутой перелом в понимании источников и самого крестоносного движения конца XI в., раскрыл историческую обусловленность выдвинутой этим немецким ученым концепции и показал научную значимость проведенного им анализа латинских нарративных памятников²³.

Большое место среди работ этого круга занимают историографические этюды, посвященные современной (в первую очередь католической) литературе по крестовым походам. Подвергнув острому критическому анализу труды С. Рэнсимена (Англия), П. Русса (Франция), А. Вааса и Г. Э. Майера (ФРГ), П. Хараниса, Дж. Брэндейджа (США) и других специалистов²⁴, в том числе доклады и выступления

²² См. также, помимо отмеченных, статью: М. А. Заборов. Из истории международных отношений в Западной Европе в конце XII — начале XIII века. — СВ, 23, 1963, стр. 120—133.

²³ М. А. Заборов. Г. Зибель и начало критической разработки источников Первого крестового похода. — СВ, 28, 1965, стр. 276—283.

²⁴ См.: М. А. Заборов. Первый крестовый поход в изображении католического мракобеса. — СВ, III, 1951, стр. 307—314; его же. Современная буржуазная историография крестовых походов — орудие пропаганды захватнических войн. — СВ, IV, 1953, стр. 307—325; его же. Апология захватнических войн под видом изучения истории крестовых походов. — ВИРА, II, 1954, стр. 110—127; его же. История крестовых походов в «Докладах» X Международного конгресса историков в Риме. — СВ, VIII, 1956, стр. 396—404; его же (в соавторстве с Р. А. Наследовой). Византия и Запад в «Трудах» X Международного конгресса историков в Риме. — ВВ, XI, 1956, стр. 330—339; его же. Новое в изучении крестовых походов в зарубежной историографии. — ВВ, XIV, 1958, стр. 298—313; его же. Рец. на кн.: A History of the Crusades, vol. I. Philadelphia, 1955. — ВВ, XVII, 1960, стр. 263—273; его же. Крестовые походы в освещении западногерманского историка. — СВ, XIX, 1961, стр. 256—273; его же. История крестовых походов в трудах западногерманских историков. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 291—311; его же. Рец. на кн.: J. A. Brundage. The Crusade. Milwaukee, 1962. — ВИ, 1963, № 10, стр. 174—176; его же. Еще одна католическая фальсификация истории крестовых походов (P. Rousset. Histoire des croisades. Paris, 1957). — ВВ, XXIII, 1963, стр. 273—286; его же.

по данной тематике на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г. (П. Лемерля, К. Каэна — Франция), М. А. Заборов выявил идейно-политическую основу построений западноевропейских и американских ученых, вскрыл в особенности тенденцию католических историков к прославлению и возвеличению «священных войн» XI—XIII вв., тенденцию к идеализации мотивов и характера последних, к приукрашиванию и реабилитации кровавых дел их участников, предводителей, организаторов. Вместе с тем он показал новое и ценное для науки, что содержится в трудах ряда современных зарубежных историков, одни из которых, исследуя крестоносную проблематику, переходят на прогрессивные позиции (К. Каэн); другие обогащают самый арсенал исследуемых проблем, вводя в него новые материалы и намечая новые исследования; третьи, во всяком случае, вносят в трактовку темы немало суждений и оценок, выдержанных в реалистическом духе (это наблюдается даже в работах консервативно настроенных авторов, таких, как А. Ваас). Сказанное относится, по мнению М. А. Заборова, и к отдельным византинистам, занимающимся крестовыми походами. Так, взгляды П. Лемерля на значение религиозного фактора в крестовых походах положительным образом отличаются от односторонне-идеалистической точки зрения П. Руссе²⁵, а воззрения того же ученого на византийскую политику в период предистории Первого крестового похода М. А. Заборов с полным основанием противопоставляет искусственной схеме американского византиниста П. Хараниса²⁶.

Интересны и наблюдения М. А. Заборова по поводу работ тех византиноведов социалистических стран, которые изучают крестоносные сюжеты, в частности взаимоотношения Запада и Византии в начале XIII в.: таковы исследования Э. Франчеса (Румынская Социалистическая Республика) и Б. Примова (Болгарская Народная Республика) о событиях Четвертого крестового похода²⁷.

Наиболее полно и даже, пожалуй, исчерпывающе разработана в историографических опусах М. А. Заборова отечественная литература по крестовым походам: ей посвящена серия статей, в которых он по сути дела «открыл» целое направление в русском византиноведении и медиевистике — отечественную историографию крестовых походов, со своими традициями, своим подходом к источникам и истолкованием событий. М. А. Заборов разыскал, собрал и изучил десятки специальных работ отечественных историков по данной тематике²⁸, в том числе забытые труды многих ученых и представителей русской общественной мысли,

Рец. на кн.: Н. Е. Meyer. Bibliographie zur Geschichte der Kreuzzüge. Hannover, 1960. — СВ, 24, 1963, стр. 290—296.

²⁵ См.: М. А. Заборов. История крестовых походов в «Докладах» X Международного конгресса историков..., стр. 403.

²⁶ М. А. Заборов. Византийская политика папства..., стр. 27—32.

²⁷ См.: М. А. Заборов. Папство и крестовые походы, стр. 178—180; его же. Рец. на кн.: К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957. — ВВ, XV, 1959, стр. 204; его же. Некоторые вопросы истории Четвертого крестового похода и международных отношений на Балканах начала XIII в. в работах болгарского историка Б. Примова. — СВ, XI, 1958, стр. 156—161.

²⁸ См.: М. А. Заборов. Крестовые походы в русской буржуазной историографии. — ВВ, IV, 1951, стр. 171—190; его же. Крестовые походы в русской

явившиеся несомненной лептой в разработку этой области истории средневековья (В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, Ф. Я. Фортинского В. Родникова, А. Попова, М. Н. Покровского и др.). При этом наряду с широко известными произведениями прославленных византинистов, чаще остальных медиевистов обращавшихся к крестоносным сюжетам (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, П. В. Безобразов и др.), М. А. Заборов привлек к исследованию такой специфический материал, как лекционные курсы по крестовым походам, читавшиеся в университетах и различных других высших учебных заведениях. Им рассмотрены и обстоятельно охарактеризованы несколько спецкурсов (Д. Н. Егорова, А. Н. Ясинского), в том числе архивные материалы, сохранившиеся от некоторых из них (О. А. Добиащ-Рождественской)²⁹.

Из статей этого цикла явствует, что труды русских специалистов, прежде всего византиноведов, несмотря на присущие им слабые стороны, отражавшие идеалистическое мировоззрение этих историков и косность их политических позиций, дали много ценного в области разработки крестоносной проблематики как в плане выявления фактического материала и толкования конкретных вопросов, так и с точки зрения понимания этого движения в целом. Особенно крупный вклад внесли византиноведы в исследование проблем истории международных отношений в эпоху крестовых походов (В. Г. Васильевский, П. П. Митрофанов и др.).

М. А. Заборов далек от того, чтобы приписывать всем трудам дореволюционных историков какие-либо особые достоинства. Смысл его исследований — в объективном изучении научного содержания и идейной направленности сочинений этих специалистов, в выяснении их классовой позиции, различий в трактовке крестовых походов учеными разной идейно-политической принадлежности и различных научных школ.

Заслуживают быть отдельно отмеченными два очерка о советской историографии крестовых походов³⁰. В них скрупулезно разобрано все написанное советскими медиевистами и византинистами (Е. А. Косминским, В. В. Стокличкой-Терешкович, Н. П. Соколовым, М. Я. Сюзюмовым и мн. др.) на эту тему и показан их вклад в ее разработку. Автор правильно указывает, что, хотя в 30-х годах в работах наших специалистов крестовые походы получили историко-материалистическую интерпретацию, фактический материал, которым они пользовались, был тот же, что и в трудах ученых XIX — начала XX в. В исследованиях послевоенного времени был сделан определенный шаг вперед: медиевисты и византиноведы, работавшие в этой области, углубленно

историографии первой половины XIX в. — ВВ, XXI, 1962, стр. 183—197; его же. Крестовые походы в русской историографии последней трети XIX в. — ВВ, XXII, 1963, стр. 227—259; его же. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в. — ВВ, XXV, 1964, стр. 121—141.

²⁹ М. А. Заборов. Из истории изучения крестовых походов в отечественной медиевистике («Крестовые походы», Курс лекций О. А. Добиащ-Рождественской). — Сб. «История и историки. Историография всеобщей истории». М., 1966, стр. 344—359.

³⁰ М. А. Заборов. Советская историография крестовых походов (30-е годы). — ЕМИРА, VII. М. — Л., 1964, стр. 301—317; его же. Советская историография крестовых походов. — СВ, 25, 1964, стр. 272—282.

рассмотрели предпосылки крестоносного движения, тщательно изучили важнейшие стадии развития международной политики на Средиземноморье в XI—XIII вв. (особенно большое значение имеют работы В. В. Стоклицкой-Терешкович и Н. П. Соколова), по-новому, с привлечением как западных, так и восточных материалов, поставили ряд кардинальных проблем истории крестоносных войн, что способствовало выявлению истинного содержания сложного военно-колониационного, окрашенного в религиозные тона движения и его роли в судьбах Византии. О втором, «крестоносном», периоде византийско-западных отношений писали также О. Г. Чайковская, Б. Т. Горянов, Н. П. Соколов, А. Я. Гуревич, Г. Г. Литаврин, К. Н. Юзбашян, Н. А. Мещерский, Я. Н. Любарский, М. М. Фрейденберг. На Западе проблемы этого периода нередко разрабатывались в тенденциозном, «антивизантийском» направлении. Естественно, что работы советских историков на данную тему носят поэтому особенно острый, полемический характер.

О. Г. Чайковская, исследуя вопрос о причинах возвышения папства в XI в., отметила антивизантийскую направленность деятельности папы Льва IX, указав, что это была общая тенденция политики папства, определившейся к середине столетия³¹.

Истории взаимоотношений Византии с крестоносцами в начале XII в. посвящено исследование Я. Н. Любарским и М. М. Фрейденбергом Девольского договора, изданного и прокомментированного ими^{31а}.

Четвертый крестовый поход, сыгравший столь трагическую роль в судьбах Византии, оставил значительный след и в русских источниках того времени. В этом отношении большой научный интерес представляет анализ Н. А. Мещерским древнерусской повести о взятии Царьграда fryагами и свидетельств других русских памятников, проливающих новый свет на драматические события 1204 г.³²

Б. Т. Горянов посвятил свою статью³³ изучению общественно-политического строя Латинской империи. Автор попытался выявить сходство и различие византийских и западных институтов и учреждений на завоеванных крестоносцами землях Византии.

Взаимоотношения Византии с Венецией в XI—XIII вв. рассматриваются в трудах Н. П. Соколова³⁴. В его фундаментальной монографии³⁵ прослеживается рост венецианской колониальной державы с X по XIII в.

³¹ О. Г. Чайковская. Проблемы возвышения папства в XI в. (К вопросу о консолидации антинародных сил в Италии).— «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 47—74.

^{31а} Я. Н. Любарский, М. М. Фрейденберг. Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комниным и Боэмундом.— ВВ, XXI, - 1962, стр. 260—274.

³² Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда fryагами как источник по истории Византии.— ВВ, IX, 1956, стр. 170—185.

³³ Б. Т. Горянов. К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи.— ВВ, XIV, 1958, стр. 85—96.

³⁴ Н. П. Соколов. Венеция и Византия при первых Палеологах.— ВВ, XII, 1957, стр. 75—96; его же. Возникновение «адриатического вопроса». — УЗ ГГУ, 43, 1957, стр. 89—108; его же. Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западными итальянскими республиками в XII и XIII вв.— УЗ ГГУ, т. 46, сер. ист.-филол., 1959, стр. 53—81; его же. Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтора столетия венецианского владычества.— Там же, стр. 31—51.

³⁵ Н. П. Соколов. Образование венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; рец.: ВВ, XXV, 1964, стр. 271—272.

и анализируется характер венецианской экспансии на Восток. Видное место в книге Н. П. Соколова отводится и рассмотрению взаимоотношений Венеции и Византии на протяжении нескольких веков. Автор считает венецианцев основными вдохновителями Четвертого крестового похода и захвата крестоносцами Константинополя. Н. П. Соколов выясняет венецианскую долю в византийском наследстве, существенно уточняя бытовавшие ранее в науке представления о территориальных приобретениях Венеции в Византийской империи. Книга Н. П. Соколова написана на основании тщательного обследования самых разнообразных источников, как документальных, так и нарративных; особенно интенсивно использованы венецианские источники, но широко привлечены также и византийские, арабские, геноуэские, славянские и западноевропейские памятники.

Немало интересных наблюдений в книге Н. П. Соколова и относительно взаимоотношений Венеции с южнославянскими государствами и даже с Киевской Русью.

Менее интенсивно разрабатывалась в последние годы византийско-западная проблематика применительно к XIV—XV вв.

Вопрос о том, как отразилась в исторических сочинениях византийских историков XV в. Дуки и Сфрандзи церковно-политическая борьба вокруг заключения унии, пересмотрен С. К. Красавиной³⁶. Автор этого интересного исследования выступает против установившегося в византиноведческой науке мнения, будто Сфрандзи выражал мировоззрение ортодоксально-православных кругов высшей византийской знати, в то время как Дука фактически был глашатаем латинофилов. В противовес этому С. К. Красавина считает, что Дуку, как и Сфрандзи, можно причислить к представителям одного и того же религиозно-политического течения. Оба они оставались на позициях православия, но для спасения Византии от турецкого завоевания готовы были пойти на заключение унии с Римом. Различия между ними состояли лишь в том, что Дука безоговорочно признавал унию, а Сфрандзи все же считал Флорентийский собор политической ошибкой, поскольку он породил подозрения у турок и заставил их ускорить свое наступление на Византийскую империю.

Бряд ли, однако, можно согласиться со столь прямолинейным отождествлением мировоззрения обоих историков. На наш взгляд, латинофильские настроения у Дуки были выражены значительно ярче, чем у Сфрандзи. Заслуживает внимания наблюдение, которое делает С. К. Красавина, разграничивая открытых латинофилов и униатов-политиков. Латинофилы (Виссарион Никейский, Исидор Русский, Агрипул и др.) не только были сторонниками унии, но и перешли в католичество, признав все его догматы. Те же группировки византийской знати, к которым примыкали Дука и Сфрандзи, ограничивались лишь признанием унии наименьшим злом по сравнению с господством турок—поэтому их патриотизм вступил в неразрешимый конфликт с религиозным благочестием.

³⁶ С. К. Красавина. Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церквей.— ВВ, XXVII, 1967, стр. 142—152; ее же. Политическая ориентация и исторические взгляды византийского историка Дуки. В кн. «Проблемы всеобщей истории». Казань, 1967, стр. 263—272.

Можно согласиться также с тезисом автора о том, что латинофильское течение в Византии не только не имело широкой социальной базы, но его масштабы были, видимо, несколько преувеличены в церковно-полемической литературе, направленной против латинян.

Как видно из сказанного, в поле зрения историков — византинистов и медиевистов находился широкий круг вопросов, касающихся экономических, дипломатических и культурных связей Византии со странами Западной Европы в IV—XIV вв.

Надо, однако, заметить, что проблема культурных и политических отношений Византии и Запада разрабатывалась в рассматриваемый период недостаточно. Мало исследовались взаимоотношения католической и православной церкви, византийская политика папства на всем протяжении истории империи, а также взаимосвязи и взаимовлияния итальянского и византийского гуманизма. Особого внимания заслуживает изучение отношений Византии с Венгрией, которые пока еще слабо исследованы³⁷.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК

Особым разделом византиноведческой науки является изучение взаимоотношений Византии со странами Востока — арабами, Ираном, Египтом, турками и т. д. Среди работ наших ученых, посвященных этой проблеме и опубликованных за последние годы, прежде всего следует сказать о трудах Н. В. Пигулевской. Ее перу принадлежит ряд исследований, охватывающих широкий круг вопросов из истории отношений Византии со странами Востока в раннее средневековье¹. В книге Н. В. Пигулевской «Арабы у границ Византии» характеризуется социальная структура арабских государств, расположенных на границах мировых держав — Византии и Ирана, в IV—VI вв. Н. В. Пигулевская рассматривает эту структуру в качестве типичной для периода разложения общинно-родовых отношений и начала формирования феодализма². В последние годы Н. В. Пигулевская продолжает интенсивно ра-

³⁷ См. А. П. Каждан. Из истории византино-венгерских связей во второй половине XI в. — AAASH, t. X, fasc. 1—3, p. 163—166.

¹ Н. В. Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. — УЗ ИВАН, т. XVI, 1958, стр. 5—30; ее же. История Мар Ябалахи и Саумы. — ПС, 2, 1956, стр. 97—108; ее же. Каталог сирийских рукописей. — ПС, 6, 1960, стр. 230; ее же. Сирийская легенда об Александре Македонском. — ПС, 3, 1958, стр. 75—97; ее же. Археология сирийской деревни. — Там же, стр. 220—223; ее же. Эдесская хроника. — ПС, 4, 1959, стр. 79—96; ее же. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. — ВВ, X, 1956, стр. 3—8; главы в кн. «История стран зарубежного Востока в средние века», под ред. Ф. М. Адамба, Е. А. Беляева, И. М. Рейснера, Л. В. Симоновской. Изд-во МГУ, 1957; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, Я. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

² Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М. — Л., 1964. Ср.: ее же. Арабы у границ Византии в IV в. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960.

ботать в области изучения политики Византии в странах Востока³. Много делается ею и по разработке проблем источниковедения и публикации новых источников по истории Ближнего и Среднего Востока⁴.

Вкладом в советское востоковедение является публикация П. В. Ернштедтом коптских текстов Государственного Музея изобразительных искусств и Эрмитажа⁵. Византийско-восточные сюжеты привлекают внимание и многих других ученых⁶. Внимательное изучение источников восточного происхождения позволило значительно расширить и уточнить наши представления о роли восточных связей и влияний в истории Византии. Все более углубившийся интерес византинистов к восточновизантийским связям позволил отчетливо выявить восточные черты в структуре и культуре византийского общества.

В августе 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов на заседаниях секции византиноведения и смежных дисциплин советские византинисты прочитали несколько докладов об отношениях Византии со странами и народами Востока. Н. В. Пигулевская рассмотрела некоторые аспекты византийско-арабских отношений в IV в. В основу своего исследования она положила малоизученный памятник — арабскую надпись-эпитафию (из Немеры), написанную набатейским алфавитом. Автор подвергла этот памятник всестороннему анализу и пришла к выводам, представляющим интерес не только для византинистов, но и для арабистов и иранистов. По мнению Н. В. Пигулевской, арабские племена в IV в. служили своеобразным буфером между Восточноримской империей и Ираном, причем каждая из сторон старалась усилить свое влияние на арабов. В IV в., как полагает автор, лишь намечаются основные линии политики Византийской и Пер-

³ Н. В. Пигулевская. Политика Византии на Эритрейском море.— ПС, 1964, № 11 (73), стр. 74—93. См. список новейших работ Н. В. Пигулевской в сб. «Эллинистический и Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 5—6.

⁴ Н. В. Пигулевская. О новых источниках по истории Ближнего и Среднего Востока.— «Историография и источниковедение истории стран Азии», № 1 (1965), стр. 126—130.

⁵ П. В. Ернштедт. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах.— ВВ, XII, 1957, стр. 218—231; его же. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.—Л., 1959; его же. Коптские тексты Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.—Л., 1959 (см. рец.: М. Э. Матъе, И. Ф. Фихман.— ВВ, XXI, 1962, стр. 218—225). См. также: П. В. Ернштедт. Два административных коптских письма арабского времени.— ПС, 4 (67), 1959, стр. 5—16; Е. Э. Гранстрем, В. С. Шандровская. Некролог и список трудов П. В. Ернштедта.— ВВ, XXVIII, 1963, стр. 319—323.

⁶ И. П. Петрушевский. Виноградарство и виноделие в Иране в XIII—XV вв.— ВВ, XI, 1956, стр. 163—176; О. Л. Вильчевский. Хронограммы Хакани.— ЭВ, XIII, 1960, стр. 59—68; С. А. Кауфман. Арабы в Сирии до ислама.— ВДИ, 1958, № 2, стр. 209—221; ее же. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии.— ВДИ, 1960, № 4, стр. 170—183; Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в.— «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960. См. также: И. Ю. Крачковский. Избранные произведения, т. I.— VI. М.—Л., 1955—1960; В. В. Матвеев, Н. А. Медников и изучение договора Омара ибн-ал-Хаттаба с христианами Палестины и Сирии.— ПС, 4, 1959, стр. 186—195; Ю. А. Солoduхо. К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э.— УЗ ИВАН, XIV, 1956, стр. 31—30; М. Чураков. Завоевание Северной Африки арабами.— ПС, 3, 1958, стр. 107—125; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960.

сидской империй по отношению к арабам, политики, осуществленной в V и VI вв.⁷

На одном из заседаний секции с докладом «Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма» выступила Е. Э. Липшиц⁸. Изучение законодательства VI—VIII вв., по ее мнению, показывает, что, хотя основой его оставалось Юстинианово право, законодательные памятники VI—VIII вв. отразили отчетливо выступающий в юридических нормах восточный характер византийского феодализма на раннем этапе его истории. В дальнейшем эти восточные черты, закрепленные в праве, не только сохранились, но и получили свое развитие в Эклоге, где (например, в титулах об эмфитевсисе и рабстве) ясно проявилось взаимодействие римского и восточного права. Развитие феодализма в Византии после VI в. осуществлялось, по мысли Е. Э. Липшиц, в формах, сходных с теми, которые сложились в странах Востока, что нашло выражение прежде всего в сохранении методов централизованной эксплуатации крестьянства, подавляющее большинство которого жило в это время номинально «свободными» сельскими общинами.

Вопросам сходства византийских и восточных форм феодализма был посвящен и доклад А. П. Каждана⁹. Исходя из того, что развитие феодальных отношений в Византии началось и сделало решающие успехи задолго до появления крестоносцев в Византии и независимо от них, т. е. представляло собой процесс внутреннего характера, автор определил своеобразие форм феодальной собственности в Византии и их отличия от западных. Он рассмотрел четыре основные формы условной собственности в Византии: пожалование на срок жизни, харистикий, пронию и арифмос. Вывод автора: условная собственность в Византии имела форму государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества людей, при этом государство стремилось строго контролировать самые условия передачи. Эта особенность византийской условной собственности, в разной степени присущая всем четырем ее формам, но прежде всего пронию и арифмосу, сближает ее с мусульманской икта.

На том же конгрессе с докладом о некоторых вопросах происхождения димов выступил Г. Л. Курбатов¹⁰. Он отрицает преемственность византийских димов и античных демов, считая димы V—VI вв. явлением, возникшим в результате развития социальной и политической жизни восточноримского города в IV в. Опираясь на данные Ливания, Г. Л. Курбатов показал, что термин «демос» употреблялся этим автором только для обозначения народонаселения города в целом и лишь в конце IV в., когда это единство исчезло, появляются δῆμοι — группировки-партии, на которые распался ранее политически целостный δῆμος.

⁷ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в.

⁸ Е. Э. Липшиц. Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма. — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.

⁹ А. П. Каждан. Формы условной собственности в Византии X—XII вв. — Там же.

¹⁰ Г. Л. Курбатов. Термин δῆμο в произведениях Ливания и вопрос о происхождении византийских димов. — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.

Доклад Р. М. Бартияна был посвящен анализу завещания Евстафия Воилы¹¹. Автор внес некоторые поправки в изданный текст памятника и доказал, что упоминаемые в нем поселения в областях Тайк и Кларджия находились в Армении, а не в Каппадокии, как полагали ранее. В связи с новой локализацией памятника и уточнением его текста автор сделал ряд свежих наблюдений относительно политики Византии в ее восточных владениях, взаимоотношений местных и византийских феодалов, отношений последних с туземным населением и т. д.

Большой интерес вызвал доклад А. В. Банк¹², на новых материалах и в широком плане поставившей проблему соотношения византийского и восточного искусства. Вопреки установившемуся мнению, что в период так называемого «македонского возрождения» процесс «ориентализации» византийского искусства отражал вкусы придворных кругов Константинополя, А. В. Банк на основе опубликованных ею серебряных изделий из собрания Эрмитажа показала, что этот процесс был связан с изменением художественных вкусов широких социальных слоев. Докладчица поставила вопрос о постоянном «сосуществовании византийских и восточных элементов» в искусстве византийских провинций; была высказана мысль о том, что в результате «ориентализации» предметов массового производства произошло слияние восточных элементов с византийской основой, что и обусловило «восточный характер» как искусства, так и всех явлений социально-экономической, политической и культурной жизни Византии.

Особо следует отметить статью В. Д. Кузьминой о значении некоторых древних русских памятников для изучения истории арабов и арабской культуры¹³.

Одна из важнейших проблем, которая с давних пор и по настоящее время занимает умы европейских и турецких историков Турции,— это особенности и конкретные формы развития раннего турецкого государства, судьбы народов, оказавшихся под властью Османской империи, отражение их культурно-исторических традиций в политико-правовой и социально-экономической сферах жизни этой обширнейшей державы средневековья.

Советский тюрколог А. С. Тверитинова, занимаясь изучением общественного строя турок-османов, пришла к выводу о влиянии византийских феодальных и правовых институтов на социально-экономические отношения в османской Турции XV—XVI вв.¹⁴

¹¹ Р. М. Бартиян. О значении завещания Евстафия Воилы (1059) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI в.).— Там же.

¹² А. В. Банк. Византия и Восток по некоторым данным прикладного искусства XI—XII вв.— «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960.

¹³ В. Д. Кузьмина. Сведения об арабах и арабской культуре в Палестине в начале 12 в. по «Хождению» игумена Даниила.— ВИМК, 1959, № 6, стр. 82—87.

¹⁴ А. С. Тверитинова. К вопросу о доминиальном землевладении феодалов-ленников в Османской империи в XV—XVI вв.— КСИВ, т. XXXVIII, 1960, стр. 26—29. См. также: ее же. Обзор журнала турецкого исторического общества «Belleten», т. XX—XXI, вып. 77—84, 1956—1957.— СВост, 1958, № 6, стр. 138—140.

Изучение этой проблемы путем сопоставления фактов ее истории с данными истории Византии, народов Балканского полуострова, Арабского Востока позволяет установить, что шариатская правовая терминология по сути фиксировала продолжавшие сохраняться местные навыки и традиции хозяйственной деятельности и быта, которые сложились у многих народов задолго до турецкого завоевания. Эти традиции и вошли составным компонентом в комплекс земледельческих культур тех экономических районов, которые завоеватели, стоявшие на более низком уровне социально-экономического развития, не смогли ни в какой мере адаптировать и существенно изменить. Наоборот, во многих случаях они сами приспособливали свои потребности, военную, экономическую и политико-административную структуру государства к исконным формам общественной и экономической организации покоренных народов.

Однако хищническая система изъятия не только прибавочного, но и значительной доли необходимого продукта у непосредственного производителя, отсутствие каких-либо подлинно действенных мер, направленных на создание условий, способствующих стимулированию более совершенных методов земледелия и ремесла, жесточайшая борьба различных группировок внутри феодального класса — все это привело к тому, что собственно турецкие области не стали центром экономического притяжения входивших в состав Османской империи стран и народов. Усиление торговых связей балканских стран, Египта, Сирии и других восточных областей с Европой, в том числе с Россией, наряду с углублением экономического кризиса и феодальной децентрализации сделали неизбежными разложение и распад империи.

В монографии А. С. Тверитиновой, посвященной этим проблемам, впервые используется неизданный турецкий свод законов XVI в. султана Сулеймана I, имеющий огромную научную ценность¹⁵.

История взаимоотношений тюркских народов с Византией в ранний период посвятил свои этюды советский тюрколог Л. Н. Гумилев.

В своем первом этюде он рассматривает малоизученную и запутанную историю древних тюрков, в частности вопрос о междоусобной борьбе в 80-х годах VI в. Автор сопоставляет данные китайских, персидских и византийских (письмо хакана в «Истории» Феофилакта Симокатты) источников, стараясь установить идентичность упоминаемых там лиц. В другом этюде Л. Н. Гумилев исследует пересказ письма кагана тюрков к императору Маврикию (приведенный в «Истории» Феофилакта Симокатты), в котором тот перечисляет свои военные победы. Это послание содержит ценные сведения по истории тюрков и соседних с ними народов в VI в. Историк согласен с Э. Шавонном в том, что автором письма был Дяньгу Дату-хан, последний хан тюрков¹⁶.

¹⁵ А. С. Тверитинова. К вопросу о крестьянстве и крестьянском землепользовании в Османской империи (XV—XVI вв.).— УЗ ИВАН, 17 (1959), стр. 3—50; ее же. Аграрный строй Османской империи. Документы и материалы. М., 1963.

¹⁶ Л. Н. Гумилев. Великая распря в Первом Тюркском каганате.— ВВ, XX, 1961, стр. 75—89; его же. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 67—76; его же. Древние тюрки. М., 1967; его же. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.

В 1967 г. вышел в свет сборник трудов советских востоковедов и византинистов, посвященный 70-летию члена-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской¹⁷. В этом сборнике опубликованы небольшие этюды советских византинистов по истории взаимоотношений Византии и стран Востока.

Г. Л. Курбатов разбирает свидетельства об арабах (живших не подалеку от границ империи), содержащиеся в произведениях антиохийского ритора Ливания (IV в.)¹⁸. В них имеется немало сведений о пограничной с арабами провинции Аравии. О самих же арабах у него говорится очень бегло. Ливаний сообщает, что арабские племена находились в различных отношениях с Ираном: одни были в значительной степени подчинены ему, другие более независимы. Во время похода императора Юлиана на Иран некоторые племена предлагали ему помощь, от которой тот отказался. В целом же свидетельства Ливания об арабах крайне скудны (в то время как материал по другим проблемам весьма обилен). Это свидетельствует о том, что в IV в. арабские племена еще не играли большой роли в жизни Византийской империи.

А. В. Банк обратила внимание на роль сирийских элементов в византийском искусстве VII—VIII вв.¹⁹ Она считает, что в нем отразилось не только централизующее влияние Константинополя, но и провинций, в частности Сирии. В связи с этим исследовательница анализирует два серебряных блюда VI в.: «Причащение апостолов» (найденно в Сирии) и «Крещение» (найденно в одном из кипрских кладов).

Таким образом, проблемы связей Византии и Востока привлекали к себе пристальное внимание специалистов. Слабо разрабатывались, однако, такие темы, как взаимодействие византийской и арабской культур, взаимное влияние восточного и византийского права. Почти совсем не изучались судьбы населения тех районов Византии, завоевание которых турками началось в XI и продолжалось до XV в.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВИЗАНТИИ С НАРОДАМИ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Значительное место в работе советских византинистов занимала история взаимоотношений Византии со странами и народами средневекового Кавказа (прежде всего с Грузией и Арменией, в течение не-

¹⁷ «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». Сб. в честь семидесятилетия члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской. М., 1967.

¹⁸ Г. Л. Курбатов. 'Αραβία и Ἀραβίαι в произведениях антиохийского ритора IV в.—Сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», стр. 67—73.

¹⁹ А. В. Банк. К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства.—Сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», стр. 77—83. О других статьях этого сборника говорилось ранее.

скольких веков входивших в пределы Византии). Особенно много интересовались этой проблемой грузинские и армянские историки, а также ученые Азербайджана, Дагестана, Краснодарского края, Абхазии.

Изучение грузино-византийских отношений сосредоточено в настоящее время в созданном в 1960 г. при Институте востоковедения АН Грузинской ССР секторе византиноведения. Покойная Н. Н. Кечакмадзе опубликовала в XV томе «Византийского временника» (1959) обзор более 70 работ византинистов Грузии¹. Среди названных там исследований последних лет четыре крупные монографии посвящены вопросам взаимного влияния дренегрузинского и византийского ремесел, древнегрузинской и византийской литератур, архитектуры и искусства. Грузинские и абхазские археологи тщательно изучают остатки византийской материальной культуры на территории Грузии; ареал распространения византийских монет свидетельствует о длительных торговых связях Византии с Грузией и Абхазией².

Византийско-грузинские отношения были устойчивыми и плодотворными. Произведения византийской литературы стали рано переводиться на грузинский язык, изучались, подвергались переработке, использовались в работах грузинских авторов; образованные грузины — как представители духовенства, так и светские лица — поддерживали тесные связи с византийскими учеными и богословами, бывали в Византии и подолгу жили там (преимущественно в Сирии и Палестине, где существовал грузинский монастырь, основанный Петром Ивером)³.

Как удалось установить посредством анализа текстов сочинений Шота Руставели, Ефрема Мцире и Георгия Мтацминдели, константинопольская юридическая школа XI в. оказала существенное влияние на мировоззрение грузинских писателей, философов и юристов⁴.

Изучались грузинскими историками и политические отношения Гру-

¹ Н. Н. Кечакмадзе. Византиноведение в Советской Грузии.— ВВ, XV, 1959, стр. 195—203.

² Д. Г. Капанадзе. Новый тип монеты Давида Строителя.— ВВ, VIII, 1956, стр. 338—343; его же. Неизданный вариант грузинской монеты XI в.— ТАбхИЯЛИ, XXX, 1959, стр. 101—104; его же. Нумизматические находки Мхетской археологической экспедиции за 1937—1948 и 1951 гг.— МАГК, I, Тбилиси, 1957, стр. 16—41; Т. Я. Абрамишвили. Находки византийских золотых монет в Гурджаани.— ВВ, XIII, 1958, стр. 282—285; Г. К. Бокучава. Обзор нумизматических фондов Гос музея Абхазии.— ТАбхГМ, II, 1957, стр. 187—197; его же. Нумизматические приобретения Абхазского государственного музея за 1957 г.— ТАбхГМ, III, 1958, стр. 109—118; М. М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг.— ТАбхИЯЛИ, XXX, 1959, стр. 121—157; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959; З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964.

³ Ш. И. Нуцубидзе. История грузинской философии. Тбилиси, 1960; Т. А. Чкония. Слово Евсевия Александрийского «О неделе (воскресении) и бесчинно играющих». — ИИРГр, II, 1960, стр. 182—223; А. В. Абуладзе. Древнегрузинский перевод «Мученичества Рипсиме и ее сподвижниц» из истории Агафангела.— Там же, стр. 145—180; Г. В. Церетели. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.); К. С. Кекелидзе. Проф. Э. Хонигман о Петре Ивере и сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита.— ТТбУ, 63, 1956, 231—245; С. И. Данелиа. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита.— ВВ, VIII, 1956, стр. 377—384; Т. С. Каухчишвили. Эпиграфические новости из Грузии.— ВДИ, 1958, № 4, стр. 129—133.

⁴ Д. К. Бакудадзе. Вопросы правового мировоззрения Шота Руставели.— «САН Груз. ССР», XXIV, 1960, № 2, стр. 245—252.

зии с Византией — как в период независимого существования страны, так и в период ее подчинения Византии⁵.

Солидным вкладом в кавказоведческую науку является труд С. Г. Каухчишвили «Georgica», представляющий собой собрание сведений византийских писателей разных эпох о Грузии⁶. В первом томе этого издания помещены сведения византийских авторов IV—V вв., во II—III томах — писателей VI в., в IV томе — византийских историков и хронистов VII—X вв., в V томе приведены отрывки из сочинений византийских авторов XI—XII вв. (Льва Грамматика, Георгия Кедрина, Никифора Вриенния, Кекавмена). Греческие тексты снабжены грузинским переводом.

Ценность сообщений византийских писателей для истории взаимоотношений Византии и Грузии, а также других народов Кавказа и Закавказья очень велика. В комментарии к греческим текстам С. Г. Каухчишвили выясняет их достоверность путем сопоставления с данными нарративных и эпиграфических источников грузинского, армянского и греческого происхождения. Особенно большое научное значение имеет новая публикация С. Г. Каухчишвили известного «Типикона» Бачковского монастыря Григория Бакуриани (1084). Публикация осуществлена С. Г. Каухчишвили по рукописи библиотеки им. Кораи на Хиосе, которую издатель датирует XI—XII вв. Опираясь на Хиосскую рукопись и древнегрузинскую редакцию «Типикона» Григория Бакуриани, С. Г. Каухчишвили предлагает важные конъектуры к прежним изданиям этого памятника. Исследователь ставит также интересный вопрос о соотношении греческой и грузинской редакций «Типикона», однако эта проблема может быть окончательно решена лишь после воссоздания полного текста грузинской версии.

Некоторые стороны грузино-византийских связей разрабатывались грузинскими историками в контакте с учеными Болгарии. Было установлено, что в IX—XI вв. в Болгарии жили армянские и грузинские поселенцы, а отдельные представители грузинской знати являлись видными полководцами империи (Григорий Бакуриани), получавшими богатые поместья в болгарских владениях Византии⁷.

Интересная страничка из истории византино-грузинских культурных связей XI в. освещена в исследовании покойной грузинской византистки Н. Н. Кечакмадзе. Крупный знаток научного творчества византийского философа XI в. Иоанна Итала, Н. Н. Кечакмадзе на этот раз посвятила свою работу рассмотрению одного из его грам-

⁵ Г. С. Атанелишвили. Сванетский вопрос в византийско-иранских дипломатических взаимоотношениях (562—590 гг.). Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Ш. Чхетия. Тбилиси на заре своей истории.— ТбПИ, 13, 1959, стр. 125—139 (автор этой работы, кстати, устанавливает, что осаду Тбилиси Ираклием следует относить не к 627 г., как это было принято, а к 626 г.).

⁶ С. Г. Каухчишвили. *Georgica*, т. I—V. Тбилиси, 1934—1963 (на греч. и груз. яз.).— См. рец.: А. Алексидзе. Сведения византийских писателей о Грузии, т. V. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1963.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 278—279; е го же. *Georgica*, т. VI—VII. Тбилиси, 1966—1967.

⁷ А. Шанидзе. Страница из историята на грузино-българските културни взаимоотношения.— ИП, № 14, вып. 4, 1958, стр. 98—104.

матико-логических трактатов⁸. Этот 64-й трактат Иоанна Итала, озаглавленный «К грамматике Авазгу. О затруднениях в некоторых вопросах грамматики», по мнению автора, был адресован известному грузинскому философу и ученому XI в. Иоанну Петрици в ответ на его вопросы касательно спорных проблем грамматики, обращенные к Италу. В трактате содержатся суждения византийского философа о языке и критика мнений древних авторов по этому вопросу (Аристотеля, атомистов, Платона, стоиков). Иоанн Итал отвергает классификацию элементов языка (элемент, слог, имя, глагол, предложение), созданную античными учеными, и дает их собственное определение. С философской точки зрения ценны рассуждения Иоанна Итала о соотношении части и целого. Хотя Итал критически относится к мнениям античных авторов, но в основных логических вопросах, поднятых в трактате, он переосмысляет по существу высказывания древних, стараясь порою примирить их друг с другом или дать им свою интерпретацию. Вместе с тем для философско-политических взглядов Итала показательным, что и в этом трактате он не прибегает к теологии при рассмотрении проблем логико-грамматического характера, а опирается лишь на силу разума.

Философско-логические и грамматические понятия грузинского ученого Иоанна Петрици, как показала исследовательница, были близки воззрениям Иоанна Итала. Петрици знал и использовал тех же авторов (Дионисий Фракийский и его комментаторы, Аристотель и др.). Сближает их не только грамматический, но и логико-философский подход к предмету. Все это наводит на мысль о возможности переписки между ними. Рассуждение автора — аргумент в пользу того, что 64-й трактат Итала был направлен Иоанну Петрици, а это, в свою очередь, указывает на тесные культурные связи между Византией и Грузией в XI в.

Н. Н. Кечакмадзе, кроме того, издала, основываясь главным образом на списках Г. Ф. Церетели, трактаты Иоанна Итала. Изданию предпослано предисловие, где дается источниковедческий анализ произведений этого византийского философа. Издание Н. Н. Кечакмадзе является важным дополнением к уже известным изданиям трудов Иоанна Итала⁹.

Значительных успехов достигло византиноведение и в Армянской ССР¹⁰. Археологический и нумизматический материал свидетельствует об интенсивных и длительных экономических связях Армении с Византией и о культурном влиянии последней¹¹. Интересные рабо-

⁸ Н. Н. Кечакмадзе. Грамматико-логический трактат Иоанна Итала. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 197—205.

⁹ Иоанн Итал. Сочинения. Ред. и предисловие (на груз. и русск. яз.) Н. Н. Кечакмадзе. Тбилиси, 1966, стр. 250.

¹⁰ К. Н. Юзбашян. Вопросы византиноведения на страницах «Вестника Матенадарана». — ВВ, XVII, 1960, стр. 236—240.

¹¹ К. Г. Кафадарян. Раскопки города Двина. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960; Х. А. Мушегян. К истории денежного обращения Двина по монетным находкам. — ИАН Арм. ССР, обществ. науки, 1956, 2, стр. 81—96; его же. Монетные находки из раскопок Двина. — КСИМК, т. 66, 1956, стр. 89—92; Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957. См. рец.: А. Л. Якобсон. — СА, 1959, № 1, стр. 324—327.

ты были выполнены армянскими историками в области источниковедения и публикации источников. В частности, Р. М. Бартикян дал новое, оригинальное толкование вызывавшей много споров среди ученых так называемой «Записи монаха Феодула», что позволяет лучше представить характер отношений византийской и армянской знати в XI в.¹²

Издан сборник армянских документов о взятии Константинополя турками в 1453 г., представляющий значительный интерес для византистов¹³, а также другие источники, имеющие большое значение для изучения истории Византии и стран Ближнего Востока¹⁴.

К. Н. Юзбашян и Р. М. Бартикян¹⁵ изучали вопросы истории классовой борьбы в Византии и Армении в XI—XII вв., а также армяно-византийских экономических и политических отношений¹⁶.

Проблемы культурных связей Армении, Грузии и Византии разрабатывались в трудах Л. М. Меликсет-Бека¹⁷ и В. К. Чалояна¹⁸.

Богатые перспективы открывает изучение рукописных богатств армянского государственного хранилища древних рукописей — Матенадарана, начатое армянскими византистами¹⁹.

В отличие от Грузии и Армении, где интерес к истории Византии и византино-кавказским отношениям зародился давно, подобная тематика, за немногими исключениями, в Азербайджане²⁰ и на

¹² Р. М. Бартикян. Относится ли прозвище *Παραδοῦναβις* к магистру Василию в памятной записи монаха Феодула? — ИАН Арм. ССР, обществ. науки, 1959, 8, стр. 80—86. Болг. пер.: Изв. БИД, XXV. София, 1967.

¹³ А. С. Анасян. Армянские источники о падении Византии. Ереван, 1957.

¹⁴ Л. Т. Гюзальян. Неизданные надписи Байбуртской цитадели. — ВВ, VIII, 1956, стр. 306—330.

¹⁵ См. выше, стр. 218 сл.

¹⁶ К. Н. Юзбашян. «Варяги» и «прония» в «Повествовании» Аристакеса Ластивертци. — ВВ, XVI, 1959, стр. 14—28; Р. М. Бартикян. К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в. — ВВ, XVII, 1960, стр. 52—56.

¹⁷ Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о датировке Псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе. — ВВ, VIII, 1956, стр. 208—222; его же. *Graeco-Byzantina* в древнеармянском *Liber epistolarum*. ВВ, XII, 1957, стр. 263—269; его же. Об армяно-грузино-латино-русской версиях греческих гомилий, связываемых с именем Иоанна Златоуста. — ВВ, XVII, 1960, стр. 70—77. Полная библиография работ по арменоведению, грузиноведению и кавказоведению издана Л. М. Меликсет-Беком (Тбилиси, 1959).

¹⁸ В. К. Чалоян. Естественные воззрения Анания Ширакаци. — ВВ, XII, 1957, стр. 156—171; В. К. Чалоян. Армянский Ренессанс. М., 1963.

¹⁹ А. Г. Абрамян. Рукописные сокровища Матенадарана. Ереван, 1959.

²⁰ Г. М. Ахмедов. Из истории некоторых городов Азербайджана IX—XIII вв. — ТИИАЗ. ССР, 13, 1958, стр. 108—129; Е. А. Пахомов. Роль нумизматических материалов в деле изучения истории. Материалы по истории Азербайджана. — ТИИАЗ, III, 1960, стр. 129—137; Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции, I, отв. ред. А. А. Иессен. — МИА, 67, 1959; А. А. Иессен. Работы азербайджанской экспедиции в 1957 г. — КСИИМК, т. 78, 1960, стр. 99—106; Р. А. Гусейнов. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960; Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VIII. Баку, 1959; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказ-

Северном Кавказе²¹ — новое явление в работах ученых, археологов, историков, этнографов²². В результате новейших археологических исследований, масштабы которых все более возрастали, было обнаружено довольно значительное количество византийских предметов и монет (или изделий с явными следами византийского влияния) в разных областях Кавказа. Установлено, что прибрежные византийские города на Черноморском побережье Кавказа (например, Севастополь) вели торговлю не только с Закавказьем, но и с народами, населявшими Северный Кавказ, — торговлю, которой не могли воспрепятствовать трудности передвижения по горной стране. Через Кавказ осуществлялись также торговые связи Руси с Византией и Ираном, а затем — и с Арабским халифатом. Данные археологии свидетельствуют о гораздо более широкой сфере распространения византийской культуры, чем это было принято думать. Новые археологические открытия привлекли внимание историков, которые, используя также материал письменных источников, разработали отдельные аспекты кавказских связей Византии за пределами Армении и Грузии. Например, по-новому была освещена проблема связей хуррамитов с Византией в 833—837 гг. во время восстания Бабека; был изучен также вопрос о расселении хуррамитов во главе с Феофобом на землях Византии²³.

Археологические материалы свидетельствуют о связях Византии и с народами Средней Азии; среди найденных в Самарканде и других местах Средней Азии монет и вещей встречаются монеты и изделия византийского происхождения, а также предметы, обнаруживающие следы византийского и даже коптского влияния²⁴.

Наибольшее внимание среднеазиатских ученых привлекла проблема политических отношений Византии и Средней Азии при Тимуре (начало XV в.). Сохранилось письмо последнего (в итальянском переводе) Иоанну VII Палеологу (регенту во время путешествия императора

ской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М. — Л., 1959. См. рец.: В. В' Струве. — ВДИ, 1960, № 3, стр. 174—183; В. А. Белявский. — Там же, стр. 183—187; Н. Ю. Ломоури. — Там же, стр. 187—191.

²¹ П. Г. Акритас. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа. — КБНИИ, XVI, 1959, стр. 197—219; Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958 (см. предисловие); Д. М. Атаев. Христианские древности Аварии. — УЗ ДагФИИЯЛ, 4, 1958, стр. 161—182; З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. Сталинири, 1959.

²² Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. — КСИИМК, 78, 1960, стр. 107—118; В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. — СА, 1959, № 2, стр. 97—118; Е. Г. Пчелина. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. — «Археографический ежегодник за 1959 г.», М., 1960, стр. 298—302.

²³ З. М. Бунятов. Бабек и Византия. — «Доклады АН Азерб. ССР», XV, 1959, № 7, стр. 613—616.

²⁴ В. А. Шишкин. К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами. — «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М. — Л., 1959, стр. 20—27; Б. Я. Ставиский. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. — ПВ, 1960, № 5, стр. 108—118; его же. «Ампула св. Минны» из Самарканда. — КСИИМК, 80, 1960, стр. 101—102.

Мануила Палеолога на Запад) от 15 мая 1402 г. Анализ этого документа и его сопоставление с данными византийских авторов были даны в нескольких работах И. И. Умнякова²⁵.

Все эти исследования показали, что роль Кавказа в отношениях Руси с Византией и странами Востока была гораздо более значительной, чем это признавалось в науке. Совместные усилия византинистов кавказских республик и византиноведов Российской Федерации и Украины могли бы привести к значительным успехам в выяснении важнейших явлений и событий истории Руси и других народов нашей Родины в IV—XV вв.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВИЗАНТИЯ И КРЫМ

Развивая лучшие традиции русской дореволюционной науки, внесшей ценный вклад в изучение истории средневекового Крыма, советские историки и археологи (А. Л. Якобсон, Г. Д. Белов, Е. В. Веймарн, В. В. Кропоткин, Д. Л. Талис, М. А. Тиханова и др.) рассмотрели взаимоотношения Византии с Крымом и византийских колоний в Крыму с Русью. Как уже отмечалось, история средневекового Крыма и его взаимоотношений с Византией послужила предметом исследований Е. Ч. Скржинской, А. М. Чипериса, И. А. Гольдшмидт, М. К. Старокадомской и других ученых¹.

Археологи, прежде всего А. Л. Якобсон, продолжали вести интенсивные раскопки средневекового Херсонеса — форпоста Византии в Крыму. В итоге были получены новые данные, в частности, позволяющие пополнить наши сведения об экономических, политических и культурных связях города с Русью и другими государствами².

²⁵ И. И. Умняков. Международные отношения Средней Азии в начале XV в. Сношения Тимура с Византией и Францией.— ТУзГУ, нов. сер., 61, 1956, стр. 179—200; его же. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в.— «Известия АН Узб. ССР», сер. обществ. наук, 1960, № 1, стр. 27—33; его же. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960; его же. Малоизвестный французский источник о Тимуре.— ТСГУ, 101, 1960, вып. 1, стр. 173—199.

¹ Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма.— В сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175; А. М. Чиперис. Борьба народов Юго-Востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50—70-х годах XV в.— УЗ ТУГУ, XVII, 1960, стр. 131—155; И. А. Гольдшмидт. Некоторые данные о ремесленном производстве в Кафе в XIII—XV вв.— СВ, X, 1957; М. К. Старокадомская. Русское торговое население генуэзской Каффы.— «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 147—154.

² А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес.— МИА, № 63, 1959. Подробнее о результатах этих раскопок см. выше, стр. 127 сл.

В последние годы А. Л. Якобсон начал археологические работы в районе сельских поселений Юго-Западного Крыма. До сего времени они были изучены очень мало. Исследователь открыл массовый археологический материал и убедительно показал различие местной культуры сельских поселений от вещей, найденных в Херсонесе. Раскрытые им поселения были земледельческими общинами с весьма примитивной системой хозяйства³. Исследования сельской периферии Крыма, проведенные А. Л. Якобсоном, были обобщены им в ценной монографии «Средневековый Крым»⁴. Раскопки крымских сельских поселений продолжаются под его же руководством⁵.

Много лет успешно ведет археологические раскопки в Херсонесе Г. Д. Белов⁶. Найдено огромное количество археологических материалов, которые систематически изучаются и обобщаются. Так, во время экспедиции 1961 г., итоги работы которой подведены сравнительно недавно, обнаружены крайне интересные вещи IV—VI вв. амфоры, краснолаковые блюда, остатки стеклянных сосудов, рыболовные крючки и спицы для вязания сетей, глиняный тигелек для плавки металла, много монет, особенно времени Юстиниана I. Вскрыты также остатки строительных сооружений IX—X вв.⁷ Раскопки в Херсонесе продолжаются⁸.

Интересны новые находки в Баклинском городище в Крыму, опубликованные Д. Л. Талисом⁹.

Советские археологи интенсивно обследуют античные и средневековые города полуострова. Для византинистов большой интерес имеют раскопки средневекового Корчева (Керчи), сменившего античный Пантикапей¹⁰. Плодотворны и весьма перспективны начавшиеся недавно подводные археологические исследования у берегов Херсонеса. Уже найдены средневековые амфоры в Карантинной бухте, самые ранние из них датируются VIII—X вв.¹¹

³ А. Л. Якобсон. Средневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма.— ВВ, XXI, 1962, стр. 165—177.

⁴ См. А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964.

⁵ А. Л. Якобсон. Раскопки раннесредневековых поселений в Юго-Западном Крыму. Археол. открытия 1966 г. М., 1967, стр. 252—254.

⁶ Об итогах разысканий, систематически им публикуемых, см. Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам).— МИА, № 34, 1953, стр. 11—31.

⁷ А. Л. Якобсон. Раскопки в Херсонесе в 1961 г.— СГЭ, XXV (1964), стр. 62—65.

⁸ Г. Д. Белов. Рельеф с вакхической группой из Херсонеса. Кратк. сообщ. о полевых археол. исследованиях Одесского гос. археол. музея 1962 г. Одесса, 1964, стр. 153—158; В. Н. Даниленко. Херсонесские акротерии (надгробные стелы IV—V вв.).— УЗ УГУ, 41 (1965), стр. 173—183; его же. Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического (1958—1964 гг.).— УЗ ПГУ, № 143, 1966, стр. 70—80.

⁹ Д. Л. Талис. Раскопки в Баклинском городище. Археол. открытия 1966 г. М., 1967, стр. 255—256; его же. Средневековая клейменная амфорная ручка из раскопок Баклинского городища.— ТГИМ, 40(1966), стр. 97—100.

¹⁰ Т. И. Макарова. Средневековый Корчев. (По раскопкам 1963 г. в Керчи).— КСИА, 104(1965), стр. 70—76; И. Б. Зеест, А. Л. Якобсон. Раскопки в Керчи в 1963 г.— Там же, стр. 62—69.

¹¹ В. И. Кадеев, В. И. Вишневский. Подводные исследования у берегов Херсонеса. Археол. открытия 1966 г. М., 1967, стр. 257—258.

Д. Б. Шелов сделал в последние годы попытку обобщить накопленные наукой данные об античных, а отчасти и средневековых городах Северного Причерноморья. Ученый исходит из признания континуитета исторической жизни античных и средневековых городов Крыма и Тамани: Херсона, Керчи, Кафы, Тмутаракани и других¹². Преемственность, по его мнению, прослеживается в архитектуре и искусстве, в приемах строительного дела и формах керамики, в монетной чеканке и в произведениях прикладного искусства и ремесла. Автор развивает мысль, что через города Северного Причерноморья античная культура, воспринятая Византией, передавалась на Русь.

Вопрос о связях Херсонеса (Херсона) с Русью рассматривается Н. В. Пятышевой. Она уточняет некоторые топографические данные русских источников, связанные с осадой и взятием Корсуня русскими войсками князя Владимира.

В частности, ею показывается, что упомянутый в «Житии особого состава» «земляной путь», перекопав который Владимир овладел Херсоном, — это дорожная насыпь, пролежавшая к югу от города в заболоченной местности. Она существовала в VIII—X вв.; во время раскопок обнаружены ее остатки. Разрушение этой дамбы было первым этапом осадных действий Владимира, а порча водопровода, о которой упомянуто в летописи, — вторым¹³.

Оригинальные гипотезы о постоянных связях в сфере материальной и духовной культуры Херсонеса и Северной Африки в IV—VI вв. предложены С. А. Беляевым¹⁴.

Итак, археологические изыскания как в городах, так и в сельских поселениях средневекового Крыма, произведенные за последние годы, были весьма плодотворны: они дали большой дополнительный материал, доказывающий значительное влияние византийской цивилизации на прибрежные области и отдельные города Северного Причерноморья, особенно в эпоху раннего средневековья.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Изучение истории византийской литературы тесно связано с исследованиями по среднегреческой лингвистике. И в этой отрасли знания наметились положительные сдвиги, хотя необходимо признать, что перед советскими специалистами по византийской литературе и среднегреческой лингвистике стоит еще немало нерешенных проблем: до сего времени еще не создан сводный обобщающий курс истории византий-

¹² Д. Б. Шелов. Античные государства Северного Причерноморья и их место в истории народов СССР. — ВИ, 1965, № 11, стр. 31—42.

¹³ Н. В. Пятышева. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь. — СА, 1964, № 3, стр. 104—114.

¹⁴ С. А. Беляев. Северная Африка и Северное Причерноморье в IV—VI вв. н. э. — «VII Всес. конф. византинистов», стр. 89—91.

ской литературы, который бы содержал анализ основных этапов ее развития в связи с эволюцией общественных отношений и политических идей в Византийской империи. Вопросы византийской литературы и источниковедения пока были лишь вкратце затронуты в отдельных общих курсах по истории литературы, созданных советскими литературоведами. Отметим здесь III том «Истории греческой литературы», где дается удачная характеристика греческой ораторской прозы и поэзии V в., а также приводятся краткие сведения о византийской эпиграмме¹. Краткий обзор ранневизантийской литературы содержится в книге ныне покойного С. И. Радцига; правда, отдельные характеристики там нуждаются в уточнении (например Синесия, Василия Кесарийского)². Еще более сжато характеризуется литература V—VI вв. в книге И. М. Тронского³. Переводы отрывков из некоторых греческих авторов IV в. были помещены в вышедшей в 1960 г. антологии; здесь же, во вступительной статье (С. В. Поляковой), была дана их краткая характеристика⁴.

Написанные Е. Э. Гранстрем для учебного пособия А. Д. Люблинской по источниковедению средних веков главы об источниках по истории Византии⁵ представляют собой первый опыт подобного рода в русском и советском византиноведении. Хотя возможности автора были весьма ограничены рамками учебного пособия, ей удалось достаточно полно охарактеризовать важнейшие письменные источники — исторические произведения, документы, памятники законодательства, агнографии, различные трактаты, словари, письма, художественную литературу. Особое внимание уделено сведениям византийских авторов о славянских народах; специально выделяются данные источников о классовой борьбе. Несмотря на отдельные неточности, труд Е. Э. Гранстрем представляет значительный интерес для всех, изучающих историю Византии.

Из других общих курсов, в том или ином аспекте касающихся византийской литературы, назовем «Историю древней русской литературы» Н. К. Гудзия⁶ и «Историю русской литературы» в трех томах⁷, где затрагиваются преимущественно проблемы русско-византийских литературных связей.

В апреле 1957 г. на Берлинской конференции по вопросам византийской и новогреческой литературы был прочитан доклад З. В. Удальцовой «Основные проблемы изучения византийской литературы в советской исторической науке и задачи сборника «Византийский временник». В докладе были намечены главные этапы изучения в нашей науке

¹ «История греческой литературы», т. III. М., 1960, гл. XIII, XIV, XV, (авторы Ф. А. Петровский и М. Е. Грабарь-Пассек).

² С. И. Радциг. История древнегреческой литературы. Изд. 2. М., 1959, гл. XX.

³ И. М. Тронский. История античной литературы. Изд. 3. Л., 1957, стр. 207, 468 сл.

⁴ «Поздняя греческая проза». М., 1960.

⁵ А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, гл. I, VI, XVIII. Рец.: СВ, X, 1957, стр. 229—235; ВВ, XII, 1957, стр. 284—289.

⁶ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6. М., 1956.

⁷ «История русской литературы» (в трех томах), т. I. М.—Л., 1958, гл. I (автор — Д. С. Лихачев).

византийской литературы, а также охарактеризованы наиболее значительные труды советских ученых в этой области⁸.

Первый опыт создания в советской историографии сводного труда по истории византийской литературы принадлежит перу грузинского ученого С. Г. Каухчишвили⁹. Основной идеей автора является представление о непрерывности в развитии греческой (как античной, так и средневековой) литературы. Таким образом, византийская литература рассматривается автором как прямая преемница древнегреческой. Ее развитие, однако, происходило в иных общественных условиях, наложивших неизгладимый отпечаток на все литературные жанры. Исследования С. Г. Каухчишвили отличается от других аналогичных работ, созданных в византиноведческой науке, стремление проследить развитие художественных форм, эволюцию античных жанров, процесс развития новых литературных стилей и выработки новых литературных критериев. Автор подчеркивает и роль народов негреческой национальности (славяне, армяне, грузины) в складывании византийской культуры. В книге содержится историографический очерк изучения византийской литературы в нашей стране и за рубежом. Характеризуя византийскую литературу переходного периода (IV—начало VII в.), автор отмечает ее синкретизм, смешение и противоборство античных и христианских элементов. Для византийской литературы периода генезиса феодализма (VII—X вв.) характерны уже новые принципы: рождение ритмической поэзии, проникновение христианской идеологии почти во все сферы литературного творчества. Анализ новых поэтических критериев дается на основе сравнения творчества представителей различных школ ритмической поэзии: Романа Сладкопевца, Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Косьмы Иерусалимского; светское течение в литературе рассматривается на примере творчества поэтов Георгия Писиды и Касии. Особое место отводится гипотезе о грузинском происхождении греческого романа о «Варлааме и Иоасафе».

Византийская литература XI—XV вв. развивалась, по мнению автора, под знаком философского и литературного ренессанса и была связана с возрождением античных элементов (драма *Χοιστός Πάσχων*, романы Евстафия Макремволита, Феодора Продрома, Никиты Евгениана и др.). Несколько более схематично освещен в книге последний период истории византийского литературного творчества. В целом книга С. Г. Каухчишвили — ценный вклад в историю изучения византийской литературы.

Много интересного было осуществлено нашими учеными в сфере монографического исследования жизни и творчества отдельных, наиболее выдающихся представителей византийской литературы. Были опубликованы работы, посвященные различным памятникам византийской литературы. Большинству этих исследований свойствен историко-ведческий характер: подходя к изучению того или иного текста, подчас давно уже введенного в научный оборот, византинисты пытались

⁸ Z. V. Udaltsova. Das Studium der byzantinischen Literaturgeschichte in der UdSSR. — BBA, Bd. XIV, 1959, S. 3—20.

⁹ С. Г. Каухчишвили. История греческой литературы, т. III: Литература византийского периода. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.). См. рец.: А. Д. Алексидзе. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 334—335.

выявить те или иные новые данные, которые позволили бы использовать этот текст для лучшего понимания социальной, политической и культурной жизни византийского общества, для характеристики мировоззрения его автора, установления той социальной среды, в которой было создано изучаемое произведение.

С. В. Полякова на материале «Лавсаика» Палладия и произведений Василия Кесарийского показала характерные особенности ранневизантийской церковной идеологии IV в. Памятники эти, в частности, дают представление об отрицательном отношении монахов к производительному труду, живо рисуют картину паразитической жизни византийского монашества того времени¹⁰.

Уже упоминавшаяся в другой связи статья М. В. Левченко являлась непосредственным продолжением его исследования трудов византийского риторика и политического деятеля конца IV — начала V в. Синесия Киренского¹¹. На основании детального знакомства с обширной перепиской последнего, относящейся к различным периодам его жизни и деятельности, автор рисует положение окраинной провинции Восточной Римской империи Пентаполя в условиях кризиса рабовладельческих порядков и борьбы с постоянными набегами варваров. Заслугой М. В. Левченко было то, что он из груды разнобразного материала (бытового, биографического, культурно-исторического), которым изобилуют письма Синесия, сумел не только извлечь наиболее важные для историка сведения, характеризующие жизнь высшей пентапольской знати, к которой принадлежал сам автор писем, но и драгоценные известия об экономике, социально-политической борьбе и положении народных масс этой провинции. Это исследование внесло ряд уточнений в оценку мировоззрения Синесия и его политической деятельности как представителя высшей рабовладельческой знати — куриалов Пентаполя. Отказавшись от идеализации Синесия, свойственной западной историографии, М. В. Левченко отчетливо выявил социальную направленность его произведений.

Богатый землевладелец и аристократ, даже превратившись в церковного сановника, не оставляет своих научных занятий, пытаясь в изысканных хитросплетениях богословско-философских рассуждений примирить в какой-то степени неоплатонизм с христианством. В одном из писем он пишет, что убеждения, внесенные в его душу наукой, не могут быть уничтожены, что он верит в предсуществование души, утверждает вечность мира, не согласен с главным догматом христианства — учением о воскресении мертвых¹².

По своим политическим убеждениям Синесий, как показал М. В. Левченко, являлся идеологом муниципальной знати, ярким приверженцем рабовладельческого строя, сторонником сильной монархической власти. Но мудрый монарх должен, согласно Синесию, прислушиваться к советам философов и знати, опираться на туземную армию

¹⁰ С. В. Полякова. Ἐφ' ὧν διὰ τὸν χριστὸν τοὺς τίχους τερῶ (о некоторых особенностях раннемонашеской идеологии и быта согласно «Лавсаику» Палладия и сочинениям Василия Великого). — ВВ, XIV, 1958, стр. 185—189.

¹¹ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синесия. — ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

¹² Там же, стр. 13.

и отвергать опасные услуги наемников-варваров. М. В. Левченко убедительно показал, что многочисленные письма Синесия представляют собой первоклассный источник для воссоздания жизненно правдивой картины общественных отношений и социально-политической борьбы в Пентаполе V в. Особенно большую ценность эпистолярное наследие знаменитого ратора имеет для характеристики внутренней организации городов Киренаики и упадка сословия куриалов, интересы которых столь активно защищал ученый епископ Птолемаиды. Исследование М. В. Левченко о Синесии еще раз убеждает нас в сложности идейной борьбы в ранней Византии в эпоху взаимовлияния и острых столкновений античного и христианского мирозерцаний.

Изучением «Дигениса Акрита» как источника по истории Византии много лет занимался А. Я. Сыркин. Им был осуществлен русский перевод Гротта-Ферратской версии эпоса, а также написаны статьи и комментарии к этому переводу¹³. А. Я. Сыркину принадлежат, кроме того, обзор истории научного изучения «Дигениса Акрита»¹⁴ и несколько других интересных этюдов, содержащих анализ различных сторон эпоса¹⁵. Все эти материалы послужили основой для содержательной монографии того же автора, всесторонне характеризующей поэму¹⁶.

Уже в одной из ранних статей А. Я. Сыркин относил создание первоначальной редакции памятника к 970—1020 гг. «Дигенис Акрит» представляет собой, по высказанному им тогда мнению, народный в своей основе эпос, отразивший, однако, в известных нам версиях отдельные черты феодальной идеологии, в частности идеологии провинциальной военной знати, стремившейся к независимости от центральной власти. В статье об исторической идентификации действующих лиц поэмы автор стремился выявить реальную историческую картину, в рамках которой протекает действие эпоса¹⁷.

В книге А. Я. Сыркина на широкому культурно-историческом фоне выясняется значение памятника как исторического источника. Наибольшие затруднения встают перед исследователем при определении историчности персонажей прославленного византийского эпоса. А. Я. Сыркин с достаточным основанием отвергает возможность идентификации самого Дигениса Акрита с кем-либо из известных деятелей византийской истории. Некоторые же второстепенные персонажи поэмы остроумно отождествляются автором с исторически существовавшими лицами. Особенно много споров в научной литературе вызвал вопрос о возможности установления личности императора, упомянутого в поэме.

¹³ «Дигенис Акрит». Перев., статьи и комм. А. Я. Сыркина. М., 1960, стр. 218.

¹⁴ А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». — ВВ, XVII, 1960, стр. 203—226. См. также его рецензию на кн. «Digenes Akritas», ed. by J. Mavrogordato (Oxford, 1956). — ВВ, XII, 1957, стр. 340—347.

¹⁵ А. Я. Сыркин. Заметки о «Дигенисе Акрите». — КСИНА, 1963, вып. 63, стр. 160—172; его же. Поэма о Дигенисе Акрите как исторический источник (автореф. канд. дисс.). М., 1962.

¹⁶ А. Я. Сыркин. Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964.

¹⁷ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». — ВВ, XVIII, 1961, стр. 124—149.

Думается, автор монографии поступил правильно, признав невозможность разрешения этой проблемы¹⁸.

Кропотливая исследовательская работа проведена А. Я. Сыркиным по датировке памятника. На основании внутренней критики поэмы, анализа отдельных исторических реминисценций он приходит к выводу, что основное действие эпоса происходит, видимо, в 30—60-х годах X в., исторический же фон поэмы значительно шире и охватывает около двух столетий византийской истории (от правления императора иконоборца Феофила до царствования Василия II).

Значительное внимание уделяет А. Я. Сыркин социально-политическим идеям эпоса. Эта проблема была впервые поставлена в советской историографии, хотя социальная направленность поэмы уже в прежних работах оценивалась нашими специалистами по-разному. Так, А. В. Банк еще в конце 30-х годов признавала народную основу эпоса. Образ Дигениса, по ее мнению, воплощал черты, характерные для витязя X—XI вв. Сравнивая поэму о Дигенисе Акрите и армянский эпос о Давиде Сасунском, она заключала, что византийский эпос в большой степени отражает породившую его феодальную среду и обнаруживает значительно меньше признаков, которые бы указывали на его народные истоки¹⁹.

Феодальную окраску эпоса о Дигенисе Акрите был склонен отнестись и А. П. Каждан. Он отрицательно относился к гипотезе о павликианском происхождении поэмы. А. П. Каждан рассматривал эпос о Дигенисе Акрите как аристократическое произведение, возникшее в среде византийской феодальной знати и призванное прославлять ее воинские подвиги и добродетели²⁰. В противовес этому М. Я. Сюзюмов считал, что эпос сложился среди свободного крестьянства, в стратотских массах, еще в дофеодальный период истории Византии, когда именно стратоты отстаивали независимость страны²¹. Он также, впрочем, был скептически настроен по отношению к теории павликианского происхождения эпоса. Некоторую связь поэмы о Дигенисе Акрите с народными песнями, воспевавшими вождей павликиан Хрисохира и Карвеаса, констатировала Е. Э. Липшиц²². В. Д. Кузьмина, изучавшая многие годы русскую редакцию эпоса «Девгениево деяние», в свою

¹⁸ См. также: А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы византийского эпоса. 1. Дигенис и император. 2. Хронологические заметки.— ВВ, XIX, 1961, стр. 97—119.

¹⁹ А. В. Банк. Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский.— «Давид Сасунский». Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, 1939, стр. 143—147.

²⁰ А. П. Каждан. Рец. на книгу: Н. Grégoire. Digénis Akritas. N. J., 1942.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., т. V, 1948, № 2, стр. 211—214; его же. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии.— ВВ, V, 1952, стр. 86—88; его же. Византийская армия в IX—X вв.— УЗ ВЛГПИ, 1954, стр. 18—31; его же. Деревня и город., стр. 367—368.

²¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборческого движения в Византии.— УЗ СвГПИ, 1948, вып. 4, стр. 65, 78.

²² Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в.— ВВ, V, 1952, стр. 60—61; ее же. Очерки истории византийского общества и культуры. Л., 1961, стр. 158—159.

очередь полагала, что греческая поэма сложилась на основе устного народного творчества VIII—IX вв.²³

А. Я. Сыркин, выясняя идейное содержание эпоса и его социальную направленность, склоняется к тому, что в поэме о Дигенисе Акрите получила выражение идеология феодальной провинциальной знати, стремившейся ограничить центральную власть. Художественным воплощением такого рода устремлений является образ независимого и гордого в отношении могущественного василевса ромеев Дигениса Акрита²⁴. По своим религиозно-этическим воззрениям анонимный автор эпоса — ортодоксально настроенный, хотя и чуждый религиозного фанатизма христианин. Подчас наивная христианская ортодоксальность уживается в поэме с рудиментами языческих, дохристианских верований.

В эпосе причудливо переплетаются эпическая гиперболизация образа главного героя с психологическим реализмом, фольклорные черты — с книжной ученостью, реальность бытового фона²⁵ со сказочностью некоторых сюжетных коллизий. Все эти особенности идейного и художественного содержания поэмы убедительно раскрыты автором. В целом книга А. Я. Сыркина — оригинальное исследование, проливающее новый свет на один из замечательных памятников не только византийской, но и мировой литературы. В необозримом море научных трудов об этом эпосе книга А. Я. Сыркина займет свое, и притом заметное, место.

Р. М. Бартикян, вслед за Н. Адонцем и А. Грегуаром, связывает происхождение эпоса о Дигенисе Акрите с эпическими сказаниями, бытовавшими среди грецизированного населения Западной Армении в IX—XI вв. Вместе с тем Р. М. Бартикян является сторонником гипотезы, по которой истоки византийского эпоса надо искать в истории павликианского (тондракитского) движения как в Западной Армении, так и в самой Византии. Поэтому он полагает, что отдельные черты византийского эпоса, а также его персонажи могут быть объяснены и идентифицированы лишь посредством изучения народного творчества и истории армян²⁶.

На основе привлечения армянских источников (Григора Нарекаци, Фомы Арцруни, Мовсеса Хоренаци, эпоса о Давиде Сасунском, сочинения Аристакаса Ластивертци и др.) и их сопоставления с греческими Р. М. Бартикян предпринял новую попытку идентификации некоторых персонажей поэмы о Дигенисе Акрите с историческими личностями армянской истории²⁷. Так, он отождествляет фигурирующего в эпосе эмира Меферке Аплорравда с Абу-ль-Вардом I, современником упомянутых

²³ В. Д. Кузьмина. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния». — ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 73—77; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние. М., 1962.

²⁴ А. Я. Сыркин. Социально-политические идеи эпоса о Дигенисе. — ВВ, XX, 1961, стр. 129—155.

²⁵ А. Я. Сыркин. Сведения «Дигениса Акрита» о византийском быте и памятниках материальной культуры. — ВВ, XXI, 1962, стр. 148—164.

²⁶ Р. М. Бартикян. Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для арменоведения. — ИФЖ, 1963, № 3(22), стр. 185—194 (на арм. яз. с русск. резюме).

²⁷ Р. М. Бартикян. Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите. — ВВ, XXV, 1964, стр. 148—166. Фр. пер.: REA, III, 1966.

выше Хрисохира и Карвеаса. Храбрый богатырь Ангилла, по мнению Р. М. Бартияна, не кто иной, как герой народных армянских сказаний могучий исполин Ангеля, о баснословной силе которого писал Мовсес Хоренаци. Ангеля был родом из Ангелены (Ангилла — в провинции, или феме, Месопотамии). Термин «сатрапы», встречающийся в византийском эпосе, армянский исследователь также объясняет, исходя из того, что сатрапы имелись в Юго-Западной Армении. Ахайя, по его мнению, это не область в Пелопоннесе, а пограничная крепость Мананали на византийском Востоке — крупный центр павликианского движения, сохранивший свое название от традиционного наименования павликианских общин²⁸.

Интересны и решения частных вопросов автором, например его гипотеза о том, что упоминание в Андросской стихотворной версии и в некоторых других редакциях эпоса имени императора Никифора вместо Романа является простой ошибкой писца, который прилагательное *νικηφόρος* — «победоносный» принял за имя собственное²⁹.

На наш взгляд, соотношение византийского эпоса о Дигенисе Акрите с армянской народной эпической поэзией и связь его истоков с павликианским движением — проблемы, еще нуждающиеся в дополнительной разработке.

Для истории византийской литературы XII в. немаловажное значение имеют работы А. П. Каждана, С. В. Поляковой, А. Д. Алексидзе и др.

А. П. Каждан издал неопубликованные политические стихи византийского поэта XII в. Феодора Продрома по греческой рукописи № 458/437 (XV в.), хранящейся в Государственном Историческом музее в Москве³⁰. Эти стихи были написаны Феодором Продромом по случаю рождения Алексея Комнина, сына севастократора Андроника. Каждан относит это событие к 1140 г. и тем самым точно датирует памятник. В предисловии к публикации стихов Феодора Продрома дается краткий очерк жизни и творчества поэта. Делается попытка путем остроумных сопоставлений уточнить даты рождения и смерти Продрома. Как полагает А. П. Каждан, он родился около 1100 г. и уже к 1118 г. стал придворным поэтом Ирины Дукени, а примерно с 1130 г. — императора Иоанна II, победы которого восторженно восхвалял в своих стихах. В 1143 г. поэт оплакал кончину этого императора, которая внесла тяжелые перемены и в жизнь самого Продрома. При императоре Мануиле I он попал в опалу, его карьера придворного поэта оборвалась; удручаемый бедностью и болезнями, он нашел убежище в монастырском приюте в Константинополе, где и окончил свои дни в глубокой старости около 1170 г.

Любопытна попытка автора предисловия сблизить Продрома и Псевдо-Продрома, однако этот сложный вопрос, по справедливому суждению самого А. П. Каждана, может быть разрешен лишь после публикации всего их литературного наследия.

А. П. Каждан стремится определить и социально-политическую на-

²⁸ Р. М. Бартиян. Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите. — ВВ, XXV, 1964, стр. 163—165.

²⁹ Там же, стр. 165—166.

³⁰ А. П. Каждан. Два новых византийских памятника XII столетия. 1. Продром и его стихи на рождение Алексея Комнина. — ВВ, XXIV, 1964, стр. 58—83.

правленность художественного творчества Феодора Продрома. По его мнению, Феодор Продром принадлежал к низшим слоям феодалов, которые составляли основную опору династии Комнинов. Стихи Продрома проникнуты феодальной идеологией: он высоко чтит знатность, рода и богатство, отвергает идею равенства, презирает выходцев из торговцев и ремесленников, воспекает воинские доблести и подвиги феодальной знати. Но при всей феодальной ограниченности мировоззрения Продром — умный и образованный писатель, вдумчивый и наблюдательный художник, сочетающий в своем творчестве мягкий юмор с высокой трагедийностью. Особенно сильной стороной поэтического творчества Продрома автор считает проникновение поэта в жизнь простого, маленького человека с его горестями и радостями. В этой человечности Продрома — его значение как художника.

Изданный А. П. Каждном памятник интересен не только в качестве образца творчества Продрома: это исторический источник, богатый бытовыми деталями из жизни византийской феодальной знати. Для историков Руси интересно упоминание этнонима «галаты». Галатию А. П. Каждн отождествляет с Галицкой Русью³¹.

Вместе со стихами Феодора Продрома А. П. Каждн издал второй, неизвестный памятник XII в., на этот раз канонического характера: синодальное постановление 1166 г. о запрещении браков между родственниками седьмой ступени. По предположению А. П. Каждна, оно было издано императором Мануилом I Комниным с целью поставить под контроль брачные союзы знати³².

К этому же кругу исследований А. П. Каждна близка его работа, посвященная памятникам византийской хронографии X в.³³ В первой части работы он анализирует так называемую Хронику Продолжателя Феофана. Эта хроника явно распадается на четыре части, написанные, по-видимому, в разные годы и разными людьми. Первая часть, охватывающая период с 813 по 867 г., создана в царствование Константина VII, предположительно около 950 г. Ее неизвестный автор был, как считает А. П. Каждн, выразителем интересов провинциальной знати: он с презрением относился к народу и к таким «низким» занятиям, как торговля, и в то же время весьма отрицательно отзывался о столичной аристократии. А. П. Каждн исследует возможные источники, которыми пользовался автор этой части хроники. Вторая часть («Житие Василия I») написана, по мнению ученого, самим Константином VII после 948 г. Это светская биография, составленная, с одной стороны, по позднеантичным образцам, с другой — по образцам византийской житийной литературы; она близка другим описаниям жизни Василия I, но отличается возвеличиванием этого императора; автор этой части хроники пользуется в основном устной традицией. Третья часть, доводящая изложение событий до 948 г., текстуально очень близка к хронике Логофета, составлена она в правление Никифора Фоки. Четвертая часть, где говорится о событиях 948—961 гг., написана, очевидно, в 962—963 гг. непосредственным свидетелем.

³¹ А. П. Каждн. Продром и его стихи..., стр. 77.

³² А. П. Каждн. Синодальное постановление 1166 г. (по рукописи ГИМ 445/322). — ВВ, XXIV, 1964, стр. 84—90.

³³ А. П. Каждн. Из истории византийской хронографии X в. — ВВ, XIX, 1961, стр. 76—96; XX, 1961, стр. 106—128; XXI, 1962, стр. 95—117.

лем событий. Ее автор явно показывает свою симпатию к аристократическим родам, особенно к временщику Иосифу Вринге. А. П. Каждан считает, что он был близок к нему. Возможно, автором этой книги был известный писатель Феодор Дафнопат, но этот вопрос остается спорным.

Затем А. П. Каждан исследует источники, повествующие о событиях третьей четверти X в., — хроники Скилицы и Льва Диакона. Первая охватывает период с 811 г. до середины XI в. События до 945 г. обрисованы по хронике Продолжателя Феофана, более поздние — вне зависимости от дошедших до нас памятников, хотя имеются некоторые точки соприкосновения с «Историей» Льва Диакона.

Как показал М. Я. Сюзюмов, Скилица использовал для характеристики периода 945—976 гг. два источника, различающиеся отношением их авторов к императору Никифору Фоке. Первый и главный, которому свойственно резко отрицательное к нему отношение, написан, как считает А. П. Каждан, около 1000 г. За второй источник иногда принимали «Историю» Льва Диакона, но А. П. Каждан согласен с М. Я. Сюзюмовым, полагающим, что Скилица и Лев Диакон пользовались общим источником, представлявшим собой, по-видимому, историю рода Фок. М. Я. Сюзюмов датирует эту историю временем после 985 г.; А. П. Каждан доказывает, что она составлена в правление Никифора Фоки (963—969). Для освещения периода 969—976 гг. первый источник был, по-видимому, единственным. Лев Диакон, по мнению А. П. Каждана, описывая события 959—969 гг., пользуется в основном этой не дошедшей до нас историей Фок, а также и устной традицией. Период 969—976 гг. описывается у него иначе, чем в хронике Скилицы, и, по-видимому, самостоятельно. Лев Диакон сильно подражал Агафию Миринейскому. По своим политическим взглядам он был сторонником крепкой государственной власти^{33а}.

В заключение А. П. Каждан исследует еще один памятник того времени — «Книгу царей», автором которой признают Генесия (в последнее время эта точка зрения подвергается сомнению). Это произведение охватывает период 813—886 гг., т. е. тот же, что и две первые части Хроники Продолжателя Феофана. Обе книги очень близки друг к другу. Среди специалистов широко распространено представление Ф. Гирша, будто «Книга царей» послужила источником Хроники Продолжателя Феофана. А. П. Каждан, сравнивая оба памятника, приходит к выводу об ошибочности этой точки зрения. В отношении периода правления Василия I он утверждает, что, скорее всего, Продолжатель Феофана послужил источником для «Книги царей» или же она восходит к общему источнику, причем Хроника Продолжателя Феофана стоит ближе к нему. Та часть, где говорится о предшественниках Василия I, восходит, по предположению А. П. Каждана, к не дошедшей до нас хронике или черновым заметкам и архивным материалам. При этом он указывает, что Хроника Продолжателя Феофана более достоверна, чем «Книга царей».

В последние годы внимание А. П. Каждана привлекло творчество византийского писателя и ритор XII в. Григория Антиоха, незаслу-

^{33а} А. П. Каждан. Эксерпты Скилицы. — «Изв. на Инст. за ист.», 14—15, 1964, стр. 529—544; его же. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате. — BSl, 24, 1963, p. 4—31.

женно забытого в византиноведческой литературе. В основу исследования положены рукописные материалы из архива известного русского эллиниста Н. И. Новосадского, содержащие некоторые неизданные письма и речи Григория Антиоха³⁴. А. П. Каждан уточняет биографию писателя и характеризует его мировоззрение. Григорий Антиох был уроженцем Константинополя, окончил школу риторов, но затем покинул «сладкий сад» наук и поступил на государственную службу. Писатель прожил беспокойную и трудную жизнь, испытал превратности судьбы, «пережил подъемы и падения, ласку и немилость самодержцев». Он использовал свой талант оратора на службе разных государей, умел приспосабливаться к различным режимам, «отказываться от старых кумиров и отворачиваться от старых друзей». По мнению автора, вся жизнь и творчество Григория Антиоха — «памятник приспособления и компромисса».

По своим социально-политическим взглядам Григорий Антиох, как убедительно показывает автор, принадлежал к той группировке господствующего класса Византии, которая тесно связала свою судьбу с централизованным бюрократическим государством и противилась тенденциям к феодальному развитию страны³⁵. Из двух группировок, борющихся за власть в XII в., — феодальной знати и столичного чиновничества — Антиох отдал свои симпатии второй. Он — сторонник неограниченной монархии, но опирающейся на синклит; он хотя и поборник абстрактного, идеального равенства людей, но по существу превозносит знатность и богатство, вовсе не требуя социального переустройства мира.

Художественное творчество Григория Антиоха целиком находится в сфере средневекового мирозерцания, соединяя отвлеченный спиритуализм с натуралистичностью деталей. Натурализм Антиоха, как подчеркивает автор, отнюдь не означает распада средневековой формы видения мира, он вырастает на средневековой почве. Традиционность образов, метафор и эпитетов порою, однако, сменяется у писателя живыми картинками реальной действительности, а скучная и многословная риторика сочетается с индивидуальным восприятием различных сторон бытия.

В целом же Григорий Антиох принадлежал к той плеяде византийских писателей, которые являлись выразителями и хранителями консервативных традиций средневековой византийской литературы.

В приложении к своей работе А. П. Каждан публикует неизданные письма Григория Антиоха и анализирует сведения этого писателя об истории северных областей Балканского полуострова.

Другая работа А. П. Каждана посвящена изучению жизни и литературной деятельности византийского публициста XII в. Евстафия Солунского³⁶. Полемизируя со многими зарубежными учеными, А. П. Каждан уточняет основные хронологические вехи жизненного пути писателя. Особенно важен вывод о том, что традиционная дата

³⁴ А. П. Каждан. Григорий Антиох. Жизнь и творчество одного чиновника. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 77—99.

³⁵ Там же, стр. 91.

³⁶ А. П. Каждан. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский, ч. I. Жизненный путь. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 87—106; ч. II. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 60—84; ч. III. — ВВ, XXIX, 1968, стр. 177—195.

поставления Евстафия архиепископом Солуни (1174—1175) нуждается в проверке и вызывает сомнения. Путем сопоставления самых разнообразных сведений источников А. П. Каждан предлагает новую датировку этого события. По его мнению, Евстафий стал архиепископом Солуни и переехал в этот город около 1179 г. Автор подвергает пересмотру и другие традиционные даты биографии Евстафия Солунского, в частности дату бегства архиепископа из этого города (вследствие мятежа горожан против своего духовного пастыря).

Исследование А. П. Каждана помогает более точно и последовательно воссоздать биографию Евстафия Солунского, датировать важнейшие события его жизни и определить время написания многих его произведений.

Византийский роман эпохи классического средневековья послужил предметом разысканий С. В. Поляковой³⁷ и А. Д. Алексидзе³⁸.

С. В. Полякова осуществила перевод с греческого на русский язык «Любвных писем» Аристенета (VI в.) и прозаического романа Евстафия (Евматия) Макремволита «Повесть об Исминии и Исмине». В своей статье «Из истории византийской любовной прозы» (стр. 113—134) автор анализирует творчество упомянутых писателей. По ее мнению, Евстафий Макремволит — вовсе не эпигон эллинистических романистов, каким его иногда представляют, а оригинальный автор средневековой эпохи. Миросозерцание средневековья нашло у него выражение в символическом истолковании фактов реальной действительности, в превращении повторений в художественный метод, в энigmatичности (построение фразы наподобие загадки). Все это придает прозе Макремволита эмоциональную приподнятость и поэтичность.

Работа С. В. Поляковой выполнена с блеском, характеризуется высокой акрибией, написана прекрасным стилем.

А. Д. Алексидзе анализирует романы Евстафия Макремволита, Феодора Продрома и Никиты Евгениана. Он считает, что, хотя творение Евстафия Макремволита генетически восходит к эллинистическому роману, в нем значительно упрощена приключенческая линия повествования, зато усложнено описание любовных отношений. Герои Макремволита — живые лица, носители либеральных идеалов своего времени. Что же касается романа Феодора Продрома, то в художественном отношении он стоит ниже произведения Макремволита, ибо этот роман риторичен, обременен учеными реминисценциями и эклектичен. В отличие от своих собратьев по перу Никита Евгениан, по мнению А. Д. Алексидзе, во многом обогатил жанр романа реалистическими, бытовыми деталями, придал ему более демократический характер³⁹.

В. С. Шандровская избрала темой своих научных занятий басенный эпос поздневизантийской эпохи. Она подчеркнула его значение для правильного понимания прогрессивных идей народной византийской ли-

³⁷ С. В. Полякова. Византийская любовная проза. М.—Л., 1965. См. рец.: Ю. Рюриков.—НМ, 1967, № 1, стр. 282—283.

³⁸ А. Д. Алексидзе. Византийский роман XII в.—ТТбГУ, 105(1965), стр. 83—123 (на груз. яз.); его же. К вопросу о византийском романе XII в.—«VII Всес. конф. византинистов», стр. 100—101; ср. А. Каждан. Bemerkungen zu Niketas Eugenianos.—JOBG, 16, 1967, S. 101—117.

³⁹ А. Д. Алексидзе. Языковые особенности византийского романа XII в.—ВООИГр, 1964, № 5, стр. 255—263 (на груз. яз.).

тературы XIV в. В центре внимания исследовательницы находилось са-
мобытное произведение палеологовского времени — анонимный стихот-
ворный эпос «Рассказ о четвероногих», написанный на среднегреческом
языке. Этот ценнейший памятник был изучен В. С. Шандровской глав-
ным образом по Ленинградской рукописи из фондов Государственной
публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (греч. 202 и 488),
где он соседствует с другими византийскими баснями той же эпохи —
«Рассказ о фруктах» и «Рассказ о птицах». Исследовательница подроб-
но описала эту рукопись, показав, что она дает для установления пер-
воначального текста памятника, и отметив лучшие чтения данной ру-
кописи сравнительно с другими⁴⁰. В. С. Шандровская опубликовала так-
же комментированный перевод «Рассказа о четвероногих» на русский
язык.

В другой статье⁴¹ она проанализировала особенности стиля и язы-
ка басни, выделив в ее лексике слова, употребляющиеся и в совре-
менном греческом разговорном языке, что, по-видимому, свидетельст-
вует о популярности басни в широких кругах читателей. Отмечены не-
которые особенности басни, характеризующие ее как сатиру на католи-
ческую церковь, порожденную антиуниатскими настроениями и отри-
цательным отношением представителей ортодоксально-православного
направления среди духовенства и византийской интеллигенции XIV в.
к западной церкви. Одной из причин, вызвавших антилатинские на-
строения, была, как полагает В. С. Шандровская, постоянная конку-
ренция торгово-ремесленных кругов Византии с купечеством итальян-
ских торговых республик — Венеции и Генуи; это также могло послу-
жить почвой для возникновения сатиры на католическую церковь, к ко-
торой принадлежали ненавистные для греков венецианцы и генуэзцы.
Относительно места создания басни В. С. Шандровская полемизирова-
ла с С. Ксантудидисом, настаивавшим на критском происхождении
«Рассказа о четвероногих»; с ее точки зрения, басня эта сложилась
в Византии.

На Берлинской конференции по вопросам византийской и новогре-
ческой литературы (1957) В. С. Шандровская прочитала доклад «Визан-
тийские басни в рукописных фондах Ленинграда». Используя матери-
ал басен «Рассказ о фруктах», «Рассказ о птицах» и «Рассказ о чет-
вероногих», она показала значение произведений этого жанра для изу-
чения социальных отношений, классовой борьбы и культуры Византии
XIII—XIV вв.

Специальное исследование В. С. Шандровской было посвящено ха-
рактеристике византийской басни как источника для изучения исто-
рии ремесла XIV в.⁴² Автор выявил в «Рассказе о четвероногих» све-
дения о кожевенном деле, об изготовлении шерстяных изделий и дру-
гих видах ремесленного производства в поздней Византии.

⁴⁰ В. С. Шандровская. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). — ВВ, IX, 1956, стр. 211—249.

⁴¹ В. С. Шандровская. Византийская басня «Рассказ о четвероно-
гих» (XIV в.). Художественные особенности и язык памятника. — ВВ, X,
1956, стр. 181—194.

⁴² В. С. Шандровская. Сведения о ремесле в византийском басен-
ном эпосе XIII—XIV вв. «Исследования по истории культуры народов
Востока». М.—Л., 1960, стр. 504—510.

В работах Е. Б. Веселаго исследуется важный источник XV в. — «История» Лаоника Халкокондила. Автор показала ценность свидетельств Халкокондила для изучения истории албанского народа ⁴³. Исследовательница дала литературную характеристику этого памятника, классифицировала рукописи «Истории» и отметила ее композиционные и стилистические особенности ⁴⁴.

В другой статье Е. Б. Веселаго выдвигает ряд соображений, касающихся биографии Лаоника Халкокондила: так, полемизируя с некоторыми учеными, она ставит под сомнение эмиграцию Халкокондила после турецкого завоевания Византии ⁴⁵. Совершенно по-новому оценивает Е. Б. Веселаго мировоззрение греческого историка. Категорически выступая против приписываемого ему иногда туркофильства, исследовательница считает Халкокондила греческим патриотом, одним из талантливых представителей византийского гуманизма. Патриотизм Халкокондила, как указывает автор, уживался с резкой критикой правящих кругов Византии, особенно последних Палеологов ⁴⁶. В работе Е. Б. Веселаго пересматривается вопрос об отдельных конъектурах текста «Истории» Халкокондила.

Мировоззрение другого византийского историка XV в. — Критовула — рассматривается в исследовании З. В. Удальцовой ⁴⁷. Автор показывает, что во взглядах Критовула отразились противоречия социально-политических отношений того времени. Будучи явным туркофилом и враждебно относясь к венецианцам, он одновременно в какой-то мере сохранил сочувствие к гнущемуся византийскому государству и греческой культуре.

Работа Я. Н. Любарского посвящена анализу творчества критского поэта Стефана Сахликиса ⁴⁸. Автор датирует творчество поэта второй половиной XV — началом XVI в. Он характеризует композицию, стиль, язык стихотворений Сахликиса. Я. Н. Любарский приходит к выводу, что Сахликис в целом дает реалистическое изображение жизни Крита того времени; стихи его, в частности, свидетельствуют о значительной имущественной дифференциации критского общества, о коррупции чиновничества на Крите. Такие особенности творчества Сахликиса, как грубая реалистичность, дидактико-сатирическая направленность, высмеивание духовенства, следование фольклорным традициям, позволяют, по мнению исследователя, сопоставить эти стихи с отдельными памятниками европейской предренессансной литературы.

Как уже указывалось, значительное место в исследованиях советских ученых отводится взаимосвязям древнерусской и византийской

⁴³ Е. Б. Веселаго. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах.— РВ, X, 1956, стр. 133—160.

⁴⁴ Е. Б. Веселаго. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (опыт литературной характеристики).— ВВ, XII, 1957, стр. 203—217.

⁴⁵ Е. Б. Веселаго. Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде.— ВВ, XIV, 1958, стр. 190—199.

⁴⁶ Е. Б. Веселаго. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV века Лаоника Халкокондила.— ВМГУ, ист. науки, 1960, № 1, стр. 43—49.

⁴⁷ З. В. Удальцова. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула.— ВВ, XII, 1957, стр. 172—197.

⁴⁸ Я. Н. Любарский. Критский поэт Стефан Сахликис.— ВВ, XVI, 1959, стр. 65—81.

литератур. Изучение этого вопроса неизбежно приводит специалистов к рассмотрению отдельных византийских литературных памятников.

В. Д. Кузьмина сделала интересные наблюдения в области сравнительной стилистики «Дигениса Акрита» и «Девгениева деяния»⁴⁹. Наблюдения эти свидетельствуют, по ее мнению, об известной самостоятельности русского переводчика.

Н. А. Мещерский посвятил одну из своих статей русской повести «О взятии Царьграда от фряг»⁵⁰. Повесть эта, написанная русским очевидцем событий 1204 г., представляет собой, как показал исследователь, вполне самобытное произведение и является одновременно ценным источником как по истории Византии начала XIII в., так и по истории Четвертого крестового похода. Вместе с тем эта повесть — свидетельство живого и неиссякаемого интереса, с которым воспринимались на Руси известия о судьбах Византии, связанной с русским государством тесными экономическими, политическими и культурными отношениями. Известие о взятии Царьграда крестоносцами способствовало накануне нашествия монголов развитию патриотизма в передовых слоях русского общества и чувства гордости за свою оставшуюся независимой родину. Сравнительное изучение различных списков повести, проделанное автором, позволило ему не только уточнить ее первоначальный текст, но и прийти к заключению, что повесть «О взятии Царьграда от фряг» — выдающееся произведение древнерусской литературы — была написана в Константинополе современником событий и лишь позднее включена в Новгородскую летопись и в «Еллинский летописец».

Исследования Н. А. Мещерского затрагивают вопросы сравнительного анализа греческих и славянских памятников. Опубликовав два до сих пор не изданных фрагмента из славянского перевода Малалы, Н. А. Мещерский показал необходимость тщательного критического переиздания этого перевода, важного, по-видимому, для восстановления первоначального греческого оригинала «Хроники» Малалы⁵¹. Вопрос о русско-византийских литературных связях был затронут Н. А. Мещерским и в исследовании об искусстве перевода в Киевской Руси⁵². В этой же связи можно отметить его статью относительно древнерусской повести «О Козарине и о жене его»⁵³.

Одно из своих новейших исследований Н. А. Мещерский посвятил славянским переводам ветхозаветных апокрифов, в частности книги Еноха⁵⁴. Интерес ученых к истории происхождения ветхозаветной апокрифической литературы заметно возрос в последние годы в связи с открытием так называемых Кумранских рукописей. Книга Еноха —

⁴⁹ В. Д. Кузьмина. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния», стр. 73—77.

⁵⁰ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии.— ВВ, IX, 1956, стр. 170—185.

⁵¹ Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы.— ВВ, XI, 1956, стр. 279—284.

⁵² Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси.— ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 54—72.

⁵³ Н. А. Мещерский. К вопросу о византийско-славянских литературных связях.— ВВ, XVII, 1960, стр. 57—69.

⁵⁴ Н. А. Мещерский. К истории текста славянской книги Еноха.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 91—108; его же. К вопросу об источниках славянской книги Еноха.— КСИНА, 86, 1965, стр. 75—78.

одно из наиболее сложных и значительных апокрифических произведений ветхозаветного цикла. Она объединяет ряд легенд, героем которых выступает один и тот же персонаж. В памятнике этом обнаруживают истоки двух распространенных в мировой литературе сюжетов — странствий героя по загробному миру (эта тема получила свое воплощение в гениальной «Божественной комедии» Данте) и восстания ангелов (сюжет, нашедший свое отражение в поэме Мильтона «Потерянный рай»).

Среди многочисленных разноязычных версий книги Еноха видное место принадлежит славянскому переводу. Н. А. Мещерский ставит своей задачей выяснить некоторые спорные вопросы, касающиеся славянского текста этого памятника апокрифической письменности. Прежде всего он скрупулезно анализирует соотношение пространной и краткой редакции апокрифа и приходит к убедительному выводу, что краткая редакция должна быть признана более древней, чем пространная, причем это — самостоятельное и яркое по стилю сочинение, а отнюдь не составленное механическим путем сокращенное изложение пространной редакции.

Разбирая вопрос о месте создания первоначального «Славянского Еноха» (возник ли он у южных славян или в древней Руси), Н. А. Мещерский высказывает мысль, что гипотеза А. Вайана о западноболгарском происхождении краткой редакции книги недостаточно обоснованна и нуждается в более тщательных текстологических изысканиях. Сам автор, опираясь на анализ текста древнейших списков краткой редакции славянской книги Еноха, полагает, что это произведение — памятник русского извода старославянского языка и что редакция эта возникла в Древней Руси.

В исследовании Н. А. Мещерского центральное место занимает выяснение проблемы архетипа славянской книги Еноха в ее древнейшей редакции. Ученый оспаривает сложившееся в науке мнение, будто «Славянский Енох» происходит от не дошедшего до нас греческого оригинала, иногда именуемого «Христианским Енохом» (Енох 2) — в отличие от «Иудейского Еноха», известного лишь в эфиопском переводе. Н. А. Мещерский доказывает, что сохранившиеся греческие отрывки из книги Еноха действительно восходят к эфиопской редакции (так называемый Енох 1) и не связаны со славянским переводом. Более того, он считает неверным резкое противопоставление Еноха 1 и Еноха 2 как памятников иудейских и христианских: и тот и другой в одинаковой степени могут быть названы иудейскими, ибо в их содержании отразились многие черты мировоззрения иудейских сектантов, что особенно ясно подтверждается находками Кумранских рукописей, среди которых обнаружены и отрывки из книги Еноха.

В языке же и стиле краткой редакции «Славянского Еноха» обнаруживаются черты, не свойственные ни старославянскому, ни греческому языкам, но аналогичные тем, которые встречаются в памятниках древнерусской письменности, переведенных непосредственно с еврейских оригиналов. Подобно этим памятникам, в древнейшей редакции книги Еноха мы находим отдельные древнееврейские слова, оставленные без перевода; транслитерацию собственных имен в соответствии с еврейским написанием; ряд языковых конструкций, также восходящих к древнееврейскому архетипу.

Все это приводит Н. А. Мещерского к выводу, что краткая версия славянской книги Еноха может быть причислена к произведениям, переведенным в Древней Руси с еврейского языка. Источником этого апокрифа, по мнению автора, была средневековая иудейская «Книга тайн Еноха», которая в свою очередь имеет связи с рукописями Мертвого моря.

Проблема изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. в более широком аспекте ставится Н. А. Мещерским и в другой его работе⁵⁵.

Влияние византийской литературы на древнерусскую неоднократно отмечалось советским литературоведом Н. К. Гудziem. Упомянем здесь его доклад на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г., где докладчик, признавая византийское влияние, подчеркивал самобытные черты древнерусской культуры⁵⁶.

Ряд исследований наших ученых касается взаимодействия византийской литературы с литературой восточных соседей империи, в первую очередь армян и грузин. Ш. И. Нуцубидзе выдвинул гипотезу, согласно которой автором ряда известных философских трактатов V в. («Об именах божьих», «О мистической теологии» и др.), по традиции приписывавшихся Псевдо-Дионисию Ареопагиту, был грузинский царевич Мурван (424—492), он же — майюмский епископ Петр Ивер⁵⁷. Эта гипотеза вызвала возражения С. И. Данелиа, считающего, что она не подтверждается ни греческими, ни грузинскими источниками и построена на весьма искусственных соображениях⁵⁸.

Ш. И. Нуцубидзе занимался также изучением романа «Варлаам и Иоасаф». По его мнению, роман этот — грузинского происхождения, автор его — грузин Иоанн Мосх (Месх); он категорически отвергает взгляд Ф. Дэльгера, приписывавшего авторство Иоанну Дамаскину⁵⁹.

Работы Л. М. Меликсет-Бека посвящены датировке памятников древнеармянской и древнегрузинской церковных литератур — так называемых Псевдо-Исааковых памфлетов (не позже IX в.)⁶⁰, «Книги посла-

⁵⁵ Н. А. Мещерский. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, XX, 1964, стр. 180—231.

⁵⁶ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. — IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958. Ср.: его же. Сравнительное изучение литературы в русской дореволюционной и советской науке. — ИАН СССР, Отд. лит. и яз., XIX, 1960, вып. 2, стр. 116—127.

⁵⁷ Ш. И. Нуцубидзе. Петр Ивер и проблемы ареопагитики (после Эрнста Хонигмана). Тбилиси, 1957. Основные положения Ш. И. Нуцубидзе повторены им в его капитальном труде «История грузинской философии» (Тбилиси, 1960, 591 стр.).

⁵⁸ С. И. Данелиа. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита. — ВВ, VIII, 1956, стр. 377—384. Ср. также: К. С. Кекелидзе. Проф. Э. Хонигман о Петре Ивере и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита. — ТГГУ, 63, 1956, стр. 231—245 (резюме на русск. яз.).

⁵⁹ Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956; его же. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф» (Обзор критических замечаний). — ВВ, XVII, 1960, стр. 250—257.

⁶⁰ Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о датировке Псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе. — ВВ, VIII, 1956, стр. 208—222.

ний» — важному источнику по истории армяно-византийских отношений в V—VII и IX—X вв. и др.⁶¹

В. К. Чалоян в своей статье охарактеризовал мировоззрение древнеармянского ученого Анания Ширакаци. Автор полагает, что это был один из прогрессивнейших ученых VII в., оказавший большое влияние на деятелей средневековой армянской и византийской науки⁶².

Изучая христианские литературные памятники раннего средневековья, Г. Ю. Алиев попытался проследить в них истоки распространенной в восточных литературах легенды о Хосрове и Ширин⁶³. По наблюдениям исследователя, известия о Ширин содержатся, в частности, у Феофилакта Симокатты, Евагрия Схоластика и Феофана, называющих Ширин христианкой.

Характерной чертой работ советских исследователей по среднегреческой лингвистике является интерес к проблемам взаимоотношения среднегреческого языка с языками других народов.

Так П. В. Ернштедт в своих исследованиях разобрал некоторые коптские⁶⁴ и персидские⁶⁵ заимствования в греческом языке. Значительную ценность представляют выполненные П. В. Ернштедтом публикации и комментированный русский перевод коптских текстов. Он опубликовал 77 коптских папирусов, хранящихся в Государственном Эрмитаже⁶⁶, и 103 коптских текста на папирусе, пергамене, бумаге, черепках и камне из собрания московского Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина⁶⁷. По своему содержанию это — правовые документы, личные и деловые письма, распоряжения местной администрации, счетно-хозяйственные записи, тексты религиозно-литературного содержания, фольклорные памятники.

П. В. Ернштедт дал также описание и публикацию текста двух коптофаюмских папирусов времени сасанидской оккупации Египта (около 627), хранящихся в ГМИИ. Исследовав эти папирусы, автор пришел к выводу, что они, возможно, также имеют отношение к Фаюму, поскольку в коллекции, приобретенной В. С. Голенищевым, оказались греческий и коптский папирусы фаюмского происхождения, относящиеся к периоду персидского господства в Египте. Перу П. В. Ернштедта

⁶¹ Л. М. Меликсет-Бек. *Graeco-Byzantina в древнеармянском Liber epistolarum.* — ВВ, XII, 1957, стр. 263—269; см.: его же. Об армяно-грузино-латино-русской версиях греческих гомилий, связываемых с именем Иоанна Златоуста. — ВВ, XVII, 1960, стр. 70—77.

⁶² В. К. Чалоян. Естественнаучные воззрения Анания Ширакаци. — ВВ, XII, 1957, стр. 156—171.

⁶³ Г. Ю. Алиев. Ранние христианские источники легенды о Хосрове и Ширин. — СВост., 1957, № 6, стр. 87—96. Ср.: его же. Легенда о Хосрове и Ширин в литературах народов Востока. М., 1960.

⁶⁴ П. В. Ернштедт. Южноегипетский коптзм в среднегреческом словарном составе. — ВВ, IX, 1956, стр. 154—158.

⁶⁵ П. В. Ернштедт. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах. — ВВ, XII, 1957, стр. 218—231.

⁶⁶ П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.—Л., 1959.

⁶⁷ П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.—Л., 1959. См. его же. Египетские привативные прилагательные — источник греческих словарных новшеств. — Сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 44—45 (опубликовано посмертно).

принадлежит также краткое исследование о греческом происхождении славянского слова «гайтан» — «шнур»⁶⁸.

Исследования М. М. Копыленко посвящены языку славянских переводов в сравнении с языком их греческих оригиналов. Наиболее важная статья этой серии представляет результат анализа синтаксиса древнерусского языка по материалам перевода «Хроники» Георгия Амартола. На основании исследования оригинальных текстов и славянского перевода автор приходит к выводу о самостоятельном развитии старославянского гипотаксиса. Многочисленные факты, отмечает М. М. Копыленко, дают возможность оценить высокую культуру древнерусских переводчиков, которые творчески подходили к греческому оригиналу и максимально точно передавали содержание подлинника, используя своеобразные средства старославянского синтаксиса⁶⁹. В другой статье того же автора содержится анализ гипотактических конструкций славяно-русского перевода известного памятника византийской литературы «Александрии» (конец XI — начало XII в.). Автор утверждает, что в области гипотактических конструкций переводчик «Александрии» был менее зависим от греческого оригинала, чем переводчик византийских хроник⁷⁰.

Чисто лингвистическими изысканиями занимался и Н. А. Мещерский; так, в одной из своих статей он останавливался на некоторых греческих заимствованиях, вошедших в словарный состав древнерусского языка⁷¹.

Усилиями ряда советских ученых были опубликованы и переведены наиболее важные византийские источники и дан их источниковедческий анализ. Первостепенная роль в этом деле принадлежит серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», начатой изданием в 1957 г. под редакцией академика М. Н. Тихомирова и продолженной после его кончины.

Первая публикация этой серии познакомила читателей с ценным источником по истории Византии и славянских племен Балканского полуострова в VI—VII вв. — «Историей» Феофилакта Симокатты (перевод С. П. Кондратьева, примечания К. А. Осиповой)⁷². Во вступительной статье (автор ее Н. В. Пигулевская) Феофилакт Симокатта рисуется как представитель византийской аристократии, пришедшей к власти в правление императора Ираклия. Большое внимание здесь уделяется выяснению источников произведения Феофилакта Симокатты:

⁶⁸ П. В. Ернштедт. О греческом предшественнике слова «гайтанъ». — Сб. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956, стр. 131—136.

⁶⁹ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. — ВВ, XII, 1957, стр. 232—241.

⁷⁰ М. М. Копыленко. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы. — ВВ, XVI, 1959, стр. 82—91; см. также относящуюся к этой же серии исследований статью: М. М. Копыленко. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов. — ВВ, XVII, 1960, стр. 85—92.

⁷¹ Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. — ВВ, XIII, 1958, стр. 246—261.

⁷² Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, 224 стр. (см. рец. Я. Н. Любарский. — ВВ, XVI, 1959, стр. 244—250).

ими Н. В. Пигулевская считает труды Менандра, Иоанна Лиды, Евагрия и фрагменты утраченного сочинения Иоанна Епифанийского. Н. В. Пигулевская высоко оценивает историческую достоверность «Истории» Феофилакта Симокатты, особенно важной для понимания социально-политической борьбы в Византии конца VI—начала VII в. и взаимоотношений Византии со славянскими народами и Ираном.

Второй том серии включает анонимную Псамафийскую хронику и «Взятие Фессалоники» Иоанна Камениаты — памятники первой половины X в.⁷³ Автор предисловия, перевода и комментария к Псамафийской хронике, содержащей подробный рассказ о политической и церковной борьбе в Константинополе, главным образом в правление Льва VI и Александра (рубеж IX—X вв.), — А. П. Каждан; предисловие и комментарий к сочинению Иоанна Камениаты, которое представляет собой описание осады и разграбления Фессалоники в 904 г. арабами и в особенности ценно сообщаемыми автором сведениями о ремесле и торговле Фессалоники, а также о живущих в окрестностях города славянских племенах, написаны Р. А. Наследовой. Перевод Камениаты принадлежит С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. В предисловии к «Псамафийской хронике» А. П. Каждан определяет характер памятника и социальную принадлежность ее анонимного автора; в предисловии к сочинению Иоанна Камениаты Р. А. Наследова устанавливает время его написания, выясняет социальное положение автора, его мировоззрение, степень образованности, литературные достоинства труда. С. В. Поляковой для этого же издания написана статья «О некоторых художественных особенностях «Взятия Фессалоники» Иоанна Камениаты».

Критическое издание исторического труда готского историка VI в. Иордана — «Гетики» вместе с русским переводом и комментарием, выполненными Е. Ч. Скржинской, составляет третий том серии «Памятников»⁷⁴. Е. Ч. Скржинская приходит к новым выводам относительно личности Иордана и его исторического труда. По ее мнению, Иордан был по происхождению остготом, а не аланом, как полагали некоторые ученые. Его труд был написан в Италии, скорее всего в Равенне. Полемизируя с исследователями, считавшими Иордана монахом, Е. Ч. Скржинская показала, что он не принадлежал к монашескому сословию; «обращение» (*conversio*) Иордана являлось не переходом в иную веру, а принятием ортодоксальной религии (вместо арианства).

Очередной том серии «Памятников» содержит интереснейший законодательный источник X в. — «Книгу епарха». Перевод текста, а также предисловие и обстоятельнейший комментарий выполнены М. Я. Сюзюмовым⁷⁵. В этой же серии Я. Н. Любарский опубликовал осуществ-

⁷³ «Две византийские хроники X века». М., 1959 (см. рец.: Я. Н. Любарский, А. Я. Сыркин. — ВВ, XIX, 1961, стр. 307—314; Р. М. Бартиян. — Там же, стр. 315—319).

⁷⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*). М., 1960.

⁷⁵ «Византийская Книга епарха». Вступ. ст., перев., комм. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. Им же сделан перевод отрывков из трактата Юлиана Аскалонита «О законе и об обычаях Палестины» (VI в.) — ценного источника по византийскому градостроительству. Переводу предпослана статья, где, в частности, отдельные данные трактата сопоставляются со свидетельствами «Книги епарха». См. М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита I. Вводная статья и перев. — АДСВ, I, 1960, стр. 3—34.

вленный им впервые в отечественной литературе полный перевод исторического произведения Анны Комниной «Алексиада», снабдив его скрупулезными пояснениями и содержательным введением⁷⁶.

Из переводов византийских источников, опубликованных вне серии «Памятников», следует прежде всего отметить упоминавшееся в другой связи издание «Геопоник», выполненное Е. Э. Липшиц⁷⁷. Это — первый перевод составленного при Константине VII сборника высказываний древних авторитетов по вопросам сельского хозяйства. Во введении Е. Э. Липшиц показала, что «Геопоники» отражают реальное состояние византийского сельского хозяйства в X в. Книга снабжена обширным комментарием и таблицами.

С. В. Полякова и И. В. Феленковская перевели Псевдо-Лукианов диалог «Патриот, или слушающий поучение» — по всей видимости, антимонашеский памфлет X в.⁷⁸

Выше упоминалось уже об издании перевода «Дигениса Акрита». Несколько народных песен, в том числе и о Дигенисе, восходящих к средневековому греческому фольклору, перевел В. Нейштадт⁷⁹.

Значительный интерес для изучения социальной и бытовой истории Армении и соседних с нею стран, включая в том числе и Византию, представляют собой средневековые армянские басни, перевод которых издал И. А. Орбели⁸⁰.

Л. С. Хачикян опубликовал (на армянском языке) чрезвычайно ценный и оригинальный источник по истории Армении и сопредельных с ней стран — так называемые «Памятные записи армянских рукописей XV в.»⁸¹. Это — подлинные документы своего времени; их авторы — люди из народа; они записывали факты, касавшиеся его жизни, отмечали все то, что наносило материальный и духовный ущерб крестьянам, ремесленникам и вообще трудовому люду. «Памятные записи» восполняют пробелы хроник и иных исторических документов, составлявшихся в соответствии с потребностями господствующих классов. Оценка событий в «Памятных записях» часто дается сквозь призму средневекового религиозного мышления, но приводится немало оценок и вполне реалистических, проникнутых ненавистью к эксплуататорам и захватчикам. Том, содержащий записи первой половины XV в., интересен и для историков Византии.

В последние годы арменоведы начали публикацию серии памятников «Иноязычные источники об Армении и армянах». Видное место в этом

⁷⁶ Анна Комнина. Алексиада. Вступительная статья, перев., комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965; его же. Замечания о хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комнины. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 47—56; его же. Об источниках «Алексиады» Анны Комниной. — ВВ, XXV, 1964, стр. 99—102.

⁷⁷ Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. Введ., перев. с греч. и комм. Е. Э. Липшиц. М. — Л., 1960. Рец.: «Еос», 52, 1962, р. 442—444.

⁷⁸ Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955, стр. 275—286; ср. комментарий А. П. Каждана (стр. 315—316).

⁷⁹ «Греческие народные песни». Выбрал и перевел В. Нейштадт. М., 1957.

⁸⁰ И. А. Орбели. Басни средневековой Армении. М. — Л., 1956, 180 стр. (см. рец.: И. К. Кусикьян. — ВВ, XIV, 1958, стр. 245—247).

⁸¹ «Памятные записи армянских рукописей XV в., ч. I (1401—1450 гг.)». Составил Л. С. Хачикян. — «Материалы по истории армянского народа», кн. VI. Ереван, 1955, XVI + 820 стр. См. рец.: И. К. Кусикьян. — ВВ, XII, 1957, стр. 289—291.

издании отводился переводам византийских авторов. В 1967 г. вышел в свет 5-й том этой серии (открывающий первый том византийских историков). В нем содержится перевод на армянский язык Прокопия Кесарийского, выполненный Р. М. Бартияном и снабженный его же предисловием и комментариями⁸².

Переводы византийских источников публиковались также на страницах «Византийского временника». Перевод известного географического трактата IV в. *Expositio totius mundi et gentium* был издан С. В. Поляковой и И. В. Феленковской⁸³. Е. Ч. Скржинская перевела сохранившиеся у Фотия отрывки из содержательного источника начала V в. — «Истории» Олимпиодора⁸⁴. Р. М. Бартияном осуществлен перевод важного источника по истории павликианского движения — «Полезной истории» Петра Сицилийского⁸⁵. В сопроводительной статье переводчик дал источниковедческий анализ памятника, выяснив, в частности, взаимоотношение между «Полезной историей» и сочинением Фотия «Против манихеев».

На страницах «Византийского временника» был помещен и перевод византийской сатиры начала XV в. «Пребывание Мазариса в подземном царстве»⁸⁶. В предисловии к этому переводу Т. М. Соколова показала, что основная ценность сатиры — в обличительном изображении византийского общества накануне падения империи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ГРЕЧЕСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Занятия греческой палеографией, имеющие давние традиции в нашей стране, стимулируются наличием в отечественных книгохранилищах замечательных сокровищ греческой письменности. Общее число таких рукописей, находящихся в библиотеках и архивах разных городов Советского Союза (Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси, Казани, Пскова, Еревана), достигает двух тысяч. Наиболее богатыми и многочисленными являются собрания греческих рукописей (средневековых и в меньшем числе — новогреческих) Москвы и Ленинграда. В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Отделе рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР в Ленинграде и в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР хранится около 1300 рукописей¹.

⁸² Прокопий Кесарийский. Перев. с ориг., предисловие и примеч. Р. М. Бартияна (Иноязычные источники об Армении и армянах, т. 5; Византийские источники, т. 1); Ереван, 1967.

⁸³ С. В. Полякова и И. В. Феленковская. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов». — ВВ, VIII, 1956, стр. 277—305.

⁸⁴ Е. Ч. Скржинская. «История» Олимпиодора. — Там же, стр. 223—276.
⁸⁵ Р. М. Бартиян. Петр Сицилийский и его «История павликиан». — ВВ, XVIII, 1961, стр. 323—358.

⁸⁶ «Пребывание Мазариса в подземном царстве». Перев. С. П. Кондратьева, предисловие и комм. Т. М. Соколовой. — ВВ, XIV, 1958, стр. 318—357.

¹ В Москве самыми крупными собраниями греческих рукописей являются коллекции Государственного исторического музея и Рукописного отдела

Среди них — значительное число ценнейших памятников византийского периода. Заслуживает внимания Хроника Михаила Глики в списке XIII в., отличающаяся рядом разночтений по сравнению с текстом Боннского корпуса. В позднем списке XVII—XVIII вв. уцелел греческий текст арабской «Всемирной хроники» патриарха Евтихия Александрийского. Значительный научный интерес представляют рукописи «Церковной истории» Евсевия Памфила, отрывков из «Церковной истории» Феодорита, византийских историков Симеона Логофета, Георгия Сфрандзи. Кроме сочинений исторического содержания наши собрания располагают и другими произведениями византийской письменности, как-то: словари, грамматические сочинения, произведения народной литературы, отрывки житий святых, бесед и поучений. В библиотеках Советского Союза, кроме того, хранится немало рукописей XVI—XIX вв., в том числе таких, которые могут быть использованы для изучения истории греческого народа под властью турок и освободительной борьбы греков против турецкого владычества, а также истории новогреческой литературы и языка.

Среди рукописных сокровищ отечественных архивов особое место принадлежит памятникам юридического характера и актовым материалам. Таков сборник «Вазелонские акты»². Любопытны два подлинных документа из Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде: один — купчая на участок земли, датированная 1246 г., другой — межевая запись XIII в. на земельный участок. Имеются также памятники канонического права, существенные для изучения произведений древнего русского права — «кормчих», и рукописи, содержащие новеллы византийских императоров (так, в ЦГАДА хранится пергаменная рукопись X в., в состав которой входят новеллы византийских императоров Македонской династии).

Уникальный характер и большая научная ценность средневековых греческих рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах СССР, ставят перед советскими учеными неотложные задачи по научной обработке, описанию, каталогизированию и публикации этих сокровищ. Центр всей научной работы, проводимой в Советском Союзе в области изучения памятников древней письменности, — Археографическая комиссия при Отделении исторических наук Академии наук СССР; до конца своей жизни ее возглавлял крупнейший знаток древнеславянской письменности акад. М. Н. Тихомиров. В 1960 г. в составе Археографической комиссии были организованы две новые секции — средневековой греческой и латинской палеографии; их задачей является координация усилий ученых, исследующих памятники византийской и западноевропейской средневековой письменности.

Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Отдельные рукописи хранятся в библиотеке Московского государственного университета, Государственной публичной библиотеке Украинской ССР в Киеве, Институте рукописей АН Грузинской ССР в Тбилиси, хранилище древних рукописей — Матенадаране — в Ереване, Центральном государственном архиве древних актов в Москве, Одесской государственной научной библиотеке, Псковском областном краеведческом музее, Ярославском областном архиве, научной библиотеке Харьковского государственного университета им. А. М. Горького и в хранилищах некоторых других городов.

² См. выше, гл. первую, стр. 14 сл.

Принимая во внимание интенсивность русско-византийских связей XIV—XV вв., М. Н. Тихомиров признавал возможным существование в XVI в. библиотеки московских царей, содержавшей греческие, латинские и еврейские рукописи. Он полагал, что «сокровища царской библиотеки лежат еще в подземельях Кремля»³. В одной из своих работ на эту тему М. Н. Тихомиров показал, что даже во второй половине XIII в., во времена «злой татарщины», продолжался процесс развития и восстановления культурных ценностей прошлого, процесс, который подспудно развернулся во всех русских землях спустя три-четыре десятилетия после «Батыевой рати» 1237—1240 гг.⁴ Уже в этот период, таким образом, подготавливался расцвет культуры Русского государства XIV—XV вв.

Большую работу по выявлению греческих рукописей фондов Советского Союза ведет крупнейший советский палеограф Е. Э. Гранстрем. Ею опубликованы обзоры рукописных богатств библиотек Ленинграда⁵, Еревана⁶, Калинин, Иванова, Москвы, Одессы, Пскова, Харькова, Ярославля, Тбилиси⁷. В этих обзорах нарисована краткая история и охарактеризован состав собраний греческих рукописей, выделены наиболее достопримечательные памятники. Е. Э. Гранстрем подготовила также сводный каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ — он напечатан отдельными выпусками в «Византийском временнике»⁸. Каталог представляет собой часть общего сводного каталога греческих рукописей собраний Советского Союза. Е. Э. Гранстрем ведет большую работу и в области теории греческой

³ М. Н. Тихомиров. О библиотеке московских царей.— НМ, 1960, № 1, стр. 196—202.

⁴ М. Н. Тихомиров. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига.— ВИМК, 1957, № 3, стр. 3—13.

⁵ Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде.— ВВ, VIII, 1956, стр. 192—207; ее же. Греческие рукописи Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— ТГПБ, 2 (V), 1957, стр. 211—236; ее же. Греческие рукописи Академии наук СССР, в кн. «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. II, XIX—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 272—284. В статье дано описание 277 греческих рукописей, хранящихся в этой библиотеке, в их числе и хроника Михаила Глики. Ряд рукописей интересен с точки зрения палеографии, например евангелие 891 г., написанное писцом Василием (Собрание Русского археологического ин-та, № 74). Из лицевых рукописей наиболее примечателен пергаменный литургический свиток XII в. (Собрание Русского археологического ин-та, № 1). См. о нем: Б. В. Фармаковский. Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами.— ИРАИК, VI, 1900—1901, вып. 2—3, стр. 253—259.

⁶ Е. Э. Гранстрем. Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване.— ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 619—623; ее же. Греческие рукописи в собраниях Советского Союза.— ВВ, XI, 1956, стр. 285—291.

⁷ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Гос. музея Грузии им. академика С. Н. Джанашиа. ВГМГр, XX-V, 1959, стр. 191—194.

⁸ Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. 1. Рукописи IV—IX вв.— ВВ, XVI, 1959, стр. 216—243; 2. Рукописи X в.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 254—274; 3. Рукописи XI в.— ВВ, XIX, 1961, стр. 194—239; 4. Рукописи XII в.— ВВ, XXIII, 1963, стр. 166—204; 5. Рукописи XIII в.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 166—197 и ВВ, XXV, 1964, стр. 184—211; 6. Рукописи XIV в.— ВВ, XXVII, 1967, стр. 273—294; ВВ, XXVIII, 1968, стр. 238—255.

палеографии (возникновение византийского минускула⁹, связь славянской и греческой письменности, происхождение славянской и греческой письменности, происхождение глаголической азбуки).

Проблема происхождения глаголицы — одна из самых запутанных в истории старославянской письменности. В своей работе¹⁰, основанной на изучении источников и многообразной литературы, Е. Э. Гранстрем пришла к выводу, что хотя источником глаголицы и послужило средневековое греческое письмо, однако то был не византийский минускул, как полагали ранее некоторые исследователи: глаголица, по мнению Е. Э. Гранстрем, была изобретена Кириллом, а кириллица являлась исторически сложившимся письмом. Формы глаголических букв в большинстве своем заимствованы из специфических систем греческой письменности (тахиграфия, криптография и т. д.), незнакомых даже рядовому грамотному византийцу. Эта искусственно составленная азбука никоим образом не могла соперничать с кириллицей, сложившейся на основе византийского унциального письма, которое постепенно проникало в славянские земли. Унциальные буквы можно было видеть на монетах, церковной утвари, иконах, в многочисленных надписях. Ко времени создания глаголицы у славян уже вошел в употребление византийский «устав», правда, еще «без устройства»; он и применялся в качестве «славянского письма», тогда как глаголица была непонятна и славянам, и греческому духовенству. Нежизненность глаголической азбуки объясняется, таким образом, нежизненностью и искусственностью ее источника.

В работах Е. Э. Гранстрем исследовались и другие специальные вопросы: о составе рукописей, их назначении, оформлении, различающемся в зависимости от содержания и целей рукописи, что позволяет выяснить требования, которые предъявлялись разными слоями общества к труду писца. Исследуя типы письма (литургический унциал, различные разновидности минускула) Е. Э. Гранстрем оттенила отличия книги, переписанной писцом-профессионалом, от сборника, составленного его владельцем для своих нужд¹¹.

Многое было сделано Е. Э. Гранстрем также в области изучения и издания отдельных рукописей. Ею опубликован, в частности, отрывок из медицинского трактата известного византийского медика VI в. Аэция Амидского¹²; отрывок принадлежит к числу светских произведений, которых от византийского периода сохранилось очень мало (рукопись обнаружена в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Палеографические данные позволяют датировать рукопись рубежом X—XI вв.; она написана беглым минускулом курсивного характера, предназначена для ученых занятий и поэтому почти лишена украшений. По мнению Е. Э. Гранстрем, этот отрывок из трактата

⁹ Е. Э. Гранстрем. К вопросу о византийском минускуле.— ВВ, XIII, 1958, стр. 222—245.

¹⁰ Е. Э. Гранстрем. О происхождении глаголической азбуки.— ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 300—313.

¹¹ Е. Э. Гранстрем. О некоторых приемах оформления византийских рукописей.— «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960.

¹² Е. Э. Гранстрем. Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды.— ВВ, IX, 1956, стр. 159—169.

тата Аэция был записан на слух, по объяснению преподавателя в аудитории, писцом же являлось лицо, изучавшее медицину и уже достаточно сведущее в медицинской терминологии, которая употребляется в рукописи почти без ошибок.

Вслед за академиком М. Н. Тихомировым и другими советскими учеными Е. Э. Гранстрем выступила с предложением о создании сводного печатного каталога не только греческих, но и славянских рукописей¹³.

Ею написан также интересный этюд по истории книжного дела в Византии. Помимо того, Е. Э. Гранстрем опубликовала два византийских монастырских каталога: каталог XIV в., составленный писцом Иоаннником, по-видимому, в лавре Саввы Освященного в Палестине, и список книг XV в., вероятно, Филофеева монастыря на Афоне. Первый из них, как указывает автор, дает некоторый материал о методах каталогизации книг в Византии, о которых мы знаем очень мало¹⁴.

Краткая характеристика литературного наследства Исихаста Пелусиота в связи с использованием трудов этого автора в Изборнике Святослава 1073 г. была дана в статье В. В. Данилова. Автор высказал мнение, что Исидору Пелусиоту принадлежат не все приписываемые ему письма; некоторые из них представляют собой продукт коллективной мысли; все они отличаются высокой культурой языка; в них сохраняются древнегреческие литературно-философские традиции, чем и объясняется их широкое использование на Руси¹⁵.

Краткий обзор рукописных и книжных богатств Государственного Исторического музея был дан в книге М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой «Сокровища древней письменности и старой печати». Описание составлено по отдельным собраниям, хранящимся в Историческом музее, фонды которого включают (наряду с русскими и славянскими рукописями) и греческие рукописи бывшей Синодальной (патриаршей) библиотеки, переданной музею в 1920 г. В книге содержится краткая история составления этого собрания и дается описание наиболее замечательных рукописей; авторы предположили, что греческие рукописи, привезенные с Афона Арсением Сухановым, предназначались не столько для исправления богослужебных книг (так думали ранее), сколько для нужд славяно-греко-латинской академии, которая открылась в Москве в 1654 г.¹⁶

Среди материалов, хранящихся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, особое место занимает рукописное собрание А. С. Норова. Описание этого собрания, состоящего из рукописных книг, коллекции автографов и архивных материалов, выполнил И. М. Кудряв-

¹³ Е. Э. Гранстрем. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. Л., 1958. В приложении к этой работе приведены библиография некоторых собраний славянских рукописей и список славянских рукописей XI — начала XII в.

¹⁴ Е. Э. Гранстрем. Два неопубликованных средневековых каталога (материалы для истории библиотек в Византии). Сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 88—96.

¹⁵ В. В. Данилов. Письма Исихаста Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 г.— ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 335—341.

¹⁶ М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958.

цев¹⁷. По его мнению, наиболее ценной частью собрания являются рукописные книги на греческом языке, общим числом 14 (из них 7 — на пергамене, а 7 — на бумаге). Три пергаменные византийские рукописи относятся к X в. Значительный научный интерес имеет хронограф 1607 г.

В собрании греческих рукописей, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов СССР, внимание палеографа привлекает византийское пергаменное евангелие XI в.¹⁸

Греческие рукописи из областных музеев и архивов упомянуты (на ряду со славяно-русскими рукописями) В. И. Малышевым¹⁹, О. А. Бугаевой²⁰, И. Ф. Голубевым²¹, Л. А. Дмитриевым²².

Видное место среди рукописных сокровищ Советского Союза занимают сирийские рукописи. Составленный Н. В. Пигулевской каталог сирийских рукописей, находящихся в хранилищах Ленинграда, имеет серьезное значение для советского византиноведения²³. Здесь дано описание свыше 80 рукописей (часть их ранее не была описана), в большинстве своем — религиозного содержания; имеются, однако, и рукописи светского характера. Значительный интерес представляют рукописи, в которых упоминаются названия областей, городов, сел, содержатся календарные записи, а также астрономические, медицинские и другие научные рукописи. Весьма интересны учебные пособия, сборники амулетов и заклинаний. Ряд рукописей является палимпсестами. Составительница каталога уточнила датировку и происхождение некоторых, а также детально проанализировала текст рукописей. В отдельных приложениях к каталогу специально исследуются филиграни сирийских рукописей (к исследованию приложен перечень рукописей с указанием филигранных). Каталог Н. В. Пигулевской является первым, дающим столь подробное описание сирийских рукописей Ленинграда, что позволяет не только ознакомиться с ними, но и привлечь их для научных исследований. Особое внимание Н. В. Пигулевской привлек сирийский сборник агиологических памятников и легенд, датируемый VI в. Материалы

¹⁷ И. М. Кудрявцев. Рукописное собрание А. С. Норова. — ЗОРГБЛ, 18, 1956, стр. 48—63.

¹⁸ Г. А. Дремина и А. В. Чернов. Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР. М., 1960.

¹⁹ В. И. Малышев. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. — ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 471—479. Давая описание славяно-русских рукописей, автор вместе с тем указывает, что в музее хранится греческий сборник поучений и похвальных слов Иоанна Златоуста IX—X вв. (№ 342), имеющий несомненное палеографическое значение.

²⁰ О. П. Бугаева. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея. — ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 424—431. В статье дано описание 70 славяно-русских рукописных книг XVI—XIX вв. и одной раннесредневековой греческой рукописи, которую автор предположительно относит к VII в.

²¹ И. Ф. Голубев. Рукописные и старопечатные книги в краеведческих музеях городов Калязина и Кашина Калининской области. — ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 570—572. Среди рукописей Калязинского краеведческого музея имеется русский перевод Слов Григория Богослова (вторая половина XV в.).

²² Л. А. Дмитриев. Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. — Там же, стр. 554—560.

²³ Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — ПС. 6, 1960.

этого сборника представляют важный источник для истории ранневизантийской церкви и церковной идеологии VI в.²⁴

Больших успехов в области изучения греческой палеографии достиг Б. Л. Фонкич. Он исследовал оригинал первого издания трагедий Софокла, изданный в Венеции в 1602 г., и пришел к выводу, что источником текста, по которому были напечатаны трагедии, послужил список, ныне хранящийся в Вене, но набор производился по рукописи, находящейся теперь в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (греч. 31), в текст которой были внесены соответствующие исправления²⁵.

В другой работе Б. Л. Фонкич пишет о недавних исследованиях, в которых собраны сведения о переписчиках греческих рукописей XIV—XVI вв. Эти работы являются продолжением составленного в 1909 г. М. Фогель и В. Гардтхаузенем корпуса греческих писцов средневековья и Ренессанса. Б. Л. Фонкич отмечает работы Х. Г. Патринелиса (Афины) и публикацию П. Канара. Ученый подчеркивает необходимость сосредоточения усилий специалистов на выявление данных о переписчиках путем сличения почерков. Он дополняет труды Х. Г. Патринелиса и П. Канара, характеризуя 16 рукописей, главным образом хранящихся в СССР²⁶.

З. Г. Самодурова издала рукопись Малой Хроники Петра Александрийского из библиотеки Московского университета²⁷ и написала ценное исследование не только об этом памятнике, но и о других аналогичных произведениях греческой хронографии. Она пришла к важному выводу, что малые хроники (как особый вид литературы) применялись в Византии для преподавания. Это объясняет их широкое распространение и наличие солидной рукописной традиции²⁸.

И. Н. Лебедева закончила изучение рукописных версий Хроники Псевдо-Дорофея, хранящихся в наших коллекциях²⁹.

Большая работа по изучению и публикации древних рукописей ведется в республиках Закавказья. Особенно плодотворны исследования армянских ученых, работающих в Матенадаране. Его древнеармянские рукописи важны для изучения византийской культуры, так как произведения некоторых греческих и византийских авторов сохранились только в армянском переводе. В числе других к ним относятся: сочинения Филона Александрийского (I в.), Иринея (II в.), речи Севериана (IV в.), труды Тимофея Элура (V в.), Хроника Евсевия Кесарийского

²⁴ Н. В. Пигулевская. Сирийский сборник агиологических памятников и легенд.— ТГПБ, II (V), 1957, стр. 17—20.

²⁵ Б. Л. Фонкич. О рукописной основе текста альдовского издания трагедий Софокла.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 109—120.

²⁶ Б. Л. Фонкич. Греческие писцы эпохи Возрождения.— I.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 266—271; II.— ВВ, XXVIII, 1968, стр. 283—285; его же. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета.— ВДИ, 1967, № 4; стр. 95—103.

²⁷ З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 150—197.

²⁸ З. Г. Самодурова. К вопросу о малых византийских хрониках (по рукописям московских собраний).— ВВ, XXI, 1962, стр. 127—147.

²⁹ И. Н. Лебедева. Списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 100—109. См.: И. Н. Лебедева. Незвестные фрагменты греческого евангелия из собрания Библиотеки Академии наук СССР.— ПС, XV (78), 1966, стр. 117—129.

(IV в.)³⁰. О древних и средневековых армянских рукописях, хранящихся в Матенадаране и являющихся уникальными в мировой литературе, рассказывается в книге А. Г. Абрамяна³¹. В ней изложена краткая история Матенадарана (начиная с V в. и до наших дней), а также приведены общие сведения о «гричах» (переписчиках рукописей) и рукописных школах. В отдельных главах описаны ценнейшие рукописи Матенадарана, классифицированные автором по определенным отраслям науки — истории, праву, литературе, географии, медицине, точным наукам и т. д. Внимание византиниста привлекают прежде всего рукописи исторического содержания («История» Агафангела, «История Армении» Фавстоса Бузанда, которой, по предположению А. Г. Абрамяна, пользовался Прокопий Кесарийский, сочинения Мовсеса Хоренаци, Себеоса, Асохика и других авторов, сообщающих сведения и по истории Византии), а из юридических памятников — «Сиро-ромейский судебник», «Византийский судебник», носящий в армянском переводе заглавие «Краткий сборник гражданских законов мудрых царей Константина и Левона, которые обновил, указал их порядок великий Юстиниан», армянский перевод Антиохийских ассиз, сочинения Анания Ширакаши и др. В заключительной главе книги характеризуются методы хранения и изучения первоисточников Матенадарана.

Краткое описание замечательных рукописных сокровищ Матенадарана содержится также в статье А. Аршаруни³².

Е. Э. Гранстрем, специально занимаясь греческими рукописями Матенадарана, составила описание фрагментов славянских и греческих рукописей этого хранилища; в большинстве своем это — защитные листы, вплетенные в армянские рукописи для предохранения текста от соприкосновения с переплетом. Наибольший научный интерес представляют древнейший текст жития Саввы Освященного (XII в.), евангельские чтения (XIV в.), отрывок Апостола, содержащий второе послание к Тимофею (XIV в.), октоих (ирмологий) (XIV в.), отрывки евангелия от Луки (XV в.)³³.

Ценные дополнения к общему описанию уникального собрания рукописей Армянской ССР даны в статье Л. С. Хачикяна и К. Н. Юзбашяна о новых поступлениях Матенадарана³⁴. Б. Т. Горянов описал одну из греческих рукописей Матенадарана (хронограф, переписанный, очевидно, в XVI в.), интересную, в частности, для изучения истории греческого языка³⁵.

Немалую научную значимость имеет также и собрание средневековых греческих рукописей Государственного музея Грузии им. С. Н. Джа-

³⁰ М. Х. Игитханян. Матенадаран — сокровищница мировой культуры. — ВИМК, 1957, № 6, стр. 107—127.

³¹ А. Г. Абрамян. Рукописные сокровища Матенадарана. Ереван, 1959.

³² А. Аршаруни. Матенадаран — национальная сокровищница Армении. — «Советский Восток», 1959, № 7, стр. 36.

³³ Е. Э. Гранстрем. Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване. — ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 619—623.

³⁴ Л. С. Хачикян, К. Н. Юзбашян. Новые поступления Государственного Матенадарана. — ВИ, 1957, № 4, стр. 189—190. В статье содержится не только описание новых поступлений, но и сообщения о большой работе по описанию, хранению, реставрации и изданию рукописей, ведущейся в Матенадаране.

³⁵ Б. Т. Горянов. Греческая рукопись № 25 фонда иноязычных памятников Матенадарана. — ВВ, XVII, 1960, стр. 354—356.

наша. Для истории греческой палеографии наиболее ценны два евангелия IX в.; остальные рукописи — более позднего происхождения (преимущественно богослужебные сборники и номоканоны). Одна рукопись является отрывком из лечебника (на новогреческом языке) ³⁶.

В 1958 г. в Грузинской ССР создан специальный Институт рукописей, являющийся республиканским центром научных исследований памятников древней письменности. Исследования в области палеографии ведутся также и в Азербайджанской ССР.

В 1960 г. по инициативе Археографической комиссии Академии наук СССР в Матенадаране была проведена научная сессия по вопросам палеографии. С научными докладами выступили ученые Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Баку и других городов. Большинство докладов было посвящено изучению древних рукописей, хранящихся в собраниях Советского Союза. Сессия в Матенадаране сыграла большую роль в дальнейшем развитии и координации научных исследований рукописных сокровищ СССР ³⁷.

Все сказанное свидетельствует о том, что за последние годы наметился определенный прогресс в области палеографических исследований. Однако задачи, стоящие перед советскими палеографами, чрезвычайно сложны и велики, и сделать предстоит еще очень многое ³⁸. Необходимо приступить к широкой публикации неизданных греческих рукописей из наших собраний, координируя эти усилия с деятельностью зарубежных палеографов и включившись в создание международных каталогов и описаний греческих рукописей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИГРАФИКА И СФРАГИСТИКА

Памятников средневековой греческой эпиграфики на территории СССР не так много. Они встречаются главным образом в Грузии, Армении, на Северном Кавказе и в Крыму.

Новые памятники греческой эпиграфики, обнаруженные главным образом на юге СССР — в Крыму, на южном побережье Черного моря и в Закавказье, сравнительно немногочисленны. В 1958 г. Е. Ч. Скржинская опубликовала неизвестные ранее греческую и три латинские надгробные надписи из Крыма ¹. Она произвела подробный палеографический анализ и реконструкцию всех четырех надгробных плит: надгробия с греческой надписью, найденного в Алуште, и трех надгробий с латинскими надписями 1378, 1451 и 1469 гг., разсыпанных в Судак. В результате палеографического анализа автор пришла к выводу, что алуш-

³⁶ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Гос. музея Грузии им. академика С. Н. Джанашиа. — ВГМГр., XX—V, 1959, стр. 191—194.

³⁷ См.: В. Б. Павлов-Сильванский. Научная сессия по археографии, палеографии и источниковедению в Ереване. — АЕ за 1960 г. М., 1962, стр. 371—382.

³⁸ См.: М. Н. Тихомиров. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — ВИ, 1961, № 4, стр. 62—68.

¹ Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. — Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175.

тинское надгробие относится либо к самым последним годам XIII в., либо к началу XIV в. По мнению Е. Ч. Скржинской, и само надгробие, являющееся одним из многочисленных и типовых захоронений XIII—XIV вв., и надписи на плитах свидетельствуют о распространенности греческого языка среди части населения Крыма изучаемой эпохи.

В другой своей работе Е. Ч. Скржинская исследовала греческую надгробную надпись XI в., найденную на Таманском полуострове, дала ее подробное палеографическое описание. Такие описания отдельных памятников, по мнению автора, необходимы для систематизации эпиграфических памятников Причерноморья, выяснения их характерных черт. Надпись сообщает о смерти монаха Иоанникия, названного строителем. Возможно, он являлся строителем монастыря, где впоследствии и был погребен. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой Иоанникий построил русский монастырь, основанный в Тмутаракани Никоном, одним из ранних русских летописцев. В таком случае эта надпись имеет важное значение для изучения контактов между Византией и Русью².

В одной из своих работ Е. Ч. Скржинская дает подробное палеографическое описание надписи XI в. на кресте, найденном в 1960 г. при раскопках христианского храма в ущелье реки Большой Зеленчук (Северный Кавказ)³. Немалый интерес для византинистов имеет издание корпуса боспорских надписей⁴.

Дальнейшие поиски и изучение средневековых греческих надписей Северного Причерноморья могут пролить свет на различные стороны жизни этих областей и на их связи с византийским миром.

Эпиграфическими памятниками Грузии занималась Т. С. Каухчишвили. Предметом ее исследований послужили три греческие надписи, найденные в Грузии в начале 50-х годов. В 1955 г. Т. С. Каухчишвили опубликовала греческую заклинательную надпись, нанесенную на талисман, найденный в Цилкани и представляющий собой аметистовую гемму. По своему содержанию надпись христианская и на основании палеографических данных датируется автором III—IV вв.⁵ Проанализировав греческую надпись, начертанную на мозаике знаменитого храма в Пицунде (Бичвинте, византийском Питиунте), Т. С. Каухчишвили заключила, что надпись эта является ктиторской и должна быть отнесена не к IV в., как полагал Л. А. Мацулевич⁶, а к V—VII вв.⁷ Третьей надписью, изученной Т. С. Каухчишвили, была греческая надпись на светильнике, найденном в Сухуми; палеографическое исследование позволило автору датировать эту надпись I—IV вв. н. э.⁸

² Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмутаракани.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 74—84.

³ Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из средневековой Алании (Северный Кавказ).— ВВ, XXI, 1962, стр. 118—126.

⁴ Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965. См. рец.: Н. В. Пигулевская.— ВИ, 1966, № 1, стр. 180—182.

⁵ Т. С. Каухчишвили. Греческая надпись найденной в Цилкани геммы.— «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I. Тбилиси, 1955, стр. 211—218 (на груз. яз. с кратким резюме на русск. яз.).

⁶ Л. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте.— ВДИ, 1956, № 4, стр. 148 сл.

⁷ Т. С. Каухчишвили. Эпиграфические новости из Грузии.— ВДИ, 1958, № 4, стр. 129—133.

⁸ Там же.

Отдельные сведения о памятниках греко-славянской эпиграфики на Северном Кавказе содержатся в статье Е. Г. Пчелиной⁹.

За последние годы немало сделано советскими учеными и в области греческой сфрагистики. Продолжая лучшие традиции русских ученых, в первую очередь Н. П. Лихачева, советские специалисты тщательно анализируют сфрагистические сокровища Советского Союза.

Упомянем публикацию Н. Г. Порфиридовым одного из древнейших памятников печатей новгородских епископов — печати Нифонта (1129—1156), с греческой надписью. Автор склонен считать епископа греком¹⁰. В. Л. Янин, как уже упоминалось, издал печати Феофано Музалон¹¹ (см. выше, стр. 233).

В. С. Шандровская сделала сообщение о коллекции византийских печатей Эрмитажа с указанием некоторых владельцев, среди которых встречаются лица, известные по византийским письменным источникам XI—XII вв., в частности по «Алексиаде», Анны Комниной¹².

Необходимо, однако, издание полного корпуса всех византийских печатей, хранящихся в Эрмитаже и других собраниях Советского Союза.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АРХЕОЛОГИЯ И НУМИЗМАТИКА

Археологические раскопки памятников византийского происхождения ведутся советскими археологами главным образом в Крыму и на Кавказе. Наиболее успешными были раскопки Херсонеса и других городов и сельских поселений Крыма. Выше мы уже подробно осветили результаты многолетних разысканий советских ученых, в первую очередь А. Л. Якобсона, имеющих первостепенное значение для истории византийского города. Здесь необходимо лишь указать, что раскопки в Херсоне столь же важны и для развития византийской археологии: они дают в руки ученых огромный и притом первоклассный археологический материал, позволяющий судить о материальной культуре, архитектуре и искусстве окраинных городов византийского государства с IV по XIV в.

Наряду с изысканиями в Херсонесе советские археологи уделяют внимание изучению и других средневековых поселений Крыма, связан-

⁹ Е. Г. Пчелина. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе.— «Археографический ежегодник за 1959 г.» М., 1960, стр. 298—302.

¹⁰ Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода.— НИС, 9, 1959, стр. 81—91. См.: его же. Именные владычные печати Новгорода.— СА, 1958, № 3, стр. 222 сл. Там воспроизведен и экземпляр печати из Новгородского музея.

¹¹ В. Л. Янин. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева.— СА, 1962, № 2, стр. 10—16; его же. Печати Феофано Музалон.— АНС, т. 2, Киев, 1965, стр. 75—90.

¹² В. С. Шандровская. Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа.— ВВ, XVI, 1959, стр. 173—182; ее же. Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже.— «VII Всес. конф. византинистов», стр. 133—135.

ных в той или иной степени с Византийской империей. В частности, в нашей науке дискутировался вопрос о происхождении так называемых пещерных городов Крыма. М. А. Тиханова и А. Л. Якобсон считали «пещерные города» Крыма, расположенные на второй гряде Крымских гор, цепью крепостей (названных Прокопием «длинными стенами»), созданных Византией в основном при Юстиниане I для обороны дальних подступов к Херсонесу со стороны степи и для защиты коренного земледельческого населения горных долин Юго-Западного Крыма от кочевников. Е. В. Веймарн выдвинул свою теорию возникновения этих городов¹. Признавая значительную роль Византии в Крыму, он полагает, однако, что нет никаких реальных оснований приписывать империи строительство в Юго-Западном Крыму целой оборонительной системы, звеньями которой якобы являлись так называемые пещерные города. Археологический материал приводит к заключению, что с конца IV или с самого начала V в. н. э. оседлое население предгорий Юго-Западного Крыма покинуло этот район и передвинулось в горные долины рек Альмы, Бодрака, Качи и Белобека. «Пещерные города» возникли в юго-западном нагорье после гуннского нашествия; частично это были маленькие крепости (впоследствии из них выросли феодальные замки), частично — обширные городища с загонем для скота, способные в случае опасности укрыть окрестное население. Они лежали в стороне от основного торгового пути к Херсону. Во многих постройках чувствуется влияние фортификационного искусства Византии.

Иную точку зрения отстаивал В. В. Кропоткин, полагающий, что «пещерные города» первоначально являлись византийскими крепостями и наряду с Херсоном и Боспором были центрами византийского господства в Таврике². Некоторые из этих городов не сохранили своих средневековых наименований, поэтому их отождествление с известными нам по письменным источникам географическими пунктами сопряжено с большими трудностями. Так, например, обстоит с локализацией города Фуллы. Как известно, В. Г. Васильевский и Ю. А. Кулаковский помещали Фуллы в Восточную Таврику, в область, смежную с владениями хотциров (или ходиров) и территорией Сугдейской епархии. Со своей стороны А. Л. Бертье-Делагард утверждал, что город Фуллы находился не в Восточной, а в Юго-Западной Таврике, на месте «пещерного города» Чуфут-Кале, расположенного в окрестностях Бахчисарая. Анализируя археологический материал, В. В. Кропоткин пришел к выводу, что совокупность известных фактов не позволяет локализовать город Фуллы — центр христианской епархии с конца IX в. — на месте Чуфут-Кале, поскольку там не обнаружено никаких христианских памятников IX—XII вв. и более позднего времени (христианское население Чуфут-Кале, по-видимому, было вытеснено караимами в период хазарского

¹ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. — СА, 1958, № 1, стр. 71—79; его же. Оборонительные сооружения Эски-Кермена. — ИАСК, 1958, стр. 7—54; его же. О времени возникновения средневековой крепости Каламита. — Там же, стр. 55—62; его же. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму. — КСИА АН УССР, 10, 1960, стр. 109—117.

² В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. — СА, XXVIII, 1958, стр. 198—218.

господства в Таврике). На основании разбора исторических и географических данных автор статьи заключает, что Фуллы были расположены в восточной части Таврики; их нужно разыскивать поблизости от Сугдеи и Кафы. Наиболее вероятным пунктом в области крымских предгорий, где находился этот город, является местность на холме Тепсень близ с. Планерского (б. Коктебель, между Судаком и Феодосией).

Гипотеза В. В. Кропоткина в свою очередь вызвала возражения А. Л. Якобсона³, который считает невозможным локализовать город Фуллы в Восточной Таврике, в частности на холме Тепсень, поскольку восточнокрымские поселения к концу X в. либо обезлюдели, либо стали по своему населению русскими.

Хотя вопросы, затронутые в указанных работах, остаются по-прежнему спорными, а их окончательное разрешение потребует еще немалых усилий, самая их постановка свидетельствует об огромном значении археологических изысканий для изучения проблемы взаимоотношений Византии со средневековым Крымом и истории его коренного населения. В этой связи следует также признать научную важность археологических исследований других средневековых поселений Крыма⁴.

При раскопках античных поселений здесь были раскрыты и средневековые слои, в том числе содержащие ценный материал по византийской археологии. Так, при раскопках некрополей боспорских городов В. Ф. Гайдукевичем было открыто относящееся к византийскому периоду поселение на южном берегу Тобечикского озера: здесь найдены керамика VIII—XI вв., склепы из Китея с инвентарем, относящимся к IV, а возможно, и к V вв.⁵ Среди работ, посвященных херсонесской керамике, следует отметить исследование Д. Л. Талиса⁶. Автор выделяет семь групп раннесредневековой поливной и расписной керамики из Херсонеса и приходит к выводу, что она экспортировалась из Византии. Упомянем в этой связи монографию М. А. Безбородова, в которой, в частности, анализируется состав византийского и херсонесского стекла из южнокрымских раскопок⁷.

Археологические изыскания средневековых поселений велись и на Кавказском побережье Черного моря. Большие перспективы в этом отношении имеют раскопки в Абхазии: наряду с античными и местными средневековыми поселениями тут встречаются и византийские памятники. Так, раскопками в Новом Афоне были вскрыты остатки крепости Анакопия, относимые М. М. Трапшем к VII—XII вв. Храм Анакопийской крепости тот же автор датировал X—XI вв. Во время раскопок обнаружены бытовые предметы местного производства, печь для обжига извести, византийские монеты и монета грузинского царя Георгия II.

³ А. Л. Якобсон. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы.— СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 108—113.

⁴ Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму.— КСИИМК, 68, 1957, стр. 98—103.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов).— МИА, № 69, 1959, стр. 154—238; его же. Раскопки Тиритак и Мирмекия в 1946—1952 г.— МИА, № 85, 1958, стр. 149—218; его же. Виноделие на Боспоре.— Там же, стр. 352—457.

⁶ Д. Л. Талис. К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса.— ТГИИ, 37, 1960, стр. 125—140.

⁷ М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956.

Автор выделяет три культурных слоя, относящиеся к средневековой, и датирует их VII, VIII—IX и X—XII вв.⁸

Изучение византийских памятников и средневековых поселений на Юге нашей страны велось все же не в таких масштабах, которые соответствовали бы их научному значению. Отдельные находки византийских вещественных памятников делались учеными, работающими в других областях археологии, но они в общем довольно незначительны⁹.

В последнее время археологические изыскания оживились на Украине и Кавказе.

В. И. Довженок обследовал древнерусское городище на среднем Днепре и обнаружил бронзовую пластинку с греческой легендой, скорее всего византийского происхождения. Возможно, однако, что она была изготовлена на Руси по византийским образцам¹⁰.

Ценное исследование по истории керамического импорта и производства Древней Руси написала Т. И. Макарова. Она показала значительное место в импорте Древней Руси поливной посуды византийского происхождения, произведенной в Константинополе, а также в других городах Византии и в Крыму. До XI в. такая посуда ввозилась на Русь из Византии через Крым, а с XI в. роль «ворот» для византийских товаров перешла от Херсона к Тмутаракани. Среди керамических изделий XII и начала XIII в., обнаруженных в Крыму и Тмутаракани, встречается еще много византийских, но ввоз их на Русь к этому времени сокращается¹¹.

С. А. Плетнева в своем исследовании салтово-маяцкой культуры затрагивает вопрос о влиянии на нее византийских традиций и о проникновении изделий из Византии в приазовские города, Восточный Крым, Саркел, в области хазар¹².

Изучая памятники материальной культуры, в частности ткани, А. А. Иерусалимская прослеживает влияние традиций ремесленного производства Византии, в особенности шелкоткацкого, в Средней Азии. Исследуя уникальную ткань из могильника Мошечая Балка на Север-

⁸ М. М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг.— ВВ, XIX, 1961, стр. 260—282.

⁹ См. в этой связи: Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1955 г.— СА, 1957, № 4, стр. 234—273. К византиноведению относятся разделы: «Славяне и соседние племена в I тысячелетии н. э.» (стр. 247—249); «Древняя Русь и ее соседи» (стр. 243—255); «Кавказ» (стр. 255—256, 259, 262); «Работы по археологии зарубежных стран» (стр. 267—268); Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1956 г.— СА, 1958, № 4, стр. 258—306. К византиноведению относятся разделы: «Славяне и соседние племена в I тысячелетии н. э.» (стр. 273—275); «Древняя Русь и ее соседи» (стр. 275—280); «Кавказ» (стр. 280—282, 284—287); «Работы по археологии зарубежных стран» (стр. 298—299); Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1957 г.— СА, 1959, № 4, стр. 282—327. Имеется отдельное издание: Советская археологическая литература. Библиография, 1941—1957 гг.— М.— Л., 1959.

¹⁰ В. И. Довженок. Древнерусские городища на Среднем Днепре.— СА, 1967, № 4, стр. 260—273.

¹¹ Т. И. Макарова. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967.

¹² С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура.— МИА, № 142 (1967), стр. 198 и илл.

ном Кавказе, она показывает византийское влияние на шелкоткацкое производство Согда в VII—VIII вв.¹³

Та же исследовательница, проанализировав остатки шелковых тканей VII в. (согдийских, византийских и китайских) из могильников Северного Кавказа, доказала, что именно через Северный Кавказ проходил торговый путь из Средней Азии в Византию, по которому велась постоянная оживленная торговля, в том числе и шелковыми тканями¹⁴.

Ценными открытиями пополнились находки изделий византийского прикладного искусства и ремесла на территории СССР.

Р. М. Джанполадян исследовала два сосуда, найденные в 1958 и 1959 гг. при раскопках Новогрудка (их облик реконструирован М. В. Малевской), и пришла к выводу, что они — византийского происхождения: по виду, фактуре и химическому составу стекла сосуды далеки от обычно употреблявшихся на Руси, но очень близки к византийским сосудам XI—XII вв.¹⁵ Кроме того, Р. М. Джанполадян, рассмотрев сохранившиеся образцы византийского стекла X—XII вв., найденные как на территории самой Византии, так и в Египте, на Кипре, в Армении, Крыму и древнерусских городах, выделяет несколько типов стеклянных изделий того времени и классифицирует их¹⁶.

В. Н. Залесская описывает хранящуюся в Эрмитаже половину бронзового креста-складня, обнаруженного при раскопках в Херсонесе. Она оспаривает мнение Н. П. Кондакова, относившего этот крест к VIII—IX вв., и датирует его X или первой половиной XI в. Ею отмечается также восточное влияние, заметное в убранстве креста. Крест-складень, полагает автор, возможно, был создан в Константинополе, в среде, приверженной восточной традиции, но не мог быть произведен в самом Херсонесе¹⁷.

Среди византийских вещей, найденных в результате археологических разысканий, первое место в количественном отношении занимают византийские монеты, в совокупности своей образующие значительный материал для нумизматических исследований. Советские нумизматы-византинисты занимаются как общетеоретическими вопросами, так и публикацией и анализом новых находок византийских монет, открытых преимущественно на территории нашей страны.

К числу работ первого рода относится статья И. В. Соколовой¹⁸; в ней предпринята попытка определить значение кладов византийских монет как источника по истории Византии. Автор использовала материалы византийских монетных кладов, обнаруженных в разное время главным образом на территории СССР и Болгарии, а отчасти — Западной Европы. Новым в статье является выдвинутое автором пред-

¹³ А. А. Иерусалимская. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом. — НАА, 1967, № 3, стр. 119—126 и илл.

¹⁴ А. А. Иерусалимская. О северокавказском «шелковом пути» в раннее средневековье. — СА, 1967, № 2, стр. 55—78 и илл.

¹⁵ Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. — ВВ, XIX, 1961, стр. 166—171.

¹⁶ Р. М. Джанполадян. Новые материалы по истории византийского стеклоделия. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 248—257.

¹⁷ В. Н. Залесская. Часть бронзового креста-складня из Херсонеса. — ВВ, XXV, 1964, стр. 167—175.

¹⁸ И. В. Соколова. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. — ВВ, XV, 1959, стр. 50—63.

ставление, согласно которому клад — это целостный памятник эпохи, а не случайное скопление разновременного материала. По мнению автора, анализ топографии, хронологии и состава кладов византийских монет может привести к выводам, интересным не только для экономической, но и для политической истории Византии. В частности, отливы и приливы в зарытии кладов находятся, как показано в статье, в прямой зависимости от того, в какой степени населению этих областей угрожала военная опасность. Вместе с тем зарытие кладов византийских монет на территории империи в конце V—VII в. связано главным образом с политическими кризисами, так что отсутствие кладов еще не свидетельствует об экономическом упадке того или иного района страны или резком сокращении, тем более — почти полном исчезновении, денежных сделок. Известная стабилизация внешнеполитического положения, наступившая после крайне тяжелого кризиса второй половины VII в., привела к укреплению византийской экономики и упорядочению денежного обращения до такой степени, что вся масса монет находилась в его сфере и не было факторов, ведших к его затуханию и созданию кладов. Сравнительно ограниченное количество монет от иконоборческого времени и отсутствие их в более поздних кладах автор объясняет принудительным изъятием их из обращения по соображениям чисто идеологического, а не экономического характера.

Точка зрения И. В. Соколовой не является общепризнанной; в частности, она расходится с высказанным ранее мнением А. П. Каждана, согласно которому резкое сокращение находок кладов монет в Византии VII—IX вв. служит прямым свидетельством экономического упадка империи, аграризации городов и сокращения денежного обращения.

В своем другом исследовании И. В. Соколова установила применение в Византии в конце X—начале XI в. так называемого маточника, технического усовершенствования, прослеживающегося на серебряных монетах Василия II¹⁹.

Большой научный интерес представляют публикации византийских монет, найденных в Херсонесе, Грузии, Абхазии, Азербайджане, на Украине, в Молдавии, Прикамье.

Общий обзор и подробная характеристика нумизматического собрания Херсонесского музея были даны А. М. Гилевич. В этом богатейшем собрании насчитывается 4913 экземпляров монет средневекового Херсонеса и Византии за период от V до XII в.²⁰ Значительная часть византийских монет Херсонеса уже изучена и опубликована.

Основываясь на анализе нумизматических находок в Херсонесе, А. М. Гилевич пришла к заключению, что с начала VII до середины IX в. Херсонес не имел собственного чекана, а византийские монеты этого времени здесь крайне редки. В связи с этим она предполагает возможность обращения в VII—VIII вв. позднеримских и ранневизантийских монет²¹. В другой своей статье тот же автор охаракте-

¹⁹ И. В. Соколова. О технике изготовления штемпелей для чеканки византийских монет.— СГЭ, XV, 1959, стр. 46—49.

²⁰ А. М. Гилевич. Нумизматическое собрание Музея.— СХМ, I, 1960, стр. 57—62.

²¹ А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году.— ХС, V, 1959, стр. 191—205. В основном это монеты IV—V вв. (69 шт.) и только одна — монета Романа Лакапина (№ 7908).

ризвала находки в Херсонесе византийских золотых монет Анастасия I и Константина V. Они найдены в этом месте впервые. Интересно, что публикуемая ею монета Анастасия I чеканена в Италии (в Милане, между 479 и 493 гг.), в то время как почти все найденные в Херсонесе ранние византийские монеты, в том числе и бронзовые монеты Анастасия I, чеканились в восточной части империи ²².

Ю. С. Крушкол принадлежит публикация и анализ византийских монет, найденных в Херсонесе в 1946 г. ^{22а} На основании изучения византийских и херсоно-византийских монет автор утверждал, что громадный монетный материал свидетельствует о развитом денежном хозяйстве и товарном производстве в Херсонесе начиная с IV в. до н. э. по XII—XIII вв. н. э. Главную роль в обращении с IV в. до н. э. и по II в. н. э. играли монеты самого Херсонеса, что указывает на его политическую и экономическую самостоятельность. В III—V вв. н. э. здесь обращается римская императорская монета: это говорит о политическом и экономическом упадке Херсонеса. После разделения Римской империи на Западную и Восточную в Херсонесе обращаются монеты восточноримских императоров. При Юстиниане I город вновь приобретает значительную экономическую и политическую самостоятельность, чем обуславливается возобновление собственной чеканки в Херсонесе. Новые херсоно-византийские монеты становятся основным средством обращения в Херсонесе с VI по X — первую четверть XI в. В первой четверти XI в. собственная чеканка монет в Херсонесе прекращается. Главным денежным материалом снова становятся монеты Византии.

Весьма значительный вклад в изучение римских и византийских монет внесли нумизматы Грузии. Д. Г. Капанадзе в одной из своих статей описал монеты, обнаруженные при раскопках под руководством акад. И. А. Джавахишвили в конце 30-х — начале 50-х гг. в районе Мцхета, древней столицы Грузии. На основании этих находок автор утверждал, что обращение золотых монет римского времени было постоянным и повсеместным в Грузии; он предположил, что найденные золотые монеты — грузинского происхождения ²³. Публикуя нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции, Д. Г. Капанадзе дал характеристику найденного нумизматического материала (48 золотых, 235 серебряных и 21 медная монета), в том числе византийских серебряных монет Льва I. В статье поставлен вопрос о территориальной локализации так называемых «варваризованных» римских ауреусов II—III вв. и серебряной монеты Льва I. Любопытно, что все монеты Льва I пробиты и, следовательно, попали в погребение, где они были обнаружены, уже не как монеты, а как украшения ²⁴.

Д. Г. Капанадзе издал, кроме того, серебряную монету грузинского

²² А. М. Гилевич. Золотые византийские монеты из Херсонеса.— СА, 1959, № 1, стр. 267—268.

^{22а} Ю. С. Крушкол. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 году.— ТГИМ, XXVI. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 61—69.

²³ Д. Г. Капанадзе. Ауреусы Армазского некрополя.— СА, 1957, № 3, стр. 159—175.

²⁴ Д. Г. Капанадзе. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции за 1937—1947 и 1951 гг.— МАГК, I, 1955 (на груз. яз. с кратким резюме на русск. яз.). Тбилиси, стр. 79—88.

царя Георгия II, найденную в 1957 г. в Новом Афоне вместе с четырьмя византийскими анонимными монетами XI в.²⁵

Статья Т. Я. Абрамишвили посвящена семи золотым византийским монетам, шесть из которых чеканены при императоре Алексее I, а одна — при Иоанне II, найденным близ Гурджаани. По мнению автора, эти экземпляры монет составляют часть клада, зарытого близ торговой магистралей (из этого же района поступил и клад монет царицы Тамары и клад монгольских монет XIII—XIV вв.)²⁶. На основании собранных им сведений автор утверждал, что византийские монеты имели распространение как в Восточной, так и в Западной Грузии; поступая сюда, они тут же оседали — следовательно, находились здесь в широком обращении.

Публикация клада серебряных монет из собрания Государственного кутаисского историко-этнографического музея была осуществлена К. В. Голенко²⁷. В составе клада 27 западногрузинских монет (кирманеули) и 186 трапезундских (аспров) XIII в., преимущественно времени Иоанна II (трапезундского). С точки зрения типологии трапезундские аспры чрезвычайно близки к византийским монетам, в метрологическом же отношении явно заметно влияние сельджукского дирхема (на него ориентируются форма и размер трапезундского аспра). Отсутствие золотой монеты и массовая чеканка серебра в Трапезунде были обусловлены мусульманским окружением. Употребление аспров Трапезунда XIII в. в Западной Грузии объясняется тесными политическими связями, существовавшими тогда между этими государствами.

Связи Кавказского побережья Черного моря с Византией естественно определили также распространение византийских монет и в этом районе, о чем свидетельствуют нумизматические находки в Абхазии. Так, в 1957 г. в селе Эшеры Сухумского района в одном глиняном горшке было найдено 39 эллинистических, римских и византийских монет, в том числе две — эпохи Констанция (337—361) и по одной — Анастасия I и Юстиниана I²⁸.

Ареал византийских монет был настолько велик, что мы располагаем их кладами, найденными в самых различных областях страны. Интересны новые находки этих монет в Азербайджане (VI—XIII вв.)²⁹.

²⁵ Д. Г. Капанадзе. Неизданный вариант грузинской монеты XI века. — ТАбхИЯЛИ, XXX, 1959, стр. 101—104. См.: его же. Медная монета грузинского царя Давида, сына Георгия. — ЭВ, XII, 1958, стр. 39—47. Статья содержит некоторые замечания о грузино-византийских связях.

²⁶ Т. Я. Абрамишвили. Находка византийских золотых монет в Гурджаани. — ВВ, XIII, 1958, стр. 282—285; ее же. Западногрузинские монеты XIII—XIV вв. (кирманеули). Тбилиси, 1959 (на груз. яз., резюме на русск. яз., стр. 139—151).

²⁷ К. В. Голенко. Клад монет из села Тобаниери. — ВВ, XVI, 1959, стр. 127—172.

²⁸ Г. К. Бокучава. Нумизматические приобретения Абхазского государственного музея за 1957 год. — ТАбхГМ, III, 1958, стр. 109—118.

²⁹ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VII. Баку, 1957; вып. VIII. Баку, 1959 (продолжение публикации, первый выпуск которой вышел в 1926 г.). В VIII выпуске отмечен ряд находок византийских монет: медная монета Юстиниана I (№ 1946), 16 серебряных монет VII в. (№ 1947), серебряная монета Константина II (№ 1948), золотая монета Константина IV (№ 1949); медная монета VII в. (№ 1950), две золотые монеты первой половины

Публикация М. Ю. Брайчевского учитывает римские монеты по V в. н. э., найденные в Украинской ССР ³⁰.

Летом 1955 г. у восточной окраины с. Стратиевка Ольгопольского района Винницкой области (Украинская ССР), на левом берегу р. Кодымы были найдены две серебряные римско-византийские монеты ³¹. Одна из них, относящаяся к правлению императора Коммода, датируется 187—188 гг. н. э. П. О. Карышковский датировал вторую монету (императора Константина I) 330—337 гг.

На Украине же, в Поднепровье, были найдены имитации византийских золотых солидов VII в., опубликованные в 1957 г. К. В. Голенко. В отличие от последних они изготовлены не из золота, а из серебра, но густо вызолочены; техника их изготовления — литье, вес почти вдвое меньше настоящих солидов. Эти монеты были специально изготовлены в качестве украшений. Появление подобных отливок в районе Поднепровья трудно объяснить иначе как предположив, что население данной территории применяло оригинальные золотые византийские монеты VII в. ³²

В Молдавии в начале 50-х годов были открыты два клада римско-византийских монет. Оргеевский клад, найденный в 1951 г., содержал 126 серебряных монет времени Констанция II и одну, представлявшую собой варварское подражание византийскому солиду. Кирилеский клад, открытый в 1952 г., содержал золотые солиды Грациана, Валентиниана II, Феодосия I, Аркадия и Гонория. Из единичных находок были обнаружены серебряные и медные монеты IV в. ³³

В. В. Кропоткин описал клад бронзовых монет, найденный у с. Лукашевка Молдавской ССР ³⁴.

Определенным успехом в изучении связей Византии в раннее средневековье со столь отдаленными областями, как Приуралье, является публикация Л. Н. Казамановой так называемого Бартымского клада, найденного в Прикамье. Клад заключал в себе 264 серебряные монеты Ираклия (двойные милиарисии — гексаграммы). Анализ этих и других византийских вещей VII в. позволил Л. Н. Казамановой прийти к выводу о росте торгового обмена между Византией и сасанидским Ираном, с одной стороны, и Прикамьем — с другой. Из Прикамья на юг отправлялось много ценной пушнины. На основании находок сасанид-

VIII в. (1951), медная монета Никифора Фоки (№ 1952), серебряная монета Иоанна Цимиския (№ 1953), анонимные медные монеты (№ 1954—1957), 11 вогнутых монет XI в. (№ 1958—1960), медная монета XII—XIII вв. (№ 1961).

³⁰ М. Ю. Брайчевский. Римська монета на території України. Київ, 1959.

³¹ П. О. Карышковский. Находка римских монет в бассейне р. Кодымы. — СА, 1957, № 2, стр. 250—253.

³² К. В. Голенко. Имитации солида VII в. из Поднепровья. — ВВ, XI, 1957, стр. 292—294.

³³ А. А. Нудельман, Э. А. Рикман. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии. — «Известия Молдавского филиала АН СССР», 1956, № 4 (31), стр. 143—152 (резюме на молд. и франц. яз., стр. 153—154).

³⁴ В. В. Кропоткин. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. — НЭ, I, 1960, стр. 215—222.

ских вещей в этом же районе автор считает, что наблюдавшееся в правление Ираклия соперничество Византийской империи и Сасанидского государства происходило и в Прикамье. По мнению автора, серебряные вещи, попадавшие в Приуралье из Византии и стран Востока, использовались местным населением не по прямому назначению, а в качестве сокровищ. Бартымское святилище, видимо, и владело богатствами, найденными впоследствии близ деревни Бартымь³⁵.

Из новейших открытий советских нумизматов обращают на себя внимание публикации В. В. Кропоткина и К. В. Голенко.

В. В. Кропоткин дополнил опубликованную им в 1962 г. в журнале «Археология СССР» статью «Клады византийских монет на территории СССР». Он описал 133 византийские монеты, ставшие известными за последние годы, а также внес исправления в свои более ранние исследования³⁶.

К. В. Голенко описал клад монет, найденный в Керчи в 1961 г. Клад состоит из 70 монет последних боспорских царей (конец III — начало IV в. н. э.)³⁷.

М. И. Камера и К. В. Голенко подробно охарактеризовали хранящийся в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина клад, найденный в г. Ленинкане (Армянская ССР). Клад состоит из 92 сасанидских драхм и 16 византийских гексаграммов VI—VII вв.³⁸ К. В. Голенко осуществил и публикацию 41 монеты — подражания византийским милиарисиям X—XI вв., найденных на Таманском полуострове. Судя по дате выпуска их прототипов, они, вероятно, чеканились в период, когда Тмутаракань принадлежала русским. Автор отмечает искажение этих монет по сравнению с византийскими образцами³⁹.

Позднее К. В. Голенко описал клад из 7 монет императоров Константа II и Константина IV (середина VII в.), найденный в 1955 г. в районе Анапы⁴⁰.

В одной из своих работ К. В. Голенко разбирает вышедшую в 1962 г. в Праге статью Е. Похитонова, предлагающего, исходя из нумизматических материалов, изменить некоторые даты истории позднего Боспора (II—IV в. н. э.). Автор приходит к выводу, что аргументация Е. Похитонова недостаточно убедительна и не дает возможности отказаться от принятой хронологии⁴¹.

Кроме того, К. В. Голенко дал описание 14 монет IX—XI вв., в основ-

³⁵ Л. Н. Казаманова. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. — ТГИМ, XXVI. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 70—76.

³⁶ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. Свод археологических источников. М., 1962; его же. Новые находки византийских монет на территории СССР. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 166—189.

³⁷ К. В. Голенко. Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. — ВВ XXVII, 1967, стр. 268—272.

³⁸ М. И. Камера и К. В. Голенко. Ленинканский клад сасанидских и византийских монет (1956 г.). — ВВ, XIX, 1961, стр. 172—193.

³⁹ К. В. Голенко. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 216—225.

⁴⁰ К. В. Голенко. Клад византийских монет VII в., найденный близ Анапы. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 162—165.

⁴¹ К. В. Голенко. К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора. — ВВ, XXV, 1964, стр. 176—183.

ном византийских, найденных в 1957—1958 гг. при раскопках на Иверской горе (близ Нового Афона) ⁴².

А. М. Гилевич систематизировала херсоно-византийские монеты IX—X вв., обнаруженные в Херсонесе. На основе сравнительного изучения числа найденных монет она считает, что выпуск своей монеты в Херсонесе начался в середине IX в. Первоначально он был большим, затем резко снизился, а с 20-х годов X в. вновь увеличился, достигнув максимума при Романе II (959—963); после взятия Херсонеса Владимиром выпуск монет упал или совсем прекратился ⁴³.

Т. Я. Абрамишвили дала характеристику клада, найденного в 20-х годах XX в. в Двири (Грузия), состоящего из 45 византийских монет XI в. Находка клада свидетельствует об экономических связях Византии и Восточной Грузии того времени.

Автор перечисляет известные ей находки византийских монет в Грузии, отмечая, что в Восточной Грузии подобные находки случались чаще, чем в Западной ⁴⁴. К аналогичному выводу пришла Т. Я. Абрамишвили, проанализировавшая количество находок византийских монет в различных грузинских областях. В VIII в. в связи с утверждением власти арабов во всей Грузии приток сюда византийских монет снижается ⁴⁵.

В 1966 г. Т. Я. Абрамишвили издала сводный каталог византийских монет, хранящихся в Государственном музее Грузии. Это издание является ценным пособием для изучения византийских монетных находок на территории республики ⁴⁶.

И. В. Соколова продолжает свои поиски в сфере изучения кладов византийских монет как исторического источника ⁴⁷. Ею были также обследованы новые находки византийских монет в Крыму и на основании нумизматического материала сделаны интересные выводы относительно периодизации истории Крыма.

И. В. Соколова подчеркнула значительное численное преобладание находок византийских монет в Херсонесе; внутренние области Крыма жили преимущественно натуральным хозяйством. Согласно ее периодизации в VI—первой половине VII в. в сферу влияния денежного обмена Херсонеса входила сравнительно небольшая, прилегающая к городу, территория. В VIII—IX вв. наблюдается возрастание экономической разобщенности различных областей Крыма, но зато в XI—XIII вв. связи Херсонеса с Западным Крымом вновь укрепляются ⁴⁸.

⁴² К. В. Голенко. Монеты из раскопок Анакопийской крепости в 1957—1958 гг.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 159—165.

⁴³ А. М. Гилевич. Новый клад херсоно-византийских монет.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 150—158.

⁴⁴ Т. Я. Абрамишвили. Клад монеты из Двири.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 226—235.

⁴⁵ Т. Я. Абрамишвили. Византийские монеты в Грузии.— «VII Всес. конф. византинистов», стр. 88—89.

⁴⁶ Т. Я. Абрамишвили. Каталог византийских монет Музея Грузии Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

⁴⁷ И. В. Соколова. Византийские монеты клада Велла.— ТГЭ, Нумизматика, т. IV (1961), стр. 10—22.

⁴⁸ И. В. Соколова. Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму.— ВВ, XXIX, 1968, стр. 254—264.

За последние годы обнаружены также единичные находки византийских монет в различных районах Советского Союза⁴⁹.

Завершая обзор новейших работ советских нумизматов, хочется все же отметить желательность наряду с публикацией и описанием монетных находок создания и обобщающих трудов по классификации византийских монетных кладов на территории нашей страны.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО¹

Крупнейшим в Советском Союзе специалистом в области византийского, древнерусского и западноевропейского искусства является В. Н. Лазарев. В его работах поражают глубина и фундаментальность эрудиции, подлинная энциклопедичность и разносторонность интересов. Превосходное знание византийской истории, культуры и искусства позволяет ему правильно понимать и точно оценивать сложнейшие исторические связи между искусством Византии, Древней Руси и южнославянских стран, проводить тонкое сопоставление специфических особенностей византийской живописи с новыми явлениями в итальянской живописи XIII в., искусстве Венеции XIV в.

Необходимо сказать прежде всего несколько слов о его научном методе. Пожалуй, самая существенная черта этого метода — последовательный историзм мышления. Для В. Н. Лазарева недостаточно дать четкий художественно-стилистический разбор памятника, определить его значение в ряду других памятников искусства. Тщательный анализ отдельных явлений художественной культуры он сочетает с широкими обобщениями, привлекая при этом громадный материал филологии, истории, философии, палеографии. Все это помогает исследователю глубоко и убедительно раскрывать связь идейного и художественного содержания произведения искусства с эпохой его создания.

Важнейшую роль в научном методе В. Н. Лазарева играет наряду с художественно-стилистическим анализом иконографическое исследование. Кардинально переосмыслив старый иконографический метод Н. П. Кондакова, механически отрывавший содержание от формы и дававший обедненное толкование средневекового искусства, В. Н. Лазарев убедительно доказал, что «смена одного иконографического типа другим объясняется вполне реальными историческими причинами... Ста-

⁴⁹ Е. А. Пахомов. Монеты из раскопок городища Орен-Кала.— МИА, 1965, стр. 90—107; Н. А. Фролова, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Кеп 1958—1963 гг.— «Нумизматика и сфрагистика», т. 2. Киев, 1965, стр. 168—193.

¹ Поскольку автор книги не занимается профессионально вопросами искусства, данная глава, естественно, не носит исчерпывающего характера в библиографическом плане: автор вынужден ограничиться минимально сжатым обзором доступных ему работ в данной области.

рый иконографический метод, как и формалистическое истолкование искусства, не могут воссоздать связную картину художественного процесса и вскрыть его движущие силы»². По словам В. Н. Лазарева, использующего приемы иконографического анализа при изучении идейного содержания произведений искусства, только правильное применение этого метода открывает «доступ к пониманию живого процесса развития средневекового искусства»³. В одной из своих монографий В. Н. Лазарев отмечал, что содержание церковной росписи «не оставалось неизменным, и каждый раз в него привносились индивидуальные оттенки... Часто в определенном подборе сюжетов, в выдвигании на первый план того или иного житийного цикла, наконец, в подчеркивании значения определенных святых сказывается вполне конкретная тенденция, продиктованная жизненными интересами различных общественных сил»⁴.

Художественно-стилистический анализ памятника в работах В. Н. Лазарева дополняется данными иконографического анализа, фактическим материалом, почерпнутым в письменных источниках, а также скрупулезно подобранными техническими и археологическими данными. Все это придает выводам исследователя особую фундированность и исчерпывающую полноту.

Научная деятельность В. Н. Лазарева в области изучения византийского искусства началась в годы, когда русская и мировая византистика достигли высокого развития, этапы которого отметили имена Н. П. Кондакова, Г. Милле, Ш. Дилэ, Д. В. Айналова, О. Вульфа и др. Однако многие вопросы еще не получили тогда научного разрешения; вследствие ограниченности научной методики отдельные проблемы трактовались совершенно ошибочно. Так, большинство исследователей рассматривали «Палеологовский Ренессанс» как результат воздействия итальянского Возрождения. Искусство Древней Руси, средневекового Крыма, Кавказа, Сербии и Болгарии воспринималось многими лишь в качестве провинциальных отголосков византийского искусства.

Еще создатель иконографического метода изучения истории последнего Н. П. Кондаков высказал мнение о неполноценности такого метода, о необходимости эстетического анализа произведений искусства. Первый шаг в преодолении этой ограниченности сделал ученик Н. П. Кондакова — Д. В. Айналов в своей работе «Эллинистические основы византийского искусства» (1900). В работах П. П. Муратова и ряда других специалистов формально-стилистический разбор как новый прием исследования памятников византийского и древнерусского искусства был противопоставлен старому, иконографическому методу Н. П. Кондакова. Однако, отказываясь от всего ценного, что было достигнуто иконографической школой, приверженцы этого метода выказывали еще большую ограниченность.

² В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве.— ВВ, VI, 1953, стр. 221—222.

³ В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 24.

⁴ Там же.

В. Н. Лазарев положил начало критическому пересмотру методов старой науки. Он сумел сохранить и развить важнейшие достижения своих предшественников, решительно отбросив все косное, что тормозило изучение истории искусства.

Впервые с исчерпывающей полнотой цельная и объективная картина исторической эволюции византийской живописи получила освещение в монументальном труде В. Н. Лазарева «История византийской живописи» (1947—1948). Рассмотрению важнейших этапов формирования и развития византийского искусства исследователь предпосылает обстоятельные экскурсы в социально-экономическую и культурную историю Византии, обусловившую его специфику. Весь этот процесс характеризуется как сложное взаимодействие главного художественного центра—Константинополя с многочисленными самостоятельными центрами, находившимися и внутри Византийской империи, и за ее пределами. Особое внимание исследователя привлекает история искусства в странах, в той или иной мере испытывавших влияние Византии,— в Древней Руси, Болгарии, Сербии, Грузии, Италии.

Характеризуя основные памятники византийской живописи, В. Н. Лазарев расценивает их «прежде всего как произведения искусства»^{4а} В соответствии с этим история живописи излагается им под углом зрения эволюции византийского художественного стиля, а в основу эстетической оценки каждого памятника кладется художественно-стилистический анализ.

Грандиозный фактический материал, входящий в книгу, дополнен во втором издании труда результатами недавних реставрационных открытий и разбором вновь опубликованных работ по истории византийского искусства. Как особое достоинство монументальной монографии В. Н. Лазарева следует отметить, что, несмотря на тщательность и скрупулезность исследования отдельных памятников и разбора частных вопросов, материал преподносится таким образом, что узловые моменты развития византийской живописи оказываются четко выделенными и акцентированными, конструкция работы в целом выступает ясно и отчетливо.

Во втором издании своего труда благодаря новым открытиям в области раннехристианского искусства В. Н. Лазарев получил возможность более подробно рассмотреть становление стиля константинопольской живописной школы V—VII вв., детально проанализировать ее ведущие тенденции в VI и VII вв. Особое внимание здесь В. Н. Лазарев уделяет связанным со столичным искусством фрескам конца VII в. в Кастельсеприо — памятнику, подтверждающему первоначальный вывод исследователя об устойчивости эллинистических традиций в живописи Константинополя. В специальной статье, посвященной датировке этих фресок, В. Н. Лазарев отмечает, что их эмоциональный строй и жизненность образов, сохранивших дыхание античности, дают наглядный пример того, «какой была константинопольская живопись перед началом иконоборческого движения»⁵.

^{4а} В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 6; i d e m. Storia della pittura bizantina. Torino, 1967.

⁵ В. Н. Лазарев. Фрески Кастельсеприо.— ВВ, VII, 1953, стр. 377; i d e m. Gli affreschi di Castelseprio.— «Sibrium», III, 1956—1957, p. 87—102.

Важное место в новой редакции книги отведено мозаичным комплексам IX—XI вв., сохранившимся в храмах Хосиос Лукас, Софии Киевской, Неа Монн и Дафни, комплексам, составляющим высшее достижение монументальной живописи Византии. К лучшим страницам исследования относится увлекательный, образный рассказ о содержании этих росписей, об их композиционном и цветовом решении.

Большую научную ценность имеют выводы В. Н. Лазарева касательно реконструкции византийского темплона. Исследуя особенности внутреннего убранства византийских храмов XI—XII вв., В. Н. Лазарев прослеживает длительный путь превращения мраморной алтарной преграды с размещенными на ней иконами в многоярусный иконостас XV в.— «процесс, получивший свое логическое завершение уже на русской почве»⁶.

Уже в ранних работах В. Н. Лазарева об итальянской иконописи XIII в.⁷ и мозаиках Чефалу⁸ отчетливо проявился интерес исследователя к проблеме влияния византийского искусства, в частности константинопольской школы живописи, на искусство других художественных центров средневековья. В статье «Константинополь и национальные школы в свете новых открытий»⁹ подведены итоги многолетних изысканий в области выяснения взаимосвязей константинопольской школы с живописью Италии, Древней Руси, Сербии, Болгарии, Армении и Грузии. «Без выяснения взаимосвязей различных художественных центров средневекового искусства,— пишет В. Н. Лазарев,— невозможно строго научное изучение последнего. Но еще более ошибочно сводить весь художественный процесс в рамках национальных школ к одним византийским влияниям и не замечать при этом, как в борьбе с этими влияниями складывались национальные черты и как постепенно эти черты возобладали над всем занесенным извне»¹⁰. Приведя ряд примеров сотрудничества византийцев с местными мастерами, В. Н. Лазарев подчеркивает, что «при изучении даже наиболее византизирующих произведений национальных школ мы уже не можем довольствоваться теми упрощенными формулировками, к которым прибегали историки искусства XIX и начала XX в. и к которым продолжают, к сожалению, прибегать многие современные ученые. Процесс кристаллизации национальных черт — вот что должно стоять в центре внимания исследователей средневековой художественной культуры. И если наших предшественников более всего интересовали черты сходства между произведениями отдельных национальных школ и константинопольской школы, что обычно приводило к явной переоценке византийских влияний, то нас теперь в гораздо большей мере интересуют черты различия. Только так, в результате тщательного изучения каждого от-

⁶ В. Н. Лазарев. Три фрагмента расписных эпистилнев и византийский темплон.— ВВ, XXVII, 1967, стр. 188.

⁷ V. N. Lazarev. Some Florentine Pictures of the Trecento in Russia.— «Art in America», XVI, 1927, p. 25—40; idem. Duccio and Thirteenth-Century Greek Icons.— BM, LIX, 1931, p. 154—169; idem. Über eine neue Gruppe byzantinisch-venezianischer Trecento-Bilder.— AS, VIII, 1931, S. 3—31; idem. Early Italo-Byzantine Painting in Sicily.— BM, LXIII, 1933, p. 279—287; etc.

⁸ V. N. Lazarev. The Mosaics of Cefalù.— AB, XVII, 1935, p. 184—232.

⁹ См.: ВВ, XVII, 1960, стр. 93—104.

¹⁰ Там же, стр. 93.

дельного памятника, а не на основе туманных искусствоведческих домыслов станет возможным решение такой сложнейшей исторической проблемы, как проблема национальной специфики в средневековом искусстве»¹¹. Такая постановка вопроса о коренном переосмыслении традиций византийской живописи характерна и для других работ В. Н. Лазарева, в частности для статьи о живописи Македонии XI—XII вв.¹²

Причины возникновения и особенности так называемого Палеологовского Ренессанса — вопрос, издавна волновавший византинистов и по сей день являющийся предметом оживленной полемики. В этой связи значительный интерес представляет четкая характеристика исторического значения «Палеологовского Возрождения», данная В. Н. Лазаревым в упомянутой выше программной статье о Константинополе и национальных школах. «...Пути развития итальянского и византийского искусства резко разошлись с конца XII в., что было обусловлено совершенно различным социально-экономическим укладом Византии и Италии,— пишет В. Н. Лазарев.— В передовой Италии, в связи с зарождением капиталистических отношений и появлением нового класса — буржуазии, в искусстве стали быстро нарастать реалистические тенденции, в отсталой же Византии, продолжавшей цепляться за свое прошлое, все новое неизменно облекалось в старые формы, почерпнутые из арсенала эллинистического искусства. Поэтому проникнутое духом глубокого ретроспективизма «Палеологовское Возрождение» ни в какой мере не может быть приравнено к итальянскому Проторенессансу, выдвинувшему в лице Николо Пизано, Арнольфо, Каваллини и Джотто мастеров, которые пролагали совсем новые пути в искусстве. И трагедия гордой и замкнутой Византии заключалась в том, что она не создала на последнем этапе своего развития ничего равноценного этому. Более того, она сознательно пренебрегла художественным опытом Запада, безнадежно пытаясь оживить такие традиции, которые к подлинному Возрождению привести никак не могли»¹³.

Однако этот строгий приговор не мешает В. Н. Лазареву высоко оценить неоэллинистическое направление в раннепалеологовском искусстве, породившее прославленные мозаики Кахриэ Джамии и предопределившее появление одного из величайших художников средневековья — Феофана Грека. Говоря об исторической роли «Палеологовского Возрождения», В. Н. Лазарев особо отмечает, что его художественные новшества вызвали быстрый отклик на территории Греции, на Балканах, на Кавказе и в Древней Руси¹⁴. Следует подчеркнуть, что В. Н. Лазарев все особенности нового стиля связывает с развитием художественного наследия Византии и категорически возражает против попыток отдельных итальянских ученых, повторяющих ошибочное мне-

¹¹ Там же, стр. 104; *idem*. *Constantinopoli e le scuole nazionali alla luce di nuove scoperte*.— AV, XIII—XIV, 1959—1960, p. 7—24.

¹² В. Н. Лазарев. Живопись XI—XII веков в Македонии.— «XIIe Congrès International des études byzantines. Ochride, 1961. Rapports, V». Belgrade—Ochride, 1961.

¹³ В. Н. Лазарев. Константинополь и национальные школы..., стр. 99—100.

¹⁴ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 26.

ние Д. В. Айналова, выдвинуть в качестве причины расцвета византийского искусства XIV в. влияние итальянского Проторенессанса.

С другой стороны, стиль итало-греческой и итало-критской иконописных школ конца XIV—XVII в. рассматривается им как эклектический и глубоко упадочный. По мнению В. Н. Лазарева, в нем выразился процесс окончательной деградации некогда великого византийского искусства ¹⁵.

Одна из основных проблем, исследуемых советскими историками византийского искусства, — взаимоотношения искусства Древней Руси и Византии. Из работ, посвященных именно этой проблеме, следует прежде всего отметить цикл исследований В. Н. Лазарева — «Этюды о Феофане Греке» ¹⁶. В них дана глубокая характеристика личности и творчества великого художника конца XIV—начала XV в. «Этюды» разработаны автором на широком историческом фоне: в них показано состояние современного Феофану русского искусства, а также выявлены тенденции его дальнейшего развития.

В двух первых «Этюдах» автором была изложена биография Феофана Грека, охарактеризованы произведенная им роспись церкви Спаса Преображения в Новгороде и его деятельность в Москве. В третьем «Этюде» В. Н. Лазарев подверг анализу еще одно произведение художника — иконостас Благовещенского собора в Москве, выяснил значение творчества Феофана для московской школы живописи и определил его место в истории русского искусства. Автор отметил две характерные черты исполнения благовещенских икон: с одной стороны — перенесение в иконопись приемов монументальной живописи, с другой (что является новым для творчества Феофана и чем он был обязан русским мастерам) — умение силуэтировать фигуры, более мягкий и плавный ритм линий. В работе нарисована развернутая картина художественной жизни Москвы конца XIV—начала XV в., ее связей с византийской и южнославянской культурой. В. Н. Лазарев пришел к заключению, что прямым учителем Андрея Рублева был не Феофан, а, по всей вероятности, старец Прохор с Городца и что хотя Рублев использовал великий опыт Византии и уроки одного из ее наиболее выдающихся мастеров — Феофана Грека, однако это ни в коей мере не мешало ему стать на путь вполне самостоятельного творчества. То находившееся под сильным византийским влиянием течение, которое было характерно для московской школы живописи конца XIV—начала XV в. и которое в немалой степени связано с деятельностью Феофана Грека, не имело на русской почве будущего и очень скоро растворилось в широком потоке русского искусства. В творениях Феофана Грека отразились, как было показано В. Н. Лазаревым, противоречия его века — эпохи кризиса средневекового мировоззрения. Хотя искусство Феофана не ломает традиционных церковных рамок, любое его произведение все же содержит в себе здоровое и крепкое реалистиче-

¹⁵ В. Н. Лазарев. К вопросу о «греческой манере» в итало-греческой и итало-критской школах живописи (Против фальсификации истории позднейшей византийской живописи). — ЕИИИС АН СССР, 1952, стр. 152—200. Рец.: ВВ, VIII, 1956, стр. 374—377.

¹⁶ В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке. — ВВ, VII, 1953, стр. 244—258; VIII, 1956, стр. 143—165; IX, 1956, стр. 193—210.

ское ядро. Феофан Грек органически усвоил передовые идеи живописи Новгорода и Москвы. И поскольку он занес на Русь те свободные живописные традиции, которые сложились в начале XIV в. на константинопольской почве, когда неозллинистическое течение находилось в полном расцвете, постольку искусство Феофана породило на Руси широчайший отклик.

Вопросы, поднятые в «Этюдах» В. Н. Лазарева или тесно соприкасающиеся с ними, разрабатываются и в трудах других наших специалистов.

Исследование М. А. Ильина посвящено художественным взаимоотношениям Феофана Грека и Рублева¹⁷. В этой связи автор рассматривает, в частности, взаимоотношения, вообще существовавшие между руководителями и рядовыми членами артелей иконописцев.

Большое место в трудах советских искусствоведов занимает изучение замечательных памятников искусства нашей страны (таких, например, как София Киевская). В связи с этим возник вопрос о степени влияния византийского искусства на искусство Древней Руси. Немалое значение для его решения имеет книга М. К. Каргера о древнем Киеве¹⁸.

Особенно ценным вкладом в выяснение данной проблемы явилась статья В. Н. Лазарева «Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской»¹⁹, выводы которой построены на основе произведенного им внимательнейшего обследования всей живописной поверхности росписи этого крупнейшего для XI в. монументального ансамбля. Изучение первоначальной росписи храма позволило автору не только уточнить дату возникновения мозаики основной группы фресок, но и восстановить первоначальный состав росписи как в центральной части храма, так и на хорах. Ряд новых данных сделал также возможным реконструировать дошедший до нас лишь частично групповой портрет семьи Ярослава, украшавший в свое время западную стену центрального корабля. Исследование В. Н. Лазарева в значительной мере помогло успешно распутать целый клубок вопросов из истории Киевской Руси времени Ярослава, равно как и относящихся непосредственно к росписи Софии Киевской вопросов, над решением которых трудились несколько поколений русских ученых.

Главные выводы В. Н. Лазарева сводятся к следующему. Все мозаики и роспись центрального креста были закончены в 1046 г. Работы над росписями хоров и особенно приделов могли затянуться до начала 60-х годов. Христологический цикл Софии Киевской состоял из шестнадцати сцен, в подборе которых составители программы росписи пос-

¹⁷ М. А. Ильин. Изображение Иерусалимского храма на иконе «Вход в Иерусалим» Благовещенского собора (К вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Андрея Рублева).— ВВ, XVII, 1960, стр. 105—113. Ср.: его же. Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева.— ВИ, 1960, № 12, стр. 89—98. Из более поздних статей, посвященных Андрею Рублеву, назовем: Н. Н. Воронин. Андрей Рублев и его время.— «История СССР», 1960, № 4, стр. 53—65; М. Н. Тихомиров. Андрей Рублев и его эпоха.— ВИ, 1961, № 1, стр. 3—17; М. В. Алпатов. Андрей Рублев. М., 1959; В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. М., 1960.

¹⁸ М. К. Каргер. Древний Киев, т. II. М.—Л., 1961, стр. 98—206.

¹⁹ В. Н. Лазарев. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской.— ВВ, X, 1956, стр. 161—177; XV, 1959, стр. 148—169; его же. Мозаики Софии Киевской. М., 1960.

тупили весьма самостоятельно, взяв из традиционного фонда евангельских сюжетов те, которые представляли особую актуальность для Киевской Руси, принявшей христианство совсем недавно. Комплекс фресок на хорах Софии Киевской — в северном и южном крыльях — представляет собой осуществление весьма своеобразного идейного замысла. Весь этот цикл фресок имел прямое отношение к тому священнодействию, которое совершалось здесь для великого князя и его приближенных. Групповой портрет семейства Ярослава состоял из тринадцати фигур. Ярослав был изображен подносящим модель храма Христу, а не византийскому императору, как считали некоторые ученые.

Таким образом, благодаря правильной реконструкции группового портрета семьи Ярослава отпало ошибочное мнение, будто первоначальный вид этого портрета доказывал вассальную зависимость Киевской Руси от Византии (А. А. Васильев, А. Н. Грабар, Л. Брейе и др.). Напротив, как показал В. Н. Лазарев, он свидетельствует о силе и независимости киевского князя, приказавшего изобразить себя и свою супругу в коронах и роскошных великокняжеских облачениях, сходных с царскими. Все это в свою очередь говорит о могуществе Киевского государства, одной из великих держав Европы XI в.

Поставленный В. Н. Лазаревым еще в «Истории византийской живописи» вопрос о формах и методах сотрудничества византийских и местных мастеров получил углубленное развитие в его дальнейших исследованиях²⁰. Весьма важна по своим выводам статья В. Н. Лазарева, посвященная сопоставлению константинопольской и национальных (сицилийская, венецианская, древнерусская) школ живописи. Автор установил, что примерно до первой половины XII в. греческие мастера играли руководящую роль в национальных школах, однако уже в этот период местные мастера, работавшие под руководством византийцев, привносили национальные особенности в декоративное убранство памятников; со временем самобытные черты местных школ проявляются все более ярко и отчетливо²¹.

В. Н. Лазаревым была опубликована великолепно выполненная житийная икона богоматери, которую он приписывает флорентийской школе 70-х годов XIII в. В связи с публикацией этой иконы автор подчеркнул необходимость выявления путей проникновения византийского влияния во флорентийскую живопись²².

Исследование так называемой Ковалевской росписи, разрушенной во время Великой Отечественной войны, позволило В. Н. Лазареву проследить связи древнерусского искусства с искусством южных славян²³.

²⁰ В. Н. Лазарев. Древнерусские художники и методы их работы, в кн. «Древнерусское искусство XV — начала XVI века». М., 1963, стр. 7—21. См. о творчестве В. Н. Лазарева статью: В. Н. Гращенков. Виктор Никитич Лазарев (к 70-летию со дня рождения). — ВВ, XXIX, 1968, стр. 3—25; Список трудов В. Н. Лазарева. — Там же, стр. 26—31.

²¹ В. Н. Лазарев. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. — ВВ, XVII, 1960, стр. 93—104.

²² В. Н. Лазарев. Неизвестный памятник флорентийской живописи дученто и некоторые общие вопросы истории итальянского искусства XIII в. — ЕИИИС АН СССР, 1956. М., 1957, стр. 383—459.

²³ В. Н. Лазарев. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV в. — ЕИИИС АН СССР, 1957, М., 1958, стр. 233—278.

Большой интерес представляет книга В. Н. Лазарева, посвященная фрескам Старой Ладogi²⁴. Здесь впервые опубликован большой ансамбль выдающегося произведения древнерусской монументальной живописи — фрески церкви св. Георгия в Старой Ладогe. Эти фрески являются наиболее «грекофильскими»; они свидетельствуют о сильном влиянии Византии не только на станковую, но и на монументальную живопись Новгорода второй половины XII в. Автор отнес ансамбль примерно к 1167 г. и в связи с этим критически пересмотрел датировку выполнения ряда византийских росписей того же периода.

Проблемы древнерусского искусства продолжал разрабатывать видный знаток его — М. В. Алпатов, опубликовавший ряд статей, которые имеют существенное значение и для византиноведения^{24а}.

В статье Н. П. Сычева о росписи Дмитриевского собора во Владимире выявлено значительное сходство этой росписи с фресками из Фессалоники, что, по его мнению, свидетельствует о влиянии живописи этого византийского города на древнерусскую живопись²⁵.

Для изучения живописи Софии Киевской и решения некоторых проблем истории искусства Древней Руси весьма важны многолетние исследования В. И. Левицкой. Основываясь на данных реставрационных работ, проводившихся в Софии Киевской в 1953—1954 гг., используя различные методы подсчета площадей мозаичных композиций, производя в необходимых случаях экспериментальные исследования, автор установила объем мозаичных работ в Софии Киевской, количество занятых мозаичистов, выяснила общие условия и продолжительность их работы; оказывается, площадь мозаичного набора Софии Киевской первоначально составляла свыше 600 кв. м; всего в течение 120 человеко-месяцев было уложено 9 млн. кубиков, причем работа велась в три сезона (по шести месяцев, начиная с мая), из которых в первых двух работало по восьми мастеров, а в третьем — четыре²⁶.

Советские искусствоведы-византилисты интенсивно изучали памятники византийского искусства, хранящиеся в наших музеях, прежде всего в Государственном Эрмитаже. В этом отношении большой научный интерес имеет работа А. В. Банк «Искусство Византии в собраниях Государственного Эрмитажа» (Л., 1960)²⁷. До недавнего времени памятники византийского искусства, находящиеся в Эрмитаже, были

²⁴ В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладogi. М., 1960.

^{24а} М. В. Алпатов. Памятник древнерусской живописи конца XV века икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964; его же. Вопросы изучения и истолкования древнерусского искусства. — «Искусство», 1967, № 1, стр. 64—70.

²⁵ Н. П. Сычев. К истории росписи Дмитриевского собора во Владимире. — «Памятники культуры. Исследование и реставрация», т. I. М., 1959, стр. 143—177.

²⁶ В. И. Левицкая. О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской. — ВВ, XV, 1959, стр. 170—184.

²⁷ О собрании произведений византийского искусства в Эрмитаже см.: А. В. Банк. Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже. — ВВ, XI, 1956, стр. 340—348; ее же. Выставки памятников культуры и искусства Византии и стран Ближнего и Среднего Востока. — СГЭ, XI, 1957, стр. 16—19; «Государственный Эрмитаж. Культура и искусство Византии IV—XV вв., Ближнего и Среднего Востока III—XVIII вв.». М., 1957, стр. 5—21; ее же. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М. — Л., б. г. (альбом).

известны по отдельным публикациям, разбросанным в специальных изданиях или сводках. Задача работы А. В. Банк заключалась в том, чтобы объединить в одном издании наиболее выдающиеся памятники различных жанров прикладного искусства и живописи. Многие из них впервые представлены как в общем виде, так и в деталях, что позволяет пользоваться репродукциями для исследовательских целей и одновременно дает широкой публике представление о высоком уровне художественного творчества византийских мастеров. Данное издание является первым этапом на пути к подготовке научного каталога византийского собрания Эрмитажа.

Кроме того, А. В. Банк отдельно опубликовала и обстоятельно исследовала несколько памятников византийского искусства из коллекций Эрмитажа. Особое внимание привлекают византийские серебряные изделия XI—XII вв., в том числе серебряные реликварий и ставро-тека. На основании сопоставления эрмитажного реликвария с подобными же памятниками — реликварием из сокровищницы Сан-Джованни в Латеранском соборе, лимбургской ставроतेкой X в., так называемым энколпием Константина, небольшим серебряным складнем из Шемокмеди и др. автор пришла к выводу, что эрмитажный и латеранский реликварий происходят из одного художественного центра, а возможно, из одной мастерской; оба были изготовлены в Константинополе. Время изготовления ленинградского реликвария исследовательница относит ко второй половине XI в.²⁸ Сопоставив эрмитажную серебряную ставротеку с аналогичными памятниками, А. В. Банк датировала первую концом XI—началом XII в.; изготовлена она была, по мнению автора, не одним, а по меньшей мере двумя мастерами и является памятником константинопольского происхождения²⁹.

А. В. Банк была произведена предварительная публикация нового поступления в Эрмитаж — крышки серебряного сосуда из Ненецкого округа: здесь изображены музыканты, танцоры, акробаты, а также животные и птицы; техника и стиль исполнения говорят о сочетании элементов, характерных для прикладного искусства XII в. главным образом Восточной Европы, в том числе Руси. Не исключена возможность изготовления крышки в византийском провинциальном центре³⁰.

Государственный Эрмитаж располагает ценным собранием византийских камей, пять из которых были опубликованы А. В. Банк. Путем сравнения с другими камнями, с изображениями на монетах и вместе с тем исходя из иконографических и стилистических данных, исследовательница отнесла эти камей к X—XI вв.³¹

А. В. Банк, кроме того, опубликовала гребень слоновой кости из недавних раскопок в Саркеле (Белая Вежа) с сюжетными изображени-

²⁸ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. — ВВ, XIII, 1958, стр. 211—221.

²⁹ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. — ВВ, XIV, 1958, стр. 234—242.

³⁰ А. В. Банк. Крышка серебряного сосуда из Ненецкого округа. — СГЭ, XV, 1959, стр. 49—52.

³¹ А. В. Банк. Несколько византийских камей из собрания Государственного Эрмитажа. — ВВ, XVI, 1959, стр. 206—215; е е ж е. Гемма с изображением Соломона. — ВВ, VIII, 1956, стр. 331—337.

ями (на одной стороне — павлин в фас, на другой — Самсон или Давид, разрывающий львиную пасть). Автор датировал гребень XI в. и предположила, что он был изготовлен византийским мастером, скорее всего, в восточных областях империи ³².

В статье В. Д. Лихачевой охарактеризован бюст императора Юлиана II. Исследовательница убедительно датирует его 362 годом, а местом изготовления считает Антиохию ^{32а}.

Продолжалось изучение и вновь открытых или уже известных науке, но недостаточно исследованных памятников византийского искусства, обнаруженных в Херсонесе.

Из новых открытий византийских памятников искусства в Херсонесе выделяется шиферная икона, найденная в 1956 г. и опубликованная впервые Г. Д. Беловым. Ее обнаружили при раскопках дома XIII—XIV вв., причем была установлена ее тождественность с другими иконами византийского происхождения. На этом основании Г. Д. Белов считал данный памятник произведением византийского мастера и датировал его (по аналогии с остальными) XII в. На это указывают и иконографические особенности изображенных здесь святых: Феодора Стратилата, Георгия и Дмитрия. Публикуемая икона является произведением зрелого мастерства, о чем красноречиво свидетельствуют и техническое совершенство ее исполнения, и высокая художественность изображений, и искусная композиция.

Большая серия икон византийского происхождения, найденных в Херсонесе, показывает, что культурные и торговые связи Херсонеса с Византией в XII в. были еще достаточно оживленными ³³.

В свете новых данных А. В. Банк заново изучила некоторые старые находки, сделанные в Херсонесе. Она описала две костяные пластинки, найденные там еще в 1903 г., и, сопоставив одну из них с пластинкой из Константинополя (XII в.), выдвинула предположение, что они были изготовлены если не одним мастером, то в одной и той же мастерской и относятся к XI—XII вв. Эти пластинки являлись произведениями народного искусства византийского средневековья.

В той же работе А. В. Банк опубликовала две бронзовые чаши из Херсонеса и Киева. Сходство этих чаш указывает на общий источник, а быть может, и единый центр производства обоих предметов. Херсонесская чаша (миска) по своей форме и характеру декорировки, в частности надписи, изделие конца XIII или начала XIV в. Киевская чаша представляет своего рода копией херсонесской, однако техника исполнения киевского сосуда более грубая. Эта чаша, по-видимому, была изготовлена несколько позднее, но в пределах того же XIV в. Таким образом, упомянутые предметы в известной мере проливают новый свет на взаимоотношения Руси и Херсонеса в XIII—XIV вв. ³⁴.

³² А. В. Банк. Гребень из Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959, стр. 333—339.

^{32а} В. Д. Лихачева. Халцедоновый бюст Юлиана Отступника. — СГЭ, 22, 1962, стр. 18—21.

³³ Г. Д. Белов. Шиферная икона из Херсонеса. — СА, 1960, № 2, стр. 257—263; О. И. Домбровский. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.

³⁴ А. В. Банк. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных. — ВВ, IX, 1956, стр. 186—192.

Следует отметить статью А. В. Банк, посвященную рельефу с изображением Георгия из собрания Эрмитажа³⁵. Особенности иконографии и художественных приемов в изображении Георгия позволили автору выдвинуть гипотезу о воздействии западных традиций на создателей этого памятника византийской скульптуры.

А. В. Банк опубликовала также выдающийся памятник византийского искусства первой половины XIV в.— мозаичную икону из бывшего собрания Н. П. Лихачева³⁶.

Исследование О. А. Белобровой, посвященное истории отображения статуи Юстиниана в русской иконографии, важно для изучения связей между византийским и древнерусским искусством³⁷. Автор полагает, что подобные отображения в русской иконографии не случайны — они были тесно связаны с утверждением на Руси православия, ростом могущества церкви и укреплением идеи самодержавия, т. е. имели конкретный политический смысл.

Многие годы исследованиями в области византийского искусства занимался крупнейший советский искусствовед покойный Л. А. Мацулевич. В 1959 г. была опубликована его работа о византийских войсковых знаках. Предметом исследования Л. А. Мацулевича послужила серебряная статуэтка орла, обвитого змеей, найденная в Нескребовском городище близ Днепростроя в 1930 г. Она входила в комплекс предметов, которые автор определил как снаряжение воинского отряда на рубеже VII—VIII вв. Сама фигурка, судя по клеймам и стилистическим данным, была изготовлена на рубеже IV—V вв. в районе Подунавья и служила воинской эмблемой. В VII или на рубеже VII—VIII вв. она была использована вторично; в это время была вырезана монограмма Петра³⁸.

Л. А. Мацулевич принимал деятельное участие в изучении материалов раскопок древнего Питиунта. Им, в частности, исследованы остатки древних мозаичных полов в питиунтской базилике; он датирует их IV и V вв.³⁹ На сессии по проблемам византиноведения в Ленинграде в ноябре 1958 г. Л. А. Мацулевич прочитал доклад «Мозаики Бир аль-Кута и Пицунды». Анализируя результаты последних раскопок, он отнес мозаики обоих памятников к V в. и пришел к выводу о наличии художественных связей Грузии со Средиземноморьем в IV—V вв.⁴⁰

Советские историки византийской архитектуры одной из своих важнейших задач ставили изучение исторических связей византийской архитектуры и архитектуры славянских народов. Эта проблема была по-

³⁵ А. В. Банк. Рельеф с изображением Георгия из собрания Эрмитажа.— «Исследования по истории культуры народов Востока». Сб. в честь академика И. А. Орбели. М.— Л., 1960, стр. 20—28.

³⁶ А. В. Банк. Мозаичная икона из б. собрания Н. П. Лихачева.— «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 185—194.

³⁷ О. А. Белоброва. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии.— ВВ, XVII, 1960, стр. 114—123.

³⁸ Л. А. Мацулевич. Войсковой знак V в.— ВВ, XVI, 1959, стр. 183—205.

³⁹ Л. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте.— ВДИ, 1956, № 4, стр. 146—153.

⁴⁰ Ср.: Л. А. Мацулевич. Bir-el-Qutt. Историческое и художественное значение мозаики.— «Древний мир». Сборник в честь академика В. В. Струве. М., 1962, стр. 312—318.

ставлена в работе Р. А. Кацнельсон⁴¹. В центре внимания автора архитектурный тип храма с трехлопастным завершением фасадов, распространенным у восточных и южных славян XII—XIV вв. Автор исходил из представления, что в основу каменного культового зодчества в Древнерусском государстве был положен византийский крестовокупольный тип храма. Однако русские зодчие в соответствии с местными художественными вкусами и потребностями, а также архитектурными традициями деревянного зодчества создали новый художественный облик храма, видоизменив его план и конструктивную систему. Для русского храма было характерно трехлопастное завершение фасадов, которому соответствует специфическое сочетание сводов.

Процесс переработки византийских архитектурных форм происходил и в архитектуре южных славян — в Болгарии, Сербии, Далмации, где он имел свои особенности. Деревянные постройки оказывали здесь меньшее влияние на развитие каменной архитектуры, чем на Руси. Архитектура южных славян в большей степени формировалась под воздействием античных образцов и ранневизантийских каменных сооружений. Южные славяне сами непосредственно участвовали в формировании византийского зодчества. Народные традиции, во многом сходные с восточнославянскими, определили ряд черт в их архитектуре, сближающих зодчество восточных и южных славян. На основании изучения южнославянских архитектурных памятников автор пришел к предварительному выводу, что трехлопастное завершение фасадов, характерное для русского зодчества, имеет аналогии в Болгарии и позднее в Далмации; в архитектуре Сербии оно не применялось.

Р. А. Кацнельсон принадлежит также обобщающий очерк истории византийской архитектуры в I томе «Всеобщей истории архитектуры» (М., 1958, гл. V).

Для изучения архитектуры Византии и ее связей с архитектурой Италии и Ближнего Востока представляют интерес исследования ныне покойной С. А. Кауфман. В одной из своих статей она предприняла попытку установить некоторые этапы в истории строительства Софии Константинопольской⁴². Было подчеркнуто, что в отличие от римских купол Софии Константинопольской являлся кирпичным, т. е. тяжелым, а не легким, как обычно указывается в популярных работах. Очевидные просчеты проектировщиков и строителей, использование ими старых частей, спешка в ходе самого строительства не могли не привести уже в процессе работ к опасным для здания явлениям, о чем свидетельствуют письменные источники. Тот факт, что первый купол обрушился, расценивается автором как неизбежный результат органических недочетов проекта, а не случайное следствие землетрясения. Некоторое улучшение конструкции купола при его восстановлении Исидором Младшим не могло исправить эти коренные ошибки, особенно в отношении формы главных пилонов; отсюда — последующие обрушения. Введение в купол металлических круговых связей при реставрации XIX в.

⁴¹ Р. А. Кацнельсон. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии. — ВВ, XII, 1957, стр. 242—262.

⁴² С. А. Кауфман. Из истории Софии Константинопольской. — ВВ, XIV, 1958, стр. 200—233.

также не обеспечило надежной устойчивости здания, которое, по ее мнению, остается в угрожающем состоянии.

Обрушением Софии и некоторых сходных зданий следует объяснить отказ в дальнейшем от строительства сооружений с большим внутренним подкупольным пространством и распространение в Византии различных вариантов крестовокупольной системы, чем определялся также характер культовой архитектуры на Руси.

В другой работе С. А. Кауфман поставила задачей определить дату постройки храма Сан-Лоренцо с его первоначальным четырехлопастным планом⁴³. Она склоняется к датировке его третьей четвертью IV в. н. э. Независимо от времени создания этого храма он, по мнению исследователицы, представляет собой крупнейшее из древних четырехлопастных сооружений. Несмотря на романскую реконструкцию, Сан-Лоренцо был воспринят мастерами раннего Возрождения как живой представитель античности и ознакомление с ним послужило толчком к созданию центральных композиций Ренессанса.

В критической статье, написанной по поводу трехтомной монографии Ж. Чаленко [G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord, t. I—III, Paris, 1953 (1955) 1958], С. А. Кауфман выдвинула ряд собственных предположений об исторических судьбах поселений, расположенных к югу от римской дороги из Антиохии в Берею⁴⁴. Ни один историк византийского искусства не пройдет мимо выдающихся исследований последних лет, посвященных истории древнерусского зодчества и скульптуры. Среди них первое место занимают книги Н. Н. Воронина («Зодчество Северо-Восточной Руси», т. I. М., 1961; т. II. М., 1962) и Г. К. Вагнера («Скульптура Владимиро-Суздальской Руси». М., 1964).

Значительны результаты изучения средневекового искусства Грузии и Армении.

Итогом многолетних трудов является монография Г. Н. Чубинашвили о грузинском чеканном искусстве⁴⁵, вышедшая вслед за роскошно изданным альбомом⁴⁶. Автором был собран и подвергнут тщательному анализу огромный материал, относящийся по преимуществу к средневековому периоду (VIII—XII вв.). Некоторые главы, посвященные отдельным памятникам,— это вполне законченные самостоятельные исследования; в других рассматривается эволюция тех или иных орнаментальных мотивов. Автор намечает мастерские и школы чеканки X—XII вв., а в заключительной главе дает обзор развития грузинской средневековой чеканки с VIII по XVIII в.

Г. Н. Чубинашвили многократно обращался к сопоставлениям с византийским материалом, однако для этой книги, как и для других,

⁴³ С. А. Кауфман. Миланский комплекс центральных зданий.— ВВ, XV, 1959, стр. 278—294.

⁴⁴ С. А. Кауфман. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии.— ВДИ, 1960, № 5, стр. 170—183.

⁴⁵ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства, т. I—II. Тбилиси, 1959.

⁴⁶ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII в. Альбом. Тбилиси, 1957; Ср.: Ш. Я. Амирашвили. История грузинского искусства. М., 1963.

характерно стремление прежде всего определить своеобразие грузинского искусства. Данная тенденция получила свое отражение и в другой монографии того же автора, посвященной архитектуре Кахетии ⁴⁷.

Перу Г. Н. Чубинашвили принадлежит также исследование о грузинской средневековой резьбе по дереву ⁴⁸. Изучив сравнительно небольшое число дошедших до нас памятников этого особенно сильно подвергшегося разрушительному действию времени вида искусства, автор убедительно выявил его специфику и одновременно раскрыл черты общности с другими видами искусства (чеканка, архитектурная декорировка).

Для византинистов представляет интерес обобщающая работа Ш. Я. Амиранашвили ⁴⁹. Рассмотрев процесс развития живописи на территории Грузии в VII—XII вв., автор дал характеристику отдельных памятников, сопроводив ее наблюдениями, касающимися связей с византийским и восточнохристианским искусством. Одновременно он пытался проследить возникновение национальной иконографии в грузинском искусстве и определить его различные течения. В 1956 г. тем же автором была переиздана монография, посвященная творчеству золотаваятеля XII—XIII вв. Бека Опизари ⁵⁰.

Помимо указанных опубликован ряд исследований об отдельных памятниках архитектуры средневековой Грузии, их декоративном убранстве, фресковой живописи.

В вышедшем в 1959 г. очередном томе «*Ars Georgica*» была помещена статья Т. Б. Вирсаладзе о фресковой росписи Гелатского храма ⁵¹. Автор выявил стилистическое своеобразие этих росписей 20-х годов XII в. по сравнению с византийскими памятниками XI—XII вв. и посвятил большой экскурс изображениям вселенских соборов. Он проследил историю этих изображений на фресках Византии, Балкан, Древней Руси и Грузии. Особо четко выполненное в росписи Гелати изображение Халкидонского собора Т. Б. Вирсаладзе связывает с реальным историческим значением этого собора для Закавказья.

Вслед за прекрасно изданным в 1952 г. альбомом Л. А. Дурново «Древнеармянская миниатюра» тем же автором была опубликована небольшая работа по истории древнеармянской живописи ⁵². Наряду с известными ранее великолепными образцами миниатюр автор ввел в научный оборот недавно открытые фрагменты монументальных произведений VII и X вв. Несмотря на лаконизм изложения и небольшой размер книги Л. А. Дурново, эта работа, впервые определяющая пути развития средневековой живописи Армении, имеет большое научное значение.

⁴⁷ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточных провинциях Грузии в IV—XVIII вв. Тбилиси 1958—1959, 638 стр.

⁴⁸ Г. Н. Чубинашвили. Грузинская средневековая художественная резьба по дереву (переломы X—XI вв.). Тбилиси, 1958.

⁴⁹ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинской монументальной живописи, т. I, Тбилиси, 1957, 185 стр.; его же. Грузинская миниатюра. М., 1966.

⁵⁰ Ш. Я. Амиранашвили. Бека Опизари. Тбилиси, 1956, 56 стр.

⁵¹ Т. Б. Вирсаладзе. Фрагменты древней фресковой росписи главного Гелатского храма.— «*Ars Georgica*», 5. Тбилиси, 1959, стр. 163—205.

⁵² Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957.

Армянскую миниатюру исследовали Л. Р. Азарян⁵³ (занимавшийся по преимуществу Киликийской школой) и Т. А. Измайлова⁵⁴. Значительное число научных и научно-популярных изданий (на армянском и русском языках) представляют собой публикации отдельных памятников архитектуры и декоративного убранства. Обобщающее исследование В. М. Арутюняна было посвящено строительству мостов и караван-сараев на территории Армении⁵⁵.

Интересна публикация Р. М. Джанполадян фрагмента византийского стеклянного сосуда, найденного во время раскопок в Двине⁵⁶.

За последние годы все большее внимание историков привлекает средневековая идеология. Особое место здесь занимает изучение мистических движений, роль которых в истории средневековья общеизвестна. Советские ученые неоднократно указывали на возможность существования тесных связей «между мистическими течениями общественной мысли XIV в. на Балканах и новыми явлениями в области живописи»⁵⁷. обстоятельному специальному рассмотрению этот вопрос впервые подвергся в работах Н. К. Голейзовского.

Н. К. Голейзовский отказался от широко распространенного в современном искусствоведении метода, когда основным критерием для оценки произведения искусства выступают данные формального анализа памятника. По его мнению, такой метод не позволяет глубоко исследовать исторические причины тех или иных явлений в области искусства и таит в себе неизбежность субъективных выводов. В своих работах Н. К. Голейзовский основывается на утверждении Ф. Энгельса о том, что любое историческое явление, вызванное к жизни «в конечном итоге экономическими» причинами, «может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины»⁵⁸. Исходным, определяющим моментом исследования произведения искусства служит для Н. К. Голейзовского идеология изучаемой эпохи, в частности воззрения современников, зафиксированные в разнообразных памятниках письменности. При этом каждое произведение живописи, каждый памятник письменности рассматривается не изолированно, а в тесной связи с историческим развитием культуры, в живом взаимодействии со смежными областями идеологии.

Практическое знание техники монументальной и станковой живописи

⁵³ См.: Л. Р. Азарян. Киликийская миниатюра XII—XIII вв. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1959.

⁵⁴ См., например: Т. А. Измайлова. Декоративное убранство двух анийских памятников начала XIII века.— ТГЭ, 2, 1958, стр. 159—166; е е же. Культурное наследие в убранстве анийских памятников (X—XI вв.).— ИАН АрмССР, обществ. науки, 1959, № 10, стр. 67—82.

⁵⁵ См.: В. М. Арутюнян. Караван-сарай и мосты средневековой Армении.— «Сборник научных трудов Ереванского политехнического ин-та им. К. Маркса», 17, 1958, стр. 135—145.

⁵⁶ Р. М. Джанполадян. Стеклянный сосуд из Двина.— КСИМК 60, 1955, стр. 120—124; е е же. Сфероконические сосуды из Двина и Ани.— СА, 1958, № 1, стр. 201—213.

⁵⁷ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России.— «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике». М., 1960, стр. 132.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 39, стр. 84.

Древней Руси позволяет Н. К. Голейзовскому проводить тонкие сопоставления стилистических изменений в живописи с данными широкого круга исторических источников (сочинения отцов церкви, жития святых, летописи и т. д.).

В работе «Заметки о творчестве Феофана Грека»⁵⁹ Н. К. Голейзовскому удалось доказать причастность прославленного византийского иконописца XIV в. к исихазму, установить влияние Феофана-«философа» (так называли художника его современники) на русскую живопись конца XIV — начала XV в.

В связи с изучением памятника русской полемической литературы второй половины XV в. «Послание иконописцу» Н. К. Голейзовским была рассмотрена деятельность одного из крупнейших живописцев Древней Руси — Дионисия⁶⁰. По мнению автора, творчество этого мастера завершило процесс формирования стиля, отразившего результаты длительной национальной переработки исихастских идей. В статье убедительно показано, что «Послание иконописцу», составленное известным общественным деятелем конца XV — начала XVI в. Иосифом Волоцким, адресовалось именно Дионисию, знаменитому мастеру, которого современники называли «началохудожником», т. е. первым живописцем своей эпохи.

Статья Н. К. Голейзовского «Исихазм и русская живопись XIV — XV веков» посвящена исследованию причин расцвета живописи в России XIV—XV вв. Эта работа носит обобщающий характер. В частности, здесь рассматриваются вопросы о влиянии мистики на византийскую живопись X—XII вв., об эволюции мистических идей в России XI—XV вв. и об их ранневизантийских источниках, о кардинальном переосмыслении исихастских учений на Руси в эпоху так называемого «второго южнославянского влияния». Основные этапы этого переосмысления рассмотрены на примере творчества ведущих мастеров древнерусской живописи — Феофана Грека, Андрея Рублева и Дионисия. В статье обращено внимание на существование различий между учениями Григория Синаита и Григория Паламы; автор констатирует, что в древнерусской переводной литературе мистические произведения Григория Паламы не встречаются.

Так как история искусства рассматривается Н. К. Голейзовским в неразрывной связи с другими областями средневековой культуры, его работы представляют интерес для специалистов различных профилей.

Проблемы истории исихазма в последнее время привлекают внимание Г. М. Прохорова^{61–62}.

Среди работ молодых советских историков искусства в области византистики выделяются исследования ученицы В. Н. Лазарева — О. С. Поповой. Темы ее занятий — связи древнерусской живописи с византийской и южнославянской в XIII—XIV вв.; отражение «Палеологовского Возрождения» в древнерусской живописи; второе южнославянское влияние в Древней Руси. Проблема ставится и изучается в основ-

⁵⁹ См.: ВВ, XXIV, 1964, стр. 139—149.

⁶⁰ Н. К. Голейзовский. «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV—XVI вв. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 219—238. ВВ, XIX, 1968, стр. 196—210.

^{61–62} Г. М. Прохоров. Публицистика, Иоанна Кантакузина 1367—1371 годов — ВВ, XXIX, 1968, стр. 318—341; ср. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BSI, 28, 1967, p. 1—38.

ном на материале миниатюр древнерусских рукописей, но с широким привлечением фресок и икон. Этой теме посвящена статья О. С. Поповой «Новгородская рукопись 1270 г. Миниатюры и орнаменты»⁶³. Автор доказывает, что, несмотря на свою специфику, древнерусское искусство являлось органической частью искусства всего византийского мира. Такой подход позволяет понять происхождение стилей различных русских художественных «школ» и осознать генезис единого национального русского стиля, сложившегося в XV в. Вместе с тем обогащаются и наши представления о связях византийского и древнерусского искусства.

Оригинальностью выводов и свежестью материала отличаются статьи В. Д. Лихачевой о палеографических и художественных особенностях ценных средневековых греческих рукописей, хранящихся в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде, Четвероевангелия (Гр. № 801, вторая пол. XI в.) и матерника аввы Исайи (Гр. № 243, 1450 г.). В. Д. Лихачева со всей обстоятельностью выявляет реалистичные черты миниатюр обоих памятников⁶⁴. В этом же аспекте автор убедительно характеризует художественную функцию изображений бытовых предметов в эрмитажной иконе «Троица»⁶⁵. В. Д. Лихачева выдвигает интересную гипотезу о появлении новых, проторенессансных, реалистических веяний в палеологовском искусстве Византии.

*

Появление ряда монографий по истории и культуре Византии в отдельные периоды ее развития, а также большого количества статей по различным как собственно историческим вопросам, так и по вспомогательным дисциплинам — палеографии, эпиграфике, нумизматике и т. д. позволило нашим ученым приступить к созданию обобщающих трудов по истории Византии. Первыми опытами такого рода явились главы по истории Византии и южных славян в третьем томе «Всемирной истории», написанные З. В. Удальцовой (М., 1957); «Очерки по истории Византии и южных славян» А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина, изданные Учпедгизом (М., 1958), а также научно-популярная работа Г. Л. Курбатова «Византия в VI в.» (Л., 1959).

В 1967 г. коллективом советских византинистов был подготовлен крупный обобщающий труд — «История Византии» (в трех томах), где как бы подведены итоги предшествующих исследований⁶⁶.

⁶³ См.: ЗОРГБЛ, 25. М., 1962, стр. 184—219.

⁶⁴ В. Д. Лихачева. Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской публичной библиотеки.— ВВ, XIX, 1961, стр. 144—153; ее же. Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Государственной публичной библиотеки Гр. № 243.— ВВ, XXVII, 1967, стр. 229—242.

⁶⁵ В. Д. Лихачева. Художественная функция бытовых предметов в иконе «Троица» Государственного Эрмитажа.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 239—247.

⁶⁶ История Византии в трех томах: т. I (отв. ред. З. В. Удальцова); т. II (отв. ред. А. П. Каждан); т. III (отв. ред. Г. Г. Литаврин). М., изд-во «Наука», 1967. См. рец.: А. Я. Гуревича (Наследие византийской цивилизации).— ИМ, 1967, № 8, стр. 265—269; А. Р. Корсунского (От Восточной Римской империи к Византии).— ВВ, XXIX, 1968, стр. 300—304; Е. П. Наумова.— ССЛ, 1968, № 4, стр. 119—122; Е. М. Штаерман.— ВДИ, 1968, № 1, стр. 208—213; А. Р. Корсунского, М. А. Заборова.— ВИ, 1969, № 8, стр. 136—143.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая обзор развития советского византиноведения, мы хотим подчеркнуть, что в нашей отрасли науки, естественно, осталось немало «белых» пятен, малоизученных или совсем еще неосвещенных проблем. Самой сложной, принципиально важной методологической проблемой, вставшей сейчас во весь рост перед исторической наукой, и в частности перед византиноведением, на наш взгляд, является целостный охват всего исторического процесса. Раскрыть историю общества во всех главнейших ее проявлениях, понять его в качестве единой развивающейся системы — это исключительно перспективная и вместе с тем крайне трудная задача.

Думается, что усилия византинистов в ближайшие годы должны быть направлены на изучение и общих закономерностей, и специфических особенностей феодальной формации в Византии — единого социального целого, объемлющего не только базисные, но и надстроечные явления. Это означает, что наряду с продолжением разработки социально-экономической и политической истории Византии, а также классовой борьбы в византийском обществе необходимо обратиться к изучению кардинальных проблем истории культуры, идеологии и общественной мысли Византийской империи.

Социально-экономическая история Византии. В течение по крайней мере тридцати последних лет социально-экономическая история Византии стояла в центре внимания советских византинистов, и именно в этой области наши ученые достигли наибольших успехов.

Исследования по социально-экономической истории в будущем должны, на наш взгляд, вестись в трех основных аспектах: анализ новых, ранее еще не ставившихся в науке тем или целых «малоосвоенных» периодов; применение новых методов исследования к уже рассматривавшимся периодам (структурный метод, математическая обработка статистических данных, использование достижений и методов смежных наук — социальной психологии, антропологии и др.); обследо-

ние новых источников, данные которых могут изменить или уточнить сложившиеся в науке концепции.

Для дальнейшего расширения круга источников особое значение приобретают еще более интенсивное изучение византийских папирусов, в частности хранящихся в музеях и архивах СССР; использование данных греческой эпиграфики; всестороннее исследование замечательного собрания византийских свинцовых печатей Государственного Эрмитажа; описание и разработка греческих рукописных сокровищ Советского Союза; привлечение данных нумизматики; проведение археологических изысканий; анализ произведений византийского искусства, в том числе книжной миниатюры как исторического источника, содержащего интересные бытовые реалии.

Из новых проблем внимание византинистов на современном этапе развития науки привлекают следующие.

Взаимоотношения города и деревни. Советские византилисты немало сделали по аграрной истории Византии, несколько меньше — по истории византийского города. Однако до сего времени в полном объеме не поставлена еще проблема взаимоотношений города и деревни.

Полагаем, применительно к истории Византии было бы очень плодотворно рассматривать возникновение и развитие городов, изменение их внутренней структуры в органической связи с общей эволюцией всех общественных отношений в империи. Только выяснение взаимного влияния социально-экономического развития города и деревни может пролить свет на такую коренную проблему, как разложение античного полиса и формирование феодального города. Ее решение особенно важно, поскольку Византия даже в раннее средневековье была государством с развитыми товарно-денежными отношениями и всегда считалась «страной городов».

Необходимо проследить роль городов и в период классического феодализма, их взаимоотношения с феодальным поместьем, влияние натурализации хозяйственной жизни на структуру ремесла и торговли в городских центрах империи.

До сих пор остается неясным характер эволюции социально-экономического строя византийских городов в последний период ее существования. Без выяснения вопроса о формах ремесленного производства и зарождения мануфактур в городах XIII—XV вв. невозможно представить себе общие процессы разложения феодализма и появления ростков предкапиталистических отношений в поздней Византии.

Естественно, что при изучении специфики византийских городов необходимо применить сравнительный метод и сопоставить их развитие с аналогичными процессами в Западной Европе, на Руси, в южнославянских городах и на Востоке.

Разработка проблемы взаимоотношений города и деревни в Византии поможет определить специфические черты византийского варианта феодальных отношений, иначе говоря, установить типологию византийского феодализма.

Совершенно новой проблемой, еще не поставленной во всем объеме в нашей науке, является проблема локальных особенностей социально-экономического развития византийских провинций. До сих пор советские византилисты при изучении социально-экономической истории империи четко выделяли в особые территориальные комплексы, экономи-

ка которых характеризовалась значительными отличиями, лишь Египет, Сирию, Северную Африку и византийскую Италию. Ныне ставится вопрос и о своеобразии развития Пелопоннеса, Греции, Эпира, Македонии, Фракии, приморских и центральных районов Малой Азии, Трапезунда. Чрезвычайно важно нацелить на такие локальные штудии молодых ученых.

Назрела необходимость создать обобщающее исследование по социально-экономической и политической истории Византии XI в. Слабая изученность внутренних судеб страны в это столетие — факт, признанный мировым византиноведением, отмечавшийся на XIII Международном конгрессе византинистов в Оксфорде.

К числу проблем, уже изучавшихся в науке, но нуждающихся в дальнейших разысканиях с применением новых методов исследования и учетом вновь открытых источников, следует отнести следующие. Переход от античности к средневековью, от рабовладения к феодализму в Византии: проблема эта еще далека от своего решения, хотя в данной области советскими учеными достигнуты известные успехи. Взаимодействие византийских и западноевропейских форм феодализма в период латинского владычества в Византии в XIII в.: эта проблема теснейшим образом связана с вопросом о специфике феодальной раздробленности в Византии; весьма перспективен анализ своеобразия феодального развития различных областей бывшей Византийской империи (Греция, Пелопоннес, Эпир, Македония и Фракия, Малая Азия и Трапезунд).

По-прежнему животрепещущей остается спорная проблема поздне-византийского феодализма: вызревали ли в византийской экономике накануне падения империи предкапиталистические элементы или же хозяйственной и социальной жизни Византии в этот период свойственны лишь застой и упадок.

При разработке указанных выше проблем социально-экономической истории Византии в дальнейшем еще большее внимание следует уделить рассмотрению на конкретном материале, в частности археологическом, развитию производительных сил, эволюции техники ремесленного и сельскохозяйственного производства, росту производительности труда.

Все эти исследования призваны проложить путь нашим ученым к разработке магистральной проблемы — типологии византийского феодализма. Ее изучение в широком историческом аспекте, с применением новых методов структурного анализа и использованием многообразных греческих, латинских, славянских и восточных источников приобретает особую актуальность для византинистов, объектом исследований которых служит история государства, лежавшего на стыке Европы и Азии. Выявление сходства и отличия в социально-экономической эволюции Византии по сравнению со странами Востока, Западной Европы, Руси и других славянских народов — задача крайне сложная, но ее необходимо разрешить.

Классовая борьба в византийском обществе. К числу задач перво-степенной научной и методологической значимости принадлежит изучение классовой борьбы в византийском обществе. Именно разработкой истории народных движений в Византии советские ученые особенно обогатили византиноведческую науку. В этом отношении их труды ко-

ренным образом отличаются от работ зарубежных буржуазных византистов.

В области истории классовой борьбы в Византийской империи также осталось еще немало лакун. Так, ждут своего исследователя народно-еретические движения в ранней Византии. При этом настоятельно необходимо выработать новые социологические критерии и методические приемы рассмотрения этой темы. Нас не могут удовлетворить ни теория «филиации идей», ни голое социологизирование. Выяснение равнодействующей самых различных социальных, политических и идейно-религиозных устремлений, взятых во всей их жизненной многогранности, — вот, на наш взгляд, ключ к пониманию ранневизантийских ересей. Положив в основу исследования анализ соотношения социальных сил, одновременно необходимо проследить сочетание, порой даже причудливое переплетение в одном и том же еретическом движении разных по своим классовым истокам и целям социальных конфликтов и философско-религиозных расхождений, этнических противоречий и сепаратистских тенденций.

Сколь существенно, например, теоретическое осмысление характера и социальной сущности, политической и философско-религиозной направленности монофиситства и арианства, а также таких народно-еретических движений, как манихейство, несторианство и др.

Разумеется, выявление своеобразия ранневизантийских ересей возможно лишь при условии их сопоставления с аналогичными еретическими движениями и религиозными учениями на Западе и Востоке. Это особенно относится к арианству, рассмотрение которого в сравнительно-историческом плане составляет насущную задачу для византинистов и медиевистов-западников. До сих пор остаются неясными социальная направленность арианского учения, связи арианства с демократическими течениями, причины распространения его среди многих варварских народов, эволюция арианской церкви.

Интересно проследить зависимость между распространением арианства и этническими изменениями, происходившими в Европе в раннее средневековье.

Первая попытка социальной характеристики арианства уже была предпринята М. Я. Сюзюмовым. Разыскания в этой области необходимо продолжать.

Исследуя эпоху классического средневековья применительно к Византии, небезынтересно проанализировать ход классовой борьбы в греческих государствах и в Латинской империи в XIII в., выяснить связь социальных столкновений с выступлениями народных масс против латинских завоевателей.

По-прежнему остается спорной оценка характера народных движений в поздней Византии. Поскольку документальная база для изучения истории восстания зилотов в Фессалонике в XIV в. ныне расценивается по-иному, нежели прежде, назрела необходимость в новом, более глубоком исследовании этого крупнейшего народного восстания в Византийской империи.

Государственный социально-политический строй Византии. Вопрос о социальной сущности Византийского государства и ее исторических изменениях на протяжении тысячелетнего существования империи еще не ставился советским византиноведением в теоретическом аспекте. Между

тем указанная проблема пользуется особенно большим вниманием в буржуазной византистике. Развиваемые при этом взгляды носят нередко откровенно реакционный характер (апологетика византийского деспотизма). В нашей науке слабо разработаны, в частности, проблемы формирования византийского государства в переходный период IV—VII вв., его социальной природы, структуры государственного аппарата, взаимоотношений государства и церкви, классов и сословий, состояния администрации, финансов и армии в этот период.

Известное место в исследованиях советских византистов занимает разработка истории права и юридической теории в Византии, но и здесь еще — весьма широкое поле для пытливых мысли. Крайне желательны в дальнейшем создание ряда специальных монографий, посвященных судьбам государства и права на разных этапах истории Византии.

Византия в системе международных отношений средневековья. Традиционной темой русской и советской византистики являются международные отношения Византии с ее соседями: с Русью и другими славянскими странами, с государствами Западной Европы, а также с народами Ближнего Востока (сирийцы, арабы), Кавказа, Крыма, Средней Азии. При достаточной изученности внешней политики Византии в целом все же и здесь остаются некоторые лакуны: требуют самого пристального внимания принципы и методы византийской дипломатии, их эволюция на различных этапах истории Византийского государства.

В мировой историографии еще отсутствует какой-либо сводный труд по истории международных отношений средневековья, нет такой работы и в советской медиевистической литературе. В ней, несомненно, видное место должно было быть отведено именно византийской дипломатии, международным связям империи с самыми различными народами и самыми отдаленными странами. Только это поможет определить вклад Византии в развитие средневековой дипломатии. Для углубления наших представлений о формах и методах византийской внешней политики предстоит еще изучить византийские хрисовулы — ярчайшие документы по истории дипломатии.

Требуется дальнейших разысканий и история внешнеполитических связей Византии, ее взаимоотношений с сопредельными странами.

Русско-византийские отношения. Наибольшее значение для нас, естественно, имеет проблема русско-византийских (экономических, политических и культурных) отношений. Эта проблема всегда занимала особое место в русской и советской византистике. В последние годы интерес к ней особенно возрос.

Некоторые вновь открытые материалы источников, как правило, своевременно становятся достоянием науки. Однако необходимо постоянное внимание к указанной проблеме. Новые археологические открытия, достижения в области сравнительной лингвистики и вспомогательных дисциплин, а также истории искусства и культуры, несомненно, потребуют дальнейшей углубленной разработки всей проблемы на современном научном уровне. Важной задачей является создание корпуса известных византийских писателей о Древней Руси — (Byzantino-Rossica). Неотложной задачей, на наш взгляд, является подготовка молодых специалистов по указанной тематике. Один из недостатков работ советских историков по русско-византийским сюжетам заключается в том, что эти

исследования ведутся порой разобщенно. Этот недостаток должен быть преодолен при подготовке в будущем соответствующих специалистов.

Византия и славяне. Эта проблема в последние годы усиленно изучается в советской и зарубежной историографии, более всего — в трудах ученых европейских социалистических стран. Особое внимание при этом уделяется славянской колонизации Византийской империи. В научный оборот введены новые источники, некоторые, уже известные прежде, критически переизданы, проведены археологические раскопки, давшие ученым дополнительный материал.

В советской историографии, однако, до сих пор нет еще обобщающего монографического исследования, в котором рассматривались бы отношения Византии и славян, поселившихся на ее территории в IV—X вв. Между тем разработка этой проблемы весьма важна для решения спорного вопроса о роли славян в процессе формирования византийского феодализма, а также для того чтобы раскрыть ошибочность националистических теорий, распространенных кое-где и поныне в греческой и американской литературе.

Византия и народы Кавказа. Изучение взаимоотношений Византии и народов Кавказа составляет научный домен ученых Армении, Грузии и Азербайджана. Эта проблема останется в центре их внимания и на ближайшие годы. Наиболее спорными здесь являются вопросы о характере византийского влияния на народы Кавказа, о роли византийского культурного наследия в формировании культуры этих стран. Политически весьма актуален вопрос об оценке последствий сельджукского завоевания для народов Кавказа, поскольку он подвергается особой фальсификации в буржуазной (в частности, турецкой) историографии.

История идеологии, общественной мысли и культуры. Сфера изучения византийской идеологии до последнего времени во многом еще оставалась за пределами научных интересов советских ученых. Между тем значение этой проблемы весьма велико.

Ведь подлинный историзм состоит в том, чтобы дать всестороннюю картину общественной жизни. Мы не можем ограничиться характеристикой только социально-экономических отношений в империи, если хотим понять ее роль в судьбах Европы, Азии, Африки, но должны рассмотреть во всей совокупности и базисные, и надстроечные явления, проследить развитие в Византии общественной мысли, философии, науки, борьбу идейно-политических течений, эволюцию византийской культуры в целом.

Необходим новый подход к проблемам идеологии, их комплексная разработка как взаимосвязанных друг с другом исследований различных сторон общественной жизни.

К тому же византийское влияние на славян, включая и Русь, проявлялось не столько в экономической или политической сфере, сколько в области идеологической. Разумеется, русские книжники средневековья по-своему переосмысливали византийское наследие, но никто не станет ныне отрицать, что значительные элементы русской общественной мысли — как официальной, так и оппозиционной — были почерпнуты из общения с Византией. Изучение византийской идеологии существенно, таким образом, и для отечественной истории.

Кроме того, одна из кардинальных задач, которую способна решить только советская историческая наука, вооруженная марксист-

ским методом, состоит в том, чтобы вскрыть земные, материальные предпосылки богословской мысли средневековья, в частности византийской теологии, показать реальные социально-экономические и политические интересы, которые стояли за тринитарными, христологическими, иконоборческими или исихастскими спорами.

Наконец, актуальнейшая научно-политическая проблема современности — проблема «Запад — Восток» — связывается в зарубежной историографии именно с судьбами Византии, и в особенности — с развитием ее общественной мысли, будто бы коренным образом отличавшейся от западноевропейской. Советские ученые показали принципиальное сходство византийских общественных учреждений с западными, не отрицая, конечно, известных типологических различий; теперь надлежит показать сходство и различие в идеологической жизни Византии и Запада.

Таким образом, проблема истории византийской общественной мысли является актуальной и в научном, и в политическом отношении. Ее изучение предполагает решение ряда конкретных задач.

Необходимо провести большую работу по разысканию новых рукописных материалов. Целесообразно создание серии индивидуальных монографий о жизни и деятельности выдающихся византийских деятелей культуры, философов, риториков, писателей, поэтов, мыслителей, ученых, историков и т. п. В отличие от античных византийские авторы изучены очень плохо. Это обусловлено тем обстоятельством, что их сочинения во многих случаях либо не изданы полностью, либо изданы в самое последнее время.

Необходимо, далее, осуществить сравнительное изучение произведений византийских писателей. В зарубежной литературе поныне господствует метод генетического анализа византийских авторов, т. е. выяснение их догматической зависимости от предшественников. В результате создалось ошибочное представление, будто византийская общественная мысль отличалась косностью, неоригинальностью.

Советские исследователи все энергичнее настаивают на применении иного — структурного — метода, который состоит в том, чтобы изучать творчество того или иного мыслителя в функциональной зависимости от состояния общественной идеологии его времени и всей общественной структуры.

От индивидуальных характеристик — к сопоставлению, но не генетическому, а структурному — таков логический путь развития исследовательской мысли в этой области.

Следующим, наиболее сложным, этапом должно стать выяснение социальной природы тех или иных концепций, сложившихся в Византии. Зарубежное византиноведение до сих пор упорно отказывается ставить вопрос о классовом характере творчества византийских мыслителей. Проблема эта тесно связана с проблемой социальной психологии. К сожалению, разработка проблем социальной психологии византийского общества делает еще только первые шаги. Исследования в этой сфере необходимо всячески стимулировать. Мы не можем относиться к общественным идеям только как к продукту индивидуального творчества, созданию гения, распространяющего затем свои идеи в массах. Гений — лишь чуткий инструмент, оптимальным образом улавливающий настроение масс.

Развертывая исследования по истории византийской общественной мысли, необходимо избрать в качестве их первостепенного объекта критические эпохи жизни византийского общества, периоды ломки общественного сознания, когда его особенности и тенденции обнаруживались наиболее остро и ярко.

В соответствии с этим советские византинисты сосредоточивают внимание главным образом на трех этапах истории империи. Их интересует время прежде всего с IV по VII в., когда совершался переход от рабовладельческой социально-экономической формации к феодальной и когда соответственно происходили ломка старых и формирование новых идеологических представлений. Эта борьба, в частности, находила выражение в открытой и скрытой полемике между христианством и язычеством.

Значителен в занимающем нас плане период XI—XII вв., когда в Византии происходили процессы, аналогичные западноевропейским: формировалась новая интеллигенция, подвергались критике традиционные идейные и эстетические принципы, закладывались основы рационализма.

Особого внимания заслуживают так называемый византийский гуманизм и его генетические связи с гуманизмом итальянским. Решение этой трудной проблемы предполагает анализ развития философской и общественно-политической мысли в поздней Византии в целом. Необходимо также создание отдельных монографий о наиболее выдающихся византийских мыслителях XIV—XV вв.

До сих пор еще не создана марксистская история византийской философии и науки. Заслуживает внимания разработка проблемы эволюции научных знаний в Византии, развития естественных наук, космогонических и космографических представлений, что поможет разрешить спорный вопрос о масштабах сохранения античного научного наследия в средневековом византийском государстве.

На наш взгляд, назрела настоятельная необходимость создания серии монографий по истории общественной мысли и культуры Византии. В дальнейшем на этой основе возможно будет построить обобщающий коллективный труд по узловым проблемам византийской культуры.

Вспомогательные дисциплины и издание источников. Насущной задачей дальнейшего развития византиноведения является повышение внимания к вспомогательным дисциплинам: греческой палеографии, папирологии, кодикологии, нумизматике, сфрагистике, исторической географии, демографии и др. Советские палеографы совместно с Археографической комиссией АН СССР готовят издание сводного каталога всех греческих рукописей советских собраний. Необходимо приступить к составлению сводного каталога всех византийских монет, имеющих в хранилищах СССР, а также к изданию драгоценных собраний византийских печатей Эрмитажа.

Советским византинистам крайне важно принять участие в создании международного сводного каталога греческих рукописей и в издании корпуса византийских источников, публикуемого Международной ассоциацией византинистов.

Весьма важным делом является издание серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». Серия эта пользуется большой популярностью и в СССР, и за рубежом, все ее тома уже стали библиографической редкостью. В настоящее время

готовятся к печати издания следующих источников: Критическое издание с латинским текстом венгерской хроники Яноша Турочи (оно готовится совместно с Венгерской академией наук); Стратегикон Кекамена — новое критическое издание по единственной рукописи ГИМ; «История» Дуки (XV в.); «История» Лаоника Халкокондила (XV в.); Груды Льва Диакона (X в.), Михаила Пселла (XI в.). В дальнейшем надо шире практиковать издание в данной серии неопубликованных источников по рукописям из советских коллекций.

Советские византилисты смогут с успехом выполнить стоящие перед ними задачи лишь при условии постоянного плодотворного сотрудничества с медиевистами-западниками, востоковедами, славистами, историками СССР, кавказоведами, а также с византиноведами социалистических стран и прогрессивными учеными других зарубежных государств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века (Свердловск)
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВВ — Византийский временник
ВГ — Вопросы географии
ВДИ — Вестник древней истории
ВГМГр — Вестник Государственного музея Грузинской ССР
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ВИ — Вопросы истории
ВИИЛ — Вестник истории и литературы
ВИРА — Вопросы истории религии и атеизма
ВИС — Вопросы истории славян (Воронеж)
ВЛГУ — Вестник Ленинградского гос. университета
ВМГУ — Вестник Московского гос. университета
ВМК — Вестник мировой культуры
ВМ — Вестник Матенадарана
ВО — Византийские очерки. М., 1961
ВООНГр — Вестник отдела общественных наук Академии наук Грузинской ССР
ВС — Византийский сборник. М., 1945
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ДИСИФ — Доклады и сообщения исторического факультета
ЕИИИС АН СССР — Ежегодник Института истории искусств Академии наук СССР
ЕМИРА — Ежегодник Музея истории религии и атеизма
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗИВАН — Записки Института востоковедения АН СССР
ЗРАН — Записки Российской Академии наук
ЗРВИ — Сборник Радова. Византилошки институт
ЗОРГБЛ — Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИАС — Историко-археологический сборник
ИАСК — История и археология средневекового Крыма
ИБ — Исторический вестник (Тифлис)
ИВГО — Известия Всероссийского Географического общества
ИГАИМК — Известия ГАИМК
ИЖ — Исторический журнал
ИЗ — Исторические записки
Изв, БИД — Известия на Българското Историческо Дружество
ИЗИИЛ — Известия Института истории и литературы
ИИАН — Известия императорской Академии наук

ИИБИ — Известия на Института за българска история
 ИИРГр — Известия Института рукописей АН Грузинской ССР
 ИИЯИМК — Известия Института языка, истории и материальной культуры (Тбилиси)
 ИКИАИТ — Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе
 ИКрПИ — Известия Крымского пед. института
 ИМ — Историк-марксист
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН
 ИП — Исторически преглед
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 ИРАН — Известия Российской Академии наук
 ИСКГУ — Известия Северо-Кавказского гос. университета
 ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 ИФЖ — Историко-филологический журнал (Ереван)
 КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИБ — Краткие сообщения Института востоковедения
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии
 КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
 ЛР — Литературные разыскания (Тбилиси)
 МАГК — Материалы по истории Грузии и Кавказа (Тбилиси)
 МГИМ — Материалы Государственного исторического музея
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МОВЭ — Материалы Отдела Востока Государственного Эрмитажа
 НАА — Народы Азии и Африки
 НВ — Новый Восток
 НДВШ — Научные доклады высшей школы
 НИС — Новгородский исторический сборник
 НМ — Новый мир
 НР — Наука и религия
 НТИФ ГПИ — Научные труды исторического факультета Горьковского гос. пединститута
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОГН — Отделение гуманитарных наук
 ОНУ — Общественные науки Узбекистана (сборник)
 ПВ — Проблемы востоковедения
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
 ПИШ — Преподавание истории в школе
 ППС — Православный Палестинский сборник
 ПС — Палестинский сборник
 РИЖ — Русский исторический журнал
 РЛ — Русская литература
 СА — Советская археология
 САНГруз. ССР — Сообщения АН Грузинской ССР
 Сб ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности АН
 СВ — Средние века
 СвВ — Современный Восток
 СВост — Советское востоковедение
 СГЭ — Сборник Государственного Эрмитажа
 СЛА — Славянский архив
 СЛИ — Славянские исследования
 СлС — Славянский сборник
 ССл — Советское славяноведение
 СРПО — Сообщения Российского Палестинского общества
 СЭ — Советская этнография
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея
 ТабхГМ — Труды Абхазского государственного музея
 ТАБХИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории

ТВГУ — Труды Воронежского гос. университета
 ТГПБ — Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 ТЕРГУ — Труды Ереванского гос. университета
 ТИВАН — Труды Института востоковедения АН СССР
 ТИИАНАз — Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР
 ТИркГУ — Труды Иркутского гос. университета
 ТЛОИИ — Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР
 ТМИАЗ — Труды Музея истории Азербайджана
 ТМИАИ — Труды Московского историко-архивного института
 ТОГУ — Труды Одесского гос. университета
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
 ТСГУ — Труды Самаркандского гос. университета
 ТСИИИАИ — Труды Секции истории искусств Института археологии и искусствознания РАНИОН
 ТСКАНИИ — Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов
 ТСразГУ — Труды Среднеазиатского гос. университета
 ТТбГУ — Труды Тбилисского гос. университета
 ТТбПИ — Труды Тбилисского гос. пединститута
 ТТГУ — Труды Томского гос. университета
 ТУзГУ — Труды Узбекского гос. университета им. Алишера Навои
 УЗ ВЛГПИ — Ученые записки Великолукского гос. пединститута
 УЗ Вологодск. ГПИ — Ученые записки Вологодского гос. пединститута
 УЗ ГГУ — Ученые записки Горьковского гос. университета
 УЗ ГПИ — Ученые записки Горьковского гос. пединститута
 УЗ ДагФИАЛ — Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР. Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы
 УЗ ИВ — Ученые записки Института востоковедения
 УЗ ИВАН — Ученые записки Института востоковедения АН СССР
 УЗ ИС — Ученые записки Института славяноведения
 УЗКалПИ — Ученые записки Калининского гос. пединститута
 УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
 УЗ КлнПИ — Ученые записки Калининградского гос. пединститута
 УЗ КПИ — Ученые записки Куйбышевского гос. пединститута
 УЗ КФПИ — Ученые записки Карело-Финского гос. пединститута
 УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета
 УЗ КрПИ — Ученые записки Красноярского гос. пединститута
 УЗ КишПИ — Ученые записки Кишиневского гос. пединститута
 УЗ ЛенПИ — Ученые записки Ленинградского гос. пединститута
 УЗ МГУ — Ученые записки Московского гос. университета
 УЗ МГПИ — Ученые записки Московского гос. пединститута им. В. И. Ленина
 УЗ МОИ — Ученые записки Московского Юридического института
 УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета
 УЗ ПскГПИ — Ученые записки Псковского гос. пединститута
 УЗ СарГУ — Ученые записки Саратовского гос. университета
 УЗ СвГПИ — Ученые записки Свердловского гос. пединститута
 УЗ ТГПИ — Ученые записки Тульского гос. пединститута
 УЗ ТуГУ — Ученые записки Туркменского гос. университета
 УЗ УГУ — Ученые записки Уральского гос. университета
 ХВ — Христианский Восток
 ХС — Херсонесский сборник
 ХЧт — Христианские чтения
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 AAASH — Acta Archeologica Academiae scientiarum Hungariae
 AB — Art Bulletin

AS — Art Studies
AV — Arte veneta
BBA — Berliner Byzantinischen Arbeiten
BM — Burlington Magazine
BNJ — Byzantisch-Neugriechische Jahrbücher
BSI — Byzantinoslavica
Byz.— Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
DLZ — **Deutsche Literatur-Zeitung**
EO — Echós d'Orient
JJP — The Journal of Juristic Papirology (Warszawa)
JPK — Jahrbuch der preussischen Kunstsammlungen
KH — Kwartalnik Historyczny
REA — Revue des Etudes Armeniennes
REB — Revue des Etudes Byzantines
RHPh — Revue d'histoire de la philosophie
ROH — Revue des questions historiques
RSO — Rivista studi orientali
SK — Seminarium Kondakovianum
SRI — Studii rivista di Istorie
VSW — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В. И. 237
 Абраам Анкирский 106
 Абрамишвили Т. Я. 138, 272, 317, 320
 Абрамсон М. Л. 92, 167
 Абрамян А. Г. 132, 275, 307
 Абуладзе И. В. 272
 Абу-ль-Вард I 285
 Августин Гиппонский 149
 Авдусин Д. А. 110, 121
 Авинней 209
 Агафангел 307
 Агафий Миринейский 55, 150, 151, 288
 Адонц Н. 285
 Адрианова-Перетц В. П. 122, 123
 Азария 64
 Азарян Л. Р. 336
 Азбелев С. Н. 105, 106
 Айналов Д. В. 34, 322, 326
 Акопян С. Е. 228
 Акритас П. Г. 276
 Аларих 61
 Александр, император 298
 Алексей Комнин, сын севастократора Андроника 286
 Алексей I Комнин 145, 233, 317
 Алексей IV Комнин 19
 Алексей Апокавк 212, 223
 Алексидзе А. Д. 273, 281, 286, 290
 Алиев Г. Ю. 296
 Алпатов В. М. 7
 Алпатов М. В. 34, 35, 161, 241, 327, 329
 Альтман В. В. 46
 Амантос К. 14
 Амартол см. Георгий Амартол
 Амброджо Траверсари 157
 Амвросий Медиоланский 149
 Амиранашвили Ш. Я. 138, 139, 334, 335
 Аммиан Марцеллин 149
 Анакреонт 150
 Анания Ширакци 133, 296, 307
 Анастасевич Д. 189
 Анастасий I 316, 317
 Анастасий Квестор 154
 Анастасий Синаит 33, 243
 Анасян А. С. 106, 107, 134, 275
 Ангелов Д. 56, 90, 169, 170, 177, 202, 251
 Андрей Критский 281
 Андрей Юрьевич Боголюбский 234, 235, 244
 Андроник I Комнин 22, 93, 145, 222, 223
 Андроник Севастократор 286
 Анна Комнина 155, 258, 299, 310, 347
 Аноним Византийский 150
 Антонова В. И. 242
 Анчабадзе З. В. 272
 Аполлинарий Сидоний 149
 Аракел Багешский 106
 Аргиропул 265
 Аревшатян С. С. 106
 Арефа 143
 Арефа Кесарийский 154
 Аристаке Ластивертци 220, 285
 Аристенет 290
 Аристотель 274
 Аркадий, император 148, 318
 Арнольфо 325
 Артамонов М. И. 123, 130, 236
 Арутюнян В. М. 336
 Арутюнян Ш. Р. 135
 Арциховский А. В. 122
 Аршаруни А. 307
 Асиновская С. А. 258
 Асохнк 116, 307
 Атаев Д. М. 276
 Атанелишвили Г. С. 273
 Афанасьев К. Н. 162
 Ахмедов Г. М. 207, 275
 Ацамба Ф. М. 266
 Ачарян Р. А. 136
 Аэций Амидский 303, 304
 Бабаян Л. О. 132
 Бабек 276
 Бабенчиков В. П. 30, 237
 Баградзе Д. К. 272
 Бала И. Л. 234
 Банк А. В. 47, 48, 127, 160, 163, 164, 236, 269, 271, 284, 329—332
 Бартикян Р. М. 136, 217—221, 269, 275, 285, 286, 298, 300
 Бартольд В. В. 9, 29, 31

Бархударян С. Г. 228
 Бахрушин С. В. 110, 114, 118
 Безбородов М. А. 312
 Безобразов П. В. 32, 263
 Бека Описари 335
 Беленицкий Я. М. 266
 Беленицкий В. Г. 263
 Белоброва О. А. 242, 332
 Белов Г. Д. 127, 128, 207, 237, 277, 278, 331
 Белова Л. Н. 127
 Беляев Е. А. 142, 266
 Беляев С. А. 279
 Беляевский В. А. 276
 Бенешевич В. Н., 10, 11, 14—16, 23, 32, 37
 Бергер А. К. 39, 40, 47, 48, 58, 66, 95
 Бережков Н. Г. 109
 Беренбейм Д. Н. 236
 Берклюдже Мустафа 104
 Бернштам А. Н. 78
 Бернштейн-Коган С. В. 113
 Бертъе-Делагард А. Л. 32, 127, 311
 Блахина Л. И. 237
 Боброва С. П. 124, 250
 Богородский Б. Л. 214, 230, 236
 Бож 247
 Бокучава Г. К. 272, 317
 Бокшанин А. Г. 80
 Борисова В. В. 201
 Борковский В. И. 122
 Бороздин И. Н. 107
 Бозмунд Тарентский 260
 Брайчевский М. Ю. 76, 231, 247, 248, 318
 Братиану Г. 67
 Брейе Л. 47, 328
 Брентано Л. 28
 Брим В. А. 32
 Брицын М. А. 228
 Бромлей Ю. В. 129, 251
 Брунов Н. И. 34, 35, 120, 162
 Брэндейдж Дж. 261
 Брюкнер А. 126
 Бугаева О. А. 305
 Буганов В. И. 109
 Бугославский А. С. 111
 Будовиц И. У. 113, 242
 Бузескул В. Н. 23
 Буниятов З. М. 276
 Бурейченко И. И. 242

Ваас А. 261, 262
 Вагнер Г. К. 334
 Вайан А. 294
 Вайнштейн О. Л. 9, 41, 46, 48, 124, 126, 170
 Валев Л. Б. 124
 Валент 256
 Валентиниан II 318
 Вальденберг В. Е. 32, 33, 154
 Ванев З. Н. 276
 Варнеке Б. В. 34
 Васенко П. Г. 32
 Василий, писец 302
 Василий I 287, 288

Василий II Болгаробойца 117, 118, 131, 284, 315
 Василий Великий (Кесарийский) 280, 282
 Василий Медная рука 91
 Василий Новый 231, 250
 Васильев А. А. 11, 28—30, 39, 48, 111, 112, 328
 Васильевский В. Г. 23, 28, 45, 90, 111, 127, 229, 263, 311
 Веймарн Е. В. 30, 130, 131, 237, 277, 311
 Вейцман К. 160, 161
 Велизарий 63
 Вениамин Тудельский 22
 Вернадский Г. 233
 Веселого Е. Б. 107, 292
 Веселовский Н. И. 32
 Виктор Тонененский 63
 Вилинбахов В. Б. 241
 Вильчевский О. Л. 267
 Винберг Н. А. 160, 313
 Вирсаладзе Т. Б. 335
 Виссарон Никейский 147, 157, 265
 Вишневский В. И. 278
 Вишнякова А. Ф. 27, 76, 127, 159, 236
 Владимир Святославич 116—118, 279, 320
 Влеммид см. Никифор Влеммид
 Волгин В. П. 46
 Воронин Н. Н. 162, 235, 236, 327, 334
 Всеволод Юрьевич 112
 Всеволод Ярославич 233
 Вульф О. 322
 Вязигин С. А. 140

Гайдукевич В. Ф. 237, 312
 Галанза Н. П. 224
 Гален 142
 Галстян А. Г. 135, 136
 Гардтхаузен В. 306
 Гевонд 219
 Геворкян М. А. 134
 Гемп А. Г. 81
 Генесий 288
 Георгий II 312, 317
 Георгий Акрополит 259, 260
 Георгий Амартол (Монах) 35, 36, 219, 231, 297
 Георгий Амастридский 111, 112
 Георгий Гемист Плифон 156, 157
 Георгий Кедрин 273
 Георгий Мних см. Георгий Амартол
 Георгий Мтацминдели 272
 Георгий Пахимер 20, 21
 Георгий Писида 281
 Георгий Сфрандзи 103, 106, 107, 147, 265, 301
 Георгий Схоларий 147
 Гидатий 62
 Гилевич А. М. 236, 237, 315, 316, 320
 Гиш Ф. 288
 Гликаци-Арвейлер Э. 178
 Гозалишвили Г. К. 138
 Голейзовский Н. К. 7, 336, 337
 Голенищев В. С. 296
 Голенко К. В. 131, 317—320
 Голубев И. Ф. 305

- Голубева Л. А. 234
 Голубцов И. А. 249
 Голубцова Н. И. 61, 149
 Гольдшмидт И. А. 100, 214, 277
 Гонорий 318
 Гордлевский В. А. 143, 144
 Горина Л. В. 252
 Горянов Б. Т. 23, 24, 45—48, 52, 65, 71, 73, 86, 87, 93, 95, 101, 156, 157, 183—186, 188—191, 212, 257, 264, 307
 Готалов-Готлиб А. Г. 23, 46
 Готье Ю. В. 124, 125
 Грабар А. Н. 328
 Грабарь И. Э. 161
 Грабарь-Пассек М. Е. 280
 Грановский Т. Н. 263
 Гранстрем Е. Э. 121, 267, 280, 302—304, 307, 308
 Грациан 318
 Грацианский Н. П. 126
 Гращенков В. Н. 160, 328
 Грегуар А. 111, 112, 284, 285
 Греков Б. Д. 7, 45, 73, 74, 77, 109, 110, 120, 123, 129, 240
 Григор Нарекаци 285
 Григорий, митрополит эфесский 154
 Григорий Антиох 288, 289
 Григорий Бакуриани 273
 Григорий Богослов 305
 Григорий Палама 95, 337
 Григорий Синаит 337
 Гринбаум Н. С. 306
 Гриневич К. Э. 236
 Гронин Г. В. 159
 Грюмель В. 13
 Гудзий Н. К. 122, 229, 280, 295
 Гумилев Л. Н. 270
 Гунтер Пэрисский 259
 Гуревич А. Я. 47, 257, 264, 338
 Гусейнов Р. А. 275
 Гутнова Е. В. 257, 259
 Гюзальян Л. Т. 163, 275

 Давид Сасунский 284, 285
 Даниели С. И. 272, 295
 Даниленко В. Н. 278
 Данилов А. И. 259
 Данилов В. В. 304
 Данте Алигьери 294
 Дашериев Н. Д. 136
 Дворецкая И. А. 167, 168, 256
 Дворник Ф. 126
 Демина Н. А. 161
 Державин Н. С. 42, 71, 72, 124
 Джавахишвили И. А. 316
 Джанполадян Р. М. 314, 336
 Джаукян Г. Б. 135
 Джонс А. 170
 Джотто 325
 Дигенис Акрит 283—286, 299
 Дилигенский Г. Г. 64, 166, 168, 199, 200, 215
 Диль Ш. 71, 322

 Диоклетян 174
 Дион Хризостом 33
 Дионисий, русский живописец 337
 Дионисий Фракийский 274
 Дмитриев А. Д. 53, 61—63, 215
 Дмитриев Г. 258
 Дмитриев Л. А. 305
 Дмитриева Р. П. 108
 Дмитриевский А. А. 37
 Дмитрий Кидон 146
 Добнаш-Рождественская О. А. 29, 263
 Довженко В. И. 313
 Доддс Э. Р. 137
 Дольчино 250
 Домбровский О. И. 200, 236, 331
 Достян И. С. 104, 105
 Дремина Г. А. 305
 Дружинин Н. М. 110
 Дука 103, 104, 106, 107, 146, 147, 265, 347
 Дурново Л. А. 163, 335
 Дьяков В. Н. 170
 Дьяконов А. П. 38, 65—68, 70, 75, 76
 Дэльгер Ф. 14, 29, 295
 Дюканж 10
 Дяньгу Датун-хан 270

 Евагрий Схоластик 296, 298
 Евгиппий 62
 Евсевий Кесарийский 306
 Евсевий Памфил 301, 306
 Евстафий Воила 269
 Евстафий Макремволит 281, 290
 Евстафий Солунский 289, 290
 Евтихий Александрийский 301
 Егоров Д. Н. 263
 Елеонская Е. Н. 50
 Еннодий 62
 Еремин И. П. 122
 Еремян С. Т. 132, 133, 166
 Ернштедт П. В. 159, 267, 296, 297
 Ефрем Мшире 272
 Ефремов Е. А. 124

 Жданов Р. В. 118
 Жебелев С. А. 11, 17, 23, 42, 45, 76
 Жоффруа Виллардуэн 259
 Жуков Е. М. 70

 Заборов М. А. 47, 48, 69, 85, 87, 88, 96, 100, 167, 223, 250, 254, 257—263, 338
 Заднепровская Т. Н. 313
 Залесская В. Н. 314
 Заходер Б. Н. 116
 Зеест И. Б. 278
 Зельин К. К. 174
 Зибель Г. 261
 Зимин А. А. 115, 117, 120, 121, 229, 240
 Златоуст см. Иоанн Златоуст
 Зограф А. Н. 39
 Зонара см. Иоанн Зонара
 Зорян А. Н. 132

 Ибн-ал-Биби 31
 Ибн-Мискавейх 30

- Ибн-Хаукаль 116
 Ибрагимов Г. И. 104
 Ивайла 250
 Иван Васильевич III 240
 Иванов И. 159
 Ивашенко М. М. 39
 Игитханян М. Х. 307
 Игнатий 112, 152, 153
 Игорь, великий князь киевский 111, 112, 114, 231, 232
 Иероним 149
 Иерусалимская А. А. 313, 314
 Иессен А. А. 275
 Иешу Стилит (Иисус Столпник) 38, 141
 Измайлова Н. В. 39
 Измайлова Т. А. 336
 Ильин М. А. 242, 327
 Иннокентий III 259, 260
 Иоанн II (трапезундский) 317
 Иоанн II Комнин 37, 286
 Иоанн VII Палеолог 94, 276
 Иоанн Геометр 116
 Иоанн Грамматик 152, 153
 Иоанн Дамаскин 281, 295
 Иоанн Евгеник 106
 Иоанн Елифанийский 298
 Иоанн Златоуст 68, 198, 305
 Иоанн Зонара 116
 Иоанн Итал 33, 36, 137, 154, 155, 273, 274
 Иоанн Каменгата 98, 125, 298
 Иоанн Кантакузин 146, 223
 Иоанн Киннам 37
 Иоанн Лид 151, 298
 Иоанн Малала 35, 38, 66, 142, 159, 242, 293
 Иоанн Мосх (Месх) 295
 Иоанн Никиусский 66
 Иоанн Одзунский 219
 Иоанн Петрнци 274
 Иоанн Скилица 116, 288
 Иоанн Цимисхий 318
 Иоанн Эфесский 71, 75, 76, 78
 Иоанникий, писец 304
 Иоанникий, строитель 309
 Иоаннисян А. Г. 90, 135, 218
 Ионисиани А. З. 136
 Иордан 62, 63, 76, 247, 249, 254, 298
 Иосиф Волоцкий 337
 Иосиф Вринга 288
 Иосиф Мефонский 147
 Иосиф Флавий 243
 Ираклий 67, 273, 297, 318, 319
 Ирина Дукеня 286
 Ириней 306
 Исаак, вожь восставших 64
 Исаак (Саак), католикос 135
 Исаак, пресвитер 135
 Исакияня В. 134
 Исидор Пелусиот 304
 Исидор Русский 239, 265
 Истрин В. М. 32, 35, 114, 231, 242
 Итал см. Иоанн Итал
 Каваллини 325
 Кадеев В. И. 278
 Каждан А. П. 7, 24, 47, 56, 71, 77, 81, 82, 85, 86, 90—96, 98—100, 125, 126, 164, 166, 169—172, 178—181, 183, 185—190, 194, 200—207, 212, 221, 224, 233, 244, 245, 249, 250, 253, 256, 257, 266, 268, 284, 286—290, 298, 299, 315, 337, 338
 Казаманова Л. Н. 234, 318, 319
 Каллимах 150
 Калоян 19
 Камера М. И. 319
 Канар П. 306
 Капанадзе Д. Г. 138, 272, 316, 317,
 Каптерев С. Н. 11, 50
 Карасик А. 125
 Караяннопулос И. 181
 Карвеас 284, 286
 Каргер М. К. 159, 162, 241, 327
 Карл Великий 13, 43
 Каролинги 12, 13, 43, 178
 Карышковский П. О. 115, 116, 231, 250, 318
 Касия 152, 281
 Кассиодор 254, 256
 Кауфман С. А. 267, 333, 334
 Каухчишвили С. Г. 136, 137, 166, 200, 273, 281
 Каухчишвили Т. С. 138, 272, 309
 Кафадарян К. Г. 274
 Кахадзе М. Л. 138
 Кацнельсон Р. А. 241, 333
 Каштанов С. М. 241
 Каэн К. 262
 Кекавмен 273, 347
 Кекелидзе К. С. 136, 137, 295
 Кеменов В. С. 161
 Кечакмадзе Н. Н. 137, 139, 272—274
 Кирилл (Константин), славянский просветитель 13, 121, 126, 303
 Кирпичников А. Н. 234, 241
 Киселев С. В. 144
 Клавдий Клавдиан 62, 149
 Клибанов А. И. 73, 241, 242
 Ключевский В. О. 235
 Ковалев С. И. 53, 80, 81, 170
 Коммод 318
 Комнины 37, 144, 145, 155, 287
 Комнины Великие, нмп. Трапезунда 18, 19
 Кондаков Н. П. 23, 314, 321, 322
 Кондратьев С. П. 56, 150, 297, 300
 Конрад Н. И. 60
 Константин II 319
 Константин 330
 Константин I 174, 177, 318
 Константин II 317
 Константин IV 317, 319
 Константин V 12, 316
 Константин VII Порфирородный (Багрянородный) 9, 10, 21, 24, 117, 287, 299
 Константин VIII 131
 Константин IX Мономах 232, 233, 245
 Константин Ксире 127

- Констанций II 317, 318
 Копштейн Г. 50
 Копыленко М. М. 159, 230, 243, 297
 Коржева К. П. 170, 176
 Корзухина Г. Ф. 236
 Корипп 63
 Корнева-Петрукан М. И. 114
 Королук В. Д. 124, 247
 Корсунский А. Р. 61, 81, 166, 168, 170, 172, 173, 254—256, 338
 Косминский Е. А. 7, 43—45, 48—50, 53, 56, 108, 132, 259, 263
 Коста Луйе Ж. да 111, 112
 Косточкин В. В. 162
 Косцюшко-Валюжинич К. К. 127
 Косьма, магистр 16
 Косьма Иерусалимский 281
 Котельникова Л. А. 258
 Крапивенский С. Э. 172
 Крапівін П. Ф. 241
 Красавина С. К. 265
 Крачковский И. Ю. 267
 Критовул 103, 105, 126, 147, 292
 Кронц Г. 180, 251
 Кропоткин В. В. 159, 237, 242, 277, 311, 312, 318, 319
 Крупнов Е. И. 276
 Крушкол Ю. С. 237, 316
 Ксантуидис С. 291
 Кудрявцев И. М. 304, 305
 Кузнецов В. А. 276
 Кузнецов П. С. 230
 Кузьмина В. Д. 122, 241, 269, 284, 285, 293
 Кулаковский Ю. А. 127, 311
 Курбатов Г. Л. 69, 70, 115, 117, 166, 169, 175, 197—199, 215, 216, 229, 268, 271, 338
 Кусикьян И. К. 133—136, 299
 Кучеренко Э. И. 256
 Кучкин В. А. 243
 Кызласов Л. Р. 78

 Лабуда Г. 258
 Лазарев В. Н. 34, 35, 47, 48, 160, 161, 241, 321—329, 337
 Лазарь 235
 Ламбин А. Н. 127
 Лаоник Халкокондил 103, 107, 147, 292, 347
 Латышев В. В. 9, 38, 39, 127, 139
 Лебедев Н. С. 21, 23, 41, 46, 159
 Лебедева В. 39
 Лебедева Г. Е. 175, 227
 Лебедева И. Н. 306
 Лев I 316
 Лев III Исавр 12
 Лев IV 12
 Лев VI 114, 298
 Лев IX 264
 Лев Грамматик 273
 Лев Диакон 115, 116, 288, 347
 Лев Математик 152
 Лев Хиросфакт 154

 Левитский В. Ф. 28
 Левицкая В. И. 241, 329
 Левицкий Я. А. 259
 Левченко М. В. 7, 12, 23, 24, 30, 41, 42, 47, 48, 50—55, 57, 66—68, 71—73, 94, 96, 102, 104, 110—115, 117, 119, 148, 150, 151, 169, 188, 195, 196, 229, 240, 282, 283
 Ледеяева С. Д. 230
 Лемерль П. 262
 Леон, епископ суздальский 234
 Ливаний 68, 151, 175, 176, 198, 268, 271
 Липшиц Е. Э. 28, 40, 42, 47, 54, 72, 80, 83—86, 88, 89, 98—100, 111, 112, 151—153, 155, 166, 169—172, 177—183, 205, 206, 227, 228, 268, 284, 299
 Литаврин Г. Г. 7, 110, 118, 125, 165, 166, 178, 182, 183, 186—189, 222, 223, 232, 233, 236, 241, 244, 245, 250, 251, 253, 257, 258, 264, 338
 Лиутпранд 116
 Лихачев Д. С. 109, 121—123, 232, 242, 280, 336
 Лихачев Н. П. 38, 39, 232, 310, 332
 Лихачева В. Д. 331, 338
 Логофет см. Симеон Логофет
 Лозовик Г. Н. 10, 11, 17, 23, 24, 28
 Ломоури Н. Ю. 138, 276
 Лоос М. 218
 Лоренцо Валла 157
 Лука Хризостом 234
 Лукиан 155, 299
 Лурье Я. С. 240
 Любарский Я. Н. 222, 264, 292, 297—299
 Люблинская А. Д. 280
 Любомиров П. Г. 32
 Ляпунова К. С. 164
 Ляпушкин И. И. 76, 130, 247, 249

 Маврикий 67
 Мавро Орбини 252
 Мавродин В. В. 76, 109, 110, 130, 236, 241
 Майер Г. Э. 261, 262
 Макарова Т. И. 278, 313
 Макремовлит см. Евстафий Макремовлит
 Максим Грек 244
 Максим Исповедник 33, 154
 Малала см. Иоанн Малала
 Малевская М. В. 314
 Маленн А. И. 23
 Малх 66
 Малхасянц С. С. 134
 Малышев В. И. 305
 Манандян Я. А. 132—134, 207
 Мананчикова Н. П. 250
 Манойлович С. 65, 67
 Мануил I Комнин 37, 145, 286, 287
 Мануил II Палеолог 277
 Мануил Стравороман 233
 Мар-Аба 142
 Марк Эфесский 147
 Маркс К. 40, 84, 336
 Марр Н. Я. 9, 71
 Мартин да Канале 259

- Марцеллин Комит 62, 63
 Массон М. Е. 140
 Матвеев В. В. 267
 Матъе М. Э. 164, 267
 Мацулевич Л. А. 34, 35, 163, 309, 332
 Машкин Н. А. 53, 61
 Медведев И. П. 213
 Медведева Е. С. 235
 Мелик-Бахшян С. Т. 89, 218
 Мелик-Оганджян К. А. 135
 Меликсет-Бек (Беков) Л. М. 134, 135, 137, 275, 295, 296
 Менандр 34, 55, 62, 71, 76, 151, 247, 298
 Меньшова Н. М. 7
 Мервинги 43, 178
 Мерперт Н. Я. 78
 Мефодий, константинопольский патриарх 38
 Мефодий, славянский просветитель 13, 121, 126
 Мехмед II 19, 105, 106
 Мецкерский Н. А. 106, 122, 230, 243, 264, 293—295, 297
 Микаэлян Г. Г. 135
 Микула 235
 Милле Г. 322
 Мильтон Дж. 294
 Милюков П. Н. 11
 Мирославская А. Н. 230
 Митрофанов П. П. 263
 Михаил V 233
 Михаил VIII Палеолог 25
 Михаил Глика 301, 302
 Михаил Пселл 33, 154, 155, 232, 233, 347
 Михаил Сириец 75
 Миханл Ярославич Тверской 243
 Мишулин А. В. 53—55, 72—74
 Минацаканян А. 90
 Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) 133, 134, 285, 286, 307
 Монгайт А. Л. 234
 Моравчик И. 13
 Мосина З. В. 47
 Москаленко А. Е. 101, 251
 Мстислав, рязанский князь 31
 Муратов П. П. 322
 Мурван 295
 Мурьянов М. Ф. 227
 Мушегян Х. А. 274
 Надинский П. Н. 129
 Надирадзе Л. И. 176
 Налбандян А. Т. 132
 Наследова Р. А. 7, 98, 125, 206, 221, 222, 249, 254, 261, 298
 Насонов А. Н. 110, 130, 232
 Наумов Е. П. 252, 253, 338
 Недошивин Г. А. 160
 Нейштадт В. 299
 Неронова В. Д. 176
 Нерсес 221
 Нестер 235
 Нестор Искандер 105, 106, 231
 Неусыхин А. И. 167, 168, 256
 Нефедова Н. К. 236
 Низами 232
 Никита Евгениан 281, 290
 Никита Хониат 37, 145, 258—260
 Никитин С. А. 77, 124, 251
 Никитский А. В. 9
 Никифор, константинопольский патриарх 62, 76, 152, 153
 Никифор I 12
 Никифор II Фока 287, 288, 318
 Никифор Влеммид 33, 154
 Никифор Вриенний 273
 Никифор Григора 20, 146, 223
 Никифоров А. И. 123
 Николаев А. Н. 107
 Николай Каллик 155
 Николай Пагаси 94
 Николо Пизано 325
 Никон, летописец 234, 309
 Никон Черногорец 37
 Нил, тверской епископ 240
 Нифонт, новгородский епископ 310
 Новакович С. 252, 253
 Новицкая К. И. 174
 Новичев А. Д. 212, 224
 Новосадский Н. И. 289
 Ногмов Ш. Б. 276
 Норден В. 260
 Норов А. С. 304
 Нудельман А. А. 318
 Нуцубидзе Ш. И. 137, 272, 295
 Нюркаева А. З. 124
 Обнорский С. П. 114, 121
 Олег, великий князь киевский 114, 231
 Олег Святославич, князь черниговский 233
 Олимпиодор 254, 300
 Ольга, великая княгиня киевская 21
 Орбели И. А. 299
 Орлов А. С. 121, 122
 Орозий 149
 Осипова К. А. 7, 92, 178, 181—183, 297
 Острогорский Г. А. 14, 27, 47, 93, 184, 185, 188, 189, 194
 Остроумов М. А. 235
 Павлов-Сильванский В. Б. 308
 Паласс М. 79
 Палеологи 11, 18, 25, 102, 144, 146, 192
 Палладий 282
 Паварет 18
 Павченко Б. А. 16, 76, 93
 Пападопуло-Керамевс А. И. 14
 Пархоменко В. А. 32, 109, 110, 118
 Паршина Е. А. 201
 Патканов К. П. 133, 134
 Патринелис Х. Г. 306
 Пахимер см. Георгий Пахимер
 Пахомов Е. А. 140, 275, 317, 321
 Пашуто В. Т. 109
 Пеголотти Франческо Бальдуччи 146, 214

- Перетерский И. С 225
 Петр Александрийский 306
 Петр Ивер 137, 272, 295
 Петр Игумен 219
 Петр Пустынник 258
 Петр Сицилийский 219, 330
 Петрарка Франческо 146, 147
 Петрици *см.* Иоанн Петрици
 Петровский Ф. А. 280
 Петрушевский И. П. 140, 196, 266, 267
 Пигулевская Н. В. 45, 54—60, 64—68, 76, 78, 111, 139—143, 166, 196, 227, 266—268, 271, 297, 298, 305, 306, 309
 Пичета В. И. 7, 45, 46, 71—73
 Платон 274
 Плетнева С. А. 313
 Плифон *см.* Георгий Гемист Плифон
 Плотников И. С. 28
 Погосян С. П. 90
 Подопригора А. А. 225
 Покровский М. Н. 263
 Половой Н. Я. 231, 232, 236
 Полякова С. В. 155, 280, 282, 286, 290, 298—300
 Поляковская М. А. 193, 194
 Попа Р. 84
 Попов А. 263
 Попов Б. С. 156
 Попова А. А. 77, 124
 Попова О. С. 337, 338
 Порфиридов Н. Г. 123, 241, 310
 Похитонов Е. 319
 Примов Б. 262
 Приселков М. Д. 109, 112, 113, 120, 232
 Продолжатель Феофана 287, 288
 Продром *см.* Феодор Продром
 Прокл Диадох 137
 Прокопий, вождь восставших 216, 256
 Прокопий Кесарийский 55, 62, 63, 71, 76, 142, 149—151, 247, 300, 307, 311
 Прончатов Н. Ф. 243
 Протасьева Т. Н. 304
 Прохор с Городца 326
 Прохоров Г. М. 337
 Пруденций 149
 Псевдо-Дионисий Ареопagit 33, 137, 154, 295
 Псевдо-Дионисий Телль Махрский 75
 Псевдо-Дорофей 306
 Псевдо-Захария Митилеиский 75, 77, 111
 Псевдо-Маврикий 55, 62, 71, 76
 Псево-Продром 286
 Пселл *см.* Михаил Пселл
 Птолемен 51
 Пчелина Е. Г. 276, 310
 Пятыева Н. В. 236, 279
 Радойич Н. 252, 253
 Радциг С. И. 280
 Раймунд IV Тулузский 260
 Ранович А. Б. 81, 82
 Регель В. Э. 37
 Рейснер И. М. 266
 Ременников А. М. 78, 247, 256
 Ремондон Р. 170
 Рикман Э. А. 318
 Робер де Клари 259
 Рогинская А. Е. 71
 Родников Б. В. 263
 Роман I Лакапин 91, 154, 286, 315
 Роман II 320
 Роман Сладкопевец 281
 Романов Б. А. 123
 Рослановский Т. 258
 Россейкин Ф. М. 46, 71, 126, 159
 Ростислав, князь моравский 126
 Ростовцев М. И. 9
 Рублев Андрей 161, 326, 327, 337
 Руссэ П. 261, 262
 Рутенбург В. И. 214, 239
 Рыбаков Б. А. 74, 75, 109, 110, 120, 121, 129, 130, 236, 240, 241, 248
 Рэнсимен С. 261
 Рюриков Ю. 290
 Савва Освященный 304, 307
 Сальвиан 149
 Самвелян Х. 132
 Самодурова З. Г. 7, 306
 Самуил, болгарский царь 117
 Саркисян Г. Х. 199, 200, 207
 Сасаниды 59, 133, 140, 141
 Сахликис *см.* Стефан Сахликис
 Свенельд 232
 Свенцитский И. 48
 Свенцицкая И. С. 171, 175, 176
 Святослав Игоревич 21, 115, 116, 118, 304
 Себеос Багратуни 134, 307
 Севериан 306
 Седов В. В. 248, 249
 Седова М. В. 234
 Секиринский С. А. 237
 Сергеев В. С. 53, 82
 Сергеев М. Е. 82
 Сергей Решайнский 142
 Сильвестр Сиропул 147
 Симеон, суздальский поп 240
 Симеон Бетаршамский 143
 Симеон Болгарский 45, 250
 Симеон Логофет 287, 301
 Симеон Метафраст 112
 Симмах 149
 Симонид Кеосский 150
 Симоновская Л. В. 266
 Синесий Киренский 148, 149, 151, 169, 195, 196, 280, 282, 283
 Синицына Н. В. 243, 244
 * Сиротенко В. Т. 70—72, 78, 79, 130, 247
 Сказкин С. Д. 56, 88, 102, 258, 259
 Скилица *см.* Иоанн Скилица
 Скржинская Е. Ч. 52, 65, 129, 131, 143, 147, 214, 234, 236, 247, 254, 277, 298, 300, 308, 309
 Скрипиль М. О. 105
 Сибат Спарамет 228
 Сметанин В. А. 193, 194
 Смирнов В. Д. 31

- Смирнов Н. А. 105, 106
 Смирнов Я. И. 163
 Соколов И. И. 10, 13, 14, 24—27, 29
 Соколов К. Ф. 30
 Соколов Н. Н. 90
 Соколов Н. П. 9, 50, 93, 125, 144—147, 223, 257, 263—265
 Соколов П. 235
 Соколова И. В. 206, 314, 315, 320
 Соколова Т. М. 300
 Соколовский А. Х. 124
 Сокольская А. Н. 230
 Соловьев Л. Н. 199, 200
 Солодухо Ю. А. 60, 267
 Сорлен И. 50
 Софокл 37, 306
 Софья Палеолог 240
 Спасский И. Г. 234
 Сперанский М. Н. 34, 230
 Ставиский Б. Я. 276
 Старокадомская М. К. 214, 277
 Стасюлевич М. М. 107
 Стендер-Петерсен А. 241
 Степанов А. С. 104, 107
 Стефан Душан 252
 Стефан Сахликис 292
 Стефан Сурожский 111
 Стецкевич С. М. 251
 Стоклицкая-Терешкович В. В. 263, 264
 Стотза 63
 Страхов М. Н. 150
 Стрежелецкий С. Ф. 130
 Строева Л. В. 266
 Струве В. В. 42, 57, 59, 275
 Сукиасян А. Г. 135
 Сулейман I 270
 Суров Е. Г. 208
 Суханов Арсений 304
 Сфрандзи *см.* Георгий Сфрандзи
 Сымонович Э. А. 234
 Сыркин А. Я. 283—285, 298
 Сычев Н. П. 329
 Сююмов М. Я. 53—55, 67—70, 79—81, 85—88, 96—100, 111, 148, 151, 166, 167, 169—172, 176—183, 188, 189, 191, 198, 199, 201—205, 212, 213, 216, 223, 257, 263, 284, 288, 298, 342
 Талис Д. Л. 206—208, 236, 277, 278, 312
 Тамара, грузинская царица 317
 Тарасова И. П. 175
 Таубеншлаг Р. 178
 Тацит 151
 Тверитинова А. С. 103, 104, 224, 269, 270
 Теодорих 168, 255, 256
 Тивериадский Л. С. 111
 Тимофей Элур 306
 Тимур (Тамерлан) 276
 Тиханова М. А. 277, 311
 Тихомиров М. Н. 7, 45, 109—111, 115, 119—123, 125, 229, 234, 236—240, 297, 301, 302, 304, 308, 327
 Товмасян Н. Р. 228
 Токарский Н. М. 135
 Тотила 64, 217
 Трапш М. М. 272, 312
 Траян 71
 Тревер К. В. 132, 135, 196, 275
 Третьяков П. Н. 74, 75, 124, 248
 Тронский И. М. 280
 Туманян Э. Г. 136
 Удальцов А. Д. 74
 Удальцова З. В. 9, 12, 24, 43, 46—48, 50, 54, 56, 58, 63, 64, 70, 77, 78, 81, 82, 88, 90, 94, 96, 102, 103, 105, 121, 124, 126, 129, 131, 147, 150, 157, 158, 165—170, 172—175, 178, 179, 190, 200, 202, 212, 216, 217, 225—227, 242, 244—246, 253—257, 280, 281, 292, 338
 Умняков И. И. 277
 Уот Тайлер 250
 Урушадзе А. В. 137
 Успенский К. Н. 11, 87, 184
 Успенский Порфирий 37
 Успенский Ф. И. 9—24, 26—28, 38, 43, 45, 46, 65, 91, 127, 263
 Фавстос Бузанд (Павтос Бузандаци, Фауст Византийский) 134, 307
 Фармаковский Б. В. 302
 Федор, епископ суздальский 234, 235
 Феленковская И. В. 155, 298—300
 Феодор, деспот Мистры 213
 Феодор Дафнопат 38, 288
 Феодор Продром 281, 286, 287, 290
 Феодор Студит 112
 Феодорит 301
 Феодосий I 318
 Феодосий II 227
 Феокрит 150
 Феофан, византийский хронист 55, 62, 66, 153, 296
 Феофан Грек 160, 325—327, 337
 Феофан Исповедник 38
 Феофано Музалон 233, 310
 Феофил, император 152, 284
 Феофилакт, патриарх 154
 Феофилакт Симокатта 55, 71, 76, 151, 270, 296—298
 Феофоб 276
 Филин Ф. П. 121, 249
 Филон Александрийский 306
 Фихман И. Ф. 42, 52, 166, 169, 171, 208—211, 267
 Флавио Бьондо 157
 Фогель М. 306
 Фогт А. 13
 Фока 55, 64, 66, 67
 Фоки, род 288
 Фома Арцруни 285
 Фома Палеолог 240
 Фома Славянин 12, 30, 85, 88, 91, 153, 221
 Фоякич Б. Л. 306
 Фортинский Ф. Я. 263
 Фотий, константинопольский патриарх 13, 33, 126, 154, 219, 257, 300

- Фотий, московский митрополит 239
 Франчес Э. 167, 251, 262
 Франческо Филельфо 157
 Фрейденберг М. М. 92, 93, 145, 176, 178, 183—187, 214, 223, 252, 258, 264
 Фролова Н. А. 321
 Фролова С. В. 230
 Фроянов И. Я. 176
- Халкокондил *см.* Лаоник Халкокондил
 Хальга 231, 232
 Харанис П. 260—262
 Хачикян Л. С. 134, 135, 299, 307
 Хвостова К. В. 71 124, 183, 190—193, 247, 250, 253
 Хонигман Э. 126
 Хорошкевич А. Л. 241
 Хосрой I Ануширван 60, 141
 Храпченков В. Ф. 90, 222
 Хренов И. А. 124, 247
 Хрисохир 284, 286
- Цанкова-Петкова Г. 222
 Церетели Г. В. 272
 Церетели Г. Ф. 36, 137, 274
 Цимирик 15
 Цыбышев 76
- Чайковская О. Г. 257, 258, 264
 Чаленко Ж. 334
 Чалоян В. К. 133, 275, 296
 Черепнин Л. В. 109, 110, 121, 240
 Чернов А. В. 305
 Черноусов Е. А. 14, 27, 28, 38
 Чернышевский Н. Г. 107
 Чиколини Л. С. 77
 Чиперис А. М. 100, 214, 277
 Чистякова Е. В. 231
 Чичагов В. К. 230
 Чкония Т. А. 272
 Чубинашвили Г. Н. 138, 334, 335
 Чудиновских Э. И. 213, 214
 Чураков М. 267
 Чхетия Ш. 273
- Шавонн Э. 270
 Шангин М. А. 23, 36, 114, 118, 124, 127, 153, 154, 236
 Шандровская В. С. 157, 158, 267, 290, 291, 310
- Шанидзе А. 273
 Шаскольский И. П. 110, 113, 241
 Шаферова Л. А. 124, 250
 Шахматов А. А. 9, 108, 114, 116
 Шейнман М. М. 258
 Шелковников Б. А. 241, 274
 Шелов Д. Б. 279, 312, 321
 Шервашидзе Л. А. 199, 200
 Шерман И. Л. 231
 Шестаков С. П. 37, 127
 Шишкин В. А. 276
 Шмит Ф. И. 10, 11, 23, 24, 32, 34
 Шота Руставели 272
 Штаерман Е. М. 79—81, 170, 338
 Шусторович Э. М. 242
 Шушарин В. П. 111, 241
- Шапова Ю. Л. 242, 244
 Щепкина М. В. 304
- Энгельс Ф. 40, 336
- Юдикис Н. Х. 174
 Юзбашян К. Н. 89, 90, 135, 189, 217, 218, 220, 223, 257, 262, 264, 274, 275, 307
 Юлдашев М. Ю. 196
 Юлиан, император 271
 Юлиан Аскалонит 298
 Юрий Грек 240
 Юрий Кончакович 31
 Юстин I 67
 Юстиниан I 30, 44, 52, 62, 63, 99, 100, 131, 133, 143, 149, 150, 170, 171, 174, 175, 177, 225—227, 248, 255, 278, 311, 316, 317, 332
 Юшков С. В. 110, 120
- Якобсон А. Л. 127—131, 135, 200, 207, 208, 236, 237, 274, 277, 278, 310—312
 Яковенко П. А. 184
 Яковкин И. И. 28
 Якубовский А. Ю. 30, 31, 266
 Янин В. Л. 233, 234, 310
 Янош Гуниади 105
 Янош Турочи 347
 Янсенс И. 65, 67
 Ярослав Владимирович Мудрый 112, 161, 233, 244, 327, 328
 Ясинский А. Н. 263
 Яхъя Антиохийский 116

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть первая	
Возникновение марксистской византиноведческой науки в нашей стране. Преодоление консервативных традиций русского дореволюционного византиноведения (1917 г.—конец 30-х годов)	9
Часть вторая	
Становление советской византиноведческой науки и ее первые успехи (с середины 30-х до середины 50-х годов)	41
Глава первая.	
Создание и начало деятельности византиноведческих центров	41
Глава вторая.	
Изучение проблем социально-экономической истории Византии	49
Судьбы ранней Византии. Переход от рабовладельческого строя к феодальному	49
Народные движения в Восточной Римской империи в IV—VII вв.	61
Движение димов и борьба цирковых партий в Византии	65
Взаимоотношения Византии со славянами и другими варварскими народами в эпоху падения рабовладельческого строя	70
Дискуссия античников и византинистов о падении рабовладельческого строя в Римской империи	79
Социально-экономические отношения и классовая борьба в Византии VIII—XV вв. Аграрный строй Византийской империи	83
Проблемы истории византийского города	96
Падение Византии	101
Глава третья.	
Византия и ее соседи	108
Византия и Русь	108
Отношения Византии с южными и западными славянами	124
Византия и народы Крыма, Закавказья и Средней Азии	127
Византия и Восток	140
Византия и Запад	144
Глава четвертая.	
Византийская культура в трудах советских историков	148
	361

Часть третья

Советское византиноведение 1955—1967 гг.	165
Глава первая.	
Генезис феодализма в Византии	165
Аграрные отношения в VII—XV вв.	178
Глава вторая.	
Византийский город	195
Глава третья.	
История классовой борьбы	215
Глава четвертая.	
История государства и права	224
Глава пятая.	
Русско-византийские отношения	229
Глава шестая.	
Византия и славяне	247
Глава седьмая.	
Византия и Запад в системе международных отношений средневековья	253
Глава восьмая.	
Византия и Восток	266
Глава девятая.	
Экономические, политические и культурные связи Византии с народами Кавказа и Средней Азии	271
Глава десятая.	
Византия и Крым	277
Глава одиннадцатая.	
Византийская литература и проблемы источниковедения	279
Глава двенадцатая.	
Греческая палеография	300
Глава тринадцатая.	
Греческая эпиграфика и сфрагистика	308
Глава четырнадцатая.	
Археология и нумизматика	310
Глава пятнадцатая.	
Византийское искусство	321
Заключение	339
Список сокращений	348
Указатель имен	352

Удальцова Зинаида Владимировна
Советское византиноведение за 50 лет

Утверждено к печати Институтом истории АН СССР

Редактор М. А. Заборов

Редактор издательства Ф. Н. Арский

Художник Н. А. Седельников

Технические редакторы Л. А. Куприянова, Л. В. Каскова

Сдано в набор 30/V 1969 г.

Подписано к печати 6/X 1969 г.

Формат 70×100^{1/16}

Усл. печ. л. 29,35. Уч.-изд. л. 29,9. Тираж 1600 экз.

Т-13859. Изд. № 3478/69. Тип. зак. 2321

Цена 1 руб. 99 коп.

Издательство «Наука», Москва К-62,
Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
40	3 св.	выпустила	выступила
110	21 св.	1950	1956
122	11 св.	И. Е. Еремин	И. П. Еремин
131	25—26 св.	Херсонес»). — МИА, 1950;	Херсонес». — МИА, 1950);
160	24 св.	К. Вайцману	К. Вейцману
217	6 св.	Akhen	Akten
227	11 св.	Testschrift G. Dölger	Festschrift F. Dölger
242	1 св.	стр. 78	стр. 7—8
243	18—19 св.	«изременани»	«изременати»
253	18 св.	разрабатывались	слабо разрабатывались
253	21 св.	славянские	западнославянские
263	13 св.	русских специалистов	русских буржуазных специа- листов
266	13 св.	рукописей	рукописей Ленинграда

Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет